

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования

«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Кущева Марина Валерьевна

Образы Генриха I де Гиза в исторической культуре Франции XIX в.

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
профессор
Ростиславлева Наталья Васильевна

Москва 2024

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Генрих де Гиз во французской историографии конца XVIII – начала XX вв.	54
1.1. Особенности репрезентации Гражданских (религиозных) войн в изданиях источников и ее влияние на представления о герцоге де Гизе	54
1.2. Образы Генриха де Гиза в общих трудах по истории Франции и об эпохе Гражданских войн	67
1.3. Репрезентация личности Генриха де Гиза в биографических исследованиях	110
Глава 2. Образ главы Католической лиги в справочной и учебной литературе	142
2.1. Статьи о Генрихе де Гизе в словарях и энциклопедиях XIX в.	142
2.2. Герцог де Гиз в школьных учебниках XIX – начала XX вв.	147
Глава 3. Художественное прочтение образа герцога де Гиза	155
3.1. Генрих де Гиз на театральных подмостках.....	155
3.2. Герцог де Гиз – герой исторических романов	207
3.3. Визуализация образа: Генрих де Гиз в живописи, гравюре, киноискусстве и музейных экспозициях	234
Заключение	277
Список источников и литературы	280
Приложения.....	313
Приложение 1. Генрих де Гиз: биографический очерк	313
Приложение 2. Сравнительная таблица образов Гражданских войн и Генриха де Гиза во французских и российских учебниках 1850–1914 гг.....	358
Приложение 3. Особенности репрезентации образа Генриха де Гиза в театральных пьесах конца XVIII – XIX в. (сравнительная таблица)	361
Приложение 4. «Генрих де Гиз в раннем кинематографе» (список фильмов 1897–1914 гг.).....	363
Приложение 5. Иконография Генриха де Гиза XIX – начала XX вв.	364

Введение

Актуальность темы исследования. Историческая культура в последние годы все чаще становится объектом научной рефлексии. Появление данного направления исследований было предопределено целым рядом факторов, прежде всего интеллектуальным и мемориальным поворотом современного гуманитарного знания. Многие специалисты отмечают, что «современная историографическая ситуация создала условия для появления исследовательского поля, связанного с *историей исторической культуры*»¹. В круг интересов историков попадают вопросы познания и конструирования образов прошлого посредством не только исторических трудов, но и художественных произведений, а также музейных экспозиций². В связи с этим последнее время говорят о «визуальном» или «перформативном повороте» в гуманитарном знании³. Кроме того, актуальным объектом изучения становятся школьные учебники как выразители определённых представлений, медиаторы исторической политики и ценностной ориентации общества⁴.

Формирование образов прошлого и превращение их в культурно-исторические символы является одной из актуальных научных проблем, изучаемых в рамках исторической культуры⁵.

---

¹ Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. С. 5.

² *Гилен П.* Музеехронотопы: репрезентация прошлого в музеях // Художественный журнал. № 98. 2016. Электронная версия. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/31/article/556> (дата обращения: 04.01.2022); *Иващенко Т. С.* Перспективы репрезентации истории в экранных медиа // Вестник ЮГУ. 2017. № 1–2 (44); *Чернышева М. А.* Новый исторический нарратив в живописи XIX в. // Актуальные Проблемы Теории и Истории Искусства: Сб. Науч. Статей. Вып. 8. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018; *Bann S.* The Inventions of History: Essays on the Representation of the Past. Manchester: Manchester University Press, 1990; *Ferro M.* Cinéma et Histoire. Paris: Folio histoire, 1977.

³ *Александрова Н. В.* Стивен Бенн «Одежды Клио» – к вопросу о перформативном повороте в исторической науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 127–129.

⁴ *Гладышев А. В.* Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов. Под ред. А. В. Гладышева. Вып. 2. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 2010. С. 30–60; *Lecuir J.* Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective, UER de didactique des disciplines, Université de Paris 7. Berne: P. Lang, 1984. P. 217–225.

⁵ *Ищенко А. С.* Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Антей, 2014; *Крылов П. В.* Образ Жанны д'Арк в сознании ее современников: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб., 2001; *Лушицкая С. И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетей, 2001; *Шенк Ф. Б.* Александр Невский в русской культурной памяти. М.: НЛО, 2007; *Riasanovsky N.* The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. N.Y., 1985.

Осмысление этого феномена обладает огромным эвристическим потенциалом, поскольку «такой исследовательский ракурс позволяет не только воссоздать темпоральную картину мира, характерную для определённого периода развития культуры, но и более глубоко осмыслить ее ценностные, нормативные, идеологические и иные параметры»⁶. Изучение образов исторических личностей и событий помогает проанализировать логику развития науки и человеческой культуры вообще, траекторию формирования коллективной памяти и влияние политических интересов на представления о прошлом.

Особую актуальность для исследователей феномена исторической культуры представляет период так называемого «долгого XIX века», от Французской революции конца XVIII в. до Первой мировой войны, поскольку в эту эпоху рождается образ истории, который оказался влиятельным и притягательным даже для современного человека, несмотря на попытки некоторых специалистов развенчать порождённые им мифы и стереотипы. Происходившие в это время социокультурные и политические процессы способствовали усилению интереса к прошлому и появлению новых форм его репрезентации, практически неизвестных ранее. Кроме того, именно в XIX в. началось формирование элементов массовой культуры и развитие системы массового образования. Политика памяти, активно проводимая в том числе во Франции, сделала историю востребованной на политическом уровне и актуализировала многие темы национального прошлого. Поэтому исследуемый период может быть интересен для изучения процесса формирования образов прошлого не только в историографии, но и в художественном творчестве, публицистике, школьных учебниках, музейных экспозициях и других формах репрезентации прошлого.

Изучение образов Генриха (Анри) I Лотарингского, третьего герцога де Гиза (1549–1588) актуально в контексте современных попыток демифологизации истории. Память о Гражданских (религиозных) войнах во Франции XVI в. сама превратилась в поле конфликта на протяжении многих веков, повлияв на их осмысление в исторической культуре. Исследование процесса конструирования образа одной из центральных и символических фигур этого противостояния должно способствовать переоценке некоторых представлений о прошлом, которые продолжают господствовать в исторической культуре современного общества.

Актуальность предлагаемой работы связана не только с интересом к изучению исторической культуры в современном гуманитарном знании, но и с возросшим вниманием к исследованию социальных конфликтов. Рост напряженности в современном мире ставит

---

⁶ Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве. Дисс. ...уч. степ. докт. культурологии. Челябинск, 2018.

на повестку дня необходимость более глубокого осмысления столкновений на религиозной почве. Экуменизм и межцерковный диалог невозможен без обращения к истокам этих конфликтов и их дальнейшей интерпретации в исторической культуре.

Терминология. В данной работе термин «историческая культура» используется в широком смысле как *совокупность разнообразных форм обращения общества к своему прошлому и методов его репрезентации на научном и обыденном уровнях, включая особенности конструирования исторических образов в социокультурном и политическом контексте*. Однако необходимо отметить, что, несмотря на огромный интерес к исследованию исторической культуры, многие вопросы, связанные с сущностью и статусом этого понятия, продолжают оставаться дискуссионными. Множественность дефиниций позволяет употреблять его в различных контекстах и для характеристики самых разных явлений.

В отечественной и зарубежной науке зарождение концепта «историческая культура» связано с появлением феномена *memory studies*. Во Франции одним из первых широко использовал этот термин представитель школы «Анналов» Бернар Гене. В классическом труде «История и историческая культура на средневековом Западе»⁷, первое издание которого вышло в 1980 г., автор не дал сколько-нибудь точного определения данному явлению. Однако можно сказать, что под исторической культурой он понимал интеллектуальные традиции историописания, включая ценностные ориентации, потребности и интересы, которыми руководствовались авторы трудов, их заказчики и читатели, или, выражаясь метафорически, «пространство встречи человека, создающего образ прошлого и его аудитории, истории и общества, прошлого и настоящего»⁸.

Неоценимый вклад в разработку данного концепта внес Йорн Рюзен в 90-е гг. XX в. Сам немецкий историк считает, что для его исследований в сфере исторической дидактики историческая культура является ведущей категорией и неотъемлемым элементом философии истории⁹. Это область знаний, включающая все способы и формы репрезентации прошлого,

---

⁷ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. Баевской Е. В., Береговской Э. М. М.: Языки славянской культуры, 2002 (Aubier Montaigne, 1980).

⁸ Быстрова Ю.М., Кирюшкина В.В. «Историческая память» и «историческая культура»: соотношение понятий в современной науке // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия: материалы международной научно-практической конференции «Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия», Саратов, 10–11 ноября 2021 г. СПб: Скифия-принт, 2022. С. 18–25.

⁹ Линченко А. А. Мыслить историю разумно. Интервью с Йорном Рюзеном // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 352.

актуализированные настоящим. По его мнению, ближе всего по смыслу этот термин к используемому в американской науке концепту «публичная история». Хотя он считает, что понятие «историческая культура» шире и богаче, этот феномен является скорее объектом философского исследования и даже «частью повседневной жизни всех людей во всем мире»¹⁰. Й. Рюзен выделяет три сферы культурной практики: когнитивную, эстетическую и политическую, воплощающие три измерения концепта «смысл истории»: содержательное, формальное и функциональное¹¹.

Британский историк Даниэль Вульф трактует понятие «историческая культура» столь же широко, утверждая, что она выражается как в текстах разного вида о прошлом, так и в общепринятых формах поведения, включая «привычные способы мышления, языков и средств коммуникации, модели социального согласия, которые включают элитарные и народные, нарративные и не-нарративные типы дискурса»¹².

Современные отечественные историки в целом согласны с подобной интерпретацией этого понятия. Одна из ведущих российских исследовательниц данного явления Лорина Петровна Репина настаивает, что историческую культуру необходимо рассматривать как «целостный феномен» и новый объект исследований, появление которого связано с изменением статуса, образа и функций исторической науки в обществе¹³. Проанализировав различные точки зрения, она приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к его изучению, основанного на синтезе социокультурной и интеллектуальной истории, внимании к разным практикам обращения к прошлому, формам его репрезентации и использования, поскольку историческая культура включает в себя обыденные и научные представления о прошлом, она формируется во взаимодействии элитарного исторического сознания и коллективной памяти. Этой особенностью определяется и характер источников для ее изучения: «обширный и разнородный материал исторических сочинений, публицистической и художественной

---

¹⁰ Линченко А. А. Указ. соч. С. 357.

¹¹ Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М., 2001. С. 14; Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. №4-1.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-istoricheskogo-soznaniya-v-filosofii-i-teorii-istorii-yorna-ryuzena> (дата обращения: 27.06.2024).

¹² Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford, 2003. P. 9.

¹³ История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. Отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2006. С. 5–18.

литературы, документов частного и публичного характера, который так или иначе отражает социальное бытование представлений о прошлом в элитарной и народной культуре и их роль в общественной жизни и политической ориентации индивидов и групп...»¹⁴

Авторы специального терминологического словаря рассматривают историческую культуру, с одной стороны, как «понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным», а с другой, как ту часть культуры, «которая связана со временем как сущностным элементом человеческой жизни», изучение которого предполагает «анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ»¹⁵.

Марина Станиславовна Бобкова, как и многие другие исследователи, считает, что историческая культура является предельно широкой категорией: «Она включает в себя многоуровневый процесс формирования в обществе представлений о своем прошлом, реконструкцию образа прошлого, которая предопределяется социальной актуализацией исторических событий и их осмыслением в рамках заданной во времени и пространстве современности исторической и культурной парадигмой»¹⁶.

Использование в данной работе понятия «образ» связано с признанием того, что представления о прошлом в ту или иную эпоху возникают при попытках интерпретировать историческую реальность, опираясь на определенные стратегии. С философской точки зрения образ – это «результат реконструкции объекта в сознании человека»¹⁷. Он является структурно сходным с объектами реальности, но не совпадающим с ними, поскольку связан с интерпретацией и репрезентацией действительности. Образ исторического персонажа, как и исторического события, является неизбежным результатом субъективного восприятия реальности.

Образы прошлого являются важной частью исторической культуры, поскольку они являются социальными конструктами, в которых находят отражение представления об исторической реальности в различных социумах. По словам Уильяма Дж. Т. Митчелла: «Образ – это то, что возникает в изображении и переживает его разрушение – в памяти, нарративе,

---

¹⁴ Событие и время в европейской исторической культуре... С. 8.

¹⁵ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. Т. 1. С. 169.

¹⁶ История и память: историческая культура Европы... С. 455.

¹⁷ Новая философская энциклопедия: В 4 томах. Ред. совет: Степин В. С., Гусейнов А. А., Семигин Г. Ю., Огурцов А. П. и др. М.: Мысль, 2010. Т. III. С. 128.

копиях и следах на других носителях»¹⁸. Признавая, что под этим названием в языке функционирует необъятный круг явлений, Митчелл предлагает выделять графические, оптические, перцептуальные, ментальные и вербальные виды образов. В историческом исследовании мы имеем дело с графическими (визуальными) и вербальными (описательными и метафоричными) образами.

Согласно теории Франка Р. Анкерсмита, образ прошлого конструируется высказываниями в нарративе, т. е. в лингвистической структуре, функционирующей по определенным правилам. Таким образом, создание образа прошлого является определенной стратегией, складывающейся под влиянием отдельных частей нарратива¹⁹.

Каждый исторический образ вмещает в себя разные культурные смыслы. В классическом понимании образ является воплощением художественной культуры, способом ее бытия. Но образы истории в той же мере воплощают культуру историческую, которая может транслироваться через искусство или современные социальные сети, так же как через историописание, школьные учебники или справочники. Образ является одним из тех символов, которые, по мнению Михаила Абрамовича Барга, «служат в повседневном обиходе онтологическим (ответ на вопрос: что это?) и функциональным (ответ на вопрос: как и зачем это?) объяснением, способом выражения знаний о мире и человеке в нем»²⁰. Кроме того, образы способны трансформироваться в культурно-исторические символы эпохи в рамках определенной исторической культуры, поскольку в конструировании образов выражается потребность людей в наделении значением явлений окружающего мира, включая исторические явления.

Исходя из всего вышесказанного, комплексный анализ образов события или персонажа, их разнообразия, множественности интерпретаций и значений является необходимой частью изучения исторической культуры любого общества.

Степень научной разработанности темы. Несмотря на то, что образы Генриха I де Гиза во французской исторической культуре XIX в. никогда не становились объектом специального исследования, существует ряд отечественных и зарубежных работ, в которых раскрываются отдельные аспекты представленного сюжета.

Вся литература, касающаяся данной темы, для удобства обзора может быть разбита на две категории. *В первую группу* вошли статьи и монографии, посвященные развитию представлений о Гражданских войнах во Франции и о герцоге Генрихе де Гизе в научной литературе XIX в.

---

¹⁸ Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 10.

¹⁹ Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. С. 31–34.

²⁰ Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. С. 4.

Отечественные исследования историографии Гражданских войн во Франции появляются только во второй половине XX в. Даже наиболее крупные дореволюционные и ранние советские историки ограничивались в своих трудах по истории Католической лиги и Религиозных войн только упоминанием того, что эти события слабо изучены, а то и «совершенно неизвестны» как в отечественной, так и в зарубежной историографии²¹. Работы русских и советских специалистов по интересующей нас теме вплоть до 50-х гг. XX в. носили характер общих обзоров творчества наиболее заметных представителей французской исторической науки XIX в. Из них интерес представляет статья выдающегося отечественного историка Владимира Ивановича Герье²², в которой он называет Ж. Мишле главным «мифотворцем» французской истории, благодаря творчеству которого складывались и поддерживались многие легенды. Вклад историографии XIX в. в мифологизацию прошлого только спустя многие годы после этого вывода стал предметом исследования отечественных и зарубежных специалистов.

В советской исторической науке особый акцент делался на политической ангажированности французской историографии XIX в. Первый труд, непосредственно затрагивающий интересующие нас сюжеты, был написан только в середине XX в. в обстановке начавшейся холодной войны. В монографии Михаила Антоновича Алпатова «Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века»²³ философско-исторические взгляды исследователей объяснялись классовыми различиями и связанными с этим социально-политическими интересами. Однако советский историк высоко оценивал прогрессивный потенциал трудов Ж. Мишле и считал его одним из самых влиятельных историков XIX в., фактически «создателем» французской истории. Одним из выводов исследователя, заслуживающим внимания, является мысль о том, что опасения буржуазных историков перед любым проявлением народного недовольства, наложили отпечаток на их интерпретацию любых массовых движений. Хотя он приводит в пример взгляды Мишле на Французскую революцию, эту идею можно применить в отношении его оценки Католической лиги. Эту мысль Алпатова подхватили отечественные специалисты уже в конце XX – начале XXI вв.²⁴

---

²¹ Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Опыт истории демократического движения во Франции второй половины 16 века (по неизданным источникам). Т. 1. Киев: Университетская типография, 1877.

²² Герье В. И. Народник во французской историографии. Жизнь и сочинения Мишле // Вестник Европы. 1896. Ч. 1 (март). С. 94–139.

²³ Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М., Л.: АН СССР, 1949.

²⁴ Уваров П. Ю. Борьба тенденций в новейшей историографии Католической лиги конца XVI в. // Средние века. Вып. 51. М.: Наука, 1988; Он же. История, историки и историческая память во Франции // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: НЛО, 2015. С. 33–61.

Начиная с 1950-х гг. появляются комплексные исследования творчества историков, представителей разнообразных школ и направлений. Это позволяло более полно представить картину развития французской исторической науки и эволюцию в изучении отдельных тем, в частности Гражданских войн во Франции. В трудах Бориса Георгиевича Реизова, одного из крупнейших отечественных литературоведов и переводчиков, активно разрабатывалась тема влияния французского романтизма не только на художественную литературу, но и на изучение прошлого. Его монография об эволюции французской романтической историографии и ее основных представителях ²⁵ является, пожалуй, единственным в отечественной науке масштабным исследованием данной темы. Несомненно, советский ученый, для которого практически невозможен был выход за рамки марксистского понимания законов развития общества, рассматривал изучаемый период как «буржуазный», значение которого он видел в борьбе с феодальной реакцией. Однако это не уменьшает значение его труда, в котором была предпринята замечательная попытка не только анализа и систематизации различных направлений романтической историографии 1815–1830 гг., но и общая, довольно смелая оценка этого периода, его существенных черт и значения для понимания прошлого. Помимо таких крупных фигур, писавших об истории Религиозных войн во Франции, как Ж. Мишле, советский исследователь уделяет внимание «мелким историкам», которые трудились «в тени больших мастеров». Среди них особенно интересны портреты ученых, о которых идет речь в представленной диссертации: Ж.-Б.-О.-Р. Капфига (Капефига), которого Реизов считал монархистом, отвергавшего возможность разумного вмешательства в эволюционное развитие общества²⁶, а также Л.-К. де Бопуаля, графа де Сент-Олера, либерала, видевшего в восстаниях прошлого предтечу современных переворотов, вызванных нарушением нормального развития государства в соответствии с исторически сложившимися законами²⁷. Главными достоинствами романтической историографии Реизов считал сосредоточенность на жизни народа, новое понимание роли личности в истории и идею эволюции, противопоставленную «метафизическому» мышлению XVIII в. К сожалению, советский исследователь не анализирует в своем труде произведения, посвященные интересующим нас темам: Религиозным войнам, Дню баррикад и Католической лиге, считая их малозначимыми для понимания идей представленных авторов. Однако его оценка романтической историографии и творчества ее представителей дает

---

²⁵ Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. М., 1956.

²⁶ Там же. С. 481–488.

²⁷ Там же. С. 492–496.

возможность приблизиться к пониманию интерпретации образа Генриха де Гиза в работах некоторых французских историков XIX в.

Важным этапом в изучении историографии истории Франции в отечественной науке стал сборник статей одного из крупнейших советских исследователей Виктора Моисеевича Далина «Историки Франции XIX–XX веков»²⁸. Первая статья в нем посвящена ученым эпохи Реставрации, в частности Ж. Мишле. Восторгаясь глубиной и свободолюбием французского исследователя, Далин упрекает его в отсутствии внимания к классовой борьбе, что, по его мнению, было «сильнейшей стороной» историков периода Реставрации²⁹.

В конце 1980-х гг. в *отечественной* науке возник небывалый интерес к изучению не только истории исторической науки на Западе, который наблюдался в нашей стране и ранее, но также к осмыслению самого процесса конструирования образов отдельных событий и явлений прошлого в исторической культуре разных эпох. Это было связано как с ослаблением идеологического давления в науке и открывшимися возможностями изучения разнообразных исторических феноменов, так и с влиянием современных тенденций развития исторического знания. Некоторая часть российских исследований, вышедших в конце XX – начале XXI вв., непосредственно была посвящена актуальной проблеме различных интерпретаций событий, связанных с деятельностью Генриха де Гиза, особенно таких дискуссионных как Варфоломеевская ночь или история Католической лиги. Анализируя возникновение той или иной концепции, авторы неизменно обращаются к XIX в. Павел Юрьевич Уваров в своей статье о современных подходах к исследованию истории Лиги говорит о господстве в западной культуре определенного архетипа, который он называет «черной легендой» о Католической лиге, противопоставляя ей «розовую легенду» о ее противниках. Подобный подход, по мнению историка, укоренился в буржуазном сознании не в последнюю очередь благодаря авторам XIX в. Причину этого он видит как в неприятии учеными-позитивистами социальных катаклизмов, так и в том, что противники Лиги, «сторонники законности и веротерпимости», «считаются прародителями буржуазного либерализма» и «обладают огромным авторитетом для нынешнего буржуазного сознания»³⁰.

Спустя почти десятилетие после выхода этой статьи в Москве состоялся международный коллоквиум, а через несколько лет по его итогам был издан сборник статей, посвященный

---

²⁸ Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М.: «Наука», 1981.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Уваров П. Ю. Борьба тенденций... С. 181–182.

современным подходам в изучении Варфоломеевской ночи³¹. В одной из статей этого сборника П. Ю. Уваров, в продолжение высказанных им ранее идей, говорит о стереотипах общественного исторического сознания, влиянии на них исторической культуры XIX в. и их преодолении. Российский историк предлагает обратить внимание на то, насколько сильными оказались представления о Варфоломеевской ночи и Религиозных войнах вообще, сформировавшиеся в XIX в. Образ этого события закрепился в общественном сознании благодаря романам А. Дюма, а посредством многочисленных знаковых экранизаций продолжает влиять на его конструирование современными «творцами массового исторического сознания, которые продолжают питаться стереотипами полуторавековой давности»³².

О влиянии авторов XIX в. на репрезентацию этих событий и их героев писали в последние годы и другие отечественные историки³³. Все они считают необходимым сосредоточиться на изучении процесса конструирования образов прошлого в историографии и художественной культуре, что должно способствовать «деконструкции», разоблачению мифологем, возникших вокруг Религиозных войн и затрудняющих их современное осмысление.

В одной из своих статей П. Ю. Уваров, рассуждая о путях развития научного знания, пишет о неоднозначности значения исторической науки второй половины XIX в.: «Разоблачать мифы республиканской историографии — не особенно сложная, а приятная и в известной степени необходимая работа любого историка, занимающегося сейчас историей Франции. Но само по себе создание великой саги национальной истории было неопределимой заслугой Третьей республики»³⁴. Историк не случайно начинает рассуждение о судьбах и особенностях французской исторической науки с XIX в. Именно тогда, по его убеждению, после Французской революции, в эпоху романтизма, «французы осознали необходимость сохранения памяти нации»³⁵. Это стало отправной точкой для формирования особой исторической культуры эпохи, когда история становится «чрезвычайно популярным чтением»³⁶. Особый акцент он делает

---

³¹ Варфоломеевская ночь: события и споры. М.: РГГУ, 2001.

³² Уваров П. Ю. Новые версии старого преступления // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 7–18.

³³ Шишкин В. В. Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559–1574): (по материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге) / Корреспонденция кардинала Шарля Лотарингского (1555–1572) (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание автографов П.П. Дубровского) // Средние века. Вып. 76 (1-2). М.: «Наука», 2015. С. 222–248; Он же. Предисловие // Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы / Пер. Шишкин В.В. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2019. С. 5–40.

³⁴ Уваров П. Ю. История, историки и историческая память... С. 40.

³⁵ Там же. С. 34

³⁶ Там же.

на том, что различные политические силы активно использовали историю для аргументации своих идей. П. Ю. Уваров в целом согласен с другими авторами в том, что в этот период, когда «французы еще глубже осознали важность истории», в исторической культуре фактически происходит смена ориентиров: «она стала уже не столько аргументом в партийной борьбе, сколько средством обретения и укрепления национальной идентичности»³⁷. В этот период во Франции, как и в других странах Европы шла борьба за достижение историей статуса «настоящей науки». Пристальное внимание к историческим источникам, обучение методам работы с документальным наследием с целью «приращения научного знания» – все это характеризует историческую культуру XIX в. В отличие от многих предшествующих исследователей, П.Ю. Уваров с большой осторожностью использует термин «позитивистская историография», уточняя, что большинство историков не считали себя последователями метода О. Конта. Позитивизм проявлялся в попытке объективного сбора и анализа фактов, подтвержденных документами и «процедурами исторической критики»³⁸ в противовес спекулятивности и умозрительности. Несмотря на критику некоторых сторон французской историографии XIX в., российский исследователь высоко оценивает ее достижения, поскольку именно она заложила многие методологические принципы современного научного знания.

Последние годы особое внимание отечественных ученых привлекает творчество консервативных историков и писателей XIX в., прежде всего Ф. Р. де Шатобриана³⁹. Однако, отмечая огромный вклад этого мыслителя в литературный процесс, общественную мысль, утверждение романтического мирозерцания и влияние на мировую культуру в целом, исследователи обходят стороной его исторические взгляды.

Еще один историк Ренессанса и гражданских войн во Франции, неизменно вызывающий интерес у российских ученых – Ж. Мишле. Показательный пример – статья Александра Владимировича Гордона⁴⁰. Опираясь на тезис о том, что «творчество Мишле пришлось на время

---

³⁷ Уваров П. Ю. Указ. соч. С. 35.

³⁸ Там же.

³⁹ Казакова Г. Х. Мирозерцание Ф. Р. де Шатобриана в историческом контексте «междумирья» Просвещения и Романтизма // Вестник Пермского университета. История. № 2 (29). 2015. С. 58–64; Мухина Г. А. Шатобриан: революция и ностальгия по «старой монархии» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. №12. М., Кругъ, 2005 С. С. 307–329.

⁴⁰ Гордон А. В. Историзм Жюль Мишле // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 49–63.

смены и смешения различных типов историзма»⁴¹, исследователь делает вывод о созвучии его идей тому, «что получило название «антропологического поворота» в исторической науке»⁴².

Влияние умеренных либеральных идей и политических событий на историков XIX в. раскрывается в статье Игоря Владиславовича Игнатченко на примере карьеры одного из ученых и министров просвещения Жана Виктора Дюрюи⁴³, который являлся автором учебников и общих трудов по истории Франции. Хотя основное внимание в статье уделено политической деятельности историка, автор показывает, как противостояние между либералами, демократами и католиками-консерваторами оказывало влияние на интеллектуальную жизнь французского общества и успех образовательных реформ.

Таким образом, в отечественной исторической науке произошла некоторая переоценка значения французской «буржуазной» историографии. В последние годы в исследовательской литературе признается огромный вклад французских авторов XIX в. в развитие научного понимания Гражданских войн. Наряду с этим, специалисты отмечают роль этого периода в историческом мифотворчестве и формировании устойчивых стереотипов. Отечественные труды, непосредственно связанные с интерпретацией образа Генриха де Гиза в историографии XIX в., отсутствуют. Современная исследовательница образов представителей семьи Гизов Е. В. Шаповалова сосредоточила внимание исключительно на проблеме конструирования представлений о них в конце XVI в.⁴⁴

В *зарубежной историографии* историческая культура исследуемой эпохи стала предметом рефлексии достаточно рано. Некоторые авторы биографических работ о Генрихе де Гизе, такие как Л.-К. де Бопуаль де Сент-Олер и Ж. Рено, уже во второй половине XIX в. писали о том, что представление об этом персонаже, характерное для исторического сознания их эпохи, является результатом трехвекового конструирования его негативного образа в научной, полемической и художественной литературе⁴⁵.

---

⁴¹ Гордон А. В. Указ. соч. С. 49.

⁴² Там же. С. 63.

⁴³ Игнатченко И. В. Виктор Дюрюи - историк и либеральный министр Второй Империи во Франции // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 3-13.

⁴⁴ Шаповалова Е. В. Убийство братьев Гизов во французских источниках XVI в.: основные интерпретации / Е. В. Шаповалова // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2018. № 1. С. 47–65; Она же. Imitatio Christi в сюжете «Убийство братьев Гизов в Блуа» во французской политической гравюре XVI в. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 2. С. 132–156.

⁴⁵ Sainte-Aulaire L. C. B. de. Les derniers Valois, les Guise et Henri IV. Paris, 1854. P. 186; Renault M. J. Henri de Lorraine, Duc de Guise, (1550–1588) et Catherine de Clèves, comtesse d'Eu, (1548–1633), son épouse. Notes et souvenirs d'un voyage à Blois et à Eu. Nancy: G. Crépin-Leblond, 1878. P. 82–90.

Зарубежные историографические исследования первой половины XX вв., как и отечественные, шли в направлении изучения биографий и трудов наиболее влиятельных историков. Из авторов XIX в., которые способствовали формированию образа де Гиза, специальных монографий и статей удостоились Ф. Р. де Шатобриан⁴⁶, Ж. Мишле⁴⁷ и Л. Блан⁴⁸. Но и эти работы посвящены в основном анализу их политической деятельности и философских воззрений.

Систематическое изучение историографии Гражданских войн во Франции началось в зарубежной науке только во второй половине XX в. Всплеск интереса к исторической культуре XIX в. в современном исследовательском поле был в немалой степени спровоцирован «лингвистическим» и «визуальным» поворотами. Сначала Х. Уайт⁴⁹, а затем С. Бенн⁵⁰ фактически заново открыли этот период в развитии исторического знания, сделав его объектом своих философско-исторических построений. Изучая особенности повествования в сочинениях Ж. Мишле и других исследователей этого этапа, Уайт пришел к выводу о том, что несмотря на обретение историей статуса научной дисциплины, художественный аспект оставался в их трудах важным компонентом конструирования объектов прошлого. Не менее интересным представляется вывод Уайта о том, что в XIX в. «профессионализация истории имела определенный политический подтекст», ее теоретические положения были скорее идеологией «средних секторов социального спектра», представленных консерваторами и либералами⁵¹.

Монография С. Бенна с метафорическим названием «Одежды Клио»⁵² тоже была посвящена XIX в. и наследовала традицию изучения «исторического воображения» в Европе, начатую его предшественником. Значительным вкладом в исследование темы является анализ в рамках его оригинальной концепции творчества отдельных историков, писателей и художников, в частности, напрямую связанных с нашей темой⁵³. Изучая различные способы

---

⁴⁶ *Lemaître J. Châteaubriand*. P.: C. Lévy, [1912];

⁴⁷ *Halévy D. Jules Michelet*. P.: Hachette, 1928; *Monod G. La vie et la pensée de Jules Michelet*. P.: Champion, 1923.

⁴⁸ *Thernoff I. Louis Blanc*. Paris: Bellais, 1904.

⁴⁹ *White H. Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; London, 1973; Рус. пер.: *Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века* / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной и В. В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

⁵⁰ *Бенн С. Одежды Клио*. М.: Канон+, Реабилитация, 2011 (Cambridge University Press. 1984).

⁵¹ *Уайт Х.* Указ. соч. С. 168.

⁵² *Бенн С.* Указ. соч.

⁵³ *Bann S. Paul Delaroché*. Princeton University Press, 1997.

репрезентации прошлого, Бенн приходит к выводу об общих стратегиях его понимания, использования и поэтизации при всем разнообразии форм проявления исторической культуры.

В современной историографии особый интерес начинает вызывать историческое мифотворчество, возникшее вокруг отдельных событий и личностей. Классическая картина прошлого, нарисованная историками XIX в., подвергается сомнению и даже прямой атаке со стороны специалистов новой школы, однако сами стратегии конструирования исторических мифов становятся достойным предметом изучения. Одним из главных объектов рефлексии историков второй половины XX в. стал сложившийся в историографии образ Варфоломеевской ночи, участником которой был Генрих де Гиз. Во Франции проблему формирования представления об этом событии в условиях конфликта репрезентаций и дефицита источников поднял в 70-е гг. XX в. Анри Дюбьеф⁵⁴. Он выдвинул тезис о том, что различные интерпретации причин и последствий Варфоломеевской ночи раскрывают перед нами влияние идеологий и менталитетов, поскольку с конца XVIII в. политический, а не научный дискурс был основным в попытках осознать произошедшее. Интересным для нашей темы выводом Дюбьефа стало то, что как попытки оправдать королевскую власть и Екатерину Медичи монархическими историками, так и снять ответственность с народа демократически настроенными учеными, в равной степени вели к обвинению Гизов в организации заговора. Таким образом, размышления над путями формирования образа Варфоломеевской ночи заложило основу рефлексии над антигизаровскими мифами, которые активно поддерживались историками XIX в.

В современной научной биографии Генриха де Гиза французский историк Жан-Мари Констан, оправдывая необходимость своего труда, отмечает, что на протяжении многих веков «французская историческая традиция видела в герцоге де Гизе лицемера либо узурпатора, который хотел лишить французского короля трона»⁵⁵. Автор высказывает предположение, что причины формирования этих устойчивых представлений необходимо искать в особом политическом климате, возникшем после Реставрации. Несмотря на то что концепции роялистов и республиканцев были диаметрально противоположными, совместными усилиями писатели и историки первой половины столетия, придерживавшиеся различных убеждений, сделали из герцога весьма непривлекательного исторического персонажа. Будучи какое-то время популярным среди тех, кто не любил Республику, Империю и либерализм, герцог де Гиз одновременно был ненавидим республиканцами, которые усматривали в действиях Лиги

---

⁵⁴ *Dubief H.* L'historiographie de la Saint-Barthélemy // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français (1903–2015). Actes du Colloque l'amiral de Coligny et son temps (Paris, 24–28 octobre 1972). Paris, 1974.

⁵⁵ *Constant J.-M.* Les Guise. Paris: Hachette, 1984. P. 7.

проявления «католического мракобесия». Однако примерно с середины XIX в., по мнению Ж.-М. Констан, Гиз как будто исчезает из поля зрения историков, несмотря на три исследования, вышедших в период Второй республики и Империи, а также популярную художественную версию убийства герцога, представленной на суд публики в фильме 1908 г. Причину подобного невнимания Констан видит, прежде всего, в новой идеологии в области образования, которая стремилась закрепить демократические ценности и предоставить обществу модели политического поведения, которые служили примирению страны и величию нации. На фоне Генриха IV, который являлся для французов образцовым монархом, Гизы были не более чем мятежниками, стремящимися свергнуть законное правительство. Таким образом, герцог на протяжении XIX – начала XX вв. был примером, на котором «было полезно демонстрировать печальную участь, постигавшую честолюбцев и предателей»⁵⁶. Ж.-М. Констан отмечает, что именно в девятнадцатом столетии была выдвинута теория, что «дворянские кланы использовали религиозные разногласия лишь как предлог для устранения конкурентов и захвата ключевых постов в управлении государством с целью ограничить власть короля»⁵⁷. Генрих де Гиз в рамках этой классической теории выделялся одним из лидеров такого аристократического клана, которым руководило «стремление удовлетворить свои родовые и личные амбиции»⁵⁸. Подобное убеждение, вызванное дебатами между католиками и республиканцами в XIX в., глубоко укоренилось в исторической науке и общественном сознании. Однако, по мнению французского ученого, оно не отражает всей глубины конфликта, разгоревшегося во Франции и Европе XVI в.

Таким образом, монография Ж.-М. Констан стала важной вехой не только в современном переосмыслении биографии Генриха де Гиза, но и в переоценке достижений историографии XIX в., а также рефлексии по поводу образов герцога в исторической традиции в широком смысле, включая литературу и кино. Тем более что сам французский историк рассматривал фигуру герцога в тесной связи с особенностями политической и религиозной культуры, которая господствовала в XVI в., реальных задач и целей Лиги, положения дворянства и многих других контекстов. Не ставя своей задачей подвергнуть анализу успех замысла Ж.-М. Констан, хотелось бы отметить, что несмотря на начавшийся историографический поворот в освещении фигуры герцога де Гиза, намеченный в этой работе, его обзор предшествующей историографической традиции очень краткий и не столько решает проблему, сколько ставит перед историками новые задачи.

---

⁵⁶ Constant J.-M. Op. cit. P. 8.

⁵⁷ Ibid. P. 51.

⁵⁸ Ibid.

Современные зарубежные специалисты в своих статьях и монографиях все чаще обращаются к решающей роли исторической науки XIX в. в формировании определенного образа Гражданских войн во Франции и их участников. Можно утверждать, что это один из самых популярных и дискутируемых сюжетов⁵⁹. Современные историки нередко подвергают ревизии классические представления, сложившиеся в XVII–XIX вв.

О значительной роли исторической науки XIX в. в формировании современных взглядов на Религиозные войны говорит один из ведущих исследователей в этой области – Дени Крузе. В своей работе о Варфоломеевской ночи французский историк, объясняя читателям, чем его заинтересовало хорошо изученное событие, предлагает заново открыть «материалы дела», «которое больше всего привлекало и одновременно отталкивало историков-позитивистов XIX в.»⁶⁰, попытавшись избежать характерной для них тенденциозности. Опираясь на сопоставление фактов и свидетельств эпохи, Крузе ставит под сомнение многие мифы, укоренившиеся в традиционной историографии относительно активного участия Гизов в этих событиях. Уже упомянутый Ж.-М. Констан в монографии о Католической лиге приходит к похожему выводу о том, что в XIX – начале XX вв. авторами научной и художественной литературы старательно поддерживалось представление о том, что Лига была орудием амбициозных замыслов Гизов⁶¹. Констан призывает признать, что в XIX в. изучение истории этой организации само стало полем для борьбы республиканской историографии против религиозных ценностей, а историки были движимы политическими и идейными пристрастиями в этой битве.

На необходимости избавиться от стереотипов, внушенных классической историографией, настаивает и современный французский исследователь Ж.-Л. Буржон⁶². Правда, его собственная концепция Варфоломеевской ночи перекладывает часть обвинений на Гизов и на народ, однако интересна сама направленность разоблачительного пафоса многих историков, убежденных, что

---

⁵⁹ Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. СПб.: Евразия, 2002; Descimon R. Qui étaient les Seize? Mythes et réalités de la Ligue parisienne (1585–1594). Paris: Klincksieck, 1983; Garrisson J. La Saint-Barthélemy. Bruxelles: Édition complexe, 1987 (2000); Crouzet D. La nuit de la Saint-Barthélemy. Un rêve perdu de la Renaissance / Postface inédite. Paris: Fayard, 1994 (2012); Holt M. P. The French Wars of Religion, 1562–1629. New York: Cambridge University Press, 1995; Constant J.-M. La Ligue. Paris: Fayard, 1996; Jouanna A. La Saint-Barthélemy Les mystères d'un crime d'État (24 août 1572). Paris: Gallimard, 2007; Crouzet D. Dieu en ses royaumes. Une histoire des guerres de religion. Seyssel: Champ Vallon, 2008; Knecht R. J. The French civil wars, 1562–1598. Harlow: Longman, 2000; Diefendorf B. B. Blood wedding: the Saint Bartholomew's Day Massacre in history and memory. Boston: Boston University, 2006.

⁶⁰ Crouzet D. La nuit de la Saint-Barthélemy... P. 9–10.

⁶¹ Constant J.-M. La Ligue ... P. 9–10, 37.

⁶² Bourgeon J.-L. Charle IX et la Saint-Barthélemy. Genève, 1995. P. 29.

XIX в. способствовал рождению и закреплению мифологии вокруг Гражданских войн, Католической лиги и Гизов.

Как и многие авторы общих работ, посвященных развитию французской историографии XIX в., нидерландский специалист П. ден Бур подчеркивают прежде всего ее достижения⁶³. Показывая на примере творчества самых разных ученых влияние множества факторов на процесс конструирования национального прошлого, он приходит к выводу, что историки XIX в. были несправедливо оклеветаны как дилетанты по сравнению с пришедшими вслед за ними представителями школы «Анналов». Однако он не отрицает, что растущее влияние профессиональных историков и вовлеченность правительства в организацию исследований приводили к политизации исторической науки.

В 1990-х – начале 2000-х гг. было опубликовано несколько зарубежных работ, посвященных персонально тем исследователям, в трудах которых нашла отражение история Гражданских войн во Франции. Внимание специалистов традиционно приковано к наиболее крупным фигурам, например, дискуссии среди ученых по-прежнему вызывает творчество Ф. Р. де Шатобриана⁶⁴. Однако, как это ни странно, его исторические взгляды остались за бортом большинства исследований. Можно отметить единственную статью французского специалиста Ги Берже, в которой он размышляет о значении исторических произведений философа и причинах их низкой популярности⁶⁵. По мнению автора, его немногочисленные труды по истории написаны великолепным языком, но несколько вторичны с научной точки зрения. Заслуга Шатобриана как историка состоит в том влиянии, которое оказали его работы на французских писателей и художников. В частности, его сцены убийства Гиза были переработаны Г. Флобером и, вероятно, нашли отражение в живописи.

Работы Жюль Мишле – одного из самых влиятельных историков XIX в. также продолжают притягивать к себе внимание исследователей⁶⁶. О нем писали такие корифеи

---

⁶³ *Boer den P.* History as a Profession: The Study of History in France, 1818–1914. Princeton, 2014.

⁶⁴ *Dambermont B.* Chateaubriand, la plume et l'épée. Paris: la Société des écrivains, 2005; *Tapié V.-L.* Chateaubriand. Paris: Ed. du Seuil, 1990.

⁶⁵ *Berger G.* Chateaubriand face à l'histoire // Cahiers de l'Association internationale des études françaises, 1995. n°47. P. 283–303. Publication numérique. URL: https://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1995_num_47_1_1876 (дата обращения: 03.01.2021).

⁶⁶ *Hannoosh M.* Jules Michelet: writing art and history in nineteenth-century France. University Park: The Pennsylvania State University Presse, 2019; *Petitier P.* Jules Michelet: l'homme histoire. Paris: Grasset, 2006.

современной французской исторической науки как Люсьен Февр⁶⁷ и Пьер Нора⁶⁸. Практически все специалисты согласны с тем, что работы Мишле решающим образом повлияли на формирование исторической культуры общества. П. Нора даже назвал его «создателем французской истории», отмечая символическое значение его трудов⁶⁹. С подачи современных авторов этот выдающийся историк превратился в главного «мифотворца» XIX в., чьей несомненной «заслугой» было не только популяризация исторического знания и выведения народа на историческую арену, но и внедрение в массовое сознание стереотипов и клише.

Интересные наблюдения о формировании образа участников Гражданских войн во Франции можно подчерпнуть из биографических работ, посвященных крупнейшим фигурам прошлого, чьи судьбы были тесно связаны с деятельностью герцога де Гиза⁷⁰. Авторы новейших исследований убедительно демонстрируют, как некритически воспринятые источники XVI в., выходявшие часто из-под пера гугенотских апологетов, оказывали воздействие на восприятие этих событий романистами и другими популяризаторами истории в XIX в., особенно после 1815 г., когда возник настоящий культ Генриха IV, антагониста как Валуа, так и Гизов. С точки зрения британско-французского историка Р. Кнехта, увлечение историей Религиозных войн вылилось в развитие мифотворчества вокруг них и закрепление «черной легенды»⁷¹.

В последние годы исследователи все чаще затрагивают вопросы исторической политики, формирования коллективной памяти и влияния социокультурного контекста на историческое сознание эпохи. Одну из новейших монографий Давида Госсана об исторической культуре конца XVIII – первой половины XIX в.⁷² можно рассматривать как попытку переосмыслить развитие

---

⁶⁷ *Febvre L. Michelet, créateur de l'histoire de France. Cours au Collège de France, 1943–1944. Paris: la Librairie Vuibert, 2014.*

⁶⁸ *Nora P. Michelet, le grand incarnateur. Publication numérique. URL: <http://www.lefigaro.fr/livres/2008/03/06/03005-20080306ARTFIG00496-michelet-le-grand-incarnateur-.php> (дата обращения: 25.01.2022).*

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Клула И. Екатерина Медичи. Ростов-на Дону: «Феникс», 1997 (Fayard, 1979); Шевалье П. Генрих III: Шекспировский король. М.: "Терра", 1997 (Fayard, 1985); Шишкин В. В. Маргарита де Валуа. Путь к кровавой свадьбе // Варфоломеевская ночь. Событие и споры... С. 31–48; Фрида Л. Екатерина Медичи. Итальянская волчица на французском троне. М.: АСТ, 2014 (Harper Perennial, 2006); Solnon J.-F. Henri III: un désir de majesté. P.: Le Grand livre du mois, 2001; Garrisson J. Catherine de Médicis: L'impossible harmonie. P.: Payot, 2002; Bordonove G. Henri III: roi de France et de Pologne. Paris: Pygmalion, 2008; Pernot M. Henri III, le roi décrié. P.: Fallois, 2013; Knecht R. J. Catherine de' Medici. N.Y., 2014; Idem. Hero or tyrant? Henry III, King of France, 1574–89. Burlington: Ashgate, 2014.*

⁷¹ *Knecht R. J. Catherine de' Medici... P. 5–36; Кнехт Р. Екатерина Медичи: святая или грешница? // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 20–21.*

⁷² *Gaussen D. H. F. L'invention de histoire nationale en France (1789–1848). Marseille: Gaussen, 2015.*

национальной историографии того периода, когда была «изобретена» история Франции. Подчеркивая огромную публикаторскую, исследовательскую и публицистическую активность исторических сообществ и отдельных ученых в этот период, Д. Госсан разворачивает перед нами картину масштабного национального проекта по реконструкции прошлого. В круг его интересов попали не только крупные историки, которые, как традиционно считалось, были создателями французской историографии, но и малоизвестные, труды которых не менее репрезентативны для изучения особенностей исторической культуры. Автор фактически открывает заново историографию XIX в., показывая разнообразие подходов, направлений, школ и профессиональных ассоциаций, конкурирующих между собой на поле профессиональных исследований, издательской активности и влияния на умы французов. Решающую роль здесь сыграла Французская революция, которая актуализировала познание прошлого и придала ему высокий не только эпистемологический, но и политический статус. Д. Госсан также убежден, что значительная роль в распространении исторических идей и повышении статуса истории как науки принадлежала образованию.

Мы видим, что как российская, так и зарубежная литература последних десятилетий развивается в направлении рефлексии по отношению к предшествующей традиции. Авторы общих трудов о французской историографии XIX в. подчеркивают ее революционную роль в формировании научного знания о прошлом. Однако в современной науке сформировался критический взгляд на созданный ею образ Религиозных войн и их участников. Работы последних лет были сосредоточены на изучении исследовательских стратегий историков, взаимовлияния различных способов репрезентации прошлого, характерных для исследуемого периода, а также роли историографии XIX в. в конструировании исторической культуры XX–XXI вв. Несмотря на отсутствие специальных статей и монографий, посвященных формированию образа Генриха де Гиза в исторических трудах 1789–1914 гг., и небольшое количество работ об особенностях представлений о Гражданских войнах во Франции в целом, историки все чаще уделяют внимание этим проблемам в своих трудах.

Определенный интерес для нашей темы представляет изучение образа Гражданских войн во Франции в школьных учебниках. Существующие *отечественные* работы о репрезентации прошлого в учебной литературе не связаны с нашим сюжетом и представляют интерес скорее в методологическом плане.

Зарубежная литература на эту тему несколько богаче. Развитие исторического образования во Франции XIX в. привлекает внимание специалистов начиная с середины прошлого века. Большую роль в этом процессе сыграла основательная работа Поля Жербо, содержащая огромное количество фактов и заложившая основы изучения программ, методик и

школьных учебников истории⁷³. Более чем за полвека, прошедших с выхода этой монографии, вышло множество трудов, посвященных общему критическому обзору школьных учебников по истории⁷⁴, создана специальная методика их исследования⁷⁵, составлены различные списки и перечни учебной исторической литературы⁷⁶. Однако, как и в отечественной историографии, отсутствуют работы, в которых отдельное место было бы отведено анализу образа Гражданских войн, Католической лиги и Гизов в школьных учебниках и программах.

Во *вторую группу* можно выделить исследования, которые посвящены репрезентации Гражданских войн во Франции и конструированию образа де Гиза во французской художественной культуре 1789–1914 гг. Существует всего несколько работ, авторы которых непосредственно анализируют образ герцога в литературных, драматических, живописных и кинопроизведениях. Однако исторические представления, характерные для эпохи и отдельных авторов, выраженные в художественных произведениях, а также особенности репрезентации в них событий прошлого нашли отражение в многочисленных исследованиях. Для удобства обзора мы разделили всю литературу по этой теме в соответствии с видами искусств.

Одним из первых *отечественных* исследователей французской художественной литературы XIX в. был Дмитрий Дмитриевич Обломиевский. В своей монографии «Французский романтизм»⁷⁷ он исходил из того, что исторические представления французских романтиков были связаны с либерализмом как идейным течением. Однако, по его мнению, эта связь не была столь однозначной. Либералы постепенно завоевывали власть в стране и их главной задачей становилась борьба с консервативными тенденциями. Одновременно они пытались отыскать корни новой Франции в ее историческом прошлом. В борьбе в «антиисторичным» романтизмом консервативной шатобриановской школы рождается их пристальный интерес к историческим фактам и деталям. С другой стороны, либералы вели, по его мнению, осторожную борьбу с романтическими тенденциями, первое время даже сблизившись с ним. Именно этим, в частности, он объяснял особенности образа Генриха де Гиза в пьесах французского драматурга Луи Вите. Герой его произведений выходит за рамки чисто психологического конфликта на поле значительных исторических свершений, строя

⁷³ Gerbod P. La place de l'histoire dans l'enseignement secondaire de 1802 à 1880 // L'information historique. 1965. № 3.

⁷⁴ Citron S. Comment enseigner l'histoire aujourd'hui? P., 1984; Choppin A. Les manuels scolaires: histoire et actualité. P., 1992; Le manuel scolaire, la littérature de jeunesse: journées d'études n1. Reims, 2000.

⁷⁵ Manuels scolaires et Révolution française. Colloque de Créteil, 7 juin 1989. Val de Marne, 1989.

⁷⁶ Emmanuelle: banque de données informatisées sur les manuels scolaires français de la Révolution à nos jours / Ministère de l'éducation nationale, Institut national de recherche pédagogique, Service d'histoire de l'éducation. P., 1982.

⁷⁷ Обломиевский Д. Д. Французский романтизм. М.: ОГИЗ, 1947.

собственный путь и вмешиваясь в судьбы других людей. Обломиевский считал, что трилогия «Лига» французского драматурга может считаться одним программных произведений либералов. Герцог де Гиз в ней – типичный герой, воплощавший историческую концепцию либерализма, который «выступает в драме лидером исторического будущего, представителем исторически-прогрессивных сил»⁷⁸. Гиз у Вите показан практиком и расчетливым политиком, поэтому в определенном смысле противоположен образам романтических героев. Он не одинокий бунтарь, противопоставляющий себя всему миру и обстоятельствам. Он опирается на своих сторонников, партию и народ. А его гибель – трагическая случайность.

Борис Георгиевич Реизов в своих многочисленных статьях и монографиях о французском романизме показал связь идейных и художественных концепций эпохи с особенностями литературной и театральной жизни общества, а также их влияние на исторические взгляды некоторых авторов⁷⁹. Б. Г. Реизов уделял внимание не только крупным фигурам, но и менее заметным, среди которых было множество авторов забытых сегодня произведений о периоде Гражданских войн. Общая негативная оценка Реставрации и монархии Луи-Филиппа Орлеанского оказала влияние на восприятие творчества историков и писателей в трудах советского исследователя, разделения их на реакционных и прогрессивных. Однако Реизов, наряду с другими выдающимися советскими учеными, смог сделать замечательные открытия. Обращаясь к творчеству Проспера Мериме, он подробно анализирует связь политической обстановки в эпоху Реставрации с проблематикой ранних произведений писателя. Поскольку Мериме, как и многие другие писатели и драматурги первой половины XIX в., придерживался либеральных взглядов, он, по мнению исследователя, ненавидел все, связанное с новым режимом: «религиозное ханжество, монархические восторги, возрождение аристократических предрассудков»⁸⁰. Именно идейное противостояние с новым порядком подсказало Мериме тему Варфоломеевской ночи, которую он воплотил в одном из своих самых известных произведений – «Хроника времен Карла IX». Политический кризис 1827 г., противостояние власти и оппозиции, монархистов и клерикалов, слухи о готовящемся избиении «еретиков»-либералов, выступления ораторов против «придворной камарильи», «святош и безумцев», в руках которых

---

⁷⁸ Обломиевский Д. Д. Указ. соч. С. 160.

⁷⁹ Реизов Б. Г. Французская романтическая драма // История и теория литературы. Сборник статей. Ленинград: «Наука», 1986. С. 16–44; Он же. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Гослитиздат, 1958; Он же. Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период Первой империи. Л., 1962; Он же. Шекспир и эстетика французского романтизма: («Жизнь Шекспира» Ф. Гизо) // Шекспир в мировой литературе. Л.: Художественная литература, 1964. С. 157–197; Он же. Французский роман XIX века. М.: Высшая школа, 1977.

⁸⁰ Реизов Б. Г. Французский исторический роман ... С. 353.

якобы находится король, не могло не вызывать ассоциации с Варфоломеевской ночью, которая «вставала мрачным признаком на фоне всех этих опасений и ожиданий»⁸¹. Либералы видели в ней результат католического фанатизма и королевского произвола, «типичный акт монархического и религиозного мракобесия», «один из самых убедительных и наглядных аргументов против “старого режима”»⁸².

Итак, мы видим, что отечественные авторы XIX–XX вв. всячески подчеркивали связь популярности Гражданских войн в художественной литературе XIX в. с актуальными событиями, делая упор на политическом звучании этой темы в эпоху продолжавшейся борьбы за либерализацию и демократизацию общества. Именно с этим, а также с особенностью романтических представлений о прошлом они связывали характерные черты образа Генриха де Гиза во французской литературе XIX в.

В *зарубежном* литературоведении существует множество работ, которые посвящены французской исторической романистике и драматургии XIX в., а также романтизму как художественному течению⁸³. В силу огромного количества подобных исследований мы остановимся только на работах последних десятилетий, в которых анализируется образ Генриха де Гиза. Именно во второй половине XX в. на смену обобщающим трудам по истории литературы и драматургии XIX в. приходят узкоспециальные статьи, сосредоточенные на анализе переосмысления Гражданских войн XVI в. в эпоху революций и империй. Например, конструирование образа Варфоломеевской ночи как кровавой национальной драмы, интерпретация этого сюжета разными авторами, причины его популярности в конце XVIII – первой трети XIX вв., связь этого феномена с политической и даже экономической ситуацией в стране прекрасно показаны в статье Клода Дюше⁸⁴. Недостаток информации и излишняя политизированность данной темы, по мнению автора, породили ошибки и схематичность в его интерпретации писателями в период после Французской революции XVIII в.

---

⁸¹ Реузов Б. Г. Указ. соч. С. 354.

⁸² Там же.

⁸³ Наиболее значительные работы: *Bernard C.* Le Passé recomposé. Le roman historique du XIX s. P.: Ed. Hachette Supérieur, 1996; *Gengembre G.* Le roman historique. Paris: Klincksieck, 2006; *Krulic B.* Fascination du roman historique: Intrigues, héros et femmes fatales. Paris: Ed. Autrement, 2007; *Marsan J.* La bataille romantique: première, deuxième séries. 1813–1857. Slatkin, 2001; *Michel N.* Anthologie du roman populaire 1836–1918 / N. Michel. Paris: UGE, 1985; *Muret T.* L'Histoire par le théâtre, 1789–1851. Paris, 1865; *Nettement A.* Histoire de la littérature française sous la restauration. Paris, 1853; *Scherer E.* Études sur la littérature contemporaine. T. 3. Paris: Lévy, 1885.

⁸⁴ *Duchet C.* La Saint-Barthélemy: de la "scène historique" au drame romantique // Revue d'histoire littéraire de la France. 73e année, № 5 (Sep.–Oct., 1973). Presses Universitaires de France. P. 845–851.

Сюжеты, связанные с формированием образа Генриха де Гиза в романах и пьесах становятся предметом специального изучения историков и филологов только ближе к концу XX в. Начало было положено небольшими статьями, вошедшими в сборник, подготовленный к выставке, приуроченной к 400-летию убийства Генриха де Гиза⁸⁵. На экспозиции это событие было представлено сквозь призму исторической культуры разных эпох. В небольшом обзоре литературы XIX–XX вв., Элизабет Блутстен-Латремольер сравнивает сцену убийства герцога в нескольких ключевых произведениях, в том числе драматических⁸⁶. Центральная идея ее статьи состоит в том, что писатели и драматурги XIX–XX вв. вслед за историками способствовали конструированию мифа об убийстве Генриха де Гиза. Созданный ими сценарий и образы основных действующих лиц прочно вошли в массовое сознание.

Проблема формирования образов Генриха де Гиза в художественной литературе поднимается и в научном докладе Дональда Стоуна, одного из крупнейших американских специалистов по французскому Ренессансу⁸⁷. Однако романы и драматургия XIX в. автором практически не рассматриваются.

Еще одним сюжетом художественных произведений, привлекавшим специалистов в конце XX в., был другой важный эпизод из биографии Гиза – День баррикад 12 мая 1588 г. Показательным является colloquium, который был организован в Париже 1995 г. Он завершился выходом сборника с интригующим названием «Баррикады»⁸⁸. Рассматривая феномен баррикад в историческом, политическом, литературном, драматическом и иных контекстах, авторы исходят из их особого символического значения. Для нашей темы интересным является исследование Жан-Клода Иона⁸⁹, которое сосредоточено на идейном участии театральных пьес в подготовке Революции 1830 г., а также обратной реакции драматургов, создавших исторические образы под влиянием актуальных событий. Автор статьи придает решающее

---

⁸⁵ La tragédie de Blois. Quatre siècles de polémique autour de l'assassinat du duc de Guise: Chateau de Blois. 17 decembre 1988 – 19 fevrier 1989. Ville de Blois, Conservation du château et des musées. [1988].

⁸⁶ *Blutsteine-Latremolière E.* Le thème de l'assassinat du duc de Guise dans la littérature des XIXe et XXe siècle // La tragedie de Blois ... P. 227–229.

⁸⁷ *Stone D.* Le duc de Guise: personnage littéraire // Le mécénat et l'influence des Guises [Texte imprimé]: actes du colloque organisé par le Centre de recherche sur la littérature de la Renaissance de l'Université de Reims et tenu à Joinville du 31 mai au 4 juin 1994. Paris: H. Champion, 1997. P. 557–565.

⁸⁸ La Barricade. Act du colloque organisé les 17, 18 et 19 mai 1995 par Le Centre de recherché Histoire du XIXe siècle et la Société d'histoire de la revolution de 1848 et des revolutions du XIXe siècle. Paris: Publications de la Sorbonne, 1997.

⁸⁹ *Yon J.-C.* La revolution de 1830 au theater ou le triomphe de la Barricade imprimée // La Barricad. Act du colloque ... P. 85–96.

значение политическому контексту в актуализации событий конца Гражданских войн для французов XIX в.

В начале XXI в. новое развитие получает проблема репрезентации Варфоломеевской ночи в художественной литературе. Ксавье Даркос, рассуждая об образе религиозных войн в «Хронике царствования Карла IX», утверждает, что атеист Мериме не был сторонником религиозного обновления⁹⁰. Как и многих авторов XIX в., Гражданские войны интересовали его с точки зрения их уникальности для понимания национальной истории. Однако протестантская точка зрения ему, как и многим интеллектуалам XIX в., воспитанным на произведениях Вольтера, была намного ближе. Именно этим можно объяснить его негативное отношение к католическому лагерю и его лидерам, а также представителям династии Валуа.

Ли Хонг в статье об образе Варфоломеевской ночи у П. Мериме⁹¹ также предпринимает попытку проанализировать восприятие и конструирование этого события писателем. Исследователь обращает внимание на то, что концепция французского писателя, наряду с характерными для XIX в. особенностями, отличалась оригинальностью и исторической глубиной. Это касается и образа Генриха де Гиза, с которого Мериме фактически снимал значительную часть ответственности за резню, налагаемой на него другими авторами, как писателями, так и историками.

Один из самых подробных анализов французской драматургии первой половины XIX в. представлен в статье Мишеля Отрана⁹². Весьма критически оценивая художественные достоинства пьес Л. Вите, в которых Генрих де Гиз являлся одним из ведущих персонажей, он не отрицает, что они знаменовали собой новый тип написания истории средствами драматургии. Однако автор делает вывод, что героико-романтические образы герцога Гиза, фигурирующие в пьесах Вите и некоторых других драматургов, не были успешны у зрителя.

Попытку по-новому взглянуть на образ герцога в знаменитой романтической пьесе Дюма «Генрих III и его двор» демонстрирует Даниэль Мера в статье, исследующей роль гендерных

---

⁹⁰ *Darcos M. X. Mérimée et l'histoire // Académie française. Séance du lundi 17 janvier 2005. Publication numérique. URL: <http://www.academie-francaise.fr/merimee-et-lhistoire> (дата обращения: 31.01.2022).*

⁹¹ *Hong L. Le massacre de la Saint-Barthélemy vu par Prosper Mérimée // 『프랑스문화연구』 제 19집 2009. P. 158. Publication numérique. URL: <http://docplayer.fr/36661784-Le-massacre-de-la-saint-barthelemy-vu-par-prosper-merimee.html> (дата обращения: 31.01.2022).*

⁹² *Autrand M. Sur la légende du drame romantique // Revue d'Histoire littéraire de la France, octobre–décembre 2008, 108e Année, № 4. Presses Universitaires de France. P. 821–847.*

стереотипов в описании и поведении персонажей⁹³. По его мнению, герцог де Гиз в пьесе воплощает определенный тип маскулинности. Это подчеркивается его решительными жестами, одеждой, речью и поведенческой моделью. Его нарочитая мужественность противопоставляется стилю одежды, поведению, речи и короля, и его окружения. Образ герцога рождается в оппозиции к образу монарха, чем подчеркивается неизбежность их конфликта.

Главным проектом Д. Мера стала монография «Романтический Ренессанс», в которой он размышляет об особой роли XVI в. в конструировании идентичности XIX в.⁹⁴ Исследователь называет эпоху романтизма «веком Гиза и Валуа», придавая особое значение увлечению писателей, историков и художников эпохой Религиозных войн. Противоречивый образ Ренессанса, выстроенный в борьбе «прогрессивного» и «реакционного» прочтения истории, по его мнению, играл роль «двойного зеркала», к которому XIX в. обращался в попытках собственной рефлексии на происходившие события: Революцию, Империю, Реставрацию и июльский переворот.

Флоренс Фикс анализирует рецепцию этих исторических сюжетов во французской драматургии первой половины XIX в., используя метод дискурсивного исторического и литературного анализа текста. На примере наиболее характерных и популярных пьес Ренуара и Вите, а также либретто оперы Онслоу она доказывает, что «Блуа» - город и королевский замок, где произошло убийство герцога де Гиза, становится в культуре XIX в. неким символическим местом, театральной декорацией, объединяющей три типа повествования и использования исторического материала. «Регистры понимания» этого исторического события во многом диктуются жанром, выбранным авторами: трагедия, исторические сцены или лирическая драма⁹⁵. Романтическая трагедия эксплуатирует сюжет политического соперничества с последующим убийством герцога, в некоторых случаях – и монарха, народного бунта и институционального разрыва, связанного с борьбой вокруг вакантного трона, тогда как в «исторических сценах»

---

⁹³ *Maira D.* Masculinités insuffisantes au pouvoir: Henri III et sa cour d'Alexandre Dumas // *Masculinités en révolution de Rousseau à Balzac*. Saint-Étienne: Université de Saint-Étienne, 2013. P. 347–367. Publication numérique. URL: https://www.academia.edu/14387214/Masculinit%C3%A9s_insuffisantes_au_pouvoir_Henri_III_et_sa_cour_dAlexandre_Dumas (дата обращения: 21.11.2020).

⁹⁴ *Maira D.* Renaissance romantique: mises en fiction du XVIe siècle (1814–1848). Genève: Droz, 2018.

⁹⁵ *Fix F.* «Encore des barricades»? Les États de Blois au théâtre (1810–1837) // *Le Lys recomposé*. La représentation des pouvoirs sous l'Ancien Régime dans la littérature fictionnelle du XIXe siècle (1800–1850), Actes du colloque organisé à l'Université de Rouen en mars 2018, publiés par Laurent Angard, Guillaume Cousin, et Blandine Poirier.

(c) Publications numériques du CÉRÉdI, "Actes de colloques et journées d'étude (ISSN 1775–4054)", n° 22, 2019.

URL: <http://ceredi.labos.univ-rouen.fr/public/?encore-des-barricades-les-etats-de.html> (дата обращения: 14.11.2020).

внимание сосредоточено на гибели братьев Гизов в Блуа как на известном историческом случае (анекдоте). Однако сложность понимания этих текстов для историка, по ее мнению, состоит в том, что авторы «не всегда отдают предпочтение одной из трех парадигм»⁹⁶. Кроме того, представления о, казалось бы, простом историческом факте включает в себя различные интерпретации его смысла, связанного с ценностями Старого порядка и актуализированного современным политическим дискурсом Империи, Реставрации и Революции 1830 г.

Итак, практически все исследователи согласны с тем, что такие ключевые исторические сюжеты, как День баррикад, Генеральные Штаты 1588 г. и гибель герцога де Гиза содержали, с одной стороны, определенный романтический потенциал, с другой, актуализировались современными событиями, поэтому были востребованы авторами в эпоху Реставрации. Современные ученые не ограничиваются поверхностным анализом художественных образов герцога. Исследовательские стратегии XX–XXI вв. включают методы, связанные с междисциплинарным подходом, поэтому функции того или иного историко-литературного явления интерпретируются комплексно с точки зрения художественных, социальных, политических, религиозных и других процессов. В последние годы акценты переместились на изучение символического поля исторической культуры XIX в. и влияния осмысления религиозных войн на формирование особых контекстов новой эпохи. Однако можно констатировать, что, несмотря на интерес в современной науке к различным формам конструирования коллективной памяти и репрезентации истории, роль художественной литературы в формировании образа герцога де Гиза пока слабо раскрыта.

Остановливаясь на проблеме изучения визуальных образов Генриха де Гиза в *изобразительном искусстве XIX в.*, необходимо отметить, что долгое время историческая живопись этого периода считалась «второсортной», не стоящей внимания исследователей⁹⁷. Многие художники были практически забыты. Их имена возвращены публике в последней трети XX – начале XXI вв., а изучение их творчества только начинается. Помимо общих трудов по истории изобразительного искусства, в которых освещается развитие исторической живописи в 1789–1914 гг.⁹⁸, существует несколько работ о художниках, в творчестве которых нашли отражение интересующие нас сюжеты.

---

⁹⁶ *Fix F.* Op. cit.

⁹⁷ *Руопель К.* Реабилитация презренного жанра. Французская историческая живопись XIX века распускает павлиний хвост // The art newspaper Russia. 21.07.2015. Электрон. версия. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/1898> (дата обращения: 12.12.2020).

⁹⁸ *Стасов В. В.* Искусство XIX века // Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 3. М.: Искусство, 1952. С. 485–755; *Sérié P.* La peinture d'histoire en France (1867–1900): La lyre ou le poignard. [Paris]: Arthéna, 2014.

К французской исторической живописи XIX в. последние годы проявляют интерес некоторые *отечественные* исследователи. В статье, посвященной особому «историческому жанру» (*genre historique*), Мария Александровна Чернышова призывает не смешивать его с собственно исторической живописью, господствовавшей в искусстве классицизма. Появившись как альтернатива последнему, *genre historique* являлся, по ее мнению, «генератором новой визуально-психологической художественной концепции, захватывающей беспрецедентно широкий круг зрителей»⁹⁹. Его можно рассматривать как зеркало нового исторического сознания. Одним из родоначальников этого направления и ее величайшим представителем был П. Деларош, автор многих известных полотен, среди которых – «Убийство герцога де Гиза». Успех его живописи, как и других картин подобного жанра, был связан, по утверждению исследовательницы, как с процессом демократизации искусства и понятности «сюжетных» картин для простого зрителя, так и с правительственными наградами, свидетельствовавшими о том, что «исторический жанр» переплетался с политическими процессами утверждения умеренного монархического правления. В статьях, посвященных непосредственно творчеству Делароша как одного из самых ярких представителей новой школы живописи¹⁰⁰, Чернышова рассматривает его творчество в тесной связи с логикой развития исторического нарратива в ту эпоху, оценивая его подход к репрезентации сюжетов прошлого как новаторский.

Иллюстрированная монография Е. Д. Федотовой про П. Делароша¹⁰¹ представляет читателю картину жизни и творчества французского живописца, а также краткую историю создания его отдельных картин. Этот труд, не претендуя на новую интерпретацию творчества художника, сыгравшего самую заметную роль в конструировании визуального образа убийства Гиза, демонстрирует скорее повышенное внимание, которое последние годы можно наблюдать в отношении творчества Делароша.

Современные российские исследователи проявляют особый интерес к такому малоизученному, но характерному для конца XIX – начала XX в. визуальному источнику, как открытки. Хотя специальных работ отечественных специалистов о французских открытках

---

⁹⁹ Чернышева М. «Genre historique» во французском искусстве первой половины XIX века. К определению исторической картины нового типа // Искусствознание. 2017. № 3–4. С. 112–135.

¹⁰⁰ Чернышева М. А. Новый исторический нарратив в живописи XIX века // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Сборник научных статей. Вып. 8. СПб., Изд-во СПбГУ, 2018. С. 140–148. Она же. Ренессансные сюжеты в исторической живописи XIX в. Композиции Поля Делароша из собрания Анатолия Демидова // Актуальные проблемы теории и истории искусства: Тезисы докладов VI Международной конференции. Москва, 27–31 октября 2015 г. СПб.: СПбГУ, 2015. С. 169–170.

¹⁰¹ Федотова Е. Д. Поль Деларош. М.: Воскресный день, Белый город, 2017.

не существует, большой интерес представляют работы Александра Сергеевича Медякова, в которых он анализирует информационный потенциал и социальные функции этого вида источников, использование в них различных образов, в том числе исторических¹⁰².

Зарубежные работы представлены трудами об эволюции исторического жанра в XIX в., исследованиями творчества художников, иллюстрировавших отдельные эпизоды жизни герцога де Гиза, а также несколькими небольшими статьями, авторы которых размышляют над причинами популярности одного из интересующих нас исторических сюжетов – убийства герцога – во французской академической живописи. Например, хранитель музейной коллекции замка в г. Блуа М. Тиссье де Малере в предисловии к сборнику, приуроченного к 400-летию гибели Гиза, делает акцент на особой роли XIX в. в репрезентации политических убийств в живописи и художественной культуре в целом. По его мнению, мода на эту тему стала ведущей причиной того, что гибели герцога было посвящено так много произведений. В попытках объяснить особенности формирования образа этого события в 1830–1840 гг. Тиссье де Малере обращается к политическому контексту, связанному с революцией и приходом к власти новой династии: «Гиз предстает жертвой королевского абсолютизма и тем самым оправдывает либеральную монархию Луи-Филиппа»¹⁰³. Мишель Обер в статье, посвященной образам этого убийства в живописи XIX – начала XX вв.¹⁰⁴, в целом соглашается с этой точкой зрения. Кроме того, он считает, что важную роль в популяризации этого сюжета и обращении к нему живописцев сыграло развитие историописания в XVII–XVIII вв., заложившего основы изучения царствования последних Валуа, а также труды историков XIX в., делавших акцент на актуальном политическом звучании темы.

Один из главных специалистов в области изучения исторической культуры и форм репрезентации прошлого, британский исследователь Стивен Бенн, посвятил главу своего программного произведения и отдельную монографию Полю Деларошу¹⁰⁵. Ученый убежден, что визуальная форма репрезентации играла огромную роль в воссоздании прошлого в XIX в. Творчество Делароша, по его оценке, было очень симптоматичным для своего времени и оказало глубокое влияние на современников, отразив важнейшие тенденции в развитии исторического

---

¹⁰² Медяков А. С. Открытка рубежа XIX–XX вв. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. Т. 67. С. 146–162.

¹⁰³ Tissier de Mallerais H. Avant-propos // La tragedie de Blois... P. 8.

¹⁰⁴ Aubert M. Assassinat des duc et cardinal de Guise: iconographie du XIXe et début XXe siècles // La tragedie de Blois... P. 185–226.

¹⁰⁵ Бенн С. Одежды Клио... С. 159–166; Bann S. Paul Delaroche: History Painted. London: Reaktion, 1997.

сознания. Сквозь призму живописи Делароша С. Бенн «пытался осмыслить визуализацию отдаленного прошлого как социальный и эстетический феномен»¹⁰⁶.

Особо стоит отметить знаковый труд французского искусствоведа Пьера Серье, защитившего в 2008 г. в Сорбонне диссертацию, в которой он исследует пути развития исторической живописи в 1867–1900 гг.¹⁰⁷ Вопреки расхожему убеждению, этот жанр развивался во второй половине XIX в. как никогда динамично. П. Серье исследует живопись не только с точки зрения искусствоведа, он объясняет ее особенности эволюцией исторической культуры данного периода, показывая, с одной стороны, влияние на нее мемуаров, исторических трудов и литературных произведений, которые подпитывали интерес к теме, а с другой – демонстрируя, что сами живописные полотна наряду с литературными произведениями способствовали формированию образа исторических событий. Популярность Религиозный войн в живописи Серье объясняет не только влиянием историографии и источников на художников, но и интересом публики «к жестоким интригам и политико-религиозным союзам»¹⁰⁸. Если к этому добавить успех изображения кровавых убийств в исторической живописи, то становится понятным, почему гибель герцога де Гиза оставалась во второй половине XIX в. одним из самых популярных сюжетов. Особенности визуального представления этих образов, по мнению исследователя, нужно искать как в распространении антиклерикализма и ценностей толерантности, оказавших влияние на формирование позитивного образа протестантов и негативного – католиков, так и в политической необходимости поддержки Наполеона III и оправдания прихода к власти новой династии. Религиозные войны, которые в политической плоскости включали борьбу за престол и смену династии как итог гражданского противостояния, подходили как нельзя лучше для этой цели.

Исследование французской исторической живописи продолжила Ориан Эбер в диссертации, посвященной периоду «либеральной империи» Наполеона III¹⁰⁹. Делая особый акцент на тесной связи между политикой и стратегией репрезентации событий национального прошлого в искусстве 1860–1870 гг., Эбер, кроме того, обращает внимание на то, что

---

¹⁰⁶ Бенн С. Указ. соч. С. 51.

¹⁰⁷ *Sérié P.* La peinture d'histoire en France (1867–1900). Thèse de doctorat en Histoire de l'art. Soutenue en 2008 à Paris 4, dans le cadre de École doctorale Histoire de l'art et archéologie. 2 vol., 2008; *Sérié P.* La peinture d'histoire en France, 1860–1900. La lyre ou le poignard. Paris: Arthéna, 2014.

¹⁰⁸ *Sérié P.* La peinture d'histoire en France. 1e vol., P. 203.

¹⁰⁹ *Hébert O.* La peinture d'Histoire en France sous le Second Empire libéral (1860–1870). Histoire. Université Blaise Pascal – Clermont-Ferrand II, 2016. Publication numérique. Publication numérique. URL: <https://theses.hal.science/tel-01674242v2/document> (дата обращения: 26.02.2021).

в изображении Религиозных войн во французской живописи всего XIX в. было заметно влияние протестантизма, который активно развивался во Франции в это время. Многие художники принадлежали к реформированной церкви, другие были антиклерикалами, что способствовало формированию определенной концепции в изображении событий шестнадцатого столетия.

Художественные фильмы являются предметом интереса специалистов в качестве источника исследования исторической культуры начиная со второй половины XX в. При этом Марк Ферро писал, что хотя кино в современную эпоху выступает важным фактором истории, «фильмы до сих пор игнорируются большинством историков XX века»¹¹⁰. В частности, достаточно редко игровое кино становится источником для изучения исторической культуры. Однако в последние годы и в этой области произошел некоторый прорыв. Образы исторических деятелей, событий и эпох в кинематографе постепенно становятся объектом исследований не только искусствоведов¹¹¹.

В *отечественной историографии* кинообразы Генриха де Гиза никогда не становились объектом комплексного анализа историков. Однако знаменитый немой фильм 1908 г. «Убийство герцога де Гиза» является одним из центральных объектов исследования в сборнике лекций отечественного публициста, писателя и сценариста Камилла Спартаковича Ахметова¹¹². Он сравнивает постановку сцен в этом кинопроизведении с живописными полотнами XIX в. и представлением об этом убийстве, которое сформировалось в массовом сознании. Интересен его анализ образа Генриха де Гиза, а также исторических деталей, которые позволяют зрителю почувствовать свою сопричастность этой трагедии. К. Ахметов делает акцент на отсутствии объяснения истоков противостояния короля и герцога в фильме, поскольку «предполагается, что о притязаниях Гиза на французский трон зрителям должно быть хорошо известно, кому из истории, кому из “Графини де Монсоро”»¹¹³. Без этого контекста на основании исключительно

---

¹¹⁰ Сокращенный перевод: Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 48.

¹¹¹ Сагаачева В. М. Проблема репрезентации исторического лица на примере фильма Жака Риветта «Жанна Дева» // Артикульт. 2014. 15(3). С. 39–44; Трофимов Е. А. Игровой фильм как исторический источник (на примере изучения кинодокументов по истории алжирского кризиса 1954–1962 гг.) // История и архивы. 2011. №18 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoy-film-kak-istoricheskiy-istochnik-na-primere-izucheniya-kinodokumentov-po-istorii-alzhirskogo-krizisa-1954-1962-gg-1> (дата обращения: 08.12.2022); Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: НЛЮ, 2007 (Глава «Экранизация Александра (1938)»).

¹¹² Ахметов К. С. Кино как универсальный язык. Лекции о кинематографе. М.: АСТ, 2019. С. 47–59.

¹¹³ Там же. С. 56.

сцен фильма ясен только общий посыл, управляющая идея авторов: «самоуверенность и самодовольство обрекают на поражение самых выдающихся людей»¹¹⁴.

Существует несколько *зарубежных* работ по истории кино, в которых анализируются интересующие нас киноленты. Бурное развитие французского и европейского кинематографа после Второй мировой войны породило интерес к его истории. В эти годы выходит знаменитый труд историка и искусствоведа, руководителя Французской фильмотеки и профессора Института кино Жоржа Садуля «Всеобщая история кино»¹¹⁵, в котором можно найти интересные сведения, связанные с созданием многих ранних исторических фильмов.

Однако попытка проанализировать экранные образы герцога была предпринята только в уже упомянутом сборнике 1988 года. Э. Блютстен-Латремольер в небольшой статье, посвященной репрезентации убийства герцога в кино и комиксах, упоминает некоторые ранние экранизации этой истории, отмечая их связь с живописными полотнами, которыми часто вдохновлялись режиссеры¹¹⁶. Она высказывает справедливое мнение, что сюжет фильмов способствовал закреплению мифологии, характерной для литературных произведений.

Среди зарубежных работ можно так же выделить обзоры кинопродукции конца XIX – начала XX вв. Например, в каталоге студии братьев Пате¹¹⁷, одного из крупнейших кинопроизводственных объединений, существующих до сих пор, представлены сюжеты фильмов, вышедших в интересующий нас период. Таким образом, авторы предоставили нам возможность оценить популярность фильмов о Гражданских войнах во Франции, а также познакомиться с кратким содержанием кинолент, некоторые из которых являются труднодоступными или утраченными. Некоторые обзоры содержат элементы анализа, что позволяет составить некоторое представление об особенностях репрезентации образа де Гиза в этих картинах.

Помимо подобных каталогов, существуют сайты кинокомпаний и авторские страницы, которые содержат элементы анализа наиболее знаковых картин. Заметным вкладом в изучение данного жанра является «Энциклопедия исторического кино» Эрве Дюмона¹¹⁸. На нем можно

---

¹¹⁴ Ахметов К. С. Указ. соч. С. 56.

¹¹⁵ Садуль Ж. Всеобщая история кино. Том 1–3. Москва: Искусство, 1958.

¹¹⁶ *Blutsteine-Latrémoière E.* Le thème de l'assassinat du duc de Guise dans le film et la bande dessinée // La tragedie de Blois ... P. 239–240.

¹¹⁷ *Bousquet H.* Catalogue Pathé des années 1896 à 1914. Bures-sur-Yvette: Editions Henri Bousquet, 1994–2004.

¹¹⁸ Cinéma & Histoire / Histoire & Cinéma: site. URL: <http://www.hervedumont.ch/page.php?id=fr4> (дата обращения: 17.08.2023).

найти как технические данные, так и синопсис большинства ранних фильмов, эксплуатирующих сюжеты французской истории XVI в.

В своей монографии об историческом кинематографе Э. Дюмон, следуя за современными исследовательскими стратегиями, рассматривает кино как пространство «легендарной иконографии», воплощающей популярные темы в соответствии со вкусами и запросами современной публики. Сюжеты кино в его интерпретации, как и многих других искусств, оторваны от реального исторического материала и обретают собственную жизнь в историческом воображении публики. Кино и сериалы побуждают нас воспринимать историю в большей степени не как научный объект, а как объект культуры, память народов, раскрываемую аудиовизуальными средствами. Отмечая особенности и причины притягательности исторического кино, Дюмон говорит о том, что «сокрытие общеисторических контекстов дает крылья воображению, тогда как накопление смутно аутентичных деталей в пышности, костюме, аксессуарах придает предмету видимость правдоподобия»¹¹⁹. Французский исследователь делает акцент на манипуляционных возможностях кино. Обращаясь к чувствам зрителя, оно способно конструировать образы, которые воспринимаются на уровне исторического воображения. Изучение этих образов способно выявить значительное расхождение во взглядах, зависящих от контекста эпохи, национальных и политических задач.

Не менее интересен сайт студии братьев Пате «Фонда Жерома Сейду-Пате», который занимается сохранением кинематографического наследия кинокомпании и содействует развитию киноискусства. В разделе фильмографии представлены довольно подробные описания сюжетов многих фильмов, вышедших на одной из основных киноплощадок Франции в конце XIX – начале XX вв.¹²⁰ Это позволяет использовать их для статистического анализа и дает представление о тематических предпочтениях кинематографистов, используемых ими средствах выразительности и задачах, не только художественных, которые они перед собой ставили.

Таким образом, экранные образы Генриха де Гиза практически не вызывают интереса у историков и других специалистов. В основном они затрагиваются в некоторых общих работах по истории кино в связи с популярностью сюжета гибели герцога в раннем кинематографе. В отдельных статьях, где авторы предпринимают попытку проанализировать его образ, делается вывод о влиянии на режиссеров и сценаристов репрезентации убийства Гиза в живописи XIX в.

---

¹¹⁹ Dumont H. *L'antiquité au cinéma: Vérités, légendes et manipulations*. Paris; Lausanne, 2009. P. XIII.

¹²⁰ Filmographie Pathé // Fondation Jérôme Seydoux: site officiel. URL: <https://www.fondation-jeromeseydoux-pathe.com/> (дата обращения: 27.12.2020).

Вне видового членения стоит статья Пенни Ричардс «Воины Бога: история, наследие и репутация Гизов», в которой она предприняла попытку проследить формирование особого статуса этой семьи в европейской политике от XVI в. практически до нашего времени¹²¹. Этот небольшой обзор является своеобразным итогом и одновременно началом нового этапа в исследовании образа Генриха де Гиза, так как в нем впервые с XIX в. предпринята попытка осмысления процесса сохранения памяти об этом персонаже посредством разных форм: художественной литературы, искусства, музейных экспозиций. Анализируя изменения в представлениях о Гизах с течением времени, П. Ричардс неизбежно затрагивает XIX в. Она выделяет три основных проявления мемориализации образа Гиза в эту эпоху: замок д'Э, статус которого вырос при Луи-Филиппе Орлеанском, романтическую литературу, главным образом пьесу и романы А. Дюма, и французскую живопись, активно эксплуатировавшую сюжет гибели герцога в замке Блуа¹²².

Резюмируя все вышесказанное, можно сделать вывод, что образы Генриха де Гиза в исторической культуре XIX в. – тема практически неисследованная. Она, несомненно, интересовала авторов многочисленных биографических трудов о герцоге, написанных в XIX – начале XXI вв., которые иногда давали краткий обзор нескольких ключевых мнений писателей и историков, сформировавших наши представления об этом персонаже. Кроме того, можно найти отдельные статьи, в которых в рамках изучения художественной культуры девятнадцатого столетия затрагиваются образы Генриха де Гиза. Все эти работы только обозначили проблему, продемонстрировали необходимость ее дальнейшего осмысления. При этом большинство историков отмечают особую роль исследуемого периода в развитии историографии, исторической культуры вообще и «исторического воображения» в Европе. Все это дает возможность, опираясь на итоги изучения этой темы, продолжить изыскания в этой области на примере образа Генриха де Гиза.

Научная проблема исследования заключается в выявлении способов и методов формирования исторических представлений во Франции 1789–1914 гг. сквозь призму восприятия образа Генриха I де Гиза.

Объект исследования – формирование и развитие исторической культуры Франции «долгого XIX века».

---

¹²¹ Richards P. *Warriors of God: History, Heritage and the Reputation of the Guise // Aspiration, Representation and Memory: The Guise in Europe, 1506–1688*. London; New York: Routledge, 2016. P. 169–182.

¹²² Ibid. P. 180–181.

Предмет исследования – стратегии конструирования образов герцога Генриха I де Гиза, представленные в разнообразных формах репрезентации прошлого.

Цель диссертационной работы – выявить механизмы и особенности конструирования образов де Гиза в контексте исторической культуры Франции XIX в.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **исследовательские задачи**:

1) классифицировать образы Генриха де Гиза, формировавшиеся во Франции на протяжении 1789–1914 гг. в исторических трудах, выявить их характерные черты и функции в рамках политического и социокультурного контекста эпохи;

2) охарактеризовать представления о личности герцога, сложившиеся в учебной и справочной литературе, сравнить их с образами, господствовавшими в научных трудах, оценить влияние на их конструирование различных факторов;

3) определить стратегии репрезентации образа Генриха де Гиза в художественной культуре изучаемого периода, выявить повторяемые сюжеты и их роль в исторической культуре и общественной жизни Франции XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца XVIII до начала XX в. В основу была положена концепция «долгого XIX века», который начинается вместе с Французской революцией в 1789 г. и заканчивается Первой мировой войной в 1914 г. Такое расширенное понимание хронологии девятнадцатого столетия было предложено британским историком Эриком Хобсбаумом¹²³ и вписывается в событийные и концептуальные рамки французской истории. Историческая культура в эту эпоху обладала значительным своеобразием и определенными общими чертами на протяжении всего периода. Именно Французская революция стала отправной точкой для переворота в историческом сознании общества. В 1914 г., с одной стороны, происходят значительные изменения в восприятии образа прошлого, с другой, на рубеже веков появляются новые формы его репрезентации: кино и открытки, а также начинается формирование массовой культуры.

Источниковая база исследования определяется как темой диссертации, так и особенностями исторической культуры изучаемого периода. Она включает комплекс источников, среди которых можно выделить письменные и визуальные. Каждый из этих видов можно разделить на несколько групп и подгрупп в соответствии с общепринятой

---

¹²³ *Hobsbawm E. J. The age of revolution, 1789–1848. New York: New American Library, 1962; Hobsbawm E. J. The age capital, 1848 –1875. New York: Scribner, 1975; Hobsbawm E. J. The age of Empire. New York: Pantheon Books, 1987; рус. изд.: Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999; Он же. Век Капитала. 1848–1875. Ростов-на-Дону, 1999; Он же. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999.*

классификацией. Среди *письменных* источников *первая* и самая значительная *группа* представлена *историческими трудами* общего и специального характера, которые являются важной составной частью исторической культуры любого общества: статьями, монографиями и научно-популярными работами. На протяжении всего исследуемого периода научная рецепция истории Гражданских войн оказывала заметное влияние на формирование и закрепление в коллективной памяти тех или иных образов.

Памятники исторической мысли конца XVIII – начала XX вв., в которых представлены образы Генриха де Гиза, очень разнообразны по своему характеру, тематике и подходам. Одним из важнейших источников для исследования исторической культуры являются *труды обобщающего характера* по истории Франции и всеобщей истории в целом, которые в исследуемый период были весьма популярны. Ввиду их многочисленности, для анализа в данном исследовании были привлечены наиболее знаковые работы, которые оказали влияние как на современников, так и на последующую рецепцию этой темы. Именно по этим источникам мы имеем возможность проследить складывание определенной историографической традиции и эволюцию исторических образов. К ним относятся труды французских историков Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди¹²⁴, Ж. Мишле¹²⁵, Л. Блана¹²⁶, Ф. Р. де Шатобриана¹²⁷, А. Мартена¹²⁸, В. Ж. Дюрюи¹²⁹, Ж. Марьежоля¹³⁰.

Большое значение для данной темы имеют *специальные исторические труды по истории Гражданских войн* во Франции и ее отдельных этапов. Начиная с Французской революции и в течение всего XIX в. историки проявляли огромный интерес к различным периодам и аспектам национальной истории, на волне которого появляется множество трудов, посвященных Религиозным войнам во Франции и истории Католической Лиги: монографии Г. Бризара¹³¹,

---

¹²⁴ *Simonde de Sismondi J.-C.-L.* Histoire des Français. 31 vol. Paris: Treuttel et Würtz, 1821–1844.

¹²⁵ *Michelet J.* Histoire de France. 5 vol. Paris: Hachette, 1833–1841.

¹²⁶ *Blanc L.* Histoire de la Révolution française. Paris : Langlois et Leclercq, 1847–1862. 12 vol.; в русском переводе: Блан Л. История Французской революции. В 12 т. Санкт-Петербург: тип. А.С. Суворина, 1871. Т. 1.

¹²⁷ *Chateaubriand R. de.* Histoire de France, depuis les temps les plus reculés jusqu'à la mort de Louis XVI. Paris: Gabriel Roux; Arnauld de Vresse, 1857.

¹²⁸ *Martin H.* Histoire de France populaire depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris: Furne, Jouvet, 1838.

¹²⁹ *Duruy V.* Histoire de France, du moyen âge et des temps modernes du XIVe au milieu du XVIIe siècle... T.2 / Nouvelle édition, illustrée d'un grand nombre de gravures et de cartes. Paris: Hachette, 1858.

¹³⁰ *Mariéjol J. H.* Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution / [sous la dir.] Ernest Lavisse. Tome sixième. I: La Réforme et la Ligue, l'Édit de Nantes (1559–1598). Paris: Hachette, 1904.

¹³¹ *Brizard G.* Du massacre de la Saint-Barthélémy et de l'influence des étrangers en France durant la Ligue. Paris [1790].

Ж. Ш. Д. Лакретеля¹³², Ш. Лабитта¹³³, Ж.-Б. Капфига¹³⁴ и Л.-К. де Бопуаля де Сент-Олера¹³⁵. Далеко не все из перечисленных историков известны даже специалистам. Многие из них были забыты уже в начале XX в. Однако именно их труды лучше всего отражают влияние политической и идейной борьбы, а также социокультурного контекста на историческую культуру и формирование тех или иных образов прошлого. По словам французского исследователя А. Дюбьефа: «с точки зрения демонстрации влияния идеологии и менталитета более посредственный историк, вероятно, более репрезентативен, чем Мишле»¹³⁶.

Особое место среди источников принадлежит *биографическим статьям и монографиям* о герцоге Генрихе де Гизе и о роде Гизов, их роли во французской и европейской политике, культуре, общественной жизни XVI–XVII вв. В представленный период выходит много подобных исследований: классические труды Р. де Буйе¹³⁷, Ж. Рено¹³⁸, Ж. де Кроза¹³⁹, Г. Б. де Пюшеса¹⁴⁰, А. Форнерона¹⁴¹, персональная биография Генриха де Гиза Ш. Ковена¹⁴², а также статьи, посвященные отдельным эпизодам жизни герцога, основанные на малоизвестных источниках, М. Л. А. Ж. Азон де Сен-Фирмен¹⁴³. Значительный интерес для анализа исторической культуры представляют научно-популярные эссе крупнейших французских писателей XIX в.: П. Мериме¹⁴⁴ и Г. Флобера¹⁴⁵.

---

¹³² *Lacretelle Ch. de*. Histoire de France pendant les guerres de réligion. Paris: Delaunay, 1814–1816.

¹³³ *Labitte Ch.* De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue. 4 vol. Paris: Joubert, Labitte, 1841.

¹³⁴ *Capefigue B.* Histoire de la Réforme, de la Ligue et du règne de Henri IV. P.: Duféy, 1834—1835; Idem. La Ligue et Henri IV. P.: Belin-Leprieur, 1843; Idem. Les héroïnes de la Ligue et les Mignons de Henri III. P.: Amyot, 1864.

¹³⁵ *Beauvoil de Sainte-Aulaire L.-J.-C.* Les derniers Valois, les Guise et Henri IV. Paris: Michel-Lévy frères, 1854.

¹³⁶ *Dubief H.* Op. cit. P. 354.

¹³⁷ *Bouillé R. de*. Histoire des ducs de Guise. Paris, 1849–1851.

¹³⁸ *Renauld J.* Henri de Lorraine, Duc de Guise, (1550–1588) et Catherine de Clèves, comtesse d'Eu, (1548–1633), son épouse. Notes et souvenirs d'un voyage à Blois et à Eu. Nancy: Crépin-Leblond, 1878.

¹³⁹ *Croze J. de*. Les Guises, les Valois et Philippe II. Paris, 1866.

¹⁴⁰ *Baguenault de Puchesse G.* Les ducs François et Henri de Guise. Paris: Adrien Le Clerc. 1867.

¹⁴¹ *Forneron H.* Les Duc de Guise et leur époque. Étude historique sur le seizième siècle. Paris: Pion, 1877.

¹⁴² *Cauvin Ch.* Henri de Guise le Balafre / Histoire de France de 1563 a 1589. Tours, 1881.

¹⁴³ *Hazon de Saint-Firmin J.* Un incident des États de Blois: l'affaire de Saluces et Henri, duc de Guise (octobre–décembre 1588). Blois: Migault, 1907; Idem. Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise à Blois, les abbés Claude de Bulles et Étienne d'Orguyn. Blois: Breton, 1913. Idem. Un Assassin du duc Henri de Guise, François II de Montpezat, baron de Lagnac, capitaine des Quarante-cinq (1566–1590). Paris: Picard, 1912.

¹⁴⁴ *Mérimée P.* Henri de Guise // Mérimée P. Portraits historiques et littéraires. P., 1928. P. 1–28.

¹⁴⁵ *Flaubert G.* Mort du duc du Guise // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. Vol. I. P.: Gallimard, 2001. P. 47–58.

Для сравнения представлений о Генрихе де Гизе во Франции и в других странах используется труды немецкого историка и философа Л. фон Ранке¹⁴⁶, британского – Г. Уайта¹⁴⁷, отечественных специалистов Т. Н. Грановского¹⁴⁸ и И. В. Лучицкого¹⁴⁹, а также неопубликованный очерк выдающегося шотландского философа и историка Т. Карлайля¹⁵⁰.

Отдельный интерес для исследования образов прошлого представляют *комментированные издания исторических источников*, объединенные во *вторую группу*. В этот период они являлись одним из индикаторов интереса общества к прошлому и активно участвовали в формировании исторического сознания. В XIX в. под патронажем государства были созданы специальные организации, которые занимались поиском и подготовкой к публикации документов по истории Франции. Ими были охвачены многие значительные свидетельства участников событий второй половины XVI в. Издавались многотомные коллекции мемуаров и дневников. Выбор источников для публикаций свидетельствовал о попытке сконструировать тот или иной образ эпохи, событий и исторических личностей. Памфлеты, письма, официальные документы, дипломатические отчеты и воспоминания современников не только были востребованы среди профессиональных исследователей, но и стали одним из источников формирования массовых исторических представлений. Они вдохновляли поэтов, писателей, драматургов и художников, создававших произведения по мотивам эпизодов национальной и мировой истории.

Важной вехой в формировании представлений о Гражданских войнах во Франции стало издание нескольких сборников документов, отражавших события Варфоломеевской ночи, один из которых включал отрывки из «Мемуаров Лиги» протестантского автора конца XVI – начала

---

¹⁴⁶ Ranke L. Französische Geschichte: Vornehmlich im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert. Stuttgart und Augsburg, 1855; Ranke L. Histoire de France, principalement pendant le XVIe et le XVIIe siècle / Traduction de J.-J. Porchat. T. I–II. Paris: Friedrich Klincksieck, 1854.

¹⁴⁷ White H. The Massacre of St. Bartholomew: Preceded by a History of the Religious Wars in the Reign of Charles IX. London: Murray, 1868.

¹⁴⁸ Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. С. 204.

¹⁴⁹ Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев: Университетская типография, 1871; Он же. Католическая лига и кальвинисты во Франции: опыт истории демократического движения во Франции во второй половине 16 века (по неизданным источникам). Т. 1. Киев: Университетская типография, 1877.

¹⁵⁰ Carlyle T. The Guises // Victorian Studies. Vol. 25. № 1, Carlyle's "The Guises" (autumn, 1981). P. 13–80. Online version. URL: <https://www.jstor.org/stable/3827058> (дата обращения: 09.07.2020).

XVII вв. С. Гулара, а также памфлеты и письма современников¹⁵¹, а второй – выдержки из воспоминаний¹⁵². Образ герцога де Гиза складывался у читателей девятнадцатого столетия под влиянием изданий мемуаров политиков Ж. О. де Ту¹⁵³, П. де Л'Этуаля¹⁵⁴, Н. де Вильруа¹⁵⁵, военных деятелей Б. де Монлюка¹⁵⁶, Г. де Таванна¹⁵⁷, королевы Маргариты де Валуа¹⁵⁸, полководца и дипломата М. де Кастельно¹⁵⁹, горожанина Ж. Патта¹⁶⁰, поэта и участника Гражданских войн протестанта Агриппы д'Обинье, чьи произведения издавались много раз в течение столетия¹⁶¹. Особую популярность приобрели заметки и воспоминания известного бытописателя эпохи П. де Брантома, также выходявшие несколько раз в течение XIX в.¹⁶²

---

¹⁵¹ Archives curieuses de l'histoire de France, depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII, ou Collection de pièces rares et intéressantes, telles que chroniques, mémoires, pamphlets, lettres, vies, procès: ouvrage destiné à servir de complément aux collections Guizot, Buchon, Petitot et Leber. Série 1. T. 7 / par L. Cimber et F. Danjou, P.: Beauvais, 1835.

¹⁵² La Saint-Barthélemy / récit extrait de l'Estoile, Brantôme, M. de Navarre, de Thou, Montluc etc. P.: Hachette, 1853.

¹⁵³ *Thou J. A. de. Mémoires, 1553–1601* // Collection complete des memoires relatives a l'histoire de France. T. XXXVII. P., 1823.

¹⁵⁴ *L'Estoile P. de. Mémoires et journal depuis la mort de Henri III (1589) jusqu'en 1611* // Collection complete... T. XLIX. Paris, 1823.

¹⁵⁵ *Villeroy N. de Neufville. Mémoires d'etat* // Collection complète... T. 44. Paris: Foucault, 1824.

¹⁵⁶ *Monluc de Lasseran-Massencôme B. Commentaires de Blaise de Monluc* // Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France. XVIe siècle. P., 1836. P. 1–412.

¹⁵⁷ *Tavannes G. Mémoires des Messire Gaspard de Saulx, Seigneur de Tavannes, Maréchal de France, Amiral des Mers du Levant, Gouverneur de Provence, Conseiller du Roi, Capitaine de cent hommes d'armes, commençant en 1522 et finissant en 1573.* XVI siècle. Collection Universelle des mémoires particuliers, relatifs à l'histoire de France. T. XXVII. P., 1787.

¹⁵⁸ *Marguerite de Valois, queen consort of Henry IV, king of France. Mémoires [1569–1582]* // Collection complete... T. XXXVII. P., 1823.

¹⁵⁹ *Castelnau M. de. Mémoires de Messire Michel de Castelnau* // Collection complete... T. XXXIII. P., 1823.

¹⁶⁰ *Patte J. Journal historique de Jehan Patte, bourgeois d'Amiens (1587–1617).* Amiens, Lemer aîné, 1863.

¹⁶¹ *Aubigné Th. A. d' Mémoires de Théodore Agrippa d'Aubigné, publiés pour la première fois d'après le manuscrit de la bibliothèque du Louvre, suivis de fragments de l'Histoire universelle de d'Aubigné et de pièces inédites* / Par M. Ludovic Lalanne. P.: Librairie des bibliophiles, 1854 (1889); Idem. Mémoires. P.: Delagrave, 1884; Idem. Oeuvres complètes. P.: Lemerre, 1873–1892; Idem. Oeuvres complètes de Théodore Agrippa d'Aubigné / Publiées pour la première fois d'après les manuscrits originaux par Eug. Réaumé et F. de Caussade. P.: Lemerre, 1873–1877; Idem. Histoire universelle / éd. publ. pour la Société de l'Histoire de France. P.: Renouard: Laurens, 1886–1909; Idem. Histoire universelle. T. 3. 1568–1572 / par la Société de l'Histoire de France. P., 1886–1909.

¹⁶² *Brantôme P. de Bourdeille. Oeuvres complètes de Pierre de Bourdeille seigneur de Brantôme.* T. 1–7. Paris: Foucault, 1822–1823 (Renouard, 1873); Idem. Oeuvres complètes de Pierre de Bourdeille, abbé séculier de Brantôme, et d'André, vicomte de Bourdeille. Édition revue et augmentée d'après les manuscrits de la Bibliothèque royale, avec notices littéraires, par J.-A.-C. Buchon. 2 vol., P.: Desrez, 1838 (Société du Panthéon littéraire, 1842).

Некоторые авторы исторических исследований включали в свои монографии значительную часть эпистолярного наследия Генриха де Гиза¹⁶³ и неизвестные ранее отчеты свидетелей о его гибели¹⁶⁴.

В *третью группу* письменных источников вошли *справочные издания*. Они начинают издаваться в Новое время, а в XIX в. их роль в массовом образовании и формировании коллективной памяти становится достаточно заметной. Статьи о герцоге Генрихе де Гизе были включены в несколько известных французских словарей и энциклопедий. В 1804–1821 гг. был переиздан «Новый исторический словарь» Л.-М. Шодона¹⁶⁵, составленный монахом-бенедиктинцем еще в 1766 г. Он интересен тем, что отражал точку зрения, противоположную просветительской традиции. В 1857 г. автор нескольких энциклопедий Ш. Дезобри вместе с Т. Башле издали популярный «Исторический и географический словарь»¹⁶⁶, который включал небольшую биографическую статью о Генрихе де Гизе¹⁶⁷. Он переиздавался несколько раз в течение изучаемого периода, что дает возможность проследить эволюцию в нем образа главы Католической лиги¹⁶⁸. Во второй половине XIX в. выходит знаменитый «Большой универсальный словарь»¹⁶⁹ Э. Лависса в семнадцати томах, ставший одним из самых популярных энциклопедических изданий в стране и за ее пределами. С целью компаративного анализа в качестве источников, изданных за пределами Франции, была использована «Британская энциклопедия»¹⁷⁰ и «Энциклопедический словарь» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона¹⁷¹.

Одним из самых репрезентативных источников для изучения исторической культуры являются *учебники*, выделенные в *четвертую группу*. Необходимость их привлечения для исследования исторической культуры объясняется огромной ролью, которую они играют

¹⁶³ *Berriat-Saint-Prix J.* Observations sur plusieurs lettres inédites de François et Henri, ducs de Guise. Paris: J. Smith, 1822; *Croze J. de.* Op. cit.

¹⁶⁴ *Hazon de Saint-Firmin J.* Deux témoins...

¹⁶⁵ *Chaudon L.-M., Delandine A.-F.* Nouveau dictionnaire historique, ou Histoire abrégée de tous les hommes qui se sont fait un nom [...] depuis le commencement du monde jusqu'à nos jours. 8e édition, Lion, 1804.

¹⁶⁶ *Dezobry Ch., Bachelet Th.* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, de mythologie, de géographie ancienne moderne et comparée. 2 vol. Paris, 1857.

¹⁶⁷ См.: *Scherer E.* Études sur la littérature contemporaine. Т. 3. Paris: Lévy, 1885. P. 283.

¹⁶⁸ В работе использовано второе издание словаря: *Dezobry Ch., Bachelet Th.* Dictionnaire général de biographie et d'histoire, de mythologie, de géographie ancienne moderne et comparée. Paris, 1889.

¹⁶⁹ *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. 17 vol. Paris: Larousse et Boyer, 1866–1878.

¹⁷⁰ The encyclopædia britannica; a dictionary of arts, sciences, literature and general information. 11th edition. 29 vol. Cambridge: The University Press, 1910–1911.

¹⁷¹ *Брокгауз Ф. А.* Энциклопедический словарь. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907.

в конструировании исторических представлений у подрастающего поколения, формировании национальной и культурной идентичности, трансляции определенных идей и ценностей. Именно на этот период приходятся реформы образовательной системы во Франции, повлекшие за собой выход большого количества разнообразной учебной литературы. В работе использованы французские и российские учебники, которые были изданы в период с 1830-х до 1910-х гг., доступные в библиотеках¹⁷².

Пятая группа источников представлена *художественной литературой*: пьесами, романами и рассказами. Французские писатели часто обращались за вдохновением к личности Генриха де Гиза, перенося собственные представления и сложившиеся стереотипы на страницы своих произведений. В изучаемый период популярность образа герцога в художественной литературе, особенно драматургии, была огромной. Среди авторов, интересовавшихся его фигурой, были как известные авторы пьес, так и уже забытые в наше время: М.-Ж. Шенье¹⁷³, Ф. Ж. М. Ренуар¹⁷⁴, Л.-А. Эмбер де Фленьи¹⁷⁵, А. де Тиссо¹⁷⁶, Л. Вите¹⁷⁷,

---

¹⁷² *Vunner P.* Краткий учебник новой истории. М.: Типография т-ва И. Н. Кушнер и К^o, 1912; *Дворников П.* Новая история. Учебник для женских учебных заведений. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1910; *Курс Новой истории для VII класса мужских гимназий.* Киев, 1915; *Реверсов И.* Учебник новой истории. Для средних учебных заведений (курс V и VI классов мужских гимназий). М.: Издание т-ва И.Д. Сытина, 1915; *Смарагдов С.* Руководство к познанию Новой истории для средних учебных заведений. СПб., 1854; *Функе Ю.* Учебник всеобщей истории. Новая история. Курс средних учебных заведений. Киев, 1887; *Augé C., Petit M.* Histoire de France en images. A l'usage des tout petit. Paris: Librairie Larousse, 1896; *Blanchet D.* Histoire sommaire de la France depuis la mort de Louis XI jusqu'à nos jours. Paris: Belin frères, 1899; *Defrance Ch.* Petite histoire de la Grande France. Esquisse d'un nouveau livre d'école. Paris, 1894; *Girault L.* Histoire de France. Paris: Philippart, 1850. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65481025> (дата обращения 18.12.2022); *Histoire de France.* Limoges: Ardant frères, 1833. P. 87–88; *Lavisse E.* La Deuxième année d'Histoire de France et d'Histoire Générale. Paris: A. Colin, 1911; *Malet A.* Histoire modern (1498–1715). Classe de seconde. Paris: Hachette, 1911; *Seignette A.* L'école moderne. Livre du maître: morale, enseignement civique, langue française, histoire, géographie, arithmétique, géométrie, sciences usuelles et agriculture. Tome 2. Paris, 1898. P. 774–775.

¹⁷³ *Chénier M.-J.* Charles IX, ou La Saint-Barthélemi; tragédie en cinq actes // Œuvres de M.J. Chénier, membre de l'Institut. T. I. Paris: Guillaume Libraire, 1826. Рус. изд.: *Шенье М.-Ж.* Карл IX, или Урок королям: трагедия // Французский театр эпохи Просвещения: сборник пьес / ред. пер. Н. Любимов; коммент. С.С. Мокульский. М.: Искусство, 1957. Т. 2. С. 353–413.

¹⁷⁴ *Raynouard F. J. M.* Les états de Blois, tragédie en cinq actes. Paris: Mame frères, Imprimeurs-libraires, 1814.

¹⁷⁵ *Himbert de Flégny L.-A.* La Mort de Henri de Guise, tragédie en 5 actes, éd. de P. Betouille, 1823.

¹⁷⁶ *Tissot A. de.* Le massacre de la Saint-Barthélemy, tragédie en cinq actes et en vers. Paris: Ponthieu, 1823.

¹⁷⁷ *Vitet L.* Les Barricades. Scènes historiques. Mai 1588. Paris: Ponthieu, 1826; *Vitet L.* Les États de Blois, ou la Mort de MM. de Guise, scènes historiques, décembre 1588. Paris: Ponthieu, 1827.

Ш. Т. Ф. д'Утрепон¹⁷⁸, А. Дюма¹⁷⁹, Э. Арно¹⁸⁰, Ф.-К. Сент-Эстебен¹⁸¹, Ш. де Ремюза¹⁸², Ж.-Б. Розье¹⁸³, А. де Габрьяк¹⁸⁴. Хотя основной успех персонаж Генриха де Гиза имел на французской сцене, к нему обращались другие европейские драматурги XIX в.¹⁸⁵

XIX век – эпоха расцвета исторического романа в Европе. Популярные французские писатели П. Мериме¹⁸⁶, А. Дюма-отец¹⁸⁷, П. А. Понсон дю Террай¹⁸⁸ и М. Зевако¹⁸⁹ создали яркие, незабываемые образы герцога де Гиза, которые стали частью исторических представлений нескольких поколений. Более того, некоторые из них были и остаются настолько популярны, что заметно повлияли на восприятие фигуры герцога историками, авторами учебников и популярных статей.

Интересно сравнить романы французских авторов с произведениями других европейских писателей, которые позволяют исследовать эволюцию образа Генриха де Гиза в исторической культуре за пределами родины герцога. В XIX в. к этой теме обращались многие британские романисты: популярный историк и писатель Дж. П. Р. Джеймс¹⁹⁰, автор романтических произведений С. Дж. Уаймен¹⁹¹, а также журналист Дж. А. Хенти¹⁹².

¹⁷⁸ *D'Outrepoint Ch. La Saint-Barthélemi, drame en plusieurs scènes.* Paris: Firmin Didot père et fils, 1826.

¹⁷⁹ *Dumas A. Henri troisième et sa cour: Drame historique en 5 actes.* Paris: Veras et Co, Le Normant père, 1829. Рус. перевод: *Дюма А. Двор Генриха III. Драма в пяти действиях.* Перевод Корнеева Ю. // Дюма А. Собрание сочинений. Т. 36. Москва: «ФРЭД», 1997. С. 5–123.

¹⁸⁰ *Arnault L. É. Catherine de Médicis aux États de Blois // Œuvres dramatiques de Lucien Arnault: avec une notice biographique ...*, Т. 2. Paris: Firmin Didot frères, 1866. P. 247–384.

¹⁸¹ *Saint-Esteben F.-X. La mort de Coligny, ou la Nuit de Saint-Barthélemy, 1572.* [S.l.], 1830.

¹⁸² *Rémusat Ch. de. La Saint-Barthélemy: drame inédit; publié par Paul de Rémusat.* Paris: C. Lévy, 1878.

¹⁸³ *Rosier J.-B. Charles IX: drame en cinq actes, en prose.* Paris: J.-N. Barba, 1834.

¹⁸⁴ *Gabriac A. de Henri de Guise, tragédie en cinq actes.* Paris: Joseph Albanel, 1870.

¹⁸⁵ *Курешов В. Е. Карл IX, король французский, и фрейлина королевы Екатерины Медичи.* Романтическая драма. СПб.: Тип. Эттингера, 1858; *Линднер А. Кровавая свадьба: Ист. драма в 4-х д. А. Линднера: Последовательный, по сценам, пересказ драмы.* Санкт-Петербург: В. Крылов, 1890.

¹⁸⁶ *Mérimée P. 1572. Chronique du temps de Charles IX.* Paris: A. Mesnier, 1829.

¹⁸⁷ *Dumas A. Henri III et sa cour, drame historique en cinq actes et en prose, représenté sur le théâtre Français le 11 février 1829.* Bruxelles: Au bureau du Répertoire Ode et Wodon, 1829; *Idem. Les quarante-cinq.* Paris: Calmann Lévy, [18??]; *Idem. La reine Margot.* Paris: Calmann Lévy, [18??]; *Idem. La dame de Monsoreau.* Paris: Michel Lévy frères, 1846–1847.

¹⁸⁸ *Ponson du Terrail P. A. La jeunesse du roi Henri.* 3 vol., Paris: J. Rouff, 1884.

¹⁸⁹ *Zévaco M. Les Pardaillan.* Paris: Fayard, 1907–1913.

¹⁹⁰ *James G. P. R. Henry of Guise; or, The states of Blois.* London: Smith, Elder and co., 1845.

¹⁹¹ *Weyman S. J. The house of the wolf: a romance.* London: Longmans, Green, 1890; *Weyman S. J. A gentleman of France: being the memoirs of Gaston de Bonne, sieur de Marsac.* London: Longmans, Green, 1893.

¹⁹² *Henty G. A. St. Bartholomew's eve: a tale of the Huguenot wars.* London: Blackie, 1894.

Большинство представленных романов в силу своей популярности в европейском обществе были переведены на русский язык. Значительная часть из них переиздавались несколько раз в XIX в. и в XX – начале XXI вв. В диссертации чаще всего использовались современные издания классических переводов. Исключения составляют все драматические произведения французских авторов и романы Дж. П. Р. Джеймса, которые не выходили в переводах. Издания некоторых пьес можно найти на сайте Национальной библиотеки Франции, другие использовались на бумажных носителях.

Отдельное место в диссертационном исследовании занимают *визуальные источники*, которые представлены, *во-первых, произведениями изобразительного искусства*, выделенными в *шестую группу*. XIX век, породив новые способы конструирования исторических образов, сделал визуальные искусства одной из важнейших форм ретрансляции этих представлений. Убийство герцога де Гиза и связанные с ним эпизоды французской истории стали популярным сюжетом французской живописи этого периода, который был воплощен в работах Ш. Дюрюпа, П. Делароша, А. Шеффера и Ж.-А. Блерси (рисунки 1-3, 8, 10, 12). Кроме этого, отдельные эпизоды биографии герцога стала основой для создания полотен А. Декена, П. Ш. Конта, Э. Девериа, А. Жоанно, М. Абея, В. Башро-Реверсона, А. Обле (рисунки 4–7, 9, 13-14). Часть исследуемых полотен, подлинников и копий, в том числе авторских, находятся в музее королевского замка г. Блуа во Франции, в зале, рядом с которым был убит герцог де Гиз. Другие – разбросаны по разным коллекциям и доступ к ним ограничен. Примерно десяток произведений, главным образом 1860-х гг., были утрачены, о них мы знаем только из описаний салонов XIX в. и фотокопий. Работы Делароша были опубликованы в иллюстрированной монографии Е. Д. Федотовой¹⁹³.

Не менее интересны гравюры и рисунки, в том числе портреты Генриха де Гиза (рисунки 16-17), иллюстрации к художественным произведениям (рисунки 19, 22, 28), монографиям (рисунок 25), учебникам и общим трудам по истории Франции (рисунки 23, 33–34), наброски костюмов к театральным постановкам (рисунки 15, 20–21), открытки (рисунок 30), карикатуры (рисунки 23, 32), рекламные хромофотографии (рисунки 26–27, 33–34) и изображение на школьной тетради (рисунок 29). Подобные визуальные источники можно выделить в отдельную подгруппу, поскольку они требуют особого подхода при анализе, несколько отличающегося от исследования живописных полотен. Именно с помощью открыток, рекламы, афиш, иллюстраций и других подобных изображений образы прошлого транслировались в массовое сознание.

---

¹⁹³ Федотова Е. Д. Указ. соч.

В качестве *седьмой группы* выделяется еще один вид визуальных источников – *произведения игрового кино* конца XIX – начала XX вв. Среди ранних игровых картин можно найти три художественных фильма об убийстве герцога¹⁹⁴. Художественный кинофильм 1908 г. является самым популярным из них и его видеозапись можно найти на страницах различных интернет-сайтов и каналов. С некоторыми из исследуемых в диссертации художественных фильмов можно ознакомиться на канале «Ютуб.ком», другие представлены в коллекции звукозаписей Национальной библиотеки Франции.

В качестве *дополнительного источника* в работе использованы *справочные издания XIX в., критические статьи, обзоры и анонсы спектаклей* в литературно-художественных журналах¹⁹⁵.

---

¹⁹⁴ «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», реж. Ж. Ато, А. Промио, 1897): видеофильм / 00:00:57 (время воспроизведения); «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», 1902): видеофильм. 00:00:58 (время воспроизведения); «Убийство герцога де Гиза» «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», реж. А. Кальмет, Ш. Ле Баржи, 1908): видеофильм. 00:17:30 (время воспроизведения). URL: https://www.youtube.com/watch?v=bh0tonXPEKQ&ab_channel=LanternaVenefica (дата обращения: 01.03.2021). Режим доступа: свободный.

¹⁹⁵ Feuilleton de la presse. Théâtre de l'Opera comique. Les états de Blois, l'opera en 3 actes par MM. Planard et Saint-Georges, musique de M. Onslow // La Presse. 11 septembre 1837. P. 2–3. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k427144d.r=La%20Presse?rk=9141676;0> (дата обращения: 15.05.2020); *Landon Ch. P. Annales du musée et de l'école moderne des beaux-arts: ou recueil des principaux tableaux, statues et bas-reliefs exposés au Louvre, depuis 1808 jusqu'à ce jour, par les artistes vivans, et autres productions nouvelles et inédites de l'École française, avec des notices descriptives, critiques et historiques: salon de 1835. Chez Pilet aîné, Imprimeur-Libraire, 1835; Salon de 1868. Histoire, genre et portraits // Revue artistique et littéraire. Paris, 1868. P. 25–32; Théâtre. Théâtre de l'Odéon. Ouverture. Catherine de Médicis aux États de Blois, drame historique en cinq actes et en vers; par Lucien Arnault // Le Globe: recueil philosophique, politique et littéraire. 5 septembre 1829. № 71. T. VII. P. 563–565. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10749221/f5.item> (дата обращения: 15.05.2020); Théâtre français. Par ordre. Au bénéfice de M. Devegny. Henri III et sa cour, drame en cinq actes par M. Alexandre Duma (Annonce) // Figaro: journal littéraire: théâtre, critique, sciences, arts, mœurs, nouvelles, scandale, économie domestique. 5 mars 1829. P. 2. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2661842/f4.item> (дата обращения: 15.05.2020); Théâtre. Théâtre français. Henri III et sa cour, drame historique en cinq actes et en prose; par M. Alexandre Duma // Le Globe: recueil philosophique, politique et littéraire. 14 février 1829. № 13. T. VII. P. 100–102. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1074806k/f4.item.r=Le%20Globe> (дата обращения: 15.05.2020); Théâtre français. Henri III et sa cour, drame historique en cinq actes, par M. Alexandre Duma // La Gazette de France. 13 février 1829. № 405. P. 1–2. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4485184j/f1.item> (дата обращения: 16.05.2020); Littérature. Les Barricades. Scènes historiques // Le Globe: journal littéraire. 27 avril 1826. № 54. T. III. P. 287–288; Littérature. La Mort de Henri III, août 1589, scènes historiques faisant suite aux "Barricades" et aux "États de Blois" // Le Globe: journal littéraire. 6 juin 1829. № 45. T. VII. P. 357–358. Copie numérique.*

С целью реконструкции биографии Генриха I де Гиза были привлечены *источники личного происхождения*: мемуары и переписка, в том числе неизданные, которые хранятся в Отделах рукописей Российской национальной библиотеки¹⁹⁶ и Национальной библиотеки Франции¹⁹⁷. Некоторые из них никогда не становились объектом научного исследования.

Теоретические и методологические принципы исследования определяются пониманием исторической культуры как особого объекта научного познания. Они включают методы исторического анализа, а также социальные и культурологические теории.

Историко-сравнительный метод позволил сопоставить научные и обыденные знания о прошлом, а также различные стратегии и методы конструирования исторических образов в зависимости от вида исторического источника, выявить общие и особенные черты, характерные для историографии, учебной, справочной литературы и художественного творчества. Также подобный подход применялся при сравнении образов, созданных разными авторами в зависимости от их социальной принадлежности, взглядов, политических пристрастий и используемых ими источников. Благодаря *историко-типологическому* методу были выявлены основные формы репрезентации прошлого и типизированы образы изучаемого персонажа.

Представленная диссертация находится в поле *междисциплинарных* исследований, так как базируется на различных видах источников, в том числе произведениях художественной культуры, что требует применения элементов культурологического, литературоведческого и искусствоведческого анализа.

---

¹⁹⁶ Lettres duc Henri de Guise de Lorraine // РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автографы 51 № 24, 43–44, 92, 106–109, 117.

¹⁹⁷ Documents originaux et copies, mémoires et extraits tirés de la Bibliothèque du Roi, fonds de Béthune, Brienne, etc., pour servir aux études d'histoire du Dauphin sous la direction de Bossuet, et concernant les règnes de François Ier à Henri III, avec une suite de Henri IV à Louis XIV (1610–1710) // BnF. Département des manuscrits. XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587. P. 419–421; XLVIII: Règnes de Henri III et Henri IV. 1588–1595. P. 1–4, 25, 28–31; Lettres du petit Guise // BnF. Département des manuscrits. La collection Gaignières, vol. 348, f.151, 153, 157; Lettre de M. de Guise à M. le Duc de Lorraine. 1587 // BnF. Département des manuscrits. Documents originaux. XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587; Relation de la mort de messieurs le duc et cardinal de Guise, par M. Miron // BnF. Département des Manuscrits. mss. fr. 16536.

Теоретической основой диссертации явились идеи *социального конструкционизма* П. Бергера и Т. Лукмана, а также *культурно-антропологический* подход к исследованию репрезентации прошлого, отраженный в работах Й. Рюзена¹⁹⁸ и А. Варбурга¹⁹⁹.

П. Бергер и Т. Лукман в труде «Социальное конструирование реальности» исходят из посыла о том, что в процессе познания его субъекты конструируют реальность, в том числе образы других людей. Это происходит под воздействием актуального контекста, поскольку знание развивается, передается и сохраняется в определенной социальной ситуации. Применение этой теории к исследованию процесса познания и рецепции прошлого в разные эпохи предполагает изучение исторических образов как особых субъективных конструктов и помогает выявить стратегии их создания. Кроме того, подходы, разработанные в рамках социологии знания, позволяют объединить различные научные и ненаучные пути познания в единое исследовательское поле на основе их взаимодействия в реальном процессе освоения прошлого.

Идеи социального конструкционизма органично сочетаются с культурно-антропологическим подходом Й. Рюзена, в рамках которого историческая культура рассматривается как феномен, включающий разные формы исторической памяти и уровни осознания действительности: эстетический, политический и когнитивный. Они обеспечивают функции культурной ориентации и коллективной самоидентификации. Только комплексный анализ позволяет выявить особенности той или иной исторической культуры.

Взаимное влияние «художественного зрения» и культуры эпохи, а также взаимодействие визуальных образов с литературой, религией, социально-государственным устройством обосновано в работах Аби Варбурга. Согласно его концепции, формирование образов выражает опыт освоения человеком его внутреннего и внешнего мира. Исходя из этого, образы прошлого обладают различными функциями, связанными с их местом в человеческой культуре, выявить которые – одна из задач историка.

С целью анализа и интерпретации текстового и визуального нарратива в исследовании использовались элементы *дискурс-анализа*, который дал возможность рассматривать авторские образы и концепции как определенные высказывания, связанные с временным, пространственным, культурным, социальным и политическим контекстами эпохи. Данный метод

---

¹⁹⁸ Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 48–66; Он же. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 8–27; Rösen J. History: narration-interpretation-orientation. L., 2005.

¹⁹⁹ Варбург А. Великое переселение образов: Исследование по истории и психологии возрождения античности / Пер. с нем. Козиной Е. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008.

позволил также изучить различного вида тексты: научные, учебные и художественные как сложные знаковые системы, выполняющие разнообразные функции в рамках данной культуры. Подход, который исповедует критический дискурс-анализ, дал возможность объединить изобразительные, литературные, научные и другие практики, рассматривая их как разного рода тексты, использующие разную семиотическую систему²⁰⁰.

Для интерпретации полученных данных был использован *социально-психологический* метод *реконструкции* историко-культурного контекста творчества ученых, писателей, драматургов, художников и других авторов, который позволил лучше понять социокультурные и личностные обстоятельства их обращения к тем или иным историческим сюжетам, цели создания произведения, а также выбранные методы и задачи конструирования образов.

При анализе визуальных образов в работе применялся *иконографический* и *иконологический* методы. Поэтапное применение приемов и методов *иконографического* подхода: непосредственное обращение к интерпретируемому источнику, знакомство с сюжетами, темами, идеями и концепциями, которые лежали в основе исследуемых произведений, позволило комплексно подойти к анализу изображений и выявить популярные мотивы и архитипичные образы, используемые художниками.

Более глубокий анализ изображений потребовал обращение к *иконологическому* подходу, разработанному Эрвином Панофским²⁰¹ и Аби Варбургом²⁰². Он позволил раскрыть значение визуальных образов, интерпретировать не только их содержание, но и функции.

Одной из стратегий изучения художественных образов в контексте исторической культуры, которая используется в данной работе, является *«насыщенное (плотное) описание»*. Это методика культурологического исследования, заимствованная из социальной антропологии, в частности работ Клиффорда Гирца²⁰³, и занявшая прочное место в осмыслении произведений искусства как исторических источников. В качестве исследовательской стратегии она является дополнением к иконографическому методу изучения образного ряда, поскольку направлена

---

²⁰⁰ Филип Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный Центр, 2004. С. 100-101.

²⁰¹ Панофский Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения. СПб: «Азбука-классика», 2009.

²⁰² Варбург А. Указ. соч.

²⁰³ Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of culture. N.Y.: Bane book, 1973. Ch. 1. P. 3–30; Рус. перевод: Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры. Электрон. версия. URL: http://anthro-org.narod.ru/files/Geertz_Thick_descriptions.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

на выявление разнообразных глубинных значений внешних форм. В рамках данной стратегии поэтапно производилось наблюдение, затем комплексное описание, опирающееся на анализ изобразительной части картин и кинофильмов, с последующей интерпретацией изображений на основе анализа по дешифровке смысловых структур (кодов) с опорой на изучение социокультурных и политических факторов, повлиявших на их возникновение, исторического контекста, взаимовлияния с другими источниками и формами репрезентации прошлого. Это позволило не только выявить особенности стратегии конструирования образов прошлого, но и их функции в исторической культуре.

Научная новизна диссертационной работы состоит в том, что комплексное изучение образов герцога де Гиза, представленное в многообразных формах репрезентации прошлого, характерных для XIX в., не предпринималось ранее в исторической науке. В настоящем диссертационном исследовании впервые делается попытка, во-первых, специального изучения образов де Гиза, их формирования и эволюции на протяжении одного из самых ярких периодов развития исторической культуры во Франции; во-вторых, комплексного анализа и сопоставления этих образов; в-третьих, исследования представлений, отраженных посредством различных форм репрезентации, характерных для рассматриваемой эпохи.

На примере конструирования образа исторического деятеля автором предпринята попытка выявить механизмы формирования и функционирования исторической культуры.

Новаторством представленной диссертационной работы является применение идей социального конструктивизма П. Бергера и Т. Лукмана в рамках изучения исторической культуры. Данная теория позволила выявить особенности формирования и эволюции образов Генриха де Гиза под влиянием социокультурного и политического контекстов, характерных для Франции XIX в.

Автором были введены в научный оборот новые источники. Часть использованных в работе монографий, статей, пьес, живописных полотен, гравюр и открыток никогда не становились объектами исторического или искусствоведческого анализа.

Кроме того, в приложении автором предпринята первая в отечественной науке попытка реконструкции биографии Генриха де Гиза с привлечением не только известных источников, но и малоизученных архивных материалов, в частности эпистолярного наследия, хранящихся в Отделах рукописей Российской национальной библиотеки и Национальной библиотеки Франции.

Положения, выносимые автором на защиту:

1. В XIX в., вопреки принятому в исторической науке убеждению, функционировали разные образы Генриха де Гиза, наблюдались попытки пересмотра сложившейся негативной оценки

его деятельности. Однако они не повлияли существенно на его образ в коллективной памяти, где продолжала культивироваться «черная легенда», созданная предшествующей протестантской, официальной и просветительской историографией. Герцог де Гиз превратился в архетип, воплотивший худшие черты католической знати эпохи Старого порядка, препятствовавшей прогрессу общества и государства.

2. Однобокая негативная оценка деятельности Гиза была связана как с уже сложившейся историографической традицией, так и с особенностями эпохи: господством либеральных идей и распространением протестантских ценностей, их влиянием на различные сферы общественной жизни, а также на стратегию конструирования образа лидера Католической лиги и Гражданских войн вообще.
3. Функции подобного образа были достаточны разнообразны: сохранение, закрепление и трансляция ценностей либерализма и республиканских устоев, внедрение их в общество, использование в политической борьбе, мобилизация всех сторонников умеренно либеральных идей, объяснение смысла истории и актуальных событий.
4. Несмотря на многообразие способов репрезентаций, повествование о гибели Гиза и некоторые другие эпизоды его биографии являлись единым нарративом, в котором различные элементы дополняли друг друга и обладали сходными функциями.
5. Основной стратегией, использовавшейся авторами научных и художественных произведений для создания негативного образа герцога, было акцентирование внимания на эпизодах его биографии, связанных с гражданским противостоянием, насилием и борьбой за власть, в результате чего его персонаж ассоциировался у читателя с самыми черными страницами французской истории. Большинство авторов он был представлен в качестве главного антагониста не только протестантов, но и династии Бурбонов, взошедшей на престол вскоре после гибели герцога.

Практическая значимость результатов исследования. Результаты диссертации могут быть использованы для изучения особенностей формирования и функционирования коллективной памяти и исторической культуры, а также в лекциях по истории исторической науки. Кроме того, материалы диссертационного исследования представляют несомненную ценность для дальнейшего изучения биографии Генриха де Гиза и роли семьи Гизов в европейской истории.

Апробация материалов исследования. Настоящая диссертация прошла обсуждение на заседаниях кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета и была рекомендована к защите. Основные положения диссертационного исследования нашли отражения в 11 научных статьях, 5 из которых опубликованы в научных

изданиях, входящих в перечень ВАК. Отдельные положения данной работы и связанные с ней тезисы были представлены в виде докладов на научных конференциях (в хронологическом порядке):

1) Межвузовский круглый стол «Образы власти как фактор политической и культурной жизни: от античности до современности»; Москва, РГГУ, 2017 г. – «Вопрос о легитимности королевской власти и политический идеал лидеров Католической Лиги 1584 г. во Франции».

2) Межвузовская конференция «Память и идентичность: особенности исторического описания в Античности, Средние века и раннее Новое время»; Москва, РГГУ, 2018 г. – «Конструирование мифа: образ Генриха де Гиза в литературе и историографии конца XVI – начала XVII вв.».

3) Межвузовская конференция «Церемония и ритуал в европейской истории», Москва, РГГУ, 2018 г. – «Взросление герцога де Гиза: ритуалы перехода и социальная инициация в среде высшего дворянства Франции XVI в.».

4) Всероссийская конференция «Кристофер Марло и его творчество в русской и мировой культуре: междисциплинарный взгляд», Москва, РАН Научный совет «История мировой культуры», Шекспировская комиссия, Комиссия по изучению творчества Гёте и культуры его времени, Московский гуманитарный университет, Институт фундаментальных и прикладных исследований Шекспировский центр, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Музей г. Москвы, Старый Английский двор, Государственный институт искусствознания, 2018 г. – «Интерпретация французской истории английскими драматургами: образ Генриха де Гиза у К. Марло и Дж. Чапмена».

5) Межвузовская конференция «Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива»; Москва, РГГУ, 2019 г. – «История одного преступления: убийство герцога де Гиза в коллективной памяти французов».

6) Межвузовская конференция «Память и идентичность – III. Историк и его аудитория»; Москва, РГГУ, 2020 г. – «Образ Варфоломеевской ночи в современных французских комиксах».

7) Всероссийская научная конференция «Чтения памяти Н.И. Басовской», Москва, РГГУ, 2021 г. – «История через театр: Религиозные войны XVI в. в публичном пространстве Наполеоновской эпохи».

8) Всероссийская научная конференция «Память и идентичность – IV. Разделённое время: проблема периодизации истории»; Москва, РГГУ, 2021 г. – «Проблема хронологических рамок Религиозных войн во Франции: историографическая традиция и современные подходы».

9) Вторая всероссийская научная конференция «Чтения памяти Н.И. Басовской», Москва, РГГУ, 2022 г. – «Загадка маркизы Азон де Сен-Фирмен и женский взгляд на историю Европы».

10) Всероссийская научная конференция «Память и идентичность – V. Травма в исторической памяти»; Москва, РГГУ, 2022 г. – «С точки зрения Лиги»: переживание травматического опыта «агрессором» на примере «резни в Васси».

11) Третья всероссийская научная конференция «Чтения памяти Н.И. Басовской», Москва, РГГУ, 2023 г. – «Интерпретация католических источников по истории Гражданских (религиозных) войн во Франции в протестантской среде XIX в.»

12) Всероссийская научная конференция «Память и идентичность – VI. Историческая политика и пропаганда»; Москва, РГГУ, 2023 г. – «Баррикады: с парижской сцены на парижские улицы (актуализация прошлого в драматургической трилогии Луи Вите)».

13) Четвертая всероссийская научная конференция «Чтения памяти Н.И. Басовской», Москва, РГГУ, 2024 г. – «Образы гражданских войн во Франции XVI в. в раннем американском и европейском кинематографе».

14) Всероссийская научная конференция «Память и идентичность – VII. От истории государств к истории людей»; Москва, РГГУ, 2024 г. – «Методы создания эффекта присутствия в «исторических сценах» и историческом жанре XIX в. на примере произведений о Гражданских войнах во Франции».

Структура диссертации. Текст диссертационного исследования состоит из введения, трех глав, имеющих внутреннее членение, заключения, списка источников и литературы, а также пяти приложений.

Во *введении* обоснованы актуальность темы исследования, представлена терминология, степень изученности темы, выделены объект и предмет, обозначены цель и задачи исследования, его хронологические рамки, проанализирована источниковая база, теоретические и методологические принципы исследования, его научная новизна, выделены положения, выносимые на защиту, обоснована практическая значимость результатов и структура диссертации.

Главы диссертационной работы выстроены в соответствии с формами репрезентации прошлого. Внутри глав выделены параграфы в зависимости от типа источников, предполагающих различные подходы и методы исследования.

Первая глава «Генрих де Гиз во французской историографии конца XVIII – начала XX вв.» посвящена изучению эволюции образов исследуемого персонажа в научной литературе и комментированных изданиях источников.

Во *второй главе* «Образ главы Католической лиги в справочной и учебной литературе» охарактеризованы представления о личности герцога, сложившиеся во французских

энциклопедиях, справочниках и школьных учебниках XIX в.; проводится их сравнение с образами, доминировавшими в научных трудах.

В *третьей главе* «Художественное прочтение образа герцога де Гиза» анализируются представления о Генрихе де Гизе, транслируемые посредством литературных, живописных и кинопроизведений исследуемой эпохи.

Работа включает пять *приложений*: биографический очерк о Генрихе де Гизе (Приложение 1), сравнительную таблицу образов Гражданских войн и Генриха де Гиза во французских и российских учебниках 1850–1914 гг. (Приложение 2), сравнительную таблицу образов герцога де Гиза в драматургии (Приложение 3), список фильмов 1897–1914 гг., в которых фигурирует данный персонаж (Приложение 4), а также наиболее характерные примеры его визуальных изображений (Приложение 5).

В *заключении* подведены **итоги** исследования и представлены основные **выводы**.

Глава 1. Генрих де Гиз во французской историографии конца XVIII – начала XX вв.

1.1. Особенности репрезентации Гражданских (религиозных) войн в изданиях источников и ее влияние на представления о герцоге де Гизе

В основе конструирования представлений XIX в. лежала рецепция образов и интерпретация источников, сформировавшихся в XVI – начале XVII вв. В эпоху Гражданских войн каждая из сторон создавала своего «Генриха де Гиза». Конструирование негативного представления о семье Гизов было одной из важнейших задач протестантской пропаганды, и не только французской. Гизары отвечали не менее страстными проповедями, памфлетами и пьесами. Мемуарная литература в такой же степени несла на себе отпечаток политической и религиозной позиции ее авторов. Именно в конце XVI в. возникает противоречивый образ Генриха де Гиза, порожденный конфликтом репрезентаций²⁰⁴.

После окончания периода смуты многие документы, имеющие отношения к периоду Религиозных войн во Франции были либо уничтожены, либо погибли после в огне войн и революций. Недостаток источников, их ангажированность и определенная традиция толкования стали питательной почвой для различных исторических спекуляций и способствовали устойчивости стереотипов и мифологем.

Созданный в XVI–XVIII вв. образ герцога органично интегрировался в историческую культуру XIX в., когда возник невиданный ранее интерес к национальному прошлому во всех его проявлениях, особенно к эпохам и личностям противоречивым и мятежным. Это увлечение породило стремление к изданию, чтению и использованию исторических источников, причем не только историками. Мемуары, переписка и другие документы XVI в. внимательно изучались писателями, композиторами и художниками, искавшими в них сюжеты своих произведений. Нельзя сказать, что до этого исторические источники не были востребованы. Эрудиты и антиквары XVI–XVIII вв. предприняли беспрецедентные усилия для их сбора, публикации и комментирования. Но в таких масштабах интерес в обществе к мемуарам, письмам, официальным документам эпохи Ренессанса возник именно в рамках культуры романтизма. Во второй половине XIX в. публикаторская активность не снижалась благодаря особому отношению историков-позитивистов к анализу документов. Поэтому изучаемый период можно назвать эпохой господства источника, и именно потому изучение образов прошлого в исторической

---

²⁰⁴ О формировании образа Генриха де Гиза в ранних исторических и литературных произведениях: *Куцева М. В.* Конструирование мифа: образ герцога Генриха де Гиза в исторических трудах и драматургии конца XVI – начала XVII вв. // *Память и идентичность: Особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее новое время: Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции.* М.: РГГУ, 2019. С. 187–203.

культуре XIX в. надо начинать с изданий источников, особенно комментированных источников личного происхождения, поскольку именно к ним апеллировали не только историки, но и авторы художественных произведений, чтобы продемонстрировать историчность созданных ими конструктов.

Историки XIX в., вдохновленные идеей реконструкции национального прошлого, всех ее эпизодов и действующих лиц, рьяно взялись на публикацию свидетельств, которые могли помочь погрузиться в историю не только профессионалам, но и обывателям. В 1834 г. во Франции по инициативе Ф. Гизо был создан Комитет исторических работ, в задачи которого входило руководство исследованиями и публикациями документов на средства государственного бюджета. Этот проект был настолько важен, что Гизо составил многостраничное официальное обращение к королю, объясняя необходимость участия государства в сфере сохранения исторических памятников²⁰⁵.

Подбор документов и отрывков из них, комментарии и предисловия – все это, как правило, свидетельствовало об определенной направленности публикаций, их целях и задачах. Уже в 20-е гг. XIX в. начинают издаваться мемуары, памфлеты и другие источники, дающие возможность более глубокого изучения биографии герцога. Например, важным шагом на пути к изучению биографии герцога явилась публикация, осуществленная по инициативе Жака Берриа-Сен-При – юриста, историка, естествоиспытателя и писателя. Участник Французской революции и бонапартист, он, благодаря своим исследованиям и интересу к истории права, стал членом Общества антикваров Франции, а в 1844 г. даже был избран его председателем. На суд этого исторического сообщества в 1822 г. он впервые и представил обзор неопубликованных писем Франсуа и Генриха де Гизов из коллекций Гарньера и Бетюна, которые объединяли значительный комплекс эпистолярного наследия герцогов. В конце XVIII – начале XIX вв., в период возникновения Национального архива и развития архивной службы во Франции, они оказались в его составе и стали доступны для исследователей. В публикацию, предпринятой в том же году, были включены некоторые письма и отрывки из посланий герцога²⁰⁶. Им предшествовал достаточно обширный биографический очерк, в котором автор, со ссылками на множество источников и исторических сочинений разных эпох, повествует о роде Гизов, его возвышении и влиянии на французскую политику. Помимо этого, историк проводит профессиональный анализ источников, свидетельствовавший о влиянии антикварной традиции на исследования XIX в.

---

²⁰⁵ *Guizot F. Rapports au roi et pièces / [Signé: Guizot]. Paris. 1835. Publication numérique.*

URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k25143/f33.image> (дата обращения: 03.03.2021).

²⁰⁶ *Berriat-Saint-Prix J. Observations sur plusieurs lettres inédites...*

Берриа-Сен-При не дает какой-то определенной оценки деятельности Гизов, так как характер и цель этого очерка иная – ввести в курс дела читателя, который знакомится с представленными документами. Но именно здесь впервые были полностью опубликованы хорошо сохранившиеся в составе коллекции три детских письма принца Жуанвиля, будущего герцога Генриха де Гиза²⁰⁷. Причем это публикация так и осталась уникальной, поскольку в ней автор дал подробные исторические и лингвистические комментарии многим загадочным и спорным пассажирам²⁰⁸, высказав интересные догадки. Позже эти письма вошли в качестве приложения в монографию Ж. де Кроза²⁰⁹, а отрывки из них использовались некоторыми биографами герцога вплоть до начала XXI вв. Однако они не содержали столь пространных комментариев, а непонятные пассажи ученые предпочитали не замечать. Вследствие этого популярным стал единственный и наиболее понятный отрывок из этой переписки – разговор с дядей, кардиналом Лотарингским после мессы в Реймсе. Отсутствие ссылок на эту публикацию у большинства историков, в том числе биографов Гизов XIX в. говорит о том, что она осталась практически незамеченной. Однако беседа с дядей-кардиналом не раз упоминалась исследователями, поскольку отлично вписывалась в создаваемый ими образ герцога, который якобы уже с детства питал пристрастие к военной карьере, плохо разбирался в теологических вопросах, зато стремился к славе, обладал амбициями и вспыльчивым характером.

Масштабы публикации документов личного происхождения в эпоху Реставрации были поистине беспрецедентными. В одной только серии «Полная коллекция мемуаров по истории Франции», которая была начата Клодом-Бернаром Петито в 1819 г. и завершена в 1829 г., вышел 131 том, из которых значительная часть была посвящена второй половине XVI в.²¹⁰ Были изданы воспоминания историка и приближенного двух королей Ж. О. де Ту²¹¹, королевского чиновника и мемуариста П. Л'Этуаля²¹², военного и дипломата М. де Кастельно²¹³, государственного секретаря четырех королей Н. де Вильруа²¹⁴, королевы Маргариты де Валуа²¹⁵.

---

²⁰⁷ *Berriat-Saint-Prix J.* Op. cit. P. 18–28; *Lettres du petit Guise // BnF. Département des manuscrits. La collection Gaignières*, vol. 348, f. 151, 153, 157.

²⁰⁸ *Berriat-Saint-Prix J.* Op. cit. P. 29–40.

²⁰⁹ *Croze J. de.* *Les Guise...* T. II. P. 331–335.

²¹⁰ *Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France...* S.1: T. 1–52; S.2: T. 1–78. P., 1819–1829.

²¹¹ *Thou J. A. de.* *Mémoires*, 1553–1601...

²¹² *L'Estoile P. de.* *Mémoires et journal...*

²¹³ *Castelnau M. de.* *Mémoires...*

²¹⁴ *Villeroy N. de Neufville.* *Mémoires d'etat...*

²¹⁵ *Marguerite de Valois.* *Mémoires [1569–1582]...*

Одними из первых в этой серии были опубликованы мемуары французского полководца и дипломата Мишеля де Кастельно. В них автор, достаточно умеренный по своим взглядам, красочно описывает некоторые эпизоды военной карьеры герцога, в частности оборону Пуатье, рисуя портрет молодого героя, который, выказав радость, что может противостоять в открытом бою убийце отца, принял командование и кинулся на передовую «сопровождаясь великим множеством дворян, имея решимость умереть, защищая брешь, но не сделать ни шагу назад»²¹⁶. При этом автор нисколько не сомневается в амбициях Гизов и их стремлении заполучить корону. Однако не надо забывать, что Кастельно, который был католиком, отказался присоединиться к Лиге и был лишен герцогом де Гизом поста губернатора, что несомненно отразилось на его мнении о главе Святого союза.

Несмотря на востребованность в XIX в. воспоминаний представителей различных лагерей и выходцев из разных сословий, ничто не сравнится с популярностью мемуаров и дневников деятелей умеренного крыла, близких к королевской власти, так называемых «политиков». Можно сказать, что это столетие заново открывает для себя дневники парижского чиновника Пьера Л'Этуаля. Происходившей из семьи высшего чиновничества и сам занимавший достаточно высокие должности в королевстве, этот нотариус был сторонником монарха и не испытывал любви к Лиге и ее лидеру²¹⁷. Его «Дневник царствования Генриха III»²¹⁸ является уникальным источником, зафиксировавшим для потомков перипетии политической и религиозной борьбы XVI в., памфлетные войны, а также проявления политической культуры горожан. П. Л'Этуаль был известным собирателем различных слухов, анекдотов, пересуд, которые он щедро включал в свои дневники. Благодаря ему многие из них пережили эпоху Генриха IV, когда часть документов, касающиеся гражданской смуты, уничтожалось в рамках политики «гражданского примирения». В XIX в. хорошо осознавали ценность подобных свидетельств, поэтому этот дневник издавался более десяти раз²¹⁹.

---

²¹⁶ *Castelnau M. de. Op. cit. P. 468.*

²¹⁷ О нем см.: *Hamilton T. Pierre de L'Estoile and his World in the Wars of Religion. Oxford: Oxford University Press, 2017; Kuperty-Tsur N. Bruits et nouvelles dans les Mémoires-Journaux de Pierre de L'Estoile // Parlement[s], Revue d'histoire politique, 2017/1 (N° 25). P. 141–160. Publication numérique. URL: <https://www.cairn.info/revue-parlements-2017-1-page-141.htm> (дата обращения: 04.03.2021).*

²¹⁸ *L'Estoile P. de. Op. cit.; современное науч. издание: L'Estoile P. de. Registre-journal du règne de Henri III. Genève: Droz, 1992–1997.*

²¹⁹ Наиболее значимые издания: *L'Estoile P. de. Mémoires pour servir à l'Histoire de France, et Journal de Henri III et de Henri IV // Collection des Mémoires relatifs à l'Histoire de France. 1ère série. T. 45, 46, 47, 48, 49. Paris: Foucault, 1825–1826; Idem. Journal inédit du règne de Henri IV, 1598–1602 / publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque impériale. Paris: Aubry, 1862.*

Еще одним историком и мемуаристом из лагеря умеренных «политиков» был писатель, историк и юрист Жак-Огюст де Ту. Его произведения, как и многие, написанные в это переломное время, находятся на стыке мемуаристики и историописания. Де Ту был ярким противником Католической лиги и Гизов, считая их интриганам и возмутителями спокойствия. Именно на Гизов он возлагал большую часть ответственности за разжигание войны и ее продолжение. Его мемуары были одним из самых цитируемых источников по истории Франции XVI в. на протяжении двух следующих веков, но чаще читатели могли познакомиться с ними только в отрывках. Помимо издания 1820-х гг., они вышли в сборнике 1837 г. под научной редакцией Ж. Бушона²²⁰. Он включал богатый справочный аппарат и краткие биографии авторов, но его главное достоинство состояло в том, что составители старались ввести в научный оборот как можно больше сохранившихся источников, предоставляя слово разным партиям. Воспоминания сторонников Лиги соседствуют в нем с мемуарами их противников – протестантов и «политиков». Одни и те же события даже в одном томе иногда транслировались с различных точек зрения, что давало возможность читателю оценить их неоднозначность. Возможно, именно с этой целью издатели сборника отказались от источниковедческих комментариев, что становится весьма характерным для XIX в.

В конце 1820-х – 1830-е гг. начинают переиздаваться также мемуары деятелей, воевавших на стороне католиков и близких к Генриху де Гизу. Однако нередко их авторы, хотя и рисовали более благоприятный портрет герцога, делали акцент на его военных заслугах, внешних качествах, стремлении подражать отцу и отомстить за его гибель. Несмотря на принадлежность к одному лагерю и участие в совместных военных предприятиях, они практически не дают сколько-нибудь комплексного и глубокого портрета герцога, рассказа о его политической деятельности или оценки поведения. Более того, даже эти авторы часто были настроены весьма критично по отношению лидеру Католической лиги.

Например, маршал Таванн, чьи мемуары и корреспонденция, которые были собраны и изданы его сыном, пользовались достаточной популярностью и издавались неоднократно в течение XVIII–XIX вв.²²¹, весьма скептически относился к талантам и качествам молодого

---

²²⁰ *Thou J. A. de. Mémoires de Jacques-Auguste de Thou depuis 1553 jusqu'en 1601 // Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France: avec notices biographiques / par J.-A.-C. Buchon. Paris: Desrez, 1837. P. 564–676.*

²²¹ *Tavannes G. Mémoires des Messire Gaspard de Saulx...; Idem. Mémoires des choses advenues en France es guerres civiles, depuis l'an 1560 jusques en l'an 1596 // Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France / avec notices biographiques par J.-A.-C. Buchon. Paris: A. Desrez, 1836. 1 vol. (XXXII). P. 434–505; Idem. Mémoires de très noble et très illustre Gaspard de Saulx, seigneur de Tavannes, ... / [réd. par Jean de Saulx] // Nouvelle collection des mémoires pour*

герцога как полководца. Умерший в 1573 г., этот военачальник участвовал в совместных с Гизом предприятиях, когда последнему не было еще и двадцати лет, и составил о нем не очень благоприятное впечатление как о храбром, но не слишком умном и эгоистичном молодом человеке. Возможно, маршал завидовал успеху и высокому положению герцога, кроме того, нельзя не отметить, что современники считали самого Таванна весьма циничным и рациональным человеком «новой формации», который не слишком ценил рыцарские идеалы и соответствующее поведение. В его репрезентации Генрих де Гиз предстает перед читателем в образе горячего и недалёковидного юнца, который, стремясь выделиться, бросался в гущу сражения, презирая субординацию и дисциплину, чем ставил под удар основные части армии. Это нелестная характеристика часто использовалась биографами герцога в XIX–XX вв., хотя сами воспоминания были составлены сыном де Ту по запискам отца, поэтому мемуарами самого прославленного полководца они могут считаться весьма условно.

В воспоминаниях другого военного, маршала Франции Блеза де Монлюка²²², который служил Лотарингскому дому и был для принца учителем военного дела, описывается несколько эпизодов из детства принца Жуанвиля и начала его военной карьеры. Несомненно, интересные с точки зрения изучения его ранней биографии, картины посвящения будущего герцога в воины мало что добавляли к его сложившемуся портрету и при поверхностном чтении также создавали образ любителя приключений, стремившегося достигнуть успехов своего отца, но так и не преуспевшего в этом.

В 1834 г. вышло издание, в котором были объединены документы, в том числе редкие, не публиковавшиеся ранее, посвященные убийствам герцога и его брата, кардинала де Гиза²²³. Несмотря на утверждение некоторых историков, что оно было практически незамеченно исследователями и читающей публикой²²⁴, анализ развития живописи этого периода может свидетельствовать о влиянии этой публикации на художественную жизнь эпохи и репрезентацию гибели герцога в искусстве. В частности, именно в 1834 г. были написаны и представлены

---

servir à l'histoire de France. Vol. 1, VIII. Paris: Guyot frères, 1851. P. 3–561; *Tavannes J. de Saulx; Tavannes G. de Saulx. Correspondance des Saulx-Tavanes au XVIe siècle / recueillie et annotée par L. Pingaud.* Paris: Champion, 1877.

²²² *Monluc B. de Lasseran-Massencôme. Commentaires...*

²²³ *Documens historiques sur l'assassinat des duc et cardinal de Guise // Revue rétrospective, ou Bibliothèque historique: contenant des mémoires et documens authentiques, inédits et originaux, pour servir à l'histoire proprement dite, à la biographie, à l'histoire de la littérature et des arts / [publiée par Jules Taschereau].* Paris. 1-e serie. T. 4. 1834. P. 221–225.

²²⁴ *Hazon de Saint-Firmin J. Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise à Blois, les abbés Claude de Bulles et Étienne d'Orguyn // Mémoires de la Société des sciences et lettres de Loir-et-Cher.* Blois, 1913. T. XXIII.. 2-eme parti. P. 29–30.

зрителям знаменитое полотно П. Делароша (Рис. 3), а также картина А. Декена, косвенно связанная с этим сюжетом (Рис. 4).

Ближе к середине XIX в. издание источников продолжилось. Так, например, в 1836 г. стали выходить тома популярной «Новой коллекции мемуаров по истории Франции» Ж. Ф. Мишо и Ж. Ж. Ф. Пужула²²⁵, включавших переиздания многих воспоминаний участников смуты. Подобных многотомных серий в XIX в. было издано немало.

Помимо мемуаров, уже в первой половине столетия развернулась работа по изданию других источников. Самым известным многотомным собранием документов по национальной истории явился проект Ф. Гизо «Неизданные документы по истории Франции», вышедшие с 1835 г.²²⁶ Эта публикация, инициированная Комитетом истории Франции, продолжается до сих пор и включает на сегодняшний день более 300 томов.

Нас не может не восхищать масштаб издания источников в эту эпоху. Кажется, что все богатство прошлых эпох неожиданно открылось восхищенному взору историков и любителей старины. Однако при более внимательном рассмотрении хорошо заметно, что эта подборка в большинстве случаев была достаточно тенденциозной. В основном издавались мемуары, хотя в общих тематических подборках различных документов иногда присутствуют памфлеты и документы официального характера. Помимо воспоминаний, довольно неплохо была представлена переписка, но далеко не вся из доступной для изучения. В любом случае, самый значительный комплекс публикаций приходился на документы личного происхождения, несомненно, интересные и бесценные для изучения менталитета эпохи, восприятия событий современниками, формирования коллективной памяти и много другого, но самый субъективный с точки зрения попыток воссоздать реальную картину прошлого.

Тенденция к клишированному освещению событий наблюдается и в подборке источников для специализированных сборников документов по истории Религиозных войн. Например, в 1835 г. вышел очередной, седьмой том «Архивных документов по истории Франции», посвященный событиям Варфоломеевской ночи²²⁷. Составители этого сборника, как и многих других подобных публикаций, ставили перед собой благородную цель обнародовать свидетельства, представляющие различные версии одного и того же события, чтобы читатель мог

---

²²⁵ Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe // Michaud J. Fr.; Poujoulat, Jean Joseph Francois. Paris, chez l'éditeur du Commentaire analytique du Code civil, 1836–1839. 32 volumes.

²²⁶ Collection de documents inédits relatifs à l'histoire de France. Publication numérique.

URL: https://bnf.libguides.com/documents_inedits_histoire_france (дата обращения: 03.03.2021).

²²⁷ Archives curieuses de l'histoire de France / par Cimber L., Danjou F. 1ere serie. Tome 7. Paris: Beauvais, 1835.

составить о нем собственное представление. «Беспристрастное суждение требует бесстрастного судьи»²²⁸, – с этой мысли составители начинают предисловие к сборнику. Однако сам отбор источников и крайне эмоциональное предисловие говорят о тенденциозности этого проекта. Оправдывая свой субъективный подход, авторы ссылаются на характер самих Религиозных войн, которые в их глазах были одной из самых трагических, а иногда и позорных страниц национальной истории: «К сожалению, спокойствие покидает нас перед лицом столь ужасных событий...»²²⁹

Можно даже проследить определенную преемственность данного издания со знаменитыми протестантскими публикациями конца XVI – начало XVII вв., таких как «Мемуары Лиги» С. Гулара²³⁰. Как и в нем, большое место в сборнике 1835 г. уделяется решающей роли Екатерины Медичи и герцога де Гиза в организации Варфоломеевской ночи. Среди представленных документов особое место занимает протестантский памфлет 1577 г., содержащий краткое описание религиозного противостояния и призывы к свержению тирании Екатерины Медичи, организовавшей избиение протестантов. Еще один источник, выбранный составителями – «Отчет о резне в Варфоломеевскую ночь»²³¹ – отрывок из рассказа о событиях августа 1572 г., напрямую заимствованный из «Мемуаров Лиги», который транслирует читателям откровенно протестантскую версию событий. С. Гулар являлся современником смуты, богословом-протестантом и монархомахом, который собрал и опубликовал множество документов по истории Католической лиги и Религиозных войн. Однако сам автор не был непосредственным свидетелем событий, о которых он пишет. За несколько лет до Варфоломеевской ночи, после смерти Ж. Кальвина, он переехал в Женеву и стал позже духовным лидером кальвинистов. В его видении событий Религиозных войн во Франции явно прослеживается последовательная защита идей и политики протестантов. Католическую лигу, например, он называл «проклятым и кровавым» порождением Антихриста, «которое осмелилось именовать себя Святой»²³². В своих размышлениях о причинах трагических событий, он не может обойти стороной фигуру Генриха де Гиза, которого он считал одним из зачинщиков и

---

²²⁸ Archives curieuses de l'histoire de France... P. j.

²²⁹ Ibid. T. 7. 1835.

²³⁰ Goulart S. Mémoires de la Ligue, sous Henri III & Henri IV Rois de France. Comprenans en six volumes, ou recueils distincts, infinies particularités mémorables des affaires de la Ligue, depuis l'an 1576, jusques à l'an 1598. T. 1–6. S.l. [Genève], 1598–1604.

²³¹ Relation du massacre de la Saint Barthélémy (tirée des Mémoires de l'état de France sous Charles IX) // Archives curieuses ... Tome 7. P. 77–132.

²³² Ibid. P. 83.

виновников преследований кальвинистов, называя его “гением интриг” и настаивая на том, что он использовал недовольство католиков для реализации собственных политических амбиций.

Несмотря на явно ангажированную позицию, рассказ Гулара о Варфоломеевской ночи и других событиях второй половины XVI в., в XIX в. приобрел статус классического, поскольку, с одной стороны, это было одно из немногих свидетельств эпохи, которое благодаря образованности и писательскому опыту автора включало элементы научного анализа и систематизации материала, а с другой, потому что либеральные историки XIX в. больше доверяли свидетельствам протестантов, считая их не только пострадавшей стороной во время Варфоломеевской ночи, но и главной жертвой религиозных войн вообще.

Эти документы конструировали определенное представление о событиях и его участниках, а точнее, служили подтверждением и поддержкой тому образу, который уже сложился у читателей Вольтера и официальных исторических трудов XVII–XVIII вв. Варфоломеевская ночь в изложении автора «Отчета...» была задумана на секретном Совете, которым руководила Екатерина Медичи, а Гизы были активными участниками, которые «из-за своих частных ссор так спутали карты, что никак не могли успокоиться...»²³³ Герцог де Гиз в нем предстает жестоким и мстительным исполнителем королевской воли, выказывая неуважение к трупу врага и призывая убивать протестантов «именем короля». Поскольку этот рассказ был опубликован еще в начале XVII в., а в дальнейшем историки и писатели опирались на него в своей интерпретации событий, то весь этот сценарий был неплохо знаком всем, кто интересовался Религиозными войнами и просто историей Франции в целом. Данная публикация давала только дополнительную возможность получить информацию «из первых рук» и расширяла возможности знакомства с этим свидетельством, учитывая ограниченный доступ массового читателя XIX в. к сборнику С. Гулара.

Здесь же составители опубликовали письмо короля Карла IX Генриху де Гизу в качестве генерал-лейтенанта Шампани и Бри, написанное монархом 18 сентября 1572 г. В нем монарх дает указания относительно религиозной политики в графстве, призывая действовать мягко, но не допускать противодействия королевской воли. Однако, помещенное в соответствующий исторический и текстологический контекст, между свидетельствами о продолжающийся резне в провинциях, оно создает впечатление слабости власти и потворства насилию со стороны короля и герцога, и даже может быть воспринято как доказательство возможного участия Гиза в карательных операциях, учитывая тон письма²³⁴.

---

²³³ Relation du massacre de la Saint Barthélémy... P. 87.

²³⁴ Lettre du Roy au duc de Guise // Archives curieuses ... Tome 7. P. 379–381.

К несомненным достоинствам этого сборника, изданного фактически в память о событиях Варфоломеевской ночи, явилось то, что авторы осветили новые проблемы, связанные с событиями прошлого. Одна из главных – национальная ответственность за религиозную резню XVI в. Подбор документов свидетельствует о некотором стремлении разобраться в причинах данной трагедии и в ее влиянии на французское общество конца XVI в. Составители акцентируют внимание на важности данного события как знакового для французской истории, не случайно ему посвящен отдельный том этого проекта. В предисловии они призывают общество попытаться честно разобраться в том, что реально произошло в августе 1572 г., максимально точно восстановить ход резни и предшествующих ей событий.

Значительную роль в расширении источниковой базы по истории Франции сыграла публикация в 1836 г. редких документов, связанных с историей Генеральных Штатов 1588 г. и убийством братьев Гизов, в одном из томов «Архивных документов по истории Франции»²³⁵. Благодаря ей не только у исследователей, но и у читающей публики появилась возможность познакомиться с небольшой частью переписки герцога де Гиза и его сторонников, католическими памфлетами, направленными против политики Валуа, протестами в связи с убийством братьев, отчетами советников Парижского парламента и многими другими материалами. Множественность ссылок на это издание как у историков, так и у писателей, драматургов и художников XIX в. по обе стороны баррикад говорят о его несомненной востребованности.

Тем не менее в дальнейшем более популярной темой источниковедческих компиляций становится Варфоломеевская ночь. В 1853 г. появляется даже сборник рассказов современников об этих событиях, составленных путем извлечений из наиболее известных мемуаров²³⁶. В него вошли воспоминания о Варфоломеевской ночи Маргариты Валуа, П. де Брантома, Ж.К. де Ту, Б. Монлюка, П. де Л'Этуалья и несколько других свидетелей резни. Поскольку сборник вышел в серии «Библиотечки для путешественника», он был, несомненно, рассчитан на массового читателя. Документам предшествовала вводная статья, в которой автор высказывал собственную точку зрения, задавая читателям определенную интенцию для восприятия резни в Париже. Данный сборник отличался от своего предшественника большим разнообразием позиций свидетелей. Среди авторов фигурируют и представители умеренной партии, и сторонники короля, и крайние католики, которые были непосредственными свидетелями описанных ими

---

²³⁵ Archives curieuses de l'histoire de France... Т. 1-12. Paris, 1836.

²³⁶ La Saint-Barthélemy / récit extrait de l'Estoile, Brantôme, Marguerite de Navarre, de Thou, Montluc etc.. Paris: L. Hachette, 1853.

событий, и молодая королева Наваррская, которая играла совершенно особую роль в Варфоломеевской ночи. Однако это не могло повлиять на восприятие роли герцога де Гиза в глазах читателей XIX в. хотя бы потому, что те свидетельства, которые содержали какую-либо продуманную и обоснованную версию этих событий, напрямую обвиняли семью Гизов в сообщничестве королевской власти в этом преступлении. Например, сборник включал отрывок из мемуаров Огюста де Ту, считавшего, что Варфоломеевская ночь была подготовлена Карлом IX и Гизами, и именно на них лежит основная ответственность за массовые жертвы.

Несмотря на некоторое разнообразие издаваемых в середине – второй половине XIX в. воспоминаний, авторы которых принадлежали к разным лагерям, они продолжали поддерживать у читателей определенные представления о характере и деятельности герцога. Базой для конструирования образа Гиза оставались мемуары протестантов и умеренных «политиков», чьи произведения, несомненно, лидировали среди изданий XIX в. И те, и другие были политическими или религиозными противниками Католической лиги и семьи герцога.

Например, огромным успехом в эту эпоху пользовались труды известного поэта и историка, участника Гражданских войн, кальвиниста Агриппы д'Обинье. Как и Гулар, д'Обинье считается не только поэтом, но и историком, поэтому его произведения трудно разделить на собственно мемуары и исторические труды, когда он пишет о событиях, участником или современником которых являлся. Агриппа отличался еще большей пристрастностью в изображении деятельности герцога. Он прямо называет его организатором Варфоломеевской ночи, призывающим к убийствам во имя Бога. В рассказе о гибели Колиньи поэт и мемуарист опирается на предшественников и свидетельство одного из участников расправы, но «украшает» их описанием низкого жеста со стороны де Гиза: тот не просто поворачивает ногой голову адмирала, но пинает его в живот. Надо добавить, что Агриппа, также, как и Гулар, не был свидетелем не только этой сцены, но и Варфоломеевской ночи вообще, что снижает ценность его рассказа как исторического источника. При этом знаменитый поэт сражался в войне на стороне Генриха IV и был врагом Генриха де Гиза, никогда не скрывая своей неприязни к нему.

Воспоминания участников событий, будь то протестанты или католики, отличались от полемической литературы не только стилем, но и методами конструирования образов. Тот же д'Обинье превозносит героизм и военные таланты герцога, проявленные, например, при обороне Пуатье²³⁷. Мемуаристы стараются избегать гиперболизации, поэтому представление о герцоге де Гизе, которая складывается при знакомстве с ними, более сложное и неоднозначное, чем в памфлетах. Но практически всегда оно строится по общим шаблонам, очень редко вырываясь

---

²³⁷ *Aubigné Th. A. d' Histoire universelle ...* Т. 3, 1568–1572. P. 100–110.

за рамки определенных схем. Например, почти все мемуаристы упоминают воинские качества герцога: смелость, решительность и даже задатки полководческих талантов, стремление проявить себя на поле боя. Традиционный образ достойного противника трансформировался в данном случае в образ человека, которого Бог и природа наделили выдающимися качествами, который был поставлен выше многих других, но захотел большего и не смог правильно распорядиться тем, что ему дано. Когда в XVII – XVIII вв. морализаторский и дидактический аспект истории начинает превалировать у многих авторов, этот образ стал особенно востребованным.

Развитие исторической науки во второй половине XIX в., особое внимание к фактам, содержащимся в документах, характерных для позитивистского дискурса, способствовали продолжению издания источников. Кроме мемуаров, которые были в моде в начале века, внимание историков удостоиваются акты, переписка, протоколы заседаний разнообразных органов и ассоциаций, судебная документация, речи и проповеди. Во второй половине XIX в. особенно активизировались в деле публикации источников протестантские исторические общества. Для них сохранение памяти о событиях трехвековой давности продолжало оставаться важным с точки зрения религиозной идентичности и борьбы за расширение своих прав. В 1852 г. было образовано Общество истории французского протестантизма²³⁸, которое стало выпускать свой научный вестник. В нем, среди прочего, часто публиковались документы по истории Религиозных войн. Среди прочего, большое внимание в нем уделялось таким символическим для протестантского сообщества событиям как резня в Васси²³⁹, Варфоломеевская ночь²⁴⁰,

---

²³⁸ Société de l’Histoire du Protestantisme Français: site officiel. URL: <https://www.shpf.fr/> (дата обращения: 04.03.2021).

²³⁹ Например: Correspondance de François de Lorraine, duc de Guise, avec Christophe, duc de Wurtemberg. Deuxième série. Massacre de Vassy (Mars—Avril 1562) // Bulletin Historique et Littéraire (Société de l’Histoire Du Protestantisme Français). Vol. 24. 1875. № 5. P. 209–221. URL: <http://www.jstor.org/stable/24286138> (дата обращения: 01.09.2024).

²⁴⁰ Например: Haag M. E. et al. Les huguenots au lendemain de la Saint-Barthélemy. Siège, Blocus et Famine de Sancerre. La Discipline Religieuse Dans l’armée Des Huguenots. Prière Du Matin Au Corps-de-Garde // Bulletin de La Société... (1852-1865). Vol. 1. 1852. № 3/4. P. 100–105 // URL: <http://www.jstor.org/stable/24280963> (дата обращения: 01.09.2024); Dépêche du ministre des affaires étrangères d’Angleterre: A l’ambassadeur de la reine Elisabeth a Paris/ Sur la Saint-Barthélemy. 1572 // Bulletin de La Société... (1852-1865). Vol. 1. 1853. № 8/9. P. 363–367. URL: <http://www.jstor.org/stable/24281061> (дата обращения: 03.09.2024); Barthélemy E. de, Catherine de Médicis. Catherine de Médicis et la Saint-Barthélemy: d’après une lettre inédite // Bulletin Historique et Littéraire (Société de l’Histoire Du Protestantisme Français). Vol. 19/20. 1870. № 6. P. 258–262. URL: <http://www.jstor.org/stable/24285920> (дата обращения: 01.09.2024).

убийство Колиньи²⁴¹ и дальнейшие преследования сторонников Реформы. Активное участие представителей семьи Гизов во всех этих действиях только усиливало негативное восприятие их исторической роли и способствовало дальнейшему закреплению в исторической культуре классического отрицательного образа герцога. Эти издания, наряду со многими остальными, о которых шла речь выше, несмотря на их несомненную научную ценность, становятся базой для окончательного формирования в XIX в. протестантской мифологии вокруг католической «партии» и ее лидера.

На этом фоне обращает на себя внимание то, что во второй половине XIX в. не нашлось место для издания достаточно обширного эпистолярного наследия Генриха де Гиза. Его три детских письма и переписка с Филиппом II были опубликованы в монографии Жозефа де Кроза в качестве приложения, чтобы проиллюстрировать связи герцога с испанским двором²⁴². Считалось, что детские письма явились находкой Кроза в Национальном архиве, поэтому он их приобщил к изданию в качестве забавного курьеза. В действительности, как мы видели, они были найдены и опубликованы еще в 1822 г.

Среди многочисленных переизданий воспоминаний и дневников протестантов и «политиков» особняком стоит выход в 1863 г. дневника Жана Патта²⁴³, амьенского горожанина и удачливого буржуа, сторонника Лиги. Справедливости ради следует отметить, что в первой половине XIX в. был опубликован отрывок из этого документа, повествующий об убийстве братьев Гизов²⁴⁴, после чего он стал достаточно популярен и часто использовался авторами исторических сочинений. Однако только во второй половине столетия, когда усиливается влияние социологических теорий на историческую науку, исследователи начинают проявлять особое внимание к источникам, отражающим восприятие событий представителями разных социальных групп. Поэтому интерес к воспоминаниям горожанина-гизара был не случайным.

Значительное место в этих дневниках было уделено не только самой гибели братьев Гизов, но и реакции на это событие в городской католической среде. Патт, в отличие от Л'Этуала, был католиком-гизаром, поэтому он описывает это событие, которому, естественно, не был свидетелем, опираясь на слухи, памфлеты, проповеди и гравюры, повествующие о кровавых подробностях убийства, в больших количествах создававшиеся сторонниками католического

---

²⁴¹ Например: *Sonnet sur la mort de Gaspard de Coligny: Admiral de France (1572)* // *Bulletin de La Société...* (1852-1865). Vol. 2. 1853. № 1/2. P. 27–28. URL: <http://www.jstor.org/stable/24280937> (дата обращения: 09.09.2024).

²⁴² *Croze J. de. Op. cit.* Т. II. P. 330–428;

²⁴³ *Patte J. Journal historique de Jehan Patte...*

²⁴⁴ *Patte J. Assassinat des duc et cardinal de Guise, aux États de Blois (1588). Relation manuscrite de Jehan Patte, bourgeois d'Amiens* // *Bulletin de la Société de l'histoire de France*. Vol. 1, No. 2 (1834). P. 77–86

лагеря. Они были призваны показать жестокость короля и всех противников Лиги и представить все это действие незаконным убийством, а братьев Гизов – мучениками за веру. Под воздействием подобной литературы и горячих проповедей, будучи сам частью лигерской среды, Патт воспринимал смуту как часть божественного промысла, а убийство Гизов как масштабное преступление библейского масштаба, невиданное ранее во Франции беззаконие со стороны власти и монарха, божьего помазанника, который сам руководил расправой. Издание дневника Патта можно рассматривать как определенный прорыв в презентации темы Религиозных войн посредством источников, связанный с позитивистскими попытками комплексно представить факты, на которые можно было бы опираться в дальнейшем исследовании этих сюжетов. Однако характер обращения историков к этому источнику свидетельствует, что он использовался для демонстрации влияния, которое оказывала Католическая лига и ее наиболее активные деятели в лице памфлетистов и проповедников на сознание рядовых членов, поддававшихся влиянию манипуляторов и обаянию харизматических лидеров, прежде всего, Генриха де Гиза.

Таким образом, с одной стороны, несомненно, что в XIX в. была создана солидная основа для дальнейших исследований и знакомства широкой публики с историей Религиозных войн во Франции. Чтение мемуаров входит в моду, на них активно ссылаются в текстах пьес и описаниях живописных полотен, представленных в салонах и каталогах. С другой стороны, издания определенным образом подобранных источников способствовало закреплению стереотипов, порожденных эпохой гражданского противостояния. Публикаций, на основе чтения которых у публики мог сформироваться объективный образ герцога, а уж тем более, представление о его позитивной роли в событиях конца XVI в., было значительно меньше. Тем более что источники, подобные мемуарам Патта или католическим памфлетам, воспринимались большинством исключительно как пример полемической литературы или влияния пропаганды на массовое сознание.

1.2. Образы Генриха де Гиза в общих трудах по истории Франции и эпохе Гражданских войн

Издания документов по истории Религиозных войн, о которых шла речь в предыдущем параграфе, имеет для нас значение, в том числе как часть развития научных исследований в этой области. Хотя уже в XVI–XVII вв. были разработаны некоторые методы исторического анализа и работы с источниками, именно в XIX в. абсолютно беспрецедентный скачок, который произошел в отношении влияния исторического знания на общественную жизнь эпохи, способствовал возникновению тех базисных научных подходов, которые до сих пор являются предметом рефлексии. «В течение одного десятка лет силами одного поколения создается новая

историческая наука и целый ряд ее шедевров»²⁴⁵, – в этом тезисе советского ученого очень точно отражено то значение, которая имела эта эпоха для развития историографии. Появляются многочисленные обобщающие исследования, ставших, по словам Хейдена Уайта, «образцами исторического знания»²⁴⁶.

Открывается этот историографический период Французской революцией, которая породила новое ретроспективное видение путей развития общества, актуализировала темы, некоторые из которых казались забытыми, не слишком увлекательными или полезными для изучения. История королей, взлетов и падений власти, их ошибок и преступлений стала рассматриваться в совсем ином свете. Эпоха последних Валуа представляла в этом смысле благодатную тему, поскольку к этому времени благодаря официальной историографии XVII-XVIII вв., популярным романам и гению Вольтера в общественном сознании сложился неприглядный имидж этих монархов, которые запятнали себя религиозными преследованиями и подготовкой страшной резни, произошедшей в Варфоломеевскую ночь, ослабили государство и способствовали расколу страны. Ни одна эпоха, пожалуй, не позволяла привести столь ошеломляющие примеры преступлений королевской власти против собственного народа как вторая половина XVI в. Антихристианская политика тоже получила одно из самых сильных обоснований ссылкой на последствия религиозного фанатизма времен правления последних Валуа. Неслучайно популярным сюжетом исторических очерков и художественных произведений этой эпохи становится Варфоломеевская ночь²⁴⁷. Уже сконструированный в целом к этому времени в исторической культуре образ Генриха IV, одновременно «великого» и «доброего» короля, удачно оттенялся преступлениями его предшественников. Революционные писатели и пропагандисты взяли на вооружение эти представления, вписав их в националистический контекст, возобладавший в политическом пространстве. Итальянка Екатерина Медичи ассоциировалась с «австриячкой» Марией-Антуанеттой, проводившей, по мнению революционеров, антинациональную политику. В то время как Людовик XVI предстал в образе последних королей династии Валуа. Таким образом, тема Религиозных войн во Франции оказалась востребованной и актуальной в революционном дискурсе и уже не сходила со сцены исторических дискуссий и любительского интереса вплоть до XX в.

При этом Католическая лига, которая могла стать для революционеров XVIII в. образцом и предтечей, не вызывала восторгов новых борцов с королевской тиранией. С одной стороны,

---

²⁴⁵ Реузов Б. Г. Французская романтическая историография ... С. 6.

²⁴⁶ Уайт Х. Метаистория ... С. 171.

²⁴⁷ Dubief H. L'historiographie de la Saint-Barthélemy... P. 357–358.

политика Лиги, основанная на идеях защиты религии, традиционных институтов и недопущения к власти новой династии, расходилась с идеями Французской революции, провозгласившей борьбу с любыми проявлениями религиозного чувства, веру в прогресс и необходимость переустройства общества. С другой стороны, образ Католической лиги и ее лидеров, сформировавшийся под воздействием предшествующей исторической культуры, был окрашен исключительно черными красками. Именно с такими проявлениями фанатизма и несправедливости, которые приписывали этой организации, призывали бороться просветители и революционеры.

В период угрозы иностранного вторжения обвинения в адрес власти как виновников Варфоломеевской ночи приобретают новый, националистический дискурс. Историки и писатели ставят своей целью показать, что это преступление не было частью национальной истории, вина за него лежит не на французах, поскольку все руководители и идеологи Варфоломеевской ночи были иностранцами и врагами французского народа, ставшего жертвой их интриг. Таким образом, история была поставлена на службу не только антимонархическим, но и патриотическим, даже шовинистическим настроениям.

В этом же дискурсе воспринималась фигура лидеров католической партии. Гизов очень удобно было позиционировать как иностранцев, чьи интересы были далеки от нужд французского народа. Они были младшей ветвью Лотарингского дома, кроме того, мать герцога была итальянкой, потомком герцогов Феррарских и внучкой Лукреции Борджиа, что давало возможность обвинить их в некоем «антифранцузском» заговоре, который они задумали совместно с Екатериной Медичи с целью уничтожить истинных патриотов – протестантов. Интересно, что в XIX в. этот мотив продолжал использоваться некоторыми серьезными авторами, например, Ж. Мишле. Однако зарождение этой традиции следует отнести именно к концу XVIII в. Так, историк, драматург, просветитель и антиклерикал Габриэль Бризар, более известный под псевдонимом «аббат Бризар» основную причину всех несчастий Франции второй половины XVI в. видел именно во влиянии иноземцев на политическую и религиозную жизнь страны²⁴⁸. Гизы на страницах его исторического памфлета изображены «палачами»²⁴⁹ французского народа, «иностранцами, пристроившимися у трона»²⁵⁰, чьей рукой водила итальянка Медичи. Второй том своего исследования Бризар начинает с генеалогии рода Гизов, останавливаясь на каждом из его представителей и характеризуя их как тиранов, у которых, как

---

²⁴⁸ *Brizard G. Du massacre de la Saint-Barthélémy...*

²⁴⁹ *Ibid.* T.1. P. 8.

²⁵⁰ *Ibid.* P. 12.

у любых тиранов, были и некоторые достоинств²⁵¹. Историк придерживался точки зрения о преднамеренном характере Варфоломеевской ночи, среди авторов которой он называет герцога Генриха де Гиза – одного из участников Совета, на котором было принято решение о резне. Бризар приписывает ему приказ всем католикам вооружиться и прицепить белые кресты на шляпы и розовые шарфы на левую руку, для того чтобы в темноте отличить своих. Более того, именно на Гиза как на главного распорядителя двора историк накладывает ответственность и за резню в Лувре.

Однако во второй части главы, посвящённой герцогу, автор резко меняет тон повествования. Начиная с пересказа истории, подчерпнутой им у знаменитого историописца XVII в. Мезере, о спасении герцогом более сотни протестантов, несмотря на то что «им руководили месть и амбиции»²⁵², он рассуждает о достоинствах этого лидера, любимого народом, его «умеренности и человечности»²⁵³. Вероятно, именно всеобщая любовь французов XVI в. к герцогу заставляет Бризара взглянуть на его личность несколько под другим углом, безотносительно его преступлений во время Варфоломеевской ночи. Для француза конца XVIII в., увлеченного демократическими идеями, такой образ народного вождя, пользовавшегося авторитетом у людей разного социального положения, обладал огромной привлекательностью. Хотя он признает, что герцогом двигали тщеславие, погрузившее страну в бесконечную войну, это не мешает историку сравнивать его с Цезарем и с увлечением пересказывать множество легенд, которыми обросла фигура герцога де Гиза. Интересно, что его гибель он считает вполне закономерной. Не утруждая себя рассуждениями о причинах, которые привели к этой трагедии и дальнейшему краху Лиги, автор объявляет это мезстью свыше за убийство адмирала Колиньи во время Варфоломеевской ночи. Таким образом, именно это резня, по мнению Бризара, была главным преступлением герцога. Нельзя сказать, что автор конца XVIII в. обогатил образ Гиза какими-то новыми чертами, поскольку он практически целиком опирался на те представления, которые уже были сформированы историками XVII в., прежде всего, Мезере. Оригинальным и симптоматичным для революционной эпохи можно считать легенду об иностранном происхождении герцога, что могло служить объяснением антинациональной политики Гизов, приведшей страну к расколу и катастрофе.

Это обвинение в конце XVIII – первой половине XIX вв. становится неотъемлемой частью образа герцога де Гиза. Мысль о том, что разжигание и эскалация Религиозных войн была

---

²⁵¹ *Brizard G. Op. cit. T. 2. P. 23.*

²⁵² *Ibid. P. 27.*

²⁵³ *Ibid.*

«итальянским заговором», а противоречия характера и действий самого герцога были следствием его «двойного» иностранного, итало-германского происхождения, была подхвачена историками XIX в., в том числе достаточно влиятельными²⁵⁴.

В эпоху Реставрации, когда на волне развития национальной историографии и массового интереса к истории, наблюдалось повышенное внимание к истории Реформы и гражданских войн во Франции, эта тема очередной раз становится ареной борьбы.

Политические события первой половины XIX в. и тенденции развития социума давали богатую пищу для философско-исторических построений, стимулировали интерес к национальной и мировой истории. В конце XVIII – начале XIX вв. во Франции произошли события, совершенно изменившие облик общества: его социальную структуру, политическое устройство и менталитет. Реставрация монархии и две крупные революции, многочисленные восстания, начавшийся промышленный переворот и борьба за расширение избирательных прав, смена династии и еще одна попытка реализовать республиканскую мечту – все эти события, уместившиеся во Франции в несколько десятилетий первой половины – середины XIX в., время жизни одного поколения, заставляли обращаться к прошлому за ответами и примерами. Наибольший интерес для французов этого периода представляли собой эпохи смут и восстаний, гражданских войн и борьбы за престол. Позднее средневековье – начало нового времени, «эпоха катастроф», стала объектом пристального внимания, поскольку она могла помочь осознать происходившее, найти смысл и понять значение своей собственной эпохи. Поэтому Религиозные войны 1559–1598 гг., особенно их знаковые события: Варфоломеевская ночь, смена династии, убийство монарха и приход к власти Генриха IV – стали не только объектом изучения для многих историков, но и вызывали бурные споры в обществе.

Во Франции, с одной стороны, возвращение династии Бурбонов в 1814–1815 гг. стимулировали интерес к «бурбонскому мифу», истории ее восхождения на престол, а также актуализировало идеализацию Генриха IV. В 1815 г. возник настоящий культ этого монарха²⁵⁵. В то же время, политика новых представителей этой династии, особенно Карла X, утрата авторитета властью вызывала ассоциации с царствованием последних Валуа. Не случайно герцога Орлеанского некоторые считали новым герцогом де Гизом, который, в отличие от своего прототипа, решился на захват престола и отстранение от власти слабой, выродившейся и

---

²⁵⁴ Например, на иностранном происхождении Гиза делал акцент Ж. Мишле: *Michelet J. Histoire de France. Paris: Lacroix, 1880. Vol. 12. P. 89–90.*

²⁵⁵ *Кнехт Р. Указ. соч. С. 20.*

нелегитимной династии²⁵⁶. Луи-Филипп и сам был не против такой ассоциации, ему, несомненно, льстило сравнение с легендарным политическим лидером, некоронованным королем Парижа. Символично, что он сделал своей летней резиденцией замок д'Э в Нормандии, отстроенный Гизом и незаконченный по причине гибели герцога. Новый монарх украсил это жилище картинами и предметами, напоминающими о его бывшем владельце и событиях, связанных с историей замка.

Помимо политического уровня восприятия событий двух с половиной вековой давности, формирование образа Генриха де Гиза происходило на эстетическом уровне, где решающим было влияние романтического контекста. Несомненно, между художественными течениями эпохи, событиями, будоражившими страну и развитием историографии можно наблюдать некоторую интеграцию, которая и породила особую историческую культуру. Влияние романтизма было особенно сильным в первой половине XIX в. и нашло отражение не только в художественной культуре, но и в научных представлениях о прошлом. Разочарование в рационалистической картине мира, остро ощущавшееся во Франции, пережившей революцию, повлекло за собой поиск новых ориентиров и ценностей, которые могли бы заполнить собой вакуум, образовавшийся в обществе после провала попыток построить новое общество и вернуться в «золотой век» человечества. Одним из путей переосмысления этого опыта стало обращение к истории, более пристальное внимание к прошлому, в том числе к тем эпохам и персонажам, которые были презираемы в век господства разума. В 1815 г. драматург и историк Мари-Жозефа Шенье открыл новые перспективы исторической культуры: «предрассудок, существовавший долгое время, о том, что французская история скучна, отпадет, как только станут историю писать достойно [...] мы наследники восемнадцатого века, он открыл нам новые пути, [...] пришло время, когда наша общая история будет писаться историками...»²⁵⁷

Романтизм повлек за собой не только повальное увлечение изучением прошлого, но спровоцировал особое отношение к нему как к зеркалу, которое дает «двойное отражение» и позволяет лучше «разглядеть» и понять настоящее. Такой подход был, в какой-то степени, характерен и для Ренессанса, который опирался на обширный опыт античного наследия, и теперь XIX в., в свою очередь, черпал в XVI в. вдохновение для поисков нового мироустройства и осознания себя как эпохи перемен. Поиски национальной идентичности и движений «народного духа» в истории стали для историков и писателей-романтиков разных стран естественным

---

²⁵⁶ *Стендаль*. «Генрих III и его двор» // *Стендаль. Собр. соч.* в 15 т. Т. 7. С. 59.

²⁵⁷ *Chénier M.-J. Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789 par Marie-Joseph de Chénier.* Paris: Maradan, 1816. P. 157–158.

способом понимания настоящего. Поэтому за вдохновением они обращались чаще всего к средневековью, в котором видели проявление не общего, а частного, национального. Однако XVI в. – эпоха культурного возрождения и религиозной борьбы, рождения новых форм духовной жизни, отчаянной борьбы за власть, любовных походов и безрассудных авантур, эпоха «плаща и шпаги», «яда и кинжала», неизменно привлекала воображение романтиков: авторов исторических трудов, приключенческих романов и театральных драматических постановок.

Основой для романтического восприятия истории был особый подход к пониманию природы человека и общества. Индивид и мир вокруг него подчинялись не рациональным закономерностям, а движению духа, стихии, реализуя свою свободу в борьбе, ведомые страстями и противоречиями. Сильные харизматические личности, противопоставлявшие себя миру и власти, которые сопротивлялись непреодолимым обстоятельствам, испытывая высокие чувства, были главными героями исторических построений романтиков. Романтическая историография в целом, особенно ее либеральное направление, больше благоволила протестантам, однако образ герцога де Гиза – яркого и противоречивого персонажа, объединившего разные социальные группы в борьбе против королевского деспотизма, не мог не волновать воображения историков этой эпохи. Как отметил современный специалист по истории Религиозных войн Ж. М. Констан: «В XIX в. герцог стал рекордсменом ностальгии по Старому порядку»²⁵⁸. Генрих де Гиз все чаще появляется на страницах исторических трудов, романов и пьес, становится героем живописных полотен и музыкальных произведений романтиков.

В Наполеоновской империи обращение к образу герцога де Гиза таило некоторую опасность для историков и писателей. Не зная заранее мнение императора, нельзя было спрогнозировать его реакцию на невольное сравнение, которое предполагало подобное исследование. Случай с драматургом Ф. Ж. М. Ренуаром, о котором пойдет речь в следующей главе, продемонстрировал, что эти опасения не были надуманными. Авторы немногих общих обзоров французской истории, издание которых приходится на эти годы, избегали собственных оценок деятельности Гиза.

Однако уже в первые годы Реставрации в обществе возникает живой интерес к эпохе смуты, которая для французов первой половины XIX в. актуализировалась современными событиями. Появляется исследование Жана Шарля Доминика де Лакретеля (1766–1855) по истории Религиозных войн во Франции²⁵⁹, пользовавшееся популярностью в течение долгого времени. Автор этого труда был весьма примечательным персонажем, как и многие историки

---

²⁵⁸ Constant J.-M. Op. cit. P. 7.

²⁵⁹ Lacretelle J. Ch. D. de. Histoire de France pendant les guerres de religion... Т.1.

этой революционной эпохи. Будучи публицистом и членом клуба фейянов в первые годы Французской революции XVIII в., он затем стал горячим противником якобинцев и провел несколько лет в тюрьме за антиреспубликанские призывы. Приход к власти Наполеона предоставил Лакретелю не только свободу, но место во Французской Академии. Однако после возвращения династии Бурбонов он сделался их горячим сторонником, периодически, правда, выражая свое несогласие с цензурной политикой новой власти, особенно при Карле X. Лакретеля можно считать умеренным либералом, сторонником конституционной монархии и правового государства. В качестве профессора истории он издал несколько работ по различным периодам национального прошлого, которые можно назвать официальным нарративом, насколько это было возможно в бурное время частой смены власти и исторической политики.

Как человек эпохи Просвещения и Революции, противник деспотизма и тирании, Лакретель ищет в истории, с одной стороны, проявление человеческой свободы и личностного начала, а с другой – причины разложения власти и государственного краха. Эпоха Религиозных войн в концепции историка – период, когда «мы встречаем при дворе [...] истинных рыцарей и мудрецов, достойных быть законодателями в более счастливое время»²⁶⁰. Главным препятствием для процветания государства и проявления личностного начала в XVI в. он считал нетерпимость и религиозное противостояние, поскольку «дух ненависти и разнузданности был такой силы, что сразил бессилием всех тех, кого не мог увлечь»²⁶¹. Проявление собственной индивидуальности и противостояние тирании было, по его мнению, обречено на провал: «Единственная слава, которая была возможна для добродетельного человека, была не в том, чтобы не препятствовать преступлениям, а в том, чтобы не совершать их»²⁶².

Именно в рамках этой философско-этической концепции Лакретель пытается рассматривать деятельность Генриха де Гиза. Однако по мере развития образ главы Лиги в его произведении все больше выходит за рамки авторской идеи и приобретает черты противоречивой, но выдающейся харизматической личности. По мнению Лакретеля, герцога нельзя назвать человеком, который остался в стороне от насилия и убийств. При этом страницы исследования, посвящённые Гизу, проникнуты восхищением перед его военными талантами и лидерскими качествами. Кидаясь периодически от выражения ужаса перед жестокостью, мстительностью и гордыней герцога к преклонению перед его дерзостью, смелостью, демократизмом и прекрасными манерами, автор без особого успеха старается удержаться на двух

---

²⁶⁰ *Lacretelle J. Ch. D. de. Op. cit. P. 512.*

²⁶¹ *Ibid.*

²⁶² *Ibid.*

стульях, создавая, как ему кажется, объективный образ главы католиков. Возможно, Лакретель, опираясь на сложившуюся в литературе образ Гиза, считал, что такая противоречивость была в характере самого герцога, поэтому отразить правдиво суть его неординарной личности можно только подчеркнув неоднозначность его деяний и различные грани проявления его темперамента. Кроме того, на восприятие деятельности Генриха де Гиза, вероятнее всего, наложил отпечаток образ Наполеона, которым Лакретель когда-то восхищался и продолжал высоко ставить его как личность и полководца, но несколько пересмотрев к тому времени оценку его внутренней политики.

В результате Лакретелю удалось уже в 1814 г. создать новаторский образ Генриха де Гиза, не отличавшегося в его интерпретации цельностью характера, зато проявлявшего черты истинного романтического героя: мятежного, разрываемого противоречивыми устремлениями и чувствами, противостоящего обстоятельствам, мечущегося между добром и злом, и упорно идущего навстречу своей судьбе. В какой-то степени Лакретель, несмотря на критику его трудов современниками, задал тон историкам XIX в., показав, какой потенциал таит в себе образ герцога де Гиза для романтической исторической культуры.

20-е гг. XIX в. часто называют «великим десятилетием французской историографии». В этот период происходит переворот в исторической культуре, в частности, начинают выходить общие труды по истории, опирающиеся на новые методы и подходы, и ставшие классикой исторической науки, а также множество специальных исследований, освещающих отдельные периоды и наиболее яркие эпизоды прошлого. Высокий статус историков и исторической науки проявился в избрании и назначении их на высокие политические посты. Стремительная политическая карьера Франсуа Гизо была во многом следствием его исторических работ, опубликованных перед революцией 1830 г.

Однако для понимания особенностей исследования Религиозных войн в этот период необходимо учитывать, что XIX в. – время, когда протестанты укрепляют свое положение во Франции, несмотря на дальнейшую секуляризацию сознания и всех сторон жизни общества. После Революции XVIII в., не только толерантность и антиклерикализм, но и реформированная религия получили намного большее распространение, чем в предшествующие столетия. В 1820-е гг. некоторые потомки протестантов, покинувших родину много десятилетий назад, возвращаются во Францию. Среди них были художники, писатели, поэты и историки, которые обращались к истории Религиозных войн. Наряду с тем, что кальвинисты, оставшиеся на родине, обрели значительно большую свободу, чем в XVI–XVIII вв., подобная политика привела к тому, что протестантизм получил мощную поддержку. Последователи реформаторов занимают некоторые ведущие должности в государственном аппарате, местном самоуправлении, системе

образования и научных учреждениях. В 1824 г. возникает Общество поддержки протестантизма (SEIPP), которое целенаправленно стремилось к формированию и распространению позитивного образа французских протестантов ²⁶³. Обратной стороной такой деятельности стало конструирование негативного образа католиков, особенно священников и лидеров католического лагеря в период противостояния. Это стало питательной средой для оформления определенного образа главы Католической лиги.

Одним из пионеров в освоении новых принципов изучения национальной истории был Жан-Шарль-Леонард де Сисмонди (1773–1842), издавший в 1820-е–1830-е гг. свою «Историю французов»²⁶⁴. Об основательности этого исследования говорит хотя бы то, что автор писал его почти двадцать лет. Период французской истории от Меровингов до конца XVIII в. занимает тридцать один том этого издания. Историк и экономист либеральных убеждений, швейцарец по рождению и протестант, Сисмонди, несмотря на эволюцию научных и философско-политических взглядов в течение жизни, всегда оставался сторонником свободы, конституции и благотворного влияния правительства и правильных законов на нравы народов. В истории он видел, прежде всего, поучительный смысл, критикуя Мишле за излишнюю литературность. Прошлое для него – это арена борьбы государств и народов за свою свободу, а в философском смысле – борьбы добра со злом.

Как и многие ученые в XIX в., Сисмонди считал, что только систематическое обращение к источникам может помочь новому «открытию» национальной истории, сделать ее правдивой и интересной. По его убеждению, искажение прошлого в угоду политическим и социальным интересам лишило французскую историю нравственного содержания, который может возбудить интерес к ней. Своим творчеством он призывал историков вернуться от поэзии и философии назад к фактам, чтобы понять движущие силы поступков людей. Несмотря на то, что его «История французов» издавалась в годы расцвета романтической историографии, и его самого чаще всего относят к этому направлению, Сисмонди своим исследованием вел полемику с самыми известными романтиками и их подходами к конструированию исторического прошлого.

По этой же причине он отказался от использования художественной литературы и хроник, столько уважаемых его оппонентами. Однако круг источников, на которые опирается сам Сисмонди, вполне традиционен. Предоставляя слово современникам событий и историкам XVI–

---

²⁶³ Cabanel P. De l'école protestante à la laïcité. La Société pour l'encouragement de l'instruction primaire parmi les protestants de France (1829–années 1880) // Histoire de l'éducation. Vol. 110. № 2. 2006. P. 53–90; *Sérié P.* La peinture d'histoire en France (1867–1900). Thèse de doctorat... P. 311.

²⁶⁴ *Simonde de Sismondi J. C. L.* Histoire des Français. 31 vol. Paris; Strasburg: Treuttel et Würtz, 1821–1844.

XIX вв., приводя различные мнения по поводу того или иного явления или действий персонажей, он старается сохранить объективность, избегая собственных оценок и суждений. Поэтому, с одной стороны, образ Гиза лишен художественной интерпретации и преувеличений, к которым были склонны более поздние авторы-романтики, а до них Вольтер, с другой, ему не хватает обобщений и аналитических выводов, которых Сисмонди пытается сознательно обходить. В соответствии с нарративным методом реконструкции событий и персонажей, следуя за текстом известных источников, предоставляя слово современникам событий, историк, как и его предшественники, создает достаточно противоречивый и неоднозначный портрет герцога, который, то, «со словами смирения», оправдывает свои действия перед королем, то на следующий день ведет себя «дерзко» и «готовит восстание» против армии монарха и возглавляет его²⁶⁵.

Автор рисует картину событий, в которой как действия де Гиза, так и короля в период политического кризиса 1588 г. выглядят непродуманными, совершенными под влиянием обстоятельств. Герцог во многих ситуациях предстает как заложник процессов, движущей силой которых были действия больших групп людей: горожан и армии. Поскольку историк пытался написать не историю Франции как государства, политического института и тем более не историю королей или отдельных выдающихся личностей, а историю французского народа, то такой образ герцога де Гиза вполне оправдан в рамках его концепции. Опора на историографическую традицию XVII–XVIII вв. и протестантские взгляды самого автора стали основой для развития представлений о Генрихе де Гизе, уже сложившихся к тому времени в классической официальной историографии. Одной из основных заслуг Сисмонди можно считать некоторое расширение круга источников по сравнению с авторами XVII–XVIII вв. Однако отсутствие критического отбора и анализа этих источников лишает его концепцию научной ценности. Влияние исторических идей Сисмонди на коллективную память было достаточно противоречивым. Его главный труд вызвал огромный резонанс в обществе, но сдержанное восприятие в научной среде, что вполне объяснимо.

Говоря о XIX в., нельзя обойти вниманием фигуру Франсуа Рене де Шатобриана (1768–1848) – французского философа, историка, писателя и политического деятеля, чье творчество оказало влияние на многие поколения европейцев. Шатобриан редко упоминается среди профессиональных историков в наше время, в такой же степени он не был признанным авторитетом в этой области в XIX в. Причины такой неудачи становятся последнее время

---

²⁶⁵ *Simonde de Sismondi J. C. L. Histoire des Français. Bruxelles: Meline, 1849. T. 12. P. 318–320.*

объектом рефлексии исследователей²⁶⁶. С другой стороны, как отмечают те же авторы, его творчество глубоко исторично, как чисто внешне – у него нет ни одного «неисторического» произведения, так и внутренне – вся его философия, литература и политическая деятельность пропитана чувством истории, сопричастности событиям прошлого и понимания их современного звучания. Он был убежден, что ключевые социальные явления периодически повторяются на новом витке развития общества. Противоречия его творчества и неоднозначность восприятия его современниками и потомками не отменяет того, что идеи Шатобриана были созвучны эпохе. Обладая критическим складом ума и часто выступая в оппозицию режиму, сначала Старому порядку, потом Наполеону, и в конце жизни – июльской монархии Луи-Филиппа Орлеанского, он тем не менее смог выразить те чувства, страсти и идеи, которые были присущи значительной части его поколения. Именно его часто называют «первым романтиком» эпохи, хотя это звание может быть оспорено. Но несомненным является то влияние, которое он оказал на романтическую концепцию истории.

Его исторические труды и заметки были популярны не только во Франции, а о степени воздействия на молодежь его произведений говорит, например, то, что некоторые современники и исследователи считали, что молодой Флобер, создавая свое первое самостоятельное произведение – очерк и гибели герцога де Гиза²⁶⁷, полностью взял за основу рассказ о нем в «Аналитической истории Франции» Шатобриана, переработав его в собственном стиле.

Историческая концепция французского философа эволюционировала с течением времени, от конца XVIII к середине XIX вв., однако образ Генриха де Гиза в его трудах практически не менялся. Более того, Шатобриан не создал сколько-нибудь оригинальную концепцию этого персонажа, тем не менее он оказал значительное воздействие на его восприятие в XIX в. В частности, характеристику, данную ему философом, цитирует словарь Ларусса – Библия образованного человека второй половины XIX в.²⁶⁸ Кроме того, ее переписывали и переосмысливали другие писатели и историки.

Дискуссионным является вопрос о датировке исторических произведений Шатобриана. Самое раннее издание его «Истории Франции»²⁶⁹ относится в 1838 г., хотя писалось оно, видимо, раньше и в течение достаточно долгого времени. В то время как переработанная «Аналитическая

---

²⁶⁶ Berger G. Chateaubriand face à l'histoire...

²⁶⁷ Flaubert G. Mort du duc du Guise...

²⁶⁸ Grand dictionnaire universel du XIXe siècle par P. Larousse. Tome huitième. P. 1638.

²⁶⁹ Chateaubriand R. de. Histoire de France, depuis les temps les plus reculés jusqu'à la mort de Louis XVI. Avec des Considérations sur l'histoire. Tome 1–2. Paris, 1838.

истории Франции», которую нам удалось обнаружить, вышла посмертно в 1857 г.²⁷⁰ В дальнейшем она переиздавалась несколько раз вплоть до XX в. уже под названием «История Франции», отдельным томом, либо объединенное с другими историческими произведениями²⁷¹, а также в полном собрании сочинений автора²⁷².

О том, какое значение придавал Шатобриан фигуре герцога Генриха де Гиза, свидетельствует то, что в своей «Истории Франции» среди ключевых фигур второй половины XVI в. первыми он называет именно Гизов: сначала Франсуа (отца Генриха) и кардинала Лотарингского (дядю), а потом следующее поколение, следуя хронологическому принципу, а не иерархии их влияния. Кроме того, события, связанные с деятельностью герцога, по объему материала занимают самое значительное место в труде.

Интересен сам принцип построения текста в «Истории Франции», на которую, кажется, никто из исследователей не обращал внимания. Нарратив здесь явно стилизован под исторические хроники, переключаясь с «историческими картинами», которые в 1820-е гг. вошли в моду в литературе. Однако у Шатобриана эта стилизация имеет еще более выраженный характер: деление текста по правлениям монархов, а внутри – по годам, с выделением в каждой из эпох ведущих персонажей и событий, а также сухой хроникальный стиль изложения, который разбавлен отступлениями в качестве вставных «блоков». Исторический нарратив построен в «Истории Франции» по принципу чередования отдельных эпизодов в рамках более значительного отрезка времени. Такая «смена картин» стала популярной в романтической художественной литературе и особенно в драматургии, она способствовала развитию исторической живописи, а потом и кино, но в историографии потеряла свою актуальность еще в XVI – XVII вв. Возвращение к ней Шатобриана является своеобразным экспериментом.

Одной из таких «картин», которая образует каркас истории, является у Шатобриана убийство Генриха де Гиза. В предшествующих эпизодах Религиозных войн, этот персонаж не играет значительной роли, удастаясь краткой характеристики, ничем не выходящей за рамки традиции негативной оценки характера и деятельности герцога. Главное впечатление, которое оставляет образ Гиза в главах, посвященных 1570–1580-м гг.: современники и даже потомки приписывали ему заслуги, которые он не имел. Роль, которую ему пришлось играть в важнейших событиях того времени, положение на которое он был вознесен судьбой и толпой, – все это не

---

²⁷⁰ Chateaubriand R. de. Histoire de France. Paris: Gabriel Roux; Arnauld de Vresse, 1857.

²⁷¹ Chateaubriand R. de. Histoire de France. Les quatre Stuarts. Paris: Garnier Frères, 1874.

²⁷² Chateaubriand R. de. Oeuvres complètes de Chateaubriand. Paris: V. Sarlit, 1864–1866. 4 vol.

вполне соответствовало его талантам. Это «голый король», слава которого базировалась на заслугах его семьи, предков и была раздута неимоверно усилиями его сторонников и собственным тщеславием. Его отец «превосходил его»²⁷³ военными и политическими талантами и реальными заслугами, идея Католической лиги принадлежала его дяде, кардиналу Лотарингскому, а статус лидера этой организации перешел герцогу по наследству, он «был объявлен»²⁷⁴ главой Святого Союза, а не достиг этого положения собственными усилиями. По мнению Шатобриана, он даже был не столь решителен, как ему приписывают, и только еще большая нерешительность короля позволяла ему продолжать действовать. Ярким подтверждением такой характеристики служит эпизод, когда, будучи вызван в День баррикад к королю для объяснения своих действий, «герцог бормочет извинения и, пользуясь колебаниями короля, отступает, не будучи арестованным»²⁷⁵.

Собственно, основное обвинение, которое писатель выдвигает против главы Лиги, состоит в том, что он не мог решиться ни перейти полностью на сторону восставших и возглавить оппозицию, ни поддержать короля, которого презирал. Пользуясь библейской метафорой, он был «ни холоден и ни горяч»²⁷⁶, поэтому история фактически «извергает его из уст своих»²⁷⁷. Нерешительность Гиза, его колебания перед лицом последнего шага – открытого сопротивления власти и захвата трона у Шатобриана не только служат объяснением падения дома Гизов и провала всего движения, но трансформируются в событие философско-исторического масштаба, в яркий пример влияния внутренней борьбы личности на исход общественных событий.

Французский философ и писатель был убежден, что существует множество невидимых нитей, связывающих настоящее с прошлым человечества. Внимательно вглядываясь в события нашего времени, можно увидеть параллели с древней и более новой историей. Периодически происходит возвращение к прежним событиям на новом витке истории. Однако, по его мнению, историю нельзя сравнить с движением по кругу. В исторической концепции Шатобриана можно увидеть явную приверженность идее прогресса, которая, казалось бы, противоречила его консервативным взглядам. Так, описывая деятельность Лиги и восстание в Париже, которые он относит к «мертвой истории» и сравнивая их с современными событиями, с «живой историей», Шатобриан приходит к выводу, что восстания и революции XIX в. не являются повторением прошлого. Баррикады XVI в. «изгнали короля из Парижа», тогда как баррикады, возведенные два

---

²⁷³ *Chateaubriand R. de. Histoire de France. Les quatre Stuarts. Paris: Garnier Frères, 1874. P. 276.*

²⁷⁴ *Ibid. P. 286*

²⁷⁵ *Chateaubriand R. de. Op. cit. P. 290.*

²⁷⁶ Откр. 3:15.

²⁷⁷ *Chateaubriand R. de. Op. cit. P. 290.*

столетия спустя, заставили «исчезнуть три поколения королей за несколько часов»²⁷⁸. День баррикад 12 мая 1588 г. не принес никаких результатов, поскольку «это не было народным движением в стремлении завоевать свою свободу, политическая независимость еще не стала общей потребностью»²⁷⁹. Падение дома Гизов он видел неизбежным, потому что «они представляли прошлое», что ярче всего продемонстрировала их «басня» о происхождении от Лотаря. Оглядка на традицию никак не способствует успеху революции. Глава Лиги у Шатобриана – все тот же привычный читателю честолюбец и обманщик, искатель славы и власти: «Герцог де Гиз не пытался направить свои помыслы на общее благо, он жаждал только короны, он презирал парижан, лаская их, не смея довериться им полностью»²⁸⁰. Вероятно, философ в какой-то степени ассоциировал фигуру герцога с Наполеоном и Луи-Филиппом Орлеанским, чью власть он называл «похищением короны». Но, если этим героям современности хотя бы хватило дерзости захватить трон, то герцог Гиз не мог похвастаться даже этим.

Несмотря на подобное принижение роли Генриха де Гиза, эпизод его гибели является одним из ключевых в «Истории Франции» Шатобриана, недаром его использовали и ему подражали другие историки и писатели XIX в. Только описание подготовки убийства, самой гибели герцога и его брата, а также ближайших последствий: волнений в Париже, приведших к гибели короля, занимает семнадцать из трехсот шестидесяти двух страниц общего объема в издании 1874 г. То есть из всей истории Франции от падения Западной Римской империи до Великой французской революции конца XVIII в. гибели герцога де Гиза уделено почти 5 % текста. Для сравнения: все правление Генриха IV занимает меньше места – четырнадцать страниц, а деятельность потомков наваррца, Людовиков, от XIII до XVI, включая яркое и самое длительное в истории царствование короля-Солнца и Французскую революцию XVIII в. – девятнадцать страниц, т.е. почти столько же, сколько гибель герцога де Гиза. Это поразительное внимание к такому, казалось бы, не самому значительному историческому казусу говорит о том значении, которое, возможно подсознательно, придавалось ему автором.

В самом описании убийства у Шатобриана нет ничего революционного и необычного. Его сценарий традиционно делится на три части: во-первых, завязка – нарастание противоречий между королем и герцогом, решение Генриха III, его мотивы и подготовка, предупреждения герцогу о готовящемся преступлении, его пренебрежительное отношение к опасности; во-вторых, сам день убийства, который включает ночь у любовницы, очередные предостережения,

---

²⁷⁸ Chateaubriand R. de. Op. cit. P. 292.

²⁷⁹ Ibid.

²⁸⁰ Ibid. P. 292.

практически по часам расписанные действия короля и Гиза утром перед гибелью последнего, указания монарха исполнителям, опоздание герцога и нарастание напряжения, последние предупреждения, поступающие Гизу из различных источников, его прибытие на Совет, плохое самочувствие, кровь из носа как предчувствие скорой кровавой развязки, вызов от короля, и, наконец, кульминация – нападение на герцога, борьба и гибель, попытка вмешаться его брата, который находился в Зале совета, реакция короля, найденная у Гиза записка, свидетельствующая о предательстве в пользу Испании, убийство брата, затем развязка – аресты членов семьи Гизов и некоторых их сторонников, разрубание тел и их сжигание, реакция парижан и Лиги.

Круг источников, на которые опирался автор, столько же традиционен: дневники Л'Этуаля, включая рассказ королевского врача Мирона, сочинения историка и писателя XVI в. Э. Пакье и несколько других. Шатобриан не ставил целью найти новые документы, дать оригинальную интерпретацию или объяснение этим событиям. Привычный образ этого убийства вполне вписывался в его концепцию закономерности гибели герцога, которая от этого не перестает быть менее драматичной. В отличие от остального повествования, в описании этого эпизода его стиль предельно документален и художественен одновременно. Его цель – с опорой на заслуживающие доверия источники нарисовать достоверную картину произошедшего, которая не нуждается в том, чтобы быть приукрашенной или переработанной, поскольку это событие является трагедией в чистом виде, а рассказ, представленный даже посредством узкого круга источников, представляет собой готовый художественный нарратив, при этом полностью историчный, по мнению современников Шатобриана. Автор позволяет себе только несколько отступлений в последней части и вплетение в нить повествования отдельных апокрифичных сцен, «анекдотов», как он сам их называет, которые он заимствовал из католических памфлетов с описанием убийства братьев. Его собственное отношение выражено только пару раз, причем в самый острый момент, но в виде кратких ремарок. Например, когда умирающий герцог под натиском ударов после неравной схватки падает на кровать короля, автор замечает, что «никогда столь постыдное ложе не видело такой славной смерти»²⁸¹, намекая на гомосексуальные пристрастия последнего Валуа. А когда один из убийц, обыскивающих тело герцога, замечает, что тот еще дышит и обращается к нему с требованием просить прощения у короля и Бога, между документальным свидетельством Шатобриан вставляет собственную интересную ремарку: «Это королю нужно было просить прощение у Бога и герцога де Гиза, этот человек, возможно, даровал бы ему прощение»²⁸². Несмотря на противоречивое отношение к фигуре главы Лиги, негативную

---

²⁸¹ *Chateaubriand R. de. Op. cit.. P. 304.*

²⁸² *Ibid. P. 305.*

оценку его роли на последнем этапе, подчеркивание его слабостей и недостатков, Шатобриан считал это убийство преступлением, а герцога де Гиза жертвой. Для того чтобы стать идеальным романтическим героем в глазах одного из основателей этого направления, у лидера Лиги было недостаточно страсти и пылкости, но сама эпоха и особенно отдельные эпизоды этой драмы: День баррикад, противостояние Гиза и короля, убийство обоих, давало прекрасную пищу для романтической интерпретации прошлого. В итоге, несколько художественно переработав сложившуюся уже к началу XIX в. версию образа герцога де Гиза и его убийства, Шатобриан способствовал ее закреплению и дальнейшей популяризации.

Среди общих обзоров французской истории в качестве характерного примера можно выделить исследование Анри Мартена. Несмотря на то, что в наше время труды этого автора не вызывают особого интереса у публики и считаются слишком субъективными, а суждения ошибочными, в свое время он был очень влиятельным либеральным историком и политическим деятелем. Его работа даже была удостоена ежегодной премии Французской Академии в области истории, вручаемой с 1840 г., которая присуждалась за наиболее яркие и выдающиеся исторические исследования. В XIX в. фаворитами академиков нередко становились общие курсы по французской истории, в частности многотомный труд Анри Мартена, который будучи впервые изданным в 1838 г., позже неоднократно переиздавался и удостоивался премии три раза в течение 1850-х гг.²⁸³ По сути, поддерживая того или иного автора, Академия тем самым декларировала соответствие его трудов официальной точке зрения и исторической политике государства. Кроме того, «История Франция» Мартена была долгое время одним из самых читаемых трудов, наряду с сочинением Ж. Мишле. Такое внимание академиков и широкой публики и предопределило наш интерес к этой работе.

Анри Мартен (1810–1883) – политик и депутат Национального собрания от левых республиканцев. При этом он был достаточно консервативным историком, взгляды которого практически не менялись в течение 1830-х – 1860-х гг., несмотря на политическую борьбу, кипевшую в обществе и перемены, затронувшие различные стороны жизни²⁸⁴. Он был противником революционных преобразований и сторонником сильной легитимной власти. Его идеалом был Ж. Б. Боссюэ – богослов и проповедник XVII в., приверженец абсолютной власти монарха и концепции провиденциализма в истории. С точки зрения подобных историко-политических идей сам Мартен рассматривал и историю XVI в. Его манера предельно повествовательная, он избегает любых оценок и выводов, заменяя их максимально подробным

---

²⁸³ *Martin H. Histoire de France populaire...*

²⁸⁴ *Hanotaux G. Henri Martin: sa vie, ses oeuvres, son temps, 1810–1883. Paris: Cerf, 1887.*

изложением событий. Издания его трудов сопровождалось многочисленными иллюстрациями, которые могут служить дополнительным источником изучения исторических образов (рисунок 33).

Несмотря на декларируемую автором объективность, о его взглядах можно судить по особому вниманию к тем или иным деталям, назидательной манере изложения некоторых событий, пренебрежению одними эпизодами прошлого и пристальному вниманию к другим, а также некоторым оценочным прилагательным. В его рассказе о событиях Религиозных войн образ Гиза поверхностный и однозначно отрицательный. Например, поклонение герцогу со стороны парижской толпы он называет «безумием». Любовь к нему людей, по мнению историка, была абсолютно несоразмерна его заслугам: «Нельзя было бы сделать большего для спасителя страны, тогда как этот человек делал все, чтобы погубить ее»²⁸⁵. Характер главы Лиги и его истинное положение проявляется в момент нерешительности перед лицом необходимости захватить монарха во время Дня баррикад: «Не веря, что может в данный момент стать королем сам, он не хотел идти на крайние меры»²⁸⁶. Как многие авторы XIX в. Мартен особое место уделяет убийству герцога де Гиза, потому что именно в этом эпизоде он видит проявление высшей справедливости: «Он [король] нанес удар ногой по бездыханному труп, так же как шестнадцать лет назад, в Варфоломеевскую ночь, герцог пнул ногой другой труп»²⁸⁷. Таким образом, гибель герцога предстает возмездием за убийство адмирала Колиньи и символическим наказанием для всех, кто возбуждает гражданскую рознь и готовит переворот в стране.

Если мы сравним издания монографии Мартена 1838 г., 1840-х и 1860-х гг., то увидим, что, несмотря на перевороты, смену власти и политического курса во Франции, разные редакции труда текстуально совпадают. Это касается и описания событий религиозных войн. Историк не видел никакой необходимости корректировать общепринятую и официальную точку зрения. Кроме того, можно констатировать, что образ герцога, созданный в популярных обобщающих трудах консервативными авторами, принципиально не отличался от либеральной точки зрения.

Середина XIX в. во Франции – переломный период, когда происходил постепенный переход от романтического представления о прошлом к новому типу исторической культуры, складывалось убеждение в необходимости большего внимания к фактам и методам их анализа. Позитивизм завоевывает свои позиции в сфере гуманитарного знания. Актуальность романтической репрезентации истории сохранялась практически до конца XIX в., проявляясь и

---

²⁸⁵ *Martin H.* Op. cit. Т. 2. 1867. P. 230.

²⁸⁶ *Ibid.* P. 231.

²⁸⁷ *Ibid.* P. 233.

позже отдельными отголосками в виде историко-приключенческой литературы и позднеромантических драм. Однако в исторической науке уже в 40-е гг. она постепенно уступает место новой, позитивистской концепции изучения прошлого. Убеждение в объективном характере исторического знания, ее широких познавательных возможностях порождает новый всплеск интереса к этой науке и разработку особых методов и подходов к анализу прошлого. Популярными становятся источниковедческие статьи и целые монографии.

В рамках позитивистской программы изучения истории можно констатировать попытку поистине революционного переосмысления истории Религиозных войн, правления последних Валуа и деятельности Генриха де Гиза. Отмеченное многими исследователями внимание к деталям, подлинный интерес ко всему комплексу доступных источников, к истории тех социальных групп и объектов, которые ранее практически игнорировались историками: городов, монастырей, крестьянских общин, местных ассоциаций и коммун, женского движения, а также возникновение множества локальных исторических обществ, изучавших историю регионов – все это позволило выявить факты, которые могли способствовать радикальному перевороту в представлениях о роли Гизов в истории XVI–XVII вв.

В политической сфере в середине XIX – начале XX вв. во Франции, как и по всей Европе, происходят важнейшие исторические события, повлиявшие на историческую культуру и сознание современников. Либеральная монархия терпит крах под натиском демократического движения на расширение политических прав, во Франции в 1848 г. начинается очередной республиканский эксперимент, давший толчок восстаниям по всему континенту. Расцвет и падение Второй республики, а затем возвращение к режиму империи создавало ощущение цикличности и повторяемости, стимулировало размышления над исторической традицией, сформировавшей особенности политической культуры Франции.

Религиозные войны в этот период стали полем борьбы представителей различных философско-исторических идей. Это противостояние нашло отражение на страницах энциклопедий и справочников, научных трудов, художественной литературы, живописи и в риторике сторонников той или иной идеологии.

Одной из первых работ, открывших новый этап в изучении исследуемой темы, стало классическое исследование Шарля Лабитта (1816–1845) «Демократия у проповедников Лиги»²⁸⁸, впервые изданное в 1841 г. и ставшее настолько популярным, что в 1865 г., в период либеральной

---

²⁸⁸ *Labitte Ch. De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue. Paris: Joubert, 1841 (2e ed. Paris: Durand, 1865).*

империи, последовало его переиздание²⁸⁹. Симптоматичным стало не только особое внимание к истории «Святого союза» и к такой непопулярной ранее среди историков социальной группе как католические проповедники второй половины XVI в., но и поиск новых, еще недостаточно исследованных источников и фактов, способных перевернуть представление об истории Религиозных войн. Однако автор не ставил перед собой подобных целей, что снижает значение этого труда как новаторского и оригинального. Анализируя как известные, так и малоизученные источники: памфлеты, проповеди и теоретические труды нескольких известных богословов-лигёров – Лабитт пытается проследить развитие политических идей сторонников Гизов и их влияние на политику Лиги и французское общество XVI в. Несмотря на некоторые недостатки этого труда, он долгое время, практически до второй половины XX в. являлся единственной обширной работой по данной теме.

Для нас интересен вывод автора о том, что проповедники и политические писатели Лиги испытывали сильнейшее влияние личности Генриха де Гиза. Каков был характер этого влияния, автор не уточнял, но следуя мнению некоторых современников Святого союза, смело заявлял, что «католическая Франция действовала почти исключительно по воле герцога де Гиза», поскольку, согласно источникам, «сходила с ума по этому человеку, и это еще слабо сказано, была влюблена»²⁹⁰. Сам герцог, по мнению Лабитта, знал об этом влиянии и умело использовал его в своих политических целях. Автор безоговорочно верит в стремление Гиза свергнуть династию Валуа, чтобы самому занять престол и связывает эти планы с деятельностью католических проповедников, которым отводилась в этом заговоре далеко не последняя роль.

Исследование Лабитта в большей степени интересно для нас не тем, как сам автор оценивает деятельность Гиза, поскольку портрет герцога в его труде вполне вписывается в классическую историографическую традицию. Более ценным является авторский анализ репрезентации главы Лиги в сочинениях политических писателей-католиков второй половины XVI в. посредством библейских образов. Генрих де Гиз в них часто предстает в образе царя Давида, победившего Голиафа (протестантскую ересь / лидеров гугенотов). Генрих III выступал в них в роли завистливого царя Саула²⁹¹. На основе анализа множества проповедей и речей автор делает вывод, что герцог для своих сторонников был символом нового королевства, воплощением политического авторитета и идеала лидерства. Эта идея была подхвачена многими

---

²⁸⁹ Труд Лабитта высоко ценится историками и в наше время, поэтому он был переиздан в XX в.: *Labitte Ch. De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue*. Genève: Slatkine, 1971.

²⁹⁰ *Labitte Ch. Op. cit.* Paris: Joubert, 1841. P. LXIX.

²⁹¹ *Ibid.* P. 28.

историками XIX в., например, Луи Бланом, несмотря на разницу политической и историографической позиции этих двух исследователей. В работе Лабитта прослеживается неприятие и даже страх перед демократическими тенденциями, которые наблюдались в лигёрской среде и были воплощены ее проповедниками. Генриха де Гиза он считал не просто амбициозным представителем французской знати, а лидером, который использовал популистские технологии и авторитет церкви в политических целях. Столь актуальный образ, который мог для некоторых читателей содержать намек на стремительно теряющего популярность Луи-Филиппа, способствовал успеху этого исторического исследования.

В 1840-е гг. в политической жизни актуальность противостояния между сторонниками старой династии и орлеанистами уходит на второй план, сменяясь борьбой за всеобщее избирательное право и демократизацию общества и государства. Новый контекст породил новое политическое звучание истории. Накануне революции 1848 г. выходит достаточно знаменитый и популярный в разных странах труд французского философа, историка и журналиста Луи Блана "История французской революции"²⁹². Если исследование Лабитта было важным шагом в плане научной разработки темы, но работа Блана переводила ее в политическую плоскость и погружала в контекст современных автору событий. Размышляя над предпосылками и условиями, приведшими страну к революционному перевороту XVIII в. и кризису середины XIX в., историк обращается к истокам – реформационному движению и Религиозным войнам.

Луи Блана можно охарактеризовать как демократа и реформатора, он был противником монархии и участником Революции 1848 г., одним из организаторов реформ нового правительства²⁹³. Его убеждения стали питательной почвой для интереса к истории Лиги и восстания парижан 1588 г. В своих исторических трудах Блан под влиянием идей Гегеля выдвигает оригинальную философскую концепцию, согласно которой вся история развития человечества представляет собой борьбу двух начал: принципа индивидуализма, носителем которой у него является буржуазия, и принципа коллективизма, братства, над которым стоит авторитет государства. Проникнутые религиозным духом теоретические построения историка, в которых одно из важнейших мест занимает идея наилучшего воплощения замысла Творца в виде «народного государства», были созвучны идеям Католической лиги.

Революция, по мнению Блана, начинается в XVI в. и происходит в религиозной форме, поэтому первый том его труда посвящен почти полностью этой эпохе. История конфликтов этого периода для мыслителя – еще один повод проиллюстрировать свою историко-политическую

---

²⁹² Блан Л. История Французской революции... Т. 1.

²⁹³ Courteaux E. Louis Blanc. Châlons-sur-Marne: Le Roy, 1884.

концепцию противостояния индивидуализма и авторитета в истории общества. Кальвинистов, протестантских писателей, умеренную партию «политиков» и часть философов, таких как Монтень – «апостола снисходительного эгоизма»²⁹⁴, он считал носителями принципа индивидуализма, а Католическую лигу – авторитета. В отличие от многих своих современников, он не испытывал особой любви к протестантизму, учению, которое, по его мнению, «осмелилось возвести ненависть в религию»²⁹⁵. Кальвинизм представлен им как новая форма тирании и угнетения, антисоциальное движение, пытавшийся утвердиться во Франции «силой оружия». Вместе с тем критика Блана направлена и на королевскую династию, Екатерину Медичи и последних Валуа, которые, по мнению историка, довели страну до катастрофы своими постыдными и бесполезными деяниями.

На этом фоне портреты Гизов разительно отличаются от описаний королевской семьи и придворных нравов. «Доблестные и великодушные воины», они изображены жертвой интриг и ненависти, распространенных в эту варварскую эпоху. Такой образ Гизов вытекает из убеждения историка, что союз, который они возглавили, несмотря на заявленное верховенство власти Папы, был воплощением власти народа и носителем принципа авторитета. «Лига находилась на той дороге, которая ведет от Григория VII к Комитету общественной безопасности»²⁹⁶, Священный союз стал подлинно демократическим и даже революционным движением, священники играли в нем роль народных трибунов: «войдите в церковь, и вы увидите, что это настоящий форум»²⁹⁷.

Образ Генриха де Гиза у Блана – это, прежде всего, портрет человека, который возглавил демократическое по духу движение, а точнее, которого призвали его возглавить. Поэтому герцог – «человек принципа»²⁹⁸. Для Блана, как и для части французского общества XVI в., он стал знаменем, символом определенных идей, воплощавших принцип авторитета. Сравнивая его с отцом, Франсуа де Гизом, историк соглашается, что Генрих де Гиз «во многом походил на своего отца, хотя имел менее возвышенный ум и меньше благородства в сердце»²⁹⁹. Однако именно ему было суждено сыграть выдающуюся роль в истории, благодаря событиям, разыгравшимся в 1580-е гг. во Франции. Герцог обладал для этого нужными качествами, он «имел храбрость и решительность», необходимые для лидера, но, главное, «это был человек, который с

---

²⁹⁴ Блан Л. Указ. соч. С. 105.

²⁹⁵ Там же. С. 78.

²⁹⁶ Там же. С. 116.

²⁹⁷ Там же. С. 116.

²⁹⁸ Там же. С. 118.

²⁹⁹ Там же. С. 117.

католицизмом значил все, а без католицизма не значил ничего»³⁰⁰. Поэтому он сам стал фактически воплощением принципа авторитета, противостоящего индивидуализму, эгоизму и умеренности. Именно с семьей Гизов крайние католики связывали свои надежды, что неизбежно делало их главой их партии, в отличие от короля Генриха III, претендовавшего на это лидерство, но являвшегося лицемерным развратником: «членам Лиги нужен был глава, которого не стыдно назвать своим главою»³⁰¹.

На страницах своего труда Луи Блан полемизирует с популярной концепцией многих историков XIX в., считавших Лигу и День баррикад результатом некоего заговора: «До какой же степени ошибались после этого те, которые видели в подобном движении только интриги честолюбивой фамилии и династические претензии Генриха Гиза»³⁰². По мнению же самого Блана, инициатива лигеров шла снизу, парижане выступили против слабой власти Валуа и против надвигающегося принципа индивидуализма, провозгласив волю народа воплощением божественной воли и найдя в лице герцога идеальное воплощение лидера своей организации: "Лига – не орудие честолюбивых замыслов семьи Гизов", наоборот, Лига сделала герцога своим знаменем, в нем нуждались, «как армия нуждается в знамени», а не любили, и после его гибели «воспользовались и его смертью», а роль знамени движения попытались переложить на его родственников³⁰³. Можно сказать, что Блан предвосхитил концепцию историка XX в. Э. Барнави, считавшего Лигу первой политической партией массового типа, объединенную верностью Делу, т. е. принципом, идеей, которая была предтечей радикальных клубов времен Французской революции XVIII в.

Л. Блан в своем стремлении доказать народный, демократический характер этого движения опирается не только на мемуары и протестантские памфлеты, но и на источники, вышедшие из-под пера католиков: проповеди, политические трактаты и лигерские памфлеты и статьи. Это становится в XIX в. важным симптомом попытки взглянуть на ультракатолическое движение глазами его сторонников, именно это лежало у истоков «оправдательной» концепции по отношению к Гизам и их сторонникам. Кроме того, в его выводах чувствуется влияние современных исследований, прежде всего, Лабитта. Опираясь на открытые ими источники и идеи, Л. Блан стремится хотя бы общими чертами обрисовать не только характер всего движения, но индивидуальные черты его лидера, понять мотивы его поступков и, главное, причины

---

³⁰⁰ Блан Л. Указ. соч. С. 117.

³⁰¹ Там же. С. 116.

³⁰² Там же. С. 116.

³⁰³ Там же. С. 116–119.

популярности. Не сомневаясь, что герцог обладал выдающимися чертами истинного народного политика и лидера, Блан считал, что ему также были присущи самонадеянность и гордыня, которые и погубили его: «На собрании сословий в Блуа, он с гордым упорством стал думать, что воин, подобный ему, был слишком великою жертвою для такого убийцы, как Генрих III»³⁰⁴.

Образ герцога как знамени народного движения, созданный Л. Бланом можно рассматривать в рамках современной концепции политического лидерства. Это тип лидера, выдвинувшегося достаточно случайно благодаря тому, что особенности его духовного склада и психологические характеристики совпали с потребностями большой группы в обществе. Он скорее интуитивно понимает интересы широких масс. Историк прямо называет его «знаменем» для значительной части общества. В соответствии с современной политологической теорией М. Херманн, это «лидер-знаменосец»³⁰⁵, который смог создать собственный привлекательный образ и стать воплощением определенного общественного идеала.

Л. Блан не был профессиональным историком, скорее публицистом и политиком, это нашло отражение в его историко-философской концепции. Несмотря на опору на источники и хорошее знание фактов, его портрет Генриха де Гиза явился воплощением определенной идеологической концепции автора. Блан не стремится исследовать реальные черты его личности и характер деятельности, в своем труде он конструирует абстрактный образ лидера народного движения в рамках революционного дискурса, актуального для Франции XIX в. Однако именно эта концепция становится симптоматичной в качестве попытки изменения представлений о герцоге де Гизе.

Абсолютно иная оценка деятельности Генриха де Гиза была предложена примерно в те же годы Жюлем Мишле (1798–1877), одним из самых влиятельных и ярких историков XIX в. Именно этот «выдающийся гений романтической школы историографии»³⁰⁶ поистине открыл для французов и всей Европы историю шестнадцатого столетия, показав его особое место как переломной, трагической, но яркой и увлекательной эпохи, во многом определившей судьбу Франции и мира.

Свой главный труд «Историю Франции»³⁰⁷ исследователь начал в 1830 г. и завершил только в 1867 г. История Ренессанса писалась им в 40-х – начале 50-х гг. XIX в.³⁰⁸, период, когда страна переживала один из крупнейших переворотов в своей истории – революцию,

---

³⁰⁴ Блан Л. Указ. соч. С. 118.

³⁰⁵ Hermann M. G. *Ingredients of Leadership // Political Psychology* / ed. Hermann M. G. San Francisco, 1986.

³⁰⁶ Уайт Х. Указ. соч. С. 170.

³⁰⁷ Michelet J. *Histoire de France*. Vol. 1–5. Paris: L. Hachette, 1833–1841.

³⁰⁸ Oscar A. Наас. Jules Michelet. Boston: Twayne Publishers, 1982. P. 162.

свергнувшую монархию Луи-Филиппа и установление Второй империи. У современников возникало ощущение повторения прошлого и потребность в рецепции истории Революции XVIII в. и ее истоков, исследовании революционной традиции вообще. Именно Мишле предложил соотечественникам одну из популярнейших и вместе с тем оригинальных концепций. Как и Л. Блан, историк считал, что Ренессанс и Реформация являлись переходными этапами, с которых начинаются глобальные изменения в культуре и социальной жизни, приведшие к революциям. XVI веку Ж. Мишле отводил особую роль в национальной, да и во всей европейской истории, поэтому этому периоду посвящены ряд отдельных трудов этого исследователя. Даже «Краткую историю Французской революции»³⁰⁹ историк начинает с эпохи Ренессанса, справедливо полагая, что именно там кроются причины многих явлений, приведших к переворотам, охвативших Европу в XVII – XIX вв. Реформацию он считал вторым этапом на пути человечества к свободе, поэтому главные герои Религиозных войн в изложении Мишле – гугеноты, боровшиеся за духовное освобождение во главе со своим лидером Гаспаром де Колиньи. Такая концепция в большей степени, чем идеи Блана, соответствовала как традиции, лежащей в основе создания образа Религиозных войн, начиная с трудов самих протестантов и продолженной просветителями, так и современным автору либерально-демократическим конструктам истории. Самого историка некоторые авторы даже причисляют к представителям так называемой "гугенотской историографии"³¹⁰.

Как следует из библиографии к труду, образ Генриха де Гиза у Мишле сформировался под влиянием протестантских авторов и исторической литературы середины XVII в., в которой лигёры были представлены жестокими фанатиками или лицемерами, продавшимися иностранным державам, прежде всего Испании, и руководимыми иезуитами. Поэтому образ их лидера приобретает отталкивающие черты.

Описывая клан Гизов, Мишле признает их выдающиеся качества военных, политиков и дипломатов, их значительную роль в истории, но как человек либеральных и антиклерикальных убеждений он не может принять их поддержку папства, связь с иезуитами и твердые религиозные убеждения, которые он считает фанатизмом.

Образ Генриха де Гиза раскрывается на протяжении двух томов его «Истории Франции» и в отдельных главах его других трудов, постепенно трансформируясь и эволюционируя в различных исследованиях Мишле, несмотря на то что принципиальные его черты остаются

---

³⁰⁹ Рус. перевод: *Мишле Ж.* Краткая история Франции до французской революции / Соч. Мишле, проф. ист. наук; пер. с фр. К. Пуговин. Санкт-Петербург: тип. Деп. внеш. торговли, 1838.

³¹⁰ *Oscar A. Haac.* Op. cit. P. 28.

неизменными. В отличие от многих своих современников, историк не позиционировал герцога как человека выдающихся качеств. Высоко оценивая деятельность и особенно личность отца Генриха – Франсуа де Гиза, он гораздо более умерен в своих восторгах относительно сына. Не считая его достаточно независимым и талантливым для принятия самостоятельных решений, Мишле изображает его своеобразной жертвой более сильных политических игроков и собственной неуверенности. «Падение герцога начинается с умерщвления Колиньи»³¹¹ и продолжается во время Варфоломеевской ночи, организованной не им, а Екатериной Медичи и герцогом Анжуйским (будущим Генрихом III). Следующий этап, приведший к поражению – его нерешительность в ответственный момент, когда, пользуясь всеобщей любовью и авторитетом в Париже, имел возможность захватить власть. В отличие от предшествующих исследователей, осуждавших Гиза за стремление занять французский престол, Мишле, как и некоторые современные ему историки, не опровергая этого предубеждения, выдвинул идею, согласной которой, герцог обладал реальной возможностью взойти на трон, но не сделал этого из-за собственных колебаний.

Стремясь усилить негативный образ Генриха де Гиза, французский историк, описывая начало его самостоятельной политической деятельности в 1576 г., пытается доказать, что уже в молодые годы герцогу было присуще лицемерие, осторожность, холодность в сочетании с простотой и даже грубостью военного, он был неповоротлив и нерешителен в нужное время, начиная действовать только «побуждаемый собственной партией»³¹².

Его «предательство», Мишле, как и более ранние историки и писатели, особенно революционные, склонен объяснять «двойным» иностранным происхождением – он сын итальянки и лотарингца-немца, а также негативным влиянием мамы, которая была потомком рода Борджиа. Историк называет его «итальянцем под маской лотарингского немца», но в нем «больше немецкого, он пропах им»³¹³. В XIX в., эпоху национализма, когда этническому происхождению придавалось большое значение, миф об иностранных корнях и воспитании помогал объяснить многие неприятные факты и фактически выставить Гизов врагами Франции. Однако интересно, что подобный же аргумент с большим успехом использовали авторы полемической литературы еще в XVI в. Именно у них, вероятнее всего, Мишле и позаимствовал это обвинение.

---

³¹¹ Мишле Ж. Указ. соч. С. 236.

³¹² Цит. по изд.: *Michelet J. Histoire de France. Paris: Lacroix, 1877. Т. 12. Р. 89–90.*

³¹³ Ibid.

Еще один факт, на котором акцентирует внимание Мишле, опираясь на изучение корреспонденции Гизов: в испанских и лигёрских депешах герцога сначала называли Геркулесом, намекая на его выдающийся рост и подвиги на ниве борьбы с протестантским влиянием, а потом Сцеволой, что, по версии Мишле, являлось намеком на заговор с целью свержения и убийства короля-тирана³¹⁴.

Дальнейшая история, связанная с деятельностью де Гиза, в пересказе французского историка напоминает приключенческий роман или детективное расследование, свидетельствующее о приверженности Мишле протестантским «теориям заговора» и влиянии пропаганды конца XVI – XVII вв. На протяжении нескольких глав Генрих де Гиз представлен одной из центральных фигур масштабного общеевропейского заговора, в котором вместе с ним замешаны испанский король и иезуиты. Цель этого предприятия должна быть очевидной для читателя – борьба с протестантизмом по всему миру и утверждение господства католической церкви. На пути к ней союз, воплощенный в создании Католической лиги, пытался решить несколько задач внутри Франции и вне ее: победа в религиозной войне, недопущение Генриха Бурбона к власти, свержение Валуа, заключивших с наследником тайный договор, организация семинарии для английских священников с высадкой их на берегах Великобритании, возведение на английский трон Марии Стюарт, экспедиция испанского флота к берегам этой страны, восстание в Париже и множество других предприятий, описание которых создают зловещий, но привлекательный своей многогранностью и харизмой образ Генриха де Гиза. Если мы сравним предъявленные со стороны Мишле герцогу обвинения со знаменитой «Парижской резней», пьесой конца XVI в. англичанина К. Марло³¹⁵, написанной «на злобу дня» по заказу британского правительства, то увидим, что перечень обвинений, предъявляемых герцогу, практически не изменился за два с лишним века. Так же из протестантской литературы той эпохи историком были заимствованы представления о средствах, которые использовал Гиз для достижения этих целей: испанские деньги, ум и связи иезуитов, а также военная сила в сочетании с фанатизмом парижской толпы. Однако Мишле, следуя собственной, не столько научной, сколько нарративной стратегии, придает Генриху де Гизу некоторые черты романтического героя, который ведет заведомо неравный бой с обстоятельствами и исторической необходимостью. Он делает из главы Лиги заложника чужих планов, традиционных ценностей и собственной нерешительности. В этом его трагедия, по мнению Ж. Мишле. Не желая выступить напрямую

---

³¹⁴ *Michelet J. Op. cit. P. 110–111.*

³¹⁵ *Марло К. Парижская резня // Марло К. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 527–586.*

против короля и обладая некоторой пассивностью и отсутствием политической воли, он вынужден был кланяться деньгами у Филиппа II и идти на поводу у тех планов, которые лелеяли другие участники заговора. Сам Генрих де Гиз, как утверждает историк, так же как и его предки, стремился создать образ рыцаря «без страха и упрека», но этот имидж был заметно подпорчен действиями герцога во время Варфоломеевской ночи и предательством интересов своей страны. Название каждой главы у Мишле служит своеобразной декларацией точки зрения историка. Например, одна из глав носит название «Испанский король возводит баррикады в Париже»³¹⁶, а другая – «Терроризм Лиги»³¹⁷.

Взгляды Ж. Мишле отличались некоторой эволюцией от произведения к произведению. В «Краткой истории Франции до Французской революции» Мишле, симпатии которого были на стороне восставших в 1588 г. парижан, конструирует образ Гиза в рамках легенды о том, что герцог мог свергнуть династию Валуа и сам взойти на престол. Более того, по его мнению, таковы и были планы герцога, он имел множество сторонников в Париже и широкую поддержку в стране и Европе, и только собственная преступная нерешительность разрушила все планы его сторонников. Однако в более поздних изданиях историк, чьи взгляды стали более умеренными и даже консервативными, выказывает больше сочувствия легитимной власти монарха, осуждая герцога не столько за его колебания, сколько за мятеж против короля и стремление использовать раскол общества в собственных целях³¹⁸.

Убийство герцога де Гиза – эпизод его жизни, ставший ключевым в дискурсе исторической культуры XIX в. – описывалось у Мишле по классическому пересказу королевского врача и приближенного Мирона, выполняя роль закономерного драматического завершения трагедии с Генрихом де Гизом в главной роли. Историк придает этим событиям еще больше концептуальности, чем его предшественники, описывая их как логичный итог деятельности Лиги и важный этап Религиозных войн, знаменовавший собой бесперспективность пути мятежа и насилия в решении как политических, так и религиозных проблем. Только Генрих IV – человек нового поколения и формации, представитель другой династии, толерантный, а по сути, безразличный к вопросам религии, мог завершить этот этап.

Как и в других работах, на Мишле оказывали влияние идеи Просвещения, деизма и антиклерикализма, что создавало противоречия в его понимании религиозной борьбы и истории католического движения, а также в оценке деятельности главы этой партии, Генриха де Гиза. Как

---

³¹⁶ *Michelet J. Op. cit. T.12. P. 175.*

³¹⁷ *Ibid. P. 276.*

³¹⁸ *Ibid. P. 212–234.*

либерал и романтик, сочувствуя народному движению в Париже, Дню баррикад и симпатизируя демократическим тенденциям в Лиге, Мишле одновременно ненавидел ее как религиозное движение и отвергал террористические устремления, вдохновлявшиеся и провоцировавшиеся, как ему казалось, католическими проповедниками, особенно иезуитами. Вслед за Вольтером он, видя слабость власти Генриха III, тем не менее сочувствовал ему как законному монарху, гаранту единства государства и жертве обстоятельств, которым он был не в силах противостоять. Генриху де Гизу в рамках этой концепции была отведена незавидная роль возмутителя спокойствия, использовавшего религиозный фанатизм толпы в своих корыстных целях.

После Революции 1848 г. и прихода к власти Наполеона III историки все чаще обращаются к национальному прошлому, пытаясь обнаружить в истории ответы на вопросы, поставленные современной эпохой. В связи с этим, история борьбы за власть во Франции XVI в. на фоне религиозного противостояния и социального перелома очередной раз попала под прицел исследователей. Одной из первых монографий на данную тему в эпоху Второй империи стал труд Луи-Клер де Бопуаля, графа де Сент-Олера (1778–1854) «Последние Валуа, Гизы и Генрих IV»³¹⁹, вышедший в год смерти автора. Историк, который был склонен к повествовательной манере изложения, в свое время прославился своей монографией о Фронде. Более чем через двадцать лет после первого успеха, уже после Революции 1848 г. и установления Второй империи, он решил написать труд о борьбе трех династий за власть и восхождении на трон Генриха IV, возможно, усмотрев в его судьбе что-то общее с карьерой Луи-Наполеона Бонапарта. Ранние работы Сент-Олера часто относят к романтической историографии³²⁰, не случайно темами, которые привлекали его внимание, становились периоды восстаний, заговоров и мятежей. Противник королевского деспотизма и сторонник умеренных свобод, он видел в истории Франции, прежде всего, борьбу за прогресс и конституционные учреждения.

Поддерживая постепенную эволюцию государственного устройства и либеральные реформы, Сент-Олер, который сам был членом Палаты депутатов перед Революцией 1848 г., являлся противником власти толпы, вносящий иррационализм в политические процессы и стремящейся к насилию. Историк не скрывает, что его очередное обращение к острому периоду в истории Франции тесно связано с настоящим: в эпоху очередного кризиса, после «недавней февральской катастрофы», он считал полезным и интересным для французов обратить свой взгляд на подобные события в прошлом. Общим для всех революций Сент-Олер считал «вмешательство народных масс», которые «разрушают и низвергают силой установленное

---

³¹⁹ *Sainte-Aulaire L. C. B. de. Les derniers Valois, les Guise et Henri IV...*

³²⁰ *Реузов Б. Г. Указ. соч. С. 172–174.*

правительство», опираясь на «право сильнейшего»³²¹. История XVI в., так же как и история XIX в., дает прекрасные примеры этой фундаментальной идеи. Одновременно, это эпоха, когда Франция «нашла спасение в отречении от своих предполагаемых прав»³²² и возвращении к традициям.

Гизы были одной из семей XVI в., которые, по мнению автора труда, оказывали тогда намного большее влияние на политику, чем фавориты, двор и сам король. Портрет Генриха де Гиза у Сент-Олера достаточно типичен для историографии XIX в. Историк не отрицает, а даже подчеркивает его выдающегося качества как полководца и политика. Он был наследником человека, «который спас Францию и восстановил единство ее территории»³²³. Не только его отец, но и он сам, будучи человеком высокого происхождения, представителем великого рода, помимо этого, «объединял в себе качества великих людей: проявленное достоинство, твердую веру, внешнее очарование, достойные манеры, которые в последние годы его жизни сделали его народным идолом»³²⁴. На фоне упадка династии Валуа, вполне объяснимо, с точки зрения историка, что народ предпочел выдающихся во всех смыслах «наследников Карла Великого». Вопрос, который имел для автора принципиальное значение: «был ли Генрих де Гиз зачинщиком или соучастником этого заговора»³²⁵ против законной королевской власти? В отличие от Мишле, для которого обсуждаема была только роль герцога в этом предприятии, Сент-Олер отвечает скорее отрицательно на этот вопрос. Он считал, что Гизу судьбой был дан шанс занять престол, и он не собирался его упускать, готовясь исполнить предназначенную роль, и даже заботился о сохранении этих шансов, но самостоятельно не стремился подтолкнуть к падению предшествующую династию.

Для Сент-Олера история имела не только познавательную или прогностическую, но и нравственную ценность. Поэтому ему важно было выяснить обстоятельства поступков и оценить деятельность Гиза, его характер, его моральное достоинство, чтобы оправдать или осудить этого персонажа. Однако, не имея достаточно оснований ни для того, ни для другого, он соглашается, что действительные намерения и роль Гиза – «одна из тех исторических тайн, в которые так просто невозможно проникнуть»³²⁶. Одна из причин этого – противоречивые образы этого персонажа, порожденные обществом, расколотым гражданской войной: «он был «человеком

---

³²¹ *Sainte-Aulaire L. C. B. de. Op. cit. P. 2.*

³²² *Ibid.*

³²³ *Ibid. P. 187.*

³²⁴ *Ibid. P. 187.*

³²⁵ *Ibid. P. 190.*

³²⁶ *Ibid. P. 186.*

партии», заклеянным одними, превозносимым другими [...] не будучи, вероятно, угаданным никем»³²⁷. Рассуждая о том, понимал ли сам герцог свое положение и представление, которое сложилось о нем в противоположных партиях, собственную роль в упадке династии Валуа, историк не может сделать однозначный вывод, осознавая недостаток источников и делает единственно возможное заключение, что только «Бог рассудит»³²⁸. Однако, вступая в дискуссию с Мишле, он утверждал: «что является несомненным, так это то, что никаких определенных фактов, свидетельствующих об активном заговоре, нет»³²⁹.

Отдельную главу Сент-Олер посвящает смерти герцога де Гиза, однако она ничего не добавляет к его концепции. Как и в остальных случаях, он часто прибегает к простому пересказу событий, опираясь на различные источники, в основном, уже изученные мемуары, а также используя протестантские сборники и памфлеты. Несомненно важным явилось не создание историком какого-то оригинального образа герцога, не открытие новых документов или собственная интерпретация уже известных, а характерная для историографии второй половины XIX в., испытавшей влияние позитивизма, осознание того, что недостаток источников лишает исследователей основания для конструирования объективного портрета исторического персонажа, тем более, когда сохранившиеся свидетельства создавались с определенными целями, в контексте политической и религиозной борьбы и факты, которые в них содержатся можно интерпретировать по-разному.

Внимательное изучение исторических трудов XIX в. демонстрирует, что представления о Генрихе де Гизе, господствовавшие в исторической культуре, не были столь однозначно негативными, как это иногда представляется современным историком. Мы можем наблюдать удивительную трансформацию исторических представлений в рамках творчества даже одного автора на протяжении нескольких десятилетий XIX в. Жан-Батист Оноре Раймон Капфиг (1801–1872) – юрист по образованию и журналист по призванию, являлся, кроме того, одним из влиятельных историков XIX в., сочинив множество биографий деятелей французской и мировой истории от Карла Великого до Анны Австрийской. Начав свою журналистскую деятельность при последних Бурбонах и находясь на правительственной службе в период Июльской монархии, он придерживался монархических взглядов, которые нашли отражение в его исторических трудах. Он был поклонником нового метода Ф. Гизо, считал, что историю разных эпох необходимо писать, используя соответствующие приемы и методы. Будучи допущенным к

---

³²⁷ Sainte-Aulaire L. C. V. de. Op. cit. P. 186.

³²⁸ Ibid. P. 187.

³²⁹ Ibid.

правительственным архивам, Капфиг настаивал, что нашел там много новых источников, на которые опирался³³⁰. С точки зрения нашей темы интерес представляют три его работы: 8-томная «История Реформации, Лиги и царствования Генриха IV»³³¹, издававшаяся в 1834–1835 гг., вышедшее через несколько лет исследование «Лига и Генрих IV»³³² и необычная монография 1864 г. «Героини Лиги и миньоны Генриха III»³³³. В 50–60-е гг. Капфиг увлекся изучением роли женщин в истории, и последняя из перечисленных работ была связана с этим его интересом. Мы сознательно поместили анализ его творчества после разговора о Л. Блане, Ж. Мишле и Л. Сент-Олере, хотя первые труды Капфига соответствующей тематики были написаны и изданы в середине 30-х гг. XIX в. Однако намного больший интерес для нашего сюжета представляют его последние работы. Кроме того, эволюция его исторических идей на протяжении нескольких десятилетий очень показательна, а сам он является важной пограничной фигурой, чьи монографии дают возможность проследить как изменение подходов и методов в исследовании Религиозных войн, так и перелом в отношении к фигуре герцога де Гиза, наметившийся во французской историографии во второй половине XIX в.

В ранних трудах Капфиг развивает характерную для историографии этой эпохи мысль о том, что Генрих де Гиз – самозванец, пытавшийся узурпировать французский престол, опираясь на ложную генеалогию, якобы дававшую ему права на власть во Франции. Другое обвинение, которое он выдвигает против герцога – тайный сговор и союз с Испанией, а также связанное с ними «дело Сальседа», агента Испании и Гизов, пытавшегося своими интригами дискредитировать королевскую семью. Капфиг, допущенный к секретным архивам, нашел множество документов, якобы доказывающих существование некоего подobia заговора и тайной переписки, а также переправки агентов, с помощью которых Гизы оказывали влияние на папу и «договаривались с испанским королем против законной власти»³³⁴. Современники и историки XX в. выражают недоверие к свидетельствам, найденным Капфигом. Однако несомненно, что эта концепция стала популярной, в том числе среди писателей. Документы, найденные историком, использовались многими исследователями XIX – первой половины XX вв. для создания негативного образа герцога де Гиза, хотя подлинность многих из них и вызывает серьезные сомнения. Список претензий, которые Капфиг предъявлял Генриху де Гизу, хотя и не был оригинальным, стал классическим. Даже во второй половине XX в. историки опираются на

---

³³⁰ См. о нем: *Рейзов Б. Г.* Французская романтическая историография... С. 166–170.

³³¹ *Capefigue B.* Histoire de la Réforme...

³³² *Capefigue B.* La Ligue et Henri IV...

³³³ *Capefigue B.* Les héroïnes de la Ligue et les Mignons de Henri III...

³³⁴ *Capefigue B.* Histoire de la Réforme ... P. 40–55, 190–206.

него, чтобы продемонстрировать опорные пункты формирования образа герцога и, в свою очередь, опровергнуть представление о намерении Гиза занять престол.

Однако отношение самого автора к своему герою меняется со временем вместе с политическими и религиозными взглядами автора. Если Ж. Мишле обычно относят к «гугенотской историографии», то Капфига часто причисляют к сторонникам Рима и даже ультрамонтанства. Однако эти взгляды историка проявились только в его более поздних работах, когда постепенно меняется облик французского общества и появляются новые тенденции в развитии исторической культуры.

В 1851–1870 гг. политика Наполеона III способствовала изучению национального прошлого, расцвету исторической живописи и литературы³³⁵. Последовавшее вслед за этим поражение во франко-прусской войне, потеря значительных территорий и окончательное установление республиканского правления заставляло обращаться к прошлому для обоснования законных прав Франции на утраченные земли, стимулировало исследования в области локальной истории, и очередной раз поставило на повестку дня размышления о республиканской традиции, роли оппозиции и протестных движений в развитии государства. Необходимость компенсации за испытанные унижения от поражения и утрата Эльзаса и Лотарингии требовала исторических оснований для упрочения национальной гордости.

Творчество историков этой эпохи естественным образом отразило эти тенденции. Например, в позднем труде Капфига, посвящённом эпохе последних Валуа, с оригинальным названием «Героини Лиги и миньоны Генриха III»³³⁶, герцог предстает в образе «главы великой семьи герцогов Лотарингских», «самого выдающегося человека своего времени», «души Лиги, национального союза, о котором сегодня история должна говорить серьезно и с почтением»³³⁷.

Названная монография родилась из оригинальной идеи автора: не столько противопоставить две социальные группы: тех женщин, которые были активными сторонницами гизаров и придворных любимцев Генриха III, сколько реабилитировать и тех, и других. Однако из-за недостатка материала и несколько поверхностного подхода к проблеме эту попытку можно считать неудавшейся. Описание окружения короля автор предпринимает только в середине повествования без всякой опоры на источники. О героинях Лиги, родственницах герцога де Гиза, речь идет вообще только в последних главах, а их роль в этом движении остается нераскрытой. Монография представляет определенный интерес, в том числе как очередной этап в изучении

---

³³⁵ См. об этом: Федотова Е. Париж Наполеона III. Искусство и люди. М.: Белый город, 2014.

³³⁶ *Capéfigue B. Les héroïnes de la Ligue ...*

³³⁷ *Ibid.* P. I.

деятельности Католической лиги, ее лидеров и как опыт преодоления стереотипов в отношении этой организации. Собственно говоря, автор сам честно признается, что преследует не те цели, которые предполагает название книги, он скорее стремится реабилитировать как последних Валуа, так и Лигу в противовес влиятельной кальвинистской историографии. Противостояние двух концепций Гражданских войн: католической и протестантской, как и в XVI в., начинает в эпоху Второй империи играть важную роль в конструировании исторических образов.

Выбор автором «героинь Лиги» для репрезентации собственной исторической концепции тоже не случаен. Несмотря на сравнительно слабое развитие суфражистского движения во Франции в 1860-х гг., в исторической науке происходит всплеск интереса к женской истории, появляется множество биографий, в том числе деятельниц XVI в. В частности, сам Капфиг в эти годы написал более тридцати монографий, посвященных придворным дамам, фавориткам, королевам, императрицам, революционеркам и основательницам женских орденов и конгрегаций³³⁸.

Для нашей темы более интересным представляется декларированная автором попытка «поднять Гизов на высокое историческое место, которое они должны занимать и, вместе с ними Лига, которая была вооруженной нацией»³³⁹. В его сценарии событий герцог предстает «кумиром парижского народа, торговых площадей, всех корпораций и людей разных профессий, которые страстно любили его»³⁴⁰. Использование подобной риторики, апеллирование к идее нации и исторической памяти были призваны разрушить «черную легенду», сложившуюся вокруг Католической лиги, и сотворить из Гиза национального героя. Капфиг искренне считал, что традиция очернения образа герцога, идущая от протестантских сочинений XVI в. и поддержанная Вольтером, потеряла свою актуальность. Поэтому он и обращается к этой теме в стремлении написать истинную историю этой эпохи, опираясь на «серьезные» документы, которые, по его мнению, должны помочь окончательно разрушить прежние стереотипы. Эта попытка, не имевшая особого успеха, тем не менее была подхвачена некоторыми учеными и имела свое продолжение в трудах, посвящённых Генриху де Гизу. Призывая историков и читающую публику отказаться от опоры исключительно на протестантские памфлеты и мемуары при изучении истории Лиги, автор несколько расширил круг источников, обратившись к письмам, гравюрам и полемическим сочинениям сторонников противоположного лагеря. Труд Капфига

---

³³⁸ *Capefigue B.* // BNF. Bibliothèque nationale de France: site official.

URL: <https://catalogue.bnf.fr/rechercher.do?index=AUT3&numNotice=12172354&typeNotice=p> (дата обращения: 24.11.2021).

³³⁹ *Capefigue B.* Les héroïnes de la Ligue... P. V.

³⁴⁰ *Ibid.* P. 177.

примечателен как важный показатель появления во второй половине XIX в. целого «оправдательного» направления, представленного главным образом католическими историками и писателями, которые стремились реабилитировать герцога и Лигу в глазах потомков.

Помимо специальных исследований, число которых росло в этот период, продолжали пользоваться большим успехом общие работы, в том числе переиздания трудов по истории Франции, написанные в предшествующие десятилетия. Например, в качестве учебника для студентов и популярной литературы для самообразования часто использовались труды известнейшего французского историка Жана Виктора Дюрюи (1811–1894) – специалиста по античной истории, который тем не менее в 1850–1880-х гг. написал и издал несколько популярнейших работ по всемирной истории, в том числе французской. Комплекс его трудов включает так называемые «большие» и «малые» истории, а также «введения» в историю, которые являлись обзорами главных событий национального прошлого и были призваны заложить базу для развивающегося исторического образования во Франции. Они использовались часто как учебники для лицеев, женских курсов и самостоятельного знакомства с предметом. Часть этих работ выходило непосредственно из-под его пера, а часть – под его редакцией. Дюрюи не мог не понимать важность таких основополагающих работ для формирования национального самосознания и исторической культуры общества. Он долгое время являлся не только ученым-исследователем, но и профессором истории, инспектором, а потом и министром народного просвещения. Человек огромной энергии и либеральных взглядов, он ратовал за реформу начального и высшего образования. Благодаря этому, еще до знаменитых реформ Ж. Ферри, доступность бесплатного начального образования существенно расширилась, во Франции появилось много новых учебных заведений, в том числе для женщин, да и вся школьная система была существенно трансформирована³⁴¹.

Для демонстрации представлений о деятельности Генриха де Гиза в подобных популярных трудах эпохи Второй империи можно обратиться к его «Истории Франции», первые издания которой относятся к 1850-м гг.³⁴² Оно являлось частью более обширного проекта, посвященного всемирной истории, и выходило много раз значительными тиражами вплоть до начала XX в.

Труд Дюрюи представляет собой историческое повествование, богато иллюстрированное разнообразными портретами, видами городов и историческими сценами. Визуализация начинает

---

³⁴¹ *Игнатченко И. В.* Виктор Дюрюи — историк и либеральный министр Второй Империи во Франции // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 3-13.

³⁴² *Duruy V.* Histoire de France, du moyen âge et des temps modernes du XIVe au milieu du XVIIe siècle... Т.2.

играть в эту эпоху особую роль в научных трудах. Гравюры воспроизводят важные детали исторической реальности, опираясь на источники, которым доверяли авторы. Важность иллюстративного материала для формирования представлений читателя об эпохе и ее героях подчеркивает подзаголовок, делающий акцент на том, что работа «иллюстрирована огромным количеством гравюр и карт». Авторы погружают читателя в эпоху с помощью визуализации не только отдельных эпизодов истории войн, но и изображения парижских улиц XVI в., особенностей конструкции баррикад в 1588 г. или костюмов действующих лиц. На страницах монографии вместе с тем можно найти гербы, карты, символы и знаки. В данном случае можно констатировать интеграцию разных типов иллюстраций, которые С. Бенн разделил на мнемонистические, визуализирующие образы для читателя, и метафорические, воплощающие образы времени и событий в символическом ключе³⁴³.

Портрет Гиза, представленный автором, настолько традиционен, что трудно выделить хоть что-то оригинальное и достойное упоминания. Образ этой семьи и ее отдельных представителей сформировался у историка под влиянием классических и современных трудов, Дюрюи только транслирует его своим читателям. Его собственная точка зрения на события опиралась на старые мифы и стереотипы, господство которых все еще было тотальным, учитывая отсутствие к этому времени серьезных исторических исследований, опровергающих укоренившиеся взгляды на роль семьи Гизов в истории. Дюрюи называет их амбициозными и неистовыми, но не обвиняет в эскалации насилия в стране, как это было принято у некоторых более ранних авторов. Его повествование содержит не так много аналитических пассажей, однако из рассказа о начале Религиозных войн можно сделать вывод о том, что он считает обе стороны в равной степени ответственными за продолжение конфликта. По крайней мере, такое впечатление он старается создать у читателя, старательно обходя все острые углы.

Конструируя образ Генриха де Гиза, он использует привычные приемы и опирается на эпизоды, ставшие общим местом в историографии: упоминание о «недостойном пинке» по трупу поверженного Колиньи, оценка его как менее талантливого полководца, чем отец, но более талантливого и разумного политика, стремление овладеть тронном и сговор с этой целью с Филиппом II³⁴⁴. Успех Гиза у части общества объяснялся, в интерпретации Дюрюи, довольно просто: разоренная, раздираемая противоречиями страна нуждалась в сильном и талантливом правителе, которого не могла ей предоставить королевская семья. Генрих III был «слишком слаб,

---

³⁴³ Бенн С. Указ. соч. С. 112–126.

³⁴⁴ Duruy V. Op. cit. P. 35–46.

чтобы носить на своей голове корону»³⁴⁵, поэтому католики выдвинули из своей среды нового лидера, более подходящего для этой роли и претендовавшего на неё в силу высокого происхождения и некоторых военных и организаторских способностей. Дюрюи идет дальше и, безоговорочно следуя устоявшейся легенде, утверждает, что объединение католических сил перед лицом протестантской угрозы и военные победы не были бескорыстными подвигами и не являлись конечной целью герцога: «Лига была для него лишь подножием для престола»³⁴⁶.

Некоторые эпизоды Религиозных войн, описываемые Дюрюи, говорят о знакомстве автора в современной литературе по теме: он вводит в свое повествование упоминание о большой роли проповедников в Лиге, анализирует социальный состав ее участников и роль городов, говорит о Святом Союзе как о самостоятельной силе, в которой Гизы лишь черпали вдохновение. Параллельно с этим, другие эпизоды служат закреплению мифологических образов в сознании читателей. Например, он одним из первых широко использует название «Война трех Генрихов» для обозначения последнего этапа борьбы. Оно было призвано представить этот конфликт как противостояние трех лидеров в борьбе за трон. Также по классическому сценарию выстраивается описание убийства герцога. Оно, с одной стороны, было призвано показать отсутствие реальной власти у короля, страх перед соперником, народным движением, неспособность справиться с политическим кризисом, а с другой, самомнение и неосторожность герцога, угодившего с ловушку, расставленную Генрихом III.

Таким образом, можно наблюдать, как в популярных общих трудах по истории Франции, активно читаемых на родине и в остальной Европе, несмотря на определенную открытость новым научным подходам и взглядам, закреплялся классический образ Генриха де Гиза – не слишком талантливый, амбициозный политик и военный, чья популярность была в большей степени следствием сложившихся обстоятельств, а также усилий его семьи и сторонников. Посмертная слава герцога объясняется авторами его стремлением играть большую роль в политике, чем ему было предназначено рождением, а также трагическими событиями истории, развернувшимися в период борьбы за престол Франции.

Период последней трети XIX – начала XX вв. отмечен новыми тенденциями как в развитии французского общества, так и в формировании национальной историографии. После франко-прусской войны и падения Второй империи, во Франции наступает эпоха Третьей республики. Французы начинают опять живо интересоваться собственной республиканской традицией и искать ее корни в различных событиях прошлого. Вместе со становлением новых

---

³⁴⁵ *Duryu V. Op. cit. P. 44.*

³⁴⁶ *Ibid. P. 46.*

государственных принципов идет активное развитие новой образовательной системы, призванной окончательно закрепить в обществе ценности и идеи демократического государства. Победа Пруссии в войне воспринималась современниками, в том числе как победа «прусского школьного учителя». В историческом образовании все чаще стали видеть не только познавательный, но воспитательный потенциал. Вместе с тем борьба между монархистами и республиканцами, традиционными представлениями и новыми установками продолжается, она выливается не только на страницы учебников и художественной литературы, но и находит отражение в исторических трудах, особенно в общих обзорах по истории Франции, предназначенных для массового читателя. Поскольку политика в области образования постепенно способствовала формированию значительного слоя людей, интересующихся прошлым, популярные исторические труды, наряду с энциклопедиями и учебниками, стали доступными многим французам. Историческая наука в Европе к 80-м гг. XIX в. выходит на очередной этап институционального оформления: возникает система профессионального образования, издаются специализированные журналы и коллективные монографии.

Говоря о популярных работах общего характера, оказавших решающее влияние на формирование исторической культуры общества, нельзя обойти вниманием знаменитый проект: «Всемирную историю» под редакцией Эрнста Лависса и Альфреда Рамбо. Легендарное издание включало в себя 27 томов по истории Франции, так называемый «Большой Лависс», написанные ведущими французскими специалистами того времени. В отличие от учебников для школы, названного «Малым Лависсом», это многотомное издание не включается обычно специалистами в «места памяти», что не делает его менее значимым для формирования национального самосознания. Тем более, именно это и было одной из задач историков, объединившихся, чтобы попытаться беспристрастно увековечить прошлое своей страны.

Автором одного из томов «Истории Франции от происхождения до Революции» являлся известный историк Жан-Ипполит Марьежоль (1855–1934). В 1920 г. он прославился тем, что получил премию Французской Академии за свою биографию Екатерины Медичи. А в начале XX в. в рамках издания Лависса вышла его обобщающая работа «Реформа, Лига и Нантский эдикт»³⁴⁷, которая охватывает период французской истории от 1559 до 1598 гг. В ней большое внимание уделяется военным действиям второй половины XVI в., поэтому Генрих де Гиз предстает перед читателем, прежде всего, в образе энергичного полководца, который участвовал в большинстве ключевых сражений, часто одерживал победы и стяжал себе славу на поле боя. Однако в главах, посвященных истории Католической лиги и Дню баррикад, этот образ

---

³⁴⁷ *Mariéjol J. H. Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution...*

приобретает несколько иные черты. Весьма негативно оценивая деятельность Лиги, обвиняя ее членов в фанатизме, обмане, подлогах, стремлении к учреждению инквизиции и многих других преступных деяниях, которые могли вызвать неприязнь у читателей начала XX в., Марьежоль считал, что Генриха де Гиза нельзя считать подлинным руководителем Лиги. Основную роль в разжигание ненависти парижан к королю автор возлагает на проповедников. В интерпретации историка, роль герцога в дальнейших событиях была не очень значительной: например, он приезжает в Париж весной 1588 г. и ведет переговоры с королем под давлением горожан, которые видят в нем защиту и некоторую гарантию от угрозы со стороны монарха. Генрих III, в свою очередь, использует авторитет Гиза, чтобы прекратить убийства, когда положение становится угрожающим. Марьежоль периодически приводит интересные факты, подтверждающие его точку зрения, но, к сожалению, не всегда обоснованно и доказательно. Как это часто было принято в популярной литературе и учебниках для высшей школы, использованные им источники и литература обычно публикуются списком в начале главы без дальнейших сносок.

На описание Марьежолем последней части драмы, несомненно, оказали влияния исследования конца XIX – начала XX вв., в частности статьи Азон де Сен-Фирмен, о которых будет идти речь в следующем параграфе. Историк высказывает новаторское предположение, что король задумал убийство герцога, когда узнал о нападении герцога Савойского на суверенные французские территории – маркизат Салюццо. По сообщениям современников, Генрих III был практически убежден, что Лига была сообщником агрессора, и герцог де Гиз знал о готовящемся вторжении, пообещав содействие врагам. Историки, начиная с конца XVI в. поддерживали это обвинение, но Марьежоль, опираясь на новейшие исследования, отвергает его, поскольку письма герцога и другие источники доказывали его непричастность. Однако нападение сыграло роковую роль в решении короля избавиться от Гиза, ставшего слишком опасным не только для монарха, но и для государства. Избегая обвинять герцога в стремлении к захвату власти, историк утверждает, что скорее опасения короля разделить участь «ленивых королей», а не реальные угрозы со стороны Гиза, заставили его решиться на убийство.

Таким образом, в одном из самых влиятельных трудов по французской истории под редакцией Лависса, вышедшем в начале XX в., с одной стороны, сохранялось традиционное негативное отношение либеральной республиканской историографии к Католической лиге, ее целям, методам и лидерам, с другой – не оправдывая полностью Генриха де Гиза, автор приуменьшает его роль в опасных для стабильного развития государства событиях, делая из него скорее посредника и случайную жертву гражданского противостояния.

История Франции раннего нового времени вызывала всегда интерес не только на родине, но и с других странах. В XIX в., когда историографический «бум» охватил всю Европу, многие

историки обращались к этому периоду, неизбежно затрагивая и историю Религиозных гражданских войн 1559–1598 гг. Однако большинство общих работ, выходявших в Европе, ничего не добавляло к образу Генриха де Гиза, опираясь на уже известные приемы и методы его репрезентации, разработанные и популяризированные французскими специалистами. Однако в трудах наиболее неординарных и выдающихся историков Германии, Великобритании и России его деятельность получает несколько иную интерпретацию, а образ обростаёт новыми чертами. Таков, например, Генрих де Гиз, изображенный на страницах «Истории Франции XVI–XVII вв.» немецкого философа и историка Леопольда фон Ранке³⁴⁸, чье влияние на историческую культуру всей Европы и мира не вызывает сомнения. Несмотря на явное сочувствие к протестантскому большинству, связанное как с общеисторической концепцией автора, так и с его приверженностью религиозным идеям Лютера и Кальвина, оценка деятельности и роли Генриха де Гиза у Ранке не столь однозначна, как у некоторых из его французских коллег. С одной стороны, вполне в соответствии с социальными идеями XIX в. историк убежден, что негативная роль Гизов определялась их статусом в социальной и политической структуре французского общества. Кроме того, как и французские историки, Ранке подчеркивает иностранное происхождение герцога от мамы-итальянки и папы-лотарингца. По его мнению, Францией XVI в. вообще управляли иностранцы, что и стало косвенной причиной многих войн и несчастий. Однако в вопросе о том, имел ли герцог виды на французский престол, Л. Ранке был одним из немногих, кто занял вполне определенную объективную позицию. Историк считал, что знакомство с существующими источниками дают ему право утверждать, что герцог не стремился свергнуть короля с целью основать собственную «четвертую династию». Самой большой заслугой Ранке в плане развенчания мифологии, сложившейся вокруг герцога де Гиза, была демонстрация неоднозначности и даже ошибочности многих убеждений историков, опиравшихся на привычные документы³⁴⁹.

Вслед за своим немецким коллегой британский историк второй половины XIX в. Генри Уайт утверждал, что роль Гизов в Гражданских войнах, в частности в событиях Варфоломеевской ночи достаточно противоречива³⁵⁰. Он отвергает версию событий, изложенную в некоторых протестантских источниках и в мемуарах Маргариты Валуа и пытается представить эту резню как результат вражды между двумя домами: Колиньи и Гизов. Монография Г. Уайта свидетельствовала об изменении отношения к фигуре Генриха де Гиза в

---

³⁴⁸ *Ranke L. Histoire de France...* Т. II. P. 3–98.

³⁴⁹ *Ranke L. Op. cit.* Т. II. P. 64–97.

³⁵⁰ *White H. The Massacre of St. Bartholomew...* P. 404–445.

британском обществе. Если в конце XVI – первой половине XIX вв. его образ выстраивался в целом в русле протестантской традиции, то историки новой эпохи, несмотря на сильное влияние привычного комплекса источников, пытаются разобраться в мотивах деятельности герцога, его действительной роли в Религиозных войнах и истории Европы XVI в.

Популярность научных исследований Гражданских войн и деятельности Гиза оказали влияние и на русскую историографию. Тимофея Николаевич Грановский (1813–1855) увлекался трудами французских авторов, в частности Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди и Ж.-Б. О. Р. Капфига, позже он знакомится с трудом Р. де Буйе о Гизах³⁵¹, который выходил в период подготовки и чтения знаменитых лекций, а также с классическими работами историков XVII–XVIII вв. Кроме того, он находился под заметным влиянием Л. фон Ранке³⁵². Несмотря на это, у Грановского сложились собственный образ Генриха де Гиза, который согласно его философии истории, является воплощением определенного исторического типа личности, характерного для своей эпохи³⁵³. В нем совмещались уникальные и типичные черты «народного» вождя партии и умного, амбициозного главы клана, опиравшегося на толпу и использовавшего религиозный фанатизм в собственных интересах. Этот «замечательный человек», по словам Грановского, «имел все качества, нужные для вождя партии»³⁵⁴. Единственный явный недостаток Гиза, на который указывает Грановский в своих лекциях – его самонадеянность, которая и погубила его.

Яркий и привлекательный, хотя и неоднозначный образ герцога, выведенный в лекциях Грановского, оказал заметное влияние на восприятие этого персонажа в русском обществе.

В дальнейшем в отечественной историографии развивается традиция изучения истории Католической лиги, в связи с чем Генрих де Гиз появляется на страницах исследования русского историка Ивана Васильевича Лучицкого³⁵⁵. Его труды получили большое распространение и признание не только в России, но и во Франции, и некоторых других странах Европы. Образ герцога был тесно связан с концепцией историка, отличавшейся продуманностью, оригинальностью и опорой на огромный комплекс неизученных ранее источников. Русский

---

³⁵¹ *Bouillé R. de. Histoire des ducs de Guise...*

³⁵² *Дмитриев С. С. Грановский и русская общественность // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. С. 320.*

³⁵³ См. об этом: *Шевцова О. Н. Образы европейского мира ранней новой истории в лекционном курсе Т. Н. Грановского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. №1. С. 67–72.*

³⁵⁴ *Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья... С. 204.*

³⁵⁵ *Лучицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции...; Он же. Католическая лига и кальвинисты во Франции...*

историк видел в Гизе умного и харизматичного лидера, обладавшего «непреодолимою энергией»³⁵⁶. Однако русский историк вовсе не идеализирует его, герцог предстает перед нами человеком властным, жестким, нетерпимым, исповедующим авторитарный стиль управления. Как и многих исследователей XIX–XX вв., И. В. Лучицкого интересует не столько черты личности герцога, сколько социальные, политические и даже психологические причины его огромной популярности и авторитета, которые позволили ему объединить разные слои, стать во главе влиятельной партии и соперничать с самим королем. Историк убежден, что это было целенаправленной умелой политикой по формированию имиджа, привлечению сторонников всеми возможными способами, повышению авторитета своей семьи.

Образ Генриха де Гиза у русского историка представляет огромный интерес с разных точек зрения. С одной стороны, он воплотил многие черты мифа, от которого исследователь не смог избавиться: убежденность в попытке Гиза захватить власть путем переворота и нацеленности на собственные эгоистические интересы, интриги и переговоры с иностранными дворами ради осуществления своих замыслов. С другой, концепция Лучицкого демонстрирует новый взгляд на природу Католической лиги, который начал формироваться в XIX в. в работах сразу нескольких авторов. Русский историк считает ее подобием политической партии, объединившей разные социальные слои и имевшей четкую программу, цель и механизмы деятельности. Именно лидерство в подобной организации позволило Гизу встать во главе широкого движения и проявить себя на политическом поприще. Не менее интересным является вывод историка о применении определенных политических приемов, направленных на формирование имиджа лидера.

В России персонаж герцога де Гиза становится достаточно популярным во второй половине XIX в., когда начинают выходить не только исторические исследования, но и популярные обзоры об этой эпохе, в частности о Религиозных войнах во Франции, Варфоломеевской ночи и т.д. Одним из первых был исторический очерк с рассказом о событиях 24 августа 1572 г., напечатанный в приложении к еженедельному иллюстрированному журналу «Северная звезда» в 1876 г.³⁵⁷ Представления неизвестного автора о Гизах демонстрирует распространенность мифов, ставших неотъемлемой частью не только французской, но и российской исторической культуры. Автор, придерживавшийся весьма демократических и

---

³⁵⁶ Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции... С. 81.

³⁵⁷ Варфоломеевская ночь, или Парижская кровавая свадьба, избиение протестантов католиками в ночь на 24-е августа 1572 года: Ист. очерк из времен религ. борьбы во Франции во второй половине 16 в. Санкт-Петербург: тип. Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1876.

антиклерикальных взглядов, называет Гизов «передовыми бойцами аристократически-иерархической политики и горячими противниками пробуждавшегося стремления народного духа», лидерами клерикального движения против Реформации, «исполнителями испанско-римской тирании», «агентами иезуитов», он обвиняет их в безмерном честолюбии и «увеличивающихся притязаниях»³⁵⁸. Генриха де Гиза – самый яркий представитель этого ненавидимого всеми семейства – обладал всеми присущими Гизам чертами: амбициозностью, высокомерием и хитростью, продолжая политику, начатую отцом и дядей, делая ставку на поддержку Рима и Мадрида. По стилю, используемым аргументам и приводимым автором фактам, этот популярный очерк напоминает антигизаровские памфлеты XVI в. Как и протестантские полемисты, автор не испытывал никакого сочувствия к Гизам и не считал герцога жертвой обстоятельств или королевских интриг, скорее – собственных амбиций, зависти, ненависти и фанатизма.

Однако такое представление о роли Генриха де Гиза в событиях было далеко не единственным в России. Кондратий Биркин³⁵⁹, автор множества беллетризованных биографий и трехтомника "Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий"³⁶⁰, конструирует откровенно идеализированный образ герцога, называя его "единственным мужчиной при дворе этой позорной, неблагопристойной эпохи", знаменитым героем, фаворитом всей Франции и достойным претендентом на французский престол³⁶¹. Несмотря на некоторые неприглядные поступки и политическое лицемерие, герцог вызывает восхищение у автора, так же как он вызывал его у парижской публики в XVI в.: «Умный, одаренный увлекательным красноречием, простой или надменный в обхождении кстати и у места, наконец — красавец собой, он побеждал умы мужчин и одинаково успешно сердца женщин»³⁶². К сожалению, русский историк не успел закончить свою книгу и подробнее остановиться на биографии герцога Лотарингского, как собирался первоначально. Но сама идея такого труда, посвященного исключительно Генриху де Гизу, говорит о невероятном интересе к этой личности у русского историка и востребованности подобных работ.

---

³⁵⁸ Варфоломеевская ночь, или Парижская кровавая свадьба... С. 2, 66.

³⁵⁹ Псевдоним Петра Петровича Каратыгина (1832—1888) – актера, публициста и писателя, автора многочисленных популярных исторических биографий.

³⁶⁰ *Биркин К.* Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Сочинение Кондратия Биркина. Т.1. Москва: Издательский Дом, 1992.

³⁶¹ Там же. С. 198, 203, 205.

³⁶² Там же. С. 205.

Итак, анализ наиболее востребованных исторических трудов конца XVIII – начала XX вв. позволяет сделать вывод, что для исследователей Генрих де Гиз являлся одной из ключевых фигур XVI в. Его образ, вобравший в себя традиционные представления, зародившиеся в трудах историков конца XVI–XVIII вв., главным образом протестантских и официальных, ангажированных правительством Бурбонов, активно продолжал конструироваться и мифологизироваться в следующем столетии. Решающее влияние на оформление классического образа оказал политический контекст – Французская революция XVIII в., либеральные идеи и формирование национализма в Европе. Неотъемлемой частью представлений о герцоге становится его «иностранный» происхождение, определившее, по мнению большинства влиятельных авторов его антинациональную политику и союз с врагами Франции. Кроме того, историками продолжала культивироваться идея стремления Гиза к захвату престола и основанию новой династии. Вне зависимости от идеологических пристрастий и научного направления, к которому принадлежали авторы, исторические труды транслировали мысль, что это было главной целью его деятельности. Это не мешало многим авторам восхищаться его организаторскими способностями, энергией и харизмой, а также критиковать власть последних Валуа, в оппозиции которым выступал герцог. Основными опорными точками его биографии, вокруг которых выстраиваются его образы, продолжали оставаться такие ключевые события французской и мировой истории, как Варфоломеевская ночь, День баррикад и гибель. Резня протестантов в 1572 г. и убийство самого герцога являлись для ученых не только неразгаданными до конца, но и символическими событиями, определившими облик XVI в.

1.3. Репрезентация личности Генриха де Гиза в биографических исследованиях

Исследуемый период отмечен появлением большого количества специальных работ, посвященных династии Гизов и ее отдельным представителям. История этой семьи интересовала историков начиная с XVII в.³⁶³, когда потомки главы Католической лиги были еще живы и даже продолжали следовать славным традициям своих предков. К 1840-м гг., когда становятся особенно популярны биографические исследования, вокруг Гизов уже сформировался определенный нарратив благодаря более ранним работам по истории Франции, Религиозных войн и отдельным трудам о наиболее выдающихся представителях этого рода. С одной стороны, укоренившиеся стереотипы и мифологемы, сложившийся круг источников и исследовательских установок оказывали влияние на новое поколение историков. С другой, вооружившись

---

³⁶³ Le duc de Guise et le duc de Nemours. *Nouvelles galantes*. [Hollande], 1684; Valincour J.-B.-H. *du Troussel de. La vie de François de Lorraine duc de Guise*. Paris: chez S. Mabre-Cramoisy, 1681.

стремлением раскрыть новые факты, обнаружить малоизвестные документы, а также применить современные социальные теории к объяснению событий прошлого, ученые XIX в. создают огромное количество биографических работ о самых разнообразных героях Религиозных войн, часто сознательно выходя за рамки общепринятых образов и дискутируя с традиционными мнениями. Именно авторы подобных трудов заложили основу «оправдательной» традиции историописания, пытаясь реабилитировать своих героев перед судом истории.

Исследователей интересовала причина столь быстрого возвышения этой семьи, их роль во французской и общеевропейской политике XVI–XVII вв., а также обстоятельства, способствовавшие падению. Род Гизов изобилует яркими личностями, талантливыми и неординарными людьми, мужчинами и женщинами, многие из которых привлекали внимание не только историков, но и писателей, поэтов и художников. В XIX в. выходят первые, и в некоторых случаях единственные биографии отца Генриха, Франсуа де Гиза³⁶⁴, дяди, кардинала Шарля Гиз-Лотарингского³⁶⁵, бабушки со стороны матери, «протестантской принцессы» Рене Французской³⁶⁶. В 1889 г. была издана очень информативная биография Антуанетты де Бурбон-Вандом, бабушки Генриха со стороны матери, которая так и осталась уникальным трудом о жизни этой неординарной женщины³⁶⁷. Гизы, по признанию большинства исследователей, отличались крайне сплоченностью, общими целями и задачами, они поддерживали друг друга и способствовали формированию цельного имиджа своей династии. Поэтому не случайно историки XIX в., чье внимание привлекали различные аспекты национального прошлого, особенно в его переломные, острые моменты, активно брались за изучение истории этой семьи, столь известной своим вкладом во французскую политику и культуру.

Во всех подобных работах значительное место уделялось биографии герцога Генриха I де Гиза как одного из главных представителей этого рода. Все без исключения авторы признавали, что возвышение этой семьи началось еще при дедушке нашего героя, а укрепление их влияния продолжилось в следующем поколении, при его отце Франсуа, обладавшем выдающимися военными талантами, в то время как интеллектуальным центром всех планов и

---

³⁶⁴ *Brisset J.-M.* Francois de Guise 1563. Bruxelles: Melini, 1840. Т. 1–2; *Zeller B.* Charles IX et Francois de Guise la premiere guerre de religion (1560-1563). Paris: Hachette, 1887.

³⁶⁵ *Guillemin J.-J.* Le Cardinal de Lorraine, son influence politique et religieuse au XVIe siècle. Paris: Joubert, 1847; Paris H. Études sur Charles, cardinal de Lorraine. Reims: impr. de L. Jacquet, 1845.

³⁶⁶ *Braikenridge I. M.* Some memorials of Renée of France, duchess of Ferrara. London: Bosworth and Harrison, 1859; Rodocanachi E. Renée de France, une protectrice de la Réforme en Italie et en France. 3 vol. Paris: Paul Ollendorff, 1896.

³⁶⁷ *Pimodan G. de.* La mère des Guises: Antoinette de Bourbon, 1494–1583 : avec un portrait, une autographie des lettres inédites, et de nombreux documents. Paris, 1889.

политических действий являлся дядя, кардинал Шарль Лотарингский. Однако именно де Гиз, по мнению исследователей, был самым ярким и известным представителем этой династии.

Многотомный труд Рене де Буйе (1802–1882) «История герцогов де Гизов»³⁶⁸, изданный в середине XIX в., представляет собой один из ярчайших образцов литературы, повествующей о влиянии нескольких поколений этой семьи на французскую и европейскую политику. Автор являлся внуком участника Войны за независимость США и организатора бегства Людовика XVI в Варенн, маркиза де Буйе. Для его потомка, французского историка, именно монография о Гизах стала главным трудом всей его жизни. Работа опиралась на широкий комплекс документов XVI в., часть из которых была включена в издание в качестве приложения. Его можно назвать классическим трудом о жизни семьи Гизов и эволюции ее влияния в течение почти двух веков. Исследование Буйе включает в себя биографии многих ярких представителей этой семьи XVI–XVII вв., в том числе основателя династии, Клода, его сыновей: Франсуа де Гиза и Шарля, кардинала Лотарингского, а также их ближайших потомков. В отличие от более поздних работ о Гизах, в поле зрения автора практически не попали замечательные женские портреты представительниц этой семьи, хотя во второй половине XIX в. мы наблюдаем рост интереса к гендерным исследованиям.

Снабженная редкими фактами и опирающаяся на репрезентативные источники, книга Буйе вызвала интерес современников, ее стали активно цитировать и включать в библиографические списки. Влияние, которое оказывала эта монография на формирование образа герцога на протяжении долгого времени, делает ее особенно интересной для нашей работы.

Наряду с достоинствами, которые ставят этот труд в один ряд с лучшими биографическими работами, он содержит черты, нередкие для XIX в., но которые снижают их научную ценность для современных читателей и делают интересными скорее с точки зрения развития определенной историографической традиции. Среди них можно отметить излишнее доверие к источникам, особенно личного происхождения, многие из которых были только открыты для изучения в XIX в., опора на мнение историков XVII–XVIII вв., причем далеко не самых влиятельных, а также выстраивание некоторых концепций на основе слухов и исторических анекдотов, собранных в дневнике Л'Этуаля. Все это придавало истории особый шарм, чувство сопричастности и увлекательность, чего часто и пытались добиться исследователи середины XIX в. В изучении методов репрезентации исторических образов важным представляется не только отделить эти мифы от реальных фактов, но и попытаться понять, с

---

³⁶⁸ *Bouillé R. de. Histoire des ducs de Guise. T. I–IV. Paris: Amyot, 1849–1851.*

какой целью портрет того или иного персонажа иллюстрировался подобными слухами. Интересно заметить, что русский историк Т. И. Грановский, который под влиянием романтиков был сторонником увлекательного изложения истории, считал монографию Буйе как раз недостаточно живой, осуждал за сухость стиля, хотя признавал интересной с точки зрения следования фактам³⁶⁹. Можно сказать, что этот труд констатирует начало отхода от романтической традиции «художественной» истории к позитивистскому подходу с его большим вниманием к анализу источников и объяснению социальных закономерностей. Буйе действительно привлекает богатый и разнообразный фактический материал, опираясь частично на эпистолярное наследие самого герцога и его окружения, но в большей степени – на мемуары и дневники современников. Часто историк ссылается на труды своих предшественников XVII–XVIII вв., однако обращает на себя внимание то, что он старался ввести в научный оборот факты, которые содержались в работах малоизвестных авторов, практически не известных читателю. Буйе считал, что подлинная история Гизов еще не написана и привлечение как можно большего количества различного материала может помочь осветить пробелы в их биографии.

Структура исследования, выбранная автором, отличается от более поздних работ на эту тему. В ее основе лежит хронологический, а не биографический принцип. Р. Буйе не сосредотачивается на каком-то определенном представителе рода Гизов в каждой главе, а разворачивает перед нами масштабную картину их влияния на историю Франции и Европы на протяжении почти двух столетий, тесно переплетающуюся с важнейшими событиями, потрясавших Европу. Таким образом, историк конструирует классическую «историю семьи».

Третий герцог де Гиз, Генрих, которому отведено больше всего места в этой работе, более одного тома из четырех, предстает типичным представителем своего рода, «этих героических воинов, смелых и глубоких политиков, опоры веры, защитников и одновременно претендентов на трон, последних представителей грозной и решительной аристократии»³⁷⁰. Буйе подчеркивает позитивную роль Гизов в истории Европы и Франции: «эти амбициозные принцы, опиравшиеся с одной стороны на внушительный авторитет религии, а с другой – на муниципальные претензии, на энтузиазм и силу демократии, были призваны привести в равновесие судьбы государства в это важную переходную эпоху...»³⁷¹.

Особенностью исследования Буйе является внимание к внутреннему миру и характеру своих персонажей. Стараясь опираться на мнения как сторонников, так и противников герцога,

---

³⁶⁹ Грановский Т. И. Указ. соч. С. 202.

³⁷⁰ Bouillé R. de. Op. cit. Т. I. P. V.

³⁷¹ Ibid.

историк рисует портрет, на котором Гиз предстает глубоким и достаточно умным политиком, имевшим большую реальную поддержку и заботившегося о международном продвижении своих проектов. Очень высоко оценивая личные качества третьего герцога де Гиза, его умение завоевать популярность, лидерские способности, автор тем не менее считает, что как полководец он не достиг успехов своего отца.

Исследователь сосредоточен на демонстрации деловой активности герцога, который имел разветвленную сеть агентов и вел обширную деловую переписку, координируя действия армии, Лиги и союзников. Его основной целью была, судя по приведенным отрывкам, – не корона, а защита католической веры и недопущение наваррского принца на престол Франции.

Падение дома Гизов историк связывает не с их амбициями или преступной нерешительностью герцога, а с политикой двора и расколом в его семье. По мнению Буйе, резкое изменение отношения короля к Гизу происходит только на последнем этапе Религиозных войн, в 1588 г. Именно тогда многие его сторонники получили отставку и были сосланы в свои земли, его решения, направленные на борьбу с протестантизмом во Франции и внутренние реформы, сталкиваются с противодействием, их противостояние с королем нарастает. Но, кроме того, историк приводит документальное подтверждение того, что в нужный момент герцог не получил нужной поддержки от членов своей семьи, которые опасались его и завидовали популярности. Генрих III в этот момент сумел воспользоваться всеми преимуществами своего положения.

Определенную роль в поражении сыграли ошибки и самонадеянность самого герцога де Гиза. Он до конца верил, что одержал победу и ему удалось договориться с монархом, хотя «его положение становилось все более неопределенным, поскольку он все больше возбуждал ревность короля»³⁷², что и привело его к гибели. В интерпретации Р. Буйе, герцог – трагический персонаж истории, оставленный двором и собственной семьей, он находился между двух огней – требованиями радикального крыла Лиги, настойчиво ожидавшего решительных действий в борьбе с протестантизмом, и монархом, с которым он стремился достигнуть соглашения. Отвергая обвинения против Гиза в заговоре, историк фактически считает самого короля виновником дальнейшей драмы. Подавленный растущей силой своего оппонента и его влиянием в обществе, монарх решается отомстить. Даже «безрассудство и высокомерие» герцога, способствовавшие трагической развязке, находят оправдание на страницах этой биографии. По мнению историка, они были вполне естественны для такого могущественного человека и опирались на его уверенность в слабости короля. Хотя описание гибели герцога не добавляет ничего нового к уже известным фактам, эти сцены поражают детальным подходом и

---

³⁷² Bouillé R. de. Op. cit. Т. III. Р. 301.

стремлением объяснить подобный исход с точки зрения политической расстановки сил и психологии действующих лиц. Как и в других эпизодах, историк, прежде всего, старается продемонстрировать масштаб личности герцога, его решительность перед лицом опасности, острый ум и аристократическую гордость, которая косвенно стала причиной его гибели.

В итоге, осуществлению замыслов Гиза помешали как некоторые объективные причины – события внутри страны и вне ее, в частности разгром Испании на море, так и субъективные: герцог был, с одной стороны, слишком подозрителен и не достиг соглашения с королем, а с другой стороны – презирал придворные интриги, которые мог использовать в свою пользу. Королю же наоборот, удалось усыпить бдительность герцога и использовать те незначительные преимущества, которые у него оставались, в свою пользу, пообещав защиту веры. Изображение герцога де Гиза как яркой и неординарной личности, масштаб которой вполне соответствовал великой эпохе катастроф, становится общим местом для научной литературы XIX в. Особенностью монографии Буйе является попытка, с одной стороны, усилить трагические черты его образа, а с другой, закрепить представление о нем, как о человеке, стремившемся к стабильности и процветанию страны, а не к захвату престола с чисто эгоистическими целями.

Выход в свет монографии Буйе не остался незамеченным. Это исследование вдохновило знаменитого французского дипломата и историка графа Алексиса де Сен-При на собственную обширную статью о герцогах Гизах³⁷³. Стронник июльской монархии, граф глубоко интересовался французской историей, особенно политической и религиозной. Свою статью он начинает с весьма характерного философского рассуждения о причинах интереса и сочувствия публики к судьбам исторических личностей и династий, которые не достигли успеха в своих начинаниях, несмотря на обладание необходимыми талантами и народной поддержкой. Именно с этой точки Гизы чаще всего интересовали историков и широкую публику. Они были ярким примером «троянец XVI в.», легендарных героев, раздавленных неумолимым «колесом истории». Герцога Генриха I де Гиза автор характеризует как самого известного, но отнюдь не самого выдающегося представителя этой семьи, отдавая явное предпочтение его отцу и дяде-кардиналу³⁷⁴. Его поступки определялись всем известным характером, в котором Сен-При не находит никаких загадок и противоречий. Тем более что все главные вехи биографии герцога, к которым он относит соперничество с королем, создание Лиги и трагедию в Блуа, были подробно освещены в монографии Буйе, с которым Сен-При полностью солидарен. Возвращаясь к

---

³⁷³ *Saint-Priest A. de. Les Guise // Revue des Deux Mondes (Nouvelle période). Vol. 9. № 5 (1er mars 1851). P. 785-847. Copie numérique. <https://www.jstor.org/stable/44694177> (дата обращения 10.08.2023).*

³⁷⁴ *Ibid. P. 823.*

причинам неудач и гибели Генриха де Гиза, автор опирается на собственную философско-историческую концепцию, согласно которой монархический принцип во Франции не изжил себя, как считал герцог, а испытывал лишь временные трудности и был ослаблен «унижением Генриха III и ересью короля Наваррского»³⁷⁵. Поэтому попытка Гиза сокрушить его была заведомо обречена на неудачу.

Несколько иной образ герцога конструирует Жозеф де Кроз – автор монографии, повествующей о событиях Религиозных войн с точки зрения альянса Гизов и испанского короля Филиппа II³⁷⁶. Она вышла чуть ранее, в 1866 г. и в рамках иной историографической традиции. Автор развивал идею Ж. Мишле о существовании некоего «сговора» между католическими лидерами из разных стран с целью сохранения римско-католического христианства в Европе и во Франции. На протяжении сотен страниц автор в подробностях реконструирует бурную деятельность де Гиза, сумевшего создать международный военный, политический и религиозный союз «преодолевая препятствия, с которыми он сталкивался, особенно со стороны партии короля»³⁷⁷. Кроз не сомневается в том, что герцог был вдохновителем и движущей силой Католической лиги во Франции, и он стал ее реальным лидером, несмотря на попытки короля оспорить его власть. Однако подобная масштабная деятельность была бы невозможна без поддержки со стороны Испании. В отличие от Мишле, автор не называл прямо эти связи преступными по отношению к национальным интересам. Однако образ герцога, который возникает на страницах этой работы, благодаря акценту на военной и организаторской деятельности, рассказам о непрекращающихся переговорах с испанским послом, получении испанских денег и активных действиях против протестантов, приобретает черты предателя и мятежника.

Монография Кроза привлекала всегда внимание читателей богатейшими приложениями, в которые автор включил переписку Генриха де Гиза с родственниками, монархами, политическими деятелями, испанским двором и испанскими послами. Это небольшая часть из сохранившегося эпистолярного наследия герцога, среди которой не нашлось место коллекциям, хранящихся в Санкт-Петербурге и во многих других городах Европы, однако до сих пор это наиболее полное издание его писем. Публикация этого эпистолярного богатства имела всю ту же цель – документально подтвердить наличие тесных связей между Гизами и испанским двором, сформировать образ талантливого организатора и опасного противника королевской власти,

---

³⁷⁵ *Saint-Priest A. de. Les Guise... P. 824.*

³⁷⁶ *Croze J. de. Les Guises, les Valois et Philippe II. Paris: Amyot, 1866. T. I–II.*

³⁷⁷ *Ibid. P. 13.*

который служил прежде всего собственным эгоистическим интересам, был движим нетерпимостью к протестантам и презрением к своему монарху, в результате чего практически полностью попал в зависимость от испанской политики. Среди множества писем, вошедших в монографию Кроза, часть вызывает сомнения в их подлинности. Если сравнить риторику некоторых писем Гиза, адресованных испанскому послу Мендосе, то заметно ее расхождение со стилем его других посланий, уже хорошо известных и исследованных историками. Эта сторона его деятельности, как и сами представленные документы, требовала дальнейшего изучения, однако историки второй половины XIX–XX вв. практически не уделяли им внимания.

Отдельного внимания заслуживает небольшая ранняя работа одного из самых известных французских специалистов по эпохе французского Ренессанса, члена Общества истории Франции Гюстава Багно де Пюшеса (1843–1922), которую он посвятил биографиям двух выдающихся представителей семьи Гизов – Франсуа и его сыну Генриху³⁷⁸. Исследовательский интерес этого специалиста был связан с историей XVI–XVII вв., главным образом военной и религиозной. Он прославился поиском и изданием новых источников, в частности эпистолярного наследия Екатерины Медичи и официальной дипломатической переписки³⁷⁹. Выбор в качестве объекта исследования фигуры Генриха де Гиза и его отца не случаен. Во-первых, он считал двух героев своей книги «величайшими людьми эпохи»³⁸⁰, во-вторых, этот выбор был подсказан автору трудом Ж. де Кроза «Гизы, Валуа и Филипп II», вышедшем годом ранее, поэтому автор много внимания уделяет отношениям Лиги с испанским двором.

Автор рисует своего героя народным вождем и героем баррикад, который «быстро понял свое предназначение»³⁸¹. Он приписывает ему черты выдающегося военного: уже в юном возрасте им была организована осада Пуатье «с мастерством и смелостью опытного генерала»³⁸². Герцог видится ему человеком необычайной «энергии и силы воли»³⁸³. Не случайно, в дальнейшем историк сосредоточил свое внимание на изучении военной карьеры герцога,

---

³⁷⁸ *Baguenault de Puchesse G.* Les ducs François et Henri de Guise. D'après de nouveaux documents. Paris: Adrien Le Clere. 1867.

³⁷⁹ *Baguenault de Puchesse G.* Jeanne d'Albret et Catherine de Médicis (1570–1572), lettres inédites. Paris; Nogent-le-Rotrou: Daupeley-Gouverneur, 1910; Idem. Vingt-quatre lettres inédites de Henri III à Gilles de Souvré. Nogent-le-Rotrou: Daupeley-Gouverneur; Paris, 1920.

³⁸⁰ *Baguenault de Puchesse G.* Les ducs François ... P. 7.

³⁸¹ Ibid. P. 27.

³⁸² Ibid. P. 28.

³⁸³ Ibid. P. 29.

справедливо считая ее малоизученной, но достойной более пристального внимания³⁸⁴. Именно в этой сфере, по мнению Багно де Пюшеса, ярче всего проявились таланты герцога. В период между франко-прусской и Первой мировой войной, время утраты Эльзаса и Лотарингии, патриотический дискурс обращения к славным победам французского оружия был достаточно очевиден. Полемизируя с исторической традицией XIX в., в рамках которой Генрих де Гиз считался слабым полководцем, особенно по сравнению со своим отцом, французский историк привлек новые документы и на примере нескольких компаний показал впечатляющие результаты его военной карьеры. Его успешная борьба с немецкими рейтарами в 1587–1588 гг. должна была «вдохнуть немного патриотизма в умы французов»³⁸⁵.

Багно де Пюшес создает несколько идеализированный образ герцога как воина и политического лидера, однако обращение к одному из самых дискуссионных этапов его биографии – участие в Варфоломеевской ночи – заставляет историка несколько скорректировать этот образ, придав ему более реалистичные черты. Тщательное изучение различных документов приводят историка к идее, что «расправа над гугенотами не была заранее задумана ни двором, ни католической партией», однако именно это стало основой для его обвинительного акта против герцога. Он назначает Гиза одним из главных виновников этой ночи, поскольку тот был активным участником убийства Колиньи, знал заранее о планах Екатерины Медичи и его матери и согласился без колебаний в них участвовать, считая необходимым отомстить за отца. Наделенный абсолютной властью над королевскими войсками, он спровоцировал резню и поэтому «больше виновен, чем король, который был просто слаб»³⁸⁶.

Помимо Варфоломеевской ночи, Багно де Пюшес обращается еще к двум неоднозначным эпизодам, дававшим пищу обвинителям герцога де Гиза: его отношениям с Испанией, которые до этого были хорошо изучены Крозом, а также его противостоянию с королем Генрихом III. Французский исследователь отказался от следования известным источникам, большинство из которых создавали исключительно негативный образ герцога, поскольку вышли из-под пера его врагов. Он привлек множество малоизвестных документов, в частности переписку герцога с королем, которую он в больших количествах цитирует на страницах своей работы. Его цель – показать преданность Гиза монарху и отсутствие жестоких и амбициозных планов, в которых его

---

³⁸⁴ *Bagueuault de Puchesse G.* La campagne du duc de Guise dans l'Orléanais en octobre et novembre 1587. Orléans: H. Herluison, 1885; Idem. L'expédition des Allemands en France au mois d'octobre 1575 et la bataille de Dormans: d'après les pièces du temps. Orléans: H. Herluison, 1886.

³⁸⁵ *Bagueuault de Puchesse G.* La campagne du duc de Guise... P. 16.

³⁸⁶ *Bagueuault de Puchesse G.* Les ducs François... P. 32.

обвиняли историки и писатели. С его точки зрения, деятельность герцога была порождена стремлением защитить престол и католическую церковь, чему могли способствовать финансовая помощь Испании. Нельзя, по мнению историка, обвинять герцога в предательстве национальных интересов, поскольку в период Религиозных войн обе стороны использовали деньги и наемников стран-союзников.

Общий вывод, который делал Багно де Пюшес не слишком отличается от классического представления о герцоге: характер Генриха де Гиза был противоречивым, нельзя однозначно оценить некоторые его действия. Однако на примере этой небольшой работы мы видим, как трансформировался образ герцога под влиянием новых течений в исторической науке, первых попыток оценить деятельность персонажей прошлого с точки зрения исторической психологии. Багно де Пюшес оправдывает Гиза не потому, что можно оправдать убийства и крайности религиозной вражды с точки зрения современной морали, а потому что характер герцога был порожден его сложной, противоречивой и жестокой эпохой. Историки второй половины XIX – начала XX вв. склонялись к идее, что нельзя судить героев XVI в. с современной точки зрения, принцип историзма требует более гибкого подхода к оценке деятельности персонажей далеких от нас эпох.

В первые годы Третьей республики во Франции и в Европе изучение биографии герцога де Гиза и влияния семьи Гизов на французскую и европейскую политику продолжает оставаться весьма востребованной темой. Сюжеты, связанные с противостоянием народа и королевской власти, эволюцией политической структуры Франции, становятся опять важной частью республиканского дискурса. Отношение к фигуре герцога де Гиза начинает меняться, однако он так и остается персонажем, который не мог стать героем ни республиканцев, ни монархистов в силу неопределенности своей позиции. Именно эти колебания между разными политическими полюсами стали предметом рефлексии историков, видевших в этом проявление слабости и нерешительности.

В эту эпоху выходит еще одна двухтомная монография о Гизах, написанная одним из ведущих французских историков XIX в. Анри Форнероном (1834–1886). Работа, названная «Герцоги Гизы и их время» пользовалась популярностью, благодаря чему была переиздана еще раз спустя шестнадцать лет³⁸⁷. Исследователь сам признавался, что про дом Гизов уже написано множество работ, авторы которых извлекли все, что можно было из архивных документов, хранящихся во Франции. Однако он считал, что последние труды зарубежных историков, опирающиеся на новые источники, без которых невозможно стало говорить о XVI в., требуют

---

³⁸⁷ *Forneron H. Les Ducs de Guise et leur époque. Étude historique sur le seizième siècle. 2 vol, Paris: Pion, 1877 (1893).*

очередного обращения к этой теме. За несколько лет до этого была опубликована монография И. В. Лучицкого о Католической лиге, что и подтолкнуло автора заняться такой, казалось бы, бесперспективной темой. Обращает на себя внимание то, что Форнерон, в отличие от своих предшественников практически полностью отказывается от цитирования авторов XVII–XVIII вв. и обращается за вдохновением к источникам и современным историческим трудам, как французским, так и зарубежным, например, к монографии Марты Фрир о Генрихе III³⁸⁸.

Во втором томе своего труда, почти целиком посвященного Генриху де Гизу, историк прослеживает основные этапы его жизни и деятельности. Пытаясь обнаружить не столько новые документы, сколько оригинальное направление в исследовании биографии этой семьи, он уделяет особое внимание формированию личности герцога и факторам, оказавшим влияние на этот процесс. Главными среди них он считает преданность своей семье и желание отомстить за гибель отца. Форнерон был убежден, что именно последнее обстоятельство сделало герцога не просто участником, но и одним из организаторов Варфоломеевской ночи. Как и Мишле, автор недоумевает, почему Гиз не воспользовался возможностью захватить корону Франции, когда она была почти в его руках, считая это одной из его ошибок, проявлением слабости. Поведение обеих сторон на последнем этапе Религиозных войн, приведшее к гибели герцога и короля не поддается, по его мнению, рациональному объяснению. Форнерон обвиняет Гиза не в том, что он стремился захватить корону и свергнуть короля, а в том, что он не предпринял более решительных действий, когда «корона ускользнула из рук Генриха III и уже можно было подхватить ее»³⁸⁹. Историк убежден, что герцогу просто не хватило стратегических талантов, он не понимал необходимости оккупировать ключевые объекты, «окружить Лувр, вторгнуться в конюшни и здания Тюильри, закрыть все выходы, не соглашаться на минуту передышки»³⁹⁰. Труднообъяснимыми для Форнерона являются и колебания герцога перед лицом необходимости арестовать и заключить в монастырь короля. Он ставит ему в пример Вильгельма III Оранского, захватившего английский трон и разворачивает целый план действий, которому, по мнению историка, Гиз должен был следовать. Периодически вместо попытки понять и объяснить причины действий человека XVI в., Форнерон, как и большинство биографов, возмущен несоответствием поступков герцога ожиданиям общества эпохи революций и переворотов. Поэтому Генрих де Гиз на страницах его монографии предстает перед читателем слабым и не очень умным политиком, который, подготовив захват власти, не имел решимости взять то, что

---

³⁸⁸ *Freer M. W. Henry III, King of France and Poland: his court and times. London: Hurst and Blackett, 1858.*

³⁸⁹ *Forneron H. Op. cit. P. 370.*

³⁹⁰ *Ibid.*

судьба сама преподносит ему: «Но немногие люди обладают прозорливостью суждений и быстротой решения, необходимыми для того, чтобы оценить и использовать представившийся случай, который они сами же подготовили, ждали и который больше им не представится»³⁹¹.

Более того, положение Гиза осложнялось его службой интересам испанской короны и Католической лиги, и эти интересы приходили в противоречие. Если у Р. Буйе герцог колеблется между чувствами верноподданного короля и требованиями радикального крыла Лиги, то у Форнерона в качестве второго искусителя выступает Филипп II. Решающая роль Гизов в подготовке падения дома Валуа не вызывает у историка сомнения, как и у большинства его предшественников. Но в период окончательного утверждения во Франции республиканской традиции это перестает, казалось бы, смущать исследователей и читателей, гораздо большее возмущение вызывает отсутствие решительности в этом вопросе. Другой стороной личности герцога, которая продолжала оставаться важным мотивом для его осуждения, являлась религиозная нетерпимость, особенно ярко проявившаяся во время Варфоломеевской ночи. Дискуссия вокруг роли Гиза в этих событиях стала одной из ведущих в дальнейших исследованиях его биографии.

Несмотря на сохранение критического подхода в качестве главной тенденции в изучении биографии герцога, в период Третьей республики во Франции продолжает развиваться и другая традиция. Поворот, который наметился в исследовании личности де Гиза биографией Р. Буйе, был подхвачен и другими историками, прежде всего, провинциальными, которые еще оставались связанными с антикварной традицией и интересовались родом Гизов в рамках изучения локальной истории.

В 1879 г., в Нанси, бывшей столице Лотарингии, была опубликована небольшая брошюра, которая знаменовала собой важный этап в исследовании деятельности Генриха де Гиза. Ее тоже можно отнести к жанру семейной биографии, поскольку она повествовала о герцоге и его жене Екатерине Клевской³⁹². Ее автором был Жюль Рено – историк, известный в свое время трудами по локальной истории Лотарингии. Выходившие главным образом 1870-е гг. его исследования о людях, обычаях и культуре этой провинции были одним из механизмов сохранения и передачи коллективной памяти и в эпоху, когда эти территории были утрачены Францией в результате войны с Пруссией. Его небольшая брошюра о семье Гизов примечательна тем, что на неё

---

³⁹¹ *Forneron H.* Op. cit. P. 370.

³⁹² *Renauld M. J.* Henri de Lorraine, Duc de Guise, (1550–1588) et Catherine de Clèves, comtesse d'Eu, (1548–1633), son épouse. Notes et souvenirs d'un voyage à Blois et à Eu. Nancy: G. Crépin-Leblond, 1878.

ссылаются уже более полутора веков в энциклопедиях и справочниках³⁹³. Думаю, что в данном случае имеет место некритическое копирование статей авторами подобных изданий, поскольку при всей уникальности представленной работы как образца локальной историографии, ее содержательная ценность для биографии де Гиза не столь велика на фоне более значительных исследований. В XIX–XX вв. вышло несколько намного более основательных и серьезных научных монографий о герцоге де Гизе, часть из которых представлено в данной главе.

Труд Рено был навеян наблюдениями, собранными им во время поездок по замкам Луары и Нормандии, где осталось много живых свидетельств жизни и деятельности Генриха де Гиза и его семьи. Реконструкция в ренессансном стиле поместья д'Э, начатая герцогом в последние годы жизни и не законченная из-за его гибели в 1588 г., а также сама трагедия в Блуа привлекли внимание историка, который построил вокруг них свое достаточно оригинальное исследование. Монография, хотя и небольшая по объему, содержащая всего 35 страниц, недаром часто использовалась в дальнейшем авторами энциклопедических статей. В ней в сжатой форме, но с опорой на разнообразные источники, представлен яркий портрет самого Генриха де Гиза, а также его жены, Екатерины Клевской, которая, кажется, не удостоилась до сих пор отдельного исследования, несмотря на достаточно заметную роль в политической и культурной жизни Франции XVI в.

Особое внимание в своей монографии Рено уделил местам, связанным с жизнью и деятельностью герцога, выделив их как особые «места памяти», говоря современным языком. Другими объектами его внимания стали двор и нравы того времени, поскольку историк справедливо полагал, что это поможет читателям лучше представить исторический контекст, в котором разыгрывалась драма жизни его героя. Но главное достоинство этой работы состоит в том, что в последней главе историк дал обзор произведений литературы и искусства, в котором представлен образ главы Лиги: от «Гизиады» П. Матье, до современных ему пьес Л. Вите и А. Дюма, а также живописных полотен П. Делароша и Ш. П. Конта.

Исследователь не скрывал своего восхищения герцогом де Гизом, которого считал ярчайшим представителем своей семьи и славным продолжателем лотарингского рода. Опираясь на письма и мемуары современников, а также гравюры и другие изображения, хранящиеся в коллекции эстампов Национальной библиотеки в Париже, Рено описывает выдающиеся внешние данные своего героя, а также свойства характера и манеры, привлекавшие к нему людей всех сословий: «Как воин Генрих де Гиз уступал Франсуа де Гизу, своему отцу,

---

³⁹³ Генрих I де Гиз // Википедия. Свободная энциклопедия: сайт. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Генрих_I_де_Гиз (дата обращения: 21.12. 2022).

несмотря на блестящие подвиги, но он превосходил всех членов своей семьи дарованиями и природными талантами, которые вызывали уважение к нему со стороны двора и привязанность народа»³⁹⁴. Историк цитирует достаточно редкий источник – письма Ж.Л. Геза де Бальзака, бывшего в то время секретарем герцога д'Эпернона, изданные в начале XVII в., чтобы продемонстрировать эту привязанность, «близкую к идолопоклонству»: «Франция была без ума от этого человека [...], некоторые призывали его в своих молитвах, [...] его портреты были повсюду»³⁹⁵.

Ж. Рено раскрывает перед читателями другие, малоизвестные стороны деятельности Генриха де Гиза: благотворительность, меценатство и его вклад в развитие архитектуры и церковного образования. Помимо строительства замка, в 1580-е гг. в д'Э его стараниями была организована иезуитская коллегия с прекрасной библиотекой и передовыми методами преподавания, просуществовавшая как минимум до конца XIX в., когда автор и посетил ее.

Отбор материала и краткость содержания свидетельствуют о том, что историк не стремился написать полную биографию, эпизоды выбраны с целью продемонстрировать малоизвестные публике грани личности герцога и сформировать определенный образ: мецената и выдающегося государственного деятеля, чья роль в истории страны недооценена потомками. С этой же целью в повествование включено много собственных впечатлений, оставшихся у автора от путешествий по местам памяти его персонажа, бесед с хранителями музеев и замков. Намного меньше автор пишет о политической и военной Гиза, полагая, что читателю об этом давно известно.

Историк также оставил собственные ценные воспоминания о посещении королевского замка в Блуа, где уже с середины XIX в. был организован музейный комплекс. Служащие, если верить Рено, трогательно сохраняли память о произошедшей здесь трагедии и могли процитировать наизусть свидетельство врача Мирона об убийстве герцога. Вообще, занимаясь чисто краеведческими изысканиями, Рено очень точно ухватил суть поворота в исследовании прошлого, наметившегося во второй половине XIX в.: от событийной истории к изучению отражения исторических образов в литературе, живописи, музейных экспозициях.

Таким образом, эту небольшую брошюру Ж. Рено можно по праву назвать не только подлинно научной монографией, в которой были введены в оборот новые источники и описаны не известные ранее стороны деятельности герцога, но и одним из первых исследований образа Генриха де Гиза в историографии и искусстве. Автор упоминает только несколько основных

---

³⁹⁴ *Renauld M. J. Op. cit. P. 5.*

³⁹⁵ *Ibid.*

научных работ и художественных произведений, дает их общий обзор без глубокого анализа. Однако этот труд, несомненно, заслуживает пристального внимания современных специалистов по исследованию исторической памяти.

Для нашей темы не менее интересным является образ, сконструированный самим Рено. Он практически полностью противоположен представлению о главе Лиге, популярном в историографии XVIII – первой половины XIX в., поскольку изображает герцога многогранной личностью, меценатом и вообще типичным человеком эпохи Ренессанса.

Во французской историографии конца XIX – начала XX вв. вслед за небольшими очерками Рено и Багно де Пюшеса, которые уже были почти полностью посвящены Генриху де Гизу, можно наблюдать появление обширных биографий герцога, а также статей об отдельных эпизодах и сторонах его деятельности. Чаще всего, авторы подобных работ были движимы благородной целью спасения образа знаменитого католического лидера от различных исторических предубеждений и искажения памяти о нем, имевшее большой успех в XIX в. Поэтому, с одной стороны, эти работы заслуживают пристального внимания не только как пример конструирования определенного представления о герцоге, тесно связанного с католической традицией положительной оценки его деятельности, но в качестве попытки научного подхода к реабилитации имиджа де Гиза. С другой стороны, историкам этой эпохи, которые брались за сложную задачу демифологизации образа главы Лиги, не удалось избежать противоположной крайности. На страницах своих трудов они часто выступали не просто в качестве ученых, обнажающих механизмы формирования «черной легенды», но и как его апологеты, отступая от объективной оценки в пользу страстной защиты своего героя и придания ему черт выдающегося полководца, патриота и величайшего из исторических персонажей XVI в.

Первые подобные исследования были предприняты французскими католическими, конфессионально настроенными историками, поскольку Генрих де Гиз – фигура, достаточно важная для католической идентичности, которую было необходимо очистить от предубеждений предыдущих веков и обвинений в различных преступлениях, представить героем и жертвой как королевского произвола, так и протестантской пропаганды, настоящего патриота и «рыцаря без страха и упрека». Кроме того, Генрих де Гиз в XVIII–XIX вв. для антиклерикалов стал одним из воплощений негативного образа католика. Ему было легко приписать такие важные составляющие этого образа как фанатизм, гордыня, нетерпимость, жестокость, тайные грехи и развращенность, прикрытые внешним благообразием. Деятельность герцога была тесно связана с иезуитами, Римом и испанским королем Филиппом II, которые сами по себе воплощали образ врага для части общества в эпоху популярности антиклерикальных настроений. Протестантская

традиция в отношении этих персонажей стала в XIX в. достоянием либералов, продолжавших конструировать представления о Религиозных войнах в рамках этого дискурса.

Однако в 1870–1880-е гг. начавшееся после Первого Ватиканского собора «католическое возрождение» подготовило пересмотр старых культурных стереотипов и способствовало обращению к переломным моментам истории церкви, изучению традиции, особенно той, которая была связана с деятельностью предшествовавшего Тридентского собора XVI в. Хотя до избавления от предубеждений на уровне массовой культуры дело не дошло, французские историки, а вслед за ними и коллеги из других стран предпринимали отчаянные попытки деконструировать негативный образ Генриха де Гиза, закрепившийся в коллективной памяти европейцев.

Первая биография, полностью посвященная главе Католической лиги, вышла в 1881 г. и принадлежала перу Шарля Ковена³⁹⁶. Результаты ранних попыток исследования деятельности герцога де Гиза были утрачены, возможно, уничтожены в период действия Нантского эдикта³⁹⁷. Предшествующие биографии XVIII–XIX вв. были написаны в рамках семейной истории Гизов или в виде кратких популярных очерков.

Ш. Ковен – историк с ярко выраженной конфессиональным подходом, его можно отнести к консервативной католической традиции во французской историографии. По его собственному свидетельству, он провел свое детство в «старом» Провансе, «столь же христианском, сколь и монархическом»³⁹⁸. Будучи уже автором биографии Франсуа де Гиза³⁹⁹, он так увлекся обстоятельствами жизни и особенно смерти сына своего героя, что решил посвятить ему отдельное исследование. Книга далась ему нелегко: несколько раз за время работы над ней у него «опускались руки», и он порывался забросить свой труд. Причина этого, насколько можно понять из его собственного эмоционального свидетельства в предисловии, – открывшиеся перед ним противоречия и сложности его персонажа, которые автор объяснял эпохой, охарактеризованной им как «самые великие и, возможно, самые ужасные страницы нашей истории»⁴⁰⁰. Однако именно стремление понять, как сложности характера и судьбы самого персонажа, так и особенности эпохи, а также обстоятельства, породившие поступки героев этой драмы, позволили

---

³⁹⁶ *Cauvin Ch.* Henri de Guise le Balaféré. Histoire de France de 1563 a 1589. Tours, 1881.

³⁹⁷ *Thomas G.* Papire Masson: Conseiller au Présidial de Lyon, et auteur d'une vie perdue d'Henri de Guise // *Humanisme et Renaissance*, T. 6, No. 2 (1939). P. 226–228.

³⁹⁸ *Cauvin Ch.* Op. cit. P. 6.

³⁹⁹ *Cauvin Ch.* Vie de François de Lorraine, duc de Guise, surnommé le Grand. 2e édition. Tours, 1878.

⁴⁰⁰ *Cauvin Ch.* Henri de Guise ... P. 6–7.

ему создать неоднозначный, но живой и трагический образ герцога де Гиза, вышедший за рамки принятых стереотипов и легенд.

Попытка написать научную биографию главы Католической лиги поставило историка перед еще одной важной и неоднозначной проблемой. В конце XVI – начале XVII вв. произведения, посвященные этому персонажу, носили апологетический и часто пропагандистский характер. В них часто использовался сюжет его трагической гибели, поскольку именно он был важной составляющей его образа героя и мученика. Жанры, в которых в ту эпоху использовался этот имидж, не предполагали попытки объективной оценки его личности. В дальнейшем историки часто либо эксплуатировали уже распространенные мифологемы, либо только вскользь упоминали участие герцога в тех или иных событиях, намеренно избегая оценки его деятельности или не придавая большого значения его роли в Религиозных войнах. Однако исследование фигуры де Гиза в контексте событий его времени, предпринятое во второй половине XIX в. после массового знакомства читающей публики с мемуарами и другими источниками, а также всплеска интереса к этой эпохе, спровоцированной литературой, живописью и пьесами, не могло обойтись без таких оценок.

В этой ситуации историки XIX в., особенно «католические», как сам себя позиционирует Ковен, были поставлены перед непростой задачей. Необходимо было, избегая апологетической риторики, опираясь на источники, попытаться создать взвешенный и насколько можно более объективный, но одновременно привлекательный образ персонажа, за которым тянулся почти трехвековой шлейф «черного мифа». Сам Ш. Ковен в предисловии оценивал свою задачу, в том числе как морализаторскую, одновременно провозгласив в качестве важнейшего – принцип историзма в оценки героев прошлого: «Конечно, историк, особенно историк католический, должен неустанно обличать преступления, независимо от руки, которой их совершены, независимо от причин, которые толкнули на то, чтобы их совершить. Но его долг и беспристрастность обязывают учитывать эпоху и обстоятельства, в которых жили их герои»⁴⁰¹. Начало этому повороту в исследовании личности Генриха де Гиза было положено историками середины XIX в., а во второй половине – продолжено Багно де Пюшесом. Политическая и общественная обстановка, сложившаяся в начале 1880-х гг., не очень способствовала такой переоценке одного из главных действующих лиц религиозной смуты. С одной стороны, очередное и теперь окончательное утверждение во Франции республиканского строя, постепенная утрата монархистами, особенно сторонниками возвращения Бурбонов, своих позиций могла способствовать пересмотру личности Генриха де Гиза как лидера оппозиции

---

⁴⁰¹ *Cauvin Ch. Op. cit. P. 6.*

власти Валуа и будущих Бурбонов, народного любимца и человека, которого можно рассматривать как политика, стоявшего у истоков революционной традиции. Романтическая литература охотно использовала этот образ. Но нельзя не учитывать еще одну тенденцию в общественной жизни последней трети XIX в. Несмотря на то, что после Реставрации во Франции происходило религиозное и церковное возрождение, утверждение республиканского строя подорвало эти успехи, и наряду с реформами в церкви началась активная борьба с религиозным влиянием в государстве, образовании и науке. Поэтому позитивная переоценка личности главы ультракатолической партии, участника и даже, как многие верили, организатора Варфоломеевской ночи, не могла найти широкий отклик в обществе и стать началом масштабного переворота в историографии Религиозных войн.

Несмотря на это, эмоциональное, образное, но опирающееся на большое количество источников повествование Ш. Ковена до сих пор является одной из немногих полноценных биографией герцога де Гиза, хотя оно и нечасто упоминается специалистами, а также авторами энциклопедий и словарей.

Историк изучил множество мемуаров, писем, документов официального характера и полемической литературы. Он был прекрасно знаком с современной и классической историографией, имеющей хоть какое-то отношение к Религиозным войнам и семье Гизов. Интересно отметить, что среди историков излюбленным автором Ковена являлся итальянский писатель XVII в. Э. К. Давила⁴⁰², именно его чаще всего цитирует автор этого исследования. К нему же чаще всего апеллирует упоминавшийся нами биограф Гизов Ж. Рено. Таким образом, можно проследить определенную преемственность среди историков, которых можно причислить к апологетам Генриха де Гиза. Давила был одним из ранних историографов этих событий, чье произведение, написанное в первой половине XVII в., в эпоху, когда во Франции исследование религиозных войн было под запретом, всегда воспринималось как своего рода объективный источник. Будучи близким ко двору Валуа свидетелем, а затем непосредственным участником конфликта, Давила тем не менее пытался описать их как историк, создавая достаточно беспристрастные портреты лидеров враждующих партий.

Очевидными достоинствами монографии Ковена является не только подробное изложение жизни и деятельности главного героя, но и внимание к историческому контексту, в

---

⁴⁰² Davila E. C. Histoire des guerres civiles de France, contenant tout ce qui s'est passé de mémorable en France jusqu'à la paix de Vervins, depuis le règne de François II, écrites en italien par Davila, mises en français par Baudoin. Paris, 1644. Рус. пер.: Давила Э. К. История гражданских войн во Франции / Перевод [с итальянского] Р.Л. Шмаракова; статья В.В. Шишкина; комментарии В.В. Шишкина [и др.]. СПб: Наука, 2023. Т. 1.

котором разворачивались драматические события его жизни. История герцога де Гиза у него органически встроена в досконально им изученную историю Гражданских войн и исследование политических механизмов основных событий эпохи. Большое место в ней уделяется портретам и характеристикам политических и военных деятелей, как католических, так и протестантских.

С одной стороны, автор не оспаривает неприглядную роль своего героя в некоторых событиях, но с другой, эти просчеты, по его убеждению, искусственно раздувались историками, породив стереотипы восприятия его личности. Не снимая ответственности с самого герцога, не отрицая в нем такие неоднозначные качества как амбициозность и политическую гибкость, Ковен подчеркивает, что ошибки молодости, которые представлены историками в качестве преступлений герцога, были следствием политики двора. Историческая несправедливость заключается в том, что коллективная память возложила ответственность за них, главным образом за Варфоломеевскую ночь, на плечи де Гиза: «Так, советники Карла IX использовали сыновью любовь де Гиза [к отцу, убитому протестантами – М. К.], любовь гиперболизированную и греховную, поскольку она должна была привести к преступлению, чтобы сделать эту любовь орудием кровожадного заговора, и чтобы наконец обеспечить сыну Франсуа де Гиза отмщение гугенотам и презрение истории»⁴⁰³. Ковен уверен, что не только убийство Колиньи, но и вся резня в ночь Святого Варфоломея, совершалась по прямому указу короля, исполнителем и жертвой которого двор и историки сделали герцога Генриха де Гиза.

Определяющим событием в жизни его героя, сыгравшим роль катализатора многих других, особенно Варфоломеевской ночи и деятельного участия в Гражданских войнах, автор видит убийство его отца, Франсуа де Гиза: «Вся мстительность и ненависть, на которую был способен подросток, застили ему глаза темной пеленой, она же разрывала его во время ужасного и кровавого дня Святого Варфоломея»⁴⁰⁴. В отличие от Багно де Пюшеса, который утверждал, что резня гугенотов не была преднамеренной, Ковен был убежден в обратном. Он доказывал, что Варфоломеевская ночь не просто готовилась Екатериной Медичи и Карлом IX, но обдумывалась в течение долгого времени, а ее причины были политическими, а не религиозными. Нельзя обвинять в ее организации католическую партию, так как основной целью было уничтожение обеих враждующих фракций и укрепление власти самой Екатерины Медичи. Герцог де Гиз до последнего момента не был в него посвящен и вынужден был обратиться к католическому дворянству и парижанам для своей защиты после покушения на Колиньи. Сам герцог, в интерпретации Ковена, обладал благородным характером, «его милосердие и жалость

---

⁴⁰³ *Cauvin Ch. Op. cit. P. 110.*

⁴⁰⁴ *Ibid. P. 6.*

пробуждались в пользу побежденных»⁴⁰⁵, он никогда не проявлял неоправданную жестокость. Автор тщательно отбирает эпизоды, которые свидетельствуют о милосердии, смирении, храбрости и благородстве его героя: спасение множества протестантов во время Варфоломеевской ночи, защита местного населения взятых городов в период военных действий, амнистия королевским швейцарцам во время восстания парижан. Также историк по очереди подвергает разбору все основные обвинения, предъявляемые Гизу: Варфоломеевская ночь, заговор Сальседа, день Баррикад и его альянс с Филиппом II и находит, что они могут быть сняты с герцога, если изучить обстоятельства, которые им предшествовали и эпоху, их породившую. Главный аргумент Ковена выдает в нем конфессиональную приверженность концепции Религиозных войн: сама борьба католиков против протестантов была вызвана не столько желанием утвердить единственную религию в королевстве, сколько необходимостью защитить приверженцев римской церкви, которые подвергались насилию со стороны протестантов по всей Европе, где «Варфоломеевская ночь, организованная против католиков, длилась не одну ночь, а много лет, по-прежнему яростная, неумолимая и безжалостная»⁴⁰⁶.

Ковен попытался разрушить некоторые мифы, сложившиеся к этому времени вокруг фигуры Генриха де Гиза и старательно культивируемые в историческом сознании XIX в. Он был одним из немногих историков, который придерживался мнения, признанного современной историографией, о том, что герцог не имел целью свергнуть и отправить в монастырь последнего представителя династии Валуа. И уж тем более, он не руководствовался целью самому занять престол и основать новую династию. Ссылаясь на мнения как современников, так и знаменитых потомков, таких как Вольтер, он делает вывод о том, что Гиз сделал «слишком мало для того, чтобы стать тираном»⁴⁰⁷. Сложно объяснить его действия, руководствуясь идеей честолюбивого стремления захвата власти. Только стараниями его противников, использовавшими любую возможность опорочить популярного лидера, это стало выглядеть подобным образом. В частности, он был убежден в том, что документы, якобы направленные в Рим через агентов герцога с целью подтвердить его генеалогические притязания и права на престол, являлись подделкой. Другой аргумент противников, используемый на протяжении многих веков – сочинение аббата Розьера о происхождении Лотарингского дома – вообще имело чисто научный, эрудитский характер и не использовалось самим герцогом в полемике со своими оппонентами.

---

⁴⁰⁵ Ibid. P. 8.

⁴⁰⁶ *Cauvin Ch. Op. cit. P. 95.*

⁴⁰⁷ Ibid. P. 115.

Главная цель де Гиза в этой политической игре, по убеждению историка, была в другом – заставить прежде всего короля, а потом и всю Европу почувствовать его силу и могущество, «ожидая часа, предписанного Богом»⁴⁰⁸. Ответ на вопрос, волновавший многие поколения не только историков, – почему герцог не захватил власть, когда она фактически была в его руках вместе с широкой поддержкой населения Франции и всей католической Европы, для Ковена очень прост: «он не желал свергнуть монархию, чтобы захватить власть силой»⁴⁰⁹. Полагаясь на Бога и не желая нарушить политические установления, он считал, что только законная с точки зрения Церкви и правовой традиции передача короны новому претенденту, будь то сам герцог или, например, официальный ставленник Лиги – кардинал де Бурбон, может стать легитимным основанием новой династии. Зачем же тогда, по мнению историка, герцог вообще вел эту бессмысленную борьбу, почему, в конце концов, вступил в открытое противостояние с королевской властью, из которого не было выхода? Зачем нужна была эта «демонстрация силы», ради которой все затевалось? Историк не дает однозначного ответа, немного запутавшись в попытках полностью оправдать и даже идеализировать герцога, руководствуясь исключительно фактами и историческими обстоятельствами. Но мы можем сделать вывод, что для Ковена, противостояние герцога с королевским двором стало прямым следствием его борьбы с протестантским влиянием в стране и в Европе, угрозой воцарения монарха-протестанта, поддержанного властью в качестве приемника и опасностью для католического мира и его родины в случае подобного развития событий. То, что для тогдашних католиков это угроза казалась реальной, не вызывает сомнения у автора, учитывая судьбу английских рекузантов и священников. Объективность и академичность окончательно покидают автора, когда он характеризует Елизавету I и ее политику. Такую власть «развращенной и испорченной» королевы, по его мнению, необходимо было свергнуть, и именно на это, а не на свержение собственного монарха, были направлены титанические усилия Генриха де Гиза в 1585–1588 гг.

Многие обвинения, предъявляемые Генриху де Гизу историками, как считает Ковен, противоречат друг другу. Его собственные письма, военные и дипломатические депеши, послания двору и своим сторонникам свидетельствуют об искренности герцога и его волнение за судьбу страны и веры. Его щедрость, направленная на поддержку католического дела, армии и своих приверженцев, а не склонность к мотовству и дорогим удовольствиям, привела его к разорению. Он сам, вступая в полемику со своими обвинителями, будучи умным и гибким полемистом и дипломатом, смог опровергнуть множество обвинений, выдвинутых против него:

---

⁴⁰⁸ *Cauvin Ch. Op. cit. P. 322.*

⁴⁰⁹ *Ibid.*

захват городов и территорий для укрепления собственной власти, претензии на происхождение от Карла Великого и даже от Приама, продажность и пренебрежение интересами государства. Цитируя выдержки из писем и полемических произведений герцога и его сторонников, приводя логически обоснованные аргументы, автор показывает, как многие обвинительные аргументы против Гиза были инициированы с опорой на фиктивные документы и искаженные факты сторонниками протестантов, среди которых было немало талантливых писателей-полемистов, таких как Ф. Дюплесси-Морне и Ф. Отман.

Биография герцога, созданная католическим историком, носит оправдательный и даже несколько апологетический характер. Историк был увлечен своим героем и убежден в его выдающихся качествах военного, дипломата и политика, пытаясь даже придать ему черты христианского мученика. Он не сомневается, в том, что «"Меченный" одна из самых великих и самых привлекательных фигур этой эпохи катастроф»⁴¹⁰. Ш. Ковен в своем исследовании часто повторяет, что «мы не оправдываем, а рассказываем»⁴¹¹, и даже допускает, что герцог далеко не всегда поступал правильно, когда, например, «желание отомстить [...] заглушало в нем голос совести»⁴¹². Однако приверженность определенной религиозной традиции и ценностям накладывало неизбежный отпечаток на его исторический труд. В результате он объясняет ошибки и преступления, совершенные его героем, объективными обстоятельствами, нравами эпохи и злонамеренными действиями других лиц: Екатерины Медичи, Карла IX, Генриха III, а положительные качества и поступки – следствием благородного характера.

Романтизированный образ главы Лиги дополняют иллюстрации к изданию – несколько гравюр, многие из которых посвящены редким сюжетам, например, свадьбе герцога с Екатериной Клевской (Рис. 25). На них неизвестный художник, иллюстрировавший это издание, весьма талантливо подчеркивает именно достоинства герцога: благородство характера, мужество, способность сохранять спокойствие в любых обстоятельствах.

Общую характеристику образа Генриха де Гиза дает нам сам историк, называя своего героя, прежде всего, «воином веры»⁴¹³. Несомненно, что именно так видел себя сам «Меченный» и его приверженцы в эпоху Религиозных войн. Этот образ, утраченный политической культурой последующих веков, вновь был возрожден историками XIX в., но, как мы увидим из анализа

---

⁴¹⁰ *Cauvin Ch. Op. cit. P. 7.*

⁴¹¹ *Ibid. P. 105.*

⁴¹² *Ibid.*

⁴¹³ *Ibid. P. 107.*

других источников, не смог стать составной частью коллективной памяти об этих войнах ни в самой Франции, ни в других странах.

Монография Ковена осталась практически незамеченной в научных кругах. Она стала менее популярной, чем более ранние труды Р. Буйе или Ж. Кроза, в которых герцогу уделено намного меньше внимания. Причины этого, вероятнее всего, в конфессиональной направленности его работы. В протестантском издании Общества истории французского протестантизма в обзоре новейшей литературы по истории Реформации и Религиозных войн труд Ковена единственный, который удостоился приписки: «ультракатолическая пропаганда»⁴¹⁴. Кроме того, автор активно использовал идеи и достижения своих предшественников, поэтому его работа не является полностью оригинальным исследованием, несмотря на привлечение некоторых не очень популярных источников.

В начале XX в. ещё одно наступление в защиту памяти герцога де Гиза предприняла французская историк, писательница и художница, М. Л. А. Ж. Азон де Сен-Фирмен (1873–1957). В 1907–1913 гг. из-под ее пера вышли целых три статьи о Генрихе де Гизе. Все они посвящены последнему году его жизни. В первом историческом очерке описывается малоисследованный эпизод вторжения Карла Эммануила Савойского в маркизат Салюццо, принадлежавший в то время французам и роль в этой истории Генриха де Гиза⁴¹⁵. Две других работы исследовательницы посвящены анализу редких источников, проливающих свет на такое ключевое историческое событие как убийство герцога. В них она обращается к малоизвестным свидетельствам XVI в., которые рисуют альтернативную картину этого преступления⁴¹⁶.

Фигура Генриха де Гиза не случайно привлекла внимание Ж. Азон де Сен-Фирмен. Будучи членом Общества наук и словесности департамента Луары и Шера, располагавшегося в Блуа, она интересовалась локальной историей, которая была связана с трагическими страницами XVI в. Генрих де Гиз, по ее мнению, «относился к числу самых ярких персонажей XVI в.», незаслуженно очерненных историками и писателями⁴¹⁷. Ее видение образа герцога было близко

---

⁴¹⁴ Bibliographie // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français), Vol. 33, No. 4 (1884), P. 186.

⁴¹⁵ Hazon de Saint-Firmin J. Un incident des États de Blois: l'affaire de Saluces et Henri, duc de Guise (octobre-décembre 1588). Blois: Migault, 1907.

⁴¹⁶ Hazon de Saint-Firmin J. Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise à Blois, les abbés Claude de Bulles et Étienne d'Orguyn // Mémoires de la Société des sciences et lettres de Loir-et-Cher. Blois, 1913. T. XXIII. 2-eme parti. P. 29–45; Idem. Un Assassin du duc Henri de Guise, François II de Montpezat, baron de Laugnac, capitaine des Quarante-cinq (1566–1590). Paris: Picard, 1912.

⁴¹⁷ Hazon de Saint-Firmin J. Un incident des États de Blois ...

к представлениям Г. Багно де Пюшеса, Ж. Рено и Ш. Ковена. Она точно также пытается подчеркнуть значительную роль главы Лиги в истории Франции и Европы, его организаторские, военные и дипломатические таланты. Формирование негативного образа герцога она объясняет тем, что историю пишут победители, в данном случае – бывшие соперники герцога – Бурбоны, «враги не просто победившие, но враги, которым предстояло изменить общественное мнение», она была убеждена, что многие действия герцога, «ложно истолкованные историей», предстанут совсем в ином свете, если «рассмотреть их без предвзятости, с оригинальными документами перед глазами»⁴¹⁸.

В попытке трансформировать его классический образ Азон де Сен-Фирмен не случайно выбирает темой одного из первых своих исследований эпизод нападения на маркизат Салюццо. Этот не очень популярный в историографии сюжет являлся, по ее словам, предметом инсинуаций историков начиная с XVII в., это «одно из событий в карьере герцога де Гиза, которое больше всего эксплуатировалось против него придворными хронистами Бурбонов»⁴¹⁹. Развивая эту идею, исследовательница показывает, как усилия большинства исследователей в течение практически трех веков были направлены на искажение мотивов его поступков и целей политического поведения. Результатом их трудов стал образ «вульгарного честолюбца», которым предстает герцог в коллективной памяти. В эпизоде с маркизатом Салюццо, используя отдельные факты, историки выстраивали обвинение против герцога, объявив его сообщником Карла-Эммануила, захватившего территории, принадлежащую на тот момент Франции. Таким образом, обнаруживались дополнительные аргументы, подтверждающие сговор герцога с иностранными государствами. Патриотизм и предательство национальных интересов, поиск «иностранцев» и использование исторических сюжетов для оправдания внешней политики, как и многие другие подобные мотивы становятся одной из излюбленных тем историков в конце XIX – начале XX вв. в преддверии очередного масштабного военного конфликта. Нарастание напряжения в отношениях с Германией на протяжении длительного времени делало особенно востребованными темы, которые были связаны с историей взаимоотношений и борьбы двух стран. Генрих де Гиз мог стать почти идеальной фигурой для поддержания патриотических настроений в обществе, поскольку был известен многочисленными победными демаршами, направленными против немецких наемных войск, которые использовались в религиозной борьбе обеими сторонами, но более активно протестантами. Потенциал образа Гиза-патриота был осознан еще Багно де Пюшесом и Ковеном.

---

⁴¹⁸ *Hazon de Saint-Firmin J.* Op. cit. P. 7.

⁴¹⁹ *Ibid.*

Однако негативный имидж, созданный историками и писателями, укорененный в историческом сознании XIX в., препятствовал подобному использованию этого персонажа. Поэтому для некоторых авторов оказалось важным изменить отношение к Генриху де Гизу, господствовавшее в культуре, показать его истинным французом. За эту непростую задачу и берется Ж. Азон де Сен-Фирмен. Эпизод с вторжением в маркизат Салюццо представлял собой удобный в этом плане материал.

Исследовательница обращается к источникам, как уже известным, так и новым, хранящимся в архивах и библиотеках нескольких европейских государств: Франции, Италии, Англии, Испании. С их помощью она стремится доказать несколько важных положений: во-первых, Генрих де Гиз не провоцировал военные действия во Франции, а наоборот, стремился всячески отвести театр военных действий от французских границ; во-вторых, он действительно вел активную борьбу с протестантами, но его союз с католическими монархами и с Римом был в конце 1570-х – 1580 гг. направлен главным образом против Англии, которая являлась историческим врагом Франции и Лотарингского дома, и против Елизаветы I, которая преследовала собственных католиков и держала в заключении его кузину Марию Стюарт; в-третьих, Генрих де Гиз больше всего сделал для освобождения Франции от иностранного вторжения, его исключительными усилиями были одержаны победы над немецкими рейтерами, особенно в 1587–1588 гг., когда он был оставлен без поддержки и предан собственным королем. Испания, как и Англия, считала его своим врагом, а не союзником, она боялась его прихода к власти во Франции, что можно доказать ссылкой на письма Филиппа II. Кроме того, герцог мог иногда пренебрегать даже конфессиональными интересами, родственными связями и мнением Рима, сближаясь с протестантами, если речь шла об интересах его Родины. В деле, касающемся маркизата Салюццо, этот его глубокий патриотизм и честность проявились с наибольшей силой. Исследовательница нашла оригиналы писем Генриха де Гиза, записи его секретаря и множество других документов в разных архивах Европы, вскрыла фальсификацию в некоторых из них, чтобы доказать, что герцог занимал непримиримую позицию по отношению к незаконности захвата Салюццо. Уговоры папского посла, щедрые посулы, конфессиональный интерес и прямой шантаж не смогли его поколебать в этом вопросе. На страницах ее исторического очерка Гиз предстает неподкупным, смелым, решительным и мудрым патриотом, который, несомненно, мог бы стать лучшим правителем для Франции из возможных, но который не помышлял о незаконных действиях в собственном государстве и вообще мечтал остановить братоубийственную войну.

Рассказ о масштабных действиях де Гиза для организации борьбы с протестантским влиянием в Европе и защиты католиков можно рассматривать как подтверждение

конспирологической теории, которая стала популярной в XIX в. благодаря Ж. Мишле и другим авторам. Однако цель французской исследовательницы состояла в данном случае в том, чтобы показать деятельный характер герцога, его неутомимую энергию и недюжинные организаторские способности. Этот грандиозный план рухнул, по ее убеждению, только потому, что остальные участники отказались от него, либо потерпели временную неудачу.

Через несколько лет после этой работы Ж. Азон де Сен-Фирмен обратилась к популярному сюжету убийства Генриха де Гиза ⁴²⁰. Выбор темы вполне оправдан ее принадлежностью к локальному научному обществу и публикацией ее статей в сборнике этой ассоциации, выходившей в Блуа. Возможно, определенное воздействие на нее оказали первые художественные фильмы об убийстве герцога. К тому времени гибель Гиза была знаменитым и даже символическим событием, но историк находит собственную нишу и обращается к новым документам. Традиционно основным источником сведений о гибели герцога был рассказ королевского врача Мирона, который не присутствовал при самом убийстве, но вероятно, хорошо знал о его подготовке и последствиях, находясь в непосредственном контакте с его заказчиком и, возможно, с исполнителями. Это вызывало доверие к его свидетельству, тем более что другие воспоминания об убийстве были косвенными, демонстрирующими реакцию общества на произошедшее. Азон де Сен-Фирмен ставит своей задачей сконструировать новую, несколько альтернативную картину этого события, опираясь на два малоизвестных источника, авторы которых по осведомленности несколько уступали Мирону, но при этом, как старается показать автор, были менее ангажированными. Это рассказы двух священников, которые служили мессу во дворце Блуа во время подготовки убийства и затем были допрошены Парижским парламентом о произошедшем. Рукописи этих свидетельств хранятся в Национальной библиотеке и даже были изданы вместе с другими документами об убийстве в 1834 г. ⁴²¹, но не получили широкого распространения. Азон де Сен-Фирмен меняет угол зрения, предлагая читателю версию убийства герцога глазами именно этих персонажей, что позволяет ей выстроить иной образ как события, так и его главного участника, вступив в дискуссию с большинством историков XIX в.

Образ Генриха де Гиза в этом небольшом исследовании строится на традиционном для католического дискурса противопоставлении королю Генриху III, фактическому убийце герцога. Историк придает монарху неприглядные черты, рисуя его суеверным, лицемерным, хитрым и трусливым. Стремясь вызвать отвращение к нему у читателя, она подчеркивает, что степень

---

⁴²⁰ *Hazon de Saint-Firmin J. Deux témoins de l'assassinat...*

⁴²¹ *Documens historiques sur l'assassinat des duc et cardinal de Guise // Revue rétrospective... P. 221–225.*

морального упадка короля была такова, что ее «невозможно представить»⁴²². Пользуясь приемом историков конца XVIII – первой половины XIX вв., она подчеркивает его иностранное, итальянское происхождение, единственное, что может как-то объяснить нелогичное и отвратительное поведение монарха. Автор пренебрегает тем фактом, что у Генриха де Гиза, точно так же, как и у короля, мама была итальянкой. Но в предвоенной обстановке 1913 г., когда Италия и Франция оказались пока на разных сторонах, подобный аргумент мог сыграть определенную роль в негативном восприятии персонажа.

Нельзя сказать, что свидетельство двух священников полностью переворачивало представление об этом убийстве, закрепившееся в исторической науке XIX в. Оно, несомненно, интересно с точки зрения детализации той картины, которая предстает перед нами в других источниках. Но оно позволило Азон де Сен-Фирмен акцентировать внимание преступности действий монарха, выходящих за рамки моральных, правовых и религиозных норм, а также более аргументировано и ярче противопоставить образ короля и убитого им герцога де Гиза. Сам факт, что священники были приглашены, чтобы служить мессу и молиться за успех совершаемого убийства, должен был вызвать отторжение у читателей и сочувствие к судьбе главы Католической лиги. Избегая гиперболизации персонажа, исследовательница приводит аргументы, которые высказывал король, оправдывая свои действия: «завершить задуманное для того, чтобы дать отдых всей остальной части королевства»⁴²³.

Следуя за источником Азон де Сен-Фирмен выстраивает драматический рассказ, используя художественные приемы. В первой его части священники постепенно догадываются по «громким разговорам» о готовящемся преступлении. При этом, согласно их же свидетельству, они повели себя достаточно рискованно, отказавшись молиться за успех убийства и прося Бога изменить намерение короля и защитить «доброе принца». Азон де Сен-Фирмен, основываясь на некоторые источники, высказывает предположение, что король отозвал в то утро капеллана замковой часовни, чтобы лишить герцога защиты и молитвенного утешения.

Вторая часть строится вокруг свершившегося факта убийства, но свидетели пока не видят тела. Когда им сказали, что «дело сделано», то аббат Орген, несмотря на присутствие доверенного лица короля, якобы воскликнул: «Боже, какое великое несчастье!»⁴²⁴ Интересна реакция короля, когда ему доложили об этом. По словам того же аббата, Генрих III очень удивился, переспросив, что он имел в виду, и высказал предположение, что священник был

---

⁴²² *Hazon de Saint-Firmin J.* Op. cit. P. 32.

⁴²³ *Hazon de Saint-Firmin J.* Op. cit. P. 34.

⁴²⁴ *Ibid.* P. 41.

членом Лиги. Сам священник не присутствовал при этом, поэтому Азон де Сен-Фирмен использует другие свидетельства, подтверждающее популярное мнение о том, что сам король считал это убийство не только законным, но и необходимым для блага королевства.

Эта часть рассказа расширена за счет обращения к другим источникам, описывающим обстоятельства этого преступления. Автор часто прибегает к эмоциональному пересказу событий, связанных с последними часами жизни герцога. Местами даже этот рассказ напоминает страстные проповеди и памфлеты лигеров, которыми он явно был вдохновлен и на которые периодически автор ссылается. В этой же части содержится портрет Гиза. Исследовательница придает герцогу черты набожного, смиренного, но смелого, решительного и талантливого человека и политика, павшего жертвой лицемерного, завистливого и мстительного монарха, не упускает случая показать любовь к нему простого народа, среди которого его почитали как «освободителя Отечества», а также его слуг и окружения, которые со слезами и молитвами «упрашивали его найти повод отказаться от посещения Совета»⁴²⁵, где он будет убит. Солдаты, по ее словам, почитали и любили своего командира, гордились им за его «мужество и гениальность, сравнимые только с его преданностью и щедростью»⁴²⁶. Интересно, что наряду с обычными для характеристики военного дворянства качествами: мужеством (*courage*) и преданностью (*dévouement*), автор приписывает герцогу *libéralité*, что в контексте сформировавшегося в апологетической традиции образа Гиза означало щедрость. Элементы сформировавшегося в XVI в. «стоического» образа герцога присутствует и в описании последних минут его жизни. Чувствуя угрозу со стороны короля и предупрежденный о ней, он остается «спокойным и вежливым» разговаривая с монархом и со своими убийцами, «на его лице не проявления ни удивления, ни эмоций»⁴²⁷.

Несмотря на неизбежные обращения к другим источниками, Азон де Сен-Фирмен старается и в рассказе о самом убийстве избегать общепринятого образа и сконструировать альтернативный нарратив. Например, опираясь на версию писателя и историка Этьена Пакье, который был депутатом Генеральных Штатов 1588 г. и присутствовал в Блуа, а также письмо посланника Тосканы, она описывает, как перед тем, как подняться по лестнице, ведущей в зал Совета, герцог был остановлен одним из офицеров короля, который пытался предупредить Гиза о готовящемся убийстве. Однако герцог со словами «Тот, кого бережет Бог, хорошо охраняем»⁴²⁸,

---

⁴²⁵ *Hazon de Saint-Firmin J. Op. cit. P. 37.*

⁴²⁶ *Ibid. P. 38.*

⁴²⁷ *Ibid. P. 39.*

⁴²⁸ *Ibid. P. 38.*

продолжил путь. Азон де Сен-Фирмен сознательно останавливается на этой версии событий, отличающейся от транслируемой в рамках протестантского дискурса, согласно которой герцог горделиво и наивно отвергает предупреждения, сомневаясь в решительности короля. Вариант, выбираемый исследовательницей, призван подчеркнуть решительность и смирение де Гиза и с этой точки зрения объяснить причины его поступков.

Дальнейшая версия событий тоже заметно отличается от той, которая стала официальной в историографии. Герцог не предстал сразу перед членами Совета, которые свидетельствовали потом о его подавленном состоянии, а провел около получаса один в зале. Убийцы по приказу короля были вынуждены ждать, когда к герцогу присоединится его брат-кардинал. Само описание расправы над Гизами почти совпадает с классической версией, тем более что священники не наблюдали убийство, автор вынуждена восстанавливать картину событий, опираясь на уже известные документы.

Третья часть рассказа представляет наибольший интерес, поскольку в ней происходит ключевое событие для свидетелей, освещенное авторитетом других источников: после ухода короля Этьену д'Оргену и аббату Клоду де Бюлю камердинер предложил посмотреть на тело герцога. Несмотря на риск навлечь на себя гнев монарха, они не смогли отказаться. Если до этого их свидетельство было косвенным, то теперь они могли описать последствия произошедшего от первого лица. Из их рассказа мы, кстати, узнаем, что убийство завершилось не в кабинете короля и не в зале Совета, что являлось двумя популярными версиями, а в небольшой примыкающей к нему комнате. Свидетели увидели, что тело герцога было завернуто в льняные простыни и покрыто турецким ковром. Аббат де Бюль не смог пересилить любопытства, приблизился к трупу и приоткрыл покрытие на месте лица. «Ему открылось, таким образом, прекрасное лицо герцога, “который, казалось, спит, так мало оно изменилось“, если бы не проткнутый ударом кинжала лоб»⁴²⁹. Аббат был настолько потрясен этим зрелищем, что не нашел в себе сил смотреть дальше, происходившее казалось ему нереальным, настолько сложно ему было это принять. Когда он свидетельствовал перед Парижским парламентом, ему сложно тяжело говорить, и он сослался на мнение своего компаньона. Этьен Орген проявил больше хладнокровия, испытывая скорее возмущение убийством. Он даже опустился на колени перед трупом герцога и произнес краткую молитву. Во время этого выражения скорби, по их словам, в комнату вошел вовсе не врач Мирон, а придворный хирург Портай, который тоже не скрывал слез, «как и большинство

---

⁴²⁹ *Hazon de Saint-Firmin J.* Op. cit. P. 42.

придворных»⁴³⁰ [курсив мой – М. К.]. Именно он с их помощью начал осмотр тела, «почтительно развернув его с помощью аббата д'Оргена, приоткрыв одежду герцога...»⁴³¹.

Четвертая и завершающая часть рассказа кратко повествует о гибели кардинала де Гиза, после чего священники покинули двор, вернулись в Париж, а через некоторое время предстали в качестве свидетелей перед Парижским парламентом, инициировавшем процесс расследования убийства.

Как и в остальных своих статьях, Азон де Сен-Фирмен особый упор делает на формировании в историческом сознании негативного образа Генриха де Гиза, очернение его памяти после гибели. Такая политика, по ее мнению, проводилась намеренно и имела успех благодаря представлениям об этом персонаже, которые популяризировались разными методами на протяжении нескольких веков. Стремление восстановить историческую справедливость приводит ее к некоторой идеализации этого персонажа. Тщательно подбирая документы, свидетельства современников и историков, часто ссылаясь на апологетические сочинения XVI в. и сама прибегая к характерным для них приемам, исследовательница конструирует романтический образ, наделяя Гиза всевозможными положительными качествами и чертами, которые, по ее мнению, вызывали вполне объяснимое обожание и поклонение людей разных сословий. Герцог предстает перед нами идеальным лидером и человеком, лишенным каких-либо недостатков, воплощением классических добродетелей. Автор заранее отвечает возможным критиками подобного подхода, соглашаясь, что герцог иногда совершал ошибки как в политической деятельности, так и в военной карьере. Однако примеры такого поведения остаются за скобками ее повествования, сохраняя единство хвалебного нарратива.

Рассказ об образе герцога де Гиза в исторической культуре XIX в. будет неполным без упоминания еще одной работы, хотя ее автор и жил за пределами Франции. Речь идет об этюде британского историка и писателя, «Рембрандта английской прозы»⁴³², Томаса Карлайля. Его очерк о Гизах⁴³³ не был опубликован при жизни, поскольку черновая рукопись произведения была украдена во время его путешествия и обнаружилась только в XX в.⁴³⁴ Хотя неизданная

---

⁴³⁰ Ibid. P. 43.

⁴³¹ Ibid.

⁴³² Tarr R. L. "The Guises": Thomas Carlyle's Lost Renaissance History // *Victorian Studies*. Vol. 25. No. 1, Carlyle's "The Guises" (Autumn, 1981). P. 5–12. Online version. URL: <https://www.jstor.org/stable/3827057> (дата обращения: 06.07.2020).

⁴³³ Carlyle T. The Guises // *Victorian Studies*. Vol. 25, No. 1, Carlyle's "The Guises" (Autumn, 1981). P. 13–80. Online version. URL: <https://www.jstor.org/stable/3827058> (дата обращения: 09.07.2020).

⁴³⁴ Tarr R. L. Op. cit. P. 5–6.

работа не могла оказать влияния на историческую культуру эпохи, она интересна как выражение точки зрения историка и публициста, чье творчество отличалось оригинальностью, но одновременно носило отпечаток идейных исканий британских интеллектуалов XIX в. Его эссе о Гизах, как и многие другие, демонстрирует интерес к переломным и даже трагическим страницам европейской истории. Одновременно в нем прослеживается родство образов этой семьи в творчестве исследователей и писателей разных стран.

Гизы стали для Карлайля очередной иллюстрацией «героического в истории», роли отдельных выдающихся личностей, наделенных харизмой, которые должны появляться как раз в эпоху революций и гражданских войн. Но Гизы, в отличие от Кромвеля или Наполеона, герои «непризнанные историей»⁴³⁵. Именно эта идея дает ключ к пониманию образа герцога у Карлайля: это человек, который имел все задатки выдающейся личности и условия для проявления себя на исторической арене, он стоял на пороге одного из величайших переворотов во французской истории, но в силу обстоятельств был свергнут со своей высоты и пал, утянув за собой не только собственную династию, но и правящий тогда королевский род Валуа. Гиз в очерке Карлайля – это Наполеон XVI века, «более красивый», хотя и «менее успешный» с точки зрения результатов, а главное – в исторической памяти общества⁴³⁶.

По убеждению британского историка, образ Гизов в историографии и культуре – это некий историографический парадокс. Авторы намеренно создали из них «гоблинов» мировой истории, используя реальные противоречия их характера и деятельности, но которые проистекали от неспособности адаптироваться к современному миру. История клана Гизов действительно изобилует парадоксами, но по мнению Карлайля, они не заслужили того осуждения, которое обрушилось на них после их падения. Британский историк не стремился развенчать легенду о том, что целью Генриха де Гиза был французский трон, но это не вызывает его осуждения. Наоборот, именно жажда герцога добиться большего, чем ему было дано по праву рождения, делает из него «героя» Ренессанса, характерного и одновременно выдающегося деятеля своей эпохи.

Итак, в специальных исследованиях в XIX в. шла борьба образов герцога, в которой традиционные представления, возникшие еще в эпоху религиозных войн, соперничали с оправдательными концепциями. «Черная легенда» вокруг этого персонажа начала складываться при его жизни. Однако в XIX в. она транслировалась путем издания многочисленных мемуаров и классических исторических трудов, конструирующих представления о прошлом. Ввод в

---

⁴³⁵ *Carlyle T.* Op. cit. P. 52.

⁴³⁶ *Ibid.* P. 44.

научный оборот многих новых источников легитимировал некоторые традиционные стереотипы, придав им видимость научной обоснованности.

Вопреки убеждению некоторых специалистов, интерес к фигуре герцога не уменьшился ко второй половине XIX в. Именно в этот период публикуются специализированные биографии, а в конце XIX – начале XX вв. – статьям, в которых можно наблюдать попытку преодолеть сложившиеся стереотипы. Идея противоречивости натуры герцога, посеянная историками еще в XVII–XVIII вв., проросла в новую эпоху, которая сформировала особое отношение к этой исторической фигуре. Однако в биографических исследованиях XIX в., авторы которых предпринимают попытку более глубокого анализа деятельности Гиза и ее социокультурного контекста, происходит постепенная трансформация традиционных представлений и формирование нового, положительного и даже героического образа герцога, не понятого современниками и потомками не столько из-за неоднозначности его натуры, сколько по причине противоречивости самой эпохи Гражданских войн. В рамках этой же культурной традиции можно наблюдать рефлексию над причинами и последствиями конструирования и культивирования из Гизов «образа врага».

В последней трети XIX – начале XX вв. оправдательный дискурс становятся все более заметным. С одной стороны, этому способствовало большее внимание к источникам, особенно малоизученным. С другой, в условиях продолжающейся секуляризации французского общества и формирования негативного образа католиков, представители этой конфессиональной группы осознали важность изменения представлений о лидере Католической лиги, личность и деятельность которого подвергалась массовой девальвации под влиянием протестантской пропаганды и либеральной исторической культуры. К тому же в 1870-е гг. поражение в войне поставило на повестку дня необходимость создания образцов гражданского поведения и культивирование военных удач. В рамках нового патриотического и религиозного контекста образ Генриха де Гиза как «воина веры», трансформируется в образ талантливого полководца и патриота. Однако попытка создать из этого персонажа национального героя не имела особого успеха, оставшись малоизвестным эпизодом развития конфессионально ориентированной историографии. Одновременно оригинальные научные исследования, основанные на анализе новых источников, часто выходили в локальных изданиях и игнорировались в широких академических кругах.

Глава 2. Образ главы Католической лиги в энциклопедиях и учебной литературе

2.1. Статьи о Генрихе де Гизе в словарях и энциклопедиях XIX века

Справочная литература – весьма репрезентативный источник для исследования исторических представлений, характерных для того или иного общества. Выполняя просветительские функции, словари и энциклопедии всегда были и остаются формой универсального знания. Изложение материала в них сжато, поэтому предпочтение отдается сухим фактам в ущерб художественности и выражению собственной субъективной позиции. Однако неизбежный процесс отбора фактов, опора на определенные источники и литературу демонстрируют как приверженность авторов тем или иным историко-философским идеям и научным школам, так влияние стереотипов и мифологем.

Распространение словарей и энциклопедий в Европе относится к XVII–XVIII вв., век господства разума и критического мышления. Словари и энциклопедии стали одним из главных аккумуляторов и проводников новых идей, поэтому их популярность росла на протяжении всей этой эпохи в разных странах. В XIX в. они продолжали выполнять просветительские функции.

Сравнение изданий XIX – начала XX вв. демонстрирует значительную трансформацию в подходах и методах подачи материала, связанного с историей Гражданских (религиозных) войн. Нельзя сказать, что это значительно повлияло на образ Генриха де Гиза в целом, скорее отразило те тенденции, которые наблюдались в историографии в целом и в конструировании представлений о деятельности герцога.

В эпоху Французской революции и Первой империи издаваемые словари и энциклопедии наследовали, как правило, традиции предшествующей эпохи. Часто это были переиздания наиболее популярной подобной литературы конца XVII–XVIII вв., например, выходивший в 1804–1821 гг. «Новый исторический словарь» Л.-М. Шодона⁴³⁷ был составлен еще в 1766 г. и благодаря своей популярности выдержал девять изданий. Он неоднократно перерабатывался автором вплоть до своей смерти в 1817 г. Этот биографический словарь являлся не только наследником знаменитых энциклопедий и словарей XVIII в., на него заметно повлияла эрудитская традиция. Автор, монах-бенедиктинец, хотя и высоко оценивал достижения просветителей в деле составления и издания справочной литературы, критиковал их за явное неуважение к религии и Церкви.

Статья о Генрихе де Гизе в словаре Шодона занимает значительное место. На протяжении почти четырех страниц автор не просто пересказывает известные факты биографии герцога, но

---

⁴³⁷ *Chaudon L.-M., Delandine A.-F. Nouveau dictionnaire historique, ou Histoire abrégée de tous les hommes qui se sont fait un nom depuis le commencement du monde jusqu'à nos jours. 8e edition, Lion, 1804.*

и пытается определить мотивы и истинные цели его деятельности, понять особенности его личности и причины гибели. Шодон признает военные заслуги Генриха де Гиза и наличие харизмы, сделавшей его «идолом народа и солдат»⁴³⁸. Однако определяющими для портрета главы Лиги качествами становятся привычные читателю амбициозность, стремление к славе и власти. Герцог удачно использовал лавры, доставшиеся ему благодаря предкам и военным победам, мечтая воспользоваться преимуществами всенародного избранника и возвысится «на руинах Франции»⁴³⁹. На пути к власти борьба с протестантами была для него только поводом для завоевания доверия католического большинства. Повторяя все известные легенды, сложившиеся вокруг образа Генриха де Гиза, Шодон, как и большинство историков, следует сложившейся традиции, стремясь доказать, что гибель герцога была закономерным и неизбежным следствием его деятельности по разрушению французской государственности и стремления к свержению королевской власти.

В 1857 г. известный к тому времени автор энциклопедий и справочников Шарль Дезобри в соавторстве с Теодором Башле опубликовали «Исторический и географический словарь»⁴⁴⁰, который, по свидетельству современников, пользовался популярностью, в том числе по причине весьма скромной цены⁴⁴¹. Некоторые специалисты считали его лучшим подобным изданием, которое останется влиятельным на долгие годы, несмотря на отдельные недостатки⁴⁴². Он переиздавался несколько раз вплоть до начала XX в. под различными названиями⁴⁴³. Статья, посвящённая биографии и исторической роли Генриха де Гиза, занимает немного места, но это являлось скорее следствием того, что авторы поставили перед собой слишком грандиозную задачу: создать полное энциклопедическое издание, посвященное всемирной истории, мифологии и географии, вместив все это в два тома. Поэтому абсолютно всем персонажам, реальным и мифологическим, отведено незначительное место, кроме того, авторы вынуждены ограничиваться самой необходимой информацией. Вследствие этого Дезобри и Башле не ставят своей целью создать законченный образ персонажа, и тем более, дать оценку его деятельности и роли в исторических событиях. Отмечая участие Генриха де Гиза в различных военных

---

⁴³⁸ Chaudon L.-M., Delandine A.-F. Op. cit. Т. 6. P. 33.

⁴³⁹ Ibid.

⁴⁴⁰ Dezobry Ch., Bachelet Th. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, de mythologie, de géographie ancienne moderne et comparée. 2 vol. Paris, 1857 (1889).

⁴⁴¹ См.: Scherer E. Études sur la littérature contemporaine. Т. 3. Paris: Lévy, 1885. P. 283.

⁴⁴² Ibid.

⁴⁴³ В работе использовано второе издание словаря: Dezobry Ch., Bachelet Th. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, de mythologie, de géographie ancienne moderne et comparée. Paris, 1889.

кампаниях, авторы сосредотачивают свое внимание на самых известных эпизодах его биографии: Варфоломеевской ночи, возникновении Католической лиги, Войне трех Генрихов и гибели. Объясняя причины некоторых поступков главы католиков, они подчеркивают роль убийства его отца в дальнейшей судьбе герцога, который якобы «покаялся отомстить Колиньи»⁴⁴⁴.

Хотя характер издания и объем статьи дает Дезобри и Башле мало простора для оценки и выражения собственного мнения, даже в строчках биографии проступает определенный образ лидера, наделенного несомненными военными талантами и качествами, которые позволили ему всегда оставаться «душой и главой» Лиги, но не осмелившегося захватить корону Франции⁴⁴⁵.

Большинство словарных статей о Генрихе де Гизе в XIX – начале XX вв. носили подобный характер: они были краткими, стремились к предельной объективности и избегали каких-либо оценок, поэтому у читателя вряд ли мог сложиться многогранный и, тем более, эмоционально окрашенный образ.

Во Франции второй половины XIX в. наибольшей популярностью пользовался «Большой универсальный словарь» Пьера Ларусса в 15 томах⁴⁴⁶. Он выходил в переломное для Франции время – в эпоху конца Второй империи, ее трагического крушения и начала Третьей республики. Это издание стало источником знаний для нескольких поколений французов. Вместе с тем энциклопедия Ларусса отличалась большой субъективностью.

Генриху де Гизу в восьмом томе посвящена отдельная статья⁴⁴⁷. Прежде всего, стремясь объяснить причины, которые толкали его на те или иные действия, авторы делают акцент на влиянии наследия его знаменитой семьи, прежде всего отца. Несмотря на попытку краткого, но последовательного изложения событий его жизни, включая военные кампании, главное внимание в статье сосредоточено на ключевых исторических сюжетах, благодаря которым деятельность де Гиза приобрела особое значение для истории: Варфоломеевской ночи и убийстве Колиньи. Авторы фактически обвиняют его в организации ключевых событий религиозных войн. Например, в их представлении он не просто был участником избиений и «направлял убийц к дому адмирала Колиньи», ожидая во дворе, когда труп бросят к его ногам, а «руководил резней в Варфоломеевскую ночь, во время которой играл активную роль»⁴⁴⁸.

---

⁴⁴⁴ *Dezobry Ch., Bachelet Th.* Op. cit. P. 1. V. 2. P. 1324.

⁴⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁴⁶ *Larousse P.* Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: Français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc. Paris: Administration du Grand Dictionnaire universel, 1867–1890.

⁴⁴⁷ *Ibid.* T. 8: F–G. Paris, [1872].

⁴⁴⁸ Grand dictionnaire universel du XIXe siècle par P. Larousse. Tome huitième. P. 1638. Publication numérique. URL: <https://archive.org/details/LarousGrdictionnXIX08bnf/page/n1641/mode/2up> (дата обращения: 20.02.2020).

В статье умело конструируется образ интригана и гордеца, склонного к насильственному решению любых проблем: религиозных, политических и личных. Раскрывая сущность Католической лиги, авторы подчеркивают, что ее целью только провозглашалась защита религии, а в реальности она была «инструментом для его восшествия на трон»⁴⁴⁹. Этой же цели служили идея происхождения Гизов от Карла Великого, которая в виде памятной записки якобы была представлена папе Григорию XIII, а затем развивалась памфлетистами Лиги в качестве пропаганды прав герцога на престол. Авторы не сомневаются в том, что этим амбициозным планам, которые почти осуществились, способствовало испанское золото и поддержка церкви. В статье не содержится никаких объяснений, почему «хозяин Парижа» не осмелился свергнуть короля и сам взойти на престол, когда у него была такая возможность. Можно предположить, что читателю предлагалось придерживаться популярной версии о нерешительности герцога, который в последний момент не смог сделать главного шага. Выводы авторы подменили знаменитой характеристикой, данной Шатобрианом, которая вобрала в себя, кажется, почти все стереотипы, господствовавшие в историческом сознании XIX в. относительно этого персонажа: «Больше гордыни, чем отваги, больше самомнения, чем гениальности, больше презрения к королю, чем рвения для королевства, вот то, что обнаруживалось в поведении де Гиза»⁴⁵⁰.

Если сравнить образы Генриха де Гиза во французских энциклопедиях и справочниках с представленными в подобных изданиях, выходящих в России, Великобритании, Германии и других странах Европы, то можно обнаружить существенные различия в подходах и оценках его деятельности. Например, в популярнейшем «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона», издававшемся в России течение конца XIX в. – начала XX вв.⁴⁵¹, герцог изображен в первую очередь талантливый военный⁴⁵². Его активное участие в Варфоломеевской ночи автор статьи объясняет стремлением отомстить за смерть отца, а организацию Лиги – слабостью королевской власти, ее неспособностью примирить враждующие группировки и защитить католическую религию. Авторы намного более осторожны в оценке его действий и мотивов поведения, чем их французские коллеги, предпочитая опираться больше на факты, чем на домыслы и стереотипы.

В «Британской энциклопедии» все портреты представителей семьи Гизов выдержаны в хвалебном ключе, хотя авторы подчеркивают, что необычайная популярность герцогов этого

---

⁴⁴⁹ Grand dictionnaire universel... P. 1638.

⁴⁵⁰ Ibid.

⁴⁵¹ Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1890–1907; Брокгауз Ф. А. Новый энциклопедический словарь / [под общ. ред. К. К. Арсеньева]. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, [1912].

⁴⁵² Брокгауз Ф. А. Новый энциклопедический словарь... Т. 7. С. 383.

клана в народе была следствием определенного, тщательно создаваемого имиджа⁴⁵³. Генрих де Гиз в интерпретации автора энциклопедии выглядит настоящим рыцарем, идеалом военного и политика: «Вскоре он стал кумиром Парижа: мужественный, красивый и решительный, он завоевал все сердца и сразу стал популярным героем»⁴⁵⁴. Единственная дань традиционным взглядам, обнаруживаемая в этой статье, – упоминание об интригах, которые этот «идол парижан» плел вокруг королевского трона с помощью своего дяди, кардинала Лотарингского.

В издании «Британской энциклопедии» 1910 г., по сравнению с предшествующим, биография главы Лиги была не только существенно расширена, но и переработана. Однако и здесь герцог предстает перед нами в образе военного командира и реального лидера, обладающего харизмой, умеющего обуздать толпу⁴⁵⁵. Параллельно с этим в статье представлены основные этапы его политической карьеры в качестве главы католической партии и Священной лиги. Амбициозность герцога британские авторы ставят под сомнение, утверждая, что стремление к власти – черта, которую ему приписывали соперники и враги. Бумаги, которые были изъяты у убитого посланника герцога, представлявшие собой обоснование его претензий со ссылкой на генеалогическое древо герцога, авторы считают «гугенотской подделкой»⁴⁵⁶.

С одной стороны, краткость энциклопедических статей не позволяла авторам раскрыть все стороны характера и направления деятельности герцога де Гиза. С другой, они весьма показательны. Столкнувшись перед необходимостью отобрать для биографии самые важные события жизни, авторы ориентируются на устоявшиеся в исторической культуре представления и создают лаконичный образ, отражающий как стереотипы и мифологемы, так и факты, являющиеся результатами последних научных изысканий.

Обращение к энциклопедиям XIX – начала XX вв. позволяет проследить необычную тенденцию. Несмотря на эволюцию образа герцога во французской историографии, в справочных изданиях, по крайней мере, в самом популярном, классическом «Большом универсальном словаре» П. Ларусса в описании герцога преобладают традиционные мифы и стереотипы в описании его характера и объяснении мотивов поведения: немотивированная жестокость, мстительность, стремление свергнуть королевскую династию с целью захвата трона, предательство интересов страны. Его образ воплощает худшие черты родовой аристократии и оппозиционных лидеров знати: склонность к интригам, амбиции, жажду славы и власти. Тогда

---

⁴⁵³ The Encyclopædia britannica; a dictionary of arts, sciences, general literature. Volume XI. 1890. P. 266.

⁴⁵⁴ Ibid. P. 267.

⁴⁵⁵ The Encyclopædia britannica; a dictionary of arts, sciences, literature and general information. [1910]. T. XII. P. 701. Online version. URL: <http://www.gutenberg.org/files/38304/38304.txt> (дата обращения: 13.05.2019).

⁴⁵⁶ Ibid.

как российские энциклопедии более осторожны и объективны в оценке его образа, а британские разоблачают многие устоявшиеся мифы.

Конечно, Пьер Ларусс, издатель французской энциклопедии, находился под влиянием просветительских идей французских энциклопедистов XVIII в., и вероятно, как многие французы, испытал воздействие Вольтера и его «Генриады». Британская энциклопедия была более академическим и консервативным изданием, авторы ориентировались в большей степени на достижения научного знания, чем на запросы массовой аудитории. Хотя это не может служить исчерпывающим объяснением такого расхождения в трактовке этого образа, особенно учитывая предшествующую английскую традицию, для нас интересным фактом является слабое влияние современных исследований на французские энциклопедии, которые способствовали закреплению традиционного негативного образа Генриха де Гиза в коллективной памяти и исторической культуре.

2.2. Герцог де Гиз в школьных учебниках XIX – начала XX вв.

Особенности исторической культуры в XIX – начала XX вв. нашли отражение в школьных учебниках. Именно они часто являлись первым, а для многих и основным источником формирования представлений о прошлом. Многие дети благодаря учебной литературе впервые систематически знакомились с некоторыми событиями и персонажами национальной и мировой истории. В XIX в., в отсутствии многих современных форм массовой культуры, учебники оказывали достаточно заметное воздействие на формирование исторических представлений. Кроме того, образование всегда играло роль проводника определенной государственной идеологии, ставило своей целью способствовать формированию представлений о прошлом, отвечающих господствующим ценностям и политической конъюнктуре.

Историческое образование в школе подвергалось постоянному пересмотру и реформированию практически во всех европейских странах, что говорит о том большом потенциале и значении, которое придавалась ему в обществе. Расцвет исторической культуры в Европе XIX в. проявился и в эволюции школьного образования. Во Франции в этот период появляются школьные учебники по французской и всемирной истории для различных возрастов. Образовательная система, господствовавшая во Франции на протяжении XIX – начала XX вв. в целом сложилась в период революции конца XVIII в. и Первой империи. После революции 1830 г. система народного образования продолжала развиваться, упор в этот период был сделан на развитие начального образования, которой большое внимание уделял министр народного просвещения, выдающийся историк Франсуа Гизо. Параллельно с этим во второй половине XIX в., вплоть до падения Второй империи, начинается возрождение религиозного образования во

Франции, что привело не только к собственной интерпретации некоторых событий на страницах учебной литературы для католических школ, но и к жесткой борьбе сторонников светского и церковного образования, отразившейся в учебниках истории.

В 1867 г. произошло важное изменение – история становится обязательным предметом, а законы нового министра просвещения и главы правительства Жюлья Ферри 1880–1882 гг. сделали необходимым школьное образование для всех детей с 6 до 13 лет⁴⁵⁷. Все эти реформы, которые говорили о понимании важности исторического образования французским правительством, отразились как на количестве и качестве учебников для школ, так и на репрезентации в учебниках истории отдельных проблем национального прошлого. Кроме того, обязательность начального школьного курса для всех французов оказала влияние на формирование исторической культуры, не последнюю роль в котором сыграли учебники. При этом среднее образование долгое время продолжало оставаться элитарным, а значит влияние школьных учебников для этого уровня было ограниченным⁴⁵⁸.

Интересующие нас сюжеты изучались в 7 классе, то есть в последний год начальной ступени, примерно в 12 лет. Однако в период Третьей республики углублённая история XVI в. изучалась дополнительно во 2 классе. Таким образом, все дети, получавшее начальное школьное образование, обязательное с начала 1880-х гг., должны были быть знакомы с этой эпохой.

В данной главе мы проанализировали несколько популярных учебников, вышедших большими тиражами и переизданных в разные годы, что позволяет проследить эволюцию образов герцога де Гиза на протяжении выбранного периода. Особенности репрезентации этого персонажа на страницах учебников демонстрируют отношение авторов сразу к нескольким проблемным темам: причины религиозных и политических конфликтов, война как средство их решения, оппозиция власти и законные методы борьбы с ней, толерантность, роль личности в историческом процессе и многие другие.

В самой Франции в течение XIX в. национальная история излагалась в школьном курсе по периодам правления отдельных выдающихся королей и императоров, остальные персонажи упоминаются в основном в связи с какими-либо ключевыми событиями. Генрих де Гиз, например, появляется часто только в связи с Варфоломеевской ночью или концом династии Валуа. Религиозные войны приходились на эпоху «междоцарствования». Поэтому можно

---

⁴⁵⁷ Князев Е. А. История зарубежного образования и педагогики: учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2019. С. 195–198.

⁴⁵⁸ Козлов С. Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки. № 4 (55), 2013. Электрон. версия. URL: <https://strana-oz.ru/2013/4/evolyuciya-francuzskoy-obrazovatelnoy-modeli-v-xix-veke> (дата обращения: 12.10.2020).

встретить учебники, где эта тема вообще опущена, либо является «увертюрой» к правлению Генриха IV.

Религиозные войны в плане воспитания будущих граждан и формирования национальной идентичности были сложным и неоднозначным сюжетом. Как правило, авторы учебников на их примере стремились показать, как раскол и гражданские войны вели страну к гибели и только приход к власти Генриха Бурбона спас страну. Большинству персонажам этого смутного времени отводилась незавидная роль либо мятежников, разжигающих смуту, либо слабых правителей, неспособных укрепить единство нации. Сложившийся к этому времени в исторической культуре образ Генриха де Гиза вполне вписывался в эту простую схему.

Помимо этого, в литературе для самого младшего возраста авторы часто сознательно опускали сюжеты, которые казались недостаточно важными для формирования основ представлений о национальной истории. В некоторых учебниках для начальной школы 1830-х – 1860-х гг. можно найти краткий очерк о событиях Религиозных войн, но в эпоху Третьей республики они исчезают из программы для начальной школы вообще. Можно сравнить «Историю Франции», изданную в 1833 г., в которой представлен краткий портрет Генриха де Гиза в качестве главы католической партии, «которая под предлогом религии подрывала устои королевского авторитета»⁴⁵⁹, с более поздним учебником Ш. Дефранса для той же возрастной категории, который полностью игнорирует этого персонажа⁴⁶⁰. В новом курсе для начальной школы, разработанном в конце XIX в., изложение событий раннего нового времени начинается сразу с царствования Генриха IV⁴⁶¹. Удалось найти только один учебник для младшего школьного возраста, в котором упоминается убийство королем Генриха де Гиза и его брата, кардинала Лотарингского⁴⁶² и то исключительно в контексте характеристики последнего монарха из династии Валуа.

В учебниках, предназначенных для следующей ступени школьного образования, образ герцога де Гиза прорисован более тщательно. Рассказ о событиях Религиозных войн занимает здесь обычно несколько страниц, упоминается Варфоломеевская ночь, деятельность Католической лиги и гибель братьев Гизов. Более того, авторы стремятся интерпретировать эту тему, выстроить вокруг нее некую концепцию, хотя в большинстве случаев, достаточно поверхностную. Например, на страницах «Истории Франции» Л. Жиро середины XIX в. Генрих

⁴⁵⁹ Histoire de France. Limoges: Ardant frères, 1833. P. 87–88.

⁴⁶⁰ De France Ch. Petite histoire de la Grande France. Esquisse d'un nouveau livre d'école. Paris, 1894.

⁴⁶¹ Seignette A. L'école moderne. Livre du maître: morale, enseignement civique, langue française, histoire, géographie, arithmétique, géométrie, sciences usuelles et agriculture. Tome 2,2. Paris, 1898. P. 774–775.

⁴⁶² Augé C., Petit M. Histoire de France en images. A l'usage des tout petit. Paris: Librairie Larousse, 1896.

де Гиз предстает в образе «исполнителя ужасного проекта» по истреблению протестантов в Варфоломеевскую ночь и «амбициозного лидера», главной целью которого было захватить престол, пользуясь возмущением католического населения⁴⁶³. Учебник вышел в период Второй республики во Франции, поэтому в нем сделан упор на слабость и неспособность монархической власти решить религиозные и политические проблемы в стране. Авторы придерживались классической концепции, согласно которой «религия была предлогом», а истинной целью Лиги была передача короны Гизам.

В последней трети XIX в. поражение во франко-прусской войне, падение Второй империи и возвращение к республиканской традиции заставили общество пересмотреть некоторые страницы национальной истории. По его инициативе радикала Ж. Ферри, министра образования с 1879 г. и главы правительства, школьная программа, в том числе по истории, претерпела серьезные изменения. Монархический режим, особенно эпоха последних, Валуа подвергались еще более активной критике, в то время как образ Генриха де Гиза становится более взвешенным и нейтральным. Из амбициозного претендента на престол в интерпретации предшествующих учебников он превращается в политического оппозиционера и лидера, имевшего широкую поддержку в обществе, будучи альтернативой слабой и дискредитировавшей себя власти правящей династии.

Такой подход предлагает Дезире Бланше, автор «Общей истории Франции от смерти Людовика XI до наших дней»⁴⁶⁴, предназначенной для 7 класса согласно программе 1890 г. Изложение материала в новом учебнике дается более глубоко и систематизировано, чем в предшествующей дидактической литературе, параграфы завершаются глоссарием и серией вопросов, призванных активизировать знания и возбудить потребность в рефлексии у учеников. Например, главу о Варфоломеевской ночи автор связывает с изучением термина «фанатизм». Изменение в подходах и методах изучения истории в школе демонстрирует попытка автора избавиться от «монархоцентричности». Генриху де Гизу в этом учебнике посвящен даже отдельный раздел внутри параграфа⁴⁶⁵. Его образ раскрывается здесь поэтапно, от «сына выдающегося полководца Франсуа де Гиза» и участника Варфоломеевской ночи, в которой он играл роль исполнителя, до лидера Лиги и организатора восстания против королевского абсолютизма.

---

⁴⁶³ *Girault L.* Histoire de France. Paris: Philippart, 1850. P. 46. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65481025/f52.item> (дата обращения 18.12.2022).

⁴⁶⁴ *Blanchet D.* Histoire sommaire de la France depuis la mort de Louis XI jusqu'à nos jours. 21 éd. Paris: Belin frères, 1899.

⁴⁶⁵ *Ibid.* P. 35.

Возможно, на трансформацию образа Гиза и попытку преодоления некоторых стереотипов в учебниках оказала влияние не только новая политика в области образования, но и специализированные исследования: первая профессионально написанная биография герцога, несколько статей и монографий о различных аспектах его деятельности, вышедшие в этот период. Именно они могли способствовать некоторой эволюции образа главы Католической лиги. Кроме того, появляется все больше популярной историко-приключенческой литературы об этой эпохе, а в конце XIX – начале XX в. эта тема получила развитие в двух художественных кинофильмах об убийстве Генриха де Гиза.

Характерной чертой новых учебников стала визуализация известных сюжетов посредством исторической живописи. Благодаря известному полотну Поля Делароша «Убийство герцога де Гиза» (рисунок 3) этот эпизод начинает восприниматься в европейской исторической культуре как символический, получает статус одного из ключевых событий французской истории.

В основательной и прекрасно иллюстрированной «Новой истории» Альбера Мале⁴⁶⁶, профессора истории лицея Людовика Великого, портрет герцога даже выделен в отдельную тематическую вставку, поскольку автор позиционирует его как «центрального персонажа» Восьмой религиозной войны. К этому времени была принята новая программа исторического образования. Кроме этого, это пособие предназначалось для второго класса, то есть для подростков старшего возраста, почти выпускников. Этот учебник отличается доскональным поэтапным описанием самих войн, упоминанием основных сражений и выдающихся полководцев и наиболее полной характеристикой деятельности и характера Генриха де Гиза. Начиная с описания событий 1585 г. почти все внимание авторов сосредоточено на нем. Подчеркивая популярность герцога среди парижского населения, этот учебник предлагает школьникам поразмышлять над механизмами формирования образа Гиза, которого современники считали «новым Маккавеем» и «опорой церкви»⁴⁶⁷.

Завершает этот период многочисленные переиздания одного из самых известных учебников Э. Лависса⁴⁶⁸ для второго класса, который никак нельзя обойти стороной, когда речь идет об исторической мифологии Третьей республики. Эрнст Лависс внес неоценимый вклад в формирование представлений о прошлом нескольких поколений французов⁴⁶⁹. Несмотря на то,

---

⁴⁶⁶ *Malet A.* Histoire modern (1498–1715). Classe de seconde. Paris: Hachette, 1911.

⁴⁶⁷ *Ibid.* P. 426.

⁴⁶⁸ *Lavisse E.* La Deuxième année d'Histoire de France et d'Histoire Générale par Ernest Lavisse de l'Académie française. Paris: A. Colin, 1911 (1915).

⁴⁶⁹ *Уваров П. Ю.* Между «Ежами» и «Лисами» ... С. 40.

что упомянутый учебник предназначался для подростков, имеющих достаточно основательную образовательную базу, изложение истории Религиозных войн в нем отличается обилием фактов, но не глубиной изложения. Генриху де Гизу отведена одна из главных ролей в повествовании. Он появляется здесь только к 1575 г. как «глава католиков», но зато не сходит со страниц главы вплоть до своей гибели. Как и в других учебниках Третьей республики автор отказывается от однозначно негативной оценки его деятельности и от мифа о том, что герцог мечтал о захвате трона. В результате возникает достаточно симпатичный портрет «персонажа, к которому были обращены надежды всех лигёров»⁴⁷⁰, поскольку ему сопутствовали военные победы и его успеха боялся король. Описание «триумфально» въезжающего в Париж герцога, решительно явившегося вопреки запрету монарха поддержать своих сторонников, но сумевшего «усмирить мятеж», не могло не волновать воображение подростков. В противоположность ему, Генрих III, «достойный сын Екатерины Медичи», изображен хитрым, но слабым монархом, чье убийство было закономерным завершением правления Валуа.

Для сравнения интересно обратиться к российским учебникам того же периода. Российская империя являлась одной из стран, где наряду с отечественной, преподавался развернутый курс всеобщей истории. В России изучение истории Нового времени входило в программу 7 класса, а начиная с 1913 г. он разделялся на две части⁴⁷¹.

Практически во всех отечественных учебниках по истории этого периода, который начинали изучать тогда с XVI в., истории Религиозных войн уделялось достаточно большое место. При этом мы не наблюдаем какой-то оригинальной интерпретации событий. В отличие от историков и составителей энциклопедий, авторы российских учебников демонстрировали приверженность сложившимся к XIX в. схемам.

Характерный пример такого подхода можно найти в популярном в свое время учебнике «Руководстве к познанию Новой истории» русского историка Семёна Николаевича Смарагдова⁴⁷². Гизы в нем предстают главными возбудителями спокойствия, провоцировавшие короля на военные действия в отношении гугенотов. Сами события Религиозных войн во Франции излагаются как история борьбы двух династий: Гизов и Бурбонов, противостояние которых умело использовала Екатерина Медичи. Генрих де Гиз здесь появляется на исторической сцене и на страницах учебника намного раньше, чем в изложении французских

---

⁴⁷⁰ *Lavisse E.* Op. cit. P. 177.

⁴⁷¹ Курс Новой истории для VII класса мужских гимназий. По программе, утвержденной Министерством Народного Просвещения 13 июля 1913 г. Киев, 1915.

⁴⁷² *Смарагдов С.* Руководство к познанию Новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. 4-е изд. Спб., 1854.

авторов. Первое событие, в связи с которым он удостоивается упоминания – Варфоломеевская ночь («Парижская Кровавая Свадьба»). Герцог изображен предводителем резни, он «с толпою злодеев ворвался в дом Колиньи и велел зарезать молящегося старца»⁴⁷³. Католическая лига традиционно рассматривается автором как орудие восхождения Гизов, «мнимых потомков Карла Великого», на престол. Прямая угроза власти и престолонаследию со стороны герцога, вынудила короля «для своей безопасности» убить противника⁴⁷⁴. Несмотря на общую негативную оценку деятельности Католической лиги и роли Гизов, автор очень аккуратно избегает прямой характеристики личности Генриха де Гиза посредством эпитетов и оценочных выражений.

В начале XX в. количество российских учебников по истории нового времени заметно выросло, а оценка деятельности Генриха де Гиза стала более разнообразной, хотя можно встретить повторы и прямые заимствования. Как и во французской литературе для школьного курса, некоторые пассажи переходили из учебника в учебник. Деятельность герцога авторы по-прежнему связывают с тремя событиями: Варфоломеевской ночью, Священной (Католической) лигой и восстанием в Париже 1588 г.⁴⁷⁵ Иногда встречается сообщение о его убийстве, очень редко – упоминание об участии в военных действиях. В характеристике образа герцога превалирует прилагательное «честолюбивый», иногда авторы повторяют его несколько раз по отношению как к Гизам в целом, так и для описания конкретного персонажа. Даже Р. Ю. Виппер в своем очень содержательном учебнике по истории нового времени, издававшемся шесть раз⁴⁷⁶ утверждает, что «Гизы собирались отнять у Валуа корону»⁴⁷⁷, хотя они, по его же признанию, имели на нее право и вели свое происхождение от Карла Великого.

В учебнике И. Реверсова⁴⁷⁸, изданного во время Первой мировой войны, возможно, под влиянием концепции Лависса «талантливый и энергичный Генрих де Гиз» противопоставляется «ленивому и слабому» Генриху III.

В общей оценке религиозных войн выделяется учебник Ю. Функе, предназначенный для женских курсов и гимназий⁴⁷⁹. Автор признает, что жестокостью отличались обе стороны, как

---

⁴⁷³ *Смарагдов С.* Указ. соч. С. 71.

⁴⁷⁴ Там же. С. 73.

⁴⁷⁵ *Дворников П.* Новая история. Учебник для женских учебных заведений. М.: Типография Лисснера и Совко, 1910.

⁴⁷⁶ *Франк А. В.* Р. Ю. Виппер и развитие школьного исторического образования в первой трети XX века // Сибирский педагогический журнал. № 2. 2014. С. 150–154.

⁴⁷⁷ *Виппер Р.* Краткий учебник новой истории. М.: Типография т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1912. С. 54.

⁴⁷⁸ *Реверсов И.* Учебник новой истории. Для средних учебных заведений (курс V и VI классов мужских гимназий). 2-е изд. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1915.

⁴⁷⁹ *Функе Ю.* Учебник всеобщей истории. Новая история. Курс средних учебных заведений. Киев, 1887.

католики, так и протестанты, а цели сторон были скорее политические, чем религиозные. Однако Генрих де Гиз здесь все тот же «честолюбивый вождь Лиги», претендующий на корону Франции⁴⁸⁰.

Таким образом, мы видим, что отдельные элементы исторической мифологии, сложившейся вокруг фигуры Генриха де Гиза были достаточно устойчивыми, тогда как другие менялись с течением времени. Если общее отношение к деятельности лидера Католической лиги могло варьироваться в различных учебниках и стало более объективным в начале XX в., то убеждение в его честолюбивых замыслах и стремлениях захватить престол было устойчивой частью его образа. Представления о Генрихе де Гизе у авторов учебников формировался, вероятно, под влиянием просветительской традиции, современных популярных общих курсов французской истории, прежде всего, Ж. Мишле и учебника под редакцией Э. Лависса и А. Рамбо. Думается, не последнюю роль в этом процессе сыграла и художественные произведения. Новейшие специальные исследования, судя по всему, практически не влияли на конструирование образа герцога де Гиза в учебной литературе.

Кроме того, упрощённая схема национальной истории, характерная для учебников, вела к тому, что Гражданские (религиозные) войны не всегда попадали на страницы литературы для младших школьников. Эта эпоха должна была ассоциироваться у них с Генрихом IV, «королем, спасшим Францию» и истинно национальным монархом. Поэтому, когда юные французские граждане на следующей ступени более подробно углублялись в историю этого периода, фигура герцога неизбежно воспринималась ими в контексте того сценария национальной истории, который был заложен в начальном курсе. Некоторые авторы прямо подчеркивали черты герцога де Гиза, ставшие частью его классического образа: амбициозность, хитрость, воинственность и политический эгоизм. Несмотря на эволюцию представлений об этом персонаже в начале XX в., он продолжал воспринимать в качестве антагониста Генриха Наваррского в борьбе за престол и альтернативы благоприятному, прогрессивному развитию страны.

Значительную роль в формировании негативного образа герцога де Гиза в учебниках играла оценка деятельности его семьи в целом, их роли в европейской политике и событиях Религиозных войн. Гизы часто ассоциировались с «партией войны», назывались главными виновниками национальной розни и активными участниками Контрреформации, которые стремились к власти и влиянию по всей Европе. Подобная традиция была подхвачена и российскими авторами учебников XIX – начала XX вв., несмотря на национальные отличия в оценке Религиозных войн и их репрезентации в школьном курсе.

---

⁴⁸⁰ Функе Ю. Указ соч. С. 157.

Глава 3. Художественное прочтение образа герцога де Гиза

3.1 Генрих де Гиз на театральных подмостках

Генрих де Гиз стал достаточно популярным героем художественной литературы уже в конце XVI–XVII вв. Начиная со знаменитой «Парижской резни» Кита Марло, которая оказала значительное влияние на формирование его образа в исторической культуре на ранних этапах и лигёрских пьес, написанных после его гибели, герцог не сходил с театральных подмостков и со страниц романов как во Франции, так и в других странах Европы. В XVIII в. Вольтер и британские драматурги Дж. Драйден и Н. Ли продолжали использовать его образ для иллюстрации своих философско-исторических и эстетических конструкций. На протяжении XIX в. герцог де Гиз оставался одним из самых популярных героев художественной литературы. Он становится одним из ключевых персонажей произведений таких популярных французских авторов как А. Дюма, А. Понсон дю Террай, М. Зевако и многих других. Десятки пьес и романов сделали его узнаваемым героем мировой истории.

Как и историческая культура, европейская литература первой половины XIX в. развивалась под сильным влиянием романтизма. Именно в художественной культуре это эстетическое течение проявилось с наибольшей силой, определив пути развития европейской романистики и драматургии этого периода. Национальная история стала в эту эпоху объектом пристального внимания и острых баталий не только между историками, но и писателями. Историческая наука и художественное творчество оказались тесно взаимосвязаны и переплетены. Романисты и драматурги под влиянием Вальтера Скотта стремились к подлинному историзму в своих произведениях, а историки часто использовали художественную форму для выражения своих идей.

Писатели-романтики видели в эпохе Старого порядка не просто фон для действий своих персонажей, сама история была для них источником вдохновения, полной интриг, страстей, драматического напряжения, с которыми не мог сравниться ни один вымысел. Именно в истории, особенно в эпохе средних веков и Ренессанса, они видели проявление уникального, национального в противоположность единообразному. Выбор ярких сюжетов, отражение деталей эпохи, внимание к костюмам, быту, духу времени – все это становится неотъемлемой частью художественного творчества. Религиозные войны – одна из эпох, дававшая пищу драматургам, а вслед за ними – авторам историко-приключенческих романов. Они начинают видеть свою задачу схожей с задачей историка. Даже необходимый в художественном произведении вымысел становится частью их замысла по конструированию исторической реальности, помогая воссоздать психологически достоверные портреты реальных и вымышленных персонажей. Новые задачи и ответственность, которую возлагают на себя

романисты заставляет их более активно и внимательно обращаться к историческим источникам и научным трудам. Создание национального исторического романа и драматургии ставится писателями в один ряд с профессиональной реконструкцией истории страны. «Исторические сцены» становятся популярным жанром, способствуя формированию национальной идентичности, приглашая читателей и театральных зрителей почувствовать себя участниками событий прошлого.

Одной из характерных черт художественного творчества этой эпохи становится обращение к образу исторических персонажей. Именно «герои» разных эпох и народов, особенно герои противоречивые, неоднозначные, ярче всего воплощали романтические идеи XIX в. Однако один из методов, которые использовали романтики – отодвигать этих героев на второй план произведения, чтобы избежать грубых исторических неточностей и необходимости придумывать несуществующие детали. Еще один прием, введенный ими – изображение исторических личностей в бытовой обстановке, «великих людей в домашних халатах», как назвал свою серию биографий А. Дюма.

На писателей и драматургов, так же как на историков, оказывали влияние события, бушевавшие в это время в стране. Именно под их влиянием менялась историческая культура европейского общества, а как следствие – появился абсолютно новый тип исторической прозы. Две революции во Франции и «Весна народов», охватившая всю Европу, смена династии, многочисленные восстания и борьба за новые политические и правовые принципы, все это неизбежно нашло отражение во французской и европейской культуре XIX в. Успех того или иного произведения часто был связан с его политической ангажированностью, актуальностью для современного дискурса. Более того, интерес к эпохе Ренессанса был вызван общественными процессами, происходившими во Франции в первой половине – середине девятнадцатого столетия. Французский историк Даниэль Мэра считает, что век романтизма конструировал собственный образ посредством обращения к эпохе Возрождения как к зеркалу, воспринимая ту эпоху, в свою очередь, через призму современных событий⁴⁸¹. Такое «двойное зеркало» создавало не только особый интерес, но и своеобразное восприятие событий XVI в.

Одновременно исторические образы в литературе развивались под влиянием традиции XVIII в. Одним из самых популярных авторов оставался Вольтер. Особенно это было характерно для 1820-х – начала 1830-х гг. «Пожалуй, французы [...] никогда с таким живым интересом не читали Вольтера, как в эпоху Реставрации», – убежден исследователь мифологии XIX в. М.

---

⁴⁸¹ *Maira D. Renaissance romantique ...* P. 23.

Леруа⁴⁸². Под влиянием французского просветителя XVIII в. произошла актуализация истории Религиозных войн и мифа о «добром короле» Генрихе IV. Что касается представлений о Генрихе де Гизе, то его образ, созданный на страницах «Генриады» и исторических произведений Вольтера, также становится важным источником формирования коллективных представлений об этом герое в эпоху Французской революции и Реставрации. Хотя к концу этого периода, непосредственно перед революцией 1830 г. популярность самого Вольтера упала, влиятельные авторы, такие как Дюма, испытавшие его сильное влияние, продолжали и развивали традиции восприятия Религиозных войн и их участников, основанные на определенной историко-философской концепции, восходящей к XVIII в.

Эти две тенденции в культуре: романтизм, с его тоской по Старому порядку, религиозному укладу и ценностям, и культ Вольтера, подогреваемый либеральными антиклерикальными настроениями XIX в., боролись в культурном сознании эпохи, порождая разнообразные и порой противоречивые образы истории и ее героев.

Помимо этого, актуализация истории Религиозных войн в литературе, так же как в исторической науке, произошла главным образом благодаря политическим событиям, бушевавшим как в самой Франции, так и по всей Европе. Это отразилось не только на развитии исторического знания, но на всей исторической культуре, включая репрезентацию образов прошлого в художественной культуре.

Французская революция XVIII в. и империя Наполеона Бонапарта знаменовали собой разрыв со старой политической традицией, опиравшейся на идею божественного происхождения власти и мифе о передаче трона по наследству по мужской линии в соответствии с Салическим правом. Формируется новая политическая культура, которая выдвигает на первое место новый миф – о суверенитете нации и договорном происхождении власти. Эпоха Религиозных войн начинает вызывать живой интерес в литературе благодаря тем аналогиям с современностью, которые видело в ней общественное мнение. С одной стороны, именно тогда, в конце XVI в., возникают первые французские тираноборческие теории, которые нашли воплощение во время Дня баррикад, в убийстве монархов и в изменении отношения в обществе к царствующей династии, утрате пиетета перед властью. С другой, французы, пресытившиеся революцией, сменой власти и гражданской войной, искали в той эпохе опору, подсказку к выходу из нахлынувшего безумия и братоубийственной бойни.

Образ Генриха де Гиза оставался одним из самых популярных в исторических романах и пьесах на протяжении всего XIX в. Нам удалось обнаружить в библиотеках Франции и России

---

⁴⁸² Леруа М. Миф о иезуитах. От Беранже до Мишле. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 296.

восемнадцать пьес исследуемой эпохи, в которых герцог являлся одним из ключевых персонажей (Приложение 3). Вероятно, подобных произведений было написано и поставлено в театрах по всей Европе несколько десятков. Можно выделить несколько причин такой популярности. Во-первых, как уже было сказано, для писателей-романтиков эпоха Религиозных войн с ее острой борьбой за власть, напряженными духовными поисками, противостоянием ярких личностей, соответствующим антуражем и нравами представляла особый интерес. XVI в. как переломный этап в истории Франции и Европы привлекал писателей еще и с точки зрения сохранения и собственного конструирования национального прошлого, его самых важных этапов и событий. К тому же фигура герцога и обстоятельства его гибели рассматривались как актуальные для эпохи революций, Реставрации, создания и крушения империй, продолжавшихся на протяжении почти всего XIX в. Стендаль, например, рекомендовал драматургам тему «Смерть герцога де Гиза в Блуа» как один из современных сюжетов⁴⁸³. С жаром откликнувшись на призыв писателя, драматурги создают всего за несколько лет целый букет подобных пьес и еще больше произведений, в основу которых легли события Варфоломеевской ночи.

Герцог де Гиз стал в эту сложную эпоху фигурой, с успехом использовавшейся литераторами самых разных убеждений для выражения собственной философской, политической и литературной концепции. Лидер народного мятежа или рвущийся к власти изменщик, амбициозный лицемер, представитель оппозиционной знати, тираноборец-революционер или религиозный фанатик – эти образы были позаимствованы у авторов XVI–XVIII вв. и у современных историков, либо сконструированы воображением писателей XIX в.

Первые пьесы новой эпохи, в которых появляется персонаж Генриха де Гиза были написаны уже в эпоху Французской революции конца XVIII в., актуализировавшей споры вокруг природы власти, легитимности королевской династии, права подданных на восстание и различных моделей общественного развития. Кроме того, события 1789–1799 гг. стимулировали поиски революционной традиции в прошлом страны. Первой ласточкой среди подобных драматических произведений новой эпохи, в которых эксплуатировалась тема Религиозных войн, была представленная публике в 1789 г. трагедия Мари-Жозефа Шенье «Карл IX, или Школа королей», получившая в более поздних изданиях название «Карл IX, или Варфоломеевская ночь»⁴⁸⁴.

---

⁴⁸³ Реузов Б. Г. Французский роман XIX века... С. 40.

⁴⁸⁴ Chénier M. J. Charles IX, ou La Saint-Barthélemi; tragédie en cinq actes // Œuvres de M. J. Chénier, membre de l'Institut. T. I. Paris: Guillaume, Libraire, 1826. Рус. изд.: Шенье М.-Ж. Карл IX, или Урок королям: трагедия / Мари-Жозеф Шенье // Французский театр эпохи Просвещения : сборник пьес / ред. пер. Н. Любимов; коммент. С.С. Мокульский. М.: Искусство, 1957. Т. 2. С. 353–413.

В начале Французской революции пьесы, разоблачающие деспотизм королей, пользовались бешеной популярностью, возбуждая народ, провоцируя споры и даже драки между актерами, зрителями и самими авторами. Религиозные войны, особенно Варфоломеевская ночь, были благодатными темами для атаки на королевские и дворянские привилегии, церковь и Старый порядок вообще. В конце XVIII в. коллективная память об этих событиях продолжала сохраняться как часть исторической культуры Европы. Резня в ночь Святого Варфоломея для французов XVIII в. все еще была самой трагической страницей их истории⁴⁸⁵.

Пьеса молодого драматурга Мари-Жозеф Шенье, брата будущего известного поэта Андре Шенье, была написана в традициях классицизма, но при этом стала одним из самых скандальных произведений эпохи и вызвала ожесточенные баталии даже среди театральной труппы. Автор долгое время боролся за ее постановку и впервые ее увидели на парижской сцене 4 ноября 1789 г.⁴⁸⁶ Несмотря на то, для начинающего актера Франсуа-Жозефа Тальма роль Карла IX стала его звездным часом, некоторые исполнители отказывались играть в настолько радикальном произведении, и пьеса после нескольких громких постановок была все-таки снята с репертуара. Тем не менее постановка, обличающая преступный характер власти, вызвала небывалый ажиотаж у публики, став одним из самых популярных зрелищ того времени. Образы, созданные Шенье, воплотили господствующие революционные настроения, возбуждая, в свою очередь, ненависть к монархии и христианской религии. Ж. Дантон высоко оценил разрушительный потенциал этой пьесы, сказав: «Если "Фигаро" убил дворянство, то "Карл IX" убьет королевскую власть»⁴⁸⁷.

Во вступительной статье, написанной для первого печатного издания пьесы, автор обосновывает выбор темы, называя Варфоломеевскую ночь одной из самых трагичных страниц французской истории⁴⁸⁸. Необходимо отметить, что практически все исторические пьесы, напечатанные в конце XVIII–XIX вв., сопровождались предисловием. Это становится одной из форм авторской репрезентации исторического сюжета, связанной с содержанием самого произведения, методом представления философско-исторической позиции автора и одновременно способом просвещения публики, которая не всегда была в курсе исторических событий, лежавших в основе пьесы. Однако форма и характер подобных предисловий

---

⁴⁸⁵ *Thibaut J.* "Les feux couverts d'une cendre trompeuse". Blessures et hantises de l'histoire nationale dans le théâtre révolutionnaire // *La Mémoire de la blessure au théâtre. Mise en fiction et interrogation du traumatisme de la Renaissance au XXIe siècle*, 2018. P. 110.

⁴⁸⁶ *Дейч А. И.* Франсуа-Жозеф Тальма. М.: Искусство, 1973. С. 83.

⁴⁸⁷ Цит. по кн.: *Французский театр эпохи Просвещения*. М., 1957. Т. 1. С. 63.

⁴⁸⁸ *Chénier M.-J.* Charles IX, ou la S.-Barthélemi, Henri VIII, tragédies par M.-J. Chénier. Paris: Laran, 1798. P. 3–41.

претерпевают эволюцию, что, несомненно, может стать темой отдельного исследования. У Шенье это пока не столько исторический экскурс, предпринятый в стремлении обосновать собственную концепцию событий или дополнить ее картинами прошлого, сколько политическое заявление. Драматург призывает к пересмотру некоторых страниц истории, потому что теперь это возможно и необходимо.

Предисловие Шенье представляет для нас ценность не только по причине характерного больше для XIX в. сочетания в драматическом произведении различных способов репрезентации одного события: в виде исторического очерка, в виде самой драмы и в виде иллюстраций. Оно дает нам возможность проследить источники формирования представлений об историческом событии у автора. Мы встречаем в нем многочисленные отсылки к мемуарам умеренного «политика» канцлера М. де Л'Опиталя и к трудам Вольтера. Но, конечно, ведущую роль в конструировании концепции Варфоломеевской ночи сыграл политический контекст конца XVIII в.

Главными действующими лицами трагедии являются, с одной стороны, слабый и бездушный король, интриганка Екатерина Медичи, ее советники, с другой – благородные и честные протестанты, возглавляемые Колиньи и Генрихом Наваррским. Принадлежность к тому или иному лагерю определяет характер персонажей. Поэтому Гизы, без которых не обходится практически ни одно произведение о Варфоломеевской ночи, изображены сторонниками и подручными королевской власти. Герцог и его дядя кардинал Лотарингский присутствуют во многих эпизодах, призывая к убийствам и насилию. В предисловии автор высказывает мнение, что именно Гизы вместе с Екатериной Медичи толкнули короля на это преступление. Образ герцога дает автору возможность разоблачить религиозный фанатизм, который ведет к кровавым войнам и беззаконию. Антирелигиозная политика и дехристианизация, которая началась практически в первые годы революции, способствовала успеху этих идей, а с другой стороны, давала им философско-историческое обоснование.

Одна из задач, которую ставил перед собой Шенье, – разрушить представление о Варфоломеевской ночи как о национальном преступлении, фактически, попытаться переориентировать травматический опыт французов, направив его разрушительное действие против монархии и церкви, сделав только их виновниками этой резни. Однако среди обвиняемых оказываются и Гизы, фанатично преданные католической церкви и преследовавшие не интересы нации, а собственные честолюбивые цели. В одной из своих заметок о французском театре Шенье прямо перечисляет всех виновников этой бойни: «Резня в ночь Святого Варфоломея — это не национальное преступление; это преступление ваших королей: не путайте ваших королей с Отечеством. [...] Это преступление Карла IX, его матери, герцога де Гиза, кардинала

Лотарингского; это преступление двора; это преступление правительства»⁴⁸⁹. Концепция автора перекликается с идеями исторических очерков первых лет Французской революции, в которых двор и Гизы обвинялись в антинациональной политике и даже некоем «заговоре» против французов со ссылкой на их иностранное происхождение.

Исследуя образ Генриха де Гиза в революционных произведениях XVIII в., мы сталкиваемся с интересным феноменом. В исторических трактатах и литературных произведениях XVII–XVIII вв. герцог часто изображался оппозиционером, который выступал против королевской власти под лозунгами созыва Генеральных Штатов и возвращения привилегий сословий, ограничивающих монархию. Он возглавил парижское восстание и фактически руководил возведением первых баррикад в истории Парижа и Франции. Почему же во время революции XVIII в. он становится одним из главных отрицательных персонажей, ассоциируемых у публики с королевским деспотизмом, преследованием свободомыслия и кровавым беззаконием? Однозначного ответа на этот вопрос нет, но нам представляется важным два основных источника популярности подобного образа герцога: антирелигиозные настроения, которыми вдохновлялись революционные авторы и которые были важной культурной составляющей эпохи, а также популярность Вольтера, сформировавшего устойчивые представления об истории религиозных войн. Не случайна и тема, выбранная Шенье – массовые убийства протестантов в августе 1572 г. В этой связи интересно, что второй сюжет, пользовавшийся популярностью в начале революции – дело Каласа – тоже связан с религиозными преследованиями и правозащитной деятельностью Вольтера⁴⁹⁰. В рамках революционного дискурса антицерковные идеи, проникнутые духом толерантности к протестантам, ненависти к католической церкви и к дворянским привилегиям оказались сильнее антимонархического потенциала образа мятежного герцога.

Авторитет Вольтера сыграл мощную роль в формировании сюжета и образного ряда. Не случайно автор предисловия называет Шенье выходцем из «блестящей школы Вольтера»⁴⁹¹. Некоторые специалисты придерживаются мнения, что влияние этого просветителя на историографию и литературу, в том числе драматургию революционной эпохи, было неоднозначным. Например, Б.Н. Реизов, один из крупнейших отечественных специалистов в этой сфере, утверждал: «В первые же фазы революции и философия Вольтера, и его драматургия,

---

⁴⁸⁹ *Chénier M.-J.* Op.cit. (1798). P. 24.

⁴⁹⁰ *Thibaut J.* Op. cit. P. 110.

⁴⁹¹ Французский театр ... С. 21.

считавшаяся вершиной современного искусства, оказались пройденным этапом»⁴⁹². Это мнение подтверждается тем фактом, что пьесы знаменитого философа практически не ставились во время революции, а некоторые даже были запрещены. Хотя нельзя отрицать, что он оказал влияние на творчество нового поколения поэтов и драматургов, «революционная трагедия, или трагедия эпохи революции, была естественным развитием школы Вольтера»⁴⁹³.

Анализируя характеристику персонажа Генриха де Гиза, представленную автором «Карла IX», можно увидеть, что он как будто сошел со страниц «Генриады». С самого начала Гизы предстают в образе главных зачинщиков резни в сговоре с Екатериной Медичи, они интриганы и жестокосердные гордецы. Обвинения против них звучат из уст их соперника – адмирала Колиньи, что не вызвало удивления у публики именно потому, что образ смиренного, справедливого и храброго главы протестантской партии в противоположность тщеславным и фанатичным Гизам был привычен французской публике. Но были спорные для исторического сознания конца XVIII в. моменты в пьесе, истоки которых мы можем найти, например, у просветителей, но не в историографической традиции XVII–XVIII вв.: действия Гизов достаточно самостоятельны, они не являются просто пешкой в руках королевы, наоборот, они стремятся подчинить своему влиянию молодого короля. Канцлер Л'Опиталь предостерегает Колиньи в одной из первых сцен: «Они хотят напрячь усилия и старанья, // чтоб юный наш король попал под их влиянье»⁴⁹⁴. А кардинал Лотарингский убежден, что они уже «властвуют страной» вместо слабого короля и «все идет к тому, чтоб тронем мы владели»⁴⁹⁵.

Одним из ведущих качеств герцога де Гиза в пьесе становится его эгоизм. Например, его целью в Варфоломеевскую ночь является месть адмиралу Колиньи и всем протестантам не только за убийство отца, но и за разлуку с Маргаритой – мотив, который будет в дальнейшем повторяться во многих драматических произведениях XIX в. и станет частью мифотворчества. Однако главная цель молодого герцога – захват французского трона – «второй круг» его карьеры, в которой уничтожение гугенотов является только подготовительным «первым кругом». Более хитрый и осторожный дядя-кардинал настаивает, что призыв к убийствам должен быть завалирован какой-то высокой идеей. Именно он учит племянника политической хитрости и

---

⁴⁹² Реизов Б. Г. Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период первой империи. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1962. Электрон. версия. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/reizov-mezhdu-klaccicizmom-i-romantizmom/istoricheskaya-tragediya.htm> (дата обращения: 23.06. 2020).

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Цит. по русскому изд.: Шенье М.-Ж. Указ. соч. С. 360. Поскольку в России был сделан прекрасный стихотворный перевод этой пьесы А. Арго, мы будем ссылаться на него при анализе произведения.

⁴⁹⁵ Там же. С. 365.

советует его быть «приветливым с подонками столицы»⁴⁹⁶ – парижской чернью. Гизы вообще не так просты, в пьесе они умны и поэтому еще более опасны: герцог говорит об уважении, которое он испытывает к Генриху Наваррскому, он не желает потворствовать настроениям толпы, убежден в собственном великом предназначении, решителен в своих действиях. Его дядя, кардинал Лотарингский, умный и осторожный политик, возмущен и опечален страданиями страны, которой правят ничтожества.

Генрих де Гиз в пьесе Шенье отправляется к дому Колиньи, воодушевленный не только мезтью, но и убеждением в необходимости искоренить ересь:

*Я счастлив тем, что гнев смогу я утолить,
Хотел бы эту честь ни с кем я не делить.
Но тем, кто вслед за мной сейчас пойти готовы,
Уже готовится судьбой венок лавровый,
А нечестивым пусть последний час пробьет,
И ненависть моя пусть их огнем зальет!*⁴⁹⁷

Гиз искренне считает себя орудием божественного провидения и спасителем Отечества. «За церковь, родину, за трон, за нас самих»⁴⁹⁸, – восклицает он патетически и слыша удары колокола преклоняет колени перед кардиналом для благословения. Его героические жесты и высокие слова в ином контексте могли бы восприниматься в положительном ключе. Однако антидеспотический и антирелигиозный посыл пьесы не позволяет воспринимать его фигуру иначе как в негативном ключе. Кроме того, последнее – «за нас самих», как и многие другие «оговорки», рассыпанные в тексте пьесы, должны были недвусмысленно показать зрителям, что Гизы используют религию в собственных интересах, их жажда мести и власти является ведущим мотивом их действий. Их спесь, гордыня, жестокость, презрение к народу и к гугенотам, многократно подчеркнутые автором, настолько сильны, особенно у герцога, что вызывают отвращение у читателей или зрителей пьесы. Можно обнаружить несколько смысловых линий этого произведения: оно было направлено против религиозного фанатизма, церкви, которая использовала религию для обмана народа, но одновременно против привилегий дворянства и жестокости власти. И все эти линии воплотились в образе Генриха де Гиза – главы католиков, поддерживаемого проповедниками и монахами, гордого представителя высшей знати, соратника королевы, обманщика и тирана. Различные черты этого образа, дополненные и приукрашенные,

---

⁴⁹⁶ Шенье М.-Ж. Указ. соч. С. 365.

⁴⁹⁷ Там же. С. 404.

⁴⁹⁸ Там же.

стали основой негативной традиции в изображении герцога на протяжении XIX в. среди либерально и демократически настроенных драматургов, хотя, несомненно, Шенье был не единственным источником подобных представлений.

Пьеса пользовалась популярностью в XIX вв., неоднократно переиздавалась во Франции в 1820-е гг., когда оппозиция церкви и монархической власти снова стала актуальной темой. В 1830 г. после Июльской революции ее ставили многие провинциальные театры, а публицисты и карикатуристы сравнивали Карла IX с его тезкой Карлом X⁴⁹⁹. Творчество Шенье, таким образом, заложило основу определенной традиции и оказывало воздействие на драматургов даже спустя почти тридцать лет после создания пьесы.

В том же году, что и пьеса Шенье, в самом начале Французской революции, появляется достаточно знаменитая трагедия Ф.-Т.-М. де Бакюлара д'Арно на тот же сюжет⁵⁰⁰. Однако в ней герцог выведен автором только в предисловии. Д'Арно награждает его непривлекательной характеристикой человека «наделенного в равной степени пороками и талантами» и описывает эпизод, в котором герцог ногой пинает Колиньи в лицо⁵⁰¹.

Традиция конструирования негативного образа Генриха де Гиза по определенному образцу была подхвачена и продолжена авторами театральных пьес XIX в. Жанр национальной трагедии активно развивался в эпоху Империи. Наполеон и Французская академия поощряли авторов выбирать сюжеты национальной истории для своих произведений, а традиции классицизма все еще предопределяли выбор формы.

После революции наступает новая эпоха не только в политике, но и в художественном творчестве. На рубеже XVIII–XIX вв. в драме начинают проявляться предромантические тенденции, и на сцену выходят новые герои и идеи. Среди образов, популярных в эту эпоху, ставшими знаковыми и новаторскими для начала XIX в. можно обнаружить разнообразные воплощения романтического идеала, например, денди, революционера, «байронического героя»⁵⁰². На сцене, а потом и в исторических романах появляются произведения, где Генрих де Гиз предстает в образе всех трех персонажей, некоторые авторы даже пытаются придать ему черты делового человека, буржуа – еще одного нового героя эпохи. Однако наиболее удобным и очевидным для воплощения становится образ Гиза-революционера, противника тирании и

---

⁴⁹⁹ Неизвестный автор. Карл X – Карл IX (Charles X – Charles IX: [estampe]), около 1828–1829 гг. Эстамп. Paris: Desmaysons, rue Guénégaud, N° 14. Электрон. репрод. URL: <http://ark.bnf.fr/ark:/12148/cb41517377s> (дата обращения: 05.12.2022).

⁵⁰⁰ *Baculard d'Arnaud F.-T.-M. de. Coligny, ou La saint Barthélemi: tragédie.* P., 1789.

⁵⁰¹ *Ibid.* P. VII.

⁵⁰² См.: Луков В. А. Предромантизм. М.: Наука, 2006. С. 489–492.

абсолютизма, благородного борца за свободу, героя баррикад, объединившего разные социальные силы, не гнушающегося снизойти до простого народа и погибающего от рук слабого и развращенного монарха-угнетателя.

Одновременно, эпоха политических переворотов, свержения легитимных монархов и утверждения новых династий, актуализирует противоположный образ, лже-революционера, использующего любовь народа и стремящегося к захвату французского престола. Подобное воплощение Генриха де Гиза в драматургии и историко-приключенческой прозе становится еще более популярным, наследуя традицию изображения герцога как фигуры, с одной стороны, противоречивой, с другой – лжеца, обманом увлекшего за собой людей.

На фоне популярности исследований театра Французской революции и эпохи романтизма, их политического значения и репрезентации в них исторических сюжетов, драматургия наполеоновской эпохи является малоизученной темой. Авторы общих обзоров, учебников и монографий об истории французской драмы часто обходят стороной этот интереснейший, но неоднозначный период. В существующих немногочисленных исследованиях данной темы, в основном литературоведческого характера, историки и филологи редко акцентируют свое внимание на позиции Наполеона в отношении постановок в разрезе его исторической политики и тем более на театре как на месте, где нашли свое воплощения оппозиционные настроения.

Недостаточная разработанность данного сюжета привела к тому, что в историографии отсутствует устоявшаяся точка зрения на сущность исторической политики Наполеона, особенно применительно к пьесам, эксплуатировавшим эпизоды прошлого. Часто можно встретить мнение, что театры и драматурги подвергались достаточно жесткой цензуре, а произведения всегда отбирались лично императором. Преимущественно это касалось исторических трагедий, которые шли на столичной сцене. Исследователи исходят из того, что «в эпоху Империи обсуждать вопросы политики было невозможно»⁵⁰³, в какой бы форме не была выражена позиция автора. Прекрасно понимая роль театра в формировании общественного мнения, Наполеон видел все завуалированные намеки и пресекал малейшие попытки критики собственной власти и прославления династии Бурбонов. Даже сама философско-историческая концепция, содержащаяся в той или иной пьесе, могла вызвать недовольство императора, причем это касалось даже произведений на античные и средневековые сюжеты⁵⁰⁴. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой театральная жизнь была относительно свободной и

---

⁵⁰³ Реизов Б. Г. Французский исторический роман... С. 17.

⁵⁰⁴ Реизов Б. Г. Между классицизмом и романтизмом... С. 31, 37–38.

независимой, «Наполеон не запрещал даже довольно смелые пьесы»⁵⁰⁵. Более того, позиция императора якобы способствовала развитию и становлению во Франции исторического театра, особенно после периода Революции, когда труппы подвергались настоящему террору со стороны публики, требовавшей радикализации постановок и неременного разоблачения преступлений двора, знати и церкви. В этом смысле, политика Первой империи выглядит позитивной в плане наведения порядка и разумного управления театром, спасения его от неистовства толпы.

Пытаясь разобраться в этом вопросе, необходимо отметить, что наполеоновская эпоха для Франции – период неоднозначный и переломный во всех отношениях. Наряду с политическими и социальными экспериментами происходил поиск новых форм культуры и новаторских методов репрезентации прошлого. Эти тенденции нашли своё отражение и в определенной исторической политике Первой империи. Она проводилась различными путями, иногда достаточно необычными, включая вмешательство самого императора в формирование «исторического» репертуара ведущих французских театров. Об огромном интересе Наполеона к театральной жизни в столице писали многие исследователи⁵⁰⁶, об этом же свидетельствовали современники, причастные к театральному творчеству⁵⁰⁷.

В эпоху Революции и Первой империи во Франции остро стояла проблема создания национального театра, воплощавшего сюжеты из прошлого, как далекого, так и относительно недавнего, актуализированного современными событиями. Несмотря на популярность античных тем и героев, часто воспринимавшихся через призму настоящего, писатели и поэты начинают присматриваться к собственной истории как к источнику драматических коллизий. Основная задача, которая ставилась перед авторами – написание пьес, отражающих события прошлого в патриотическом, а при Наполеоне – в имперском дискурсе. Попытки реализовать эти идеи воплотились в различных театральных формах, в основном, уже в период Реставрации и Июльской монархии. Например, Дюма только 30 лет спустя после описываемых событий создает так называемый «исторический театр». Однако его концепция стала актуальной уже с началом Французской революции, когда сама идея нации становится одной из ведущих и определяющих не только в политическом, но и в социокультурном пространстве, а политика начинает

---

⁵⁰⁵ Постникова А. А. Театр в исторической политике Первой империи во Франции // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 331.

⁵⁰⁶ Дейч А. И. Франсуа-Жозеф Тальма. М.: Жургаз, 1934 (ЖЗЛ); Постникова А. А. Указ. соч.; Copin A. Talma et l'Empire. 2e éd. Paris, 1888.

⁵⁰⁷ Talma J.-F. Mémoires de J.-F. Talma / écrits par lui-même; et recueillis et mis en ordre sur les papiers de sa famille par Alexandre Dumas. Paris: H. Souverain, 1850.

непосредственно влиять на культурную жизнь. Тем более, еще в XVIII в. к сюжетам национальной истории часто обращались авторитетные авторы, писатели, историки, драматурги. В начале XIX в. эта идея подогревалась еще и увлечением Шекспиром в разных европейских странах и попыткой подражать английскому драматургу в создании драматической хроники на материале собственной истории.

Император и Французская академия активно поощряли авторов выбирать сюжеты из национального прошлого для своих произведений. Однако это стремление к развитию исторического жанра тормозилось тем, что появление таких пьес и романов регламентировалось цензурой, как официальной, так и неофициальной. Подобное явление существовало на протяжении всего рассматриваемого периода, однако именно Наполеон часто лично знакомился с произведениями, их создателями, актерами и принимал решения, руководствуясь как государственными интересами, так и собственными вкусами, а также философско-историческими взглядами. Известны случаи, когда император разрешал ставить запрещенные ранее произведения на сцене после разговора с автором лично.

Важным критерием одобрения пьесы служил период, который лежал в основе сюжета. Так, император не рекомендовал к изображению на сцене «исторические события сравнительно недавних эпох», боясь возбудить ненужные страсти в обществе и «придать ложное направление общественному мнению»⁵⁰⁸. Известен случай запрета драмы о Генрихе IV на основании того, что это слишком «современная» тема для ее художественного переосмысления. Скорее всего, Наполеон не хотел напоминания об основателе династии Бурбонов и мифологизации образа монарха, трон потомков которого он узурпировал.

Тем не менее Наполеон хорошо понимал необходимость использовать историю, особенно в литературной обработке, для просвещения, пропаганды и создания собственного образа власти. Поэтому он обратился к министру полиции Ж. Фуше с советом предложить драматургу и бывшему революционеру-жирондисту Франсуа Жюсту Мари Ренуару (1761–1836) в качестве сюжета одной из пьес эпоху утверждения второй династии на престоле, поскольку это могло послужить оправданием его собственной узурпации власти⁵⁰⁹. Ренуар к тому времени был уже достаточно опытным и довольно успешным автором, воплощавшим в своих драматических произведениях события как античной, так и средневековой французской истории. Он считал, что именно национальная трагедия должна стать жанром, который способен восполнить потребность

---

⁵⁰⁸ Реузов Б. Г. Указ. соч. С. 29.

⁵⁰⁹ Copin A. Op. cit. P. 224–225.

в подлинно народном театре. Она была призвана выполнять как воспитательные функции, так и воплотить новаторские литературные начинания и стремление к свободе на сцене.

Трагедия, традиции которой продолжал Ренуар, может быть названа, по мнению некоторых исследователей, философской. В зависимости от таланта и желания автора углубиться в проблему, в произведениях этого жанра можно было найти размышления о природе власти, свободе и тирании, наилучшем государственном устройстве, а иногда – продуманную и оригинальную историко-философскую концепцию. Поэтому нередко именно эти трагедии становились выражением оппозиционных настроений их создателей и смелым публичным политическим заявлением. Предложение императора может вызвать некоторое удивление у исследователей, поскольку философско-историческая концепция Ренуара, воплощенная им в предыдущей пьесе о тамплиерах⁵¹⁰, спровоцировала негативную реакцию Наполеона. Император оценил художественные достоинства трагедии, но политическая позиция автора вызвала подлинное негодование. Уже в этом произведении Ренуар проявил себя как независимый, даже оппозиционный автор, представив тамплиеров в качестве национальных героев и осудив действия королевской власти. Однако, как это часто бывало, Бонапарт стремился привлечь на службу людей, которых он считал наделенными какими-то талантами, надеясь убедить их в ошибочном восприятии истории и современной действительности. Побеседовав лично с Ренуаром, он, видимо, составил о нем более благоприятное впечатление, чем после знакомства с пьесой. Возможно, этот эпизод является легендарным, поскольку сам Наполеон должен был во время постановки находиться в военном походе. По некоторым сведениям, он узнал о ней от Фуше или по отзывам из газет⁵¹¹ и раскритиковал за ошибочной и даже вредный подход к истории, возможно, не изменив своего мнения и в дальнейшем.

Однако в ответ на настойчивое пожелание главы государства взять для своих пьес другой, более нейтральный или даже благоприятный для нынешней власти сюжет Ренуар в 1804 г., в год коронации императора, пишет еще одну трагедию, демонстрирующую его принципиальное расхождение с Наполеоном по многим принципиальным вопросам общественной жизни и закрепившую за ним статус оппозиционера. Это была пьеса «Генеральные Штаты в Блуа»⁵¹², которая не была допущена к постановке Наполеоном, и широкая публика смогла ее увидеть

---

⁵¹⁰ *Raynouard F. J. M. Les Templiers, tragédie par M. Raynouard, représentée, pour la première fois, sur Théâtre français le 24 floréal an XIII (14 мая 1805 г.); précédée d'un précis historique sur les Templiers. Paris, 1814.*

⁵¹¹ *Реузов Б. Г. Указ. соч. С.32; Copin A. Op. cit. P. 98–99.*

⁵¹² *Raynouard F. J. M. Les états de Blois, tragédie en cinq actes et en vers, représentée, pour la première fois, sur Théâtre de Saint-Cloud, 22 juin 1810, et Théâtre français, 31 mai 1814], précédée d'une notice historique sur le duc de Guise. Paris: Mame frères, 1814.*

только после Реставрации в 1814 г., когда ее постановка стала заметным событием культурной и политической жизни Парижа. Достаточно сказать, что одну из ключевых ролей, герцога де Гиза, исполнял знаменитый, хотя уже немолодой, Франсуа-Жозеф Тальма (на момент исполнения этой роли ему был 51 год). Во время революции он же играл Карла IX в постановке пьесы Шенье.

Произведение было написана в форме исторической трагедии и посвящено одному из ключевых событий в истории Франции – Генеральным штатам, созданным королем Генрихом III в г. Блуа, итогом которого явилось знаменитое убийство герцога Генриха де Гиза.

Пьесе предшествовал обширнейший исторический очерк самого Ренуара со ссылкой на авторитетных авторов и популярные источники. Как и в случае с трагедией Шенье, необходимость столь значительного предисловия объяснялась не только стремлением драматурга прояснить и обосновать собственную историко-философскую и политическую позицию, но практически отсутствием исторического образования в то время во Франции. Несмотря на попытки развития системы обучения во время революции и при Наполеоне, даже читающей и посещающей театры публике необходимо было пояснять сюжеты отечественной истории, которые они зачастую знали хуже античных.

В данном случае, мы имеем дело с предисловием в жанре историко-генеалогического и аналитического обзора. Оно начинается с рассказа о династии Гизов, члены которой были главными героями произведения, подробного изложения ситуации во Франции в эпоху последних Валуа, причин и характера Религиозных войн. На нескольких десятках страниц Ренуар разворачивает историю жизни герцога Генриха I де Гиза, включая в нее многочисленные исторические анекдоты и слухи XVI в., которые нашли отражение в различных источниках. Уже в этом предисловии, написанном, вероятнее всего, к постановке и изданию 1814 г., отчетливо проступает замысел автора: продемонстрировать, что, несмотря на величайшие достоинства герцога, которому Ренуар находит оправдание даже во время Варфоломеевской ночи, гордыня, тщеславие и претензии на престол погубили его и чуть не разрушили страну. Хотя король изображен слабым и неспособным вывести государство из кризиса, никакие причины, по убеждению драматурга, не могут оправдать попытку свержения законного монарха.

Действие в пьесе происходит в конце 1588 г., начинаясь Генеральными Штатами в Блуа и заканчиваясь гибелью герцога. Конфликт развивается между Гизами, с одной стороны, и королевой Екатериной Медичи, Генрихом Наваррским и королем Генрихом III – с другой. Однако между братьями Гизами – Генрихом и его братом Шарлем, герцогом Майеннским, тоже возникает противостояние. Герцог де Гиз считает, что слабость королевской власти, опасность, исходящая от протестантов, бедствия королевства и интриги Екатерины Медичи дают ему право занять престол. Этого требуют интересы государства, которые совпадают с интересами самого

герцога. Его любит народ, который имеет право при некоторых условиях сам избрать себе правителя, а лидер Лиги обладает для этой роли всеми необходимыми качествами и соответствующим происхождением. Его брат выступает выразителем точки зрения автора. Он считает, что от того, что беззаконие совершается человеком, наделенными всевозможными талантами и имеющий поддержку общества, оно не становится меньшим. Французский престол нельзя узурпировать, даже если этого требуют интересы государства. Политическое преступление остается преступлением, даже если римский папа или французский народ поддерживают его, это только делает их соучастниками беззакония. Вокруг размышлений о легитимности власти и незаконности ее узурпации выстраивается драматическое повествование в пьесе.

Образ герцога в этом произведении достаточно многомерен и противоречив. С одной стороны, он истинный воин и патриот, смелый, благородный, прекрасный оратор и любимец парижан. Его участие в Варфоломеевской ночи – ошибка молодости, вызванная желанием отомстить лично Колиньи. Но теперь он выказывает благородные чувства и отказывается убить короля, чтобы узурпировать престол. С другой стороны, он оправдывает собственное стремление к власти и мстительность абстрактным общим благом, интересами государства, поддержкой народа и католической церкви: «Меньше будем думать о себе, чем о несчастьях Франции, // я хочу, чтобы ее спасение облагородило мою месть»⁵¹³. Характерно, что герцог постоянно говорит о благе отечества, народа и церкви в контексте собственных эгоистических интересов, связанных с отмщением протестантам и двору за гибель отца. Однако он не чужд благородным порывам и много рассуждает о пользе общества и государства. Этот персонаж в пьесе Ренуара является наследником традиции, которая, начиная с конца XVI в., изображала герцога макиавеллистом, убежденным, что высокие цели оправдывают любые средства, в данном случае – кроме убийства суверена. Мнение автора выражает в этой ситуации Крийон, реальное историческое лицо, прославленный полководец и сторонник короля: «Гиз был бы дорог и принцу, и французам, // Если бы сумел остаться первым среди подданных»⁵¹⁴.

Ренуар не случайно изображает Генриха де Гиза яркой, сильной и неоднозначной личностью. Образ главы Католической лиги, стоявшего на пороге свержения Валуа и основания собственной династии – несомненный намек на самого Наполеона, что было очевидно для всех читателей и зрителей этой пьесы. Споры герцога с братом о возможности и законности опоры на поддержку народа и церкви в обход незыблемой правовой традиции Французского королевства

---

⁵¹³ Raynouard F. J. M. Op. cit. P. 249.

⁵¹⁴ Ibid. P. 297.

вызывали ассоциации с утверждением императора у власти путем переворота с последующим плебисцитом и коронацией Папой Римским. Может ли государственный интерес и желание народа быть достаточной опорой политической власти? На этот вопрос автор пьесы дает однозначно отрицательный ответ, вызвав этим раздражение Наполеона Бонапарта. Не случайно пьеса была запрещена императором после показа в замке Сен-Клу в 1810 г., но торжественно поставлена в 1814 г. когда «законная династия» вернулась на престол. Это стало не столько культурным событием, сколько политической акцией, направленной на дискредитацию фигуры императора и поддержку легитимной власти. В дискурсе исторической культуры эпохи Реставрации это произведение приобрело пропагандистское звучание, поскольку в нем осуждалась узурпация власти императором, что в условиях раскола общества и успеха бонапартистских настроений было важной частью исторической политики.

Однако интересен и другой аспект этого казуса, который приобретает значение как в рамках исторической политики Наполеона, так и для формирования образа Генриха де Гиза в рамках исторической культуры XIX в. Император очень высоко оценивал личность и деятельность главы Католической лиги и в какой-то мере ассоциировал себя с ним. Несмотря на то, что «Генеральные Штаты в Блуа» не являлись выдающимся драматическим произведением, что император несомненно осознавал, пьеса произвела на него настолько сильное впечатление, что он вспоминал о ней даже изгнании. Причина этого, как следует из его собственных слов – равнодушие к образу Генриха де Гиза, созданного Ренуаром. Как справедливо заметил советский литературовед Б. Г. Реизов: «он сочувствовал не королю, который убил Гюиза, а Гюизу, который едва не стал основателем четвертой династии. Очевидно, император видел в талантливом и энергичном герцоге, за которым стоял народ, своего предшественника»⁵¹⁵. Это подтверждается и словами самого Наполеона, который дал собственную оценку не только образу герцога в пьесе, но и высоко оценил его таланты и историческую роль: «Что касается господина Ренуара, ему не хватило таланта в его деле, он не проявил его ни в чем, кроме поэзии, все остальное было плохо, крайне плохо: замысел, детали, результат: он извратил историческую истину [...] Автор сделал из Генриха IV настоящего Филента, а из герцога Гиза — Фигаро, это слишком оскорбительно для истории. Герцог Гиз был одним из самых величайших деятелей своего времени, он обладал выдающимися качествами и талантами; ему не хватило только дерзновения, чтобы еще тогда основать четвертую династию...»⁵¹⁶.

---

⁵¹⁵ Реизов Б. Г. Указ. соч.

⁵¹⁶ *Las Cases E. de Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois.* Paris, 1823. Т. II. P. 307.

Что же заставило императора проникнуться судьбой герцога, а точнее, негодовать по поводу искажения его образа, которое, по его мнению, сознательно предпринял драматург? Помимо очевидных аллюзий, которых добивался и сам Ренуар, император, как мы видим, был очарован качествами настоящего национального политического лидера, которые он приписывал Гизу. Почему у императора сформировался именно такой образ, учитывая, что в историографической традиции благодаря протестантским полемистам, официальным авторам XVII–XVIII вв. и Вольтеру он был представлен мятежником, фанатиком и лицемером? Самостоятельность и оригинальность суждений, независимость оценок, присущая императору, сыграла здесь определенную роль. Однако имело место и намеренное конструирование исторического образа с политическими целями. Бонапарт не просто видел в герцоге своего предшественника, с которым у него было много общего: военные таланты, неутомимая энергия и политическая воля. Подобных персонажей было немало в истории Франции и других стран. Сознательно представляя себя более решительным и удачливым продолжателем дела герцога, он пытался создать собственный образ «народного вождя» и харизматического лидера, спасающего страну от слабой, разрушающей страну власти, не побоявшегося воплотить самые смелые, но вполне рациональные проекты своих предшественников.

Хотя образ герцога де Гиза как «несостоявшегося Наполеона», по мнению некоторых исследователей, не был до конца понят публикой и даже последующими критиками, он неоднократно эксплуатировался другими авторами. Как сторонники, так и противники императора в первой половине XIX в. постоянно сравнивали эти две фигуры, проводя лестные для герцога или, наоборот, разоблачительные аналогии, в зависимости от собственных политических убеждений.

Политическая и идейная борьба вокруг пьесы Ф. Ж. М. Ренуара демонстрирует то, что драматургия продолжала оставаться ареной противостояния не только литературных, но и философско-политических идей. Во второй половине столетия, в эпоху, когда к власти на двадцать лет приходит племянник Наполеона, использовавший его авторитет и идеи для утверждения собственной власти, эта историческая традиция вновь становится актуальной и проявляется в виде положительных образов герцога в литературе и историографии, а также всплеска интереса к его фигуре в исторической культуре в целом.

В театре конца XVIII–XIX вв. формируется особое отношение к костюмам и оформлению спектакля. Историчности обстановки, в противоположность исторической условности XVII–XVIII вв., начинает придаваться большое значение. Пьесы выступают принципиально новым видом репрезентации прошлого, в которой различные элементы и формы сочетаются, чтобы создать видимость полной и многомерной исторической картины, погрузить зрителя в эпоху,

представленную на сцене, и завоевать право на собственную интерпретацию событий и персонажей. Если в период Французской революции делались только первые шаги в этом направлении, то театр эпохи предромантизма был более свободным и с большим пиететом относился к идее многомерной реконструкции прошлого. Эскизы костюмов, созданные к постановке трагедии Ренуара, наглядно демонстрируют подобное стремление художников к определенному «историческому подходу» (рисунки 15, 21). Хотя отдельные детали выдают влияние моды эпохи ампира, одежда повторяет очертания и элементы костюмов XVI в. Герцог предстает на них героем своего времени даже внешне, давая понять зрителю, что оценивать его нужно с учетом исторического контекста, несмотря на актуальность представленной драматургом проблематики. Подобный подход в XIX в. становится обычным явлением, отражая стремление к исторической достоверности, выраженной не только в попытках сконструировать исторически достоверный нарратив, но и в чисто внешних в деталях.

В период Империи, в марте 1808 г. на сцене Опера-комик была поставлена примечательная комическая опера «Мадемуазель де Гиз», либретто к которой написал Эммануэль Дюпати⁵¹⁷. Сюжет, основанный на малоизвестном романе начала века незамысловат. Секретарь Генриха де Гиза, граф Бофор, влюбляется в его сестру. Она отвечает ему взаимностью, однако неравенство социального положения не позволяет влюбленным быть вместе. Кроме того, герцог желает выдать свою сестру за польского короля. После длительных любовных страданий и перипетий, король Франции возводит Бофора в ранг герцога, и он может счастливо жениться на своей возлюбленной. Сюжет этой оперы не претендует на историчность, как и характеры персонажей. Интересен сам факт, что образ Гиза использовался авторами для создания подобного романтического произведения в период Империи.

«Мадемуазель де Гиз» интересна тем, что по ее мотивам достаточно известный австрийский композитор И. Н. Гуммель поставил в 1810 г. оперу «Матильда фон Гиз», одно из самых известных своих произведений, написанных для Венской оперы на немецком языке. В 1821 г. она была повторно исполнена в Веймаре, где тоже имела большой успех.

После отречения и ссылки Наполеона I во Франции наступила эпоха Реставрации. С одной стороны, возвращение династии Бурбонов принесло с собой мир и возможность стабильного развития государства. С другой – в обществе обостряется борьба политических и идейных течений, оказывавшая влияние на культуру. Бонапартисты, либералы, республиканцы, традиционалисты-консерваторы ангажировали собственные исторические концепции, которые были представлены посредством не только научных трудов, но и художественных образов. В

---

⁵¹⁷ Dupaty L. E. F. Ch. Mademoiselle de Guise, opéra-comique en trois actes. Paris: Barba, 1808.

1824 г. после смерти Людовика XVIII и вступление на престол Карла X вместе с усилением консервативных тенденций активизируются и оппозиционные настроения. Борьба с так называемой «реакцией», усилением религиозного влияния на жизнь общества, попыткой возвращения к «Старому порядку» выплескивается на театральные подмостки и страницы пьес. Как и в конце XVI в., в эпоху господства Лиги, можно было наблюдать политизацию драматургии и литературы в целом. Не случайно 1824–1830 гг. – период настоящего взрыва популярности образа Генриха де Гиза в театре. Пьесы создавались быстрее, чем романы и играли более ярко выраженную публицистическую и даже пропагандистскую роль. Варфоломеевская ночь и события 1588 г.: День баррикад, Генеральные Штаты в Блуа и убийство герцога – становятся чемпионами среди исторических сюжетов, представленных в драматургии того времени.

В 1818 г., когда еще были совсем свежи воспоминания об эпохе Первой империи, знаменитый филантроп и путешественник герцог Ф.-А.-Ф. де Ларошфуко-Лианкур пишет пьесу с говорящим названием «Французская революция и Бонапарт, или Гизы восемнадцатого века»⁵¹⁸. Это сатирическое произведение, в которой Реставрация Бурбонов разыгрывается персонажами XVI в., а герцог де Гиз сравнивается с Наполеоном. Хотя сам лидер Лиги не включен автором в число персонажей этой сатиры, возможно по цензурным соображениям, подобные параллели явно угадывались читателями в эпоху Реставрации.

Начиная с 20-х гг. XIX в. под влиянием трансформации политической культуры в некоторых произведениях художественной литературы, так же как и в исторических трудах, можно наблюдать отход от традиции негативного отношения к Католической лиге и Гизам, которая сформировалась в предшествующей исторической культуре. Однако господствующей остается линия, идущая от писателей XVII–XVIII вв., которые рассматривали образ герцога в контексте неизбежного прихода к власти законной династии Бурбонов и укрепления монархии во Франции как залога стабилизации внутренней жизни, толерантности и будущего процветания страны. Кроме того, несмотря на разнообразие представленных в литературе того времени образов герцога, авторов, как правило, мало волнуют истинные мотивы и цели его поведения, а исторический антураж и вошедшее в моду внимание к деталям эпохи служит только фоном для привлечения исторических персонажей к участию в идейно-политических и художественных баталиях современности.

В 20-е гг. XIX в. одним из популярнейших сюжетов во французской драме становится убийство в Блуа. В рамках этой темы можно наблюдать попытки создать романтический образ

---

⁵¹⁸ *La Rochefoucauld-Liancourt F.G. de. La Révolution française et Bonaparte, ou les Guises du XVIIIe siècle, tragédie en 5 actes et en vers. Paris: Locard et Davi, 1818.*

герцога – борца против королевского деспотизма и героя баррикад. В 1823 г. участник революции и наполеоновских войн, бонапартист, барон Луи-Александр Эмбер де Фленьи (1750–1825) создает свою версию мятежа и гибели герцога, включив в текст пьесы многочисленные цитаты и ссылки на исторические факты⁵¹⁹.

Трагедия де Фленьи стояла у истоков череды произведений XIX в., в которых образ герцога раскрывался в непривычном для публики позитивном и даже апологетическом ключе. Действие полностью происходит в Блуа накануне и во время созыва Штатов. Сценам уже традиционно для XIX в. предшествует краткий пересказ ситуации во Франции к 1588 г., в котором автор должен не только познакомить читателей с действующими лицами и событиями, но и заявить свою историко-философскую позицию. Очерк, предлагаемый де Фленьи достаточно нейтральный по отношению к действующим лицам, он отличается от других подобных предисловий XIX в. сухостью стиля, отсутствием патетики и какой-либо оценочной характеристики персонажей. В отличие от него, сама пьеса наполнена страстными монологами и трагическими сценами. На протяжении всего действия герцог де Гиз, обреченный погибнуть, как это уже известно заранее зрителям, ведет неравную борьбу с королевской властью за свободу и славу Франции. Обращаясь к своим сторонникам в одной из первых сцен, он призывает их «отринуть страх» перед королевой-матерью, которая уже умирает, а страна все еще страдает от ее деспотизма, но «завтра Франция будет свободной, а вы отомщены»⁵²⁰.

Героизация образа герцога не имела особого успеха на сцене, но воплотила мечту Наполеона о создании пьесы, в которой борьба Гиза за трон изображалась бы как противостояние смелого и умного харизматичного лидера со старой прогнившей властью, действующей в ущерб народному благу и исторически обреченной погибнуть.

Политическая обстановка 1820-х гг. породила в публицистике дискуссию вокруг традиционного сюжета – Варфоломеевской ночи, которая нашла отражение во французской драматургии. Проблемы, поднятые еще Шенье в первые годы Революции: ответственность власти за это преступление, деспотизм, опасность религиозного фанатизма – все эти темы вновь стали актуальны среди либералов в эпоху Реставрации.

В период обострения как политических, так и художественных споров, во Франции были написаны две известные нам пьесы о Варфоломеевской ночи. Это событие, судя по количеству художественных произведений и исторических работ, посвященных ему, постепенно в коллективной памяти приобретает статус главной национальной трагедии. Его интерпретация на

---

⁵¹⁹ *Himbert de Flégnny L.-A. La Mort de Henri de Guise, tragédie en 5 actes, éd. de P. Betoulle, 1823.*

⁵²⁰ *Ibid.* P. 24.

подмостках сцены, как и в историографии, продолжает следовать традиции, восходящей к протестантам, интегрированной либеральной средой. Современный историк К. Дюше, исследуя особенности репрезентации этого сюжета в романтической драме, пришёл к следующему выводу: «Выход литературы о Варфоломеевской ночи, был естественным образом связан именно с либеральными, а чаще – с протестантскими кругами»⁵²¹. Однако бывают и исключения, ярким примером которого является трагедия Амедея де Тиссо (1794–1839) «Резня в Варфоломеевскую ночь»⁵²². Вышедшая в печати в 1823 г., одновременно с трагедией де Фленьи, т.е. еще в период царствования Людовика XVIII, пьеса, по утверждению специалистов, никогда не была поставлена⁵²³. Однако она представляет интерес в качестве выражения исторической концепции, воплотившей политические ценности и убеждения определенных кругов французского общества эпохи Реставрации. Барон де Тиссо в 1820-е гг. написал несколько поэм, од и драматургических произведений, прославлявших королевскую власть, правящую династию и успехи французской армии в Испании. Его исторические трагедии были направлены против мятежей и заговоров, они воспевали стабильность и сильных политических лидеров.

В обход уже сложившейся традиции, в одеждах отрицательных персонажей в пьесе Тиссо о Варфоломеевской ночи выступали не католики, а протестанты. Их лидер, адмирал Колиньи, готовит свержение короля и государственный переворот. Поэтому власть в лице Екатерины Медичи вынуждена прибегать к крайним мерам для борьбы с ними. Герцог де Гиз воплощает собой орудие провидения, которому поручена благородная миссия ликвидации лидера мятежников. Хотя автор и осуждает массовую резню, спровоцированную этим убийством, призывая к национальному единству, он считает, что католики в меньшей степени виновны в разжигании вражды.

Начиная с пьес Фленьи и Тиссо, мы можем наблюдать формирование совершенно иной традиции в интерпретации образа герцога де Гиза. Драматурги нового поколения стремятся к романтизации его образа, что было связано не только с влиянием романтизма как эстетического течения. Доказательством этого является то, что романтическая историография и более поздняя литературная традиция, отринув эту робкую попытку, вновь возвращаются к традиционной интерпретации, представляя Гиза мятежником и предателем. Объяснение данному феномену следует искать как в развитии исторического знания и интереса к источникам, которые

---

⁵²¹ *Duchet C.* La Saint-Barthélemy: de la "scène historique" au drame romantique // *Revue d'Histoire littéraire de la France*. Sep.–Oct., 1973. 73e Année. No. 5 (Sep.–Oct., 1973). P. 845–851. P. 847.

⁵²² *Tissot A. de.* Le Massacre de la Saint-Barthélemy, tragédie en 5 actes et en vers, par M. Amédée de Tissot. Paris: Ponthieu, 1823.

⁵²³ *Реузов Б. Г.* Указ. соч. С. 356.

заставляли писателей и драматургов самостоятельно обращаться к публикациям мемуаров, писем и официальных документов, так и в политических и религиозных убеждениях авторов, перипетиях политической жизни и столкновениях между сторонниками разных общественных моделей. Бонапартист Фленье вдохновлялся тем же образом главы Лиги, который видел в нем Наполеон: предшественника императора Франции, великого человека, боровшегося с прогнившей старой монархией во имя интересов родины и вполне легитимно претендовавшего на трон в силу своего авторитета и военных заслуг. Тогда как монархист Тиссо видел в Гизе времен Варфоломеевской ночи сторонника королевской власти, выступавшего заодно с Екатериной Медичи и Карлом IX против мятежников-протестантов.

Во второй половине 1820-х гг., когда после смерти Людовика XVIII на трон восходит последний представитель Бурбонов – Карл X, исторические сюжеты, связанные с борьбой со старой династией и обновлением политического климата в стране, выбором между законным монархом «божьей волей» и легитимной с точки зрения интересов страны новой династией, опять выходят на первый план. Карл X ассоциировался у противников его режима с последними Валуа, особенно с Карлом IX, а образ главы Католической лиги эксплуатировался ими для призыва к либерализации режима.

Большинство исследователей литературного процесса считают, что первыми французскими драматургами-романтиками были А. Дюма и В. Гюго⁵²⁴. Однако уже в середине 1820-х появляются пьесы, которые можно рассматривать в рамках собственно романтической традиции. Например, под влиянием общественных настроений в 1826–1829 гг., в период правления Карла X, молодой литературный новатор Луи Вите публикует драматическую трилогию, которая оказала значительное влияние на развитие исторической драматургии во Франции в первой половине XIX в. Генрих де Гиз является ведущим персонажем в двух первых пьесах: «Баррикады: исторические сцены. Май 1588 г.»⁵²⁵ и «Генеральные Штаты в Блуа, или смерть господина де Гиза. Исторические сцены. Декабрь 1588 г.»⁵²⁶. Написанные, по словам самого автора, с намерением «представить исторические факты в драматической форме»⁵²⁷, пьесы Вите имели большой успех среди французских читателей и зрителей, воспринимавших их как злободневную революционную литературу. Именно Вите, как считают некоторые

---

⁵²⁴ Кондорская В. И. Становление жанра французской романтической драмы (Александр Дюма-отец) // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института имени Д.А. Фурманова. Т. 41. Иваново, 1966; Parigot H. Le drame d'Alexandre Dumas. Paris, 1898. P. 103.

⁵²⁵ Vitet L. Les Barricades. Scènes historiques. Mai 1588. Paris: Ponthieu. 1826.

⁵²⁶ Vitet L. Les États de Blois, ou la Mort de MM. de Guise, scènes historiques, décembre 1588. Paris: Ponthieu. 1827.

⁵²⁷ Yon J.-C. La revolution de 1830 au theater ou le triomphe de la Barricade imprimée // La Barricade...P. 85–96.

исследователи⁵²⁸, вдохновил Александра Дюма на создание одного из первых исторических произведений автора, трагедии «Генрих III и его двор»⁵²⁹, из которой затем выросли персонажи и сюжеты знаменитой трилогии о Гугенотских войнах.

Луи Вите был не только писателем, драматургом и литературным критиком. По утверждению некоторых источников, до 1834 г. он занимал должность главного инспектора исторических монументов, которую после него прославил П. Мериме⁵³⁰. Кроме того, он сделал политическую карьеру, будучи некоторое время депутатом Национального собрания Франции и членом Государственного Совета. За свои исторические исследования Вите был избран членом Французской академии⁵³¹. Будучи либералом и другом других историков, писателей и политиков, придерживавшихся подобных взглядов, он выражал свои идеи как в научных, так и в художественных произведениях. В 1820-х гг. он был убежден, что именно театр является той новой формой, которая способна комплексно воплотить революционные исторические, политические и художественные идеи.

Трилогия о событиях 1588–1589 гг. во Франции написана в жанре популярных «исторических сцен». Л. Вите, поклонник Шекспира, проповедавший принцип «историзма», наиболее полно воплотил «идею ”свободного повествования”»⁵³². Даже названия произведений – не случайность, а продуманная художественно-историческая стратегия. Сам автор в предисловии настаивал, что это не пьесы, а именно исторические сцены, созданные благодаря погружению в исторический нарратив мемуаристов и авторов дневников, прежде всего Л’Этуаля. Вите представлял себя на улицах Парижа в мае 1588 г. и записывал яркие сцены, которые ему попадались на глаза. Каждая пьеса датирована, сцены внутри расписаны строго по часам и локациям. Исторические сцены стали новым видом написания истории, особым типом репрезентации прошлого, сродни историческим трудам, о чем писали авторы критических статей уже в 1820-е гг.⁵³³ Хотя позже Вите разочаровался в подобном методе, он был новатором, фактически изобретателем нового жанра. Кроме того, он первый выводит на сцену народ и

---

⁵²⁸ *Maira D.* Masculinités insuffisantes au pouvoir ... P. 347.

⁵²⁹ В русском переводе обычно публикуется под названием «Двор короля Генриха Третьего».

⁵³⁰ *La Saussaye L. de.* Histoire du château de Blois. Blois: Les libraires, 1866. P. 367.

⁵³¹ *Chévrier M. M.* Vitet, de l'Académie française. Paris: Jouaust, 1869.

⁵³² *Луков В. А.* Мериме. Исследование персональной модели литературного творчества. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. Электрон. версия.

URL: https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Merime/ (дата обращения 14.03.2021).

⁵³³ *Littérature. Les Barricades. Scènes historiques // Le Globe: journal littéraire.* 27 avril 1826. № 54. Т. III. P. 287–288. Copie numérique.

использует спецэффекты, на подмостках театра строятся баррикады и идут бои. Его драматический нарратив практически лишен авторского текста ради эффекта «хроникальности». Во второй пьесе трилогии – «Генеральные Штаты в Блуа», автор настаивает, что его произведение «еще более исторично», чем первая часть⁵³⁴. Опираясь на традицию, идущую от Шекспира и первые опыты французских исторических пьес XVIII в., Вите выступил новатором во французской драматургии, проводя экспериментальное переосмысление законов жанра.

Как и многих авторов эпохи романтизма Л. Вите привлекали масштабные события и героические образы. По словам отечественного исследователя культуры французского романтизма Д. Д. Обломиевского: «Герой у Вите уже не пассивный созерцатель и мечтатель. Он смело и решительно строит свой жизненный путь, вмешивается в судьбы других людей, подчиняет их своим желаниям, распоряжается их жизнью»⁵³⁵. Такая концепция романтического героя была порождена не только определенной литературной традицией, но и идейным исканиям либерально настроенных авторов.

Идеальным персонажем для воплощения своих идей автор выбирает герцога Генриха де Гиза. Две первых пьесы трилогии – одни из нескольких художественных произведений XIX в., в котором герцог является главным героем. Каждой части предшествует ставшее уже практически обязательным историческое предисловие, из которого следует, что Вите вдохновлялся, как и большинство писателей и драматургов XIX в., чтением исторических мемуаров и записок, прежде всего, П. Л'Этуаля и Э. Пакье. Помимо этого, автор опирался на исследование огромного количества официальных документов и писем, отрывки из которых он в качестве цитат вкладывает в уста героев своих произведений. Хотя сочетание исторического очерка с текстом пьесы стало «визитной карточкой» изданий драматических произведений XIX в., развернутые, опирающиеся на значительный комплекс источников, предисловия чаще всего встречается именно в тех трагедиях, драмах и «исторических картинах», в которых авторы предлагают отличную от традиционной, положительную, и даже героическо-романтическую трактовку персонажа герцога. Это наталкивает на мысль, что подобное соединение в одном произведении жанра историко-популярного очерка и собственно пьесы имело, помимо просветительской, еще одну важную цель – обоснование новаторской историографической концепции, для доказательства которой необходима была опора на источники и создание собственного исторического нарратива. В отличие от Ренуара, Вите в предисловии придерживается того же жанра, что и в основном тексте. Это не историко-генеалогический или аналитический очерк, это

---

⁵³⁴ *Vitet L. Les États de Blois...* P. V.

⁵³⁵ *Обломиевский Д. Д. Французский романтизм ...* С. 160.

те же «исторические картины», только написанные прозой. В них представлены события 12 мая – 21 декабря 1588 г., в центре которых действует Генрих де Гиз. Характерен заголовок предисловия: «Рассказ о том, что произошло», посредством которого автор заявляет об особенностях жанра и настаивает на том, что предлагаемый им нарратив – истинный с точки зрения критериев современного исторического знания, а автор выступает фактически свидетелем событий.

В каком же образе представлены Гизы и герцог Генрих де Гиз у Луи Вите? Первая пьеса трилогии посвящена событию достаточно известному в наше время и отражённому в нескольких известных источниках, но которое никогда не становилось ранее предметом специальных исследований или художественных репрезентаций. Действие в ней происходит во время восстания в Париже в мае 1588 г., в котором герцог играл роль вождя, объединившего разные политические силы и противостоявшего королю Генриху III. В центре второй драмы – еще один острый момент борьбы между лидером Лиги и монархом, включавший гибель Генриха де Гиза от рук королевских убийц. Глава Лиги «раскрывается как характер в ожесточенной борьбе, изображается в переломный момент его биографии»⁵³⁶. Мотивы борьбы за свободу, героического противостояния абсолютизму власти, трагической смерти в этом противоборстве выходят на первый план и становятся определяющими для конструирования автором образа герцога. У либерально настроенного Л. Вите герцог де Гиз является прежде всего героем, ведущим за собой толпу, лидером исторического будущего, способным вдохновить и объединить разные социальные группы. Он противостоит тирании короля, враждебным обстоятельствам и иррационализму толпы. Он реализует все важнейшие функции идеального политического лидера: интегративную, мобилизационную, коммуникативную и многие другие. Везде, где появляется герцог, начинаются активные действия, но одновременно ситуация разрешается наилучшим способом.

Антагонистом герцога выступает безвольный король Генрих III Валуа, который по своим качествам и в силу слабого авторитета не может составить конкуренцию Гизу, но цепляется за власть, стараясь одержать победу над соперником бесчестными способами. Именно это и приводит его к идее убийства. Сцена гибели герцога является центральной во второй части трилогии. Вите старается, одной стороны, показать трагизм момента, с другой, героизм Гиза, гордо идущего на встречу своей гибели, его решительность и бесстрашие: «Его, верно, напугали темнота и дождь, но только не меня»⁵³⁷, – произносит он, выходя на встречу с монархом.

---

⁵³⁶ Обломиевский Д. Д. Указ. соч. С. 161.

⁵³⁷ Vitet L. Les États de Blois ... С. 295.

Однако Вите не был бы успешным автором, если бы характер герцога был столь односторонним. С одной стороны, автор подчеркивает качества идеального романтического героя. С другой, опираясь на образ герцога, сложившейся в мемуарах и исторической литературе XVII–XVIII вв., а также на представления об идеальном лидере, характерные для либерального сознания XIX в., Вите подчеркивает совсем другие черты Гиза, которые делали его реальным главой Лиги и претендентом на престол: политическую расчетливость, тонкий ум, деловую хватку. Историческое предисловие, в котором автор наиболее полно раскрывает исторический образ герцога, получающий завершение в самой пьесе, начинается с показательного эпизода: после Дня баррикад, Гиз, который в растерянности и гневе узнает о бегстве короля из Парижа, не теряет присутствия духа и занимается политическими делами, стремясь вернуть жизнь столицы и государства в нормальное русло. В противоположность тем историкам, которые считали, что господство Лиги в Париже привело страну на грань катастрофы, поскольку экономическая жизнь в столице пришла в упадок, а на улицах царили насилие и беззаконие, Вите рисует идеализированную картину возвращения парижан к обычной жизни именно благодаря умелым и решительным действиям герцога, которого «езде слушали и все подчинялись»⁵³⁸. Даже перед своей гибелью, ожидая короля, несмотря на крайне плохое самочувствие, он занимается решением государственных дел, беря инициативу в свои руки: «Я бы попросил месье Марийака начать нам зачитывать первым ордонанс»⁵³⁹.

Таким образом, образ Гиза-политика включал такие качества как умеренность и мудрость, не совместимые с крайностями народного восстания. Не случайно драматург подчеркивает, что герцог не стремится к свержению законной власти и клянется «сохранить прекрасный город Париж для короля»⁵⁴⁰. Идеал лидера для Вите – умеренный либерал, монархист и легитимист, Лафайет, а не Робеспьер.

Завершает трилогию пьеса о гибели Генриха III⁵⁴¹ – логичный конец противостояния двух лидеров – фактического и формального. Убийство короля – это не только месть сторонников Гиза за своего главу, но и восстановление исторической справедливости.

Если судить по статьям в прессе, критики, а вероятно и многие зрители, увидели в пьесах Вите привычный им образ Гиза, амбициозного политика и лидера фанатиков, что явно не

---

⁵³⁸ *Vitet L.* Op. cit. P. XI.

⁵³⁹ *Ibid.* P. 301.

⁵⁴⁰ *Ibid.* P. XI.

⁵⁴¹ *Vitet L.* La Mort de Henri III, août 1589, scènes historiques faisant suite aux "Barricades" et aux "Etats de Blois". Paris: Fournier, 1829.

соответствовало замыслу драматурга. Эти характеристики настойчиво повторялись в литературных обзорах, хотя авторы отмечали глубину замысла и историчность трилогии⁵⁴².

В 1826 г., одновременно с первой пьесой Вите о Лиге, была напечатана драма Шарля Тома Франсуа д'Утрепона о Варфоломеевской ночи⁵⁴³, вторая в череде произведений об этом событии, написанных в 20-е–30-е гг. XIX в. Как и многие драматические произведения того времени, она была создана под сильным впечатлением от мемуаров и памфлетов, главным образом гугенотских, направленных против королевской семьи, Екатерины Медичи и Гизов. Научные издания подобной полемической литературы, в большом количестве появившиеся во Франции XIX в., вдохновили не одно поколение писателей и драматургов. В большинстве этих произведений был выведен отталкивающий образ Генриха де Гиза. Как уже было отмечено, авторы, сочувствующие протестантам и обвинявшие католическую партию во всех несчастьях, постигших Францию и Европу, чаще всего выбирали в качестве основы сюжета для своих произведений именно Варфоломеевскую ночь. Такая традиция сложилась еще в протестантской литературе конца XVI – начала XVII вв. Сам образ этого события как величайшего преступления власти, символа нетерпимости и беззакония давал прекрасную возможность для подобных обвинений. Героями, которым должен был сопереживать читатель или зритель, в данном случае становились протестанты и их лидеры, адмирал Колиньи или Генрих Наваррский.

Пьеса д'Утрепона, которую принято обвинять за слабые художественные достоинства и невыразительные характеры, является одним из ярких образцов подобной литературы, написанной с целью напомнить обществу о возможно самой трагической странице французской истории, продемонстрировать «цивилизованному» и либерально настроенному обществу XIX в. жестокость царивших в прошлом нравов. Современный историк Р. Кнехт считает, что она была написана непосредственно под влиянием изданного в те годы кальвинистского памфлета времен Религиозных войн, направленного против Екатерины Медичи⁵⁴⁴. Сюжет произведения и образы отдельных персонажей напоминают британские пьесы XVI–XVIII вв., написанные К. Марло, Н. Ли и Дж. Драйденом, а также определенные места из «Генриады» и историко-философских сочинений Вольтера. Думаю, вполне правомерно говорить о влиянии британской и частично французской драматургической, а не только историографической, традиции на концепцию

---

⁵⁴² Littérature. Les Barricades. Scènes historiques // Le Globe... 27 avril 1826. P. 287–288; Littérature. La Mort de Henri III, août 1589, scènes historiques faisant suite aux "Barricades" et aux "Etats de Blois" // Le Globe... 6 juin 1829. № 45. T. VII. P. 357–358. Copie numérique.

⁵⁴³ *D'Outrepoint Ch. La Saint-Barthélemi, drame en plusieurs scènes.* Paris: Firmin Didot père et fils, 1826.

⁵⁴⁴ *Кнехт Р.* Екатерина Медичи ... С. 19.

автора. Его обличительный пафос был направлен главным образом против королевы-матери, однако значительная его часть досталась Гизам.

Предисловие автора соответствует сложившейся в 1820-е гг. традиции давать историографическое обоснование концепции, предлагаемой в пьесе. Оно отличается от подобного введения у Шенье, написанного в другом духе и с иной целью, но близко к очеркам, предваряющим трилогию Вите. В первых же строчках д'Утрепон безоговорочно заявляет, что «почти все персонажи этой драмы – исторические»⁵⁴⁵. Но, если Вите предлагает нам «исторические картины», продолжением которых является драматургическое действие, то д'Утрепон выступает с религиозно-морализаторских позиций, доказывая, что Варфоломеевская ночь была «клеветой» на христианство, религию «полную умеренности, человечности, мужества, смирения и достоинства»⁵⁴⁶. Призывая в качестве свидетелей несколько поколений историков и философов, драматург обозначает свою историко-философскую позицию, называя Варфоломеевскую ночь преступлением, порожденным фанатизмом и амбициями. Резня, по его мнению, была подготовлена заранее, а автором этого «проекта» он называет кардинала Шарля Лотарингского, дядю герцога де Гиза. Все предисловие превращается в памфлет, направленный против Гизов и Екатерины Медичи. Эти идеи получают развитие в тексте драмы.

«Варфоломеевская ночь» д'Утрепона интересна с точки зрения продолжения определенной историко-культурной традиции. Она является органичным звеном между ранними протестантскими образами этого события, представленных в памфлетах, мемуарах и пьесах, официальным историописанием XVII–XVIII вв. и XX веком, который возродил классическую мифологию Религиозных войн посредством массовой культуры. В этом смысле интересен образный ряд, который становится для автора частью стратегии создания представления о Варфоломеевской ночи как о ключевом событии, важность которого определяется дальнейшей судьбой Франции и его современным звучанием: борьбой консервативных и либеральных тенденций, толерантности и фанатизма в общественной жизни. Отдельные сцены, ярко выписанные автором: тайный совет у Екатерины Медичи, на котором разрабатывается сценарий убийств лидеров протестантов, проявление амбиций и мстительности Гизов, которые сделали их удобным инструментом преступной власти, личная вражда представителей разных «партий», способствовавшая эскалации насилия, кровожадность католиков и миролюбие протестантов, слухи о гугенотском заговоре, которые подогревают католические проповедники, разжигающие вражду, – все это складывается в единую картину этой ночи, важность которой для драматурга

---

⁵⁴⁵ *D'Outrepoint Ch. Op. cit. P. V.*

⁵⁴⁶ *Ibid.*

и его читателей определяется современным политическим дискурсом. Поэтому драматическое напряжение и трагизм этих событий не получают должного развития, играя роль инструмента в художественной романтической концепции автора и декларации его религиозно-политических взглядов.

Несмотря на невысокие драматургические достоинства пьесы, образ герцога Генриха де Гиза не лишен противоречий и некоторой глубины. Подобная концепция персонажа, возникшая у автора под несомненным влиянием уже сложившейся в исторической культуре традиции: исторических исследований, мемуаров и художественных произведений, раскрывается д'Утрепоном через монологи герцога, которые он произносит в оправдание им своих действий перед сторонниками. По его собственным словам, в диалоге с герцогом Гонзага-Неверским⁵⁴⁷, Гиз стремится к объединению истощенной и раздираемой войной страны, для того чтобы дать отпор «бандам испанцев»: «Извините меня за это благородное соперничество, это единственное, чего вы можете бояться с моей стороны»⁵⁴⁸. В другой сцене, проводив Морвеля, несостоявшегося убийцу адмирала Колиньи, он сокрушается, что приходится нанимать столь презренных людей для исполнения своих намерений: «Почему необходимо, чтобы мои замыслы вынуждали меня прибегать к услугам подобных чудовищ?»⁵⁴⁹ В отличие от маршала Таванна, который предлагает действовать немедленно и начать устранение гугенотов, не дожидаясь приказа королевы, герцог расчетлив и осторожен, ему претит поспешность, которая может поставить его под удар. Подобная неоднозначность и нравственные колебания не меняют общего негативного ключа в раскрытии персонажа. Гиз изображается достаточно умным, практичным и осторожным, но жестоким, гордым, тщеславным и мстительным притворщиком, который усыпляет доверие Колиньи, скрывая свои коварные замыслы. Он даже спасает протестанта, вырвав его из рук разгневанной толпы на улицах Парижа, рискуя утратить еще неустойчивый авторитет в глазах католиков, чтобы отвести подозрения Колиньи и гугенотов. «Вы верите в его искренность?» – вопрошает Генрих Наваррский. «Если это не так, то это самый коварный из людей, поскольку его слова звучали правдиво»⁵⁵⁰. Это замечание адмирала звучит как приговор, так как именно в таком образе: коварного, бесчестного лицемера предстает Гиз в пьесе Ш. д'Утрепона. Его персонаж противопоставляется главе соперничающей партии, адмиралу Колиньи, который

---

⁵⁴⁷ Судя по всему, автор путает или намеренно объединяет в одном образе разных представителей этого рода, поэтому сложно сказать, о ком конкретно идет речь в произведении.

⁵⁴⁸ *D'Outrepoint Ch. Op. cit. P. 55.*

⁵⁴⁹ *Ibid. P. 48.*

⁵⁵⁰ *Ibid. P. 64–65.*

«никогда не проливал кровь своих врагов, кроме как на поле битвы»⁵⁵¹. Не только лидеры гугенотов, но и все протестанты в своей массе изображены достаточно умными, но миролюбивыми и слишком доверчивыми людьми.

Пьеса пользовалась меньшей популярностью, чем трилогия Вите, хотя автор написал продолжение – «Смерть Генриха III, или Лигеры»⁵⁵², что свидетельствует в пользу того, что постановки были реализованы. Во Франции драматические произведения создавались именно с целью их сценического воплощения, а не чтения, как в некоторых других европейских странах, успешность автора определялась реализацией его произведений в театре. Однако недостаточное внимание к характерному для романтиков интересу к деталям и историческому колориту, превращало это действие, по остроумному замечанию Б. Г. Реизова, в «просто классические декламации в прозе на сюжет из французской истории»⁵⁵³. Тем не менее образ лидера Католической лиги, выведенный в этой драме, был весьма показательным в качестве развития определенной линии в изображении этого персонажа, которая практически никогда не прерывалась и была особенно востребована в эпоху Реставрации.

Один из самых запоминающихся и популярных образов Генриха де Гиза был создан в произведениях Александра Дюма-отца (1802–1870). Эпоха Религиозных, или «гугенотских», как их было принято называть в литературе, войн была для французского драматурга и романиста одним из главных источников вдохновения. Как очень точно заметил А. Моруа: «эпоха Генриха III с ее дуэлями, заговорами, оргиями, с разгулом политических страстей напоминала ему наполеоновскую эпоху»⁵⁵⁴.

К 1829 г. из-под пера Дюма появляется первая успешная пьеса этого автора и одно из самых знаменитых произведений об этой бурной эпохе – «Генрих III и его двор»⁵⁵⁵, в которой герцог де Гиз является одним из ключевых персонажей. В том же году эта драма была поставлена на сцене «Французской Комедии (Комеди Франсез)»⁵⁵⁶. Публика с восторгом приняла ее, усмотрев в пьесе антимонархическую и антицерковную направленность. За год до июльской революции, в обстановке обострившихся оппозиционных настроений, она пришлась ко двору,

---

⁵⁵¹ *D'Outrepoint Ch.* Op. cit. P. 54.

⁵⁵² *D'Outrepoint Ch.* La Mort de Henri III, ou les Ligueurs, drame en plusieurs scènes, par Charles d'Outrepoint. Paris: impr. de F. Didot, 1826.

⁵⁵³ *Реизов Б. Г.* Французская романтическая драма ... С. 32.

⁵⁵⁴ *Моруа А.* Три Дюма. М.: АСТ, Астрель, Neoclassic, 2011. С. 245.

⁵⁵⁵ *Dumas A.* Henri troisième et sa cour...

⁵⁵⁶ Théâtre français. Par ordre. Au bénéfice de M. Devegny. Henri III et sa cour... // Figaro: journal littéraire... 5 mars 1829. P. 2. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2661842/f4.item> (дата обращения: 15.05.2020).

вызвав горячие споры во обществе и в прессе, вдохновив некоторых знаменитых французских авторов на написание очерков⁵⁵⁷. Вот, например, какую противоречивую характеристику дал ей Стендаль: «В ней, конечно, есть большие недостатки; тем не менее она захватывающе интересна, и представление ее можно считать самым замечательным событием этой зимы»⁵⁵⁸.

Кроме всего прочего, по мнению некоторых литературоведов, именно эта пьеса знаменовала собой поворот французского театра от классицизма к романтизму⁵⁵⁹. Трагическая история падения династии Валуа, противостояние выдающихся личностей в борьбе за власть, сопровождаемые дуэлями и мотивом личной мести, как нельзя лучше подходили для создания романтических сценариев. Для Дюма, как и для других писателей этого периода, любовная линия и описание внутреннего конфликта героев были поводом обратиться к историческим сюжетам.

Пьеса была так популярна, что по ее мотивам итальянский композитор Карло Кочча создал в 1833 г. оперу «Екатерина де Гиз», в которой уже муж главной героини, герцог де Гиз, становится ведущим персонажем. Сама же пьеса А. Дюма была поставлена повторно несколько лет спустя в «Историческом театре», созданном самим писателем для масштабной репрезентации исторических сюжетов⁵⁶⁰. В нем ставились как переработанные в драматическую форму романы Дюма, так и произведения других авторов. Огромная сцена, позволявшая использовать коней и организовывать массовые сцены, как нельзя лучше подходила для представления исторических пьес. Несмотря на то, что «Исторический театр» просуществовал недолго, а многие трагедии и драмы, шедшие на его подмостках, были благополучно забыты, пьеса «Генрих III и его двор» до сих пор достаточно популярна в разных странах. Правда сейчас ее читают в основном те, кто увлекается историей Франции, французской литературой и творчеством Дюма. В обсуждениях на форумах и социальных сетях можно встретить мнение о том, что именно это произведение стало для читателей одним из главных источников формирования исторических представлений об этой эпохе и повлияло на их восприятие образа Генриха де Гиза. Пьеса до сих пор идет на театральных подмостках. Например, «Комеди Франсез» осуществил очередную ее постановку 29

---

⁵⁵⁷ Théâtre. Théâtre français. Henri III et sa cour... // Le Globe... 14 février 1829. № 13. Т. VII. P. 100-102. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1074806k/f4.item.r=Le%20Globe> (дата обращения: 15.05.2020); Théâtre français. Henri III et sa cour... // La Gazette de France. 13 février 1829. № 405. P. 1-2. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4485184j/f1.item> (дата обращения: 16.05.2020).

⁵⁵⁸ Стендаль. Генрих III и его двор // Стендаль. Собрание сочинений в 15 т. М.: Правда, 1959. Т. 7. С. 87.

⁵⁵⁹ Parigot H. Op. cit.

⁵⁶⁰ Ibid.

февраля 2020 г. в рамках политики сохранения культурного наследия эпохи романтизма и к 150-летию со дня смерти А. Дюма⁵⁶¹.

Исследователи неоднократно замечали, что история в том виде, в каком ее описывал Дюма, соответствовала запросам публики. Это был яркий, красочный и поэтому увлекательный и запоминающийся художественный образ эпохи, созданный бурным воображением талантливого автора. Герои и сюжеты были заимствованы у мемуаристов XVI в.: П. Л'Этуалья, Брантома и других. Однако главный метод, которым пользовался Дюма, создавая собственную историческую реальность, – упрощение и приукрашивание событий и героев. Его образ прошлого был построен на контрастах, персонажи воплощали какую-то важную идею. Поэтому у читающей публики создавалось и продолжает создаваться впечатление, что автор приоткрывает им тайны и загадки истории. Сконструированная «королем авантюрного романа» картина прошлого выполняет еще одну важную функцию: «описанные исторические события узнаваемы для читателей во многом благодаря известным историческим персонажам»⁵⁶². Среди них, конечно, Генрих де Гиз – один из ведущих героев пьесы, образ которого Дюма продолжил впоследствии эксплуатировать в своих романах о Гугенотских войнах.

Метод конструирования истории, использованный автором, похож на подход Вольтера, тем более что последний оказал несомненное влияние на французского романиста. Многие образы в его произведениях как будто сошли со страниц вольтеровской «Генриады» и историко-философских этюдов. Историческая концепция тоже развивалась у этих авторов в русле общей традиции. Дюма не скрывал своего увлечения Вольтером, поэтому, анализируя образ Генриха де Гиза у этих двух авторов, можно констатировать их явную преемственность.

В отличие от других драматургов этой эпохи, Дюма сознательно отказывается от какого-либо обоснования своей концепции в предисловии. В небольшой заметке, которая предваряет первое издание пьесы и посвящена двум исполнителям главных ролей, он настаивает, что не придерживался никакой системы, а основы жанра были уже обоснованы до него в произведениях Гюго, Мериме, Вите и многих других. Поэтому он не видит смысла в обширном историческом или литературном предисловии.

---

⁵⁶¹ Les évènements du Cent-cinquantième d'Alexandre Dumas. Journées particulières / Henri III et sa cour. Publication numérique. URL: <https://150ansdumas.com/?oq%5Bpassed%5D=1&oq%5Buid%5D=43028317> (дата обращения: 03.12.2021).

⁵⁶² Бейнарович О. Л. История и вымысел в романах А. Дюма: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб.: СПГУ, 2003. С. 48.

Сюжет пьесы на первый взгляд достаточно банален. Это романтическая история любви, ревности и мщения. Екатерина Медичи в стремлении удержать собственную власть и править от имени сына решает устранить двух соперников: Генриха де Гиза, претендующего на трон, и фаворита короля Сен-Мегрена, имеющего влияние на Генриха III. Для этого она сталкивает их между собой с помощью своего астролога Руджиери, используя увлечение любимца короля женой герцога Екатериной Клевской. Ревнивый герцог, желая отомстить, заставляет жену под угрозой смерти написать письмо своему поклоннику и, заманив в ловушку, убивает.

Как и в большинстве художественных произведений об этой эпохе, главным отрицательным персонажем пьесы является властолюбивая Екатерина Медичи. Именно ее интриги, связанные со стремлением укрепить престол и оградить короля и государство от влияния противоборствующих дворянских группировок, приводят к драматическим событиям. Дюма в этой ранней пьесе следует за распространенным представлением, бытовавшим в исторической культуре на протяжении XVI – начала XX вв., в рамках которого деятельность королевы-матери считалась одной из главных причин постигших Францию несчастий, в том числе внутренних распрей, в которые была втянута страна во второй половине XVI в. В этом сюжете можно даже найти аналогии с Варфоломеевской ночью. Согласно популярной точке зрения, именно интриги королевы, стремившейся стравить два клана: Гизов и Колиньи, привели к трагической развязке.

Генриху де Гизу отведена в этой пьесе намного более скромная роль – пешки в руках королевы. При этом он характеризуется автором как смелый и талантливый военный, амбициозный политик. Екатерина считает его реальным претендентом на престол, который «пойдет чересчур далеко, если мы его не остановим»⁵⁶³. Его ревность и желание отомстить фавориту короля Сен-Мегрену за интрижку с женой является главной драматической линией в пьесе.

Дюма изображает герцога домашним тираном и опасным, но мелочным ревнивцем: «Что сказала бы французское дворянство, узнай оно, что герцог де Гиз ломал женщине руку своей рыцарской перчаткой»⁵⁶⁴. Несчастливая герцогиня, опасаясь, что возбудила подозрения мужа, называет его «супругом и повелителем»⁵⁶⁵. По этому поводу Стендаль, знакомый с основными историческими трудами об этой эпохе, заметил:

---

⁵⁶³ Цит. по рус. изданию: Дюма А. Двор Генриха III ... С. 14–15.

⁵⁶⁴ Там же. С. 116

⁵⁶⁵ Там же.

«Что касается герцога де Гюиза, он не был таким уж варваром, каким его изображает новая пьеса. Наоборот, его упрекали в том, что он закрывал глаза на многочисленные интрижки своей жены. Однажды он вошел в ее покои с лакеем, несшим кубок и кинжал. "Вы опозорили меня, – сказал он. – Выбирайте между железом и ядом". После тщетных попыток смягчить его герцогиня избрала яд и выпила то, что было в кубке. Готовясь к близкой смерти, она удалилась в свою часовню и стала на колени для молитвы. Через час герцог навестил ее. "Вы видите, яд еще не произвел своего действия, – сказала ему жена, – но вы, конечно, пришли для того, чтобы убить меня более быстрым способом". "Нет, сударыня, – ответил герцог. – Я пришел сказать вам, что в выпитом вами напитке не было никакого яда". Это было его единственное мщение»⁵⁶⁶.

Несомненно, эпизод, описанный Стендалем, тоже является вымышленным, однако его пересказ свидетельствует о том, что при всем успехе пьесы, образ Гиза, созданный Дюма, далеко не у всех вызывал доверие.

Дюма не сомневался сам и убеждал читателей в том, что, в конце концов, целью Генриха де Гиза был захват трона Франции. Этот сюжет тоже нашел отражение в пьесе. Автор даже сочинил слишком длинный для пьесы монолог герцога, в котором он рассуждает над возможностью захвата власти и сложностями, которые придется преодолеть на этом пути: «Герцог де Гиз – король Франции! Какая упоительная мечта! И она станет явью...»⁵⁶⁷. Именно для этого он возглавил Лигу и просил Руджиери, примкнувшего к ней в качестве шпиона, восстановить утраченную среди прочих бумаг по пути из Рима родословную, возводящую его род к Каролингам. Эта история в расширенном виде стала затем одной из основных сюжетных линий романа Дюма «Графиня де Монсоро».

Благородные стремления и религиозный фанатизм Гиза в интерпретации автора – всего лишь прикрытие его честолюбивых замыслов, о чем и предупреждает короля его мать: «помните, сын мой: подданный, который сегодня по собственному почину объявляет себя защитником своего государя, – это завтрашний мятежник»⁵⁶⁸. Дюма показывает герцога популярным лидером, который обладает необходимыми качествами для захвата власти, что делает его опасным соперником. Однако для истинного политика он недостаточно гибок и хитер, «лев, а не лиса»⁵⁶⁹, как он сам себя характеризует. Его власть над толпой бесспорна, он – харизматический лидер. «Стоит вам показаться людям, ваше высочество, как – клянусь святым Фомой – гугеноты

---

⁵⁶⁶ Стендаль. Указ. соч. С. 87.

⁵⁶⁷ Дюма А. Указ. соч. С. 24.

⁵⁶⁸ Там же. С. 46.

⁵⁶⁹ Там же. С. 28.

и те к Лиге примкнут»⁵⁷⁰, – утверждает его сторонник. Он слишком самонадеян, полагаясь на любовь народа и слабость короля. Стремясь продемонстрировать эти качества, Дюма вкладывает ему в уста знаменитую фразу: «король не отважится на это»⁵⁷¹ в ответ на предупреждения соратников, хотя исторически она прозвучала намного позже. Для Дюма было важно представить законченный образ Генриха де Гиза в этой пьесе, поэтому любовным интригам сопутствуют политические события и речи, наиболее ярко характеризующие герцога и концентрированно собранные автором на небольшом временном отрезке действия пьесы.

По мнению Д. Мера, решительные жесты, одежда, речь и поведенческая модель, которой придерживается герцог, воплощают определенный тип маскулинности⁵⁷². Его нарочитая мужественность противопоставляется стилю одежды, поведению, речи короля и его окружения. В драме Дюма есть замечательная деталь, обыгранная автором в одной из сцен. Автор устами короля и его фаворитов в шуточной форме указывают герцогу на то, что он намеренно создает собственный образ рыцаря, мстителя и защитника угнетенных. «И карателя виновных»⁵⁷³, – добавляет сам герцог. Однако эта показная маскулинность скрывает неуверенность и отсутствие реальной силы. Это маска, созданная пугать, а не властвовать. Его месть своему противнику становится не столько актом защиты чести обманутого мужа, сколько демонстрацией силы и власти, которых у него в реальности не было.

Образ Генриха де Гиза, созданный Дюма в пьесе, стал одним из ведущих источников формирования исторических представлений современников благодаря успеху произведения на театральных подмостках и политической актуальности. Многие современники сравнивали двух герцогов: де Гиза и Орлеанского, который спустя чуть более года после постановки пьесы приходит к власти во Франции, сменив потерявшего авторитет короля. Не случайно консервативные французские газеты обвинили Дюма после премьеры в «заговоре против трона и алтаря»⁵⁷⁴. В то время как Стендаль в уже упомянутом очерке оставил интересную заметку о том, что ревнивый Генрих де Гиз «совсем как герцог Орлеанский во время Революции, хотел вступить на трон, однако ему в решительный момент не хватило смелости, чтобы захватить верховную власть»⁵⁷⁵.

---

⁵⁷⁰ Дюма А. Указ. соч. С. 49.

⁵⁷¹ Там же. С. 57.

⁵⁷² *Maira D.* Op. cit. P. 351–354.

⁵⁷³ Дюма А. Указ. соч. С. 60.

⁵⁷⁴ Théâtre français. Henri III et sa cour...// La Gazette de France. 13 février 1829. № 405. P. 2.

⁵⁷⁵ Стендаль. Указ. соч. С. 87.

Успех драмы А. Дюма подтолкнул других авторов чаще обращаться к историческим сюжетам. Рубеж 20-х–30-х гг. XIX в. был отмечен выходом еще нескольких пьес, воскрешающих с помощью художественных образов события Религиозных войн. Люсьен Эмиль Арно (1787–1863), уже известный к тому времени автор, трагедии которого с успехом шли на сцене Комеди Франсез, в 1829 г. обращается к образу Екатерины Медичи⁵⁷⁶, которая благодаря многочисленным французским историкам, романистам и драматургам стала самым популярным персонажем этой эпохи.

В качестве исторического фона повествования Арно выбирает не привычную читателю Варфоломеевскую ночь, а созыв Генеральных Штатов 1588–1589 гг., во время которых королева умирает. Последние дни Екатерины Медичи, кризис власти, острый период гражданского противостояния, приближающийся конец старой династии Валуа и начало новой эпохи, выбор пути развития, который стоял перед страной – все это становится предметом размышления в драме Арно.

Однако главное событие произведения – гибель Генриха де Гиза, которое произошло за несколько дней до смерти королевы. Именно вокруг него вращается сюжет драмы Арно и именно им он завершается. Публикация произведения, как обычно, сопровождалась авторским историческим предисловием. Поскольку Арно был достаточно популярным автором, высоко оцененным его современниками, в частности Шатобрианом, его произведения были переизданы в собрании сочинений 1866 г. уже с предисловием издателя. Именно оно демонстрирует то, как образ герцога де Гиза, созданный драматургом, воспринимался читателями XIX в. Из него же мы можем узнать, что герцог де Гиз в пьесе играл роль антагониста слабого и нерешительного монарха Генриха III, а его целью являлся французский престол, для чего ему нужно избавиться от двух врагов – Генриха III и Генриха Наваррского. Это предисловие обладает отдельной ценностью для исследования образов Генриха де Гиза, поскольку автор анализирует репрезентацию этого персонажа на театральных подмостках в первой четверти XIX в. на примере постановок пьес Ренуара и Вите, свидетелем которых он, по всей видимости, являлся. Мы, например, можем узнать, что несмотря на пренебрежение исторической истиной, в которой автор упрекает Ренуара, великому Тальма в роли герцога «удалось показать ту дерзкую гордость, которая заставляла Генриха III дрожать на престоле и импонировала самой Екатерине Медичи»⁵⁷⁷.

---

⁵⁷⁶ *Arnault L. É. Catherine de Médicis aux États de Blois // Œuvres dramatiques de Lucien Arnault: avec une notice biographique...*, T. 2. Paris: Firmin Didot frères, 1866. P. 247–384.

⁵⁷⁷ *Ibid.* P. 240.

В пьесе Арно главная черта герцога – гордыня. Его непомерные амбиции губят Францию, которая и так страдает от Религиозных войн и неумелого правления. Поэтому его убийство выглядит не просто закономерно, возможно, это единственный решительный и продуманный шаг короля. Герцог де Гиз даже перед гибелью ведет себя дерзко, до последнего уверенный в собственном предназначении.

Драма Арно отвечала вкусам парижской публики и с успехом шла на сцене французского Одеона⁵⁷⁸. Образ герцога де Гиза здесь во многом совпадал с традиционными представлениями о нем во французском обществе. Однако в драматургии XIX в. можно найти и другие, альтернативные интерпретации событий XVI в.

Пьеса Франсуа-Ксавье Сент-Эстебена (1797–1842), писателя и директора театра Одеон в Париже, интересна с нескольких точек зрения. Названная «Смерть Колиньи, или Варфоломеевская ночь»⁵⁷⁹, она представляет собой «исторические сцены», которые тем не менее существенно отличались по жанру от сцен, предложенных зрителю Л. Вите. Клод Дюше причислил их к своеобразному «экспериментальному театру» в стиле Мюссе⁵⁸⁰. В различных постановочных сценах присутствуют сразу множество героев, среди которых бывший воспитатель Генриха де Гиза, его домработница, солдат, гвардеец королевской охраны и другие люди, главным образом простые парижане, которые беседуют на разные темы в локациях Парижа во время Варфоломеевской ночи и непосредственно перед ней. Вторая часть произведения живописует сами сцены убийств протестантов и погромов в домах. Автор пытается вызвать эффект присутствия у зрителей и читателей, одновременно показать события глазами обычных жителей, в основном, католиков. Этот необычный прием выделяют пьесу Сент-Эстебена из череды произведений о Варфоломеевской ночи.

Автору действительно удалось намного лучше своих предшественников воплотить принцип, положенный в основу жанра «исторических сцен», заняв позицию наблюдателя и позволив зрителю в театре понять и почувствовать ситуацию в Париже в эти дни: от свадьбы Маргариты Валуа с Генрихом Наваррским до Дня святого Варфоломея. Как это не странно, у Сент-Эстебена отсутствует историческое предисловие, зато многочисленные развернутые исторические цитаты в подстрочнике, включающие пространные отсылки к событиям, людям и

---

⁵⁷⁸ Théâtre. Théâtre de l'Odéon. Ouverture. Catherine de Médicis aux États de Blois, drame historique en cinq actes et en vers; par Lucien Arnault // Le Globe: recueil philosophique, politique et littéraire. 5 septembre 1829. № 71. T. VII. P. 563-565. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10749221/f5.item> (дата обращения: 15.05.2020).

⁵⁷⁹ *Saint-Esteben F.-X. La mort de Coligny, ou la Nuit de Saint-Barthélemy, 1572.* [S.l.], 1830.

⁵⁸⁰ *Duchet C. Op. cit.* P. 850.

историческим источниками, делают эту пьесу не только заметным событием театральной жизни, но и свидетельством эволюции исторической культуры общества.

Образ герцога конструируется в драматическом произведении Сент-Эстебена разнообразными средствами: вначале мы видим главу Лиги глазами его приверженцев, рядовых католиков, которые рисуют нам портрет блестящего молодого человека, всеобщего любимца, а во второй части пьесы мы можем наблюдать последствия этого всеобщего восхищения, вылившееся ненавистью на улицы Парижа. Сам образ амбивалентен, автор не дает однозначной оценки деятельности и характера персонажа, его цель – показать настроения рядовых парижан, чтобы объективно попытаться разобраться в причинах, толкнувших людей на преследования и убийства своих собственных сограждан.

Пьеса начинается с воспоминания Вильмюра, наставника Гиза, о том дне, когда он получил свою должность. Полный благодарности и восхищения достоинствами этой семьи, он говорит о молодом Генрихе де Гизе исключительно в восторженном тоне. Другой персонаж, Маргарита, женщина из народа, домработница бывшего воспитателя Гиза, проявляет еще больше рвения, обещая «отдать всю свою кровь» за герцога⁵⁸¹. Вся любовь этих людей направлена на их молодого лидера, а объектом ненависти становятся не только протестанты, но и власть, особенно Екатерина Медичи, отравительница, окруженная колдунами и астрологами, которая заключает соглашения с еретиками. В многочисленных диалогах, вокруг которых выстраивается действие пьесы, горожане выражают опасение, что гнев Божий за преступления двора обрушится на всю страну, истинные католики будут убиты, трон захвачен адмиралом Колиньи, а Гизы устранены. Единственное, что может спасти истинную религию и их обожаемого шефа – объединение перед лицом угрозы и защита того, что им дорого. «Но у нас есть великий герцог де Гиз и мы могли бы вспомнить Васси!»⁵⁸², – восклицает один из героев пьесы, намекая на убийства протестантов старшим герцогом де Гизом, Франсуа, эпизод, который часто считается началом Религиозных войн во Франции.

Точка зрения автора во многом предвосхищает концепцию современных историков, которые при исследовании причин Варфоломеевской ночи делают акцент на эсхатологических настроениях, царивших в Париже, ощущении угрозы и стремлении защитить традиционные ценности и структуры. Согласно этой концепции, представление о политическом идеале и легитимном лидерстве формировалось в городской среде на основе новых ценностей и интересов: только человек, верный Делу и истинной религии, настоящий защитник церкви и

---

⁵⁸¹ *Saint-Esteben F.-X.* Op. cit. P. 23.

⁵⁸² *Ibid.* P. 19.

народа Божьего, достоин править. Именно это мнение выражают многочисленные герои пьесы, представляющие французский народ.

Характеристика герцогу де Гизу дается в произведении исключительно персонажами, являющимися его сторонниками. Он – «великий», «наш юный герцог», «бедный принц»⁵⁸³. Народ выказывает не только приверженность делу, которому служит принц, но и трогательную заботу о жизни и благополучии своего лидера: «если герцог де Гиз – единственное препятствие на пути гугенотских замыслов, то он в большой опасности»⁵⁸⁴. Стремление защитить своего лидера становится одним из главных мотивов для убийства протестантов. Таким образом, драматург показывает, как любовь может перерасти в ненависть, направленную против противоположной группировки, страх перед которой подогревается поведением лидеров. Всеобщая любовь накладывает огромную ответственность на герцога, поскольку обладает великой силой. Харизматический лидер может направлять народные чувства как во благо, так и во зло.

Таким образом, экспериментальная пьеса о Варфоломеевской ночи с ограниченным кругом неизвестных героев превращается в размышления о природе власти, политического лидерства и ответственности, а герцог де Гиз, ни разу не появившись на сцене, становится фактически ее главным героем.

Еще одна пьеса, «Варфоломеевская ночь»⁵⁸⁵, вышедшая впервые четырьмя годами позже, стала воплощением либеральной исторической концепции. Драматург, публицист и политик Шарль де Ремюза (1797–1875) являлся в 1840 г. министром в кабинете А. Тьера. Будучи приверженцем романтизма в драматургии, он входил в литературный кружок вместе с П. Мериме и Л. Вите, которые последовательно проводили «шекспиризацию» французской драмы, ставшей основой ее реалистических тенденций. Одним из направлений их усилий стало создание национальных исторических пьес-хроник, которые уже были нами рассмотрены на примере произведений Вите. Несмотря на различие исторических взглядов этих драматургов, в их художественной концепции наблюдались общие черты. Ш. де Ремюза тоже стремился связать форму изложения с изображаемым предметом, придать ей характер объективных и даже безличных «исторических сцен». Но если Вите для реализации этой задачи выбрал День баррикад и Генеральные штаты 1588 г., то Ремюза берется за более популярный сюжет – Варфоломеевскую ночь.

---

⁵⁸³ *Saint-Esteben F.-X.* Op. cit. P. 19–24.

⁵⁸⁴ *Ibid.* P. 24.

⁵⁸⁵ *Rémusat Ch. de.* La Saint-Barthélemy, drame inédit. Paris : C. Lévy, 1878.

Пьеса была издана только в 1878 г., уже после смерти автора. Поль Ремюза, сын драматурга, написавший предисловие к изданию пьесы, стремился раскрыть сложности и противоречия в освещении событий XVI в., ставших предметом борьбы между историками и писателями различных убеждений. Он заявляет, что научные открытия последних пятидесяти лет, которые разделяли эпоху написания пьесы и ее издание, «изменили наши представления о Варфоломеевской ночи»⁵⁸⁶. Сложно сказать, в каком именно году была задумана и создана эта драма, запрещенная к публикации и постановке. Ж. Марсан, например, предполагает, что это происходило в 1820-е гг., поскольку, с одной стороны, именно на эти годы приходится период наибольшей творческой активности автора, а с другой, эта была эпоха массового запрета подобных либеральных произведений⁵⁸⁷.

Образ Генриха де Гиза в этой драме вполне традиционен и не похож на персонажа, который представили в своих произведениях соратники драматурга по литературному творчеству: Л. Вите и П. Мериме. Ремюза реализовал посредством драматического повествования популярную историографическую концепцию этой резни как «заговора» со стороны двора и Гизов против французских протестантов. Глава последних, адмирал Колиньи, изображен истинным патриотом и свободомыслящим человеком. Его противники, среди которых мы видим герцога, погрязли в заблуждениях и поддерживают реакционные с либеральной точки зрения идеи. Гизы и королева – последователи Макиавелли, поддерживающие сильную монархическую власть и действующие с изощренной хитростью. Герцог «завладел» чернью, которая появляется в пьесе только как пассивная масса. Интересно, что сам автор, граф де Ремюза, в 1851 г. стал противником Луи-Наполеона, считая его преступником и узурпатором. Однако в 1830 г. он ратовал за приход к власти Луи-Филиппа Орлеанского, сделав себе карьеру во время его царствования. Судя по всему, Ш. де Ремюза считал герцога де Гиза недостойным престола в отличие от нового монарха-либерала. Для него он был таким же реакционером и незаконным правителем, как и Наполеон III, который занял престол не потому, что был принцем крови, а путем прямой узурпации власти. Если эта драма действительно была написана еще в 1820-е гг., в период Реставрации, то основное острие ее критики было направлено против последних Бурбонов, а главными антагонистами протестантов выступали в ней Карл IX и Екатерина Медичи. В период Второй империи она приобрела несколько иное звучание и ключевым отрицательным персонажем в ней стал Генрих де Гиз. Не случайно пьеса была

---

⁵⁸⁶ *Rémusat Ch. de. Op. cit. P. VII.*

⁵⁸⁷ *Marsan J. La bataille romantique: première, deuxième séries. 1813–1857. Slatkin, 2001. P. 133.*

запрещена долгое время, но зато издана два раза с трёхлетним перерывом в период Третьей республики.

Несмотря на увлечение разнообразными историческими сюжетами XVI века, в 1830-е гг. Варфоломеевская ночь продолжает лидировать среди тем, вокруг которых писатели выстраивают драматическое повествование. В сентябре 1834 г. на сцене Французского театра была поставлена прозаическая драма «Карл IX»⁵⁸⁸, написанная Жозеф-Бернаром Розье (1804–1880), известным и очень успешным автором множества водевилей и пьес. На этот раз он обращается к трагической странице французской истории, чтобы воссоздать нравы и характеры эпохи, настолько популярной не только у драматургов, но и у зрителей XIX в., что практически не один уважающий себя автор не мог обойти ее стороной. Образ герцога не Гиза возникает на первых страницах произведения в разговоре между тремя дворянами, главными героями пьесы. Они обсуждают обстановку во Франции, когда один из них высказывает мысль о причинах опасного религиозного и политического раскола в стране, судя по всему, являющуюся выражением позиции самого автора: «Это протестанты нас разделяют? Или католики? Нет, это агенты папы, которые хотят водрузить корону Франции на голову Гиза!»⁵⁸⁹ Таким образом, с самого начала драмы герцог оказывается обвиненным в сговоре с иностранными монархами, стремлении к власти и во всех несчастиях, порожденных гражданской войной.

В дальнейшем повествовании Генрих де Гиз играет одну из ключевых ролей, его образ обрывается подробностями, которые, впрочем, не меняют сути характера персонажа и отношения к нему автора. Он изображен опасным и жестоким врагом не только протестантов, но и королевской власти. Однако Екатерина Медичи, одна из главных героинь этой драмы, умело использует Гиза, его фанатизм, стремление к мести и решительность, доходящую до безрассудства, в своих целях. Она всячески подталкивает его к убийствам протестантов, признавая, что «желание отомстить вполне справедливо»⁵⁹⁰. После того как Гиз решительно дает ей обещание, что «семь голов дракона ереси падут под одним ударом»⁵⁹¹, королева намекает, что это не последняя битва и его услуги могут понадобиться и дальше. Так автор дает понять, что основным виновником войны и Варфоломеевской ночи он считает не Гиза или безвольного короля, а Екатерину. Ошибки и преступления герцога порождены его ненавистью к гугенотам, мстительностью и тщеславием, именно это делает его врагом нации и прогресса, который в пьесе

---

⁵⁸⁸ *Rosier J.-B.* Charles IX: drame en cinq actes, en prose. Paris: J.-N. Barba, 1834.

⁵⁸⁹ *Ibid.* P. 3–4.

⁵⁹⁰ *Ibid.* P. 13.

⁵⁹¹ *Ibid.*

воплощают главные герои: трое молодых дворян, достаточно индифферентных к религии, предпочитающих поэзию, женщин и жизнь. Именно такая позиция, с точки зрения либерально настроенных французских авторов и зрителей XIX в., не акцентировавших внимание на тонкостях исторической психологии и менталитета, была самой естественной и прогрессивной. Поэтому их героем был Генрих IV, монарх, который был наиболее понятен и близок многим авторам и читателям этой эпохи.

Автор пытается вскрыть побудительные мотивы, двигавшие участниками резни, вкладывая в уста герцога оправдание этих действий: «Если мы не убьем их сегодня, они убьют нас завтра»⁵⁹², так как через доверенных людей «стало известно об их жестоких проектах»⁵⁹³. Неудача устранения Колиньи ставит на повестку дня не только повторную попытку его убийства, но и необходимость превентивного удара по протестантам, поскольку первое покушение «только усилило раздражение и дерзость его сторонников»⁵⁹⁴. Однако автор стремится показать, что эти оправдания являются только прикрытием истинных тщеславных замыслов Гизов.

Екатерина и король боятся и ненавидят герцога, называя его «одним из наших самых жестоких врагов»⁵⁹⁵, «не менее опасным, чем Колиньи»⁵⁹⁶, «секрет» которого в том, что «он желает нашу прекрасную корону»⁵⁹⁷. Генрих де Гиз не глуп и понимает, что королева использует его ненависть к протестантам для реализации собственных замыслов, кроме того, по признанию короля, он «отчаянный смельчак»⁵⁹⁸, но именно это и делает его грозным соперником, от которого власть стремится избавиться. Страх Екатерины Медичи и Карла IX перед Гизом не случаен, популярность и решительность ведут его не только на поле битвы с протестантами, но на борьбу за корону. Не показывая в пьесе противостояние короля и главы Лиги, поскольку события Варфоломеевской ночи, выбранные в качестве основного сюжета, не позволяли развить эту тему, Розье намекает на всем известные дальнейшие события, итогом которых стала гибель самого Гиза, знаменующая для автора неизбежное падение реакции, уход в прошлое консервативных тенденций в правлении и эпохи борьбы за власть тщеславных выскочек.

---

⁵⁹² *Rosier J.-B.* Op. cit. P. 50.

⁵⁹³ *Ibid.* P. 51.

⁵⁹⁴ *Ibid.* P. 51.

⁵⁹⁵ *Ibid.* P. 16.

⁵⁹⁶ *Ibid.* P. 17.

⁵⁹⁷ *Ibid.* P. 9.

⁵⁹⁸ *Ibid.* P. 17.

Завершающим аккордом успеха герцога де Гиза на театральных подмостках в эпоху романтизма можно считать лирическую оперу «Гиз, или Генеральные Штаты Блуа»⁵⁹⁹, которая была сочинена в 1835–1836 гг. и поставлена впервые во Французском королевском театре «Опера-комик» 1837 г.⁶⁰⁰ Слова к ней были написаны двумя авторами: де Планаром и Жюлем-Анри Вернуа, маркизом де Сен-Жорж, а музыку к постановке сочинил один из известнейших композиторов-романтиков XIX в. Жорж Онсло (Джордж Онслоу) (1784–1853). Действие, как и во многих других драмах этого периода, происходит в Блуа и Париже в 1588 г. В центре сюжета – убийство герцога де Гиза. На либретто заметное влияние оказали пьесы Вите, Дюма, Арно, Ренуара и некоторые другие, что было замечено прессой того времени. Герцог де Гиз, по замечанию одной из газет, «выглядит одновременно как заговорщик и как любовник, являясь в действительности и тем, и другим»⁶⁰¹. Королева-мать объявляет Генриху III, который «сидит один в темном кабинете и громко поет о бедах королевской власти»⁶⁰², о том, что герцог хочет короноваться в столице как король: «Гиз, преступник, оскорбляющий королевское величество, его призвали в Париж, где все готово для его коронации»⁶⁰³. Екатерина вместе с сыном решают его убить, в то время как герцог уже видит себя королем: «Так как ничего не продвигается в этом собрании мелких торговцев и судейских..., и поскольку они не осмеливаются надеть корону на мою голову, я сам возьму ее...»⁶⁰⁴. Но Гиз желает быть не королем Франции, а конституционным королем французов. По версии авторов этой оперы, предупреждения о заговоре не находят адресата, поэтому он спокойно идет навстречу своей смерти и погибает в королевской спальне замка Блуа. Зрители и пресса, конечно, не могли не заметить, что образ герцога де Гиза здесь перекликается с фигурой Луи-Филиппа Орлеанского, пришедшего к власти в результате переворота и провозгласившего себя «королем французов». Сама опера носила оппозиционный характер, поскольку образ герцога в ней весьма непривлекателен. Он – заговорщик, наделенный гордыней и непомерными амбициями, который пытается спрятаться, услышав о прибытии

---

⁵⁹⁹ Guise, ou Les états de Blois: drame lyrique en trois actes / paroles de MM. de Planard et de Saint-Georges; musique de M. Onslow. Paris: J.-N. Barba, 1837.

⁶⁰⁰ Niaux V. George Onslow: gentleman compositeur. Clermont-Ferrand: P.U.F., 2003. P. 140–141.

⁶⁰¹ Feuilleton de la presse. Théâtre de l'Opera comique. Les états de Blois, l'opera en 3 actes par MM. Planard et Saint-Georges, musique de M. Onslow. La Presse. 11 septembre 1837. P. 2. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k427144d.r=La%20Presse?rk=9141676;0> (дата обращения: 15.05.2020).

⁶⁰² Ibid.

⁶⁰³ Guise, ou Les états de Blois ... P. 35.

⁶⁰⁴ Ibid. P. 48.

законного короля и Екатерины Медичи. Его гибель в этой опере лишена трагического ореола, так как вполне заслужена и предсказуема.

Опера пользовалась некоторым успехом, несмотря на прохладное отношение критики, которая посчитала, что «политические страсти менее пригодны для пения, чем любовные, и тем более, не очень подходят для комической оперы»⁶⁰⁵. Более того, публика оценила фабулу, которая легла с основу музыкального произведения как трагедию и историческую «великую катастрофу», масштабам которой не соответствует выбранная форма. Сравнивая с «Гугенотами» Дж. Мейербергера оперу Онсло, французская популярная газета «Ла Пресс» выражала мнение о том, что сюжет последней, придуманный П. Мериме, и форма драматической оперы больше подходят для воплощения на французской сцене эпизодов национальной трагедии⁶⁰⁶. Таким образом, на примере зрительского восприятия данного музыкального произведения можно констатировать формирование представления о гибели Генриха де Гиза как о трагическом сюжете национального прошлого, хотя сам образ главы Католической лиги в исторической культуре был амбивалентным, а чаще – однозначно отрицательным.

Начиная уже с 1830-х гг. первенство в литературном воплощении образов де Гиза переходит к историко-приключенческим романам. Однако конец Второй империи во Франции отмечен выходом еще одной примечательной пьесы, написанной Александром де Габрьяком (1827–1898), священником, иезуитом, представителем достаточно известной семьи. Его отцом был политик и дипломат маркиз Эрнст де Габрьяк, на этом же поприще прославился и его брат. Мать автора тоже нуждается в упоминании, поскольку она была русской и происходила из рода Давыдовых⁶⁰⁷.

Примечательно, что пьеса была написана для школьного театра, очень популярного в религиозных заведениях Общества Иисуса, и впервые поставлена в Коллеже Непорочного Зачатия. Автор был достаточно известным писателем и драматургом. Однако представленная пьеса вряд ли вышла за пределы ученической сцены.

В XIX в. школьный театр, появившийся уже в XVI в., получает развитие во Франции, как и в нескольких других европейских странах. Он занимал заметное место как в образовательном процессе, так и в культурной жизни общества. К театральным постановкам в просветительских и учебных целях особенно любили прибегать иезуиты в своих коллегиях. Самым большим успехом пользовались пьесы на сюжеты из прошлого, поскольку это воспринималось как часть

---

⁶⁰⁵ *Niaux V. George Onslow ...* P. 143.

⁶⁰⁶ *Feuilleton de la presse. Théâtre de l'Opera comique. Les états de Blois...* // *La Presse*. 11 septembre 1837. P. 3.

⁶⁰⁷ Екатерина Александровна Давыдова, маркиза де Габрьяк (Габриак) (1805–1882).

исторического и религиозного, а не только эстетического образования. Тексты писались самими педагогами, часто духовными лицами. Это были переработки известных античных сюжетов, либо оригинальные драмы по мотивам национальной истории, как средневековой, так и недавней. Герои прошлого должны были служить примером подрастающему поколению, их образы использовались как образцы для подражания.

В исследуемом произведении, трагедии «Генрих де Гиз»⁶⁰⁸, Александр де Габрьяк, который, судя по всему, в год написания пьесы преподавал в одной из духовных коллегий, опирался на большое количество источников, в том числе достаточно редких, которыми пренебрегали даже многие историки: например, издания журналов Генеральных штатов 1588 г., дневники и воспоминания, в том числе депутата от третьего сословия Бернара, которого он делает одним из персонажей своей трагедии, а так же католические памфлеты, отчеты советников Парижского парламента и многое другое. В данном случае проявилась роль публикаторской активности различных сообществ и издательств XIX в. Пьеса Габрьяка – очередной индикатор влияния вновь открытых для публики источников на формирование исторических представлений эпохи. Не случайно автор так часто прибегает к их помощи для доказательства «историчности» своего произведения и созданного им образа герцога де Гиза. Столь же широко он использует труды историков конца XVI–XVII вв., как традиционные, хорошо известные в то время: Пакье, де Ту, Л'Этуала, так и содержащие альтернативную точку зрения на некоторые эпизоды: Пальма де Кайе, Удена и некоторых других. Это придавало видимость преемственности, следования исторической традиции, одновременно являясь заявкой на оригинальность.

Обращает на себя внимание дата выхода и постановки пьесы: 1870 г. – период кризиса Второй империи и начала франко-прусской войны. Являлось ли обличение слабости власти и предательства ею национальных интересов одной из целей Габрьяка? Сомнительно. Но пьеса вполне могла так восприниматься частью зрителей, поскольку темы кризиса монархии последних Валуа, их стремления к абсолютной власти при полной неспособности этой властью распорядиться являлись ключевыми в этом произведении. Оно начинается с речи одного из депутатов – Бернара, реального исторического лица и автора дневника, в которой мы видим живописное обличение королевского произвола и описание многочисленных бед государства, порожденных распространением ереси, войной и роскошью двора. Автор использовал многочисленные ссылки на реальный документ, чтобы придать пьесе с самого начала исторический реализм и актуальность.

---

⁶⁰⁸ *Gabriac A. de. Henri de Guise, tragédie en cinq actes. Paris: Joseph Albanel, 1870.*

Эта трагедия является завершающей в ряду подобных произведений, предлагающих авторскую интерпретацию событий Религиозных войн, отраженную как в тексте пьесы, так и в предисловии. Эта часть у Габрьяка отличается необычной даже для французских пьес XIX в. глубиной и эрудированностью. Перед нами – фактически самостоятельное историческое исследование. С другой стороны, оно, несомненно, полемическое, причем эта полемика выходит за рамки исключительно научного дискурса и переходит в религиозную, а также в философско-политическую плоскость.

Интересно, что, несмотря на религиозность автора и принадлежность в Обществу Иисуса, в пьесе можно обнаружить либеральные мотивы. Некоторые эпизоды должны вызвать у зрителей воспоминания о революционных событиях как недавнего прошлого, так и XVIII в. Габрьяк прямо намекает на это, сравнивая одного из персонажей, выступающего с обличительной речью против короля, с Мирабо. Разговоры, которые ведет герцог с депутатами и сторонниками, действительно напоминают бурные политические дебаты конца XVIII в. в Национальном Собрании, Конвенте или революционных клубах.

В пьесе депутаты пытаются заставить короля принести клятвы и не допустить распространения ереси, прекратить страдания подданных и разрешить свободную публикацию документов Тридентского Собора, что соответствовало многим важным пунктам программы Лиги и требованиям Генеральных штатов 1588 г. Но Генрих III не желает давать обещания, поскольку не хочет идти на поводу у своих подданных, он стремится править как справедливый и мудрый монарх, «но один». Интересен акцент автора на том, что герцог де Гиз желает укрепления королевской власти, а не свержения короля. Когда монарх восклицает: «Я хочу наконец править!», герцог Гиз с сарказмом замечает: «Это желание делает вам честь»⁶⁰⁹.

А. де Габрьяк являлся, несомненно, наследником традиции П. Матье и С. Бейара, драматургов конца XVI в., создавших в своих произведениях героический образ Гиза, который был востребован широким кругом читателей и зрителей после убийства герцога, в то время, когда Лига продолжала сопротивление приходу к власти Генриха Наваррского.

Хотя образ герцога у Габрьяка наследует черты, которые можно было наблюдать в произведениях его предшественников, есть и существенные различия, которые естественным образом порождены как новым политическим и религиозным контекстом, так и художественными особенностями, характерными для XIX в. В отличие от ранних пьес, герцог здесь не «святой воин», его образ идеализируется, но не сакрализируется. Он, несомненно, амбициозен и склонен к интригам, в этом автор признается в начале краткого исторического

---

⁶⁰⁹ *Gabriac A. Op. cit. P. 7.*

предисловия. Тем не менее образ Гиза воплощает черты идеального политика, подлинного народного лидера, пользующего доверием нации, людей разных сословий. Он стремится к защите их интересов, его амбиции и мечты отступают на второй план перед реальными потребностями страны и ее жителей. Габрьяк в своем произведении ведет полемику с популяризированным романтической историографией и художественной литературой образом, который строился на акцентировании негативных черт личности и последствий деятельности де Гиза. Для этого он прибегает не только к художественной, но к чисто научной аргументации, ссылаясь на факты, содержащиеся в источниках. Например, он подчеркивает, что герцог отказался от титула коннетабля, т.е. высшей военной должности в королевстве, к которой он якобы стремился, по мнению значительной части историков⁶¹⁰.

С этими отсылками к историческим фактам соседствуют художественные приемы, цель которых – воздействие на эмоции читателей. «И если нужно для жизни... Я умру без сожаления с чувством выполненного долга»⁶¹¹, – патетически восклицает герцог, предчувствуя свою гибель. Он следует как истинный эпический герой праведным путем, путем чести и веры:

*«Когда со мною Бог, долг, справедливость, честь,
Бояться ль королей земных, в бессильной гордости своей несущих мечь»⁶¹².*

Полемизируя в своей пьесе с популярным представлением о лицемерии и хитрости герцога, его макиавеллистской натуре и политических методах – идеями, впервые высказанными еще в конце XVI в. в драме К. Марло⁶¹³, А. де Габрьяк постоянно подчеркивает словами самого герцога и его сторонников, что его путь – прямой, без лицемерия и фальши, путь истинного католика. Он говорит то, что думает, он воюет не с королем, а со злоупотреблениями власти и «с открытым забралом». Его цель – благо королевства, а не власть: «Вы тоже считаете, что я стремлюсь к власти?»⁶¹⁴ – вопрошает он удивленно своих сторонников и депутатов Генеральных штатов. Сам автор задается тем же вопросом: «Как далеко он зашел в своих претензиях? Он хотел узурпировать трон?»⁶¹⁵. И тут же сам на него отвечает, утверждая, что так считали только враги церкви и противники самого герцога без каких-либо доказательств. Начиная с XVI и вплоть до

⁶¹⁰ Gabriac A. Op. cit. P. 14.

⁶¹¹ Ibid. P. 16.

⁶¹² Ibid. P. 15. Перевод автора.

⁶¹³ Марло К. Указ. соч. Марло придерживался мистической точки зрения, что дух Макиавелли после смерти философа витает над Землей, вселяясь периодически в других людей. Генриха де Гиза он считал подобной телесной оболочкой, которой руководит дух флорентийского злодея.

⁶¹⁴ Gabriac A. de. Op. cit. P. 150.

⁶¹⁵ Ibid. P. vii.

XIX в. именно протестантские историки больше всего приложили руку к формированию негативного мнения о Гизах и целях их политики. В противоположность им Габрьяк убеждает читателя, что герцог, как и вся его семья, были искренни в своей вере, в своей нелюбви к протестантизму, неприязни к Генриху III и его окружению.

Но герцог в пьесе не просто открытый и честный противник. Автор согласен с теми современниками и историками, которые признавали за Гизом множество других заслуг и талантов: превосходный ум, осторожность, организаторские способности, глубокую религиозность, и даже толерантность. В пьесе он своими словами и поступками неоднократно демонстрирует государственную мудрость в сочетании с политической честностью – редкая комбинация, которая и делает его персонажа уникальным человеком своего времени. Габрьяк даже высказывает смелую мысль, что, если бы Генрих III пренебрег своими опасениями и суеверным страхом перед Гизами и назначил герцога своим первым министром, то тот сыграл бы партию Ришелье, а правление последних Валуа запомнилось бы как одно из самых прославленных и блестящих.

Однако открытая и честная позиция Гиза становится одной из причин его гибели. Ссылаясь на исторические источники и мнения некоторых историков XVI–XVII вв., драматург пытается доказать, что единственное преступление герцога – преступление превосходства. Глава Лиги был выше короля по своим качествам и заслугам, он пользовался высоким авторитетом у людей разных сословий, народ обожал его, а монарха и двор ненавидел. Поэтому завистливый и лицемерный король, справедливо опасаясь за свою власть и не желая ее делить («Желаю править, но один!»⁶¹⁶), решается на последнее средство – убийство соперника. Гибель герцога де Гиза становится завершающим трагическим аккордом в правлении колеблющегося и слабого монарха, который был человеком противоречивым, скрытным и завистливым, хотя и не лишенным талантов.

Таким образом, попытка оправдать герцога и сформировать его героический и трагический образ средствами драмы в XIX в. получила развитие в пьесе А. де Габрьяка. Его следующая трагедия «Франсуа де Гиз» является продолжением деятельности по конструированию портретов представителей этой семьи, которыми французы должны были гордиться и брать за образец для подражания⁶¹⁷.

В середине – второй половине XIX в. образ Генриха де Гиза практически исчезает с французской сцены, хотя периодически появляется в произведениях немецких и русских

---

⁶¹⁶ *Gabriac A. de. Op. cit. P. 40.*

⁶¹⁷ *Gabriac P. A. de. François de Guise, drame en 3 actes. Paris : Retaux-Bray, [1890].*

драматургов. Под влиянием исторических исследований и благодаря художественным произведениям, главным образом П. Мериме и А. Дюма, сюжеты французской истории, особенно такое знаковое событие как Варфоломеевская ночь, приобрели большую популярность. Одной из характерных черт культурной жизни России становятся переводы и переложения европейских пьес и романов для российской сцены. Для этой цели выбирались произведения далеко не первой величины, но популярные, часто переведённые и напечатанные в российских литературных журналах. Так, в 1858 г. Василий Ефремович Курешов, переложил для сцены достаточно посредственный, но успешный роман французской писательницы Софи де Бавр, изданный в России пятнадцатью годами ранее. Пьеса, озаглавленная автором «Карл IX, король французский, и фрейлина королевы Екатерины Медичи»⁶¹⁸, написанная в жанре романтической драмы, начинается с истории любовных отношений герцога де Гиза и Маргариты Валуа. В первых сценах Гиз предстает в романтическом образе рыцаря, страстно влюблённого в принцессу, о чем он говорит всем окружающим, для убедительности – несколько раз. Постепенно образ герцога трансформируется, автор открывает в нем читателю все новые неприглядные черты, а к концу пьесы он предстает перед нами в своем привычном образе мятежника, провокатора и убийцы. Начавшись как любовная драма, в которой герцог ведет себя как отвергнутый возлюбленный, достойный сочувствия, произведение постепенно перерастает в религиозно-политическую трагедию, в которой Гиз выступает как преследователь несчастных протестантов.

Еще одним автором, в произведении которого любовные отношения между герцогом и Маргаритой играли сюжетобразующую роль, был Альберт Линднер (1831–1888) – известный в свое время за пределами своей страны немецкий драматург. В 1871 г., когда прусская армия одерживает окончательную победу над французской, а в Версале торжественно провозглашается создание Германской империи, автор обращается к Варфоломеевской ночи во Франции, возможно, чтобы продемонстрировать неприглядные страницы истории этой страны⁶¹⁹.

Образ Гиза выписан автором весьма талантливо. Буквально от первой до последней сцены читатель ощущает исходящую от него силу и угрозу. Он движим мстью, которая стала неизбежным следствием убийства протестантами его отца, а также соперничеством на любовном поприще, в политике и на поле битвы. Его эгоизм, тщеславие и гордыня, ставшие неотъемлемой

---

⁶¹⁸ Курешов В. Е. Карл IX, король французский, и фрейлина королевы Екатерины Медичи. Романтическая драма, с прологом, в 5 действиях, 8 переменах и 20 картинах, с танцами и мифологическими явлениями, со сражением, изображением Таратара и Рая / с романа г-жи Баур на драму изложил Василий Ефремович Курешов. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1858.

⁶¹⁹ Линднер А. Кровавая свадьба: Ист. драма в 4-х д. А. Линднера: Последовательный, по сценам, пересказ драмы. Санкт-Петербург: В. Крылов, 1890.

частью его образа, искупается величию, которым пропитаны его речь и поведение. Столь цельный и неоднозначный при всей своей отрицательной харизме образ герцога де Гиза в литературе XIX в. можно встретить еще, пожалуй, только в романах А. Дюма. Не случайно пьеса А. Линднера пользовалась определенным успехом, была переведена на другие европейские языки и, думается, оказала заметное влияние на формирование у тогдашней европейской публики образа Генриха де Гиза.

Итак, мы видим, что герцог был популярным персонажем на театральных подмостках XIX в. Количество пьес с его участием, в большинстве из которых он являлся главным или одним из ключевых персонажей, превышает в несколько раз число подобных произведений конца XVI–XVIII вв. Даже если допустить, что некоторые из драм и трагедий более раннего периода не сохранились, и с учетом популярности театра в девятнадцатом столетии, этот рост нельзя не заметить. Кроме того, если на предыдущем этапе первенство в конструировании драматургических образов герцога принадлежало английскому театру, то теперь лидером становится Франция. Однако, с одной стороны, предшествующая театральная традиция продолжала оказывать влияние на формирование персонажей в пьесах XIX в., а с другой, значительное количество репрезентаций образа герцога во французской драме этого периода мало сказалось на их разнообразии. Авторы использовали для воссоздания характера Гиза два магистральных сюжета Религиозных войн – Варфоломеевскую ночь и его убийство. Кроме того, из восемнадцати представленных пьес только в пяти авторы конструируют положительный, при этом, несомненно, идеализированный образ Генриха де Гиза (Приложение 3). Четыре из этих пьес были созданы в 1820-е гг. и две принадлежат перу одного автора – Л. Вите.

Если проанализировать количество драматических произведений о герцоге, выходявших и ставившихся в разные годы, то заметной становится их связь с общественно-политическими событиями эпохи. Во Франции первые пьесы, в которых эксплуатируется этот сюжет, выходят во время революции конца XVIII в. и Первой империи, наибольшая плотность таких произведений приходится на период Реставрации, включая 1830 г., в эпоху Июльской монархии их было создано уже в два раза меньше, после чего французские драматурги практически полностью утрачивают интерес к фигуре герцога (Приложение 3).

Можно сделать вывод, что на театральных подмостках нашла отражение политическая и идейная борьба, кипевшая в обществе после реставрации Бурбонов. С конца XVIII в. противники королевской власти, привилегий знати и влияния церкви эксплуатировали отрицательный образ герцога как союзника монархов-тиранов и религиозного фанатика. Эти представления не утратили своей актуальности в эпоху Реставрации. Однако в 20-е гг. XIX в. часть либерально настроенных драматургов, выступавших против режима Карла X, использовали образ Генриха

де Гиза как лидера оппозиции и претендента на престол с целью критики политики двора и подготовки передачи короны конституционному монарху. Филипп Орлеанский репрезентировал собственное правление посредством образа герцога де Гиза, подражая Наполеону, который первый осознал и попытался использовать потенциал этого персонажа в собственной исторической политике посредством театральных постановок.

Кроме того, в театральных пьесах XIX в. можно наблюдать интересную тенденцию: все драматургические образы Генриха де Гиза достаточно четко можно разделить на два типа, которые часто совпадают с дифференциацией произведений в соответствии с жанровой характеристикой и центральной темой. Сюжетные линии, в которых задействован герцог де Гиз, вращаются либо вокруг Варфоломеевской ночи (8 произведений), либо эксплуатируют тему убийства лидера католиков (6 произведений). Такая традиция стала складываться уже в конце XVI в. «Парижская резня» британского драматурга К. Марло, в которой Гиз является ключевой фигурой, была сосредоточена на обоих сюжетах: Варфоломеевской ночи и гибели герцога. Его смерть была представлена как логическое завершение основной линии и воплощала идею возмездия. Этот же прием использовал Вольтер в своей «Генриаде». Однако в XIX в. эти два сюжета разошлись, став органичной частью одной из двух традиций. Пьесы о Варфоломеевской ночи были написаны, как правило, в жанре драмы и в них представлен негативный образ герцога как лицемерного, тщеславного гордеца, стремящегося укрепить влияние своей семьи, либо овладеть тронном. Острые подобных произведений было направлено против церкви, иезуитов, монархии, привилегий дворянства и других элементов Старого порядка. Они родились в борьбе со структурами и элементами, которые либералы считали отжившими и опасными для общества. 30-х гг. XIX в. подобные образы герцога становятся господствующими на французской сцене.

Иной образ герцога можно обнаружить в произведениях о Католической лиге и Дне баррикад. В жанровом отношении среди них больше трагедий и они изображают герцога национальным лидером, оппозиционером и тираноборцем. При этом авторы вполне могли придерживаться тех же политических взглядов, что и драматурги «первой категории». Тем более, спор вращался не вокруг исторической достоверности образа герцога. Авторов разделяла интерпретация этого персонажа, которого писатели использовали так, как им было удобнее. Конфликт репрезентаций с еще большей силой проявился в драматургии, чем в историографии.

Необходимо отметить еще одну особенность, которая проявилась в пьесах даже в более значительной степени, чем в других формах репрезентации прошлого. Драматурги XIX в., стремясь к достоверности, выступают параллельно в роли историков, дополняя свои произведения историческими предисловиями, иногда столь обширными, что их можно рассматривать как отдельные научно-популярные очерки, снабжают текст подробными

авторскими сносками и ремарками, историческими комментариями, включая обширное цитирование источников и вообще делают все возможное, чтобы сотворить из своих пьес не просто основу для театрального зрелища, а историко-познавательный и историко-полюемический нарратив. Театр не просто политизируется, как это можно было наблюдать в эпоху Генриха де Гиза, он «историотизируется», а споры вокруг образов прошлого перемещаются на театральные подмостки.

3.2. Герцог де Гиз – герой исторических романов

XIX век – эпоха расцвета исторического романа. Он становится новаторской и развивающейся моделью репрезентации истории, одним из главных источников формирования коллективных представлений о прошлом, и, одновременно, способом манифестации интерпретационных парадигм пишущими интеллектуалами.

М. М. Бахтин считал одной из ведущих особенностей этого жанра «новую зону построения литературного образа в романе, именно зону максимального контакта с настоящим (современностью) в его незавершенности»⁶²⁰. Благодаря этому герои имели современное звучание, дистанция между прошлым и настоящим стиралась, исторические события актуализировались, а персонажи прошлого оценивались с точки зрения реалий настоящего как писателем, так и читателями. Исследователь французского исторического романа эпохи романтизма Б. Г. Реизов отмечал: «В 1820-е годы он [исторический роман – К. М.] оказался особенно актуальным: он стал выполнять важную общественную функцию и разрешал вопросы, имевшие первостепенное политическое и философское значение»⁶²¹.

В конце 1820–1840-е гг. успех Религиозных войн на сцене побудил сразу нескольких романистов обратиться к модному историческому сюжету в своих произведениях. Кроме того, к этому времени была издана значительная часть мемуаров участников и свидетелей событий, и писатели опирались на них в собственных произведениях, пренебрегая, зачастую сознательно, исторической точностью, но пытаясь воссоздать колорит и «дух эпохи».

Интересно, что на страницах исторических романов так же, как и на сцене театра, шла настоящая война за «историческую правду», которая часто превращалась в сражения за право интерпретировать события на собственный манер, в соответствии со своими представлениями, ценностями и в рамках определенной традиции. Однако нельзя отрицать, что некоторые авторы честно пытались, опираясь на источники, создать художественный, но правдивый образ этих

---

⁶²⁰ Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: «Художественная литература», 1975. С. 455.

⁶²¹ Реизов Б. Г. Французский исторический роман... С. 3.

событий. Более того, некоторых писателей этой эпохи можно считать профессиональными историками, поскольку, помимо всего прочего, они занимались самостоятельным поиском и исследованием исторических источников, которые ложись с основу как романов и пьес, так и научных статей. Это были две разные, но интегрированные формы репрезентации прошлого, или, в интерпретации Х. Уайта, различные формы истории как интеллектуальной активности, «интересы которой носят и научный, и поэтический, и философский характер – как это было свойственно истории в золотой для нее XIX век»⁶²².

Мы не будем в своей работе останавливаться на многочисленных повестях и романах о Варфоломеевской ночи, в которых Генрих де Гиз играет второстепенную роль. Во-первых, большинство из них эксплуатировали образ, уже знакомый нам по многочисленным французским и европейским пьесам. Во-вторых, несколько достаточно известных романов дают нам богатый материал для анализа особенностей конструирования его образа в прозе XIX в.

Одним из самых характерных и одновременно уникальных французских авторов был Проспер Мериме (1803–1870) – романист, драматург, переводчик, историк, этнограф, археолог, главный инспектор исторических памятников во Франции и член Французской академии. XVI в. – одна из эпох, к которой писатель питал особое пристрастие, видя в ней ключ к пониманию современных событий. Мериме впервые обратился к истории Религиозных войн в молодом возрасте, в одном из своих лучших произведений – романе «Хроника царствования Карла IX»⁶²³. Написанное в 1829 г., оно перекликалось с событиями во Франции 1820-х гг. Политический контекст наложил отпечаток на представления автора о роли семьи Гизов, которую он достаточно подробно анализирует в предисловии. Вопреки уже сложившемуся в целом к тому времени их образу оппозиционеров и противников короля, автор называет их «тогдашними ультрароялистами»⁶²⁴. Благодаря поддержки последних Бурбонов церковью союз трона и алтаря рассматривалась многими либерально настроенными интеллектуалами как характерная особенность Старого порядка, зародившаяся еще в XVI в. Поэтому в качестве оппозиции власти в их конструкциях выступали гугеноты, тогда как Гизы, фактически возглавлявшие католический лагерь, воспринимались как ярые сторонники сильной королевской власти. Союз Генриха де Гиза с народом - крайняя мера, к которой он прибегает перед лицом опасности, и которая привела к массовым жертвам. Мериме решительно отвергает концепцию Варфоломеевской ночи как «заговора», подготовленного заранее королевским двором, а в

---

⁶²² Уайт Х. Указ. соч. С. 21.

⁶²³ Mérimée P. 1572. Chronique du temps de Charles IX. Paris: A. Mesnier, 1829.

⁶²⁴ Ibid. P. VIII.

массовой резне склонен обвинять Гиза, который, преследуемый и королем, и протестантами, был «вынужден искать поддержки в народе»⁶²⁵. Это не являлось результатом продуманного плана или проявлением политического расчета. «Он собирает начальников городского ополчения, сообщает им, что существует заговор еретиков, требует перебить заговорщиков, пока они еще не начали действовать, и *только* после этого решено было учинить резню»⁶²⁶. Генрих де Гиз показан у Мериме не столько лидером, который ведет за собой толпу, сколько политиком, который использует настроения парижан, нуждавшихся в главе. Ли Хонг, анализируя образ герцога в этом романе, считает, что автор намеренно подчеркивает, что Гиз не раздувает ненависть толпы, хотя и провоцирует ее на жестокие действия. В частности, романист использует наречия «только» в вышеприведенном отрывке курсивом, «что показывает, что он действительно убежден в том, что герцог де Гиз не являлся подстрекателем заговора»⁶²⁷. Однако этот отрывок можно интерпретировать и противоположным образом, рассматривая поведение герцога как целенаправленные действия по организации массовых убийств протестантов.

В самом романе персонаж Генриха де Гиза отсутствует, но его образ выстраивается благодаря многочисленным упоминаниям имени герцога героями романа. Мериме, следуя своей художественной концепции, пытается показать герцога таким, каким его видели участники событий XVI в. Он рисует два противоположных образа, порожденных менталитетом нации, разделенной гражданской войной. Так, выясняя обстоятельства ранения Колиньи, один из католиков высказывает популярную в этой среде точку зрения, что «гугеноты покушались на короля, *вот это я знаю наверное*» [курсив мой – М. К.] и «великий герцог де Гиз», «собственноручно ранил адмирала»⁶²⁸, фактически спасая своего государя. Протестанты, наоборот, считали герцога, который имел, с их точки зрения, влияние на короля, виновником не только резни, но и непрекращающейся войны. «Короля ввели в заблуждение Гизы»⁶²⁹, – эта мысль неоднократно слышится из лагеря гугенотов. Показателен эпизод с ларошельцами, которые отказались впустить в город королевскую армию и «объявили, что не станут заключать

---

⁶²⁵ *Mérimée P.* Op. cit. P. XIV.

⁶²⁶ *Ibid.* P. XV.

⁶²⁷ *Hong L.* Le massacre de la Saint-Barthélemy vu par Prosper Mérimée // 『프랑스문화연구』 제 19 집 2009. P. 158. Publication numérique.

URL: <http://docplayer.fr/36661784-Le-massacre-de-la-saint-barthelemy-vu-par-prosper-merimee.html> (дата обращения: 14.03.2021).

⁶²⁸ Цит. по рус. изд.: *Мериме П.* Хроника царствования Карла IX. Новеллы / пер. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1968. (Библиотека всемирной литературы). С. 153.

⁶²⁹ Там же. С. 188.

с королем никаких договоров до тех пор, пока им вертят Гизы, – то ли они в самом деле были уверены, что Гизы единственные виновники всех зол, то ли этот вымысел понадобился им, дабы успокоить совесть тех протестантов, которые считали, что верность королю должна стоять выше интересов религии»⁶³⁰. Последнее замечание демонстрирует стремление Мериме показать механизмы возникновения негативного образа герцога и его семьи, которые были порождены интересами протестантской партии, борющейся за власть и собственное влияние на короля.

Подобный образ герцога объясняется, во-первых, художественной и исторической концепцией автора, близкого к традиции романтических пьес в жанре «исторических картин», в которых авторы старались воссоздать прошлое, а не давать оценки, стремясь к погружению читателей в исторический нарратив. Эту общность демонстрирует и название «хроники». Кроме того, на автора оказали влияния источники, которые он использовал, если верить современным исследованиям, чтобы «иметь возможность с точностью описать климат эпохи»⁶³¹. С этой целью «Мериме погрузился в Брантома, в «Хроники» Монлюка, в рассказы Л'Этуаля и в карающую поэзию д'Обинье»⁶³². Однако Мериме прекрасно знал и широко использовал дневники других мемуаристов XVI в., в том числе военных, которые он вскользь упоминает: Монлюка, д'Обинье, Таванна, де Ла Ну и многих других. По словам самого П. Мериме, в истории его интересовали, прежде всего, «анекдоты»⁶³³, поскольку они наиболее ярко описывали характеры и бытовые особенности, позволяли почувствовать «дух времени» посредством понимания нравов людей, творивших историю. История для Мериме – не закономерное и поступательное развитие, а случайные события, являющиеся результатом человеческих страстей и интересов⁶³⁴.

Концепция Варфоломеевской ночи П. Мериме основывалась на представлении человека XIX в., пытающегося разобраться в мотивах, которые двигали людьми XVI в., и не принимающего ни одну из сторон, поскольку ему чужда сама идея насилия во имя религии. Писатель считал, что виноватыми в религиозных войнах являются обе партии. Использование убийств в политических целях, как индивидуальных, так и массовых, являлось для него знаковой характеристикой XVI в., которую он пытался осмыслить, но не мог принять, несмотря на то что этот инструмент достижения определенных целей и борьбы с оппозицией продолжал использоваться и в его время.

---

⁶³⁰ Мериме П. Указ. соч. С. 186.

⁶³¹ Darcos M. X. Mérimée et l'histoire...

⁶³² Ibid.

⁶³³ Mérimée P. Op. cit. P. I (a).

⁶³⁴ См. об этом: Darcos M. X. Op. cit.

Размышления над этим феноменом он продолжил в очерке «Генрих де Гиз», который вышел в 1836 г.⁶³⁵ Однако, несмотря на название, Мериме не добавляет каких-либо новых черт к образу герцога. В центре его внимания – причины, толкнувшие короля на физическое устранение своего популярного соперника. Он описывает безвыходность ситуации, в которой оказался Генрих III, лишенный реального влияния и власти, фактически узурпированной герцогом. Единственное, что оставалось «несчастному монарху», это «избавиться от своего противника ударом кинжала»⁶³⁶.

Очередной раз Мериме упоминает главу Лиги в одном из своих писем 1856 г. Сравнивая образы аристократов XVI в. с современной знатью, он признается, что ему «больше нравится герцог де Гиз, чем какой-нибудь герцог, председательствующий в совете директоров Центрального общества по очистке нефти». Читая Брантома, он убеждается, что люди XVI в. «были, как правило, большими негодьями, они воровали, грабили, но все это смело, не скрывая лица, не подозревая, что в этом мире есть другой способ жить»⁶³⁷.

В те же годы, когда Мериме создает свой очерк о Генрихе де Гизе, эпизод его гибели привлекает внимание совсем юного Гюстава Флобера (1821–1880). Его самые ранние литературные опыты выполнены в жанре исторических новелл⁶³⁸, а очерк «Смерть герцога де Гиза»⁶³⁹ стал его первой самостоятельной зарисовкой, написанной в 1835 г.⁶⁴⁰, хотя некоторые авторы считали, что она была в значительной степени вдохновлена Шатобрианом⁶⁴¹.

Общее увлечение историей, характерное для 1830-х гг., оказало влияние на выбор сюжетов юным писателем. Флобер зачитывался вошедшими в моду сочинениями Вальтера Скотта и его французских продолжателей: В. Гюго и А. Дюма⁶⁴². Его увлекали переломные моменты истории, отличавшиеся мелодраматизмом и «историческим колоритом».

---

⁶³⁵ *Mérimée P.* Henri de Guise...

⁶³⁶ *Ibid.* P. 24.

⁶³⁷ *Mérimée P.* Une Correspondance inédite de Prosper Mérimée // «Revue des Deux Mondes», 4e période, T. 134, 1896 (p. 5-40).

URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Une_Correspondance_in%C3%A9dite_de_Prosper_M%C3%A9rim%C3%A9e/01#cite_note-1 (дата обращения: 13.03.2021).

⁶³⁸ См. об этом: *Модина Г. И.* Портрет художника. Ранняя проза Гюстава Флобера. М.: «ФЛИНТА», 2016. С. 36–57.

⁶³⁹ *Flaubert G.* Mort du duc du Guise....

⁶⁴⁰ *Модина Г. И.* «Нормандская хроника X века» в контексте ранней исторической прозы Флобера // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2009, № 1. С. 234–238.

⁶⁴¹ *Bart B.* Flaubert, plagiarist of Chateaubriand // *Modern language notes.* 1950. May. P. 336–339.

⁶⁴² *Модина Г. И.* Указ. соч. С. 35; *Реузов Б. Г.* Творчество Флобера. М.: Художественная литература, 1955. С. 30.

Гибель герцога от рук сторонников короля – история, популяризированная к середине 30-х гг. XIX в. множеством пьес, картин и исторических произведений. Писатель старается воссоздать в своем повествовании картину последних дней герцога, следуя, насколько это возможно, исторической правде, почерпнутой им из мемуаров и исторических работ. Чтобы подчеркнуть это, молодой Флобер добавляет после некоторых реплик персонажей – «historique». Но сам выбор этих реплик говорит о том, что образ герцога де Гиза и обстоятельства его гибели привлекали молодого автора, прежде всего с эстетической точки зрения своим драматизмом и трагическим антуражем. Юному Флоберу не удастся избежать некоторой идеализации и даже героизации герцога. Он рисует его не просто грозным соперником двора, умным политиком и заслуженным полководцем, но и прямо называет «самым прославленным человеком своего времени»⁶⁴³. Поэтому сцена его гибели приобретает, как и во многих других произведениях, трагический характер.

В 1840-е гг. возникает литературная мода на использование сюжетов Религиозных войн в романе. В этом плане интересно творчество почти забытой в наше время, но невероятно успешной в XIX в. писательницы, композиторши и драматургессы Александрин-Софи де Бавр (1773–1860). Будучи несколько раз в браке, она некоторое время даже была женой социалиста-утописта Анри де Сен-Симона, а свою фамилию Бавр (или Бауэр в английском варианте), получила от последнего мужа – русского офицера барона де Бавра. Вынужденная после смерти мужа самостоятельно зарабатывать на жизнь, она написала множество пьес различного жанра и опер, которые ставились ведущими французскими театрами. Помимо этого, ее перу принадлежало несколько исторических романов, имевших успех⁶⁴⁴. Симптоматично, что де Бавр начала писать романы в эпоху Реставрации, причем самые известные из них вышли в 1830-е–1850-е гг. С одной стороны, это была эпоха, когда исторический роман пришел на смену театральным драмам. С другой, сама писательница в предисловии говорит о том, что чтение мемуаров об этой эпохе подвигло ее обратиться к теме Религиозных войн. Большинство упоминаемых ею источников были изданы и стали доступны только в 30–40-е гг. XIX в. Еще одна причина, побудившая ее взяться за перо – некий немецкий роман, обнаружить который нам не удалось, посвященный этой теме. С ним и со множеством других произведений, в которых излагается точка зрения на Варфоломеевскую ночь как на подготовленную заранее акцию, полемизирует А.-С. де Бавр в своем романе «Фрейлина»⁶⁴⁵.

---

⁶⁴³ *Flaubert G. Op. cit. P. 56.*

⁶⁴⁴ *Johnston J. Women Dramatists, Humor, and the French Stage: 1802 to 1855. Springer, 2014. P. 25–28.*

⁶⁴⁵ *Goury de Champgrand de Bawr A. S. La Fille d'honneur. Paris: Dumont, 1841.*

Его действие происходит в период правления Карла IX, после заключения очередного Сен-Жерменского мира перед свадьбой Генриха Наваррского и Маргариты де Валуа, а также во время Варфоломеевской ночи. Сюжет вращается вокруг фрейлины Екатерины Медичи, Антуанетты де Бурлемон, сироты, которую королева-мать приютила и воспитала при дворе. Главная героиня – идеализированный образец добродетели, она с детства отличалась мягким нравом и умом, была «непорочной, откровенной, доброй и чувствительной, всегда готовой услужить» настолько, что все окружающие, даже придворные при развращенном дворе, король и другие фрейлины «искали ее дружбы»⁶⁴⁶. Ее лучшая подруга и возлюбленный – знатные протестанты, близкие к принцу Наваррскому, что свидетельствует о толерантности героини. Данный факт отражает важную тенденцию в значительной части художественной литературы XIX–XXI вв. о Религиозных войнах. Главные герои в них часто являются католиками, но почти всегда среди их лучших друзей и возлюбленных мы видим множество протестантов. Это было показателем умеренности их религиозных и политических взглядов, лояльности к Генриху Наваррскому и его претензиям на престол. Одновременно это было декларацией толерантности самого автора произведения и его негативной позиции по отношению к Католической лиге и ее лидеру.

Генрих де Гиз появляется в нескольких сценах произведения, кроме того, он является объектом слухов, сплетен и разговоров. Мы слышим о его романе с Маргаритой Валуа (хотя главная героиня считает это «глупой клеветой»). «Могущественные честолюбцы» Гизы вызывают раздражение короля и королевы-матери своими выходками. Сестра герцога – молодая девушка уже «склонная к интригам»⁶⁴⁷, а ее брат, сам герцог – «первый красавец во всей Франции [...], так все находят»⁶⁴⁸. Мы знакомимся с ним в момент конфликта с королевской семьей из-за его отношений с принцессой Маргаритой, но героиня находит, что «сквозь грусть [...] в его глазах пробивается что-то жестокое, злобное, ужасное»⁶⁴⁹. Он – гордый и амбициозный молодой человек. Фрейлина не понимает, что, кроме внешности, может в нем привлекать. Сама влюбленная Маргарита считает, что «честолюбие имеет над ним намного больше власти, чем любовь»⁶⁵⁰. Редкие правильные поступки Гизов вызваны только холодным расчетом, хитростью и амбициями. Королева-мать после переговоров, на которых ей удается убедить Гиза оставить Маргариту и жениться на другой, с насмешкой произносит, что «у Гизов больше патриотизма

---

⁶⁴⁶ *Goury de Champgrand de Bawr A. S. Op. cit. T. 1. P. 39, 54.*

⁶⁴⁷ *Ibid. P. 108.*

⁶⁴⁸ *Ibid. P. 108.*

⁶⁴⁹ *Ibid. P. 129.*

⁶⁵⁰ *Ibid. P. 137.*

нежели так думают»⁶⁵¹. Разрыв между герцогом и принцессой не заставляет его страдать слишком долго. Таким образом автор стремится показать, что Гиз не способен на постоянное и глубокое чувство, и не может вызвать его в ответ. Король Карл, который вынужден пользоваться услугами Гизов, считает, что их дерзость и честолюбие не знает границ, они хотят «спихнуть меня с места, чтобы самим занять его»⁶⁵².

Описание Варфоломеевской ночи в этом произведении не блещет оригинальностью и не добавляет почти никаких новых черт к портрету главы Лиги. Со времени прибытия «ларошельцев», как все называют кальвинистов, раздражение парижан против них принимает весьма опасный характер. Гизы «воспламеняли чернь фанатизмом посредством многочисленных монашеских орденов»⁶⁵³, при дворе ходят слухи, что люди лотарингцев должны были в трактире затеять ссору с гугенотами и перебить их. Раскрывая тему в рамках концепции, господствовавшей в XIX в., де Бавр показывает, что причины конфликта не религиозные: «При дворе взаимная неприязнь католиков и протестантов была более политическая, чем религиозная»⁶⁵⁴, это борьба за власть и влияние на короля.

На описание некоторых событий в романе оказала воздействие известная писательница XVII в. М.М. де Лафайет и ее «Принцесса де Монпансье»⁶⁵⁵. Можно сделать вывод, что это влияние распространяется и на образ Генриха де Гиза, а также трактовку отдельных сцен. Мы видим, как перед свадьбой двор участвует в некоем театрализованном представлении, в котором соседствовали христианские и античные образы. Здесь можно увидеть параллели с подобными сценами у мадам де Лафайет, которая уже в XVII в. изображала историю Религиозных войн с умеренных позиций. В целом, ее задачей было показать Гиза привлекательным, но порочным юнцом, олицетворением эгоистической любви, однако отдельные эпизоды содержат еще и намеки на будущую резню протестантов. Софи де Бавр в своем описании характера этого героя следует за образом, созданным ее более талантливой и известной предшественницей.

Картина Варфоломеевской ночи также не добавляет ничего нового к портрету де Гиза, никаких неожиданных перевоплощений не происходит. Герцог де Гиз, «выбранный главным начальником по заговору»⁶⁵⁶ Екатериной Медичи и своими сторонниками, вынужден участвовать в общей резне, но его отношение к этим событиям, как и подробности его действий,

---

⁶⁵¹ *Goury de Champgrand de Bawr* A. S. Op. cit. P. 140.

⁶⁵² *Ibid.* P. 158.

⁶⁵³ *Ibid.* P. 184.

⁶⁵⁴ *Ibid.* P. 185.

⁶⁵⁵ *La Fayette, Madame de. La Princesse de Montpensier.* Paris: T. Jolly, 1662.

⁶⁵⁶ *Goury de Champgrand de Bawr* A. S. Op. cit. P. 185.

остается за кадром романа. Можно предположить, что де Бавр не хотела показывать Гиза во время этих жестоких событий, но скорее она потеряла к нему интерес, ограничившись небольшими сценами, указывавшими на то, что ее образ Варфоломеевской резни ничем не отличалась от классической картины.

Образ Гиза, созданный в пьесе Александра Дюма, получил развитие в его знаменитых романах, которые относят к так называемой «Трилогии о гугенотских войнах». В 1830-х гг. он приступает к работе над историческим циклом, в котором должны были найти воплощение события французской истории с XV до XIX в. Самыми яркими, драматичными и знаменитыми романами этой серии стали произведения об эпохе Генриха III: «Королева Марго», «Графиня де Монсоро» и «Сорок пять»⁶⁵⁷, которую автор создает за рекордно короткий срок с 1845 по 1847 гг. История Религиозных войн для Дюма была, как и для Вольтера, прежде всего, историей постепенного исчезновения с исторической сцены династии Валуа, борьбы за престол и прихода к власти Генриха IV. Как и для его литературного предшественника и учителя, этот правитель был для Дюма центральной фигурой французской истории, монархом, «спасшим Францию» и воплотившем лучшие качества французского национального характера. Идеализируя Генриха IV, придавая ему черты мудрого и демократичного политика, Дюма противопоставляет ему политических соперников, среди которых основное место занимает Генрих де Гиз. Несмотря на то что, как и в его ранней пьесе, в романах Дюма главный источник всех интриг – Екатерина Медичи, которая использует Гизов в своих интересах, герцог является антагонистом Генриха Наваррского. Для Дюма, человека либерально-монархических убеждений, любой монарх, даже слабый, но законный и умеренный, лучше рвущегося к власти самозванца, тем более такого, как Генрих де Гиз, вскормленного иностранными деньгами и способного возбуждать в народе худшие качества: нетерпимость, жестокость и фанатизм. С помощью хитрости и коварства, опираясь на религиозное рвение парижан и поддержку церкви, Гизу удастся склонить на свою сторону не только доверчивых ремесленников, но и значительную часть католического населения Франции. Огромную роль в романе «Графиня де Монсоро» играет эпизод с адвокатом Николя Давидом, который везет в Рим для подтверждения генеалогии Лотарингского дома, доказывающую его права на французский престол. Любимый персонаж Дюма, шут Шико,

---

⁶⁵⁷ За почти два века, прошедших с выхода в свет трилогии, она переиздавалась множество раз. Первые издание: *Dumas A. La reine Margot*. Paris: Garnier frères, 1845; *Idem. La dame de Monsoreau / Oeuvres complètes de M. Alexandre Dumas*. [Paris]: Le Siècle, 1847; *Idem. Les Quarante-cinq, par Alexandre Dumas*. Bruxelles: Méline, Cans et Cie, 1847. В работе использованы классические русскоязычные издания.

разоблачает и убивает посланца, совершая, по мысли Дюма, благородный поступок спасения трона Франции от самозванца.

Конечно, писатель не мог избежать упоминания романтических отношений между Генрихом де Гизом и королевой Марго. С их разговора начинается первый роман цикла. Здесь же мы встречаем портрет молодого герцога, которого автор сразу позиционирует в качестве одного из главных действующих лиц трилогии. Как и во многих других случаях, Дюма опирается на разнообразные источники, чаще всего свидетельства современников, умело включая их в ткань повествования: «Он и по внешности был изящный вельможа, высокий ростом, с надменным, гордым взглядом, с такой природной величавостью, что, по мнению многих, все прочие вельможи в его присутствии казались мужиками. Несмотря на его молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя...»⁶⁵⁸. Описание внешности и поведения юного герцога первоначально способно вызвать читательскую симпатию. Он задумчив и немного встревожен, удачлив, но его слава вполне заслужена. Несмотря на молодость, он уже опытный воин, поскольку «первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под начальством своего отца, который и умер на его руках, указав на адмирала Колиньи как на своего убийцу»⁶⁵⁹. Мы не можем, в отличие от Дюма, с определенностью сказать, что герцог участвовал в этом сражении, но красивая легенда о смерти герцога Франсуа де Гиза на руках старшего сына получила большое распространение. И в продолжение этого мифологического нарратива на страницах романа возникает клятва, которую якобы дал юный герцог, «подобно Аннибалу», пообещав отомстить за убийство отца: «безжалостно и неусыпно преследовать врагов своей религии»⁶⁶⁰.

Но главные эпизоды, формирующие образ герцога в читательском восприятии вовсе не эти. Несмотря на увлечение автора любовными линиями, герцог де Гиз изображен прежде всего политиком. Можно даже сделать вывод, что Дюма намеренно не развивает романтический сюжет их отношений с принцессой, подчеркивая, что герцог не способен на истинные чувства. Его холодный ум, направленный на реализацию честолюбивых устремлений его семьи, перевешивает сердечные порывы. Он с легкостью отказывается от притязаний на руку Маргариты, когда понимает, что такой путь к власти для него невозможен.

В «Королеве Марго» тремя сюжетными линиями романа, в которых герцог играет ведущую роль являются любовные отношения с Маргаритой, резня протестантов и организация

---

⁶⁵⁸ Дюма А. Королева Марго / пер. с фр. Корша Е.Ф. М.: «Художественная литература», 1974. С. 11.

⁶⁵⁹ Там же.

⁶⁶⁰ Там же.

антикоролевского заговора. В контексте этих событий конструируется его образ страстного, но непостоянного любовника и организатора массовых убийств. Именно в двух первых и четвертой книгах раннего издания, где эти сюжеты являются ведущими, герцог упоминается наибольшее количество раз: 33 упоминания в первом томе (включая название главы) и 20 – во втором, 19 – в четвертом⁶⁶¹. Во всех следующих частях упоминания либо отсутствуют вообще (в томе 6), либо не так многочисленны (1-2 раза). Несколько раз Дюма устами разных героев называет его организатором Варфоломеевской ночи, точнее – убийства Колиньи и протестантов. Основными атрибутами образа являются высокий рост/величие (омонимы *grand*, используемый как характерный прием в описании герцога начиная с XVI в.), мощный голос, убедительная речь и непомерная гордыня.

В дальнейшем образ Гиза претерпевает эволюцию и это одна из главных заслуг французского романиста: его персонажи не статичны, они живут и развиваются от романа к роману, и герцог де Гиз из юного белокурого «ангела мщения», страстно влюбленного в принцессу, превращается в зрелого государственного деятеля. Он продолжает играть роль «грозного ангела-воителя», но читатель усилиями Дюма узнает неприглядную правду о его истинных стремлениях и методах. В следующих книгах цикла автор наделяет герцога де Гиза качествами политика макиавеллистского типа: мы видим его коварство, хитрость и расчетливость. Не будучи сам фанатиком, он использует религию в собственных целях. В репрезентации Дюма, герцог де Гиз – решительный харизматический лидер, наделенный способностью внушать страх и трепет перед своей персоной. С помощью семьи и окружения герцог умело формирует собственный имидж, добиваясь любви и преклонения у своих сторонников.

На страницах трилогии де Гиз предстает, несомненно, как яркая и значительная личность французской истории. Однако его основная цель – французский престол и основание новой династии, поэтому ему отведена роль антагониста главных героев, законных французских монархов – Генриха III и будущего Генриха IV, приход к власти которого неизбежен, как неизбежен прогресс общества. Герцог де Гиз – опасный соперник, посредством его образа Дюма показывает, какими драматическими обстоятельствами сопровождалась формирование французской государственности.

Завершается конструирование образа Гиза в романе «Сорок пять», действие которого разворачивается после смерти герцога Анжуйского, когда борьба за трон и религиозное противостояние обостряются до предела. Именно в этом романе трилогии исторический контекст

---

⁶⁶¹ *Dumas A. La reine Margot. P., 1845. Т. 1, 2, 4.*

играет самую значительную роль. Автор, опираясь на прекрасное знание мемуаров и дневников, рисует драматическую картину гражданской распри, в которой Генрих де Гиз играл одну из ведущих ролей. Из амбициозного политика, гордого представителя высшей знати и главы мятежников он окончательно превращается в изменника, предателя не только родины и короля, но и собственной религии, вступая в тайный сговор с протестантом Вильгельмом Оранским.

На страницах этого романа, в главах «Монсеньор» и «Французы и фламандцы», дается один из ярчайших в литературе портрет герцога. Автор использует интересный литературный прием, характерный для его творчества и позволяющий удерживать внимание читателя. Мы не знаем, кто этот персонаж, «неизвестный», вокруг которого вращается действие нескольких глав и которого все называют «Монсеньор». Писатель намеренно сохраняет это в тайне, усиливая интригу. Но именно здесь образ, созданный талантом и фантазией автора и опиравшийся на уже сложившиеся популярные в обществе представления об этом персонаже, позволяет читателю догадываться, что речь идет именно о Генрихе де Гизе. Интересно проследить, опираясь на текст, из чего складывается этот образ.

Заклучив изменнический союз с протестантом Вильгельмом Оранским, таинственный незнакомец прибывает в Антверпен, в военный лагерь, где его уже давно ждут. Собравшиеся выражают заметное раздражение опозданием «Монсеньора». Однако недовольство быстро улетучивается, сменяясь почтительным уважением с примесью страха, как только неизвестный появляется на пороге. Читатель вместе с присутствующими понимает, что на сцену выходит человек, привыкший всегда играть главную роль и не имеющий реальных соперников. Его властные, но приятные манеры, учтивость, «гордый, пронизательный взор», ум, осведомленность, спокойная энергичность, «густой повелительный голос», подчеркнутое внимание к людям и их мнению, и многие другие замечательные качества лидера, полководца и выдающейся личности быстро притягивают к себе внимание окружающих, от простого моряка до принца, заставляя их внимать каждому его слову и жесту, радостно соглашаясь со всеми его решениями.

Внешность «незнакомца» соответствует его характеру и манерам, создавая дополнительный эффект для окружающих. Его выход на авансцену сразу притягивает взоры, хотя он и напоминает явление «каменного гостя»:

«... в зал вошел мужчина высокого роста, величественного вида, с головы до ног закутанный в плащ, который он носил с неподражаемым изяществом.

Он учтиво поклонился всем присутствующим, но его гордый, пронизательный взор мгновенно распознал среди военных принца. [...]

После этого краткого обмена приветствиями неизвестный снял плащ. На нем была кожаная куртка, суконные штаны и высокие сапоги. Вооружен он был длинной шпагой, казавшейся не частью его снаряжения, а частью его самого – так легко и свободно она держалась у него на боку; за поясом, рядом с туго набитой сумкой, виднелся небольшой кинжал.

Когда он сбросил плащ, оказалось, что его сапоги до самого верха в пыли и грязи. Каждый его шаг по каменным плитам пола сопровождался мрачным звоном шпор, обагренных кровью его коня»⁶⁶².

Речь герцога выдает в нем не просто опытного командира, а человека, привыкшего повелевать. Однако он предпочитает подчинение, основанное не на страхе, а на преклонении перед силой его личности. Он верно оценивает обстановку, не только стратегически, но и психологически, умеет найти нужных людей и подобрать к каждому ключик. Он умеет слушать других, но принимает самостоятельные решения, с которыми все согласны. «Клянусь, монсеньер, – вставил Молчаливый, – вы за десять минут получили от них то, чего я добивался бы полгода»⁶⁶³.

Дюма намеренно подчеркивает, что одним из главных качеств этого лидера, которое обеспечивало ему любовь окружающих, было умение проявить уважение и внимание к человеку любого звания и сословия, если он того заслуживает. Часто это использовалось намеренно, для привлечения сторонников, но самым естественным и подкупающим образом. Например, моряк-разведчик, который приходит с задания в штаб, чтобы доложить о действиях противника, испытывает восторг и доверие к герцогу после того, как последний с интересом и неподдельным вниманием выслушивает и расспрашивает его, обращаясь по имени. В общении с Вильгельмом Оранским он тонко улавливает его линию поведения, но признает несомненные заслуги этого полководца и политика, льстя ему: «Для меня великая честь, – сказал неизвестный, – что, сам того не зная, я оказался одного мнения с первым полководцем нашего века»⁶⁶⁴. Такой психологический прием, по мнению Дюма, позволял создать нужный имидж и служил определенным целям, что не уменьшает обаяния его образа, сравнимого с великими деятелями французской и мировой истории, такими как Наполеон или Юлий Цезарь.

В конце концов, в этой сцене его планы, речи и уже предпринятые масштабные действия вызывают аплодисменты антверпенцев. Интересная деталь: не просто полководец, но

---

⁶⁶² Цит. по изд.: Дюма А. Сорок пять / пер. с фр. Кулишер А. и Рыковой Н. М.: «Художественная литература», 1981. С. 509.

⁶⁶³ Там же. С. 519.

⁶⁶⁴ Там же. С. 518.

фактический глава нидерландских протестантов Вильгельм Оранский, боровшийся на своем посту и на поле боя с католическим влиянием, у Дюма уважительно и даже несколько подобострастно подчиняется решениям главы французских ультракатоликов, который теперь с ним на одной стороне.

Но все эти прекрасные и выдающиеся качества перечеркивает предательство Гиза, которое было придумано автором романа, но которое являлось, по замыслу Дюма, естественным продолжением его измены королю. В том, что он на это способен, выражает сомнение и Вильгельм Оранский:

«Согласится ли ваше высочество обнажить шпагу против французов? – спросил принц. – Я устроюсь так, чтобы сражаться против гугенотов, – ответил неизвестный, кланяясь с улыбкой, которой мог бы позавидовать его мрачный соратник и которую понял один Бог»⁶⁶⁵.

Образ герцога де Гиза получает новую окраску в прямом смысле этого слова в следующей главе. Продолжая оставаться «неизвестным», он становится еще и «черным рыцарем», одетым в черные латы грозным противником, перед которым расступаются фламандцы. Он вступает в бой с мрачным ожесточением, которое является не только характерным для него стилем боя, но и отражает его напряженное внутреннее состояние. Герцог вынужден скрывать свою личность, чтобы его предательство не было раскрыто. Когда фаворит короля, адмирал А. де Жуайез почти узнает его по стилю фехтования, понимая, что перед ним француз, который сражается «против своего короля, своей родины, своего знамени»⁶⁶⁶, черный рыцарь пытается скрыться с поля боя, боясь разоблачения, но затем, устыдившись этого порыва, возвращается и с еще большим ожесточением нападает на противника. Дюма не случайно награждает герцога черными доспехами. Несмотря на предпочтение серому и светлым тонам в одежде, в которых его обычно описывали современники и изображали художники, именно черный цвет лучше всего соответствовал его образу грозного и загадочного лидера ультракатолической партии, убийцы и предателя, наделенного столькими талантами, но поставившего их не на службу королю и отечеству, что для Дюма было наиболее достойным для дворянина любого ранга, а на службу собственным амбициозным планам и заговорщическим проектам. При этом мы можем наблюдать, как писатель романтизирует образ фаворита А. де Жуайеза, антагониста герцога в этом произведении. Молодой человек, который практически не успел себя ничем проявить, убитый в двадцать шесть лет, известный больше всего организацией массовых гугенотских

---

⁶⁶⁵ Дюма А. Указ. соч. С. 521.

⁶⁶⁶ Там же. С. 528.

погромов, идеализируется в романе, превращаясь в благородного рыцаря и талантливого полководца именно благодаря тому, что верно служил своему королю.

Читая романы Дюма, нетрудно заметить, что французский романист, изображая Гиза злодеем и предателем, не может не восхищаться им. Он, как фламандцы в его романе, испытывает «восторг, граничивший с ужасом»⁶⁶⁷. Дюма был жертвой традиционных представлений о герцоге, характерных для протестантской и либеральной литературы, и сам способствовал их дальнейшему распространению. При этом никто лучше него не смог изобразить могущество, авторитет герцога, его неординарный ум и харизму.

Почему знаменитый писатель рисует нам именно такой образ герцога, под влиянием чего он сформировался у самого Дюма? Во-первых, необходимо вспомнить, что впервые на страницах произведений этого автора Меченный появляется в одной из ранних пьес, где он играл роль одного из ключевых персонажей. Уже в этом драматическом произведении автор наделил этого героя чертами, которые остались практически неизменными в его новой трилогии. Негативный, даже отталкивающий образ был дополнен некоторыми новыми деталями, но в целом сохранил впечатление, производимое на читателя. Можно утверждать, что представление о характере и деятельности де Гиза возникло у автора под влиянием просветительской литературы, главным образом «Генриады» и исторических произведений Вольтера. Думается, что определенное воздействие оказала английская литература, которую Дюма очень ценил. Скорее всего, он был знаком с пьесами К. Марло и Дж. Драйдена, которые повлияли на формирование исторических представлений европейцев. Во-вторых, не надо забывать, что Дюма заинтересовался этой эпохой по многим причинам, но одной из них стал выход уже в 1820–1830-х гг. значительного количества исторических трудов и изданий источников. Если мы бросим беглый взгляд на развитие образа герцога де Гиза в историографии, то увидим, что выбор историков был сделан в пользу издания нарративных источников, прежде всего, записок и мемуаров, чаще всего вышедших из-под пера умеренных «политиков», тем более, именно они лучше всего сохранились. Мемуары де Ту с приложением собранных в них многочисленных свидетельств служили для Дюма основным источником для описания эпохи. Именно они представляли наибольший интерес для писателей XIX в.

Творчество А. Дюма было частью исторической культуры, в рамках которой развивалось исследовательская и популяризаторская деятельность Ж. Мишле. «История как роман», воспринятая через призму «маленькой двери» популярных мемуаров и официальных документов, под сильным влиянием предшествующей историографической и литературной

---

⁶⁶⁷ Дюма А. Указ. соч. С. 520.

традиции, ярчайшим воплощением которой был Вольтер, продолжала культивировать и развивать сложившиеся исторические мифы.

Кроме того, сам характер и взгляды А. Дюма, которому было чуждо то, что он считал религиозным фанатизмом, заставляли его неприязненно относиться ко всем его проявлениям, как в стане католиков, так и протестантов. Но если последние традиционно рассматривались как жертва гонений со стороны государства и Лиги, то католический лагерь считался источником насилия и нагнетания ненависти. Использование религиозных чувств в социально-политической борьбе, которое, следуя популярному мнению, отличало клан Гизов, вызывало отторжение писателя и заставляло его верить многочисленным слухам и историческим анекдотам, связанным с деятельностью герцога.

И наконец, главным, на мой взгляд, фактором, определившим образ Генриха де Гиза у А. Дюма-отца, являлись монархические предпочтения автора. Положительные герои его произведений, как мы видели на примере Жуайеза, как правило, беззаветно преданы королевской власти, кто бы ее не воплощал. Служение монархам у Дюма приравнивается к служению родине и народу. Персонажи, которые были им заподозрены в неверности своему королю, отдавшие свою шпагу на службу собственным интересам, не могли вызвать сочувствия у автора, а только презрение и осуждение.

Творчество А. Дюма оказало невиданное влияние на историческую культуру многих поколений не только французов, но и представителей других наций. Особенно сильным оно всегда было в России. Пьеса «Генрих III и его двор» продолжает иногда ставиться на театральных сценах всего мира, романы издаются на разных языках огромными тиражами. На основе анализа социальных сетей России, Франции и Великобритании, можно утверждать, что даже в современном мире его романы о Религиозных войнах пользуются огромной популярностью и, благодаря привлекательности сюжетов, яркости персонажей и описаний, уважительному отношению к историческим источникам и многим другим факторам, они вызывают доверие и воздействуют на формирование образа тех или иных событий и персонажей намного больше, чем школьные учебники или исторические и научно-популярные труды. Существует даже мнение, что творчество Дюма повлияло на изменение отношения к герцогу в коллективной памяти, который до этого у большинства авторов позиционировался в качестве народного вождя и любимца парижан. Например, современный историк Феликс Григорьевич Рябов утверждает: «Герцог Гиз из серии о Генрихе IV и религиозных войнах, по прозвищу Меченый, который для всей Франции – герой, защитник католической веры, даже народный вождь (для многих литераторов он остается таким и поныне), у Дюма описан беспощадно – он показывает корни его воинствующего католицизма: защитник веры рвется к королевскому престолу, не брезгуя

убийствами, государственной изменой, подлогами, интригами»⁶⁶⁸. Несомненно, эта точка зрения нуждается в уточнении, поскольку подобный образ лидера католиков сформировался задолго до романов Дюма и имел многовековую историю. Однако именно благодаря французскому писателю в историческом и культурном пространстве закрепились многие стереотипы и мифы: распутная, но добрая королева Марго; слабый, но мудрый, не понятый современниками, Генрих III; узурпировавшая власть ради неправильно понятого ею материнского и государственного долга, умная, но хитрая и жестокая Екатерина Медичи; и конечно же, грозный противник королей, наделенный разнообразными талантами, честолюбивый интриган и предатель, «черный» герцог де Гиз.

Во второй половине XIX в. появляется огромное количество массовой приключенческой литературы, авторы которой, вдохновленные примером Дюма, обращаются к эпохе Ренессанса. Среди французских писателей второй половины XIX в., в произведениях которых образ Генриха де Гиза играл значительную роль, наибольшей популярностью пользовался, пожалуй, Пьер Алексис Понсон дю Террай (Террайль) (1829–1871). Этот плодовитый автор, выпустивший огромное количество романов, был очень популярен во Франции, России и других европейских странах. Его произведения печатались в литературных фельетонах, которые читались публикой разного социального положения и вкусов. Вместе с другими авторами авантюрных романов он оказал влияние на Достоевского, а в юности им увлекались В. Брюсов и М. Горький. Он считается одним из самых знаменитых французских писателей второй половины XIX в., романы которого издавались невиданными тиражами и переводились на множество языков. Он также считается «первым, кто поставил дело создания романов исключительно на коммерческую основу и стал фактически основателем формы, которую сегодня называют “массовая литература”»⁶⁶⁹. Хотя среди его произведений наибольшей популярностью пользуется цикл о приключениях Рокамболя, а серия романов про эпоху Религиозных войн менее известна, среди читателей Понсона дю Террая и тех, кто увлекается французским историческим романом, немало любителей этой серии.

Романы о Генрихе Наваррском французский писатель создает в 1860-х гг., уже после успехов своих первых приключенческих произведений⁶⁷⁰. Этот исторический цикл был хорошо принят читающей публикой, что подвигло автора переработать текст первых романов в пьесу,

---

⁶⁶⁸ Рябов Ф. Г. История в произведениях А. Дюма // Новая и новейшая история. № 1. 2003. С. 190.

⁶⁶⁹ Бобкова Н. Г. Функции постмодернистского дискурса в детективных романах Бориса Акунина о Фандорине и Пелагии: канд. филол. наук: 10.01.01. Улан-Удэ. 2010. С. 117.

⁶⁷⁰ *Ponson du Terrail A. de. La jeunesse du roi Henri. 2e éd. Paris: Dentu, 1869–1870.*

с успехом поставленную в марте 1864 г. в недавно открывшемся театре Шатле. Действие в романах разворачивается в период 1570–1580-х гг., когда происходят основные события Гражданских войн. Как и многие авторы, начиная с Вольтера, французский романист обращается к истории восхождения Генриха IV к власти, описывая его молодые годы. Вслед за своими предшественниками на литературном поприще Понсон дю Террай идеализирует будущего монарха, который является главным героем его произведений. Религиозные войны в романах описываются как история борьбы за французскую корону между Валуа, Генрихом Наваррским и Гизами.

Образ Генриха де Гиза, антагониста будущего короля, в произведении может показаться несколько противоречивым и отличающимся от классического, привычного для читателей XIX в. С одной стороны, мы можем наблюдать традиционное противопоставление благородных, веселых, прямодушных и честных протестантов, которые для разных авторов на протяжении уже более века были воплощением французского духа и либеральных тенденций, и лицемерных, воинственных и скрытных католиков, главой которых являлся Генрих де Гиз. При этом сам Понсон дю Террай был выходцем из родовитых дворян, рожденных и воспитанных в замке и дороживших сословными преимуществами. Он воспитывался в католической среде, а в его произведениях можно проследить приверженность религиозным ценностям и моделям поведения, порожденных соответствующей культурой⁶⁷¹. Помимо этого, на особенности менталитета автора, да и французов эпохи Второй империи вообще, оказали влияние изменения в политической культуре Франции того времени и начинавшееся католическое возрождение в Европе, скорректировавшее не только положение церкви в обществе, но и само понимание религиозности, толерантности и свободы. Сильное влияние произведений Эжена Сю не помешало автору «Молодости Генриха IV» быть менее категоричным и более терпимым к религиозным убеждениям и лидерам католической партии XVI в.

Генрих де Гиз у Понсона дю Террая воплощает собой образ французского дворянина, причем высокого ранга и положения. Автор подчеркивает его благородную, привлекательную внешность и качества знатного человека, вызывая первоначально некоторую симпатию у читателя. При этом он традиционно выступает основным антагонистом главному герою романа – Генриху Наваррскому, будущему монарху, и с этим связаны особенности формирования его негативного образа. На протяжении всех романов, в нескольких десятках эпизодов, «в любви и на войне», эти два персонажа соперничают, периодически вступая в открытый конфликт на поле битвы, на дуэли и в спальне принцессы.

---

⁶⁷¹ Gaillard É. M. Ponson du Terrail: le romancier à la plume infatigable. Avignon: A. Barthélemy, 2001.

Романы Понсона дю Террая вобрали в себя традицию преклонения перед Генрихом IV и явились продолжением формирования его культа. Автор однозначно симпатизирует будущему королю. Одновременно, деятельность и характер его оппонентов получают негативную окраску. В результате в романах серии про юность короля Генриха IV образ Гиза не обладает цельностью. Периодически у читателя возникает ощущение, что он имеет дело с двумя различными персонажами. В личных делах герцог, как правило, честен, благороден, он страстно влюблен в Маргариту, проявляет мужество в битве. Он действительно наделен некоторыми привлекательными качествами, которые делают его кумиром толпы, претендентом на престол и опасным соперником: «энергичному, умному, талантливому герцогу Гизу гораздо более приличествует корона, украшавшая чело Генриха»⁶⁷². Автор характеризует его как «искусного полководца»⁶⁷³; «он молод, высок, крепок и очень красив»⁶⁷⁴, несмотря на глубокий шрам через все лицо. Тогда как в политике ему достается незавидная роль интригана и заговорщика, мятежные планы и мелкие пакости которого неизменно разоблачает более смекалистый Генрих Наваррский. Местами роман превращается в более привычное для автора детективно-приключенческое повествование, в котором герцог де Гиз выступает в роли преступника, а будущий монарх – сыщика, разоблачающего козни и заговоры своего антагониста.

Впервые мы знакомимся с персонажем герцога на страницах первого романа серии со слов Маргариты Валуа, которая влюблена в него, но осознает, что для Гиза, искренне страдающего от разлуки с ней, женитьба на принцессе королевского дома – все лишь ступень к трону: «он способен отравить всех Валуа, чтобы занять трон самому»⁶⁷⁵.

Показателен эпизод четвертого романа серии – «Похождение Валета тref»⁶⁷⁶. Гиз вступает в спор из-за лошади с одним из героев произведения, протестантом. Молодой герцог повелительно требует отдать ему лошадь, которая ему нужна «во что бы то ни стало», высокомерно добавляя, что он «может заплатить за нее двойную цену»⁶⁷⁷. У героев завязывается поединок, в результате которого Гиз, хотя и проявляет себя как опытный, умелый и храбрый фехтовальщик, побежден своим соперником. После того как главный герой пренебрегает своим правом убить герцога и благородно отпускает его, последний отказывается от своих претензий на лошадь, причем ведет себя так, как будто он выходит победителем и снисходит до широкого

---

⁶⁷² Цит. по рус. изд.: *Понсон дю Террайль*. Варфоломеевская ночь: Романы / пер. с фр. Москва: «СКС», 1992. С. 295.

⁶⁷³ Там же. С. 104.

⁶⁷⁴ Там же. С. 118.

⁶⁷⁵ Цит. по рус. изд.: *Понсон дю Террайль П. А.* Собрание сочинений. М.: Агентство "РИПОЛ", 1991. С. 116.

⁶⁷⁶ *Понсон дю Террайль*. Похождение Валета тref // *Понсон дю Террайль*. Варфоломеевская ночь... С. 5–96.

⁶⁷⁷ Там же. С. 29.

жеста, уступая свои права. Тем не менее герой очарован герцогом и чувствует расположение к нему. Подобная манера Гиза привлекать к себе людей, извлекая моральную выгоду из ситуации, умение вкратце в доверие к человеку любого сословия и убеждений, несмотря на собственное высокое положение, амбиции и соответствующие, слегка высокомерные манеры, неоднократно подчеркивается автором, создавая образ очень близкий к тому, который нам знаком по свидетельствам современников, трудам историков и произведениям Дюма.

Столь же узнаваем персонаж герцога де Гиза, когда речь идет о политических амбициях его рода:

«Самого поверхностного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, какие планы таили принцы Лотарингского дома. Они мечтали о французской короне, хотели устранить Карла и для этого заигрывали с его братом, герцогом Франсуа, и королевой-матерью, а так как в это время наваррский король встал им на дороге, то они вознамерились поссорить его с королем Карлом и оклеветали его»⁶⁷⁸.

Автор навязчиво дает понять читателю, что герцог стремится преступными средствами захватить трон. Генрих Наваррский постоянно намекает королю, что «герцог Гиз все же хочет иметь побольше солнца, и то, которое светит в окно Лувра, ему придется по душе»⁶⁷⁹. Он не остановится ни перед чем: «Герцог Гиз, он задумал истребление гугенотов лишь с целью ослабления вашего величества, корону которого он уже давно примеряет!»⁶⁸⁰ Автор приписывает Гизам новые злодеяния, неизвестные даже из полемических источников XVI в. или исторических анекдотов: они покушаются на королеву, а принц Франсуа Алансонский, один из претендентов на престол, умирает, отравленный этим семейством. Собственно, основная интрига романа – борьба за престол, которая выстроена как квест. Генрих Наваррский должен обойти Гиза в этой игре: разгадать его козни, расшифровать тайные письма, жениться на принцессе и завоевать ее сердце, победить в нескольких дуэлях и сражениях, спасти королеву Франции, предотвратить восстание и выполнить еще ряд заданий, приз в которых – корона Франции. Стоит ли говорить, что будущий монарх блестяще справляется со всеми задачами, а его противник пристыжен и унижен.

Автор прибегает к гиперболизации, демонстрируя популярность Гиза в народе: когда он въезжает в Париж весь народ стекается приветствовать его радостными криками, так что создается впечатление, что случилось нечто экстраординарное. Однако Гиз меняется на глазах:

---

⁶⁷⁸ Понсон дю Террайль. Указ. соч. С. 164.

⁶⁷⁹ Там же. С. 196.

⁶⁸⁰ Там же. С. 200.

сдается, отступает и заикается, как только король, даже такой слабый как Генрих III, грозно смотрит на него.

Понсон дю Террай пренебрегает исторической правдой, стараясь прежде всего создать занимательный сюжет. Однако далеко не все ошибки в его романах можно объяснить художественными или иными задачами. В результате литературный персонаж Генриха де Гиза даже внешне достаточно далек от исторического. Например, автор наделяет его темными волосами, воинственным лицом и слегка грубоватым голосом⁶⁸¹ и по этой черте его узнают герои произведения. Уже в первом романе серии его лицо украшает шрам, несмотря на то что действия происходят задолго до 1575 г., когда он его и получил. Образ герцога на страницах этой серии не столь яркий, запоминающийся, психологически проработанный и сложный как у А. Дюма. Однако он обладает некоторыми общими чертами: это все тот же «грозный герцог де Гиз», гонитель протестантов и соперник короля, любимый народом и женщинами лидер французских католиков. Фигура неоднозначная, непривлекательная для либеральной культуры, однако загадочная, яркая и вследствие этого романтическая.

Несмотря на чисто приключенческую интригу романов, Понсон дю Террай базировал их на определенной исторической концепции, популярной в XIX в. Она заключалась в том, что Франция к концу XVI в. стояла на перепутье, перед ней обозначились два пути развития и два возможных лидера – Генрих Наваррский и Генрих де Гиз. Автору важно было показать, что выбор не был случайным, страна была спасена Генрихом IV еще до того, как он стал королем. Он разоблачил интриги и преступления Гизов, Лиги и Екатерины Медичи и заслужено стал монархом в качестве награды. Даже королева понимает блага, которые принесет правления наваррского короля: «Я поняла, что вся надежда будущего – только в вас!»⁶⁸² Поэтому Генрих III погибает в романе раньше Гиза, вместе с этим заканчивается юность короля Генриха Наваррского. Как и Дюма, Понсон дю Террай не хотел делать из Гиза жертву и демонстрировать случайность дальнейшего развития. В сконструированной им картине прошлого Генрих Наваррский одержал победу в нелегкой борьбе, как, несомненно, более достойный противник. Его враги посрамлены, они проиграли эту игру и трон Франции.

Завершают этот период в развитии историко-приключенческой литературы во Франции романы Мишеля Зевако (1860–1918). Журналист корсиканского происхождения, известный своими антицерковными и пацифистскими статьями, М. Зевако прославился и как писатель,

---

⁶⁸¹ См. фр. издание: *Ponson du Terrail P. A. La Jeunesse du roi Henri. Les Amours du valet de trèfle*, par Ponson Du Terrail. Paris: Dentu, 1866.

⁶⁸² Понсон дю Террайль А. Варфоломеевская ночь ... С. 38.

посвятив большинство своих романов истории Франции XVI–XVII вв. Одним из самых популярных его произведений по сей день остаются «Пардайяны» («История рода Пардайянов») ⁶⁸³ – серия романов, объединенная общими героями, действие в которой разворачивается на протяжении второй половины XVI – начала XVII вв. Несмотря на бурный успех в начале XX в. и многочисленные современные переводы и издания, у нас этого автора романов «плаща и шпаги» считают второсортным подражателем А. Дюма. Однако его влияние на культуру, а значит и на коллективную историческую память было более заметным, чем может показаться на первый взгляд. Например, его высоко ценили Ж.-П. Сартр и многие другие деятели культуры XX в. ⁶⁸⁴. Его особенный успех в кругах «левых» был не случаен, М. Зевако воплотил в своих романах «бунтарский», антирелигиозный, антимонархический и даже анархический взгляд на события XVI в. Его романы стали весьма характерным явлением французской культуры начала века.

Образ Генриха де Гиза, главы крайних французских католиков, пожалуй, ярче всего отразил антицерковные, антивоенные и демократические идеалы автора. Поэтому не вызывает удивления, что Зевако создает из герцога отрицательного персонажа, воплощающего худшие черты военного католического дворянства, презираемые автором «Пардайянов»: внешний блеск и утонченные манеры в сочетании с грубой силой, жестокостью, шовинизмом, сексизмом, нетерпимостью, пренебрежением к чужой жизни и правам. Один из главных исторических сюжетов почти всех романов этой серии – противостояние королевской власти и Гизов. Описания заговоров, тайных собраний, встреч и интриг, цель которых сводится к захвату французского трона герцогом де Гизом, переполняют страницы этих произведений. Читатель впервые знакомится с главой Католической лиги именно посредством реакции короля на претензии его клана: «Никак не дождетесь моей смерти?! Кому же достанется моя корона?.. Тебе, проклятый Гиз, порождение преисподней?» ⁶⁸⁵

В противоположность монарху, жители Парижа изображены пламенными сторонниками Гизов. Они многократно используют эпитеты «славный» и «великий», превознося его достоинства. Оправдывая его претензии на власть, парижане ссылаются на идеи народного представительства и обосновывают законность действий своего лидера волей Бога: «Именно

---

⁶⁸³ Zévaço M. Les Paradaillan. Paris: Fayard, 1907–1913. В русском переводе: Зевако М. Пардайяны: В 10 т. / Пер. с фр. О. Артамонова. М.: ЭКСМО, 1993–1995. В русском переводе нередко используется написание «Пардальяны».

⁶⁸⁴ Чекалов К. А. Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период "прекрасной эпохи". М.: Издательский дом «Дело», 2018. С. 89.

⁶⁸⁵ Цит. по рус. изд.: Зевако М. Кровавое дело шевалье. История рода Пардайянов. М.: ЭКСМО, 1994. С. 98.

Господь устами своего народа повелевает славному Гизу стать во главе жителей Парижа»⁶⁸⁶. Встречая герцога, толпа безумствует, хотя он пока не успел ничем завоевать такую высокую честь и доверие народа. Портрет юного герцога демонстрирует уверенность писателя в том, что заслуги герцога раздуты толпой. Его главные достоинства – внешние, его популярность – результат ненависти католиков-парижан к протестантам, врагом которых позиционирует себя герцог. Сам же лидер католиков, «самый богатый, влиятельный и блестящий дворянин Франции»⁶⁸⁷, с пренебрежением относился к народу, демонстрируя надменность и гордый нрав: «Но ехавший впереди Генрих де Гиз затмевал всех. Ему не было еще и двадцати. Высокий, прекрасно сложенный, он сразу выделялся благодаря своему надменному лицу и горделивой осанке»⁶⁸⁸. В каждом из романов Зевако раз за разом подчеркивает выдающуюся красоту, потрясающие воображение роскошные дорогие наряды и украшения, и надменное выражение лица и манеру говорить герцога. Это, кстати, единственный персонаж, описание которого занимают столь много места в романе. Создается впечатление, что Генрих де Гиз поразил воображение автора XIX в. не меньше, чем французов эпохи Религиозных войн. Однако описание выдающихся внешних данных и роскоши в одежде нужны автору, чтобы противопоставить им внутреннюю пустоту героя, «ледяное жестокосердие», доставшееся ему от предков, распущенность и склонность к пустым развлечениям. Как и его отец, он часто убивал «лишь ради удовольствия убивать»⁶⁸⁹. В одном из эпизодов автор рисует настолько яркий и характерный образ герцога, что он стоит того, чтобы процитировать его значительную часть:

«Герцог носил на шее три ряда баснословно дорогих жемчужин, а эфес его шпаги блистал алмазами. Костюмы Гиза были сшиты из тончайшего шелка и нежнейшего бархата. Беседуя с людьми, он обычно откидывал голову, прищуривал глаза и насмешливо ронял слова... Генрих де Гиз никогда не сомневался в том, что рано или поздно он взойдет на французский трон.[...] Заметим, кстати, что этот безупречный кавалер, [...] казавшийся воплощением мужской красоты, был удивительным образом обделен простым семейным счастьем: жена откровенно изменяла ему, заводя все новых и новых любовников, Гиз же воспринимал поведение супруги с надменным безразличием, точно небожитель, которого не волнуют пересуды черни. Но все-таки он был смешон, как смешны были и его претензии на французский престол. Вся провинция, не говоря о Париже, потешалась над рогоносцем. Но Гиз мог быть и страшным: в сражениях

---

⁶⁸⁶ Зевако М. Указ. соч. С. 98.

⁶⁸⁷ Там же. С. 85.

⁶⁸⁸ Там же. С. 490.

⁶⁸⁹ Там же. С. 501.

он проявлял непомерную свирепость и жестокость. Его безжалостность, равно как и гордыня, скрывали абсолютную пустоту души этого красавца, совершенную неспособность мыслить и полное отсутствие ума. Генрих де Гиз механически шагал по жизни, словно дивная мраморная статуя, лишенная души. [...]»⁶⁹⁰.

Можно заметить, насколько этот образ контрастирует с тем, что был создан практически в те же годы французскими историками: Ш. Ковеном, Ж. Рено и Ж. Азон де Сен-Фирмен. В то время как многие профессиональные исследователи второй половины XIX – начала XX вв. подчеркивали несправедливость обвинений в адрес де Гиза, пытаясь преломить негативное отношение, сформировавшееся вокруг этой фигуры, и выделяли его благородство, храбрость, ум, величие и щедрость, писатели, подобные М. Зевако, демонстрировали приверженность стереотипам, сформировавшимся в исторической культуре, и наделяли этого героя прямо противоположными чертами. Знаменитый, блистательный храбрец Гиз, которого некоторые историки даже пытались представить идеалом воина и государственного деятеля, по мнению М. Зевако, «был существом бездушным, злым и глупым»⁶⁹¹.

Варфоломеевская ночь представлена автором как результат заговора Гизов. Сам герцог радуется возможности очередной раз участвовать в жестоких и бессмысленных убийствах. Он не просто поворачивает ногой голову своего врага Колиньи, на что указывали некоторые источники, в романе он совершает более бессмысленный, жестокий и грубый жест: Гиз «с размаху опустил каблук на голову трупа»⁶⁹², за что удостоился пощечины со стороны главного героя романа, шевалье Пардайяна. Еще более ужасающая картина разворачивается на улицах Парижа, когда отряд герцога возвращается после расправы над Колиньи:

«Внезапно на охваченной безумием улице возникло видение: сквозь огонь и дым по Парижу двигалась кавалькада. Триста всадников, закованных в заляпанные кровью латы, тяжелой рысью пронесли по мостовой. Они были похожи на выходцев из ада. Толпа расступалась перед ними, восторженно вопя... Герцог де Гиз возвращался с Монфокона!»⁶⁹³

Сравнение отряда дворян-католиков со всадниками Апокалипсиса придает inferнальность происходящему, а сам герцог символизирует войну и смерть, призывая к кровавой жертве. Пронсясь верхом на коне по улицам, он «рычит»: «Пейте, пейте кровь еретиков!»⁶⁹⁴

---

⁶⁹⁰ Зевако М. Указ. соч. С. 504.

⁶⁹¹ Там же. С. 521.

⁶⁹² Там же. С. 523.

⁶⁹³ Там же. С. 580.

⁶⁹⁴ Там же.

В своей борьбе за власть герцог не гнушается никакими средствами. Писатель намеренно сгущает краски, описывая реальные и гипотетические народные бедствия, которые тот планирует использовать в своей борьбе: «Когда начнется бойня, загорятся дома, хлынут потоки крови, и толпа вконец озверевает, Генрих де Гиз ворвется в Лувр»⁶⁹⁵. И, конечно же, Зевако не смог обойти вниманием знаменитую легенду, согласно которой «кардинал Лотарингский, дядя Генриха де Гиза, воссоздал родословную герцога, из которой явствовало, что предок Гизов — сам Карл Великий»⁶⁹⁶, для того чтобы никто не мог оспаривать его права на престол. Глава, в которой описывается заговорщический план Гизов, сатирически названа автором «Всеобщее счастье». Практически во всех книгах серии о Пардайянах имя Генриха де Гиза чаще всего употребляется в сочетании со словами «заговор», «интриги», «заговорщик».

В первых романах цикла можно найти множество интересных эпизодов, характеризующих герцога де Гиза и отношение к нему различных персонажей. Например, в одном из них Карл IX в бессонной ночи представляет себе коронацию своего противника, прекрасного, сильного, надменного, блистательного Гиза: «Он вообразил Гиза в Реймском соборе. Его коронуют, и ликующая толпа кричит: “Да здравствует Гиз! Да здравствует король Франции! “»⁶⁹⁷, и монарх чувствует себя маленьким и беспомощным по сравнению с всемогущим «великим» герцогом, а потом закономерно приходит в бешенство, понимая, что «Гиз куда больше Карла походил на истинного монарха...»⁶⁹⁸.

Используя слухи и намеки, найденные им в свидетельствах современников: мемуарах и дневниках протестантов и умеренных «политиков», опираясь на мифы и стереотипы, Мишель Зевако не создает никакого оригинального, собственного образа герцога де Гиза, а использует уже готовый, известный нам по классическим и популярным произведениям французской и британской литературы, но упрощенный, стереотипный и усиленный негативным отношением «левого» автора к блестящему, но надменному и лицемерному, как ему казалось, представителю высшей католической знати. Романы создавались в эпоху, когда левые партии во Франции вели борьбу за светское государство и образование, а начали издаваться, когда соответствующие законы только были приняты⁶⁹⁹, обострив противостояние. Поэтому карикатурный образ одного из самых известных защитников церкви мог стать инструментом формирования антирелигиозных настроений в обществе.

---

⁶⁹⁵ Зевако М. Любовь шевалье. М.: ЭКСМО, 1994. С. 231.

⁶⁹⁶ Там же. С. 231.

⁶⁹⁷ Там же. С. 354.

⁶⁹⁸ Там же. С. 389.

⁶⁹⁹ Закон об отделении церкви от государства был принят во Франции 9 декабря 1905 г.

Необходимо отметить, что в значительной части европейской художественной литературы, написанной вне Франции, также продолжали господствовать протестантские мифы, хотя можно наблюдать и исключения, причем довольно известные и яркие. В XIX в. тема религиозного противостояния продолжала вдохновлять писателей разных стран. В Британии существовала собственная традиция обращения к этой теме в художественной литературе, которая восходила к К. Марло и развивалась в течение XVII–XVIII вв., главным образом в драматургии. Несомненно, наблюдалась некоторая эволюция мифологии Религиозных войн в творчестве английских и шотландских писателей. Например, популярный новеллист и историк Джордж Пейн Рейнсфорд Джеймс (1799–1860), посвятивший Католической лиге и ее главе отдельный роман, опубликованный впервые в 1839 г.⁷⁰⁰, изображает герцога подлинным лидером, волевым, умным, расчетливым, решительным и харизматичным, перед которым сложная и трагическая эпоха ставила непростые задачи. Выдающимся деятелем его делает не только характер и способности, но и глубокая верность католической церкви и дух рыцарства, преданность тем институтам, которые были в упадке, но которые он ревностно и бескорыстно защищал⁷⁰¹. Писатель подмечает, что пониманию нами этой личности мешает противоположная оценка, которую давали ему друзья и враги. Таким образом, Дж.П.Р. Джеймс вслед за Бальзаком и некоторыми историками поднимает проблему формирования и функционирования различных, часто амбивалентных, образов де Гиза в исторической культуре. Однако этот британский автор стал одним из немногих защитников герцога в английской литературе.

В романах С. Дж. Уаймена (1855–1928) «Волчье логово»⁷⁰² и «Французский дворянин»⁷⁰³, Дж. Хенти (Генти) (1832–1902) «Варфоломеевская ночь»⁷⁰⁴ и многих других активно эксплуатировался образ Генриха де Гиза, созданный протестантской, в частности британской, культурной традицией. Несмотря на обращение к многочисленным опубликованным к этому времени источникам и сильным влиянием французской романтической литературы, английские писатели второй половины XIX в. не обогатили этого персонажа какими-то новыми чертами или трактовками. Положительные образы, созданные под влиянием оправдательной традиции, уже формировавшейся во второй половине XIX в. в европейской литературе, были скорее

⁷⁰⁰ *James G. P. R. Henry of Guise; or, The states of Blois.* London: Smith, Elder and co., 1839.

⁷⁰¹ *Ibid.* Т. 3. Р. 52–53.

⁷⁰² *Weyman S. J. The House of the Wolf.* London, 1890. Рус. изд.: Уаймен С. Д. Волчье логово. Под алой мантией. Красная кокарда / пер. с английского С.В. Акимовой. Москва: Пристанище, 2015.

⁷⁰³ *Weyman S. J. A Gentleman of France.* London: Longmans, Green and Co, 1893. Рус. изд.: Уаймен С. Д. Французский дворянин / пер. с английского Е. Беренштейн. М.: «Вече», 2012.

⁷⁰⁴ *Henty G. A. St. Bartholomew's eve: a tale of the Huguenot wars.* London: Blackie, 1894.

исключением. Английские писатели на примере Генриха де Гиза продолжали конструировать собирательный негативный образ католика времен Религиозных войн. Такой подход был вполне естественен для британского общества, поскольку, наряду с прочим, перед писателями стояла задача поддержать положительный образ Англии, помогавшей угнетенной религиозной группе, французским гугенотам, бороться за права и способствовавшей приходу к власти законного и достойного наследника – Генриха Наваррского.

На наш взгляд, именно художественная литература играла одну из ведущих ролей в формировании образов прошлого в XIX – начале XX вв. Развитие массового образования в некоторых странах и распространение грамотности, интерес к истории в разных слоях общества, зарождение массовой культуры заложили основы успеха этой формы репрезентации исторических сюжетов и героев. Художественное переосмысление национального прошлого начинается на подмостках театров в эпоху Французской революции и продолжается в пьесах и романах на протяжении всего изучаемого периода. Конструирование образа Генриха де Гиза в коллективной памяти французов шло как под воздействием репрезентации на сцене, так и под влиянием чтения романов, повестей и пьес. Однако большинство европейских читателей за пределами самой Франции были знакомы с сюжетами истории Религиозных войн главным образом благодаря романам А. Дюма, А. Понсона дю Террайля, М. Зевако и других популярных авторов.

В художественной литературе в целом в эту эпоху продолжал конструироваться образ Генриха де Гиза как опасного и честолюбивого злодея, врага свободы и истинных патриотов-протестантов. Основы представлений, господствовавших в XIX в., были заложены предшествующей эпохой, однако получили красочное воплощение и развитие именно в эти годы благодаря романистам и драматургам. Опираясь на многочисленные изданные свидетельства участников Религиозных войн, в основном протестантов и умеренных «политиков», транслировавших официальную точку зрения, а также широко используя труды историков как XVII–XVIII вв., так и своих современников, писатели эксплуатировали образ герцога, который, с одной стороны, был привычным для массового сознания, с другой – отвечал ценностям и представлениям либерально настроенной части общества. Популярная литература стала отражением определенной исторической культуры, и сама становилась мощным каналом воздействия на коллективные представления наряду со школьным образованием, энциклопедиями, а позже – кино.

3.3. Визуализация образа: Генрих де Гиз в живописи, гравюре, киноискусстве и музейных экспозициях

XIX в. породил уникальное явление, которое Стивен Бенн назвал «новыми формами репрезентации прошлого»⁷⁰⁵. В рамках трансформирующегося исторического дискурса особую роль стали играть визуальные образы истории: от живописи, погружающей зрителя в детали того или иного события, «оживляя» его для современника, до исторических музеев и выставок с их особой организацией пространства, воспроизводящего обстановку и быт эпохи. Вместе с успехом научных трудов и изданий источников началась фактически борьба за максимально точное визуальное воплощение картин прошлого, созданных свидетелями эпохи, а также историками и романистами.

Вопрос об источниках, на которые опирались художники XIX в. при создании своих живописных полотен, является спорным среди исследователей. Однако он крайне важен, поскольку это может помочь при анализе механизмов конструирования тех или иных образов Генриха де Гиза в коллективной памяти и их транслирования посредством одного из популярнейших в XIX в. видов искусства – живописи. Авторы аннотированного каталога выставки, посвященного 400-летию убийства в Блуа, считают, что художники вдохновлялись главным образом историческими трудами XVIII–XIX вв.⁷⁰⁶ В то время как исследовательница исторической живописи Ориан Эбер настаивает, что художники обращались часто непосредственно к источникам: мемуарам и дневникам⁷⁰⁷. Для воссоздания не только сценария событий, но и образа прошлого, персонажей, костюмов и бытовых деталей живописцам необходимо было апеллировать к широкому кругу литературы. Однако изучение буклетов салонов, сделанное французской ученой, показало, что в комментариях к картинам содержится множество ссылок на источники личного происхождения. К этому можно добавить, что анализ содержания изображений, представленных на живописных полотнах, говорит о том, что многие из них можно рассматривать фактически в качестве иллюстраций исторических мемуаров. О. Эбер вслед за писателями XIX в. назвала такую новую форму историзма «историей через маленькую дверь»⁷⁰⁸, поскольку свидетели событий, представляя неофициальную и субъективную точку зрения, конструировали более эмоционально насыщенный и красочный рассказ, в котором небольшие и, казалось бы, незначительные детали создавали живую картину

---

⁷⁰⁵ См.: Бенн С. Одежды Клио ... С. 3–4.

⁷⁰⁶ Aubert M. Op. cit. P. 185–187.

⁷⁰⁷ Hébert O. Op. cit. P. 201–207.

⁷⁰⁸ Ibid. P. 201.

и провоцировали «эффект присутствия». Таким образом, свидетельства современников могли быть целиком взяты за основу художественного нарратива. Кроме того, как уже было сказано, мемуары всегда вызывают большую степень доверия у неспециалистов, поскольку они были написаны участниками событий, наблюдавших все «своими глазами».

Опора на источники личного происхождения предопределила одну из особенностей исторического жанра XIX в., за которую она часто подвергалась критике. Это была «анекдотическая» живопись, изображавшая знаменитых людей или события, иногда довольно второстепенные, добиваясь видимости правдивости происходящего через бытовые детали. Похожим механизмом влияния обладала и художественная литература, которая сама по себе часто становилась источником вдохновения для художников.

Необходимо отметить, что в XIX в. во Франции формируется особый «исторический жанр» (*genre historique*), который оказывал влияние на всю европейскую и русскую живопись вплоть до конца века. Официально его возникновение связывают с появлением особой номинации для награждения художников на салоне 1833 г.⁷⁰⁹, хотя сам термин появился в 1824 г.⁷¹⁰ Этот жанр отличался новизной тем и был связан с теми глубинными изменениями, которые происходили к исторической культуре XIX в. Мастера новой школы фактически совершают небольшую революцию, отказываясь от традиционных библейских и мифологических сюжетов в пользу визуализации картин из истории средневековья и нового времени. Вместе с историками и писателями и они конструируют масштабную хронику национальной жизни, стремясь максимально приблизить ее к современному зрителю. По словам М. А. Чернышевой: «Исторический жанр опирается на материал исторической науки и исторического романа, осваивая новый для живописи круг сюжетов»⁷¹¹.

В эпоху романтизма и роста национализма, художники академической школы искали в истории Франции яркие, драматические эпизоды, сравнимые с античными. Интерес к истории XVI в., подогреваемый мемуарами, художественными произведениями и театральными постановками, а также увлечение живописцев «академической школы» героическими и трагическими сюжетами, провоцировало художников, как и драматургов, обращаться к этим символическим эпизодам. Поэтому популярной темой в изобразительном искусстве этого периода становится убийство Генриха де Гиза. Наряду с гибелью короля Генриха III и Варфоломеевской ночью, оно было одним из трех главных сюжетов эпохи Религиозных войн,

---

⁷⁰⁹ Чернышева М. А. «Genre historique» во французском искусстве ... С. 147.

⁷¹⁰ *Sérié P.* La peinture d'histoire en France (1867–1900): La lyre ou le poignard... P. 44.

⁷¹¹ Чернышева М. А. Указ. соч. С. 148.

подвергавшихся многочисленным интерпретациям художниками XIX в. Именно к живописи переходит лидерство в конструировании памяти об этом политическом преступлении. П. Серье утверждает, что сохранилось семь картин и несколько гравюр, созданных в течение 1850–1880-х гг. с изображением гибели герцога, либо представляющих непосредственно связанные с ним сюжеты⁷¹². Еще несколько подобных полотен были созданы в 1830-е–1840-е гг.⁷¹³

Можно сказать, что успех этой темы был частью роста популярности политических казней и убийств в художественной культуре XIX в. Однако актуализация этой темы в разные десятилетия была связана с различными причинами. Историческая живопись во Франции находилась фактически под патронажем государства, чутко реагируя на изменения идеологического и политического вектора. Как уже было сказано, политическая обстановка во Франции после прихода к власти представителя новой династии Луи Филиппа Орлеанского в результате очередной революции 1830 г. способствовала обращению в обществе к переломным эпохам. В период успеха в обществе новых, либеральных ценностей и борьбы за правовое государство гибель главы Лиги стала одним из символов преступлений Старого режима. Вместе с романтическим увлечением сильными, противоречивыми и мятежными натурами, каким представлялся герцог европейцам XIX в., политическое звучание этого сюжета предопределило моду на него в академической живописи.

Пожалуй, первым, кто представил публике картину, иллюстрирующую убийство герцога де Гиза, был французский художник Шарль Бартеlemi Жан Дюрюп (1803–1838). В 1828 г. еще молодой тогда живописец обращается к этому знаменитому сюжету в картине «Король Генрих III попирает тело убитого герцога де Гиза» (рисунок 1). Генрих де Гиз на ней одет в зеленый пурпуэн, он лежит на коротком черном плаще с красной подкладкой, его голову с каштановыми волосами и бородкой поддерживает один из убийц. Король задумчиво и некоторой грустью взирает на свою жертву. Группа миньонов короля в правой части изображения насмеваются над судьбой герцога, демонстрируя свое превосходство и близость к монарху. Картина иллюстрирует сюжет, описанный в многочисленных источниках, начиная со свидетельства королевского врача Мирона, и ставший частью «черной легенды» герцога: один из государственных секретарей Мартин де Больё осматривает труп и находит записку, в которой, как должны знать зрители, содержится просьба к испанскому королю выделить дополнительные средства на продолжение войны во Франции.

---

⁷¹² *Sérié P.* La peinture d'histoire en France (1867–1900). Thèse de doctorat... P. 308.

⁷¹³ *Aubert M.* Op. cit. P. 185–226.

Развитие этот сюжет получил через пять лет в другой картине Дюрюпа. Она была выставлена на салоне 1833 г. под длинным названием «Маркиза Нуармуатье стремится отговорить герцога де Гиза от посещения Созыва Генеральных штатов в Блуа» (рисунок 2). На ней представлен известный эпизод, непосредственно предшествующий убийству главы Лиги – его прощание с любовницей накануне гибели. В руках герцог держит записку с очередным предупреждением о готовящемся убийстве. Лицо и поза маркизы демонстрируют обеспокоенность, она пытается задержать своего любовника. Выражение лица герцога, наоборот, горделивое и насмешливое. Вся его поза выражает уверенность в себе. Видимо, в соответствии с задумкой художника, он как раз произносит свою знаменитую фразу: «Не посмеет!».

Нельзя определенно сказать, что могло вдохновить художника на написание этой сцены. Скорее всего, она, как и многие другие полотна, является иллюстрацией соответствующего эпизода мемуаров, где он неоднократно встречается. Возможно даже, что автор был знаком в «Гизиადой», написанной драматургом XVI в. П. Матье. Именно в ней маркиза де Нуармуатье, фрейлина «летучего отряда» Екатерины Медичи, является одним из главных персонажей. С другой стороны, этот расхожий сюжет отражен во многих исторических произведениях XIX в. Помимо этого, художник несомненно был знаком с многочисленными театральными постановками современных пьес. Кроме их популярности на это указывает театрализованной образ самого герцога и композиция полотна.

Генрих де Гиз, которому историки и писатели приписывали многочисленные любовные похождения, здесь выступает в образе «героя-любовника». Одновременно с этим художник подчеркивает те черты, которые были частью сложившегося в исторической культуре XIX в. образа герцога: высокомерие, гордыню и самоуверенность. Сравнение визуального портрета Генриха де Гиза у Дюрюпа с кинематографическим образом в известном немом фильме 1908 г. наводит на мысль, что именно он послужил прообразом для создателей киноленты.

Картины Дюрюпа, сюжет которых вращается вокруг истории с записками, можно считать своеобразной диалогией, созданной, правда, в обратном хронологическом порядке. Они заложили основу популярности истории гибели герцога в живописи и стали первыми частичками мозаики, из которой усилиями нескольких поколений художников исторического жанра складывается определенная картина жизни герцога, апогеем которой становится его гибель от рук королевских убийц.

Ярчайшим воплощением визуализации исторических событий, в том числе связанных с Религиозными войнами, явилась живопись Поля (Ипполита) Делароша (1797–1856) – художника, специализировавшегося на изображении трагических событий. Несмотря на положительные отклики, которые собрала картина Дюрюпа, изображавшая гибель герцога, популярность этого

сюжета в художественной культуре началась именно с картины Делароша «Убийство герцога де Гиза» (рисунок 3). Она была представлена публике в 1835 г., вслед за выходом в свет дневников Л'Этуоля и популярных пьес, вдохновлявших художника. Некоторые авторы считают, что одним из источников для Делароша служила по-прежнему «Генриада» Вольтера⁷¹⁴. Однако вряд ли художник мог целиком заимствовать сюжет полотна из произведения, где данное событие только упоминается. Да и сам образ герцога и его противников, представленный Деларошем, очень далек по духу от персонажей вольтеровских опусов.

Картина была заказана художнику старшим сыном Луи-Филиппа, Фердинандом Филиппом Орлеанским, молодым человеком весьма прогрессивных взглядов. Из художественных произведений, которые могли повлиять на восприятие событий художником, можно вспомнить актуальные пьесы, постановка которых предшествовала картине. Прежде всего, это драмы А. де Фленье «Смерть Генриха де Гиза» и Л. Вите «Генеральные Штаты в Блуа, или Смерть герцога де Гиза», созданные с 1823 по 1830 гг. Судя по первым наброскам и акварельным эскизам, именно в год постановки пьесы Вите и одновременно в год Революции, приведшей к смене династии, художник начинает работу над этим полотном.

Деларош был одним из самых удивительных и успешных популяризаторов исторических сюжетов посредством их визуализации. Будучи членом различных профессиональных корпораций, в том числе российской, он регулярно выставлял свои произведения на парижских салонах, где они пользовались всегда большой популярностью. Несмотря на противоречивую оценку и даже открытую критику со стороны некоторых современных ему французских публицистов, поэтов и художников, обвинения в потворстве запросам публики и искусственное мимикрирование под модные течения, так называемый «салонный романтизм», успех его произведений говорит об отражении в его произведениях неких коллективных представлений, ценностей и образцов. Кроме того, знаменитый в свое время художник действительно умел понравиться и публике, и критике, таким образом, его творчество оказало влияние на культурную жизнь Европы и России в первой половине XIX в. После этого оглушительного успеха он был практически забыт почти на столетие и вновь «открыт» для публики только в последней четверти XX в. благодаря случайному стечению обстоятельств⁷¹⁵. Русский художественный критик и публицист В.В. Стасов, как и многие современные исследователи, считал, что забвение на долгие

---

⁷¹⁴ Федотова Е. Д. Указ. соч. С. 17.

⁷¹⁵ Чернышева М. А. Композиции Поля Делароша из собрания Анатолия Демидова и их значение для русских художников XIX в. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб.; М., № 6. 2016. С. 597; Bann S. Paul Delaroche ...

годы одного из величайших художников Франции было «совершенным беззаконием и высшею несправедливостью»: «Вначале этот художник был безмерно прославлен и признан гением новых времен, его имя гремело на всю Европу, но с середины XIX века его слава потерпела крушение»⁷¹⁶. В период всплеска популярности живописные полотна и эскизы Делароша были предметом внимания не только специалистов, но широкой публики. Репродукции его картин в виде фотографий и гравюр расходились по всей Европе. Специалисты считают, что он был «самым репродуцируемым живописцем своего поколения»⁷¹⁷. Ему пытались подражать и с ним соперничали другие именитые живописцы. Поэтому с уверенностью можно сказать, что его репрезентация истории была важной составной частью исторической культуры современников, причем не только французской⁷¹⁸. Вместе с тем влияние его творчества на коллективные представления о тех или иных исторических событиях выходит за рамки своей эпохи и простирается вплоть до нашего времени.

Как популярный салонный живописец и выпускник классической школы, он считался представителем «академизма». Однако, испытав влиянием романтизма Делакруа, он выбирал для своих картин драматические сюжеты французской и мировой истории. От многих других художников XIX в., обращавшихся к событиям прошлого, Делароша отличает глубокий историзм в подходе к эпохе и изображаемым им образам. Уже упоминавшийся нами В.В. Стасов выделяет его среди других живописцев XIX в. именно благодаря новым формам репрезентации истории, которые можно наблюдать в его произведениях: «Деларош обладал таким качеством, которого не было у других его товарищей: это — историческим духом общего, историческим постижением событий и людей. Выбор сюжета, характеристика времени, психологическое выражение, впечатление местности, внешнего антуража так верны и метки...»⁷¹⁹ Современные отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что живопись Делароша ярко отразила тенденции, характерные как для исторической, так и для художественной культуры. Он был одним из ведущих художников «*genre historique*», у которого не только сама композиция, но и отдельные детали: одежда, мебель, обстановка — служили выражением определенной художественной и исторической концепции, формировали нарратив и становились декларацией, определяющей восприятие картины внимательным зрителем⁷²⁰. Фотографическая точность даже

⁷¹⁶ Стасов В. В. Искусство XIX века // Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 3. М.: Искусство, 1952. С. 485–755.

⁷¹⁷ Чернышева М. А. Указ. соч. С. 600.

⁷¹⁸ Bann S. Paul Delaroche's German Reception. Dialog und Differenzen: 1789–1870. Deutsch-französische Kunstbeziehungen / Les relations franco-allemandes. Berlin, Deutscher Kunstverlag Publ., 2010. P. 139–152.

⁷¹⁹ Стасов В. В. Указ. соч. С. 540.

⁷²⁰ Чернышева М. А. «*Genre historique*» во французском искусстве ...; Bann S. Paul Delaroche ...

незначительных деталей быта и костюмов была призвана стереть грань между действительностью и живописным полотном, создать для зрителя иллюзию присутствия при изображаемых событиях. Это свойство делало их близкими к жанру «исторических сцен», популярных в драматургии.

В отличие от большинства классических исторических полотен, картина П. Делароша «Смерть герцога де Гиза» небольшая по размеру. Сюжет картины переносит нас в одну из комнат королевского замка Блуа, спальню Генриха III, в которой, по одной из версий, было совершено это преступление.

Мы видим тело герцога, распростертое у подножия королевской кровати, на которую падает свет, а напротив, в левой части картины, в темном углу, толпятся его убийцы, показывающие входящему королю результат выполнения его приказа. Деларош, который первый соединил в своем творчестве историческую живопись с бытовым жанром, проявляет особое внимание к деталям. Убитый герцог одет в серый шелковый костюм, который был на нем во время гибели, если верить дневникам врача Мирона. Его внешний облик тоже максимально соответствует описанию современников: высокий и стройный, даже худощавый мужчина средних лет, со светлыми, слегка рыжеватыми волосами и аккуратной бородкой по моде того времени. Интересен композиционный прием, используемый художником, чтобы подчеркнуть противостояние, приведшее к трагической развязке: тело герцога и король Генрих III со своим окружением, находятся в разных концах комнаты. Убийцы и их жертва как бы дистанцированы друг от друга, величественное спокойствие убитого герцога контрастирует с нервозностью его убийц, граничащим с испугом. Сдержанность, характерная для Делароша в изображении самых трагических эпизодов, сознательный отказ от изображения этой сцены как «кровавой», придает ей еще больше драматизма. Одновременно, переключая внимание зрителей с самого убийства на реакцию на него других персонажей, автор придает ему бытовой, будничной характер. Это делает историю более близкой к зрителю, способствует ее эмоциональному восприятию и ощущению сопричастности.

Сюжет, который особенно интересовал Делароша – убийца и его жертва, получает на этой картине новое воплощение и очередную интерпретацию. Если на самых известных полотнах живописца, например, «Оливер Кромвель, открывающий гроб с телом Карла I», внимание художника и зрителей сосредоточено на палаче, то на представленном произведении главным героем является убитый герцог, чье тело распростерто у подножья королевской кровати. Произведение в характерной для жанра нарративной манере рассказывает нам историю Генриха де Гиза и его гибели в замке Блуа. По отдельным деталям можно легко восстановить предшествующие события и борьбу, которая происходила в комнате. Однако именно гибель

одного из участников войн поставила точку в длительном периоде противостояния и общеевропейских перипетий борьбы за влияние и религиозное мироустройство. В этом смысле, событие, перенесенное художником на свое полотно, является символическим.

Картина имела политическое звучание для общества. Наряду с несомненными художественными достоинствами это стало одной из причин ее популярности. Художник удачно показывает страх власти перед собственными преступлениями и перед оппозицией, сопротивлением произволу. Даже вид мертвого герцога способен испугать монарха, запятнавшего себя убийством. Обозреватель салона 1835 г., на котором была выставлена картина, писал, что художник изображает, как «бледный и дрожащий, король отодвигает гобелен и появляется на пороге. Его неуверенные и безжизненные глаза трусливо обращены к убийцам, вопрошая, небезопасно ли входить в залу, мертв ли Гиз»⁷²¹.

Хотя и сейчас представленная картина вызывает восхищение у зрителя, наводит на размышления и рождает определенные ассоциации, образ герцога де Гиза, каким его задумывал автор и воспринимали европейцы 1830-х–40-х гг., может быть понят только в контексте либерального дискурса и исторической культуры той эпохи. Картина напоминает полотно другого «академиста», Ж.-Л. Жерома и вызывает у зрителя явные ассоциации с убийством Цезаря. Обращение писателей и художников эпохи романтизма к Ренессансу неизбежно повлекло за собой всплеск интереса к античной истории. Древние сюжеты, в том числе связанные не только с библейской историей, но и с периодом Гражданских войн в Риме были одним из главных источников их вдохновения. Как эпоха Ренессанса осознавала себя через рецепцию античности, так и романтизм, обращаясь к XVI в., одновременно воспринимал его через призму античной истории. Поэтому Генрих де Гиз в представлении многих образованных европейцев первой половины XIX в. – это Цезарь, военный и национальный лидер, ставший жертвой гражданской войны и борьбы за власть в меняющемся мире. Однако в контексте либерального дискурса он представлен не только жертвой кровавого гражданского противостояния, но главным образом жертвой королевского произвола, либеральным оппозиционером, убитым тираном в страхе перед утратой власти. Публика ассоциировала его образ с новым либеральным монархом, Луи-Филиппом, а Генриха III с непопулярным свергнутым Карлом X.

Несмотря на глобальную утрату значения творчества П. Делароша во второй половине XIX в., именно его визуализация этого сюжета стала классической и сформировала его образ у многих поколений французов и жителей других стран. Исторические труды, главы учебников,

---

⁷²¹ Цит. по: Çakmak G. The Panoramic Studium in Nineteenth-century History Painting. Paul Delaroche and Jean Léon Gérôme // *Mobility and Fantasy in Visual Culture* / L. Johnson (ed.). New York: Taylor & Francis, 2014. P. 76.

статьи энциклопедий, анонсы, рассказы в социальных сетях и дневниках проиллюстрированы репродукцией этой картины. Ее сюжет обыгран в комиксах, афишах и открытках⁷²². Их такое великое множество, что даже обширная ссылка с перечислением самых ярких примеров не может дать хотя бы примерного представления о масштабах популярности этого изображения. Трудно вспомнить другие примеры картин, которые стали бы столь знаковыми и явились бы символом не только одного события, изображенного на них, но и целой эпохи. Во многом, именно благодаря Деларошу образ герцога достаточно узнаваем и популярен в разных странах.

На картине бельгийского художника Анри Декена (1799–1852) «Генрих Лотарингский, герцог де Гизы среди лигеров, в замке д'Э» (рисунок 4), выставленной на год позже, чем полотно Делароша⁷²³, герцог изображен решительным политическим лидером. Живописец показывает его в тот момент, когда семья Гизов вместе со своими сторонниками собрались на совещание в парке замка. Ренессансный замок д'Э в Нормандии был фактически отстроен Генрихом Гизом и его супругой на месте разрушенного средневекового сооружения. Работы не завершились в XVI в. из-за гибели герцога. Художник не случайно выбирает эту локацию. После прихода к власти Луи-Филиппа новый монарх сделал замок своей летней резиденцией. Там же состоялась его знаменитая встреча с королевой Викторией. Картина осталась в собственности замка и украшает его интерьеры до сих пор. Возможно, что живописец даже получил заказ написание произведения, повествующего об истории замка и представляющего его в лучшем свете. Луи-Филипп, который еще до революции ассоциировал себя с герцогом де Гизом, имел особые причины выделять этот замок и его славное прошлое.

Сложно сказать, когда именно происходит это совещание, возможно, целиком выдуманное живописцем. Скорее всего, это весна 1588 г., когда глава Лиги принимает решение вступить в Париж, несмотря на запрет короля. Известно, что в это время он был в Нормандии, где и расположен знаменитый замок. Декен, вероятно, представляет на своем полотне собрание, на котором было принято это решение. Большую часть картины занимает изображение замка и части парка. В композиции из нескольких фигур, большая часть из которых сидят вокруг стола с распятием посередине, выделяется фигура кардинала и герцога, который стоит в белой одежде в круге солнечного света около стола и, возможно, произносит речь, убеждая своих сторонников поддержать его, несмотря на противозаконность задуманной акции. Особое положение герцога на

---

⁷²² См. об этом: *Кущева М.В.* История одного преступления: убийство Генриха де Гиза в коллективной памяти французов // *Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива.* М.: РГГУ, 2020. С. 69–91.

⁷²³ *Alvin M.-L.* Notice biographique sur le peintre bruxellois Henri de Caisne. Bruxelles: Hayez, 1854.

многофигурных композициях XIX в. не было случайным, оно было призвано подчеркнуть его ведущую роль в событиях и положение лидера оппозиции.

Картина Шарля-Анри-Альфреда Жоанно (1800–1837) «Анна д'Эсте требует справедливости у юного Карла IX», законченная к 1837 г., представляет вниманию зрителя один из немногих образов юного Генриха де Гиза, который в сопровождении матери приехал в Париж и был принят королевской семьей. Видимо, изображенная на полотне встреча происходит после убийства его отца, Франсуа де Гиза, поскольку подросток одет в черное, он выглядит угрюмым и настороженным. Король Карл IX, который был с ним примерно одного возраста, принимает его с распростертыми объятиями, но маленький герцог остается недвижим.

Сам Жоанно происходил из семьи французских гугенотов, которые были вынуждены эмигрировать в Германию после отмены Нантского эдикта. На чьей стороне его симпатии в данной сцене не вполне понятно. Художник часто изображал сюжеты, памятные для католиков, тогда как события, связанные с деятельностью протестантов, на его полотнах практически отсутствуют. Картина интересна тем, что перекликается с более поздним изображением маленького принца, созданного П. Ш. Контом. Интерес к данной теме у Жоанно был вызван, скорее всего, чтением мемуаров и исторической литературы, которая была издана незадолго до этого. Именно в 1830-е гг. наблюдался всплеск интереса к изданию источников по истории Франции. Детские годы герцога де Гиза достаточно подробно освещались в мемуарах Монлюка и маршала Таванна⁷²⁴, что могло послужить основой для сюжета картины у Жоанно. С другой стороны, в те же годы выходят сборники и отдельные материалы о событиях Варфоломеевской ночи, памятной для протестантов⁷²⁵. Убийство Франсуа де Гиза многие историки и мемуаристы считали одной из причин, приведших его сына к идее отмщения и спровоцировавшей резню протестантов. Поэтому интерес художника мог быть вызван поисками истоков Варфоломеевской ночи.

После оглушительного успеха в живописи, герцог де Гиз был, казалось бы, забыт на некоторое время художниками. Связано это было во многом со сменой течений во французском изобразительном искусстве, когда на смену романтизму и увлечению историей в 30–40-е гг. приходит реализм, стремившейся к отображению современной ему действительности, социальных проблем и быта разных слоев общества. Несмотря на отсутствие масштабных живописных полотен, визуальный образ Генриха де Гиза в этот период можно найти на гравюрах,

---

⁷²⁴ *Monluc B. de Lasseran-Massencôme. Commentaires de Blaise de Monluc...*

⁷²⁵ *Archives curieuses de l'histoire de France / par Cimber L., Danjou F. 1ere serie. T. 7. Paris: Beauvais, 1835.*

иллюстрировавших издание исторических трудов, прежде всего, «Историю Франции» Ж. Мишле и А. Мартена (рисунки 21, 34).

Следующая волна популярности данного сюжета приходится на период Второй империи, когда историческая живопись переживает очередное возрождение во Франции. В 1850–1860-е гг. обращение к событиям истории: античной, европейской и национальной – становится частью коммеморативной политики государства⁷²⁶. Другой причиной всплеска интереса к жанровой живописи становится формирование во Франции класса людей, способных вкладывать деньги в произведения искусства и покупавших картины, которые прославляли великое прошлое страны, для своих гостиных. Кроме того, в середине века продолжают издаваться мемуары, посвященные Религиозным войнам, тогда же печатаются и становятся популярными труды Ж. Мишле, Р. де Шатобриана, романы А. Дюма и других авторов историко-приключенческой литературы. Часть картин можно рассматривать фактически как иллюстрации к некоторым из сюжетов этих произведений. Социокультурный и политический контекст, связанный с началом правления во Франции Наполеона III и стремление нового императора утвердить собственную власть в качестве легитимной способствовал тому, что в моду опять входят исторические полотна, иллюстрирующие деятельность и гибель герцога де Гиза. Одновременно, в Европе активизировалась деятельность протестантских обществ, стремящихся к увековечиванию памяти о Религиозных войнах и конструированию позитивного образа протестантского меньшинства.

В 1850-е–1860-е гг. публике было представлено сразу несколько живописных полотен, являвшихся визуализацией известного события – убийства Генриха де Гиза и связанных с ним сюжетов. Это картины французских жанровых живописцев Пьера Шарля Конта, Эжена Девериа, Арнольда Шеффера и Мариуса Абея. На некоторых из них мы видим уже не само убийство, а те эпизоды и события, которые были причиной или следствием этого преступления. Таким образом, вокруг герцога де Гиза и его гибели как центрального события постепенно складывается особая художественная мифология, в которой герцог выступает ключевой фигурой и своеобразным «культурным героем». Эти полотна последовательно воссоздают историю его возвышения и падения посредством фиксации внимания зрителей на ключевых моментах биографии. Интересно, что данный проект, не являясь неким продуманным планом и созданный художниками разных убеждений, часто не знакомых друг с другом, тем не менее образует своеобразный единый художественный нарратив.

В 1850-е–1860-е гг. один из лучших и признанных во Франции исторических живописцев Пьер Шарль Конт (1823–1895) представил на суд публики три картины, главным героем

---

⁷²⁶ Федотова Е.В. Париж Наполеона III. Искусство и люди. М.: Белый город, 2014; Hébert O. Op. cit. P. 51–56.

которых является Генрих де Гиз. Они, пожалуй, ярче всего воссоздают образ герцога, характерный для его восприятия с эпоху Второй империи. Первой была написана замечательная многофигурная композиция «Встреча Генриха III и герцога де Гиза в Блуа, 1588», выставленная на салоне 1855 г. (рисунок 5). Призванный на последние для него и короля Генеральные штаты, герцог в сопровождении своего брата, кардинала Лотарингского, лигёрского претендента на престол, кардинала Шарля де Бурбона, и других сторонников, встречается с Генрихом III во дворе королевского замка Блуа незадолго до своей гибели. Король выходит к прибывшим депутатам, вероятно, только что спустившись по знаменитой внешней винтовой лестнице замка, которую мы видим на заднем фоне. Генрих III облачен во все черное, герцог – в сияющие белые одежды. Таким образом, используя символизм цвета, художник выделяет главных антагонистов и распределяет исторические роли персонажей. Кроме того, именно Гиз стоит лицом к зрителю. Он склонился перед королем, однако не слишком глубоко, без подобострастия. Монарх сосредоточен и напряжен, он будто не доверяет герцогу или уже задумал убийство и наблюдает за своей жертвой с некоторым страхом и сожалением одновременно. За сценой встречи двух национальных лидеров: легитимного, но нерешительного и непопулярно короля и харизматичного, привлекательного «короля Парижа», склонившегося перед своим монархом в знак уважения и признания его прав, наблюдают множество зрителей. Их лица выражают разные чувства: миньоны короля ожесточены и решительны, солдаты с любопытством выглядывают из укрытия, в тени лестницы на втором этаже еще один кардинал оценивает происходящее, чтобы дать советы монарху, архиепископ д'Эпиньяк в свите герцога отшатнулся с негодованием и страхом от созерцания свиты короля, лицо и фигура брата герцога, кардинала Лотарингского выделяется из всей композиции смиренным и обреченным выражением, предчувствием своей скорой гибели. Сюжет картины был выбран не случайно. Благодаря выходу мемуаров и многочисленным пьесам, встреча Гиза с королем стала своеобразным легендарным событием, которой часто отводилась роль переломного момента в судьбе обоих героев. Однако именно Конт первый выбирает ее для репрезентации в живописи. Полотно стало фактически одной из визитных карточек замка в Блуа, хотя выразительный и сдержанный одновременно образ герцога, созданный художником, не столь популярен как его убийство на картине Делароша.

Сам перенос внимания на иные сюжеты в живописи был достаточно симптоматичным и отражал тенденции в развитии исторической культуры. Переломные и трагические события, привлекавшие авторов 1820-х–1830-х гг., становятся достаточно маргинальными в живописи Второй империи. Художники начинают отдавать предпочтение более спокойным, бытовым историческим сценам, которые, если и были опосредованно связаны с убийствами и переворотами, переносили главное внимание на характер персонажей, иллюстрировали

подготовку или последствие каких-то значимых событий. С другой стороны, предшествующая популярность ключевых драматических сцен заставляла художников искать новые оригинальные сюжеты для своих полотен. Благодаря этому визуальный рассказ о каком-то событии обрастал подробностями, а живописцы участвовали в конструировании образов прошлого, которые становились важной частью коллективных представлений.

Год спустя на Парижском салоне публике было представлено еще одно историческое полотно, на котором Эжен Девериа (1805–1865), изобразил четырех Генрихов: короля Генриха III, герцога де Гиза, принца Конде и Генриха Наваррского, которые совещаются в доме известного полководца Крийона (рисунок 6). Автор этой картины был братом иллюстратора и художника Ашиля Девериа, который тоже прославился образами Генриха де Гиза. Сюжет, скорее всего, был навеян современной живописцу художественной литературой и пьесами. Роль мемуаров в формировании исторических представлений автора вряд ли была слишком значительной, учитывая, что воспоминания современников не сохранили информации о подобной встрече. Излюбленным персонажем обоих братьев был король Наваррский, будущий Генрих IV, именно ему они посвятили больше всего полотен и рисунков, представляя его как знаковую фигуру французской истории, харизматичного монарха-спасителя. Фигура герцога де Гиза была второстепенной для Эжена Девериа. Однако на представленной картине она находится в центре и притягивает взгляд зрителя. Подобная композиция отвечала основному замыслу художника, стремившегося показать соперника Генриха IV ярким и красивым, притягивающим взоры окружающих, обладавшим определенной харизмой, но не заслуживающим успеха, которым он пользовался у части современников и потомков. Гиз словно специально позирует художнику, приняв гордый и надменный вид, подчеркивающий его значимость. Разложенная на столе карта не привлекает его внимание, к ней склонились другие персонажи, в том числе Генрих Наваррский, на лице которого отразилась забота о благе государства и сосредоточенность на насущных проблемах. Можно с уверенностью утверждать, что Девериа пытался продемонстрировать различие характеров и значения для истории четырех Генрихов. Не сказать, что ему это полностью удалось, но созданный им образ главы Лиги вполне вписывался в контекст исторической культуры середины XIX в.

В 1860-х гг. судьба Генриха де Гиза продолжала привлекать внимание П.-Ш. Конта. Он возвращается к ней с проникновенной картиной «Элеонора д'Эсте, вдова Франсуа Лотарингского, берет со своего сына клятву отомстить убийце его отца» (рисунок 7), выставленной автором на парижском салоне 1864 г. На ней представлено одно из немногих художественных воплощений образа совсем юного, тринадцатилетнего герцога, только что получившего этот титул после убийства протестантами его отца. Его мать, Анна д'Эсте

(художником ошибочно названная Элеонорой), решительная и волевая женщина, потомок клана Борджиа, склонившись к плечу сына и приобняв его одной рукой, берет с него клятву отомстить за это подлое убийство, в котором ее семья обвиняла адмирала Колиньи. Юный де Гиз спокоен, но его еще совсем детское лицо омрачено горем, он понимает важность и торжественность момента. Герцогская корона, лежащая перед ними на алтаре, играет роль символа. С одной стороны, это знак древности рода и герцогского достоинства Гизов, которые теперь перешли по наследству Генриху, с другой, намек на стремление главного героя занять французский престол. Существует другая версия картины, почти авторская копия, но герцог на ней одет в белые одежды – символ невинности и чистоты помыслов. Однако черный цвет не только формально больше соответствует моменту, в нем кроется, вероятно, глубокий авторский замысел. Зрители знают, что семья Гизов не добилась справедливости от королевского суда, и эта клятва приведет молодого Гиза на поля сражений, где он будет искать встречи с убийцей отца, на парижские улицы во время Варфоломеевской ночи и к дому Колиньи, и, в конце концов, возможно, предопределит всю его дальнейшую жизнь, закончившуюся собственной гибелью. Скорее всего, сюжет картины был навеян популярными исследованиями Ж. Мишле, который в своей «Истории Франции» описывает подобный эпизод биографии герцога.

Еще через три года П.-Ш. Конт завершает цикл картин, посвященных Генриху де Гизу, полотном «Генрих III во время убийства герцога де Гиза», которая была представлена на салоне 1867 г. К сожалению, эта картина была утрачена или ее местонахождение неизвестно.

В 1860-е гг. репрезентацией сюжетов, связанных с убийством герцога де Гиза, увлекался французский живописец Арнольд Шеффер (1839–1873). Он происходил из семьи известных жанровых живописцев, поэтому его интерес к истории не был случайным. Сложнее понять, почему именно эти темы привлекли художника, который воспитывался в протестантской среде. Возможно, успех истории Религиозных войн в современной либеральной литературе и историографии способствовал привлечению к ним интереса Шеффера. Помимо этого, источники, которые он фактически иллюстрировал своими картинами были созданы умеренными авторами, представителями партии «политиков». Они не противоречили принципиально ни официальной, ни протестантской версии событий.

Шеффер создал несколько картин с репрезентацией различных эпизодов Религиозных войн во Франции. Убийству Генриха де Гиза посвящены две картины этого художника и еще одна косвенно связана с этим сюжетом. Интересно, что сам образ герцога отсутствует на этих полотнах, если не считать размытого изображения его тела в сцене похоронной церемонии. Художник использует особый нарративный прием для рассказа о смерти де Гиза. Его образ

создается другими персонажами, их поведением, проявлением определенных чувств. Сами ситуации, изображенные Шеффером, были спровоцированы деятельностью главы Лиги.

В одной из картин художника действие происходит на одной из центральных парижских улиц, где мать убитых братьев Гизов, Анна д'Эсте, герцогиня Немурская, просит короля Генриха III отдать ей тела сыновей для христианского погребения (рисунок 8). Как считают некоторые специалисты, эпизод мог быть вдохновлен гравюрами XVI в.⁷²⁷ Однако он целиком мифологический, поскольку не только трупы братьев были сожжены, но сама герцогиня заключена под стражу и томилась некоторое время в тюрьме.

Живописное полотно А. Шеффера «Процессия и похоронная церемония в честь герцога де Гиза, убитого в Блуа», представленная на салоне 1868 г., изображает прощание с братьями в Париже (рисунок 10)⁷²⁸. На первом плане – процессия верующих, людей разных сословий, пола и возраста, которые стоят на морозе, чтобы проститься с умерщвленными герцогом и его братом-кардиналом, выразить свою скорбь и гнев. Некоторые из них рвут на себе одежду, другие опустили на колени или мерзнут босиком на снегу. Полотно иллюстрирует настроения в Париже в конце 1588 – начале 1589 гг. и кажется созданным лигёром XVI в. под влиянием гнева и страха, которые господствовали после убийства герцога в рядах католиков. А. Шеффер считается одним из тех художников, который в стремлении к исторической правде в своих картинах⁷²⁹ визуализировал свидетельства современников. В частности, эпизод народной скорби и торжественной службы в Соборе Парижской Богоматери был, по всей видимости, заимствован у П. де Л'Этуаля, чьи дневники пользовались большим успехом после их издания в 1823 г.⁷³⁰ Сильное влияние свидетельств современников прослеживается и в изобразительном компоненте полотна: даже в оформлении алтаря использована гравюра XVI в. из собрания мемуариста, которая фактически и является объектом поклонения. На ней можно увидеть тела двух братьев, а венчает композицию крест и орудия страстей (Рисунок 11). Если верить мемуаристам, именно это изображение, перенесенное на огромную деревянную доску наподобие иконы, было выставлено в соборе после известия о гибели герцога. Чтобы понять сюжет картины, зрители должны были быть знакомы с текстом мемуаров непосредственно, либо из описания, которым сам художник сопровождал свое произведение в каталоге салона.

---

⁷²⁷ *La tragédie de Blois ...* P. 216.

⁷²⁸ *Salon de 1868. Histoire, genre et portraits // Revue artistique et littéraire.* Т. 15. Paris. 1868. P. 29.

⁷²⁹ *La tragédie de Blois ...* P. 217.

⁷³⁰ *L'Estoile P. de. Mémoires et journal ... // Collection complete des memoires relatives a l'histoire de France.* Т. XLIX. Paris, 1823.

Арнольд Шеффер, будучи протестантом, не случайно обратился именно к этому эпизоду. События, изображенные на полотне, могут восприниматься по-разному в зависимости от отношения зрителей к личности герцога и эпохе Религиозных войн. С одной стороны, благодаря воображению художника, мы фактически присутствуем при попытке сакрализации братьев Гиз и конструировании мифа о герцоге как святом воине, защитнике церкви и веры, мученике, убиенном за верность религии. С другой, сам Шеффер вкладывал в картину совсем иной смысл, стремясь подчеркнуть религиозный фанатизм католиков, доведенных до неистовства духовенством и фактически обманутых Гизами, которые использовали народную любовь в своих интересах. Можно констатировать, что на большинство современных зрителей картина производит совершенно обратный эффект, однако в дискурсе исторической культуры XIX в. она, вероятно, воспринималась именно так, как ее задумал художник.

Картина Франсуа-Бартелеми-Мариуса Абея (1832–1870) изображает один из ключевых эпизодов гражданских войн – смерть герцога Анжуйского, последнего наследника французского престола из династии Валуа (рисунок 9). Произведение было представлено в 1863 г. и отвечало вкусам публики, которая всегда увлечена драматическими эпизодами и изображением смертей. Однако автор вполне в духе времени делает главным героем вовсе не умершего герцога, а других героев. Уход в молодом возрасте младшего брата короля спровоцировал политический кризис, обострение борьбы за престол и организацию второй Католической лиги в 1585 г., поскольку ближайшим претендентом на корону становился протестант Генрих Наваррский. Этот переломный политический эпизод мастерски представлен в композицию Абея. Генрих де Гиз изображен на ней стоящим перед постелью умершего принца вместе с королем, королевой-матерью и несколькими другими персонажами. Генрих III и герцог со своими сторонниками находятся напротив друг друга, что имеет глубокий смысл: их противостояние вступает в новую фазу, возможно, начинается с этих событий. Фигура главы Лиги выделяется благодаря светлым одеждам и порывистому движению, которое удалось передать художнику. Изображение герцога, облаченного в светлое, становится общим местом в живописи XIX в.

Еще одно произведение принадлежит кисти художника Жана-Ашиля Блерси. Оно было выставлено на салоне 1869 г. и представляло собой иллюстрацию сцены, которая могла произойти перед дверьми Зала совета в кабинете короля 23 декабря 1588 г., непосредственно перед убийством герцога (рисунок 12). Самой жертвы и заказчика нет на картине. На ней изображены исполнители, несколько членов королевской гвардии «сорока пяти», участвовавшие в этом убийстве. Они готовятся исполнить задуманное, с напряжением ожидая приказа или появления герцога. На переднем плане один из дворян в нетерпении оперся на изогнутый клинок. Возможно, это Луаньяк, который по сообщениям источников «остановился там со своей

шпагой»⁷³¹. Фигуры нескольких исполнителей убийства скрыты в тени, как будто они не хотят быть узнаваемыми, скрывая собственные чувства и лица. Вероятно, подробное описание убийства герцога в мемуарах Патта, полностью опубликованных в 1863 г.⁷³², вдохновило художника на визуализацию этой сцены.

Картина Виктора Башро-Реверсона (1842–1885) «Представление Польтро де Мере герцогу де Гизу» (рисунок 13), которую можно было увидеть на салоне 1878 г., изображает один из самых известных эпизодов гражданских войн во Франции, который, по мнению современников событий и почти всех историков, оказал ключевое влияние на судьбу Генриха де Гиза. После ранения под Орлеаном в 1563 г., Франсуа де Гиз умирает, окруженный членами семьи. К нему приводят его убийцу, которому герцог дарует прощение. В брошюре, посвященной салону, были процитированы его слова из знаменитого труда историка XVIII в. Л.-П. Анкетиля: «Ваша религия повелела вам убить меня, моя заставляет меня вас простить»⁷³³. Фантазия художника окружает Франсуа де Гиза почти всеми членами его семейства, хотя источники дают противоречивые сведения о том, кто все-таки присутствовал при этом событии. Но нам интересна фигура тринадцатилетнего принца Жуанвиля, который через несколько часов станет очередным герцогом де Гизом. Он стоит слева от умирающего отца, которого сопровождал в этой войне, с болью и ненавистью наблюдая за его убийцей. Это одна из немногих фигур в этой сложной композиции, лицо которой обращено на арестованного. Художник демонстрирует отношение юного Гиза к произошедшему: помимо горя он испытывает желание отомстить, которое не будет удовлетворено после казни исполнителя, и предопределяет дальнейшие действия молодого герцога и убийство Колиньи в Варфоломеевскую ночь. Полотно перекликается с другим изображением юного герцога, приносящего клятву мести на картине Ш. П. Конта, и сюжетно предшествует ему.

Одно из последних исторических полотен на эту тему кисти Альтера Обле, представляет сцену, которая происходила в Лувре в 1588 г. (рисунок 14). Герцог де Гиз в осажденном силами Лиги Париже является ко двору Генриха III как лидер победившей на этом этапе партии, чтобы вести переговоры. Он склоняется перед монархом, однако его лицо выражает скорее решимость и недоверие ко двору, чем покорность. Екатерина Медичи рядом с сидящим сыном жестом предлагает королю принять герцога и начать переговоры, однако монарх недоволен и напряжен,

---

⁷³¹ Bulletin de la Société de l'histoire de France ... P. 340.

⁷³² Patte J. Journal historique de Jehan Patte ...

⁷³³ Anquetil L.-P. L'esprit de la Ligue, ou histoire politique des troubles de France pendant les XVIe et XVIIe siècles. T. 1. P. 171.

он не желает вступать в диалог с мятежным лидером Лиги. Герцог традиционно облачен в белое, за исключением темного плаща, тогда как Генрих III в рамках той же художественной традиции одет полностью в черное, только огромный белый воротник оттеняет остальную одежду и подчеркивает бледность лица монарха. Наверное, единственное, в чем художник выходит за рамки сложившегося образа герцога – цвет волос. Следуя большинству портретов и описаниям XVI в., живописцы изображали его светловолосым, тогда как у Обле он скорее шатен или даже брюнет. Вероятно, художник опирался на одно из портретных изображений герцога XVI в, большинство из которых не стремились к полному сходству с реальным персонажем.

Представленные полотна являются значительной и весьма характерной частью живописного наследия XIX в. Большая часть из них изображала его в замке Блуа перед гибелью или само убийство. Образы главы Лиги в живописи были более нейтральными, чем в исторической или художественной литературе. Отчасти это можно объяснить особенностью репрезентации прошлого в этом виде искусства, а также задачами, которые ставили перед собой художники – визуализировать не только символические, но и наиболее востребованные, эмоционально насыщенные эпизоды, зафиксировать их в коллективной памяти, позволить зрителям погрузиться в атмосферу XVI в. Однако большинство художников, как и писателей, эксплуатировали эпизоды, связанные с противостоянием герцога и короля как значимым событием в развитии французского общества и государства.

Большая часть известных нам полотен относится к периоду Второй империи (5 из 13). Создавая живописные полотна, вдохновленные историческими мемуарами и исследованиями, художники 1860–70-х гг. фактически формируют собственный нарратив, который представляет публике на манер современных комиксов последовательный рассказ о гибели герцога, начиная с его свидетельства убийства отца и воображаемой детской клятвы и до трагической гибели. Каждое полотно играет в нем роль отдельного высказывания, которое формирует образ герцога де Гиза. Классические полотна Делароша, Дюрюпа и Конта органично встраиваются в общую мозаику. Это история замыкается на фигуре матери Генриха де Гиза, Анне д'Эсте, которая на картине Башро-Реверсона оплакивает мужа, на полотне Конта призывает юного герцога к мести, а у Шефера просит выдать ей тело убитого сына для захоронения. Интересно, что обе картины, на которых фигурирует эта героиня были созданы в 1864 г. Художники сосредотачивали свое основное внимание именно на убийстве и формируют образ герцога как жертвы. Несмотря на то, что представленные живописцы принадлежали к разным идеологическим группам и религиозным конфессиям, они включались в этот процесс конструирования подобного визуального образа. Некоторые пытались представить его жертвой собственных амбиций, другие – жертвой королевской власти, однако их репрезентации встраивались в общий нарратив, причем

не только живописный. Каждое полотно было частью общей картины, понятной зрителю XIX в., знакомого с этим сюжетом по школьным учебникам, мемуарам д'Этуаля, трудам Мишле, популярным романам и пьесам. Не случайно, именно гибель герцога де Гиза, так ярко и талантливо описанная в различных источниках и исследованиях, была наиболее часто визуализируемым эпизодом его биографии. Два полотна 1870-х гг. только детализируют общую картину, но не привносят в нее ничего нового. В этот период интерес к подобным сюжетам угасает, полностью исчезая к концу столетия.

В конце XIX в. получили развитие новые стили и формы художественного творчества, кроме того, поражение во Франко-прусской войне и падение империи привели к тому, что историческая живопись во Франции теряет актуальность. Однако личность герцога де Гиза периодически вызывала интерес не только французских, но и других европейских художников. Например, в Британском музее хранится портрет герцога де Гиза первой половины XIX в. Автор черно-белой гравюры – баронесса Шарлотта де Рос, художник-любитель, творившая примерно с 1810 до 1830 гг. Ее герцог де Гиз имеет вид слегка безумного вельможи с напряженным и даже испуганным выражением лица, что мало соответствует его описанию большинством мемуаристов и историков (рисунок 16).

Эпизоды биографии герцога де Гиза и его портретные изображения были центральной темой не только живописных салонных произведений, но и многочисленных гравюр, литографий, рисунков, набросков и карикатур, роль которых наоборот возрастает. В огромном количестве выпускавшиеся во второй половине XIX – начале XX вв. во Франции в виде открыток, учебных карточек, сувенирной продукции и репродукций, украшавшие страницы литературных произведений, научно-популярных трудов, учебников и даже коробок шоколада, они намного более репрезентативны для изучения массовой исторической культуры и обыденного сознания.

Все подобные изображения можно классифицировать по типам и сюжетам, которые напрямую связаны с их функциями. Так, можно выделить карикатурные, дидактические, романтизированные и чисто иллюстративные образы. Интересно проследить, какие из них на каком виде носителя были популярны, а также, какие эпизоды и изобразительные приемы использовались в каждом из этих случаев. Учитывая большой объем изображений, мы выделили наиболее характерные и часто повторяющиеся.

В XIX в. популярными становятся иллюстрации к историческим трудам и литературным произведениям. Нельзя сказать, что такого жанра не существовало ранее. «Генриада» Вольтера в XVIII в. также вдохновляла художников на изображение литературно-исторических сюжетов. Однако в девятнадцатом столетии начинается настоящий иллюстративный бум. Труды

историков и писателей, от Мишле до Дюма, удостоиваются многочисленных изображений, составивших отдельное художественное наследие и представляющих образы событий, которые оказывали на сознание публики не меньшее влияние, чем сам текст. С. Бенн рассматривает особенности иллюстративного материала к историческим трудам XIX в. в контексте изменений от метонимического к метафорическому, т.е. «от включения в книгу изображения планов, карт, исторических памятников и отдельных исторических персонажей, к иллюстрации в нарративе самих моментов реального действия»⁷³⁴.

Изображения, сопровождавшие научный или литературный текст можно назвать предшественниками современных комиксов на исторические темы, тем более что создатели последних иногда сознательно использовали популярные мотивы своих коллег по цеху XIX в. Как правило, с помощью иллюстраций художники, в том числе достаточно известные, визуализировали самые популярные сюжеты. Религиозные войны и судьба Генриха де Гиза давала большой простор для воображения граверов. Наиболее востребованными становятся такие события, как убийство Колиньи во время Варфоломеевской ночи, герцог де Гиз на баррикадах в мае 1588 г. и, конечно, его гибель.

А. Дюма стал тем писателем и драматургом, который вдохновлял большинство французских художников-иллюстраторов. Одно из самых знаменитых изображений Генриха де Гиза на страницах изданий литературных произведений XIX в. является визуализацией эпизода из его пьесы «Генрих III и его двор». Это классическая сцена, в которой герцог, сдавливая жене руку, принуждает ее написать письмо Сен-Мегрено, влюбленному в герцогиню, чтобы завлечь его в ловушку (рисунок 19). Гиз на ней облачен в рыцарские латы, что подчеркивает его воинственность, превосходство и грубую мужественность. Железной перчаткой, которая упоминается в тексте, он сжимает руку своей жены, с отталкивающе жестоким выражением лица нависая над ней и протягивая бумагу для письма, которое должно сыграть роковую роль в судьбе ее предполагаемого любовника. Иллюстрация вполне соответствовала духу произведения и образу Генриха де Гиза, созданного Дюма.

В 1884 г. гравер и карикатурист Ф. Ферник обыграл этот сюжет, насмехаясь над современными костюмами к постановке пьесы в театре «Де ла Гете» (рисунок 24). Железная перчатка, элемент воинской защиты и символ мужественности, которое в пьесе, правда, выступает орудием жестоко принуждения, превращается в ажурные перчатки. Используя подобную антитезу, художник создает комический эффект. Изображение сопровождается надписью, поясняющей шутку: самая популярна фраза пьесы («ради которой она была

---

⁷³⁴ Бенн С. Одежды Клио ... С. 137.

написана»): «Что скажет французская знать, когда узнает, что рука женщины была сломана рыцарской железной перчаткой?» потеряла смысл, так как современные постановщики оставили герцогу только нагрудник, нарядив его в ажурные перчатки. Но художник, помимо этого, очень остроумно обыгрывает клишированный образ герцога де Гиза, в частности, созданный в романах и пьесе А. Дюма. Белокурый красавец превращается в гиперболизированного злодея с черными густыми усами, бакенбардами и бровями, нависшими над толстым отталкивающим лицом.

Образ герцога и даже сюжет его убийства нередко использовался в XIX – начале XX вв. авторами карикатур. Один из интереснейших примеров подобного изображения, на котором художник обыгрывал гибель Гиза, можно увидеть на обложке журнала «Домашняя кухня» за апрель 1906 г. Иллюстрация называется «Лотарингский пирог в 1588 г.» и изображает поедание национального блюда двором во главе с Генрихом III на фоне убийства Генриха де Гиза, который, как известно, происходил из младшей ветви лотарингского дома (рисунок 32). Интересно, что именно этот трагический эпизод использовался и продолжает обыгрываться в сатирическом ключе художниками. Благодаря многочисленным и разнообразным изображениям и описаниям, пьесам и музейным экспозициям, а с рубежа XIX–XX вв. – еще и фильмам, убийство герцога де Гиза стало узнаваемым, «бродячим» сюжетом, символичным для эпохи и французской истории вообще. Вокруг него, фактически, стал выстраиваться его образ. Это событие было всем хорошо известно и могло быть обыграно как в трагическом, так и в романтическом, дидактическом и даже юмористическом ключе.

Среди художников-иллюстраторов XIX в. был достаточно популярным романтический образ герцога. Сюда мы можем отнести «черного герцога» из классических иллюстраций к романам А. Дюма, особенно к последней части трилогии – «Сорок пять» (рисунок 22). На страницах этого произведения, как мы видели выше, герцог изображен неоднозначным персонажем. Грозный и опытный полководец, талантливый и популярный политический деятель, он предает интересы родины и религии, ради собственных интересов вступая в войну с войсками короля на стороне фламандцев под предводительством протестанта Вильгельма Оранского. Интрига состоит в том, что автор называет его «неизвестным», а персонажи романа – «монсеньером». Только по описанию можно узнать грозного герцога, явившегося в лагерь фламандцев инкогнито. Художник одного из первых изданий Дюма середины XIX в. изобразил знаменитый эпизод битвы между герцогом Жуайезом и загадочным «черным рыцарем», в котором читатели должны узнать де Гиза. Жуайез снял шлем во время сражения, открыв свое лицо тому, кого считал предателем, тогда как рыцарь в черных доспехах скрывает свое лицо за забралом, демонстрируя этим желание остаться инкогнито. Мы не случайно отнесли это изображение к романтическим образам. Как и в романе Дюма этот персонаж вызывает интерес

зрителя, он обладает качествами истинного военного и харизматического лидера, а черные доспехи здесь символизируют в большей степени некую тайну. Однако использование мрачных тонов в конструировании визуального и даже вербального образа герцога, символизирующего опасность, мрак и войну, и традиционно использующегося для создания отрицательного имиджа, становится постепенно под влиянием Дюма настолько популярным, что Гиза начинают чаще изображать брюнетом, вопреки многочисленным описаниям и популярным прижизненным портретам. Подобная традиция закрепилась в сознании и стала частью современных представлений.

Романтические образы представлены портретами герцога, которые художники создавали, судя по всему, не столько руководствуясь изображениями и описаниями XVI в., сколько собственным воображением (рисунок 17). Иногда можно встретить иллюстрации отдельных, не самых популярных эпизодов. А. Девериа, автор нескольких изображений герцога, известный, кроме того, эротическими рисунками, воссоздал эпизод отношений Гиза с герцогиней Нуармуатье, возможно их последнюю ночь перед гибелью герцога (рисунок 18). Еще более романтизированный образ предстает со страниц биографии Ш. Ковена, проиллюстрированной соответствующей гравюрой с изображением его свадьбы (рисунок 25). Она является одним из примеров того, как визуальные образы Генриха де Гиза отличаются в зависимости от содержания литературы, которую они иллюстрируют. Несмотря на достаточно бытовой сюжет, в изображении Меченного и его супруги хорошо угадывается отношение художника к своим персонажам. Герцог изображен галантным кавалером, внимательным и изящным. На небольшой черно-белой гравюре художник сумел отразить уважительные и нежные отношения между будущими супругами. Этот образ молодой пары и выбор абсолютно непопулярного, но столь выразительного эпизода, задает тон всей биографии, написанной Ш. Ковеном, подсказывая читателю, что он найдет на страницах этой монографии несколько идеализированный образ, продиктованный особой любовью автора к своему персонажу.

Самым востребованным являлись изображения сцены гибели герцога и сюжеты, связанными с деятельностью Лиги и Днем баррикад. Их функции были воспитательными, образовательными и информационными. Они были призваны показать опасность выступления против власти и короля, представить главу католиков возмутителем спокойствия. Эти изображения создавались в рамках той же культурной традиции, что и большинство произведений литературы, учебников и популярных исторических исследований. Одним из самых иллюстрируемых авторов последних был Ж. Мишле, поскольку его «История Франции» была востребованным и читаемым трудом. Художники выбирали наиболее яркие и драматические моменты для изображений. Первые издания были обычно дополнены только

портретами главных действующих лиц в начале тома, зато издание 1880 г. может в плане иллюстраций составить конкуренцию художественным произведениям. Каждая глава в нем начинается и заканчивается изображениями исторических сцен⁷³⁵. Главу об убийстве Генриха де Гиза открывает его изображение в полный рост, которое является копией с его прижизненного портрета неизвестного художника⁷³⁶. Однако большинство остальных глав предваряют гравюры со сценами парижской жизни, баррикад и сражений. Глава о Штатах в Блуа начинается замечательным изображением герцога, который торжественно въезжает в королевский замок в открытом портшезе, облаченный в латы (рисунок 23)⁷³⁷. Как и названия глав у Мишле, такие изображения были определенной исторической декларацией.

Подобные иллюстрации, часто копирующие сюжеты известных картин, собрал в одном издании Поль Леюгер (1854–1932), профессор истории лицея Карла Великого, а затем лицея Генриха IV. В 1880 гг. было издано его иллюстрированное издание истории Франции в 100 картинах, ориентированное главным образом на учащихся. В нем нас интересуют сюжеты, выбранные автором для визуализации истории правления последних Валуа. Из них можно обнаружить две иллюстрации с Генрихом де Гизом в качестве центрального персонажа. Обе они освещают события 1588–1589 гг., на первой герцог обращается к восставшим парижанам с высоты баррикады, возведенной в Париже 12 мая⁷³⁸ и на второй мы можем наблюдать убийство де Гиза⁷³⁹. Эти изображения стали классикой исторической иллюстрации и часто используются в современной учебной литературе, в электронных энциклопедиях, социальных сетях и авторами комиксов.

Существовало множество подобных иллюстрированных курсов, часть из которых достаточно хорошо известна, другие забыты со временем, но все они формировали восприятие школьниками тех или иных событий родной истории и исторических личностей. Образ Генриха де Гиза всегда присутствовал на изображениях в рамках репрезентации Религиозных войн и царствования последних Валуа. Художники чаще всего обращаются к его участию в событиях 1585–1588 гг., а также к убийству, но крайне редко к более ранним эпизодам, даже таким

---

⁷³⁵ *Michelet J.* Histoire de France. Vol. 12. Paris: Lacroix, 1880. Publication numérique.

URL: <https://archive.org/details/histoiredefrance12michuoft/page/158/mode/2up> (дата обращения: 18.03.2021).

⁷³⁶ *Ibid.* P. 235.

⁷³⁷ *Ibid.* P. 223.

⁷³⁸ *Lehuteur P.* Histoire de France en cent tableaux. Paris, 1880.

URL: [https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k992639v/f125.image.r=Paul%20Lehuteur%20\(1854-1932%3F\)](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k992639v/f125.image.r=Paul%20Lehuteur%20(1854-1932%3F))

(дата обращения: 18.03.2021).

⁷³⁹ *Ibid.*

известным, как Варфоломеевская ночь, проникнутые убеждением, что основную роль в них играли Валуа, Екатерина Медичи и парижская чернь.

В самом конце XIX – начале XX вв. знаковым становится популярность такого вида визуализации исторических сюжетов как открытки, изображения на упаковочных коробках, рекламных афишах и т.п. Знаковым, поскольку это явление, наряду со многими другими признаками, сигнализировало о появлении массовой культуры. Не обошли создатели открыток своим вниманием и герцога де Гиза. Благодаря развитию образования и становлению популярной литературы исторические сюжеты стали узнаваемыми у публики и вызывали интерес. Судя по сохранившимся изображениям, эпоха Ренессанса и Религиозных войн, двор Генриха III и деятельность Католической лиги были одними из самых востребованных эпизодов для подобных изображений. Авторы активно использовали образ Генриха де Гиза в дидактических и рекламных целях. Например, создатели серии открыток для детей со знаменитыми историческими цитатами не обошли вниманием сюжет гибели герцога. Ставшая знаменитой благодаря не столько трудам историков и публикациям источников, сколько учебникам, художественным произведениям и первой экранизации, фраза Генриха III после убийства соперника: «Мертвым он кажется еще больше, чем живым» была использована на изображении, напечатанном в 1900 г. Знаковая сцена адаптирована художником цветной литографии для детского восприятия оригинальным образом: все герои этой драмы представлены в виде детей. Кроме того, на теле герцога и на полу комнаты практически отсутствуют кровавые пятна, за исключением еле заметного следа у плеча жертвы и опрокинутого стула. Вся сцена выглядит мирной и благообразной, без намека на жестокую и драматическую составляющую (рисунок 27).

Гибель герцога и связанные с ней события, были самым популярным сюжетом этой эпохи, который оформители использовали в открытках и рекламе. Часто издатели заимствовали изображения с полотен французских художников XIX в., например, П. Ш. Конта, либо прибегали к собственной визуальной интерпретации событий, не отличающейся, впрочем, особой оригинальностью (рисунок 33). На втором месте по популярности, были сцены из биографии герцога, связанные с Днем баррикад 1588 г. (рисунок 34). Именно эти два события, стали сюжетообразующими для биографии герцога, о них большинство французов знала из школьной программы, энциклопедий, живописи и музейной репрезентации. Открытки, упаковки и афиши, репрезентовавшие посредством подобных популярных эпизодов образ герцога, закрепляли представления о нем как о персонаже, значение которого раскрывается через дидактические и просветительские функции: иллюстрация значимых для коллективной памяти эпизодов прошлого и демонстрация судьбы противников легитимной власти. Однако сами по себе эти

эпизоды предоставляли возможность различного толкования, поэтому чисто образовательное значение этих изображений выступает, несомненно, на первый план.

Еще одна обнаруженная нами литография, выпущенная в виде открытки в 1890 г., является иллюстрацией более редкого сюжета. На ней обыгрывается цитата, которая характеризует лидера католиков не с самой приглядной стороны. Этот источник представляет особую ценность именно с точки зрения понимания задач, которые ставили перед собой создатели и издатели подобных изображений. 15 мая 1588 г. после бегства короля из столицы и воцарения в ней Генриха де Гиза, президент Парижского парламента Ашиль д'Арле, отказавшись сотрудничать с Лигой и сохранив верность своему законному монарху, якобы произнес в лицо герцогу: «Очень жаль, когда слуга выгоняет хозяина». Этот эпизод, в частности, описан у мемуариста и историка Жака де Ту, чьим свояком был знаменитый президент парламента. Как и его родственник, автор мемуаров был умеренным католиком и «политиком», сторонником курса двора и законной власти, поэтому показывая проявление гражданского мужества и верности д'Арле, он одновременно выставляет герцога де Гиза предателем и мятежником. Художник, следуя образу, созданному мемуаристом, представляет президента Парижского парламента в назидательной позе, с благородным выражением лица, на манер древнего римлянина произносящего слова, которые должны стать историческими. Герцог же выглядит смущенным, пряча глаза и испытывая раскаяние, столкнувшись с истинным патриотизмом и благородством (рисунок 26).

Не менее интересны обложки тетрадей для школьников, в оформлении которых в конце XIX – начале XX вв. использовался сюжет убийства главы Католической лиги (рисунок 29). Можно предположить, что издатели в этом случае преследовали две основные цели: рекламную, поскольку этот эпизод стал уже достаточно популярным и привлекал внимание школьников и их родителей, а также – просветительскую, так как благодаря иллюстрации учащиеся должны были лучше запомнить данное событие и даже, возможно, заинтересоваться ими и обратиться к дидактической литературе в поисках дополнительной информации.

Все представленные источники: открытки, рекламные изображения на упаковках, школьные тетради – наряду с иллюстрациями и изобразительным контентом учебных курсов представляют собой отдельный от живописных полотен комплекс, который намного ярче отражал восприятие образов истории широкими слоями общества. Если сравнить эти изображения с теми, которые мы можем наблюдать на страницах популярной литературы и учебников XIX в. – начала XX в., то нужно признать, что именно в массовой культуре с самого начала ее зарождения закреплялся и развивался образ Генриха де Гиза как высокомерного и честолюбивого представителя знати, мятежника, спровоцировавшего переворот и

стремившегося к захвату власти, яркого внешне, но не очень талантливого политика и военного, чуть не погубившего страну, которую он втягивал в бесконечные интриги и войны, и поплатившегося жизнью за то, что противопоставил свою власть законной власти короля. Приемы, которые использовались оформителями: обращение к наиболее известным сюжетам живописи XIX в., обыгрывание «исторических» фраз, подчерпнутых из растиражированных источников, стилизация и стереотипизация персонажей – способствовали активному проникновению этого образа в массовую культуру, формирующуюся на рубеже столетий.

Иллюстративный тип изображений, без ярко выраженной смысловой нагрузки, был характерен для образа герцога как героя различных пьес. Созданные часто с целью визуализации костюма и общего облика персонажа для театральной сцены, они не должны были быть отягощены какими-то дополнительными смыслами. Но они являются показательными для понимания представлений художников того времени о герцоге де Гизе, характерных чертах его костюма и прически. Этот тип изображений демонстрирует, какова была внешняя репрезентация этого персонажа на театральных подмостках Европы в романтический период. На них он предстает перед нами в латах или парадном облачении, одетый по моде того времени. Цвет костюмов варьируется в зависимости от фантазии художника (рисунки 28–31). Интересно, что наряду со стилизацией под XVI в., костюмы были скроены по моде XIX в. На некоторых изображениях герцог находится среди других персонажей и простирает руку вперед, как будто призывая их к действиям, увлекая за собой (рисунки 15, 20, 21). Иногда он окружен членами своей семьи, что говорить о том, что Гизы воспринимались как единый сплоченный клан, действовавший сообща против протестантов и власти (рисунок 15). В набросках к пьесам, в которых он изображен отрицательным или неоднозначным персонажем, герцог традиционно темноволос (рисунки 15, 20). Однако театральные образы были в меньшей степени подвержены влиянию стереотипов, чем изображения на открытках и иллюстрациях. Мы можем наблюдать на них некоторое портретное сходство, особенно когда авторами этих рисунков являлись известные живописцы (рисунок 20), и использование портретов XVI в., что было характерно, правда, и для некоторых образов на сериях открыток, издававшихся с просветительскими целями и для коллекционеров (рисунок 30).

Существовал еще один интересный способ визуальной репрезентации герцога – наряды и общий образ на театрализованных балах. Сохраняя популярность в течение XIX – начала XX вв., такие светские приёмы в стиле определенной эпохи были интересным способом конструирования истории. Знатные особы в разных европейских государствах устраивали тематические балы или фотосессии. Образ герцога Генриха де Гиза был одним из самых

востребованных исторических имиджей не только во Франции, но и в Великобритании и еще ряде стран (рисунок 31).

Таким образом, мы можем наблюдать пример интерпретации образа герцога де Гиза в зарождающейся в конце XIX в. массовой культуре на примере нескольких новых, но характерных для указанного периода источников. В начале XX в. «исторические открытки» использовались еще и для оформления коробок французского шоколада и некоторых других продуктов (рисунки 26–27), что делало их еще более доступными и погружало в визуальную историческую среду разные поколения французов. По оформлению упаковок можно судить о наиболее популярных эпизодах его биографии, которые циркулировали в обыденном историческом сознании. Для подобной цели обычно выбирались наиболее знаковые, «ходовые» и узнаваемые сюжеты. Опорные точки биографии Гиза, которые наиболее часто визуализировались художниками: День баррикад (герцог на баррикадах, диалог с президентом Парламента) и гибель – стали популярными и для оформления различной продукции.

Практически все типы образов, которые мы можем наблюдать, несмотря на несколько разные цели, предлагали простые визуальные объяснительные модели истории, транслируемые через знакомые сюжеты. Их авторы, в отличие от создателей живописных полотен, использовали достаточно ограниченное количество тем и похожие стратегии. Например, популярным для всех типов изображений было сочетание визуальности с вербальными объяснительными элементами, которое предполагало комплексное восприятие. «Крылатые слова» погружали в уже знакомую историю, которую помогало «вспомнить» изображение. Другой популярной стратегией было упрощение изображения, придание персонажам детских черт или их типизация.

В конце XIX – начале XX вв., когда историческая живопись переживала упадок, первые шаги делал кинематограф. Репрезентация исторических образов в кино – тема слабоизученная, которая только последние годы начинает привлекать внимание исследователей исторической культуры и коллективной памяти. И это несмотря на то, что кинематографисты с первых дней существования этого вида искусства были захвачены репрезентацией эпизодов прошлого. Можно вспомнить слова Стенли Кубрика о том, что, «если и есть какая-то вещь, которую кино делает лучше, чем остальные, так это постановка исторических сюжетов»⁷⁴⁰. Яркие, запоминающиеся образы, представленные талантливыми режиссерами в наиболее выдающихся произведениях, оказывают сильное влияние на формирование исторических представлений в обществе, независимо от степени их правдивости и реалистичности. По словам Марка Ферро: «Вклад кинематографа в понимание исторических явлений представляется [...] совершенно по-

---

⁷⁴⁰ Цит. по: *Dumont H. Op. cit. P. IX.*

разному в зависимости от степени его самостоятельности и от его эстетического значения»⁷⁴¹. В некоторых случаях кинематографические образы, также как литературные или драматургические, могут вытеснить историческую науку с поля формирования исторической культуры, оказывая намного большее влияние благодаря эмоциональной и эстетической составляющей. В то же время, прочтение этих образов может меняться от эпохи к эпохе, и современному человеку иногда сложно понять, почему картины убийства герцога или других персонажей немого кино оказывали такое впечатление на зрителей начала XX в., а сам сюжет практически не сходил с экранов кинотеатров долгое время.

Популярность исторических эпизодов в раннем кинематографе была грандиозной. Магия кино позволяла реконструировать образы прошлого с еще большей иллюзией достоверности и погруженности, чем это делали живописные полотна или литературные произведения. По количеству экранизаций исторических сюжетов и широте охвата тем французский кинематограф рубежа веков можно смело сравнить «золотым веком» исторического кино, периодом 1950–1960-х гг., когда Францию очередной раз захлестнула волна интереса к реконструкции прошлого языком кино. Перед Первой мировой войной к созданию исторических кинолент активно подключились другие страны, где снимались картины, посвященные различным эпизодам французской истории. XVI в. привлекал внимание кинематографистов по тем же причинам, по которым этот период был популярен ранее на сцене и в живописи. Эта эпоха была богата драматическими коллизиями и яркими персонажами, облаченными в красочные костюмы. Помимо этого, как и в XIX в., существовали более глубокие причины интереса в эпохе гражданского противостояния, рождения нации и нового типа государства. Начало XX в. было не менее драматической страницей французской и мировой истории, периодом очередной научной революции, «заката Европы» и рождения нового мира, когда общество интуитивно чувствовало связь с «эпохой катастроф», вновь ставшей актуальной и востребованной на различных уровнях исторического сознания.

Успех кинофильмов на историческую тему был связан еще и с визуальной, а также медийной революцией, в условиях которой существовало общество конца XIX – начала XX вв. Именно в это время популярными становятся разнообразные виды изображений, от рекламы и открыток до фильмов и комиксов. Все это было частью комплексного процесса, суть которого заключалась в трансформации «самой визуальной среды, в которой существовал человек»⁷⁴².

---

⁷⁴¹ Ферро М. Кино и история ... С. 55.

⁷⁴² Медяков А. С. Война формата 9x14... С. 16.

Технический прогресс и зарождение массовой культуры открывали новые коммуникационные возможности изображений.

Кино стало новым «окошком в историю» для масс, которые уже поверхностно были знакомы с популярными сюжетами благодаря школьной программе. Оно оказывало комплексное воздействие на историческое сознание посредством изображения, текста, музыки и многих других составляющих. Историческое кино с самого начала возникновения выполняло множество функций, но, помимо развлекательной, просветительская и трансляционная были одними из важнейших, когда речь идет об историческом кино. Однако передача культурных образцов и ценностей часто подменялась трансляцией и закреплением стереотипов, характерных для массовой культуры.

Первые кинофильмы наследовали традиции театральных постановок, отсюда же пришли способы конструирования образа персонажа, основанные как на повествовательной, так и на визуальной составляющей. Кроме того, огромную роль в формировании особого кинематографического метода репрезентации прошлого сыграла литература. В конце XIX – начале XX вв. на экраны Франции и мира выходят экранизации классических сюжетов из истории религиозных войн А. Дюма, О. де Бальзака, П. дю Террайля, а также фильмы по оригинальным сценариям, стремящиеся воспроизвести известные события: Варфоломеевскую ночь, убийство Генриха де Гиза, Генриха III и Генриха IV. Кино уже в те годы отличалось жанровым разнообразием, хотя и несколько иного рода, чем в наше время. В значительной степени создатели этих лент подражали живописным полотнам, а также следовали за жанрами театральных постановок эпохи романтизма. Мы можем заметить некоторую преемственность с картинами академистов, чьи приёмы и принципы воспроизводили режиссеры, например, многочисленные экранизации гибели Генриха де Гиза были явно навеяны известным произведением П. Делароша. С другой стороны, серии «исторических картин», созданные компаниями братьев Люмьер и Пате, явно напоминают соответствующий жанр во французской драматургии первой половины XIX в.

Кино с первых же лет своего возникновения было подвержено влиянию идеологических и конфессиональных споров, в той же мере, как и остальное искусство этого времени. Осуждение религиозного фанатизма и политического терроризма, перенесенное на экраны, приняло невиданный размах. Конструирование национальной мифологии в контексте новой республиканской идентичности диктовало темы и их интерпретацию кинематографистами.

Интересен выбор сюжетов кинематографистами, который отражал интерес публики к истории преступлений и политическим убийствам. Последние в конце XIX – начале XX в. становятся одной из главных проблем, особенно в Европе. Это привлекало внимание общества к

подобным случаям в истории. По популярности в кино гибель Генриха де Гиза могла соперничать с такими знаковыми историческими событиями как казнь Марии Стюарт или страсти Жанны Д'Арк. Большая часть фильмов, в котором раскрывается этот сюжет, были сняты уже в XX – начале XXI в., однако именно на более раннем этапе, на заре эры кинематографа, он получил мощную поддержку благодаря нескольким кинопроизведениям, которые можно назвать выдающимся. Убийство Генриха де Гиза – единственное историческое событие, которому были полностью посвящены несколько фильмов, выпущенных за короткое время, в течение одного десятилетия раннего развития кинематографа⁷⁴³. Плюс к этому, тогда же была предпринята первая попытка художественной реконструкции событий Варфоломеевской ночи в кино.

Самый ранний кинематографический образ герцога де Гиза был создан в 1897 г. усилиями студии братьев Люмьер. Это был одно из первых кинопроизведений в истории со специально написанным сценарием. В период 1895–1897 гг. студия выпустила несколько сотен коротких фильмов на разные темы, от зарисовок городской жизни до сценок из прошлого. Политическая обстановка и успехи исторического образования во Франции и Европе предопределили выбор многих тем – драматические события истории. Кроме того, убийства, казни и покушения всегда были интересны массовому зрителю. В отсутствие публичных казней, они переместились сначала на живописные полотна, а теперь на киноэкраны. В основу одного из сценариев легло убийство герцога де Гиза в 1588 г., по сути дела, экранизация этого исторического события или попытка его реконструкции силами кинематографа⁷⁴⁴. Присутствие среди ранних кинематографических этюдов, наряду с убийством Цезаря и Марата, казнью Марии Стюарт, Жанны Д'Арк, Робеспьера и другими подобными сценами, данного сюжета говорит о том, что он был знаковым для исторического сознания, узнаваемым, популярным и привлекал зрителей, скорее всего, своим драматизмом, костюмами, а также современным звучанием, отсылкой ко многим современным событиям. Основными действующими лицами этой кинозарисовки являются Генрих III и герцог де Гиз, место действия – замок в Блуа. В течение 57 секунд, которые длится фильм, мы видим монарха, который отдает последние распоряжения относительно убийства шестерым гвардейцам, затем в комнату, которую те покинули, заходит Генрих де Гиз, направляясь в покои короля, откуда неожиданно появляются исполнители, пока другие подручные монарха подходят сзади. Окружённому герцогу со всех сторон наносят смертельные

---

⁷⁴³ Известный историк кинематографа Жорж Садуль утверждал, что существовало не менее десятка вариантов экранизации этого сюжета в конце XIX – начале XX вв.: Садуль Ж. Всеобщая история кино. Т. 1. М.: Искусство, 1958. С. 59.

⁷⁴⁴ «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», реж. Ж. Ато, А. Промо, 1897): видеофильм.

удары шпагами. Гиз театрально падает под их натиском, пытается приподняться и что-то сказать, опять падает и погибает (рисунок 35)⁷⁴⁵.

Создатели фильмов пока еще не были сосредоточены на точном отображении исторических деталей: герцог в черном, а не в сером, как закрепилась в историографической традиции, а эпизод заканчивается смертью Гиза, король не выходит, чтобы посмотреть, как был исполнен его приказ. То же самое можно сказать про внешнее сходство. Единственное, что является средством создания узнаваемого образа герцога в этом фильме – это попытка исполнителя роли показать его самоуверенность и властность посредством походки, движений и поворота головы. Его пантомимика была той знаковой системой, по которой зритель безошибочно угадывал главного героя и основную идею произведения.

По примеру и в подражание братьям Люмьер, студия братьев Пате, выпускала на экраны «исторические картины», одной из которых была минутная зарисовка гибели герцога. С 1899 по 1908 г. они экранизировали этот эпизод несколько раз, что само по себе является удивительным феноменом⁷⁴⁶. Хотя сейчас эти фильмы известны только некоторым специалистам, очевидна их популярность у рядового зрителя рубежа XIX–XX вв. Как это не странно, гибель герцога в раннем кинематографе была самым востребованным историческим сюжетом. Кроме уже названных причин, возможно, решающую роль сыграло как наличие в самом историческом эпизоде драматургического конфликта – между королем и герцогом, так и присутствие в этой истории ярких персонажей прошлого, интересных с точки зрения актерской репрезентации.

Вслед за этими достаточно проходными фильмами последовало известнейшее кинематографическое полотно «Убийство герцога де Гиза»⁷⁴⁷ студии «Фильм д'Арт» и братьев Пате, которое стало настоящим прорывом в кинематографе (рисунок 36). Многие знаменитые режиссеры считали этот фильм подлинным шедевром, он популярен среди любителей исторического кино даже в наши дни⁷⁴⁸. Авторы экспозиции, посвященной известному сюжету в

---

⁷⁴⁵ Фильм является кинематографической редкостью, сведения о нем и краткое описание см. на авторском сайте Эрве Дюмона «Кино и история / История и кино». URL: <http://www.hervedumont.ch/> (дата обращения: 27.12.2020). Однако в 1995 г. во Франции была осуществлена реставрация ранних фильмов кинокомпании братьев Люмьер и они с историческими и кинематографическими комментариями показывались на канале «France 2», см. восстановленную версию фильма на канале Ютуб. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BTXOu9N8Vr8> (дата обращения: 18.01.2022).

⁷⁴⁶ Садуль Ж. Указ. соч. С. 89.

⁷⁴⁷ «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise»), реж. А. Кальмет, Ш. Ле Баржи, 1908): видеофильм.

⁷⁴⁸ «L'Assassinat du duc de Guise» // Allociné (2007–2018).

URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm-6865/critiques/spectateurs/#review_42237628 (дата обращения: 11.12.2019).

замке Блуа, использовали его для воссоздания обстоятельств гибели герцога и в качестве примера репрезентации этого события в массовой культуре. Фильм известен, кроме всего прочего, тем, что в нем впервые играли профессиональные актеры театра, а великий К. Сен-Санс написал специально музыку, то есть первый в истории саундтрек к этой картине. Роль герцога де Гиза исполнил выдающийся французский актер театра и кино Альбер Ламбер.

В основе сценария этого кинополотна – классический сюжет противостояния короля и герцога де Гиза, которое, в конце концов, и привело к гибели последнего. Авторы фильма использовали почти все классические приемы в конструировании образа этого убийства, которые уходят корнями в его описание в мемуарах современников и историографии XIX в.: записка, переданная герцогу с предупреждением о готовящемся преступлении, его горделивое пренебрежение, граничащее с презрением к монарху, ночь у любовницы маркизы де Нуармутье накануне гибели, отчаянная борьба с убийцами и найденное письмо к испанскому королю с просьбой о дополнительной финансовой помощи, якобы доказывающая его предательство. Генрих III произносит свою знаменитую фразу над трупом поверженного врага: «Мертвый он еще больше, чем был при жизни!» и убийцы бросают труп в дворцовый камин.

Постановка сцен, навеянная живописными шедеврами XIX в. и театральная, несколько преувеличенно выразительная игра актеров немого кино могут для современного киномана создать сатирический эффект, но в начале XX в. с их помощью достигалась необходимая эмоциональная вовлеченность. Выбор в качестве сюжета гибели герцога переносит внимание зрителей с ужасов гражданской войны, в которых традиционно обвиняли королеву и Гизов, на персональную трагедию участников этого противостояния, позволяет внимательнее подойти к трактовке их образов, подчеркивает неоднозначность и личностный характер конфликта. Герцог, несмотря на свою гордость и неразумное пренебрежение к опасности, подчеркнутое игрой Ламбера, выглядит здесь жертвой королевского произвола. Актеру удалось создать живой, яркий и запоминающийся образ герцога де Гиза. О том, как его восприняли зрители той эпохи, свидетельствуют газетные статьи: «смелый, с решимостью во взоре, с горделивой осанкой, уверенный в своих силах», – писал об интерпретации образа герцога известный критик начала XX в. Адольф Бриссон⁷⁴⁹. Задумка сценариста была гениально воплощена Ламбером, чья игра была признана революционной для того времени. Уверенность и сила Гиза, «парижского короля» и второго человека в государстве, противопоставляются слабости и нерешительности Генриха III, его страхам и опасениям, тонко сыгранными Шарлем де Баржи, который одновременно был одним из режиссеров картины. Тревожная музыка Сен-Санса подчеркивает напряжение и

---

⁷⁴⁹ Цит. по изд.: *Садуль Ж.* Указ. соч. С. 179.

трагизм момента. Можно с уверенностью сказать, что все это не только сделало фильм шедевром, признанным как современниками во всем мире, так и историками кино, но и оказало определенное воздействие на представления о герцоге и на дальнейшее развитие этой темы в исторической культуре. По мнению К.С. Ахметова, несмотря на то что «источники конфликта и цели главного героя из содержания фильма не вполне понятны», смысловая нагрузка образа герцога воплощена в управляющей идее: «самоуверенность и самодовольство обрекают на поражение самых выдающихся людей»⁷⁵⁰.

В промежутке между этими кинокартинами студией Пате был создан еще один фильм, сюжет которого имеет непосредственное отношение к герцогу де Гизу. Это была «Варфоломеевская ночь», работа, созданная в 1905 г. режиссером Люсьена Нонге⁷⁵¹. Она была выстроена по принципу «исторических картин», как мозаика собранных из трех отдельных сцен: «Резня», «Убийство адмирала Колиньи» и «Виселица Монфакона»⁷⁵². Художественные фильмы в большей степени, чем другие формы репрезентации этого события, закрепляли классические картины этой резни в сознании зрителей на эмоциональном уровне, предлагая живые и готовые образы, которые создавали у зрителя эффект вовлеченности в происходящее. В этом смысле, ранние немые фильмы особенно показательны. Короткие и яркие картинки сконструированной действительности в отсутствии сложного и многопланового сюжета оказывали сильное воздействие на кинозрителей. Первый фильм про Варфоломеевскую ночь наглядно демонстрирует, что целью авторов кинопроизведений часто было не переосмысление исторические мифов, а их иллюстрация. Зловещий заговор хитрой и опасной Екатерины Медичи, звон колокола, призывающего к резне, Карл IX, стреляющий с балкона по гугенотам, кровавая резня в Лувре и на улицах Парижа закрепляли в сознании образ, порожденный стереотипами XIX в. Генрих де Гиз присутствует во второй части картины, ожидая под окном во время убийства Колиньи. Зрители наблюдали, как его подручные наносят удары по беззащитному старику, который благородно отказывается бежать, когда его предупреждают об опасности. Его тело сбрасывают из окна, где, уже ожидаемо, герцог де Гиз ногой презрительно и самодовольно поворачивает его голову, рассматривая труп врага. Ужас происходящего довершают картины знаменитой виселицы в третьей части, куда приволакивают безжизненное тело адмирала. Пожалуй, картина Л. Нонге в наибольшей степени из всех ранних фильмов демонстрировала

---

⁷⁵⁰ Ахметов К. С. Кино как универсальный язык. Лекции о кинематографе. М.: АСТ, 2019. С. 58.

⁷⁵¹ «Варфоломеевская ночь» («La Saint Barthélemy»), реж. Л. Нонге, 1905): видеофильм.

⁷⁵² La Saint-Barthélemy // Filmographie Pathé // Fondation Jérôme Seydoux. URL: [Fondation Jérôme Seydoux-Pathé - La Saint-Barthélemy \(fondation-jeromeseydoux-pathe.com\)](http://FondationJérômeSeydoux-Pathé-LaSaint-Barthélemy(fondation-jeromeseydoux-pathe.com)). (дата обращения: 27.12.2020)

силу исторических стереотипов и способствовала их закреплению в массовом сознании благодаря особому киноязыку.

Тема убийств протестантов во время Варфоломеевской ночи продолжала эксплуатироваться французским кинематографом перед Первой мировой войной. На различных киностудиях Франции за короткое время выходит несколько фильмов на эту тему. Генрих де Гиз появляется в полнометражном фильме 1910 г. о гибели адмирала Колиньи⁷⁵³, реализованном Морисом де Фероди, который три года спустя снял первую экранизацию «Графини де Монсоро»⁷⁵⁴. Создатели фильма использовали, кажется, все известные клише для репрезентации этого события. Постепенно такая манера воплощения исторических образов этой эпохи становится характерной для кинематографа на многие десятилетия. Поэтому стереотипы восприятия персонажа Генриха де Гиза получают закрепление и развитие благодаря «самому массовому из искусств».

Эпоха позднего французского Ренессанса и Религиозных войн будоражила умы писателей и режиссеров, а также их читателей и зрителей не в последнюю очередь как время заговоров, отравлений и тайных убийств. Не случайно в 1911 г. на экраны мира выходит французский фильм «Заговор при Генрихе III»⁷⁵⁵, который фактически был расширенным ремейком фильма 1906 г.⁷⁵⁶, снятого Л. Нонге, режиссером «Варфоломеевской ночи». Очередное кинополотно студии Пате стало очень популярным и до сих пор хорошо известно синефилам. Действие происходит в 1578 г. во время Шестой религиозной войны. Герцог де Гиз играет уже привычную для всех роль заговорщика: вместе с герцогом Алансонским, младшим братом короля, он организует бунт против монарха. Но заговор оказывается раскрыт и Маргарита Валуа, равнодушная к герцогу, предупреждает об этом графа Ранси, преданного герцогу де Гизу. Тот сражается с небольшим отрядом против людей короля, посланными арестовать герцога, выходит победителем, но в конце фильма его все-таки арестовывают и убивают. Справедливости ради нужно отметить, что «Заговор при Генрихе III» является практически единственным фильмом, в котором отходят от привычной типизации этого персонажа, и зритель может даже сочувствовать герцогу, который, правда, появляется только в паре эпизодов, поскольку происходящее преподносится авторами с точки зрения других героев этой истории, главным образом его сторонников. Однако сам сюжет кинокартины достаточно фантастический, навеянный, скорее всего, романами А. Дюма и А.

---

⁷⁵³ «Убийство адмирала Колиньи» («L'Assassinat de l'amiral de Coligny»), реж. Морис де Фероди, 1910): видеофильм.

⁷⁵⁴ «Графиня де Монсоро» («La Dame de Monsoreau»), реж. Морис де Фероди, Франция, 1913): видеофильм.

⁷⁵⁵ «Заговор при Генрихе III» («Une conspiration sous Henri III (1578)»), реж. Камиль де Морлон, 1911): видеофильм.

⁷⁵⁶ «Заговор при Генрихе III» («Une conspiration sous Henri III (1578)»), реж. Люсьен Нонге, 1906): видеофильм.

Понсона дю Террайля. Авторы использовали множество увлекательных, но далеких от реальности версий событий. Герцог традиционно выведен оппонентом законной власти, но, кроме этого, активно эксплуатируется легенда о его близких отношениях с королевой и другие элементы его образа, сложившегося в литературе и драматургии в предшествующее столетие.

Создатели исторических кинокартин из других стран тоже обращались к этой эпохе. Начиная с 1909–1910 гг. множество подобных фильмов выходит в России, США и Европе. Например, в Италии в эти годы было снято несколько драм о периоде Религиозных войн во Франции⁷⁵⁷. В 1910 г. на студии «Италия фильм» была экранизирована пьеса А. Дюма «Генрих III и его двор», под названием «Екатерина де Гиз», поскольку она была узнаваемой для итальянского зрителя благодаря достаточно популярной опере К. Кочча. В фильме образ Генриха де Гиза сделан еще более отталкивающим, чем в пьесе или опере, он приобретает ярко выраженные черты жестокого тирана и садиста, чему способствует манера игры, принятая в эпоху немого кино. Интересно, что в 1914 г. русский режиссер Борис Глаголин предпринял попытку экранизации отрывков из многотомного романа Понсона дю Террайля «Молодость Генриха IV»⁷⁵⁸. Специалисты относят фильм к числу утраченных, поэтому сложно сказать, присутствовал ли в нем образ герцога де Гиза. В серии романов, которые легли в основу этого кинопроизведения, герцог играет важную роль. Поэтому создатели фильма вряд ли могли пренебречь его героем. В дальнейшем одну из лидирующих позиций в экранизации истории Религиозных войн во Франции занимает американский кинематограф, однако французские, российские, итальянские, британские и другие европейские студии продолжают использовать эту тему, поскольку она таила в себе неисчерпаемые возможности для интерпретаций с помощью киноязыка, а также для реализации новых технических достижений, фантазий художников по костюмам, постановщиков и других творцов мира кино.

Таким образом, средствами кинематографа постепенно конструируются образы ключевых событий второй половины XVI в.: Варфоломеевской ночи, Войны трех Генрихов, убийства герцога и короля. Они не выходили за рамки традиционной легенды, сконструированной вокруг этих событий в XIX в., напротив, вполне соответствовали сложившимся стереотипам, закрепляли их в массовом сознании. Кино, наследуя некоторые приемы и принципы репрезентации прошлого у литературы, театра и живописи, следовало также за сюжетами и клише, созданными этими видами искусств. Если в некоторых исторических трудах и даже художественной

---

⁷⁵⁷ «Генрих III» («Enrico III», Италия, реж. Джованни Пастроне? 1909); «Екатерина Медичи и Карл IX» («Caterina de' Medici e Carlo IX», реж. Джузеппе де Лигуоро, 1910): видеофильм.

⁷⁵⁸ «Молодость Генриха IV» (реж. Борис Глаголин, опер. А. Печковский, 1914): видеофильм.

литературе XIX в. мы еще можем наблюдать попытки создать многогранное, иногда противоречивое и неоднозначное представление об этой эпохе и о ее героях, то кино способствовало развитию исторических мифов и внедрению их в сознание собственными, весьма эффективными средствами.

В кинопроизведениях, особенно на раннем этапе, не нашли отражение многие важные события, весьма выгодные для реализации на экране с точки зрения драматургии, такие как начало войн, многочисленные заговоры (реальные, а не придуманные романтической историографией и литературой XIX в.) и День баррикад. Это еще одна причина, по которой образ Генриха де Гиза, созданный в фильмах этой эпохи, как и в более поздних, весьма однообразный. Он не отличается даже неоднозначностью официальной или протестантской историографии, глубиной и привлекательностью, характерной для А. Дюма, да и практически для всей литературы XIX в. Степень выразительности образа герцога де Гиза в кино зависела от таланта актера и режиссерской подачи, но он никогда не выходил за рамки стереотипа о нем как о тщеславном, гордом, иногда жестоком представителе знатного рода, претендовавшего на более высокое положение и полномочия, чем он заслуживал в силу своего рождения и скромных талантов.

Смысловую нагрузку подобного художественного образа можно анализировать только в рамках исторической культуры, господствовавшей на рубеже XIX–XX вв. С одной стороны, такой упрощенный и типизированный образ главы Католической лиги способствовал тому, что его история становилась более близкой, понятной и назидательной. Исторические фильмы, сюжеты которых выстраивались вокруг убийства герцога или Варфоломеевской ночи, одновременно развлекали, благодаря детективно-приключенческой составляющей и элементам любовной истории, а также служили дидактическим целям. Последняя проявлялась в осуждении раскола нации, необходимости единства перед лицом внешнего врага, критики терроризма и насилия как средств решения вопросов в политике. Помимо всего прочего, кинематограф как инструмент массовой культуры стал к началу XX в. и вплоть до появления телевидения главным каналом передачи культурных стереотипов

Реконструкция исторических сцен, стремящаяся к обманчивой точности, но с уступками вкусам и запросам современного зрителя, давала ощущение причастности к собственной истории, национальной идентичности, одновременно удовлетворяя потребность в эскапизме и в погружении в иную, непохожую эпоху. По словам современного специалиста по истории кино: «История здесь не столько пространство социального и политического опыта, сколько

территория легенд и «легендарной» иконографии, передаваемой на протяжении веков»⁷⁵⁹. Публика предпочитала сюжеты и образы, оторванные от исторического материала с опорой на источники и современные исследования, которые обретали собственную жизнь в историческом воображении.

От художественных фильмов вернемся к первой половине XIX в., когда начинает развиваться музейное дело. Начало этому процессу было положено еще в эпоху Возрождения, однако в то время частные коллекции не стали столь заметным фактором социокультурной жизни общества⁷⁶⁰. Именно XIX в. – период, когда во Франции и в Европе на волне увлечения историей начинают описываться и изучаться памятники истории, многие музеи и экспозиции становятся общедоступными, усиливается их образовательная, исследовательская и общекультурная функции, появляются экспозиции, посвященные отдельным событиям и персонажам.

Музеи стали совершенно особым способом репрезентации прошлого. Благодаря уникальному хронотопу, в котором важную роль играет посетитель, взаимодействующий с экспозицией в зависимости от имеющегося у него социального опыта и исторических знаний, музеи создают образ прошлого, который отличается от того, который представлен профессиональной историографией, литературой, живописью или кино. Несмотря на то, что в формировании фондов принимают участие профессиональные историки, а собранные ими живописные полотна или письменные источники становятся объектом выставки, музейное пространство предполагает процесс активного вовлечения посетителя в интерпретацию и конструирование истории⁷⁶¹. Индивидуальная историческая культура в данном случае вступает в диалог с теми представлениями о прошлом, которые пытаются создать музейные работники при участии других специалистов. Репрезентация прошлого здесь должна опираться на особенности восприятия разных групп посетителей, хотя в XIX в. это пока не было осознанной стратегией. Коллекции тогда выполняли охранительную и просветительскую роль, часто становясь источником вдохновения для писателей, художников и даже историков. Однако их роль в формировании определенных образов событий и персонажей уже тогда была достаточно весомой.

Отдельных экспозиций, посвященных Генриху де Гизу, в XIX в. во Франции не было создано, поскольку подобные «биографические» выставки и музеи были тогда редкостью. На

---

⁷⁵⁹ Dumont H. Op. cit. P. 16.

⁷⁶⁰ Грицкевич В. П. История музейного дела в мире: до конца XVIII в.: дис. ... доктора культурол. наук: 24.00.03. Санкт-Петербург, 2002.

⁷⁶¹ См. об этом: Гилен П. Указ. соч.

государственном уровне или в пределах частных коллекций не наблюдалось ни одной попытки сохранить память о нем. Известные нам источники не зафиксировали ни одной выставки, посвященной семье Гизов, лично герцогу или событиям, связанным с его жизнью. Это касается и таких важных инструментов формирования коллективной памяти как монументы, названия улиц и т.п. Отель и ресторан «Герцог де Гиз» в городе Блуа возникли уже в XX в. Стараниями историков, писателей и драматургов глава Католической лиги стал персонажем, которому было не место в пантеоне знаменитых людей, творцов французской истории.

Некоторые памятники прошлого, связанные с жизнью и деятельностью герцога, стали уже в XIX в. своеобразными «местами памяти», которые нельзя обойти вниманием. Одним из таких объектов был замок д'Э в Нормандии, который уже упоминался в главе о живописи, поскольку художник А. Декен выбрал эту локацию в качестве фона одной из своих картин. В XVI в. замок перешел во владение Гизов в качестве приданного его жены, Екатерины Клевской. Разрушенный почти за два века до этого в ходе военных действий между Англией и Францией, он стоял в запустении. Примерно в конце 1570-х – начале 1580-х гг. герцог начинает реконструкцию старого строения, поручив архитектору Пьеру Леруа возвести на этом месте великолепное сооружение в стиле Ренессанса, которое могло бы прославить имя герцога де Гиза, даже если бы он не стал более известен благодаря своей военной и политической деятельности. Завершить начатое ему не удалось, поскольку несколько лет спустя герцог погиб в Блуа – другом замке и «месте памяти», которое стало объектом паломничества любителей старины в XIX–XX вв. Однако в XVII в. строительство все-таки завершилось, а после 1830 г., благодаря пристрастию к этому месту Луи-Филиппа Орлеанского, оно стало знаменитым. Новый монарх имел много общего с герцогом де Гизом. Подчеркивая эту близость и восторгаясь архитектурой замка, новый монарх, который унаследовал его в 1821 г., сделал д'Э своей излюбленной летней резиденцией через несколько лет после прихода к власти. Король любил этот замок и точно также приезжал сюда, чтобы отдохнуть от политических забот, побыть в кругу семьи. Здесь он проводил много времени, гуляя в парке и в окрестностях с супругой и детьми⁷⁶².

При Луи-Филиппе замок был отреставрирован, начиная с великолепной парадной галереи, которая получила название «галерея Гизов». В ней можно было увидеть портреты членов этой семьи, а также более поздних владельцев замка. Судя по описанию экспонатов, составленного в 1836 г., уже в первой половине XIX в. здесь было выставлено два изображения самого Генриха

---

⁷⁶² Историю замка см.: *Vatout J. Histoire et description du château d'Eu*. Woignarue: Éd. la Vague verte, 2002.

де Гиза⁷⁶³. Правда, в описании и каталоге даже не упоминается о том, что он был убит, хотя подобная информация содержится в представленных комментариях к портретам Генриха III, принца Конде, адмирала Колиньи (уточняется, что он погиб во время резни в Варфоломеевскую ночь) и других исторических деятелей⁷⁶⁴.

Именно в этом замке было выставлено полотно А. Декена, изображающее герцога в момент совещания со своими сторонниками в парке. Неизвестно, когда именно картина заняла почетное место в галерее Гизов, так как на изображениях XIX в. мы ее не найдем, также, как и бюста герцога, который появился там позже (рисунок 37). Зато в коллегиальной церкви, расположенной рядом замком, можно было посетить могилу герцога и его жены, а также полюбоваться на мраморные надгробия, установленные здесь двумя веками ранее.

С замком д'Э связан случай, который дает нам дополнительные сведения относительно представлений о фигуре герцога де Гиза в эпоху Луи-Филиппа. Библиотекарь монарха Жан Вату сочинил сатирические куплеты про это поместье, в которых, в частности, были такие слова: «Амбиции – это глупости, которые доставляют нам одни только хлопоты, но в бывшем поместье Гизов, кто не станет амбициозным»⁷⁶⁵.

Другое сооружение, которое на протяжении нескольких веков остается главным местом памяти о герцоге Генрихе де Гизе – королевский замок в городе Блуа. Работники музейного комплекса не только сохраняют память о главе Лиги и произошедших здесь событиях, но и путем организации выставок, экспозиций и знаменитых шоу способствуют формированию определенного образа этого деятеля у многих поколений французов и приезжающих сюда туристов из других стран. Однако в XIX в. выставочная деятельность здесь только зарождалась, еще не было постоянной экспозиции, посвященной самому знаменитому событию, оставившему глубокий след в истории замка – убийству герцога де Гиза. В 40-е гг. XIX в. здесь началась масштабная реставрация, положившая начало возрождению замка. Большую роль в том, что правительство поддержало эти работы, сыграли упоминавшиеся драматурги и писатели Л. Вите

---

⁷⁶³ Indicateur de la galerie des portraits, tableaux et bustes qui composent la collection du roi au château d'Eu. Paris: Paul Dupont et Cie, 1836. P. 71.

⁷⁶⁴ Ibid. P. 61, 64, 65, 71.

⁷⁶⁵ «Секреты истории: Луи-Филипп и Мария-Амелия, наша последняя королевская пара» («Secrets d'Histoire: Louis-Philippe et Marie-Amélie, notre dernier couple royal», реж. Б. Лерер, 2018): документальный фильм // Секреты истории: онлайн. Вып. 124. 01:53:53 (время воспроизведения). URL: <https://www.secretsdhistoire.tv/content/louis-philippe-et-marie-amelie-notre-dernier-couple-royal> (дата обращения 04.12.2022). Доступно на: <https://www.secretsdhistoire.tv> Режим доступа: по подписке.

и П. Мериме, которые одновременно являлись в те годы главными инспекторами исторических монументов Франции.

Прерванные революцией 1848 г., работы продолжились уже в период Второй республики. В 1852 г. усилиями городской администрации здесь был открыт музей⁷⁶⁶. Он занимал пока не весь комплекс дворцовых построек, а располагался в здании, которое было построено при Франциске I в стиле французского Ренессанса со знаменитой итальянской лестницей. Именно в одном из залов этого крыла был убит герцог де Гиз.

Многочисленные обзоры истории Блуа и королевского замка, выходившие во второй половине XIX – начале XX вв., обязательно включали историю гибели герцога де Гиза, часто опирающуюся на последние исследования и известные источники⁷⁶⁷. По воспоминаниям современников, в том числе историков XIX в., память об этом событии сохранялась и транслировалась благодаря возрождению этого архитектурного комплекса и организации в нем музея. Это стало важным основанием для создания здесь позже тематической постоянной экспозиции. Можно утверждать, что сохранение памяти об убийстве главы Лиги в стенах замка стало одним из условий того, что это событие стало легендарным, множество раз обыгранным в художественной культуре и исследованиях XIX–XX вв. Недаром историк Жюль Рено после путешествия по замкам Луары, восхищенный погруженностью работников музейного комплекса города Блуа в материал, их увлеченностью и трогательной заботой об этой непопулярной тогда части национального наследия, написал свой небольшой, но содержательный и оригинальный труд о герцоге де Гизе.

Итак, в XIX в. мы можем наблюдать общие стратегии формирования визуализированного образа Генриха де Гиза, которые в равной степени коснулись и других форм репрезентации прошлого. Прежде всего следует выделить интегративность различных способов конструирования и репрезентации этих образов. Как и авторы литературных произведений, художники и кинематографисты широко использовали цитаты из изданных источников и опирались на представления, транслировавшиеся авторами исторических трудов. На открытках, учебных плакатах и иллюстрациях «исторические слова» часто становились частью изображения, играя роль языкового сообщения, обращенного к широкой публике, наиболее доступного и не требующего расшифровки. В исторической живописи это было невозможно, однако авторы старались придать «документальность» своим работам не только

---

⁷⁶⁶ *La Saussaye A. de. Op. cit. P. 367–368.*

⁷⁶⁷ *Bidou H. Le château de Blois. [Paris], 1931.*

художественными средствами, но и с помощью сопутствующих описаний на табличках, а также в каталогах салонов, включая в них цитаты из документов и научной литературы. Визуальный нарратив, сконструированный художниками, граверами и кинематографистами, с одной стороны, служил иллюстрацией к этим произведениям, с другой, становился частью комплексного образа герцога де Гиза, господствовавшего в исторической культуре XIX в., и воспринимался адекватно только в ее контексте. Можно сказать, что авторы этих художественных произведений подключались к формированию этого образа, «достраивая» его и популяризируя, благодаря чему он становится частью массового исторического сознания.

Важно отметить, что создатели визуального нарратива вдохновлялись наиболее популярными рассказами, зафиксированными в многократно переизданных в эту эпоху источниках, главным образом личного происхождения. Историки, популяризовав некоторые из них, например, мемуары Ж. О. де Ту⁷⁶⁸ и П. де Л'Этуаля⁷⁶⁹, А. д'Обинье⁷⁷⁰, отражавшие официальную и протестантскую точку зрения, фактически придали им статус авторитетных и объективных, на которые ориентировались все, кто обращался к истории Религиозных войн во Франции. Круг исторических исследований, вокруг которых выстраивался визуальный нарратив тоже был достаточно узким и включал работы общего характера по истории Франции Ж. Мишле⁷⁷¹ и Р. де Шатобриана⁷⁷². Этим, в частности, можно объяснить выбор художниками и кинематографистами композиции и средств репрезентации образа Генриха де Гиза.

Другая важная черта иконографии герцога де Гиза в XIX в. – повторяемость основных черт его образа, превращение его в архетип при некоторой вариативности сюжетов и способов передачи главной идеи. Смысловое содержание и функции образа оставались практически неизменными, его история несла назидательную и объяснительную нагрузку, ориентировала человека XIX в. как носителя либеральных и республиканских ценностей в концептах «Свой-Чужой», позволяла понять закономерности и направленность исторического процесса.

Внешние атрибуты образа формировались постепенно в течение XIX в., они получили окончательное закрепление и реализацию только в кинематографе начала XX в. Часто ему сопутствовали элементы имиджа военного: латы или нагрудник, шпага, а иногда даже копье. Практически всегда он изображен с орденом Святого Духа на груди, являвшегося символом его высокого положения и близости королю. Большинство художников подчеркивали его красоту и

---

⁷⁶⁸ *Thou J. A. de. Mémoires ...*

⁷⁶⁹ *L'Estoile P. de. Mémoires et journal ...*

⁷⁷⁰ *Aubigné Th. A. Mémoires de Théodore Agrippa d'Aubigné ...*

⁷⁷¹ *Michelet J. Histoire de France ...*

⁷⁷² *Chateaubriand R. de. Histoire de France, depuis les temps les plus reculés ...*

высокий рост, что являлось отсылкой к известной фразе Генриха III, сказанной над трупом герцога, и стало необходимой, узнаваемой внешней атрибутикой его образа.

Несмотря на эволюцию представлений о роли герцога в истории и попытки его реабилитации в специальных исследованиях, в кино, графике и частично в живописи стереотипы восприятия проявились в большей степени, повлияв на дальнейшее развитие представлений об этом персонаже в коллективном сознании. Визуализация образа Генриха де Гиза в изучаемую эпоху в значительной степени была подвержена влиянию формирующейся массовой культуры с характерным для нее упрощением восприятия, экспрессией, типизацией и использованием клише.

В живописи, графике, кинематографе и музейном пространстве XIX – начала XX вв. герцог был представлен, чаще всего, в качестве жертвы, поскольку главный повторяющийся сюжет, в рамках которого выстраивался его имидж – убийство по приказу короля. Однако этой жертве не придавался религиозный смысл, как это можно было наблюдать у католических полемистов, а также в части мемуаров и в графике конца XVI в. В визуальных источниках XIX в. герцог выступает в качестве жертвы истории, которая трагична и назидательна одновременно. Подобный визуальный образ логично вытекал из его репрезентации в популярных исторических трудах, учебниках, энциклопедиях, художественной литературе и даже в изданиях источников, на которые ссылались художники в своих описаниях представленных полотен. Его убийство благодаря визуализации XIX – начала XX вв. в живописи, графике и кинематографе становится своеобразным символом эпохи французской смуты. Сюжеты живописных полотен на эту тему отличаются разнообразием и конструируют довольно подробную историю жизни Генриха де Гиза, складывающуюся в единый нарратив, в котором тем не менее именно его гибель была осевым и кульминационным событием. Подобный образ обладал важным смыслом для французов XIX в., когда неутраченные революционные страсти, восстания и перевороты раскололи общество и грозили катастрофой. Его различные интерпретации в визуальной культуре открывали простор и для критики королевской власти, запятнавшей себя убийствами политических соперников, и для размышлений об опасности и трагедии любой гражданской смуты, виновники которой становятся ее же жертвами, и для призыва к толерантности и борьбе с влиянием католической церкви в эпоху утверждения светского государства и республиканских ценностей. Кроме того, хотя именно Генрих де Гиз был жертвой, изображенной на многочисленных визуализациях этого сюжета, целью авторов было создание образа эпохи как периода взаимной агрессии, национального раскола и смуты. Таким образом, этот образ был многофункциональным. Он не только обладал объяснительным потенциалом по отношению к историческим событиям, но актуализировал прошлое для публики.

Подводя итоги главы, необходимо отметить, что художественной культуре 1789–1914 гг. принадлежит особая роль в формировании и закреплении определенных образов Генриха де Гиза в коллективной памяти. 3-й герцог де Гиз стал героем многочисленных пьес, романов, новелл, произведений живописи и графики, его образ транслировался путем изображений на рекламной продукции и на киноэкране. Яркая внешность, романтический ореол, трагическая судьба и участие во многих символических событиях, важных для коллективной идентичности разных групп французского общества привлекали к нему внимание писателей, художников и кинематографистов. Несомненным было влияние исторических исследований и изданий источников на художественную культуру. Авторы литературных, живописных произведений, фильмов и гравюр часто прибегали к цитированию «исторических слов», ставших популярными благодаря научным трудам. Художественные произведения задумывались и воплощались авторами как иллюстрация исторических сцен, заимствованных из монографий и мемуаров. Для зрителей и читателей эти образы складывались в единый нарратив, который адекватно воспринимался только в рамках особой исторической культуры, характерной для французского общества XIX в. Целью большинства авторов было формирование представления об эпохе Гражданских войн как о периоде взаимной агрессии, национального раскола и смуты. Благодаря этому, образы, представленные в художественных произведениях, стали частью общей стратегии, способствовавшей возникновению «черной легенды» о герцоге де Гизе.

Заключение

На основании проведенного исследования в соответствии с заявленными целью и задачами можно сделать следующие выводы.

Во-первых, анализ эволюции представлений о Генрихе де Гизе показал, что в 1789–1914 гг. под влиянием либеральных идей и протестантских ценностей окончательно оформилась «черная легенда» об этом персонаже. Ее важным элементом стало представление о Гизах как об иностранцах, которые узурпировали власть во Франции и способствовали попыткам разрушить государство. Историками настойчиво проводилась мысль о том, что 3-й герцог де Гиз, имевший немецко-итальянское происхождение, был проводником чуждых для Франции традиций. Кроме того, он позиционировался как агент испанского короля, заключивший с ним договор с целью получения финансовой помощи. Подобное представление возникло в полемической литературе еще в XVI в., но легло в основу конструирования образа Генриха де Гиза несколькими крупнейшими историками XIX в., что свидетельствует об устойчивости «национального» дискурса. Одновременно в ряде исследований Генрих де Гиз предстает в абсолютно противоположном образе народного вождя, объединившего различные социальные группы на борьбу с королевской тиранией. Особенно востребованный в годы революций XIX в., подобный образ был порожден демократическими тенденциями в политической жизни страны и попытками найти корни революционной и либеральной традиции в прошлом. Эпоха романтизма способствовала героизации образа Генриха де Гиза. В рамках этой концепции авторы стремились подчеркнуть не только военные таланты герцога, но и показать его мятежный дух, противоречивость натуры и выдающиеся, необычные проявления характера. Этот образ был очень востребован и во Франции начиная с эпохи Первой империи, вызывая ассоциации с Наполеоном. Однако в среде умеренных либералов, господствовавших в политической жизни, подобная форма социального поведения рассматривалась как деструктивная. Приход к власти новой династии в 1830-х гг. пошатнул основы традиционной легитимности, но не оказал существенного влияния на восприятие природы Католической лиги, главой которого считался Генрих де Гиз. Под влиянием историографической традиции и вызовов антиклерикализма герцог стал воплощением архетипа ультракатолика – противника прогресса, толерантности и свободы, лицемерно использовавшего религиозные идеи в собственных интересах.

Во-вторых, можно констатировать, что, вопреки мнению современных биографов, во второй половине XIX – начале XX вв. фигура герцога продолжала пользоваться популярностью среди профессиональных историков. Во Франции именно в это время выходит несколько специальных работ о герцоге и о семье Гизов, заложивших основы научного

исследования его жизни и деятельности. В некоторых из них можно наблюдать попытки ревизии представлений о герцоге и демифологизации его образа. Они были связаны с двумя тенденциями: устойчивостью католического дискурса обращения к истории Гражданских войн и развитием научного исторического знания, позитивистских подходов и методов критики источников. Однако эти попытки нельзя считать успешными, так как они не повлияли существенно на восприятие образа герцога в исторической культуре. Стремление преодолеть стереотипы нередко приводило к идеализации его личности. Некоторые из этих трудов были связаны с католической традицией и не вписывались в доминировавшую в обществе картину национального прошлого. Политизация истории под воздействием различных идеологий, в том числе национализма, охватившего Европу в XIX в., приводила к конструированию новой национальной и республиканской мифологии, которая оказывала мощное влияние на траекторию формирования того или иного образа. Представления, которые противоречили возникающим таким образом конструктам, отвергались и практически не влияли на историческое сознание, как научное, так и повседневное, формирование устойчивых структур коллективной памяти.

В-третьих, справочные издания и учебники в целом отражали те тенденции и подходы, которые можно наблюдать в научной литературе этого периода. Однако в них еще сильнее прослеживается влияние просветительской и официальной монархической точки зрения на историю Гражданских войн во Франции. Нарратив в них выстраивался вокруг Генриха IV как центральной фигуры эпохи, а герцог де Гиз рассматривался как один из его главных антагонистов в борьбе за престол. В 1860-е–1870-е гг. изменились политические ориентиры, что привело к научным спорам вокруг истории XVI в. и формированию более взвешенной оценки деятельности главы Лиги в учебной и справочной литературе.

В-четвертых, образы, представленные в художественных произведениях, были частью общей стратегии, способствовавшей возникновению «черной легенды» о герцоге де Гизе. Благодаря популярным писателям, прежде всего А. Дюма, макиавеллиевский образ амбициозного представителя католической знати, опасного соперника королей, мятежника и предателя закрепился в коллективной памяти. Визуальные изображения активно эксплуатировали сюжет его трагической гибели, благодаря чему в исторической культуре он стал восприниматься как один из ключевых и символических эпизодов национального прошлого. Однако именно ненаучные формы исторической репрезентации были более чувствительны к изменениям общественных настроений и особенностям восприятия прошлого разными группами, что можно наблюдать на примере многообразия и динамики образов герцога де Гиза в литературе и искусстве.

В-пятых, функции образов герцога де Гиза, возникших в XIX в., были связаны с политической и социокультурной ситуацией в обществе. К ним можно отнести закрепление и трансляцию ценностей либерализма и республиканских устоев, внедрение их в общество, в котором на протяжении всего этого периода был еще силен политический и религиозный раскол. Кроме того, они широко использовались в политической борьбе как сторонниками, так и противниками власти. В период Первой империи во Франции оппозиция прибегала к образу герцога де Гиза, чтобы продемонстрировать судьбу нелегитимных правителей, стремящихся занять трон законных монархов. Бонапартисты, наоборот, видели в нем подлинного лидера, боровшегося за свержение коррумпированной власти и основание новой династии с целью объединения нации. В период кризиса власти и подготовки революции 1830 г. герцог становится символом не только благородного мятежа против тирании, но и жертвы королевского произвола. Возникшие представления позволяли осуществлять функцию мобилизации всех сторонников умеренно либеральных идей в борьбе как с крайними радикальными движениями, так и с католической церковью за дальнейшую секуляризацию общества. Именно этим можно объяснить акцент на двух разных сторонах его деятельности и культивирование противоречивых образов: с одной стороны, религиозного фанатика, с другой – оппозиционера и даже революционера, противника усиления королевской власти, любимца народа и «изобретателя» баррикад. Его трагическая гибель стала одним из центральных сюжетов истории Религиозных войн, поскольку посредством его переосмысления реализовывалась воспитательная функция истории. Образ герцога, убитого по приказу короля, осуществившего правосудие, служил назидательным примером для всех возбудителей спокойствия, мятежников и революционеров, демонстрировал судьбу предателей и агрессоров. Неслучайно этот сюжет часто использовался в театральных постановках, живописи, учебниках, рекламной продукции, открытках и кинофильмах. Посредством разнообразных источников эти идеи внедрялись в общество на различных уровнях сознания. Кроме того, можно выделить объяснительную функцию этих образов как по отношению к своему прошлому, так в плане понимания актуальных событий, путей развития французского общества и государства на основе определенных традиций.

Значение историографической традиции XIX в. проявилось в первую очередь в ее влиянии на последующее конструирование образов участников Гражданских войн. Она заложила основу для рецепции образа Генриха де Гиза в современной исторической культуре, ориентированной на трансляцию в коллективной памяти «черной легенды» о герцоге. Он стал воплощением нетерпимости, фанатизма, католического экстремизма и амбиций высшей знати, чуть не погубивших Францию.

Список источников и литературы

Источники

I. Исторические труды и научно-популярная литература.

1. Блан Л. История Французской революции. В 12 т. СПб., 1871. Т. 1.
2. Биркин К. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Сочинение Кондратия Биркина. Т. 1. СПб.: 1870–1871.
3. Варфоломеевская ночь, или Парижская кровавая свадьба, избиение протестантов католиками в ночь на 24-е августа 1572 года: Ист. очерк из времен религ. борьбы во Франции во второй половине 16 в. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1876.
4. Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986.
5. Лучицкий И. В. Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев: Университетская типография, 1871.
6. Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции: опыт истории демократического движения во Франции во второй половине 16 века (по неизданным источникам). Т. 1 Киев: Университетская типография, 1877.
7. Стендаль. Генрих III и его двор // Стендаль. Собрание сочинений в 15 т. М.: Правда, 1959. Т. 7.
8. Beaupoil de Sainte-Aulaire L.-J.-C. Les derniers Valois, les Guise et Henri IV. Paris: Michel-Lévy frères, 1854.
9. Baguenault de Puchesse G. Les ducs François et Henri de Guise. D'après de nouveaux documents. Paris: Adrien Le Clere. 1867.
10. Berriat-Saint-Prix J. Observations sur plusieurs lettres inédites de François et Henri, ducs de Guise, par M. Berriat-Saint-Prix, lues à la Société royale des antiquaires de France, les 19 et 29 mars 1822, et imprimées dans le tome IV de ses "Mémoires". Paris: J. Smith, 1822.
11. Blanc L. Histoire de la Révolution française. Paris: Langlois et Leclercq, 1847–1862. 12 vol.
12. Bouillé R. de. Histoire des ducs de Guise. Paris, 1849–1851.
13. Braikenridge I. M. Some memorials of Renée of France, duchess of Ferrara. London: Bosworth and Harrison, 1859.
14. Brisset J.-M. Francois de Guise 1563. Bruxelles: Melini, 1840. Т. 1–2.
15. Brizard G. Du massacre de la Saint-Barthélémy et de l'influence des étrangers en France durant la Ligue. Paris [1790]. Т. 1–2.
16. Capefigue B. Histoire de la Réforme, de la Ligue et du règne de Henri IV. 8 vol. Paris: Duféy, 1834—1835.
17. Capefigue B. La Ligue et Henri IV. Paris: Belin-Leprieur, 1843.

18. Capefigue B. Les héroïnes de la Ligue et les Mignons de Henri III. Paris: Amyot, 1864.
19. Carlyle T. The Guises // *Victorian Studies*. Vol. 25. № 1, Carlyle's "The Guises" (Autumn, 1981). P. 13–80. Online version. URL: <https://www.jstor.org/stable/3827058> (дата обращения: 09.07.2020).
20. Cauvin Ch. Henri de Guise le Balafré / Histoire de France de 1563 a 1589. Tours: Alfred Mame et Fils, 1881.
21. Cauvin Ch. Vie de François de Lorraine, duc de Guise, surnommé le Grand. 2e édition. Tours, 1878.
22. Chateaubriand F. R. de. Histoire de France, depuis les temps les plus reculés jusqu'à la mort de Louis XVI. Paris: Gabriel Roux; Arnauld de Vresse, 1857.
23. Chénier M.-J. Tableau historique de l'état et des progrès de la littérature française depuis 1789; par Marie-Joseph De Chénier. P.: Maradan, 1816. P. 157–158.
24. Croze J. de. Les Guises, les Valois et Philippe II. 2 vol. Paris, 1866.
25. Duruy V. Histoire de France / Nouvelle édition, illustrée d'un grand nombre de gravures et de cartes. Paris: Hachette, 1880.
26. Flaubert G. Mort du duc du Guise // Flaubert Gustave. Œuvres complètes. Vol. I. P.: Gallimard, 2001. P. 47–58.
27. Forneron H. Les Duc de Guise et leur époque. Étude historique sur le seizième siècle. P.: Pion, 1877.
28. Freer M. W. Henry III, King of France and Poland: his court and times. London: Hurst and Blackett, 1858.
29. Hazon de Saint-Firmin J. Un incident des États de Blois: l'affaire de Saluces et Henri, duc de Guise (octobredécembre 1588). Mémoires de la Société des sciences et lettres de Loir-et-Cher. 1909. Blois : impr. de C. Migault, 1909. P. 1–72.
30. Hazon de Saint-Firmin J. Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise à Blois, les abbés Claude de Bulles et Étienne d'Orguyn. Blois: R. Breton, 1913.
31. Hazon de Saint-Firmin J. Un Assassin du duc Henri de Guise, François II de Montpezat, baron de Laugnac, capitaine des Quarante-cinq (1566–1590). Paris: A. Picard, 1912.
32. Guillemin J.-J. Le Cardinal de Lorraine, son influence politique et religieuse au XVIe siècle. Paris: Joubert, 1847.
33. Labitte Ch. De la démocratie chez les prédicateurs de la Ligue. 4 vol. P.: Joubert, J. Labitte, 1841.
34. Lacretelle Ch. de. Histoire de France pendant les guerres de religion. Paris: Delaunay, 1814–1816.

35. Mariéjol J. H. Histoire de France depuis les origines jusqu'à la Révolution / [sous la dir. d'] Ernest Lavisse. Tome sixième. I. La Réforme et la Ligue, l'Édit de Nantes (1559–1598). Paris: Hachette, 1904.
36. Martin H. Histoire de France populaire depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris: Furne, 1838.
37. Martin H. Histoire de France populaire depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris: Furne, Jouvet, [1867–1885?]. T. 2.
38. Mérimée P. Henri de Guise // Mérimée P. Portraits historiques et littéraires. P., 1928. C.1–28.
39. Mézeray F. E. de. Abregé chronologique l'histoire de France, par le Sr. de Mézeray, Historiographe de France. Amsterdam: Antoine Schelte, 1696. T. V.
40. Mezeray F. E. de. L'Histoire de France depuis Pharamond jusqu'à maintenant. Paris, 1830.
41. Michelet J. Histoire de France. 5 vol. Paris: L. Hachette, 1833–1841.
42. Michelet J. Histoire de France. 19 vol. Paris: Lacroix, 1877–1878. Vol. 12.
43. Michelet J. Histoire de France. 19 vol. Paris: A. Lacroix et C, 1880. Vol. 12.
44. Paris H. Études sur Charles, cardinal de Lorraine. Reims: impr. de L. Jacquet, 1845.
45. Pimodan G. de. La mère des Guises: Antoinette de Bourbon, 1494–1583: avec un portrait, une autographie des lettres inédites, et de nombreux documents. Paris: H. Champion, 1889.
46. Ranke L. Französische Geschichte: Vornehmlich im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert. Stuttgart und Augsburg, 1855.
47. Ranke L. Histoire de France, principalement pendant le XVIe et le XVIIe siècle / Traduction de J.-J. Porchat. T. I–II. Paris: Friedrich Klincksieck, 1854.
48. Renauld J. Henri de Lorraine, Duc de Guise (1550–1588) et Catherine de Clèves, comtesse d'Eu (1548–1633), son épouse. Notes et souvenirs d'un voyage à Blois et à Eu. Nancy: G. Crépin-Leblond, 1878.
49. Rodocanachi E. Renée de France, une protectrice de la Réforme en Italie et en France. 3 vol. Paris: Paul Ollendorff, 1896.
50. Saint-Priest A. de. Les Guise // Revue des Deux Mondes (Nouvelle période). Vol. 9. № 5 (1er mars 1851). P. 785-847. Copie numérique. <https://www.jstor.org/stable/44694177> (дата обращения 10.08.2023).
51. Simonde de Sismondi J. C. L. Histoire des Français. 31 vol. Paris: Treuttel et Würtz, 1821–1844.
52. White H. The Massacre of St. Bartholomew: Preceded by a History of the Religious Wars in the Reign of Charles IX. N.Y., 1868.
53. Zeller B. Charles IX et Francois de Guise la premiere guerre de religion (1560–1563). Paris: Hachette, 1887.

II. Издания источников XVI–XIX вв.

54. Давила Э. К. История гражданских войн во Франции / Перевод [с итальянского] Р.Л. Шмаракова; статья В.В. Шишкина; комментарии В.В.Шишкина [и др.]. СПб: Наука, 2023. Т. 1.
55. Маргарита де Валуа (1553–1615). Мемуары. Избранные письма. Документы / Пер. с фр. В.В. Шишкина. СПб.: Евразия, 2010.
56. Archives curieuses de l'histoire de France, depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII, ou Collection de pièces rares et intéressantes, telles que chroniques, mémoires, pamphlets, lettres, vies, procès: ouvrage destiné à servir de complément aux collections Guizot, Buchon, Petitot et Leber. Série 1. T. 7 / par L. Cimber et F. Danjou. Paris: Beauvais, 1835.
57. Aubigné Th. A. Mémoires de Théodore Agrippa d'Aubigné, publiés pour la première fois d'après le manuscrit de la bibliothèque du Louvre, suivis de fragments de l'Histoire universelle de d'Aubigné et de pièces inédites / Par M. Ludovic Lalanne. Paris: Librairie des bibliophiles, 1854 (1889).
58. Aubigné Th. A. d' Mémoires. Paris: Delagrave, 1884.
59. Aubigné Th. A. d' Oeuvres complètes. Paris: A. Lemerre, 1873–1892.
60. Aubigné Th. A. d' Oeuvres complètes de Théodore Agrippa d'Aubigné / Publiées pour la première fois d'après les manuscrits originaux par Eug. Réaumé et F. de Caussade. Paris: A. Lemerre, 1873–1877.
61. Aubigné Th.A. d' Histoire universelle / éd. publ. pour la Société de l'Histoire de France. Paris: Renouard: H. Laurens, 1886–1909.
62. Barthélemy E. de, Catherine de Médicis. Catherine de Médicis et la Saint-Barthélemy: d'après une lettre inédite // Bulletin Historique et Littéraire (Société de l'Histoire Du Protestantisme Français). Vol. 19/20. 1870. № 6. P. 258–262. URL: <http://www.jstor.org/stable/24285920> (дата обращения: 01.09.2024).
63. Bourbon Ch. de. Declaration des causes qui ont meu Monseigneur le Cardinal de Bourbon, et les Princes, Pairs, Prelats de s'opposer à ceux qui veulent subvertir la Religion, et l'Estat. Péronne, 1585.
64. Brantôme P. de Bourdeille. Oeuvres complètes de Pierre de Bourdeille seigneur de Brantôme. T. 1–7. Paris: Foucault, 1822–23 (Renouard, 1873).
65. Brantôme P. Oeuvres complètes de Pierre de Bourdeille, abbé séculier de Brantôme, et d'André, vicomte de Bourdeille. Édition revue et augmentée d'après les manuscrits de la Bibliothèque

- royale, avec notices littéraires, par J.-A.-C. Buchon. 2 vol., Paris: A. Desrez, 1838 (Société du Panthéon littéraire, 1842).
66. Castelnau M. de. Mémoires de Messire Michel de Castelnau // Collection complete des memoires relatives a l'histoire de France. T. XXXIII. Paris, 1823.
  67. Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France: avec notices biographiques / par J.-A.-C. Buchon. Paris: A. Desrez, 1837.
  68. Correspondance de François de Lorraine, duc de Guise, avec Christophe, duc de Wurtemberg. Deuxième série. Massacre de Vassy (Mars—Avril 1562) // Bulletin Historique et Littéraire (Société de l'Histoire Du Protestantisme Français). Vol. 24. 1875. № 5. P. 209–221. URL: <http://www.jstor.org/stable/24286138> (дата обращения: 01.09.2024).
  69. Davila E. C. Histoire des guerres civiles de France. Volume 1. Paris: P. Rocolet, 1657.
  70. Dépêche du ministre des affaires étrangères d'Angleterre: A l'ambassadeur de la reine Elisabeth à Paris/ Sur la Saint-Barthélemy. 1572 // Bulletin de La Société de l'Histoire Du Protestantisme Français (1852-1865). Vol. 1. 1853. № 8/9. P. 363–367. URL: <http://www.jstor.org/stable/24281061> (дата обращения: 03.09.2024)
  71. Discours sur le droit pretendu par ceux de Guise sur la Couronne de France. Imprimé nouvellement. [S.L.], 1585.
  72. Documens historiques sur l'assassinat des duc et cardinal de Guise // Revue rétrospective, ou Bibliothèque historique: contenant des mémoires et documens authentiques, inédits et originaux, pour servir à l'histoire proprement dite, à la biographie, à l'histoire de la littérature et des arts / [publiée par Jules Taschereau]. Paris. 1-e serie. T. 3. 1834. P. 432–455; T. 4. 1834. P. 196–242.
  73. Goulart S. Mémoires de l'Etat de France sous Charles IX: contenant les choses les plus notables, faictes et publiées tant par les catholiques que par ceux de la religion, depuis le troisième édit de pacification fait au mois d'Aoust 1570 jusques au règne de Henry troisieme, & reduits en trois volumes, chacuns desquels a un indice des principales matières y contenus. T. I–III. Meidelbourd: H. Wolf, 1578.
  74. Goulart S. Mémoires de la Ligue, sous Henri III & Henri IV Rois de France. Comprenans en six volumes, ou recueils distincts, infinies particularités mémorables des affaires de la Ligue, depuis l'an 1576, jusques à l'an 1598. T. 1–6. S.l. [Genève], 1598–1604.
  75. Haag M. E. et al. Les huguenots au lendemain de la Saint-Barthélemy. Siège, Blocus et Famine de Sancerre. La Discipline Religieuse Dans l'armée Des Huguenots. Prière Du Matin Au Corps-de-Garde // Bulletin de La Société de l'Histoire Du Protestantisme Français (1852-1865). Vol. 1. 1852. № 3/4. P. 100–105 // URL: <http://www.jstor.org/stable/24280963> (дата обращения: 01.09.2024).

76. L'Anti-Guisart. Imprimé nouvellement. [S.L.], 1586.
77. L'Estoile P. de. Mémoires et journal depuis la mort de Henri III (1589) jusqu'en 1611 // Collection complete des memoires relatives a l'histoire de France. T. XLIX. Paris, 1823.
78. L'Estoile P. de. Mémoires pour servir à l'Histoire de France, et Journal de Henri III et de Henri IV // Collection des Mémoires relatifs à l'Histoire de France. 1ère série. T. 45, 46, 47, 48, 49. Paris: Foucault, 1825–1826.
79. L'Estoile P. de. Registre-journal du règne de Henri III // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe siècle, 1836–1839. 32 volumes. T. 2. Paris: Ed. du commentaire analytique du Code civil, 1837.
80. L'Estoile P. de. Journal inédit du règne de Henri IV, 1598–1602 / publié d'après le manuscrit de la Bibliothèque impériale. Paris: Aubry, 1862.
81. L'Estoile P. de. Registre-journal du règne de Henri III. Genève: Droz, 1992–1997. T. I–III.
82. La Saint-Barthélemy / récit extrait de l'Estoile, Brantôme, Marguerite de Navarre, de Thou, Montluc etc.. Paris: L. Hachette, 1853.
83. Las Cases E. de Mémorial de Sainte-Hélène, ou Journal où se trouve consigné, jour par jour, ce qu'a dit et fait Napoléon durant dix-huit mois. Paris, 1823. T. II.
84. Le veritable sur la Sainte Ligue. [S.L.], 1585.
85. Lettres du cardinal Charles de Lorraine (1525–1574): publ. et présentées par Daniel Cuisiat. Genève: Droz, 1999. (Travaux d Humanisme et Renaissance; CCCXIX).
86. Lettre du Roy au duc de Guise // Archives curieuses de l'histoire de France, depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII, ou Collection de pièces rares et intéressantes, telles que chroniques, mémoires, pamphlets, lettres, vies, procès: ouvrage destiné à servir de complément aux collections Guizot, Buchon, Petitot et Leber. Série 1. T. 7 / par L. Cimber et F. Danjou. Paris: Beauvais, 1835. P. 379–381.
87. Lostal P. L'Anti-Guisart. Imprimé nouvellement. La Rochele: Pierre Haultin, 1586.
88. Marguerite de Valois, queen consort of Henry IV, king of France. Mémoires [1569–1582] // Collection complete des memoires relatives a l'histoire de France. T. XXXVII. Paris, 1823.
89. Matthieu P. Troisième édition de la Guisiade , tragédie nouvelle, en laquelle au vray et sans passion est représenté le massacre du duc de Guise. Lyon, 1589.
90. Matthieu P. Histoire des derniers troubles de France, sous les regnes des rois tres chrestiens Henry III, Roy de France, & de Pologne, & Henry IIII, Roy de France & de Nauarre. S.l. [Lyon], 1594.
91. Mérimée P. Une Correspondance inédite de Prosper Mérimée // Revue des Deux Mondes. 4e période. T. 134. 1896. P. 5–40. Copie numérique.

- URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Une_Correspondance_in%C3%A9dite_de_Prosper_M%C3%A9rim%C3%A9/01 (дата обращения: 13.03.2021).
92. Monluc B. de Lasseran-Massencôme. Commentaires de Blaise de Monluc // Choix de chroniques et memoires sur l'histoire de France. XVIe siècle. Paris, 1836.
  93. Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe // Michaud J. Fr.; Poujoulat, Jean Joseph Francois. Paris, chez l'éditeur du Commentaire analytique du Code civil, 1836–1839. 32 volumes.
  94. Oudin. Histoire de la maison de Guise jusqu'en 1627, par Oudin // BNF. Département des manuscrits. Français 5798. Maison de Guise. Publication numérique.
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b90607486> (дата публикации: 28.11.2011)
  95. Patte J. Journal historique de Jehan Patte, bourgeois d'Amiens (1587–1617). Amiens, Lemer aîné, 1863.
  96. Relation de la mort de Messieurs les duc et cardinal de Guise, par le sieur Miron, medecin du roy Henri III (1836) // Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII. T. 12. Paris, 1836. P. 112–138.
  97. Relation du massacre de la Saint Barthélémy (tirée des Mémoires de l'état de France sous Charles IX) // Archives curieuses. Tome 7. P. 77–132.
  98. Sonnet sur la mort de Gaspard de Coligny: Admiral de France (1572) // Bulletin de La Société de l'Histoire Du Protestantisme Français (1852-1865). Vol. 2. 1853. № 1/2. P. 27–28.
URL: <http://www.jstor.org/stable/24280937> (дата обращения: 09.09.2024).
  99. Talma J.-F. Mémoires de J.-F. Talma / écrits par lui-même; et recueillis et mis en ordre sur les papiers de sa famille par Alexandre Dumas. Paris: H. Souverain, 1850.
  100. Tavannes G. Mémoires des Messire Gaspard de Saulx, Seigneur de Tavannes, Maréchal de France, Amiral des Mers du Levant, Gouverneur de Provence, Conseiller du Roi, Capitaine de cent hommes d'armes, commençant en 1522 et finissant en 1573. XVIe siècle. Collection Universelle des mémoires particuliers, relatifs à l'histoire de France. Tome XXVII. Paris, 1787.
  101. Tavannes G. de Saulx. Mémoires des choses advenues en France es guerres civiles, depuis l'an 1560 jusques en l'an 1596 // Choix de chroniques et mémoires sur l'histoire de France / avec notices biographiques par J.-A.-C. Buchon. Paris: A. Desrez, 1836. 1 vol. (XXXII). P. 434–505.
  102. Tavannes G. de Saulx. Mémoires de très noble et très illustre Gaspard de Saulx, seigneur de Tavannes. / [réd. par Jean de Saulx] // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France. Vol. 1, VIII. Paris: Guyot frères, 1851. P. 3–561.
  103. Tavannes J. de Saulx; Tavannes G. de Saulx. Correspondance des Saulx-Tavanes au XVIe siècle / recueillie et annotée par L. Pingaud. Paris: Champion, 1877.

104. Thou J. A. de. Histoire universelle de Jacques-Auguste de Thou. Basle: J. L. Brandmuller, 1742. T. 3: 1560–1567.
105. Thou J. A. de. Mémoires, 1553–1601 // Collection complete des memoires relatives a l'histoire de France. T. XXXVII. Paris, 1823.
106. Villeroy N. de Neufville. Mémoires d'etat // Collection complète des mémoires relatifs à l'histoire de France. T. 44. Paris: Foucault, 1824.

III. Справочная литература.

107. Брокгауз Ф. А. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб.: Ф. А. Брокгауз; И. А. Ефрон, 1890–1907.
108. Bibliographie // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français. Vol. 33, No. 4 (1884).
109. Chaudon L.-M., Delandine A.-F. Nouveau dictionnaire historique, ou Histoire abrégée de tous les hommes qui se sont fait un nom depuis le commencement du monde jusqu'à nos jours. 8e edition. Lion, 1804.
110. Dezobry Ch., Bachelet Th. Dictionnaire général de biographie et d'histoire, de mythologie, de géographie ancienne moderne et comparée. P., 1857 (1889).
111. Indicateur de la galerie des portraits, tableaux et bustes qui composent la collection du roi au château d'Eu. P.: Paul Dupont et Cie, 1836.
112. Larousse P. Grand dictionnaire universel du XIXe siècle. 17 vol. Paris: Larousse et Boyer, 1866–1878.
113. The encyclopædia britannica; a dictionary of arts, sciences, literature and general information. 11th edition. 29 vol. Cambridge: The University Press, 1910–1911.

IV. Учебная литература

114. Виппер Р. Краткий учебник новой истории. М.: Типография т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1912.
115. Дворников П. Новая история. Учебник для женских учебных заведений. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910.
116. Курс Новой истории для VII класса мужских гимназий. По программе, утвержденной Министерством Народного Просвещения 13 июля 1913 г. Киев, 1915
117. Реверсов И. Учебник новой истории. Для средних учебных заведений (курс V и VI классов мужских гимназий). 2-е изд. М.: Издание т-ва И.Д. Сытина, 1915.
118. Смарагдов С. Руководство к познанию Новой истории для средних учебных заведений, сочиненное С. Смарагдовым. 4-е изд. СПб., 1854.

119. Функе Ю. Учебник всеобщей истории. Новая история. Курс средних учебных заведений. Киев, 1887.
120. Augé C., Petit M. Histoire de France en images. A l'usage des tout petit. P.: Librairie Larousse, 1896.
121. Blanchet D. Histoire sommaire de la France depuis la mort de Louis XI jusqu'à nos jours. 21 éd. P.: Belin frères, 1899.
122. Defrance Ch. Petite histoire de la Grande France. Esquisse d'un nouveau livre d'école. P., 1894.
123. Girault L. Histoire de France. Paris: Philippart, 1850. Copie numérique.
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k65481025> (дата обращения 18.12.2022).
124. Histoire de France. Limoges: Ardant frères, 1833. P. 87–88.
125. Lavissee E. La Deuxième année d'Histoire de France et d'Histoire Générale par Ernest Lavissee de l'Académie française. Paris: A. Colin, 1911 (1915).
126. Malet A. Histoire modern (1498–1715). Classe de seconde. Paris: Hachette, 1911.
127. Seignette A. L'école moderne. Livre du maître: morale, enseignement civique, langue française, histoire, géographie, arithmétique, géométrie, sciences usuelles et agriculture. Tome 2,2. Paris, 1898. P. 774–775.

V. Произведения художественной литературы

128. Дюма А. Королева Марго / пер. с фр. Корша Е.Ф. М.: «Художественная литература», 1974.
129. Дюма А. Сорок пять / пер. с фр. Кулишер А. и Рыковой Н. М.: «Художественная литература», 1981.
130. Дюма А. Двор Генриха III / Пер. Ю. Б. Корнеева // Дюма А. Собрание сочинений. Том 36. М.: ФРЭД, 1997. С. 5–123.
131. Генти Дж. А. Лев святого Марка. Варфоломеевская ночь. М.: Вече, 2016.
132. Зевако М. Пардаийны: В 10 т. / пер. с фр. О. Артамонова. М.: Пресса, 1993–1995.
133. Линднер А. Кровавая свадьба: Ист. драма в 4-х д. А. Линднера: Последоват., по сценам, пересказ драмы. Санкт-Петербург: В. Крылов, 1890.
134. Курешов В.Е. Карл IX, король французский, и фрейлина королевы Екатерины Медичи. Романтическая драма, с прологом, в 5 действиях, 8 переменах и 20 картинах, с танцами и мифологическими явлениями, с сражением, изображением Тартара и Рая / с романа г-жи Бауэр на драму изложил Василий Ефремович Курешов. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1858.
135. Манн Г. Молодые годы короля Генриха IV / пер. В. Станевич // Манн Г. Сочинения. Москва: Гослитиздат, 1957–1958. Т. 6.

136. Марло К. Парижская резня // Марло К. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 527–586.
137. Мериме П. Хроника царствования Карла IX. Новеллы / пер. с фр.; вступ. статья Ю. Виппера. М.: Художественная литература, 1968. (Б-ка всемирной литературы. Серия вторая. Литература XIX в.: Т. 31 (95)).
138. Понсон дю Террайль. Варфоломеевская ночь: Романы / пер. с фр. Москва: «СКС», 1992.
139. Понсон дю Террайль П. А. Собрание сочинений / пер. с фр. М.: Агентство "РИПОЛ", 1991.
140. Уаймен С. Д. Волчье логово. Под алой мантией. Красная кокарда / пер. с английского С.В. Акимовой. Москва: Пристанище, 2015.
141. Уаймен С. Д. Французский дворянин / пер. с английского Е. Беренштейн. М.: «Вече», 2012.
142. Французский театр эпохи Просвещения. М., 1957. Т. 1.
143. Шенье М.-Ж. Карл IX, или Урок королям: трагедия / Мари-Жозеф Шенье // Французский театр эпохи Просвещения: сборник пьес / ред. пер. Н. Любимов; коммент. С.С. Мокульский. М.: Искусство, 1957. Т. 2. С. 353–413.
144. Aillon J. d' La Guerre des trois Henri. Т. 1–3. Paris: Éditions Jean-Claude Lattès, 2008–2011.
145. Arnault L. É. Catherine de Médicis aux États de Blois // Œuvres dramatiques de Lucien Arnault: avec une notice biographique, Т. 2. Paris: Firmin Didot frères, 1866. P. 247–384.
146. Baculard d'Arnaud F.-T.-M. de. Coligny, ou La saint Barthélemi: tragédie. P., 1789.
147. Chénier M. J. Charles IX, ou La Saint-Barthélemi; tragédie en cinq actes // Œuvres de M. J. Chénier, membre de l'Institut. Т. I. Paris: Guillaume, Libraire, 1826.
148. Dumas A. Henri troisième et sa cour: Drame historique en 5 actes. Paris: Veras et Co, Le Normant père, 1829.
149. Dumas A. Les quarante-cinq. Paris: Calmann Lévy, [18??].
150. Dumas A. Les Quarante-cinq, par Alexandre Dumas. Bruxelles: Méline, Cans et Cie, 1847.
151. Dumas A. La reine Margot. Paris: Calmann Lévy, [18??].
152. Dumas A. La reine Margot. Paris: Garnier frères, 1845.
153. Dumas A. La dame de Monsoreau / oeuvres complètes de M. Alexandre Dumas. [Paris]: Le Siècle, 1847 (Michel Lévy frères, 1846–1847).
154. Dupaty L. E. F. Ch. Mademoiselle de Guise, opéra-comique en trois actes. Paris: Barba, 1808.
155. Gabriac A. de Henri de Guise, tragédie en cinq actes. Paris: Joseph Albanel, 1870.
156. Goury de Champgrand de Bawr A. S. La Fille d'honneur. Paris: Dumont, 1841.
157. Henty G. A. St. Bartholomew's eve: a tale of the Huguenot wars. London: Blackie, 1894.
158. Himbert de Flégny L. A. La Mort de Henri de Guise, tragédie en 5 actes, éd. de P. Betoulle, 1823.
159. James G. P. R. Henry of Guise; or, The states of Blois. London: Smith, Elder and co., 1845.

160. La Rochefoucauld-Liancourt F. G. de. *La Révolution française et Bonaparte, ou les Guises du XVIIIe siècle*, tragédie en 5 actes et en vers. Paris: Locard et Davi, 1818.
161. La Fayette, Madame de. *La Princesse de Montpensier*. Paris: T. Jolly, 1662.
162. Mérimée P. 1572. *Chronique du temps de Charles IX*. Paris: A. Mesnier, 1829.
163. Mérimée P. *Chronique du temps de Charles IX*. Paris: Charpentier, 1853.
164. Merle R. *Fortune de France. Paris ma bonne ville*. Paris: Plon, 1980.
165. Merle R. *Fortune de France. Le Prince que voilà*. Paris: Plon, 1982.
166. Outrepont Ch. d' *La Saint-Barthélemi*, drame en plusieurs scènes. Paris: Firmin Didot père et fils, 1826.
167. Planard de; Saint-Georges de. *Guise, ou Les états de Blois: drame lyrique en trois actes / musique de M. Onslow*. Paris: J.-N. Barba, 1837.
168. Ponson du Terrail P. A. *La jeunesse du roi Henri*. Paris: Dentu, 1869–1870.
169. Ponson du Terrail P. A. *La jeunesse du roi Henri*. 3 vol., Paris: J. Rouff, 1884.
170. Ponson du Terrail P. A. *La Jeunesse du roi Henri. Les Amours du valet de trèfle*, par Ponson Du Terrail. Paris: Dentu, 1866.
171. Raynouard F. J. M. *Les états de Blois*, tragédie en cinq actes et en vers, représentée, pour la première fois, sur Théâtre de Saint-Cloud, 22 juin 1810, et Théâtre français, 31 mai 1814], précédée d'une notice historique sur le duc de Guise. Paris: Mame frères, 1814.
172. Rémusat Ch. de. *La Saint-Barthélemy: drame inédit; publié par Paul de Rémusat*. Paris: C. Lévy, 1878.
173. Rosier J.-B. *Charles IX: drame en cinq actes, en prose*. Paris: J.-N. Barba, 1834.
174. Saint-Esteben F.-X. *La mort de Coligny, ou la Nuit de Saint-Barthélemy, 1572*. [S.l.], 1830.
175. Tissot A. de. *Le massacre de la Saint-Barthélemy*, tragédie en cinq actes et en vers. Paris: Ponthieu, 1823.
176. Vitet L. *Les Barricades. Scènes historiques. Mai 1588*. Paris: Ponthieu, 1826.
177. Vitet L. *Les États de Blois, ou la Mort de MM. de Guise, scènes historiques, décembre 1588*. Paris: Ponthieu, 1827.
178. Vitet L. *La Mort de Henri III, août 1589, scènes historiques faisant suite aux "Barricades" et aux "Etats de Blois"*. Paris: Fournier, 1829.
179. Voltaire. *La Henriade / ed. Beuchot*. Paris: Lefèvre & Firmin-Didot, 1723.
180. Weyman S. J. *The house of the wolf: a romance*. London: Longmans, Green, 1890;
181. Weyman S. J. *A gentleman of France: being the memoirs of Gaston de Bonne, sieur de Marsac*. London: Longmans, Green, 1893.
182. Zévaco M. *Les Pardailan*. Paris: Fayard, 1907–1913.

VI. Живопись и графика

183. Абель Ф.-Б.-М. «Смерть герцога Анжуйского, сына Генриха II», 1865. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.
184. Башро-Ревершон В. «Последние минуты Франсуа Лотарингского, герцога де Гиза, убитого под Орлеаном Польтро де Мере (1563)», около 1877. Электронная репродукция с каталога салона 1878 г. URL: <https://www.galerie-leserbon.fr/wp-content/uploads/2018/05/Bachereau-Tableau-Salon-1878.jpg> (дата обращения: 04.12.2022).
185. Бельяр З.-Ф.-Ж.-М. «Генрих Лотарингский, герцог де Гиз», 1828. Литография. Архив и библиотека г. По. Электронная репродукция. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10580490r.r=de%20Guise?rk=150215;2> (дата обращения: 11.02.2022).
186. Блерси Ж. А. «Пост королевского кабинета перед убийством герцога де Гиза», 1869. Музей Капитолия, г. Тулуза. Холст, масло. Фото автора с копии в Музее замка г. Блуа.
187. Вьерж (Уррабьета Ортиз-и-Вьерж) Д. «Лига на Генеральных Штатах в Блуа. Август-декабрь 1588»: иллюстрация к «Истории Франции» Ж. Мишле // Michelet J. Histoire de France. 19 vol. Paris: A. Lacroix et C, 1880. Vol. 12. P. 223.
188. «Господин Генри Уайт в качестве Генриха Лотарингского, герцога де Гиза. Госпожа Уайт в качестве Морозины Морозини, догарессы Венеции». Фотогравюры гостей костюмированного бала, состоявшегося в резиденции герцогини Девонширской 02.07.1897. Собрание Национальной портретной галереи в Лондоне // История моды: страница вконтакте. Электронная репродукция URL: https://vk.com/wall-1179772_50817 (дата обращения: 21.03.2021).
189. Девериа А. «Герцог де Гиз и герцогиня Нуармутье». Литография XIX в. Эстамп. Электронная репродукция. Местонахождение неизвестно. URL: <https://www.ebay.fr/itm/262406641089?mkevt=1&mkcid=1&mkrid=709-53476-19255-0&campid=5338722076&toolid=10001> (дата обращения: 12.12.2022).
190. Девериа А. Сцена из пьесы А. Дюма «Генрих III и его двор». Акт III, Сцена V: «Ecrivez-nous dis-je! La Duchesse. Vous me faites bien mal, Henri; vous me faites horriblement mal... Grâce! Grâce! ah!» («Пишите! – говорю я вам. Герцогиня: Вы делаете мне больно, Генрих, вы делаете мне ужасно больно... Помилуйте! Помилуйте! О!»), 1829. Эстамп. Электронная репродукция [Paris: H. Gaugain & C, 1829]. Национальная библиотека Франции (BNF). URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84379146> (дата обращения: 21.03.2021).

191. Девериа Э. «Четыре Генриха в доме Крийона в Авиньоне», 1856. Холст, масло. Музей замка г. По. Электронная репродукция.
URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Eug%C3%A8ne_Dev%C3%A9ria_-_Les_quatre_Henri_01.jpg (дата обращения: 12.12.2022).
192. Декен А. «Гизы держат совет в парке замка д'Э», 1834. Холст, масло. Замок д'Э. Музей Луи Филиппа // Визиты в провинциальные музеи изящных искусств: блог. Электронная репродукция. URL: <http://notesdemusees.blogspot.com/2009/04/eu.html> (дата обращения: 04.12.2022).
193. Деларош П. Костюмы к постановке оперы Дж. Мейербера «Гугеноты». Генрих III/ Герцог де Гиз, 1836. Карандаш, акварель. Электронная репродукция. Национальная библиотека Франции (BNF). URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b84545361/f2.item.r=de%20Guise> (дата обращения: 11.02.2022).
194. Деларош П. «Убийство герцога де Гиза», 1834. Холст, масло. Музей Конде в Шантийи / Музей изобразительных искусств г. Блуа (авторская копия). Фото автора.
195. Делиньон Ж. Л. «Генрих де Гиз и кардинал Лотарингский», 1890. Иллюстрация к пьесе М.-Ж. Шенье «Карл IX. Урок королям». Акт V. Сцена 4. Эстамп. Электронная репродукция. Национальная библиотека Франции (BNF).
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b6944635g.r=de%20Guise?rk=2725335;2> (дата обращения: 11.02.2022).
196. Денюэль А. Д. Вид галереи Гизов в замке д'Э, 1844. Бумага, акварель, гуашь, карандаш. Смитсоновский музей дизайна Купер Хьюитт (Cooper Hewitt, Smithsonian Design Museum, США). Электронная репродукция.
URL: <https://www.akg-images.de/CS.aspx?VP3=SearchResult&VBID=2UMESQJ1RNU2VJ&SMLS=1&RW=1280&RH=577#/SearchResult&VBID=2UMESQJ1RNU2VJ&SMLS=1&RW=1280&RH=577&POPUPPN=58&POPUPIID=2UMEBMYHJLBRT> (дата обращения: 05.12.2022).
197. Дюрюп Ш. Б. Ж. «Маркиза Нуармуатье стремится отговорить герцога де Гиза от посещения Созыва Генеральных Штатов в Блуа», 1833. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.
198. Дюрюп Ш. Б. Ж. «Король Генрих III попирает тело убитого герцога де Гиза», 1828. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.
199. Жоанно Ш.-А.-А. «Анна д'Эсте, жена герцога де Гиза, прибывает ко двору Карла IX», 1837. Местонахождение неизвестно.

200. Конт П. Ш. «Встреча Генриха III и герцога де Гиза в Блуа, 1588», 1855. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.
201. Конт П. Ш. «Анна д'Эсте, вдова Франсуа Лотарингского берет со своего сына клятву отомстить убийце его отца», 1864. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.
202. Лалуэтт Ж. «Изображение герцога де Гиза и его брата кардинала де Гиза, убитых в Блуа», 1589. Цветная гравюра на дереве. Электронная репродукция // Коллекция П. Л'Этуалья. Национальная библиотека Франции, Париж.
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k859264h/f60.item> (дата обращения: 04.12.2022).
203. Леюгёр П. «День Баррикад». Рисунок № 58. Генрих III – Генрих де Гиз. Лига // Lehuteur P. Histoire de France en cent tableaux. Paris: A. Lahure, 1880. P. 16. Электронная репродукция.
URL: [https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k992639v/f125.image.r=Paul%20Lehuteur%20\(1854-1932%3F\)](https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k992639v/f125.image.r=Paul%20Lehuteur%20(1854-1932%3F)) (дата обращения: 18.03.2021).
204. Леюгёр П. «Убийство герцога де Гиза». Рисунок № 59. Генрих III – Генрих де Бурбон. Конец Валуа // Lehuteur P. Histoire de France en cent tableaux. Paris: A. Lahure, 1880. P. 17.
205. Неизвестный автор. «Генрих III (1574–1589). Лига: Баррикады 1588 г.». Рекламная хромолитография для шоколадных конфет фабрики Герэн-Бутрон (Guérin-Boutron). Серия «Исторические портреты». Paris: Ж. Мино, [1889]. Электронная репродукция. URL: <https://www.lookandlearn.com/history-images/M240443/Henry-III-of-France-and-the-barricades-of-the-Catholic-League-1588?t=2&q=Chocolat+Guerin-Boutron&n=1171> (дата обращения: 05.12.2022).
206. Неизвестный автор. «Герцог де Гиз, убитый в замке Блуа по приказу Генриха III в 1588 г.» Обложка тетради. Серия «История Франции». Издательство: Garnier. 1890 г. Электронная репродукция. URL: <https://www.lookandlearn.com/history-images/M609272/Assassination-of-Henry-I-Duke-of-Guise-while-eating-quiche-lorraine-1588?t=2&q=Henry+Of+Guise> (дата обращения: 13.11.2020).
207. Неизвестный автор. «Генрих Лотарингский, герцог де Гиз, убитый 23 декабря 1588 г.» Серия открыток: Французские гражданские и военные костюмы сквозь века. XIX в. Эстамп. С портрета неизвестного автора второй половины XVI в. Электронная репродукция. URL: <https://picclick.fr/HENRI-de-LORRAINE-DUC-de-GUISE-dit-le-143937475380.html#&gid=1&pid=2> (дата обращения: 11.02.2022).
208. Неизвестный автор. Иллюстрация к роману А. Дюма «Сорок пять». Глава 67: «Французы и фламандцы». Литография // Les bons romans. 1864. 11 octobre. № 471. P. 3.

209. Неизвестный автор. Карл X – Карл IX (Charles X – Charles IX: [estampe]), около 1828–1829 гг. Эстамп. Paris: Desmaysons, rue Guénégaud, N° 14. Электронная репродукция. URL: <http://ark.bnf.fr/ark:/12148/cb41517377s> (дата обращения: 05.12.2022).
210. Неизвестный автор. Костюм Шолле, исполнителя роли герцога де Гиза в постановке оперы Дж. Онслоу «Гиз, или Генеральные Штаты в Блуа», акт III, 1837. Цветной офорт. Электронная репродукция. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b7001575n.r=de%20Guise?rk=214593;2> (дата обращения: 11.02.2022).
211. Неизвестный автор. Костюмы к постановке пьесы Ф. Ж. М. Ренуара «Генеральные Штаты в Блуа», 1814 // Национальная библиотека Франции (BNF). Цветной офорт. Электронная репродукция. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8406118z> (дата обращения: 21.03.2021).
212. Неизвестный автор. «Мертвым он кажется еще больше, чем когда был жив» (Генрих III), 1900. Серия «Исторические слова». Рекламная хромолитография для шоколадных конфет фабрики Герэн-Бутрон (Guérin-Boutron). Электронная репродукция. URL: <https://www.akg-images.de/CS.aspx?VP3=SearchResult&VBID=2UMESQJ1RW4D2W&SMLS=1&RW=1280&RH=577> (дата обращения: 05.12.2022).
213. Неизвестный автор. «Киш Лорен (лотарингский пирог) в 1588 г.». Иллюстрация в журнале «Домашняя кухня». 29 апреля 1906 г. Электронная репродукция. URL: <https://www.lookandlearn.com/history-images/M609272/Assassination-of-Henry-I-Duke-of-Guise-while-eating-quiche-lorraine-1588?t=2&q=Henry+Of+Guise> (дата обращения: 11.02.2022).
214. Неизвестный автор. «"Очень жаль, когда слуга выгоняет хозяина". Президент Парламента Арле герцогу де Гизу после бегства Генриха III. 12 мая 1588». Рекламная хромолитография для шоколада Пулен (Poulain). Серия «Исторические слова». Paris: Ж. Мино, 1890. Электронная репродукция. URL: <https://www.lookandlearn.com/history-images/M167854/Chocolat-Guerin-Boutron-trade-card-Historic-Words-series> (дата обращения: 05.12.2022).
215. Неизвестный автор. «Свадьба Генриха де Гиза и Екатерины Клевской». Иллюстрация к монографии Ш. Ковена «Генрих де Гиз Меченный» // Cauvin Ch. Henri de Guise le Balafre / Histoire de France de 1563 a 1589. Tours: Alfred Mame et Fils , 1881. P. 2.
216. Неизвестный автор. «Убийство Генриха I, герцога де Гиза, охраной короля, 1588». Рекламная хромолитография для шоколадных конфет фабрики Герэн-Бутрон (Guérin-Boutron). Paris: Ж. Мино, [1890]. Электронная репродукция.

- URL: <https://www.lookandlearn.com/history-images/M239579/Assassination-of-Henry-Duke-of-Guise?t=2&q=Chocolat+Guerin-Boutron&n=1169> (дата обращения: 05.12.2022).
217. Неизвестный автор. «Убийство герцога де Гиза». Иллюстрация из «Истории Франции» А. Мартена. Гравюра // Martin H. Histoire de France populaire depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Paris: Furne; Jouvet, 1867. Т. 2. Р. 237.
218. Обле А. «Генрих де Гиз у Генриха III в Лувре», 1880, авторская копия картины 1876. Дерево, масло. Электронная репродукция. URL: <https://ru.pinterest.com/pin/pin-en-the-last-valois-kings--314618723975905271/> (дата обращения: 04.12.2022).
219. Рос Ш. де «Генрих I: герцог де Гиз», около 1800–1823. Литография на бумаге. Британский музей (The British museum): сайт. Номер экспоната: 1922,0410.129. Электронная репродукция. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1922-0410-129 (дата обращения: 19.03.2021).
220. Ферник Ф. Карикатура на костюм герцога де Гиза в театре «Де ла Гете» к постановке пьесы А. Дюма «Генрих III и его двор», [1884]. Электронная репродукция. Национальная библиотека Франции (BNF).
URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8437915m/f1.item.r=Henri%20Guise.zoom#> (дата обращения: 11.02.2022).
221. Шеффер А. «Герцогиня Немурская просит у Генриха III тело своего сына, герцога де Гиза», 1864. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.
222. Шеффер А. «Процессия и похоронная церемония в честь герцога де Гиза, убитого в Блуа», 1868. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.

VII. Художественные и документально-игровые кинофильмы

223. «Варфоломеевская ночь» («La Saint Barthélemy», реж. Л. Нонге, 1905): видеофильм.
224. «Генрих III» («Enrico III», реж. Дж. Пастроне, 1909): видеофильм.
225. «Графиня де Монсоро» («La Dame de Monsoreau» реж. Э. Шотар / Ш. Кросс, 1913): видеофильм.
226. «Екатерина, герцогиня де Гиз» («Caterina, duchessa di Guisa», 1910): видеофильм.
227. «Екатерина Медичи и Карл IX» («Caterina de' Medici e Carlo IX», реж. Дж. де Лигуоро, 1910): видеофильм.
228. «Заговор при Генрихе III (1578)» («Une conspiration sous Henri III (1578)», реж. Люсьен Нонге, 1906): видеофильм.
229. «Заговор при Генрихе III (1578)» («Une conspiration sous Henri III (1578)», реж. К. де Морлон, 1911): видеофильм.

230. «Молодость Генриха IV» (реж. Б. Глаголин, 1914): видеофильм.
231. «Секреты истории: Луи-Филипп и Мария-Амелия, наша последняя королевская пара» («Secrets d'Histoire: Louis-Philippe et Marie-Amélie, notre dernier couple royal», реж. Б. Лерер, 2018): документальный фильм // Секреты истории: онлайн. Вып. 124. 01:53:53 (время воспроизведения). URL: <https://www.secretsdhistoire.tv/content/louis-philippe-et-marie-amelie-notre-dernier-couple-royal-> (дата обращения 04.12.2022). Доступно на: <https://www.secretsdhistoire.tv> Режим доступа: по подписке.
232. «Убийство адмирала Колиньи» («L'Assassinat de l'amiral de Coligny», реж. Морис де Фероди, 1910): видеофильм.
233. «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», реж. Ж. Ато, А. Промио, 1897): видеофильм / 00:00:57 (время воспроизведения). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BTXOu9N8Vr8> (дата обращения: 22.09.2021).
234. «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», 1902): видеофильм. 00:00:58 (время воспроизведения).
235. «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», реж. А. Кальмет, Ш. Ле Баржи, 1908): видеофильм. 00:17:30 (время воспроизведения). URL: https://www.youtube.com/watch?v=bh0tonXPEKQ&ab_channel=LanternaVenefica (дата обращения: 01.03.2021). Режим доступа: свободный.

VIII. Критические статьи, обзоры и анонсы в периодических изданиях.

236. Feuilleton de la presse. Théâtre de l'Opera comique. Les états de Blois, l'opera en 3 actes par MM. Planard et Saint-Georges, musique de M. Onslow // La Presse. 11 septembre 1837. P. 2-3. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k427144d.r=La%20Presse?rk=9141676;0> (дата обращения: 15.05.2020).
237. Landon Ch. P. Annales du musée et de l'école moderne des beaux-arts: ou recueil des principaux tableaux, statues et bas-reliefs exposés au Louvre, depuis 1808 jusqu'à ce jour, par les artistes vivans, et autres productions nouvelles et inédites de l'École française, avec des notices descriptives, critiques et historiques: salon de 1835. Chez Pilet aîné, Imprimeur-Libraire, 1835.
238. Littérature. Les Barricades. Scènes historiques // Le Globe: journal littéraire. 27 avril 1826. № 54. T. III. P. 287–288.
239. Littérature. La Mort de Henri III, août 1589, scènes historiques faisant suite aux "Barricades" et aux "États de Blois" // Le Globe: journal littéraire. 6 juin 1829. № 45. T. VII. P. 357–358. Copie numérique.

240. Salon de 1868. Histoire, genre et portraits // *Revue artistique et littéraire*. T. 15. Paris. 1868. P. 25-32.
241. Théâtre. Théâtre de l'Odéon. Ouverture. Catherine de Médicis aux États de Blois, drame historique en cinq actes et en vers; par Lucien Arnault // *Le Globe: recueil philosophique, politique et littéraire*. 5 septembre 1829. № 71. T. VII. P. 563–565. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10749221/f5.item> (дата обращения: 15.05.2020).
242. Théâtre français. Par ordre. Au bénéfice de M. Devegny. Henri III et sa cour, drame en cinq actes par M. Alexandre Duma (Annonce) // *Figaro: journal littéraire: théâtre, critique, sciences, arts, moeurs, nouvelles, scandale, économie domestique*. 5 mars 1829. P. 2. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k2661842/f4.item> (дата обращения: 15.05.2020).
243. Théâtre. Théâtre français. Henri III et sa cour, drame historique en cinq actes et en prose; par M. Alexandre Duma // *Le Globe: recueil philosophique, politique et littéraire*. 14 février 1829. № 13. T. VII. P. 100-102. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k1074806k/f4.item.r=Le%20Globe> (дата обращения: 15.05.2020).
244. Théâtre français. Henri III et sa cour, drame historique en cinq actes, par M. Alexandre Duma // *La Gazette de France*. 13 février 1829. № 405. P. 1-2. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4485184j/f1.item> (дата обращения: 16.05.2020).

IX. Архивные источники.

245. Documents originaux et copies, mémoires et extraits tirés de la Bibliothèque du Roi, fonds de Béthune, Brienne, etc., pour servir aux études d'histoire du Dauphin sous la direction de Bossuet, et concernant les règnes de François Ier à Henri III, avec une suite de Henri IV à Louis XIV (1610–1710) // BnF. Département des manuscrits. XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587. P. 419–421; XLVIII: Règnes de Henri III et Henri IV. 1588–1595. P. 1–4, 25, 28–31.
246. Lettres du petit Guise // BnF. Département des manuscrits. La collection Gaignières, vol. 348, f.151, 153, 157.
247. Lettre de M. de Guise à M. le Duc de Lorraine. 1587 // BnF. Département des manuscrits. Documents originaux... XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587.
248. Relation de la mort de messieurs le duc et cardinal de Guise, par M. Miron // BnF. Département des Manuscrits. mss. fr. 16536.
249. Lettres duc Henri de Guise de Lorraine // РНБ. Отдел рукописей. Собрание П.П. Дубровского. Автографы 51 № 24, 43–44, 92, 106–109, 117.

Х. Документы официального характера.

250. Henri IV, roi de France. Édict et déclaration... sur les précédens édicts de pacification. Publié à Paris, en Parlement, le 25 de febvrier 1599. Paris, 1599.
251. Guizot F. Rapports au roi et pièces / [Signé: Guizot]. Paris. 1835. Copie numérique. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k25143/f33.image> (дата обращения: 03.03.2021).

Литература

1. Авсеенко В. Луи Блан // Русские ведомости. М., 1863. С. 227–271.
2. Александрова Н. В. Стивен Бенн «Одежды Клио» – к вопросу о перформативном повороте в исторической науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 16 (371). История. Вып. 65. С. 127–129.
3. Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века. М., Л.: Издание Академии наук СССР, 1949.
4. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея—Пресс, 2003.
5. Ахметов К. С. Кино как универсальный язык. Лекции о кинематографе. М.: АСТ, 2019. С. 47–59.
6. Баранов Н. Н. Леопольд фон Ранке: историк и его метод. Электронная версия. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/19549/1/rim-2008-05.pdf> (дата обращения: 04.07.2020).
7. Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987.
8. Бахтин М. М. Эпос и роман (о методологии исследования романа) // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: «Художественная литература», 1975. С. 447–483.
9. Бейнарович О. Л. История и вымысел в романах А. Дюма: дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03 / СПГУ. СПб., 2003.
10. Бенн С. Одежды Клио. М.: Канон+, Реабилитация, 2011.
11. Быстрова Ю.М., Кирюшкина В.В. «Историческая память» и «историческая культура»: соотношение понятий в современной науке // Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия: материалы международной научно-практической конференции «Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия», Саратов, 10-11 ноября 2021 г. / отв. ред. Наумов С. Ю. СПб: Скифия-принт, 2022. С. 18-25.

12. Варбург А. Великое переселение образов: Исследование по истории и психологии возрождения античности / Пер. с нем. Козиной Е. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008.
13. Варфоломеевская ночь: события и споры. М.: РГГУ, 2001.
14. Вайнштейн О. Б. Язык романтической мысли / О. Б. Вайнштейн. М.: РГГУ, 1994.
15. Вановская Т. Исторические романы Александра Дюма // Учёные записки Ленинградского университета. Серия филологических наук. Вып. 8, №64. Л., 1940.
16. Волков Е. В. Площадь павших революционеров: чехословацкий «мятеж» глазами советского художника. Челябинск: Каменный пояс, 2015.
17. Время – История – Память: Историческое сознание в пространстве культуры. Отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2007.
18. Вьенно Э. Маргарита де Валуа: история женщины, история мифа / Пер. с франц. Некрасов М. Ю., Шишкин В. В. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012.
19. Вышкин А. Л. Поэтика романов А. Дюма "Королева Марго", "Графиня де Монсоро", "Сорок пять": дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Самара, 2009.
20. Гаспаров М. Л. Историзм, массовая культура и наш завтрашний день. / М. Л. Гаспаров // Вестник истории, литературы, искусства. Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: Собрание; Наука. Т. 1, 2005, с. 26–29.
21. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада / Пер. с фр. Баевской Е. В., Береговской Э. М. М.: Языки славянской культуры, 2002.
22. Герье В. И. Народник во французской историографии. Жизнь и сочинения Мишле // Вестник Европы. 1896. Ч. 1 (март). С. 94–139.
23. Гилен П. Музеехронотопы: репрезентация прошлого в музеях // Художественный журнал. № 98. 2016. Электронная версия. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/31/article/556> (дата обращения: 04.01.2022).
24. Гладышев А. В. Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // История и историческая память. Межвузовский сборник научных трудов. Под ред. А. В. Гладышева. Вып. 2. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 2010. С. 30–60.
25. Гордон А. В. Историзм Жюль Мишле // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 49–63.
26. Грицкевич В. П. История музейного дела в мире: до конца XVIII в.: дис. ... доктора культурол. наук: 24.00.03. Санкт-Петербург, 2002.
27. Гутнова Е. В. Грановский как историк // Грановский Т. Н. Лекции по истории Средневековья. М: Наука, 1986. С. 336–362.
28. Далин В. М. Историки Франции XIX–XX веков. М.: «Наука», 1981.

29. Дейч А. И. Красные и черные. Актеры в эпоху Французской революции. М.: Искусство, 1939.
30. Дейч А. И. Франсуа-Жозеф Тальма. М.: Искусство, 1973.
31. Державин К. Н. Театр французской революции. М.-Л., 1937.
32. Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: «Кругъ», 2008.
33. Дмитриев С. С. Грановский и русская общественность // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. С. 317–335.
34. Драйтлова Э. М. Повседневная жизнь Дюма и его героев. М.: Молодая гвардия, 2005.
35. Иващенко Т. С. Перспективы репрезентации истории в экранных медиа // Вестник ЮГУ. 2017. № 1–2 (44). Электронная версия.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-reprezentatsii-istorii-v-ekrannyh-media> (дата обращения: 22.02.2021).
36. Игнатченко И. В. Виктор Дюрюи — историк и либеральный министр Второй Империи во Франции // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 3-13.
37. История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. Отв. ред. Л. П. Репина. М.: Кругъ, 2006.
38. Ищенко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов-на-Дону: Антей, 2014.
39. Казакова Г. Х. Мировоззрение Ф.Р. де Шатобриана в историческом контексте «междумирья» Просвещения и Романтизма // Вестник Пермского университета. История. № 2 (29). 2015. С. 58–64.
40. Клула И. Екатерина Медичи. Ростов-на Дону: «Феникс», 1997.
41. Кнехт Р. Екатерина Медичи: святая или грешница? // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 19–30.
42. Князев Е. А. История отечественного образования и педагогики: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 67.
43. Козлов С. Эволюция французской образовательной модели в XIX веке // Отечественные записки. 2013. № 4 (55). Электронная версия.
URL: <https://strana-oz.ru/2013/4/evolyuciya-francuzskoy-obrazovatelnoy-modeli-v-xix-veke> (дата обращения: 12.10. 2020).
44. Кондорская В. И. Становление жанра французской романтической драмы (Александр Дюма-отец) // Ученые записки Ивановского государственного педагогического института имени Д. А. Фурманова. Т. 41. Иваново, 1966. С. 83–96.

45. Констан Ж. М. Повседневная жизнь французов во времена Религиозных войн. М.: Молодая гвардия, 2005.
46. Копелев Д. Н. Сотворение врага: убийства в Блуа и десаκραлизация короля Генриха III // РЦО. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotvorenie-vraga-ubiystva-v-blua-i-desakralizatsiya-korolya-genriha-iii> (дата обращения: 13.12.2022).
47. Кущева М. В. История одного преступления: убийство Генриха де Гиза в коллективной памяти французов // Память и идентичность – II. Кто пишет историю: особенности формирования исторического нарратива: Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции. М.: РГГУ, 2020. С. 69–91.
48. Лависс Э., Рамбо А. Н. История XIX века. 2-е, доп. и испр. изд-е / Под ред. Е. В. Тарле. М.: ОГИЗ, Государственное социально-экономическое издание, 1938–1939.
49. Линченко А. А. Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 4. С. 22–26.
50. Литвиненко Н. А. Французский исторический роман первой половины XIX века: Эволюция жанра: Учебное пособие. М.: Издательство УРАО, 1999.
51. Локальные исторические культуры и традиции историописания / Отв. Ред. А.И. Сидоров. М.: ИВИ РАН, 2011.
52. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
53. Луков В. А. Мериме. Исследование персональной модели литературного творчества. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2006. Электронная версия. URL: https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/monographs/Lukov_Merime/ (дата обращения: 14.03.2021).
54. Луков В. А. Предромантизм. М.: Наука, 2006.
55. Луков В. А. Французская драматургия на рубеже XVIII–XIX вв. М., 1985.
56. Луков В. А. Французская драматургия (Предромантизм, романтическое движение). М., 1984.
57. Лучицкая С. И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб.: Алетейя, 2001.
58. Ляхович Е. С. Подгорных Л. Б. К вопросу об искусстве как историческом источнике // Вопросы методологии науки. Томск, 1975. Вып 5. С.160–176.
59. Медяков А. С. Война формата 9x14. Открытки в немецкой «культуре войны» 1914–1918 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке. Университет Дмитрия Пожарского, 2021.

60. Медяков А. С. Открытка рубежа XIX–XX вв. как социокультурный феномен // Диалог со временем. 2019. Т. 67. С. 146–162.
61. Митчелл У. Дж. Т. Иконология. Образ. Текст. Идеология. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
62. Мишина М. М. Художественное своеобразие романов А. Дюма с исторической тематикой: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05 М., 1993.
63. Модина Г. И. Портрет художника. Ранняя проза Гюстава Флобера. М.: «ФЛИНТА», 2016.
64. Моруа А. Три Дюма. М.: АСТ, Астрель, Neoclassic, 2011.
65. Мухина Г. А. Шатобриан: революция и ностальгия по «старой монархии» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2004. № 12. М.: Кругъ, 2005 С. С. 307–329.
66. Нора П., Озуф М. и др. Франция – память. СПб: Изд. СПбГУ, 1999.
67. Обломиевский Д. Д. Французский романтизм. М.: ОГИЗ, 1947.
68. Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2010.
69. Панофский Э. Этюды по иконологии: Гуманистические темы в искусстве Возрождения / Пер. с англ. Н. Г. Лебедевой, Н. А. Осминской. СПб.: «Азбука-классика», 2009.
70. Погодин С. Н. "Русская школа" историков: Н. И. Кареев, И. В. Лучицкий, М. М. Ковалевский: дис. ... доктора ист. наук в форме науч. докл.: 07.00.09. СПб., 1998.
71. Постникова А. А. Театр в исторической политике Первой империи во Франции // Диалог со временем. 2015. Вып. 51. С. 321–333.
72. Реизов Б. Г. Между классицизмом и романтизмом. Спор о драме в период Первой империи. Л., 1962.
73. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Гослитиздат, 1958.
74. Реизов Б. Г. Французский роман XIX века. М.: Высшая школа, 1977.
75. Реизов Б. Г. Французская романтическая драма // История и теория литературы. Сборник статей. Ленинград: «Наука», 1986. С. 16–44.
76. Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. М., 1956.
77. Ренуар Ж. Жан Ренуар о проблеме исторического фильма. Искусство кино, 1939, № 4.
78. Риопель К. Реабилитация презренного жанра. Французская историческая живопись XIX века распускает павлиний хвост // The art newspaper Russia. 21.07.2015. Электронная версия. URL: <http://www.theartnewspaper.ru/posts/1898> (дата обращения: 12.12.2020).
79. Религиозные войны во Франции XVI в. Новые источники, новые исследования, новая периодизация / Сост. Дюсси Ю., Шишкин В. В. СПб.: ЕВРАЗИЯ; М.: ИД Клио, 2015.

80. Репина Л. П. Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории в России // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом / Под редакцией: А.Н. Дмитриева. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 52–73.
81. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995.
82. Ростиславлева Н. В. Историческое знание в Германии XIX века: между философскими вызовами и историзмом? // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2017. №4–2 (10). Электронная версия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskoe-znanie-v-germanii-xix-veka-mezhdu-filosofskimi-vyzovami-i-istorizmom> (дата обращения: 24.02.2021).
83. Рюзен Й. Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2003. Вып. 10. С. 48–66.
84. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2001. Вып. 7. С. 8–27.
85. Рябов Ф. Г. История в произведениях А. Дюма // Новая и новейшая история. №1, 2003. С. 183–191.
86. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. В 2 т. СПб.: Наука, 2003.
87. Савельева И. М., Полетаев А. В. Социальные представления о прошлом, или знают ли американцы свою историю. М.: НЛЮ, 2008.
88. Сагаачева В. М. Проблема репрезентации исторического лица на примере фильма Жака Риветта «Жанна Дева» // Артикульт. 2014. 15(3). С. 39–44.
89. Садуль Ж. Всеобщая история кино: В 6-ти т. М.: Искусство, 1958–1982.
90. Садуль Ж. История киноискусства от его зарождения до наших дней. М.: Иностранная литература, 1957.
91. Святославский А. В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013.
92. Сербин В. А. Проблемы семиотической интерпретации значения в кино // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2014. № 4 (28). Электронная версия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-semioticheskoy-interpretatsii-znacheniya-v-kino> (дата обращения: 08.02.2022).
93. Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2018.
94. Соколова Т. В. Июльская революция и французская литература. Л., 1973.

95. Стасов В. В. Искусство XIX века // Стасов В. В. Избранные сочинения. Т. 3. М.: Искусство, 1952. С. 485–755.
96. Столяров А. Роман Александра Дюма "Графиня де Монсоро" // Дюма А. Собр. соч.: В 12 т. М.: Художественная литература, 1996.
97. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Изд. 2-е испр. и доп. / Отв. ред. А. О. Чубарьян, Л. П. Репина. М.: Аквилон, 2016.
98. Терминология исторической науки. Историописание / Отв. ред. М. С. Бобкова, С.Г. Мереминский. М.: ИВИ РАН, 2010.
99. Тишков В. А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. № 2 (31). 2011. С. 4–16.
100. Торопыгина М. Ю. Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. М.: Прогресс-Традиция, 2015.
101. Трофимов Е. А. Игровой фильм как исторический источник (на примере изучения кинодокументов по истории алжирского кризиса 1954–1962 гг.) // История и архивы. 2011. №18 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoy-film-kak-istoricheskiy-istochnik-na-primere-izucheniya-kinodokumentov-po-istorii-alzhirskogo-krizisa-1954-1962-gg-1> (дата обращения: 08.12.2022).
102. Трусова П. А. Проблема классической традиции в искусстве и художественной жизни Франции на рубеже XIX–XX веков: дис. ...канд. искусствоведческих наук: 17.00.04. М.: 2009.
103. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. / Пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002.
104. Уваров П. Ю. Борьба тенденций в новейшей историографии Католической лиги конца XVI в. // Средние века. Вып. 51. М.: Наука, 1988. С. 181–200.
105. Уваров П. Ю. История, историки и историческая память во Франции // Уваров П. Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: НЛЮ, 2015. С.33 –61.
106. Уваров П. Ю. Новые версии старого преступления // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 7–18.
107. Уваров П. Ю. Что стояло за религиозными войнами XVI в.? От социальной истории религии к „le vécu religieux“ и обратно // Французский ежегодник 2004: Формы религиозности в XV – начале XIX вв. М.: «Наука», 2004. С. 3–38.
108. Федотова Е. В. Париж Наполеона III. Искусство и люди. М.: Белый город, 2014
109. Федотова Е. Д. Поль Деларош. М.: Воскресный день, Белый город, 2017.

110. Федоров А. В. Романтический историзм // Введение в литературоведение: Учебник для вузов. М.: Оникс, 2007.
111. Ферро М. Кино и история // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 48.
112. Фрида Л. Екатерина Медичи. Итальянская волчица на французском троне. Москва: АСТ, 2014.
113. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999.
114. Хобсбаум Э. Век Капитала. 1848–1875. Ростов-на-Дону, 1999.
115. Хобсбаум Э. Век Империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999.
116. «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / под ред. Л.П. Репиной. М., 2005.
117. Циммерман Д. Александр Дюма Великий: В 2 т. М., 1996.
118. Чекалов К. А. Популярно о популярной литературе. Гастон Леру и массовое чтение во Франции в период "прекрасной эпохи". М.: Издательский дом «Дело», 2018. С. 89.
119. Черепнин Л. В. Отечественные историки. XVIII–XX вв. М., 1994.
120. Чернов И. Луи Блан. М.: «Молодая Россия», 1906.
121. Чернышева М. А. Композиции Поля Делароша из собрания Анатолия Демидова и их значение для русских художников XIX в. // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб.; М., № 6. 2016.
122. Чернышева М. А. Новая формула репрезентации исторического события в живописи Жана-Леона Жерома и Василия Верещагина // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2016. № 25. Электронная версия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-formula-reprezentatsii-istoricheskogo-sobytiya-v-zhivopisi-zhana-leona-zheroma-i-vasiliya-vereschagina> (дата обращения: 22.02.2021).
123. Чернышева М. А. Новый исторический нарратив в живописи XIX в. // Актуальные Проблемы Теории и Истории Искусства: Сб. Науч. Статей. Вып. 8. СПб.: Изд-Во СПбГУ, 2018. С. 140–148.
124. Чернышева М. «Genre historique» во французском искусстве первой половины XIX века. К определению исторической картины нового типа // ИСКУССТВОЗНАНИЕ. 2017. № 3–4. С. 112–135.
125. Шаповалова Е. В. Убийство братьев Гизов во французских источниках XVI в.: основные интерпретации // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2018. № 1. С. 47–65.
126. Шаповалова Е. В. Imitatio Christi в сюжете «Убийство братьев Гизов в Блуа» во французской политической гравюре XVI в. // Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии. 2021. № 2. С. 132–156.
127. Шевалье П. Генрих III: Шекспировский король. М.: "Терра", 1997.

128. Шевцова О. Н. Образы европейского мира ранней новой истории в лекционном курсе Т.Н. Грановского // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С.67–72.
129. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М.: НЛЮ, 2007.
130. Шишкин В. В. Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559–1574): (по материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге) / Корреспонденция кардинала Шарля Лотарингского (1555–1572) (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание автографов П.П. Дубровского) // Средние века. Вып. 76 (1–2). М.: «Наука», 2015. С. 222–248.
131. Шишкин В. В. Королевский двор и политическая борьба во Франции в XVI–XVII веках. Монография. СПб.: «Евразия», 2004.
132. Шишкин В. В. Маргарита де Валуа. Путь к кровавой свадьбе // Варфоломеевская ночь. Событие и споры / Под ред. П. Ю. Уварова М., Изд-во РГГУ, 2001. С.31–48.
133. Шишкин В. В. Маргарита де Валуа и Седьмая религиозная война (апрель–ноябрь 1580 г.) // Человек XVI столетия / Под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. М., 2000. С. 29–34.
134. Шуб М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве. Дисс. ... уч. степ. докт. культурологии. Челябинск, 2018.
135. Эко У. Исторический роман // Эко У. Заметки на полях «Имени Розы». М.: Издательство «Книжная палата», 1989. С. 464–467.
136. Эрланже Ф. Генрих III. СПб.: Евразия, 2002.
137. Эрланже Ф. Резня в ночь на Святого Варфоломея. СПб.: Евразия, 2002.
138. Юшников А. В. И. В. Лучицкий о характере религиозных войн во Франции XVI века // Методологические и историографические вопросы исторической науки: [Сборник статей]. Вып. 27. Томск, 2003. С. 150–164.
139. Alvin M.-L. Notice biographique sur le peintre bruxellois Henri de Caisne. Bruxelles: Hayez, 1854.
140. Anonym. Le Salon de 1834 // L'artiste. 1834. Т. 7.
141. Arrous M. (dir.). Alexandre Dumas, une lecture de l'histoire. P.: Maisonneuve et Larose, 2003.
142. Aubert M. Assassinat des duc et cardinal de Guise: iconographie du XIXe et début XXe siècles // La tragedie de Blois... P. 185–226.
143. Autrand M. Sur la légende du drame romantique // Revue d'Histoire littéraire de la France, octobre–décembre 2008, 108e Année, № 4. Presses Universitaires de France. P. 821–847.

144. Bailly A. Henri le Balafré, duc de Guise. Paris: Hachette, 1953.
145. Bann S. The Inventions of History: Essays on the Representation of the Past. Manchester: Manchester University Press, 1990.
146. Bann S. Paul Delaroche. Princeton University Press, 1997.
147. Bann S., Paccoud S. L'invention du passé. L'histoire de cœur et d'épée en Europe, 1802–1850. Lyon, 2014.
148. Barnavi E. Fidèles et partisans dans la Ligue parisienne (1585–1594) // Hommage a Roland Mousnier: Clientèles et fidélités en Europe d l'époque moderne. Paris: Presses universitaires de France, 1981. P. 139-152.
149. Bart B. Flaubert, plagiartist of Chateaubriand // Modern language notes. 1950. May. P. 336–339.
150. Berger G. Chateaubriand face à l'histoire // Cahiers de l'Association internationale des études francaises, 1995. n° 47. P. 283–303.
151. Bernard Cl. Le Passé recomposé. Le roman historique du XIX s. P.: Hachette, 1996.
152. Bidou H. Le château de Blois. [Paris], 1931.
153. Blanc Ch. Salon de 1866 // Gazette des Beaux-arts. 1866. T. XXI.
154. Blutsteine-Latrémolière E. Le thème de l'assassinat du duc de Guise dans la littérature des XIXe et XXe siècle // La tragedie de Blois... P. 227–229.
155. Blutsteine-Latrémolière E. Le thème de l'assassinat du duc de Guise dans le film et la bande dessinée // La tragedie de Blois... P. 239–240.
156. Bordonove G. Henri III: roi de France et de Pologne. Paris: Pygmalion, 2008.
157. Boer den P. History as a Profession: The Study of History in France, 1818–1914. Princeton, 2014.
158. Bourassin E. L'assassinat du duc de Guise. Paris: Perrin, 1991.
159. Bourgeon J.-L. Charle IX et la Saint-Barthlemy. Geneve, 1995.
160. Bousquet H. Catalogue Pathé des années 1896 à 1914. Bures-sur-Yvette: Editions Henri Bousquet, 1994–2004.
161. Braudel F. Écrits sur l'histoire. Paris: Flammarion, 1969.
162. Cabanel P. De l'école protestante à la laïcité. La Société pour l'encouragement de l'instruction primaire parmi les protestants de France (1829–années 1880) // Histoire de l'éducation. Vol. 110. N° 2. 2006. P. 53–90.
163. Çakmak G. The Panoramic Studium in Nineteenth-century History Painting. Paul Delaroche and Jean Léon Gérôme // Mobility and Fantasy in Visual Culture / L. Johnson (ed.). New York: Taylor & Francis, 2014.
164. Chévrier M. M. Vitet, de l'Académie française. Paris: Jouaust, 1869.
165. Chojecki Ch.-E. Louis Blanc. Paris: Quantin, 1882.

166. Claudon F., Encrevé A., Richer L. L'historiographie romantique. Bordeaux: Bière éd., 2007.
167. Constant J.-M. La Ligue. Paris: Fayard, 1996.
168. Constant J.-M. Les Guise. Paris: Hachette, 1984.
169. Copin A. Talma et l'Empire. 2e éd. Paris, 1888.
170. Courmeaux E. Louis Blanc. Châlons-sur-Marne: Le Roy, 1884.
171. Crouzet D. Dieu en ses royaumes. Une histoire des guerres de religion. Seyssel: Champ Vallon, 2008.
172. Crouzet D. La nuit de la Saint-Barthélemy. Un rêve perdu de la Renaissance / Postface inédite. Paris: Fayard, 1994 (2017).
173. Crouzet D. Les guerrier de Dieu: La violence au temps des troubles de religion, vers 1525-vers 1610. P.: Champ Vallon, 1993.
174. Dambermont B. Chateaubriand, la plume et l'épée. Paris: la Société des écrivains, 2005.
175. Darcos M. X. Mérimée et l'histoire // Académie française. Séance du lundi 17 janvier 2005. Publication numérique. URL: <http://www.academie-francaise.fr/merimee-et-lhistoire> (дата обращения: 14.03.2021).
176. Diefendorf B. B. Blood wedding: the Saint Bartholomew's Day Massacre in history and memory. Boston: Boston University, 2006.
177. Dubief H. L'historiographie de la Saint-Barthélemy // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français (1903–2015). Actes du Colloque l'amiral de Coligny et son temps (Paris, 24–28 octobre 1972). Paris, 1974.
178. Duchet C. La Saint-Barthélemy: de la "scène historique" au drame romantique // Revue d'Histoire littéraire de la France. 73e Année, № 5 (Sep.–Oct., 1973). Presses Universitaires de France. P. 845–851.
179. Dumont H. L'antiquité au cinéma: Vérités, légendes et manipulations. Paris; Lausanne, 2009.
180. Febvre L. Michelet, créateur de l'histoire de France. Cours au Collège de France, 1943–1944. Paris: la Librairie Vuibert, 2014.
181. Ferro M. Cinéma et Histoire. Paris: Folio histoire, 1977.
182. Fix F. «Encore des barricades»? Les États de Blois au théâtre (1810–1837) // Le Lys recomposé. La représentation des pouvoirs sous l'Ancien Régime dans la littérature fictionnelle du XIXe siècle (1800–1850), Actes du colloque organisé à l'Université de Rouen en mars 2018, publiés par Laurent Angard, Guillaume Cousin, et Blandine Poirier. Publications numériques du CÉREDI, "Actes de colloques et journées d'étude", n°22, 2019.
URL: <http://ceredi.labos.univ-rouen.fr/public/?encore-des-barricades-les-etats-de.html> (дата обращения: 14.11.2020).

183. Gaillard É. M. Ponson du Terrail: le romancier à la plume infatigable. Avignon: A. Barthélemy, 2001.
184. Garrisson J. Catherine de Médicis: L'impossible harmonie. Paris: Payot, 2002
185. Garrisson J. Guerre civile et compromis: 1559–1598. Paris: Éd. du Seuil, 1991.
186. Garrisson J. La Saint-Barthélemy. Bruxelles: Édition complexe, 1987 (2000).
187. Gaussen D. H. F. L'invention de histoire nationale en France (1789–1848). Marseille: Gaussen, 2015.
188. Gengembre G. Le roman historique. Paris: Klincksieck, 2006.
189. Guise R. Le phenomene du roman-feuilleton (1828–1848) La crise de croissance du roman. Lille: Universite de Nancy II, 1986.
190. Halévy D. Jules Michelet. Paris: Hachette, 1928.
191. Hannoosh M. Jules Michelet: writing art and history in nineteenth-century France. University Park: The Pennsylvania State University Presse, 2019.
192. Hanotaux G. Henri Martin: sa vie, ses oeuvres, son temps, 1810–1883. Paris: L. Cerf, 1887.
193. Haussonville G.-P.-O. d' Jules Michelet, sa vie et ses oeuvres. Paris: Quantin, 1876.
194. Hébert O. La peinture d'Histoire en France sous le Second Empire libéral (1860–1870). Thèse pour obtenir le grade de docteur de Univesité Blaise Pascal de Clermont-Ferrand. Clermont-Ferrand II, 2016. Publication numérique.
URL: <https://theses.hal.science/tel-01674242v2/document> (дата обращения: 26.02.2021).
195. Hermann M. G. Ingredients of Leadership // Political Psychology / ed. Hermann M. G. San Francisco, 1986.
196. Holt M. P. The French Wars of Religion, 1562-1629. New York: Cambridge University Presse, 1995.
197. Hong L. Le massacre de la Saint-Barthélemy vu par Prosper Mérimée // 「프랑스문화연구」 제 19 집 2009. P. 158. Publication numérique. URL: <http://docplayer.fr/36661784-Le-massacre-de-la-saint-barthelemy-vu-par-prosper-merimee.html> (дата обращения: 14.03.2021).
198. Janin J. Alexandre Dumas. Paris, 1871.
199. Jongué S. Histoire et fiction chez A. Dumas // Europe. P., 1952. № 542. P.94–101.
200. Jouanna A. La Saint-Barthélemy. Les mystères d'un crime d'État (24 août 1572). Paris: Gallimard, 2007.
201. Knecht R. J. Catherine de Medici. N.Y., 2014.
202. Knecht R. J. Hero or tyrant? Henry III, King of France, 1574–89. Burlington: Ashgate, 2014.
203. Knecht R. J. The French civil wars, 1562–1598. Harlow: Longman, 2000.

204. Kuperty-Tsur N. Bruits et nouvelles dans les Mémoires-Journaux de Pierre de L'Estoile // *Parlement[s]*, *Revue d'histoire politique*, 2017/1 (N° 25). P. 141–160. Publication numérique. URL: <https://www.cairn.info/revue-parlements-2017-1-page-141.htm> (дата обращения: 04.03.2021).
205. *La Barricade*. Act du colloque organisé les 17, 18 et 19 mai 1995 par Le Centre de recherche Histoire du XIXe siècle et la Société d'histoire de la révolution de 1848 et des révolutions du XIXe siècle. Paris: Publications de la Sorbonne, 1997.
206. *La tragédie de Blois*. Quatre siècles de polémique autour de l'assassinat du duc de Guise: Chateau de Blois. 17 decembre 1988 – 19 fevrier 1989. Ville de Blois, Conservation du château et des musées. [1988].
207. *Le mécénat et l'influence des Guises* [Texte imprimé] : actes du colloque organisé par le Centre de recherche sur la littérature de la Renaissance de l'Université de Reims et tenu à Joinville du 31 mai au 4 juin 1994. Paris: H. Champion, 1997.
208. Lecuir J. *Manuels scolaires et mémoire historique: réflexion autour d'un sondage // Enseigner l'histoire: des manuels à la mémoire: travaux du Colloque Manuels d'histoire et mémoire collective*, UER de didactique des disciplines. Berne: P. Lang, 1984. P. 217–225.
209. Lemaître J. *Châteaubriand*. Paris: C. Lévy, [1912].
210. *L'époque contemporaine. 1815–2005: [sources, historiographie, controverses, enjeux]* / Sylvie Aprile [et al.]. [Paris]: Belin, 2012.
211. Maigron L. *Le roman historique à l'époque romantique. Essai sur l'influence de Walter Scott*. Paris: Champion, 1912.
212. Maira D. *Masculinités insuffisantes au pouvoir: Henri III et sa cour d'Alexandre Dumas // Masculinités en révolution de Rousseau à Balzac / Sous la direction de Daniel Maira et de Jean-Marie Roulin*. Saint-Étienne: Publications de l'Université de Saint-Étienne. 2013. P. 347–367. Publication numérique. URL: https://www.academia.edu/14387214/Masculinit%C3%A9s_insuffisantes_au_pouvoir_Henri_III_et_sa_cour_dAlexandre_Dumas (дата обращения: 21.11. 2020).
213. Maira D. *Renaissance romantique: mises en fiction du XVIe siècle (1814–1848)*. Genève: Droz, 2018.
214. Marsan J. *La bataille romantique: première, deuxièmes séries. 1813–1857*. Genève: Slatkin, 2001.
215. Mellon S. *The Political Uses of History: A Study of Historians in the French Restoration*. Stanford, 1958.
216. Mirecourt E. de. *Louis Blanc*. Paris, 1857.
217. Monod G. *La vie et la pensée de Jules Michelet*. T. 1–2. Paris: Champion, 1923.

218. Muret T. L'Histoire par le théâtre, 1789–1851. Paris, 1865.
219. Nettement A. Histoire de la littérature française sous la restauration. Paris, 1853.
220. Nora P. Michelet, le grand incarnateur. Publication numérique.
URL: <http://www.lefigaro.fr/livres/2008/03/06/03005-20080306ARTFIG00496-michelet-le-grand-incarnateur-.php> (дата обращения: 25.01.2022)
221. Nouvion de V. Salon de 1836 // la France littéraire. 1836. № 24 (Mars–Avril).
222. Orr L. Jules Michelet: nature, history and language. Ithaca; London: Cornell university press, 1976.
223. Oscar A. Haac. Jules Michelet. Boston: Twayne Publishers, 1982.
224. Pernot M. Henri III, le roi décrié. Paris: Fallois, 2013.
225. Parigot H. Le drame d'Alexandre Dumas. Paris, 1898.
226. Petitier P. Jules Michelet: l'homme histoire. Paris: Grasset, 2006.
227. Pigaillem H. Les Guise. Paris: Pygmalion, 2012.
228. Pillet F. Beaux-arts. Salon de 1836 // Moniteur universel. 1836. № 67 (7 Mars).
229. Richards P. Warriors of God: History, Heritage and the Reputation of the Guise // Aspiration, Representation and Memory: The Guise in Europe, 1506–1688. London; New York: Routledge, 2016. P. 169–182.
230. Renard É. La vie et l'oeuvre de Louis Blanc. Thèse pour le doctorat ès lettres de l'Université de Toulouse. Toulouse, 1922.
231. Rösen J. History: narration-interpretation-orientation. L., 2005.
232. Sadoul G. Le cinema français, 1890–1962. Paris: Flammarion, 1962.
233. Schopp Cl. Alexandre Dumas, le génie de la vie. Paris: Fayard, 1997.
234. Sérié P. La peinture d'histoire en France (1867–1900): La lyre ou le poignard. Paris: Arthena, 2014.
235. Sérié P. La peinture d'histoire en France (1867–1900). Thèse de doctorat en Histoire de l'art. Soutenue en 2008 à Paris 4, dans le cadre de École doctorale Histoire de l'art et archéologie. 2 vol., 2008.
236. Simonetta M. Catherine de Médicis: histoire secrète d'une querelle de famille. Paris: Albin Michel, 2020.
237. Solnon J.-F. Catherine de Médicis. Paris: Perrin, 2003.
238. Solnon J.-F. Henri III: un désir de majesté. Paris: Le Grand livre du mois, 2001.
239. Stone D. Le duc de Guise: personnage littéraire // Le Mécénat et l'influence... P. 557–565.
240. Tapié V.-L. Chateaubriand. Paris: Ed. du Seuil, 1990.

241. Tarr R. L. "The Guises": Thomas Carlyle's Lost Renaissance History // *Victorian Studies*. Vol. 25, No. 1, Carlyle's "The Guises" (Autumn, 1981). P. 5–12. Online version.
URL: <https://www.jstor.org/stable/3827057> (дата обращения: 06.07.2020).
242. Tissier de Mallerai H. Avant-propos // *La tragedie de Blois...* P. 8.
243. Thibaut J. "Les feux couverts d'une cendre trompeuse". Blessures et hantises de l'histoire nationale dans le théâtre révolutionnaire // *La Mémoire de la blessure au théâtre. Mise en fiction et interrogation du traumatisme de la Renaissance au XXIe siècle*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2018.
244. Thomas G. Papire Masson: Conseiller au Présidial de Lyon, et auteur d'une vie perdue d'Henri de Guise // *Humanisme et Renaissance*. Genève: Librairie Droz, 1939. T. 6. No. 2. P. 226–228.
245. Wilkinson A. «Homicides Royaux»: The Assassination of the Duc and Cardinal de Guise and the Radicalization of French Public Opinion // *French History*. 2004. № 18. Issue 2. P. 129–153.
246. Williams J. R. Jules Michelet: historian as critic of French literature. Birmingham: Summa publications, 1987.
247. Yon J.-C. La revolution de 1830 au theater ou le triomphe de la Barricade imprimée // *La Barricade. Act du colloque ...* P. 85–96.

Электронные ресурсы

248. Жуков К. Религиозные войны во Франции (видеолекция). 00:45:12 (время воспроизведения)
URL: https://www.youtube.com/watch?v=k_z8qtK5jjE&t=5698s (дата обращения: 19.01.2022).
249. Filmographie Pathé // Fondation Jérôme Seydoux: site officiel.
URL: <https://www.fondation-jeromeseydoux-pathe.com/> (дата обращения: 27.12.2020)
250. Allociné: site officiel.
URL: http://www.allocine.fr/film/fichefilm-6865/critiques/spectateurs/#review_42237628 (дата обращения: 11.12.2019).
251. Cinéma & Histoire / Histoire & Cinéma: site. URL: <http://www.hervedumont.ch/> (дата обращения: 27.12.2020).
252. Histoire du CTHS // Comité des travaux historiques et scientifiques. Institut rattaché à l'École nationale des chartes: site officiel. URL: <http://cths.fr/hi/historique.php> (дата обращения: 03.03.2021).
253. Le château d'Eu. Musée Louis-Philippe: site officiel. URL: <https://www.chateau-eu.fr/> (дата обращения: 10.02.2022)
254. Société de l'histoire du protestantisme français: site officiel. URL: <https://www.shpf.fr/> (дата обращения: 04.03.2021).

Приложения

Приложение 1. Герцог де Гиз: биографический очерк

Генрих Лотарингский, III-й герцог де Гиз (1549–1588) относится к тем персонажам, которым страшно не повезло в историографии. В течение более чем четырех столетий за ним тянется шлейф образов и ассоциаций, созданных протестантской и роялистской пропагандой, бережно возвращенных монархически настроенными историками XVII–XVIII вв., гением Вольтера и Дюма, подхваченных либералами XIX в. и современными авторами научных и художественных произведений. «Черная легенда» породила малопривлекательный образ амбициозного и горделивого лидера, не обладавшего какими-то выдающимися талантами, но компенсировавшего это яркой внешностью, наглым поведением и стремлением захватить французский престол. Размах его злодеяний варьируется от мелких пакостей, что можно объяснить пагубным влиянием родственников и противоречивостью натуры, до преступлений мирового масштаба: заговоров против своего монарха и английской королевы, подготовки похода Непобедимой армады, отправки иезуитов в Англию, организации шпионажа при всех европейских дворах и в самом Риме. Это не мешает тем же авторам утверждать, что герцог сам каким-то образом был на побегушках у испанского короля Филиппа II, продав ему тело и душу за деньги, которые пустил на продолжение братоубийственной войны на родине⁷⁷³. Активное участие в Варфоломеевской ночи, ставшей символом религиозного безумия, весьма тесные связи с иезуитами и испанским двором, убийство адмирала Колиньи и захват Парижа в 1588 г. добавляют черных красок в этот портрет классического макиавеллистского злодея, которого, кажется, никому не придет в голову оправдывать. Недаром младший современник Гиза, британский драматург Кит Марло откровенно считал, что сам дух зловещего флорентийца в поисках нового тела вселился в герцога, чтобы реализовать свои тщеславные замыслы, ссоря между собой монархов и свергая их с законных престолов⁷⁷⁴. Вольтер не сильно отставал от английского собрата, изобразив, как даже после смерти герцог является монаху Жаку Клеману, чтобы вручить ему кинжал, которым тот должен заколоть Генриха III и отомстить за подлое убийство самого Гиза⁷⁷⁵. Александр Дюма-отец, который любил французских королей, но ненавидел религиозные распри и фанатизм, приписал несчастному Генриху де Гизу не только жестокое обращение с женщинами⁷⁷⁶, но и открытое предательство родины и собственной веры

⁷⁷³ Croze J. de. Op. cit.; Michelet J. Histoire de France. Paris: Lacroix, 1877. Vol. 12. P. 175–211.

⁷⁷⁴ Марло К. Парижская резня...

⁷⁷⁵ Voltaire. La Henriade / ed. Beuchot. Paris: Lefèvre & Firmin-Didot, 1723.

⁷⁷⁶ Дюма А. Двор Генриха III // Дюма А. Собрание сочинений. Том 36. М.: ФРЭД, 1997. С. 10–84.

путем союза с Вильгельмом I Оранским, а также участие в битве против французских королевских войск⁷⁷⁷.

Нужно отметить, что образы Генриха де Гиза, сложившиеся в исторической культуре, достаточно разнообразны. Наряду с противниками у него были горячие сторонники и защитники как в XVI в., так и в XVII–XX вв. Его личность и деятельность всегда вызывала споры, разделяя историков, писателей и просто интересующихся историей на два лагеря. Одни, и их большинство, видели в нем предателя, экстремиста, убийцу, мятежника и честолюбца, движимого страстями, провоцировавшего насилие в собственной стране и по всей Европе. Другие, как лигёры XVI в., наделяли его качествами выдающейся личности и даже святого, видя в его действиях либо проявление божественного провидения, либо исторической необходимости. Более того, начиная с XIX в. некоторые специалисты стали отрицать многие из тех обвинений, которые стали неотъемлемой составляющей его классического образа, считая их частью мифологии, сложившейся вокруг фигуры герцога.

Несмотря на попытки подобной реабилитации, ревизия истории, которая началась в историографии и исторической культуре в XX в., практически совсем не затронула фигуру Генриха де Гиза. Индульгенцию получили практически все последние Валуа, особенно Генрих III, убийца Генриха де Гиза, который в современной историографии из слабого и развращенного короля, ненавидимого собственным народом, неожиданно превратился в умного, тонкого и образованного государя, опередившего свое время и пытавшегося провести необходимые для страны реформы⁷⁷⁸. Подобный образ еще больше ударил по репутации Генриха де Гиза, который почти сверг и косвенно способствовал убийству такого «выдающегося» монарха. Если в XVII–XIX вв. герцог обвинялся судом истории как враг «спасителя отечества», «доброего короля» Генриха IV, или Генриха Великого, как его часто называли в литературе и учебниках, то теперь он предстал перед публикой еще и главой восстания против реабилитированного историей Генриха III. Почти такой же эффект производят современные

---

⁷⁷⁷ Дюма А. Сорок пять // Дюма А. Собрание сочинений в двенадцати томах. М.: «Художественная литература», 1978. Т. 7.

⁷⁷⁸ Шевалье П. Генрих III. Шекспировский король. М.: Терра, 1997; Эрланже Ф. Генрих III. М.: Путь, 1995; Knecht R. J. Hero or tyrant? Henry III, King of France, 1574–1589. Burlington: Ashgate, 2014; Pernot M. Henri III, le roi décrié. Paris: de Fallois, 2013; Solnon J.-F. Henri III: un désir de majesté. Paris: Perrin, 2001.

биографии Екатерины Медичи⁷⁷⁹. В классической историографии именно королева-мать считалась главным организатором Варфоломеевской ночи, ее назначали ответственной за многие ошибки и просчеты королевской власти, поскольку она имела сильное влияние на своих сыновей, из которых трое по очереди были у власти. Было также принято подчеркивать ее связь с Гизами и поддержку их политики. Современные исследования изменили угол зрения, сделав упор на государственной необходимости проводимой ей политики, продуманность и прогрессивность ее решений. Гизы, наоборот, на ее фоне так и остались династией, которая стремилась дестабилизировать ситуацию в стране, руководствуясь местью, амбициями и гордыней.

Обаяние образов, созданных Дюма и другими популярными писателями, кажется, никогда не будет преодолено. Доказательством тому являются многочисленные современные художественные произведения, фильмы, комиксы, популярные очерки и обсуждения в социальных сетях. В них Гиз представлен то глупым и самовлюбленным «принцем Чармингом», то шарлатаном, отмывающим деньги на финансовых махинациях и масштабном воровстве, то заурядным убийцей, мстительным и жестоким. Современные авторы, как и их собратья по перу XVIII–XIX вв., изображают его иногда фанатиком, а иногда обманщиком, индифферентным к вере, но использовавшим ее для привлечения на свою сторону народа, а точнее, городских низов, всегда готовых грабить награбленное и свергать установленный порядок⁷⁸⁰.

Большинство авторов вплоть до наших дней считают, что Гиз увлек за собой толпу, которая из страха перед протестантской угрозой, подогреваемого прогизовской пропагандой и самим герцогом, а также поддавшись его обаянию, провозгласила его «королем Парижа» и готова была умереть за дело Лиги и лично герцога. После его гибели эта же толпа с ужасом и негодованием отвергла законного короля, совершившего убийство своего противника, и провозгласила Генриха де Гиза святым воином, защитником истинной веры и Отечества. Из этого можно сделать вывод, что парижский народ, как и большинство жителей провинций, были не более чем «чернью», которую легко обмануть, играя на их страхах и надеждах. Для этого было

---

⁷⁷⁹ *Клула И.* Екатерина Медичи. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997; *Фрида Л.* Екатерина Медичи. Итальянская волчица на французском престоле. М.: АСТ, Астрель, 2011; *Knecht R.J.* Catherine De' Medici. London; New York, 1998; *Simonetta M.* Catherine de Médicis: histoire secrète d'une querelle de famille. Paris: Albin Michel, 2020; *Solnon J.-F.* Catherine de Médicis. Paris: Perrin, 2003.

⁷⁸⁰ *Манн Г.* Молодые годы короля Генриха IV / Пер. В. Станевич // Манн Г. Сочинения. М.: Гослитиздат, 1957–1958. Т. 6; *D'Aillon J.* La Guerre des trois Henri. Т.1–3. Paris: Éditions Jean-Claude Lattès, 2008–2011; *Merle R.* Fortune de France. Paris ma bonne ville. Paris: Plon, 1980; Idem. Fortune de France. Le Prince que voilà. Paris: Plon, 1982; *Жуков К.* Религиозные войны во Франции (видеолекция). 00:45:12 (время воспроизведения).

URL: https://www.youtube.com/watch?v=k_z8qtK5jjE&t=5698s (дата обращения: 19.01.2022).

достаточно яркой внешности и парочки легких военных побед, раздутых пропагандой. Поэтому еще в XVIII в. некоторые историки протестовали против такого подхода, пытаясь переадресовать все обвинения исключительно Гизам — «иностранцам» и представителям высшей знати. Хотя большинство профессиональных историков прекрасно знают, что лигёры вовсе не были кучкой парижской черни, и среди активных деятелей Святого союза были, помимо многочисленной семьи Гизов, их родственников и союзников из числа клиентелы, множество уважаемых и зажиточных горожан: судейских, чиновников, полицейских, богословов и простых священников, то есть тех, кого вряд ли можно отнести к бессловесным и необразованным «низам» общества. Именно эти уважаемые, образованные и часто богатые люди составляли костяк Лиги. Думаю, живучесть данного представления о некоем грандиозном «обмане» народа, совершенном Гизами, «ложном лидерстве», основана на том, что с помощью него легче всего объяснить успех, которым пользовался герцог в народе и который чуть не привел к государственному перевороту и смене династии.

Стремление к власти — еще один популярный миф, сложившийся, а точнее искусно выстроенный вокруг фигуры герцога де Гиза. Против этого предубеждения ополчились историки уже в XIX в., как французские, так и европейские, например, такой классик и реформатор науки как Леопольд фон Ранке⁷⁸¹. Однако и современным исследователям приходится разоблачать подобные стереотипы, укоренившиеся в исторической культуре многих поколений.

В данной кратком биографическом очерке, я не ставлю своей целью реконструировать жизнь и деятельность герцога Генриха де Гиза с точки зрения современных подходов и новых источников. Реализация подобной задачи возможна только в рамках отдельного научного исследования. Здесь же я только попытаюсь обозначить наиболее значимые этапы его биографии, а также выявить в ней дискуссионные моменты и малоизученные эпизоды.

Одна из главных проблем, встающих перед исследователями детства и юности Генриха де Гиза — фрагментарность имеющихся сведений. Некоторые периоды его ранней биографии отражены подробно в различных источниках, а другие, иногда большие отрезки, являются полем предположений и спекуляций. Достаточно информативной для реконструкции событий его жизни является личная корреспонденция членов семьи Гизов⁷⁸². В распоряжении историков есть уникальный источник — несколько писем самого маленького принца де Жуанвиля, будущего

---

⁷⁸¹ *Ranke L. Histoire de France ...* Т. 1. P.93–194.

⁷⁸² *Lettres du cardinal Charles de Lorraine (1525–1574): publ. et présentées par Daniel Cuisiat. Genève: Droz, 1999. (Travaux d'Humanisme et Renaissance; CCCXIX).*

герцога де Гиза, адресованных отцу⁷⁸³. Отдельные фрагменты, связанные с событиями позднего детства и отрочества принца, содержатся в сообщениях мемуаристов: Маргариты Валуа⁷⁸⁴, маршала Таванна⁷⁸⁵, Б. де Монлюка⁷⁸⁶ и некоторых других. Интересные подробности жизни семьи Гизов можно узнать из дипломатических отчетов и даже памфлетов XVI в.

Будущий герцог де Гиз родился 31 декабря 1549 г. в замке Жуанвиль, родовом поместье Гизов в Шампани. По поводу года его рождения долгое время среди историков не было согласия, большинство относили это событие к 1550 г.⁷⁸⁷ Думается, что точка в споре была поставлена публикацией переписки кардинала Шарля Лотарингского. В июле 1549 г. этот прелат, брат Франсуа де Гиза, в письме Эркюлю д'Эсте, отцу своей невестки, «с большим удовольствием» сообщает о беременности последней, дочери адресата, Анны д'Эсте⁷⁸⁸. По словам кардинала, Анна была уже на четвертом месяце⁷⁸⁹. В одном из следующих писем кардинал рассказывает герцогу Феррарскому о возвращении домой Франсуа де Гиза, покрывшего себя славой при осаде Меца и сообщает подробности о том, что Анна прибывала в поместье Гизов с их матерью и уже почувствовала шевеления своего ребёнка в утробе⁷⁹⁰. Спустя пять с половиной месяцев, после Рождества, родился старший сын Франсуа де Гиза и Анны д'Эсте. В январе 1550 г. кардинал посылает еще одно письмо герцогу Феррарскому, в котором «с великой радостью» сообщает, что его племянник родился⁷⁹¹.

Город Жуанвиль на берегу реки Марны в Шампани, в котором появился на свет юный принц, был семейной резиденцией Гизов. В конце XIV в. замок и владения вокруг него перешли герцогам Лотарингским. Этот род гордился своим происхождением от младшего сына Карла Великого, Лотаря, хотя многие еще в XVI в., как и современные историки, оспаривали эту версию. Одним из предков Гизов был Рене II, герцог Лотарингский - выдающийся полководец, сумевший в войнах против герцога Бургундии отстоять независимость своего дома.

---

⁷⁸³ *Lettres du petit Guise // BnF. Département des manuscrits. La collection Gaignières, vol. 348, f. 151, 153, 157*; Эти письма были опубликованы в XIX в. в качестве приложения к монографии Ж. де Кроза: *Croze J., de. Les Guises, les Valois et Philippe II. Paris: Amyot, 1866. T. I. P. 331–335.*

⁷⁸⁴ *Marquise de Valois (1553–1615). Указ. соч. С. 21.*

⁷⁸⁵ *Tavannes G. Mémoires des Messire Gaspard de Saulx, Seigneur de Tavannes...*

⁷⁸⁶ *Monluc B. de Lasseran-Massencôme. Commentaires de Blaise de Monluc...*

⁷⁸⁷ *Cauvin Ch. Henri de Guise... P. 30; Constant J.-M. Op. cit. P. 52.*

⁷⁸⁸ В письме – Мадам д'Омаль, поскольку ее муж Франсуа только три месяца как стал Гизом, до этого являясь герцогом д'Омаль, до смерти своего отца, Клода де Гиза 12 апреля 1549 г.

⁷⁸⁹ *Lettres du cardinal Charles de Lorraine... P.130–131. L. 78.*

⁷⁹⁰ *Ibid. P. 134–135, L. 85.*

⁷⁹¹ *Ibid. P. 140. L. 96.*

Основателем династии Гизов был Клод, сын Рене II, получивший после смерти отца «французские» земли. Через десять лет после его рождения герцоги Лотарингские благодаря покровительству Людовика XII осели во Франции. С этого времени начинается возвышение дома Гизов при французском дворе, достигнутое благодаря военной и придворной службе, удачным бракам, семейной сплоченности и способностям к управлению. Стремительная карьера представителей этого семейства вызывала раздражение и зависть многих более знатных дворян, которые ставили им в упрек амбиции, гордыню, не соответствующую статусу, и «иностранное» лотарингское происхождение. Эти обвинения стали частью образа этой семьи, существенно повлияв на представления о Генрихе де Гизе, распространявшимися его врагами и закрепившимися в историографии.

Семья юного принца Жуанвиля, как звали герцога до смерти его отца, была выдающейся. В этом смысле ему действительно досталось потрясающее наследство, и материальное, и духовное. Гизы считались богатейшей семьей во Франции и одной из самых состоятельных в Европе, а многие из его родственников были знаменитыми личностями, прославившими свой род. Это давало определенный статус, но и накладывало большую ответственность. Соответствовать своему отцу и другим прославленным предкам герцог старался всю жизнь. Наверное, это было одним из главных мотивов его деятельности до самой смерти.

По линии матери, Анны д'Эсте, прабабкой Анри была знаменитая Лукреция Борджиа. От ее третьего брака с герцогом Феррары родился старший сын Эрколе II, который был женат на Рене Французской, младшей дочери французского короля Людовика XII и знаменитой Анны Бретонской, последней представительницы некогда могущественных герцогов Бретонских. Несмотря на то, что семья Гизов в XVI в. была известна своей горячей приверженностью католической вере, Рене Французская (1510–1575), бабушка Генриха де Гиза по линии матери, прославилась тем, что близко общалась с Жаком Кальвином и перешла в протестантизм, а после смерти мужа, вернувшись во Францию, активно помогала кальвинистам. Во время Варфоломеевской ночи она оказалась в Париже и была спасена своим внуком.

Старшее поколение герцогов Гизов заложило прочные основы для дальнейшего укрепления этим родом своего положения при французском дворе и других дворах Европы. Они способствовали формированию имиджа семьи как выдающихся военных и церковных деятелей, защитников религии и трона.

Знаменитым представителем этого рода был и отец нашего героя, Франсуа де Гиз (1519–1563). Бытописатель эпохи Пьер де Брантом включил его в число наиболее прославленных современников, называя «храбрым и доблестным» воином, а также отдавая должное его внешним

качествам и политическим способностям⁷⁹². Историки практически единодушно закрепили за ним звание одного из талантливейших полководцев XVI в.⁷⁹³ Недаром его сын, будущий глава Католической лиги, питал к нему чувства, выходящие за рамки простого сыновнего уважения, и всеми силами стремился быть хоть немного на него похожим. Франсуа де Гиз был не только выдающимся полководцем, но и одним из главных действующих лиц политической жизни Франции при Генрихе II и его сыновьях вплоть до своей гибели в 1563 г. В памяти потомков он остался как участник итальянских походов и организатор взятия Кале, последнего оплота англичан на французской земле. Однако взлет политической карьеры Франсуа де Гиза приходился на короткий период правления Франциска II, когда после неожиданной гибели Генриха II, Франсуа де Гиз вместе с братом, кардиналом Шарлем Лотарингским, становятся ближайшими советниками монарха благодаря близкому родству с королевой Марией Стюарт, женой нового короля. В классической историографии принято было, опираясь на памфлеты и протестантские сочинения XVI в., изображать их управление как захват власти и «тиранию Гизов», фактически спровоцировавшее восстание гугенотов и начало религиозных войн⁷⁹⁴. Поводом к последним считается знаменитая «резня в Васси», которую учинил Франсуа де Гиз в 1562 г. Однако некоторые современные историки склонны более позитивно оценивать правление братьев и даже сравнивать кардинала Шарля Лотарингского с кардиналом Ришелье⁷⁹⁵.

О жизни юного принца Жуанвиля до семи лет мы можем составить весьма приблизительное представление, пользуясь косвенными источниками, в том числе уже упоминавшимися письмами его дяди, кардинала Лотарингского. Возможно, именно в этот период, в возрасте шести лет или чуть позже, будущий герцог Генрих де Гиз прибывает ко двору, чтобы воспитываться вместе с королевскими детьми. Но, судя по всему, он не задержался в Париже слишком долго. О его жизни в семилетнем возрасте мы можем составить некоторое представление и по его собственным письмам, адресованным отцу в армию из Сен-Жермена и

---

⁷⁹² *Brantôme P. de Bourdeille. Oeuvres complètes de Pierre de Bourdeille seigneur de Brantôme. T. 1. Paris, 1864–1882. P. 36.*

⁷⁹³ *Bagueuault de Puchesse G. Les ducs François et Henri de Guise ... P. 7–8; Cavin Ch. Vie de François de Lorraine ... P. 5, 281; Duruy V. Histoire de France... P. 35–46.*

⁷⁹⁴ *Davila E. C. Histoire des guerres civiles de France. Volume 1. Paris: P. Rocolet, 1657. P. 2–48.*

⁷⁹⁵ Шишкин В. В. Кардинал Лотарингский и Религиозные войны во Франции (1559–1574): (по материалам писем, хранящихся в Санкт-Петербурге) / Корреспонденция кардинала Шарля Лотарингского (1555–1572) (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, собрание автографов П.П. Дубровского) // Средние века. Вып. 76 (1–2). М.: «Наука», 2015. С. 222–248.

Вилле-Котре⁷⁹⁶. Эта переписка представляет несомненный интерес, так как раскрывает перед нами характер юного принца, его нацеленность уже в раннем возрасте на военную карьеру, а также особенности его отношений с отцом и дядей. Из нее же мы узнаем о некоторых событиях из жизни мальчика, специфике его воспитания, образования и времяпрепровождения.

В одном из этих писем он описывает интересный случай, который был так важен для ребенка, что он делает его центральной темой своего послания отцу⁷⁹⁷. Сопровождая дядю кардинала Лотарингского в Реймс, ребенок слушает проповеди, которые тот произносит во время богослужений. По признанию маленького Анри: «я не смог рассказать их полностью, поскольку они были настолько длинными, что я из них не запомнил и половины»⁷⁹⁸. Дядя тем не менее после проповеди надевает на племянника свою одежду священника и задает провокационный вопрос: не желает ли он быть каноником в Реймсе. Принц с горячностью отвечает: «мне нравится фехтовать, а не быть запертым в аббатстве, я предпочитаю быть с вами [с отцом в армии], разбивать копьём или мечом в руке каких-нибудь смелых испанцев или бургундцев, чтобы испытать, сильна ли моя рука...»⁷⁹⁹. Кардинал, скорее всего, не задумывался всерьез над духовной карьерой для старшего племянника. Вполне очевидно, что как старший сын герцога Франсуа де Гиза, имевший к тому же явную предрасположенность к военной службе, он должен был пойти по стезе своего отца и деда. Но в его ответе и горячности, с которым он был дан, проявились качества будущего лидера Католической лиги: решительность, уверенность в себе и целеустремленность.

Военная карьера была не только неизбежным наследием Генриха де Гиза, она отвечала его характеру, темпераменту и ценностям. Для социальных практик дворянской среды типичным было раннее участие в сражениях. Одновременно, это было одним из важнейших механизмов инициирования и формирования групповой идентичности. В мемуарах Блеза де Монлюка, который служил Лотарингскому дому и был для принца учителем военного дела, описывается эпизод, в котором будущий герцог де Гиз в возрасте семи лет вместе со своим кузеном прошел своеобразный ритуал посвящения в воины. Наряженные в детские доспехи, с оружием в руках, посаженные на коней, они прошествовали перед батальоном в сопровождении дворян, подбадриваемые своим наставником. После чего Монлюк, положив саблю ему на плечо,

---

⁷⁹⁶ *Lettres du prince de Joinville ...* ff. 151, 153, 157.

⁷⁹⁷ *Ibid.* f. 153.

⁷⁹⁸ *Ibid.*

⁷⁹⁹ *Ibid.*

произнес: «Я надеюсь, что Бог вам даст удачу, доблесть и стойкость, и вы будете храбрым настолько же, насколько красивы и станете сыном, достойным своего отца»⁸⁰⁰.

Участие де Гиза в реальных военных действиях началось, конечно, позже, хотя и достаточно рано по современным меркам. Трудно назвать точный возраст, некоторые историки считали, что он находился с отцом в армии при осаде Орлеана в возрасте тринадцати лет. Об этом, например, упоминает Пьер де Брантом⁸⁰¹, который был близок к этой семье и периодически сопровождал Франсуа де Гиза в походах.

Как уже было сказано, формирование личности будущего герцога происходило главным образом в семье, под сильным влиянием родственников. Гизы, которые славились родовой сплоченностью и умением поставить собственные интересы на службу общему делу, тщательно заботились не только о сохранении и росте собственного влияния, но и о формировании особых родовых традиций, ценностей и образцов поведения. Если отец принца, герцог Франсуа де Гиз, оказал решающее влияние на его становление как дворянина и военного, то религиозное воспитание находилось в компетенции кардинала Шарля де Гиз-Лотарингского, который был одной из ключевых фигур не только тогдашней политической жизни Европы и Франции, но и богословом, ярким проповедником и человеком очень образованным. Политик и меценат, энергичный, обладавший политическим чутьем и аналитическим умом, основатель Реймского университета и покровитель литературы, он придавал большое значение образованию. Многие из этих качеств он передал своему племяннику, которого целенаправленно воспитывал, старался расширить круг его интересов, прививал определенные ценности и взгляды. Мы не имеем никаких данных о систематическом и основательном обучении Генриха де Гиза. В отроческом возрасте он около года обучался в Наваррском колледже Парижского университета⁸⁰², что было достаточно распространенной практикой, но, несомненно, является слишком небольшим сроком для получения основательного образования. Однако его письма и круг чтения говорят о том, что его нельзя считать недоучкой.

К 1559 г. относится длительное пребывание принца при дворе французского короля Генриха II Валуа. В самом первом воспоминании Маргариты де Валуа речь идет о юном принце

---

⁸⁰⁰ *Monluc B. de Lasseran-Massencôme. Commentaires... P. 217.*

⁸⁰¹ *Brantôme P. de Bourdeille. Discours d'aucunes retraictes de guerre // Oeuvres complètes de Pierre de Bourdeille seigneur de Brantôme. T. 7. Paris, 1873. P. 301.*

⁸⁰² Интересный факт, который часто подчеркивается в исследовательской литературе, а также ставший основой для сюжета нескольких литературных произведений: Генрих де Гиз учился вместе с тремя другими Генрихами («Война трех Генрихов») – будущим монархом Генрихом III, фактически убийцей де Гиза и другим соперником – Генрихом Наваррским, будущим Генрихом IV.

де Жуанвиле, который присутствовал при дворе и был спутником детских игр принцессы и других детей из королевской семьи⁸⁰³. Эпизод датирован 1559 г., он произошел «за несколько дней до того несчастного события, которое лишило покоя Францию», т. е. до гибели Генриха II. Принцу Жуанвилю, будущему герцогу де Гизу было тогда девять лет и можно предположить, что он уже некоторое время прожил при дворе, так как у Маргариты сформировалась определенное мнение о его характере. Мы кратко остановимся на этом известном эпизоде, поскольку это одно из немногих сохранившихся воспоминаний о юном принце.

Если верить рассказу маленькой Маргариты, отец посадил ее к себе на колени и попросил «выбрать себе в услужение» одного из двух юных дворян: принца де Жуанвиля или маркиза де Бопрео, которого она всячески расхваливает в этом воспоминании за блестящий ум, добродетель и благородство. После недолгих колебаний Маргарита сказала, что выбирает маркиза. Это вызвало удивление ее отца, короля Генриха II, потому что «принц де Жуанвиль был белокур и белокож, а маркиз де Бопрео обладал смуглой кожей и темными волосами»⁸⁰⁴. Аргументация маленькой принцессы, записанная ею много лет спустя, стала основой для суждений о характере будущего главы Лиги: «Потому что он [маркиз] более послушный, а принц не может оставаться в покое, не причиняя ежедневно кому-нибудь зла, и стремится всегда верховодить»⁸⁰⁵. Напомним, что мемуары были написаны примерно через сорок лет после описанных событий и предназначались не для издания, а скорее, как рабочий материал для жизнеописания Маргариты знаменитым бытописателем эпохи Пьером Брантомом. Ко времени этого свидетельства Генрих де Гиз уже несколько лет как погиб, а Генрих Наваррский, с которым Маргарита вскоре развелась, стал королем, хотя война все еще продолжалась. Королева проецирует свои знания о дальнейшей судьбе герцога на свои детские воспоминания, которые были, вероятно, довольно смутными. Косвенное подтверждение этого мы находим в последующих словах самой Маргариты: «Определенно, слова мои стали предвестием того, что мы увидели позднее»⁸⁰⁶. Поскольку считается, что через несколько лет между молодыми людьми вспыхнуло взаимное чувство, Маргарита могла за подобной оценкой скрывать свое истинное отношение к герцогу. И наконец, нужно отметить, что если такое резкое и эгоистичное поведение было свойственно Анри в детстве, то это говорит о его замечательной способности к самодисциплине и

---

⁸⁰³ *Маргарита де Валуа*. Указ. соч.

⁸⁰⁴ Там же. С. 21.

⁸⁰⁵ Там же.

⁸⁰⁶ Там же.

самовоспитанию. Уже через несколько лет окружающие отмечали его особую любезность со всеми, умение вести себя в любом обществе и понравится самым различным людям.

В одиннадцать лет с принцем случилось происшествие, которое хоть и зафиксировано некоторыми источниками XVI в., вызывает некоторые сомнения в своей достоверности, по крайней мере, в деталях. Однако оно не менее знаменитое, чем предыдущий эпизод и стало частью образа герцога в историографии и массовой культуре. По рассказам современников, подхваченных историками, в октябре 1561 г. он был вовлечен в заговор, который имел целью захватить принца Александра-Эдуарда, будущего Генриха III и обманом вывезти его в Лотарингию⁸⁰⁷. Поскольку влияние протестантов продолжало расти, Гизы предложили королеве удалить двух ее младших детей от двора и увезти одного в Лотарингию, а другого – в Савойю, т.е. в те области, где влияние протестантов было слабым. Однако герцог Немурский пошел дальше этих советов и решил вывезти из столицы старшего из двух принцев без предупреждения и согласия королевы. Знали ли об этом старшие Гизы – неизвестно, в дальнейшем они все отрицали, однако принцу Жуанвиллю отводилась в этом заговоре роль приманки, и он якобы был хорошо осведомлен о цели предприятия. Он должен был уговорить будущего монарха поехать с ним и его родственниками вдаль от шумного двора, чтобы придаваться радостям сельской жизни: охотиться, ловить рыбу, есть вкусную пищу и быть свободными, без надзора матери и придворных. Принц почти согласился, но испугавшись, «обратился за советом» к кому-то из ближайшего окружения. Слух дошел до королевы-матери и повлек за собой крупный скандал и очередное падение доверия к Гизам.

Комментируя эту историю, необходимо обратить внимание на множество странностей. Скорее всего, в ее основе лежал некий эпизод действительного приглашения принца Алансонского погостить в Лотарингии, возможно с целью избавить его от протестантского влияния, который гугенотской пропагандой был превращен в попытку антиправительственного заговора. Брантом, мемуары которого являются одним из главных источников этого рассказа, вообще считал, что вся эта история была не более чем розыгрышем⁸⁰⁸.

Детство Генриха де Гиза было достаточно безоблачным вплоть до тринадцати лет, когда под Орлеаном погиб его отец. Убийца был схвачен, однако вся семья Гизов и многие их сторонники были уверены, что за покушением стоял военный лидер гугенотов адмирал Гаспар де Колиньи. Его вина не была доказана, что стало поводом для Гизов добиваться справедливости

---

⁸⁰⁷ Шевалье П. Генрих III ... С. 14–17; Эрланже Ф. Генрих III... С. 38–40; Thou J. A. de. Histoire universelle de Jacques-Auguste de Thou. Basle: J. L. Brandmuller, 1742. Т. 3: 1560–1567. Р. 99–100.

⁸⁰⁸ Brantôme P. de Bourdeille. Op. cit. Р. 198–199.

другими путями. Молодой принц официально приобретает новый статус, становится главой большого клана и всей католической партии во Франции. К мотивам, определяющим его поведение, возможно, добавляется желание отомстить за гибель отца. В XVI в. такое стремление являлось популярной поведенческой установкой. Хотя противоречие подобных мотивов с христианскими добродетелями осознавалось в обществе, мщение часто рассматривалось как восстановление справедливости и даже мировой гармонии. Однако его дальнейшее поведение демонстрирует нам, что более важным для молодого герцога становится необходимость соответствовать своему высокому положению и знаменитому имени. Желание не подвести своих сторонников и не посрамить имя отца вылилось в поиски воинской славы на поле битвы.

В начале мая 1566 г., мать герцога, Анна д'Эсте повторно вышла замуж за красавца герцога Жака II Немурского. Этот брак оказал достаточно заметное влияние на жизнь Генриха де Гиза, поскольку у него сложились близкие приятельские отношения с его отчимом. Будущему главе Лиги было на тот момент только шестнадцать лет, но он уже считался взрослым и в том же году отправился с военной экспедицией в Венгрию. В литературе можно встретить сомнения по поводу его участия в этом походе, однако сохранились многочисленные свидетельства этого факта, в частности письма самого Генриха де Гиза⁸⁰⁹. Известно также, что на обратном пути он посетил Вену и предстал перед императорским двором. Возможно, с этим связано заключение негласного соглашения между семьей Гизов и Габсбургами. Сама экспедиция не представляла собой чего-то экстраординарного. Для шестнадцатилетнего потомка знатного рода вполне естественным было начать активную военную деятельность и приобрести опыт в иностранном походе. А что могло быть лучше в таком предприятии, чем «борьба с неверными», которые проникли глубоко на европейские территории и угрожали границам Империи. Молодой герцог отправляется в поход под покровительством дяди Альфонсо II д'Эсте в свите императора Максимилиана II. Прибыв в Аугсбург и объединившись, как он сам пишет, с силами императора, Гиз обращается с посланием к королеве⁸¹⁰. Судя по нему, основной причиной его отъезда было вынужденное бегство из страны после демарша его дяди, который, вопреки запрету губернатора столицы Франсуа де Монморанси, явился в Париж в сопровождении своего старшего племянника и вооруженного отряда, вызвав стычки в столице. Значительную часть этого небольшого по объему послания занимает попытка оправдать своё бегство необходимостью примкнуть к

---

⁸⁰⁹ Lettre du duc de Guise, Henri de Lorraine à Catherine de Medicis 31 juillet 1566 // РНБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Автограф 51. № 43.

⁸¹⁰ Ibid.

войскам императора в его борьбе против турецкого султана⁸¹¹. Поход был для него непродолжительным, так как в самой Франции зрела Вторая религиозная война и он должен был вернуться на родину.

Во Франции молодой герцог предстал перед королевой-матерью Екатериной Медичи с заверениями в дружбе и преданности двору. Вероятно, герцог ожидал признания своих заслуг и надеялся на продвижение при дворе. В октябре во Франции начинаются военные действия и Гизы вновь оказываются «на коне». Роль этой семьи в XVI в. возрастала каждый раз, когда требовались услуги людей верных католической церкви и хорошо владевших мечом. Королевская власть, как полагает французский историк Дени Крузе⁸¹², пыталась проводить политику «всеобщей гармонии». Однако Гизы придерживались иной тактики. Только жесткий отпор протестантам мог, по их мнению, предотвратить национальную катастрофу и раскол страны.

Во время Второй религиозной войны юному герцогу предстояло проявить себя уже в серьезных боевых действиях в самой Франции. Первое крупное сражение, в котором принял участие Генрих де Гиз, – битва при Сен-Дени 10 ноября 1567 г. В период этого противостояния каждая сторона пользовалась услугами немецких наемников. В мемуарах маршала де Вьевиля мы встречаем описание сетований этого военачальника королю на совете осенью 1567 г. на то, что «его [принца Конде] армия, была сформирована из такого же большого количества иностранцев, как и французов»⁸¹³. От границы с немецкими княжествами на помощь кальвинистам двинулось войско под предводительством Казимира Пфальцского. Герцог де Гиз, следовавший вместе с королем в Париж, которому угрожали протестанты, повернул на запад, чтобы предотвратить соединение наемных войск с основными силами гугенотов. Об этом он и сообщает в своем очередном письме Екатерине Медичи⁸¹⁴. Эта военная операция имела большое стратегическое значение. Во многом благодаря решительным и умелым действиям молодого герцога армия короля получила значительный перевес и одержала победу в решающем сражении при Сен-Дени. Денег в королевской казне катастрофически не хватало и Генрих де Гиз снарядил кавалерию и пехоту за свой счет.

---

⁸¹¹ Lettre du duc de Guise, Henri de Lorraine à Catherine de Medicis 31 juillet 1566...

⁸¹² *Crouzet D.* La Nuit de la Saint-Barthélemy: Un rêve perdu de la Renaissance. Paris: Fayard, coll. « Chroniques», 1994.

⁸¹³ *Vieilleville Fr. de.* Mémoires de la vie de François de Scépeaux, sire de Vieilleville et comte de Durestal, mareschal de France / par Vincent Carloix // Nouvelle collection des mémoires pour servir à l'histoire de France [Texte imprimé]: depuis le XIIIe siècle jusqu'à la fin du XVIIIe / [publ.] par MM. Michaud, ... et Poujoulat. Paris: Ed. du commentaire analytique du Code civil, 1836–1839. P. 367.

⁸¹⁴ Lettre du duc de Guise, Henri de Lorraine à Catherine de Medicis (novembre? 1567) // РНБ. Отдел рукописей. Собрание П. П. Дубровского. Автограф 51. № 44.

Издатели мемуаров Гаспара де Таванна, написанных его сыном, обратили внимание, что их автор проведение этой операции приписывает самому будущему маршалу Таванну, а о молодом герцоге почти не упоминает⁸¹⁵, тогда как принц Конде утверждал, что земли на северо-западе страны были сохранены для короля благодаря усилиям Гиза и маршала Вьевиля⁸¹⁶.

Однако уже к зиме 1567–1568 гг., несмотря на предпринятые усилия, французские протестанты все-таки объединили свою армию с рейтерами герцога Казимира, и перед лицом новой угрозы Екатерина Медичи назначает Таванна командующим армией вместо погибшего Монморанси. Герцог в это время разворачивает бурную деятельность, стремясь противодействовать силам протестантов и одержать решающую победу над Колиньи⁸¹⁷. Жажда мести вовсе не овладела им столь сильно, как стремились показать это некоторые авторы, особенно в XIX в.⁸¹⁸ По крайней мере, это выливается пока только в соперничество на поле боя, борьбу за авторитет и популярность. Показательно поведение Генриха де Гиза в первых крупных битвах, которые описаны их участниками. Кидаясь без прикрытия в гущу сражения, презирая субординацию и дисциплину, он иногда давал этим преимущество противнику⁸¹⁹. Маршал Таванн, по собственным воспоминаниям, даже сделал ему выговор, что он ставит под удар себя, свой отряд и общую победу, и с раздражением советовал ему «думать головой» прежде, чем действовать⁸²⁰. Однако не надо забывать, что герцогу было только семнадцать лет. Для него это был первый опыт участия в столь масштабном сражении и значение имело только то, что он может проявить себя и повторить подвиг своего отца при Меце и отомстить Колиньи на поле брани. Но из-за необдуманных, стремительных действий эта попытка провалилась.

Однако герцог быстро учился и уже через два года ему все-таки удалось одержать значительную военную, а также символическую победу над своим главным врагом. Благодаря этому его образ легендарного лидера, бесстрашного и благородного военного начал приобретать реальные черты. Этому способствовала организация обороны Пуатье, которой осадила армия протестантов во главе с Колиньи. Эти события связаны с началом очередной, Третьей религиозной войны, вспыхнувшей после недолгого мира. В ответ на крупную победу католиков при Жарнаке в марте 1569 г., Колиньи в конце июня разбил королевскую армию и осадил Пуатье. Приехав туда с братом и отрядом молодых дворян, чтобы помешать планам адмирала, герцог де

---

⁸¹⁵ *Tavannes G. Mémoires des Messire Gaspard de Saulx, Seigneur de Tavannes...* P. 123.

⁸¹⁶ *Ibid.*

⁸¹⁷ *Cauvin Ch. Op.cit. P. 70; Constant J.-M. Op.cit. P. 65–67.*

⁸¹⁸ *Brizard G. Op. cit. P. 27; Carlyle T. Op. cit. P. 46; Cauvin Ch. Op.cit. P. 110.*

⁸¹⁹ *Tavannes G. Op. cit. P. 165.*

⁸²⁰ *Ibid. P. 166.*

Гиз принял на себя руководство обороной города и отказался уходить, даже когда угроза стала слишком явной, поскольку протестанты начали обстрел городских стен. Будущий глава Лиги был главной целью протестантов и военном совете было принято решение вывезти высокородных юношей из города. Только комендант считал, что их присутствие воодушевит гарнизон. Молодой герцог, услышав дебаты, не желая подорвать свою репутацию, принял безапелляционное решение остаться. Выказав радость, что может противостоять в открытом бою убийце отца, он принял командование и кинулся на передовую «сопровождаемый великим множеством дворян, имея решимость умереть, защищая брешь, но не сделать ни шагу назад»⁸²¹. Протестантам, руководимых Колиньи, так и не удалось пробиться в город, а через несколько недель осада была снята с приходом войска герцога Анжуйского⁸²². Героизм и военные таланты Гиза, проявленные при обороне Пуатье, превозносили даже протестанты в своих воспоминаниях и письмах, сравнивая герцога с его отцом⁸²³. Однако Таванн в своих мемуарах был, как всегда, достаточно скептичен по поводу этих подвигов, считая, что безрассудство и отсутствие дисциплины его соратника по-прежнему играло на руку врагам, ослабляя основные силы королевской армии⁸²⁴. Тем не менее в глазах большинства сторонников и даже врагов герцог стал героем и подтвердил свой статус главы католической партии. Герцог Анжуйский, будущий король, выразил ему официальную благодарность, его заслуги обеспечили ему место в королевском совете⁸²⁵.

В этот период у Генриха де Гиза и Маргариты Валуа, возможно, возник любовный роман. Несмотря на то, что эти отношения стали частью его классического образа, они не подтверждаются ни перепиской, ни многими мемуарами. В своих воспоминаниях принцесса стремилась восстановить собственную репутацию, отстаивая, даже слишком горячо, отсутствие близких отношений и планов на брак с Гизом. Сам герцог, будучи «вызван на ковер», по ее словам, тоже не понимал, что происходит. Маргарита позже утверждала, что весь этот роман и история с готовящимся браком были инспирированы ее братом, будущим Генрихом III, по

---

⁸²¹ *Castelnau M. de. Mémoires de Messire Michel de Castelnau // Collection complete des memoires relatives a l'histoire de France. T. XXXIII. Paris, 1823. P. 468.*

⁸²² *Ibid. P. 462–471.*

⁸²³ *D'Aubigné Th. A. Histoire universelle. T. 3: 1568–1572 / par Agrippa d'Aubigné; éd. publ., pour la Société de l'Histoire de France, par le baron Alphonse de Ruble. Paris, 1886–1909. P. 100–110.*

⁸²⁴ *Tavannes G. Op. cit. P. 168.*

⁸²⁵ *Pigaillem H. Op. cit. P. 117.*

наушению Дю Га⁸²⁶, фаворита короля, с целью поссорить ее с матерью. Именно этот придворный, по убеждению многих историков, открыл связь Маргариты с Гизом⁸²⁷. Сама принцесса настаивала, что это было результатом интриг. В результате Гиза выставили шпионом, который втерся в доверие к наивной принцессе, чтобы быть в курсе придворных дел. Принцесса тяжело заболела, скорее всего, подхватив инфекцию или вирус, который тогда распространился при дворе. Однако в части исторической литературы сложилась традиция считать недомогание Маргариты следствием нервного расстройства или даже жестокого наказания, которому она подверглась за свою связь с герцогом де Гизом⁸²⁸. Последний прибыл в начале 1570 г. вместе с дядей в Анжер, где в это время находился двор. Будущий монарх Генрих III навещал принцессу в компании с Гизом, намекая на скорый брак, для того чтобы, по ее словам, окончательно опорочить принцессу и вызвать гнев королевы. Маргарита, вспоминая в своих мемуарах о герцоге де Гизе, утверждала, что «ни он сам, ни его родственники никогда не говорили со мной о замужестве»⁸²⁹.

Брак герцога все-таки состоялся в том же году, но только с совсем другой именитой и богатой наследницей, Екатериной Клевской, второй дочерью знаменитого полководца и придворного герцога Неверского. К этому времени она уже успела стать вдовой и была чуть старше двадцатилетнего Гиза. Этот брак был удачным с точки зрения того времени: Екатерина боготворила мужа, за восемнадцать лет у них родилось четырнадцать детей, многие из которых дожили до взрослого возраста. Герцогиня принесла дому Гизов графство Э в Нормандии. После гибели мужа она родила последнего ребенка и дожила до восьмидесятипятилетнего возраста.

Спешная женитьба вызвала домыслы при дворе. Однако Маргарита Валуа утверждала, что Екатерина Клевская – принцесса Порсиан – была и ранее «возлюбленной» герцога де Гиза и он заключил спланированный и взаимовыгодный брак. Однако у многих сложилось впечатление, что герцога спешно женили, чтобы избежать опасности. Говорили, что королева-мать и молодой король были в ярости, узнав о отношениях Маргариты с Гизом, тем более, в то время, когда велись активные переговоры о браке принцессы с королем Португалии, а затем с наваррским принцем. Гиза пригрозили убить, если он останется при дворе и приблизится к принцессе. Ему

---

⁸²⁶ Луи де Беранже, сеньор дю Га (1538–1575) — один из так называемы «миньонов» герцога Анжуйского, затем короля Генриха III, французский придворный и государственный деятель; Маргарита Валуа называет его в мемуарах Ле Га и дает ему нелюбимую характеристику.

⁸²⁷ *Маргарита де Валуа*. Указ. соч. С. 37–39.

⁸²⁸ *Вьенно Э.* Маргарита де Валуа: история женщины, история мифа / Пер. с франц. Некрасов М. Ю., Шишкин В. В. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. С. 39–40; *Эрланже Ф.* Генрих III ... С. 91.

⁸²⁹ *Маргарита де Валуа*. Указ. соч. С. 65.

пришлось срочно покинуть двор и даже, якобы, нарушить обязательства, данные Маргарите, которую он обещал взять в жены. Французский историк XVII в. А. де Варийас пересказывает замечательную легенду о том, как мама герцога де Гиза, Анна д'Эсте за ночь устроила его брак, найдя достойную кандидатуру⁸³⁰. Уже в XIX в. в трудах европейских исследователей этот исторический анекдот оброс подробностями, в которых подчеркивалась великая опасность, нависшая над домом Гизов⁸³¹.

В августе 1572 г. произошло знаменитое событие, которое стало символом религиозных войн в Европе – Варфоломеевская ночь. Традиционно организацию резни связывают с именами Екатерины Медичи и Гизов. Однако степень участия в подготовке этих событий Генриха де Гиза можно назвать спорной. Достаточно сказать, что никто из ранних историков и мемуаристов, как протестантов, так и умеренных католиков, не подчеркивал особую организаторскую роль молодого герцога в этом предприятии⁸³². Он был довольно молод и его статус главы католической партии был пока еще скорее формальным, хотя, возможно, именно в устранении лидеров противоположной группировки он увидел одну из прекрасных возможностей укрепить свое положение и завоевать авторитет у своих сторонников и двора. Если мы примем версию о том, что убийство некоторых из гугенотских вождей готовилось заранее, то можно предположить, что в ней какое-то участие принимал кардинал Шарль де Гиз-Лотарингский. Однако непосредственно в августе 1572 г. этот прелат находился в Риме и узнал о событиях в Париже из писем. Мама Генриха, Анна д'Эсте, встречалась с Екатериной Медичи и возможно вела какие-то переговоры, подтвердив готовность своего сына отомстить Колиньи, но все это предположения, которые не опираются на достоверные факты.

Несомненно, нельзя полностью снимать с молодого герцога вину и отрицать его активное участие в событиях. Однако ошибкой было бы рассматривать Варфоломеевскую ночь в отрыве от политического и религиозного контекста эпохи. Кроме того, нужно учитывать, что за

---

⁸³⁰ *Varillas A.* Histoire de Henry trois. Par monsieur de Varillas. Paris, 1694–1695. Livre XIII. P. 342.

⁸³¹ *Forneron H.* Les Duc de Guise et leur époque... P. 98–99.

⁸³² *Davila E. C.* Op. cit. P. 325–329; *Mézeray F. E. de.* Abregé chronologique l'histoire de France, par le Sr. de Mézeray, Historiographe de France. Amsterdam: Antoine Schelte, 1696. T. V. P. 147–160.

несколько веков это событие обросло легендами, которые часто затмевают его понимание⁸³³. В связи с этим Анри Дюбьеф, французский историк XX в., подметил, что «вся история Варфоломеевской ночи опирается на сомнительные источники»⁸³⁴. Действительно, мы располагаем небольшим количеством достоверных свидетельств этих событий, а его репрезентация выстаивалась в эпоху, когда продолжавшаяся гражданская смута сильно затрудняла объективную оценку произошедшего.

В исторической науке сформировалось несколько версий, в которых по-разному интерпретируются как сами события, так и их причины. Я не буду рассматривать подробно эти версии, так как о них довольно много написано⁸³⁵, а с некоторыми можно познакомиться, обратившись непосредственно к трудам их авторов и сторонников⁸³⁶. Кратко сравним только основные версии, непосредственно касающиеся герцога де Гиза.

Традиционно считается, что одним из ведущих мотивом участия Гиза в резне была месть адмиралу Гаспару де Колиньи. Этого уже немолодого военного, одного из лидеров гугенотов, связанного родственными узами с Бурбонами, многие считали организатором гибели отца Генриха, полководца Франсуа де Гиза. Мотив кровной мести выводит нас еще на одну теорию, связанную с Варфоломеевской ночью и религиозными войнами вообще. По мнению некоторых авторитетных историков, смута, сотрясавшая Францию на протяжении второй половины XVI вв., была вызвана не столько религиозным противостоянием, сколько борьбой влиятельных кланов

---

⁸³³ См. об этом *Эльфонд И. Я.* Варфоломеевская ночь: рождение мифа // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 190–197. Пример художественного мифотворчества, которое стало одним из источников формирования коллективной памяти европейцев: Марло К. Парижская резня... Об образе Гиза в пьесе Марло: *Куцева М. В.* Конструирование мифа: образ Генриха де Гиза в исторических трудах и драматургии конца XVI – начала XVII вв. // Память и идентичность: особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее Новое время. Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции. Отв. редактор П. Н. Лебедев. 2019. С. 187–203.

⁸³⁴ *Dubief H.* L'histoire de la Saint-Barthélemy // Bulletin de la Société de l'Histoire du Protestantisme Français (1903–2015), 1974. Actes du Colloque L'amiral de Coligny et son temps (Paris, 24–28 octobre 1972) (1974). P. 352.

⁸³⁵ Об основных историографических версиях Варфоломеевской ночи: *Уваров П. Ю.* Новые версии старого преступления // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 7–18.

⁸³⁶ *Десимон Р.* Варфоломеевская ночь и парижская «ритуальная революция» // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 138–189; *Дифендорф Б.* Варфоломеевская ночь и парижская буржуазия // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 86–101; *Крузе Д.* Монархическая власть и таинство смысла: сообщение о Варфоломеевской резне // Варфоломеевская ночь: события и споры... С. 102–137; *Crouzet D.* La nuit de la Saint-Barthélemy...; *Garrisson J.* 1572, La Saint-Barthélemy...; *Jouanna A.* La Saint-Barthélemy. Les mystères d'un crime d'État, Paris: Gallimard, 2007.

за власть⁸³⁷. Варфоломеевская ночь может рассматриваться как кульминация противостояния двух родов: протестантского – Бурбонов-Конде (благодаря браку племянницы адмирал Колиньи был тоже в родственных отношениях с этой семьей) и католического – Гизов. Основная цель последних, по мнению сторонников этой теории, заключалась в том, чтобы стать во главе политической иерархии во Франции, управлять двором и королем. Таким образом, к мотиву мести примешивалась борьба аристократических группировок, в которую оказались втянуты массы людей по всей стране и даже в других европейских государствах. Возможно, определенную роль сыграла свадьба Маргариты Валуа, на которую молодой герцог имел виды, с одним из главных лидеров враждебного клана и претендентом на престол. Однако это является больше предположением, чем обоснованной теорией. Помимо всего вышеперечисленного религиозные мотивы, несомненно, играли определенную роль в этой гражданской смуте и в подготовке Варфоломеевской ночи.

Первое покушение на Колиньи произошло примерно за сутки до общей резни, 22 августа 1572 г. и оно, согласно мнению современников, тоже было инициировано Гизами, поскольку выстрел был произведен из дома, который, как утверждали, принадлежал этой семье⁸³⁸. Адмирал, благодаря весьма странному стечению обстоятельств, остался жив, у него была раздроблена кисть руки. Однако король был возмущен и грозился покарать несостоявшихся убийц. Варфоломеевская ночь фактически была продолжением этой неудачной попытки. Возможно, размах убийств был связан со страхом католиков и клана Гизов перед местью протестантов.

Гизы не действовали в одиночку в таком масштабном и ответственном деле. Начиная с XVI в. историки и мемуаристы в один голос обвиняли в организации этого преступления Екатерину Медичи⁸³⁹. Главным ее мотивом считалось стремление оградить короля от влияния Колиньи и втягивания страны в войну с Испанией, абсолютно невыгодную и опасную для Франции. Очень популярна точка зрения, что королева мечтала освободить королевство от

---

⁸³⁷ Такая точка зрения была распространена среди историков XVII–XIX вв., из современных исследователей ее адептом является Ж. Гарриссон: Garrisson J. *Guerre civile et compromis...*

⁸³⁸ *Thou J. A. de. Op. cit. T. 4: 1567–1573. P. 576.*

⁸³⁹ *Hotman F. Discours simple et veritable des rages exercees par la France des Horribles et indignes meurts commis en personne de Gaspar de Coligny, Amiral de France et de plusiuer grands, signeurs, gentilhommes et du lâche et estrange carnage non jait indifférons les chrestieus qui sout pen recouvrer en la plupart des villes de le royaume sans respect ancien de sang, sexe, aage on condition. Basel, 1573. P. XIII–XV. В XIX–XX вв. эта точка зрения нашла отражение в классических трудах: Мишле Ж. Реформа (Из истории Франции XVI века). СПб., 1861; Эрланже Ф. Резня в ночь... P. 158-180.*

соперничающих кланов, столкнув их друг с другом и обвинив Гизов в этом преступлении⁸⁴⁰. Современные историки склонны приписывать королеве благие намерения: укрепление и сплочение страны, прекращение разорительных войн и даже реализацию неоплатонической концепции ренессансного государства⁸⁴¹.

Нет никаких свидетельств, что Генрих де Гиз принимал участие в некоем придворном заговоре. Однако есть мнение, что именно он привлек парижскую городскую милицию, которая как раз и несет основную ответственность за массовую бессмысленную резню, в которую вылилась эта затея. Приехавшие в Париж на свадьбу протестанты были главными силами своей партии. Среди них было множество вооруженных и опытных дворян. Решив, что гугеноты слишком сильны, Гиз привлек ополчение, которое сыграло роковую роль в этой бойне. Парижане были оплотом католической партии и похожий сценарий герцог использовал в мае 1588 г.

Довольно популярна точка зрения, что именно с убийства Генрихом де Гизом Колиньи начинается резня, послужившая катализатором дальнейших действий. О самой гибели лидера протестантов повествуют несколько источников, главным из которых является рассказ некоего д'Атэна, участника событий, в пересказе кальвинистского историка, мемуариста и поэта Агриппы д'Обинье⁸⁴². Интересная деталь, которую любят подчеркивать исследователи и писатели: в самом убийстве Гиз участие не принимал, он стоял внизу под окнами, когда его люди во главе с мелким дворянином на службе у Гизов по прозвищу Бем (богемец) ворвались к престарелому адмиралу, убили его и сбросили труп вниз под ноги герцогу. Подойдя к телу адмирала, он якобы пнул залитый кровью труп врага в лицо. Но по другим свидетельствам, он просто повернул носком обуви голову адмирала, чтобы убедиться, что это он.

Участие Гиза в дальнейших событиях тоже обросло легендами, в которых трудно отделить правду от явной лжи. Некоторые протестантские источники свидетельствуют, что он, вдохновленный гибелью своего старого врага, якобы возглавлял отряд дворян, призывая к убийствам от имени короля⁸⁴³. Другие современники утверждали, что инициатива принадлежала его окружению⁸⁴⁴. Более достоверным, на наш взгляд, является сообщение ряда источников о том, что после убийства адмирала Гиз со своими людьми погнался не за мирными жителями, а за отрядом вооруженных гугенотов⁸⁴⁵. Среди них было много видных дворян, которые оказались

---

⁸⁴⁰ См.: *Garrison J. La Saint-Barthélemy ...*

⁸⁴¹ *Крузе Д. Монархическая власть и таинство смысла ...; Crouzet D. La nuit de la Saint-Barthélemy ...*

⁸⁴² *D'Aubigné Th. A. Histoire universelle ... Т. 3. P. 317–318.*

⁸⁴³ *Goulart S. Mémoires de l'Etat ... Т. I. P. 229.*

⁸⁴⁴ *Thou J. A. de. Op.cit. P. 586.*

⁸⁴⁵ *Эрланже Ф. Резня в ночь ... С. 197–198; Tavannes G. Mémoires des Messire Gaspard de Saulx ... P. 272.*

расквартированы не в Лувре и окрестностях, а в предместье Сен-Жермен. Предупрежденные о начавшейся резне, они попытались присоединиться к своим собратьям или к королю, веря в его милосердие⁸⁴⁶. Еще более вероятная версия: они попытались бежать, как только узнали о начале избиений⁸⁴⁷. Герцог со своими людьми на конях по приказу маршала Таванна пустился в погоню, преследуя отряд и почти на сотню километров удалившись от Парижа⁸⁴⁸. Протестанты получили преимущество, поскольку ключ от городских ворот, полученный Гизом, не подошел. Когда стало понятно, что дальнейшее преследование бессмысленно, отряд католиков вернулся в Париж. Очевидно, увиденное герцогом на улицах города и в Лувре произвело на него сильное впечатление. Он осознал, что ситуация вышла из-под контроля и убийства происходят уже без всякого смысла и плана. Возможно, он почувствовал и свою ответственность за происходящее, тем более что такая бойня никаким образом не могла помочь ему укрепить положение семьи ни при дворе, ни в Европе. Кроме того, мы не можем отрицать, что Гиз часто проявлял милосердие к врагам, об этом свидетельствовали многие современники, даже тенденциозно настроенные⁸⁴⁹. Часть историков выдвигают иную, менее благоприятную для Гизов версию: как истинные политики, они понимали, что их авторитет может пострадать в результате вышедшей за всякие рамки резни, более того, королеве и Карлу IX ничего не стоит возложить на их семью вину за это злодеяние. Именно поэтому они решили совершить акт милосердия и параллельно убедить короля взять ответственность на себя⁸⁵⁰.

Каковы бы ни были его причины, герцог помог спастись множеству протестантов, открыв для них свой особняк. Некоторые специалисты называют цифру около сотни человек⁸⁵¹. Среди укрывшихся в доме Гизов, в основном, были женщины и дети, родственники гугенотских дворян и горожан, которым не столь повезло. Среди известных личностей – дочь умеренного канцлера Л'Опиталья. Немало мужчин также нашли спасение в особняке. Например, знаменитый протестант Д'Асье, ставший после этого верным человеком Гизов⁸⁵². Кроме того, герцог обеспечивает сопровождение для бегства из Парижа своей бабушке по материнской линии Рене Французской, известной «протестантской принцессе».

---

⁸⁴⁶ Эрланже Ф. Указ. соч. С. 197–198.

⁸⁴⁷ *Garrisson J.* Op. cit. P. 107–108.

⁸⁴⁸ *Tavannes G.* Op. cit. P. 272–275.

⁸⁴⁹ Об этом со ссылкой на источники часто пишет Ш. Ковен: *Cauvin Ch.* Henri de Guise le Balafré / Histoire de France de 1563 a 1589. Tours, 1881.

⁸⁵⁰ Эрланже Ф. Указ. соч. С. 211.

⁸⁵¹ Там же.

⁸⁵² Там же.

В заключение рассказа о Варфоломеевской ночи стоит еще раз отметить, что это ключевое событие французской истории, является одновременно одним из самых спорных, а роль герцога в нем требует дальнейших исследований.

Его положение после событий Варфоломеевской ночи было неоднозначным. С одной стороны, вероятно, убийство адмирала задумывалось не в последнюю очередь с целью устранения самих Гизов, падения их влияния при дворе. С другой, после того как все эти кровавые события были одобрены Папой и признаны законными самим монархом, взявшим на себя вину за их организацию, у герцога появился шанс на упрочение своего положения. Как наследник дома Гизов он был главным распорядителем двора (*grand maître de France*), обладателем важного коронного чина, предоставлявшего большие полномочия в отношении дома монарха и всего двора. В октябре 1572 г. герцог обращается к королю Карлу IX со «Статьями», в которых он предлагал расширить полномочия, связанные с этой должностью. В. В. Шишкин, утверждает, что «столь широкие обязанности главного распорядителя вели к чрезвычайному усилению клиентелы Гизов при дворе, что было чревато окончательной потерей власти и короны слабеющей правящей династией»⁸⁵³. Поэтому Генрих III, стремясь к расширению собственных полномочий в формировании двора, а также к уменьшению влияния Гизов, не только не удовлетворил эту просьбу, но и постепенно лишил главного распорядителя всех реальных прерогатив, сделав эту должность почетной.

В любом случае, Гизы не утратили свое положение при французском дворе. Если Варфоломеевская ночь и задумывалась Екатериной Медичи не в последнюю очередь для дискредитации Гизов, то эта попытка провалилась. На некоторое время, однако, герцогу пришлось уехать в свою вотчину Шампань, поскольку король издал указ, по которому все губернаторы провинций должны были направиться в свои владения для восстановления в них спокойствия, предотвращения дальнейшей резни и разорения королевства.

В том же году Гиз возвращается ко двору и начинается очередной этап его сотрудничества с Екатериной Медичи. Такое сближение было не случайным. После первого шока, сопровождавшегося бегством оставшихся в живых протестантов из крупных городов и отдельных переходов в лоно католической церкви, французские гугеноты оправились и начали готовиться к продолжению войны.

Военные действия, вспыхнув вновь после Варфоломеевской ночи, не продлились слишком долго. Самым знаменитым эпизодом так называемой Четвертой гугенотской войны (1572–1573) стала длительная осада одного из оплота протестантских сил – Ла-Рошели –

---

⁸⁵³ Шишкин В. В. Королевский двор ... С. 18.

с ноября 1572 г. по июль 1573 г., в которой герцог де Гиз принимал деятельное участие. В этот город бежали многие из оставшихся протестантов. Несмотря на героизм, проявленный во время этой военной операции герцогом де Гизом и другими участниками, город остался в руках протестантов. Герцог Анжуйский, руководивший военными действиями, был неожиданно избран королем Польши, после чего осада была снята, а с протестантами заключен очередной мир. Одному из лидеров французских кальвинистов, принцу крови Генриху Конде была возвращена должность губернатора Пикардии, что стало поводом для образования первых католических лиг в городах этой провинции.

В 1574 г. король Карл IX скоропостижно скончался и монархом стал третий сын Екатерины Медичи, который бежал из Польши, чтобы взойти на французский престол. Генрих де Гиз к этому времени уже вернулся ко двору и вместе со своими братьями сопровождал королеву-мать, выехавшую встречать будущего короля Франции Генриха III. Тогда же члены семьи Гизов вошли во вновь собранный приватный королевский совет.

После возвращения Генриха III во Францию в 1574 г. начинается очередная, Пятая религиозная война. Два года, прошедшие после Варфоломеевской ночи, были отмечены не только смертью Карла IX и началом царствования Генриха III, будущего убийцы герцога. В этот же период умер дядя Генриха де Гиза, кардинал Лотарингский, который все это время оставался неформальной главой этой семьи и оказывал достаточно сильное влияние как на своего племянника, так и на европейскую политику. Прелат, несомненно, способствовал росту престижа своего клана, но он оставил своему племяннику и огромные долги, несмотря на значительные доходы с деоцеа. По словам самого герцога де Гиза, переданных Брантомом, после смерти дяди он получал множество посланий от тех, кого финансово поддерживал кардинал и от его кредиторов⁸⁵⁴. Долги были сопоставимы с теми, которые достались ему в свое время от отца – около 200 000 экю.

Начавшись в южных провинциях, очередная война быстро охватила значительную территорию Франции. К конфликту на стороне протестантов присоединился младший брат короля, герцог Алансонский, который надеялся взойти на престол, пока будущий Генрих III был польским королем. Вместе с Конде, братьями Монморанси и еще частью протестантского и умеренного дворянства они образовали партию «недовольных» и выступили единым фронтом против нового короля. На юге Франции представитель одной из знатнейших французских семей, Генрих I де Монморанси, чувствовал себя полновластным и независимым правителем этих

---

⁸⁵⁴ *Brantôme P. de Bourdeille. Grands capitaines français // Brantôme P. de Bourdeille. Oeuvres complètes. T. 4. Paris, 1864. P. 275–276.*

земель. Занимая умеренную позицию, он требовал восстановить в правах гугенотов. Получив отказ, Монморанси в ноябре 1574 г. начинает военные действия против королевских войск.

1575 г. принес новые несчастья католической партии. Еще до того, как в феврале Генрих III короновался в Реймсе, в Ниме оформилась гугенотская Конфедерация городов и дворянства, фактически представлявшая собой государство в государстве со своей армией, налогами и даже Генеральными штатами. Укрепившись и начав военные действия на нескольких фронтах, протестанты потребовали от короля религиозного равноправия. Принц Конде, которому пришлось бежать в Германию, когда так называемый заговор «недовольных» был раскрыт, теперь при поддержке немецких наемников вторгся в страну с северо-восточных границ. Положение короля было почти безнадежным, однако 10 октября в битве при Дормане выступивший навстречу наемникам Генрих Гиз разбил объединенную армию немецких наемников, протестантов и "недовольных".

В этом знаменитом сражении, сдерживая переправу авангарда протестантской армии, Гиз получает серьезное ранение: выстрелом аркебузы ему сносит часть щеки. Он перенес несколько тяжелых недель, шрам затянулся, но оставил очень заметную метку на его лице. Сражение было выиграно благодаря решительным действиям герцога, командовавшего армией, а ранение было воспринято им самим и его сторонниками как печать судьбы и знак почета. Учитывая, что по некоторым свидетельствам его отец тоже имел подобный шрам на лице и носил прозвище «Меченный», это имело для Гиза и в глазах его партии символическое значение. Современный биограф герцога Ж. М. Констан назвал этот период его жизни «рождение Меченого»⁸⁵⁵, поскольку именно эти события стали ритуальным завершением периода его юности.

Несмотря на достигнутую победу, протестанты и умеренные не собирались сдаваться так просто. Было заключено семимесячное перемирие, которое дало некоторую передышку обеим сторонам, но уже к началу следующего года активные военные действия возобновились, когда из Германии прибыли новые наемники. Кроме того, Генриху Наваррскому удалось бежать из Лувра и из столицы, его обещания католической церкви и двору были забыты, он снова встал во главе протестантской армии, обосновавшейся на берегах Луары.

Чтобы выиграть время и достигнуть мира хотя бы в собственной семье, Екатерина Медичи путем переговоров заключает мир с младшим мятежным сыном, предоставив ему от имени короля титул герцога Анжуйского и управление несколькими провинциями. Остальные

---

⁸⁵⁵ Constant J.-M. Op. cit. P. 73.

участники этого союза тоже пошли на сделку с троном, получив обширные земли, доход и денежную компенсацию. Генрих III 6 мая 1576 г. подписал "Эдикт в Болье", согласно которому гугенотская конфедерация признавалась суверенным государством. К тому же гугенотам было предоставлено восемь крепостей. Официально были реабилитированы жертвы Варфоломеевской ночи. Практически повсеместно было разрешено отправление протестантского культа. Запрет коснулся лишь столицы и городов, имеющих статус королевских резиденций. Палаты парламентов должны были стать смешанными и включать как католиков, так и протестантов. Фактически, все требования гугенотов и умеренной партии были удовлетворены. Однако Генеральные штаты 1576 г., не ратифицировали этот эдикт. Большинство депутатов были католиками, не разделявшими стремления к компромиссу со стороны умеренной партии. Они делают ставку на молодого герцога де Гиза. После смерти его отца многие видели герцога в роли своего лидера, особенно после его победы и тяжелого ранения в битве при Дормансе – единственном победоносном для католиков сражении в этой войне. Король, сделавший уступки протестантам, не мог выступить в этой роли, хотя позже попытался принять ее на себя.

Итак, к середине 1575 г. герцог становится реальным главой дома и католической партии, завоевавшим доверие своих сторонников не только мстью за отца и участием в главной антипротестантской акции – Варфоломеевской ночи, но и храбро сражаясь с гугенотами в течение десяти лет. Наступает очередной период его жизни, связанный с деятельностью Католической лиги (Святого Союза). Существует обоснованное мнение, что у ее истоков стоял кардинал Шарль Лотарингский. Однако эта организация не была искусственным образованием. Католики, как и протестанты, объединялись во всей стране, используя разнообразные ресурсы и исторически сложившиеся структуры, привлекая своих союзников в Европе с целью защиты церкви и религии.

Анализируя этот этап деятельности Генриха де Гиза и его положение в этом союзе, не надо забывать, что Католическая лига, а точнее, лиги 1570-х–1590-х гг. были весьма сложным образованием, не имевшим часто единой структуры и централизованного руководства. Об их организации, роли и истинных целях историки спорят на протяжении нескольких веков, причем в XX–XXI вв. эта дискуссия только обострилась⁸⁵⁶.

Сама традиция подобных лиг уходит корнями в средневековье и связана с особенностями городской общественной жизни и политической культуры. В 1560-е гг. католические общины, напуганные активностью и силой протестантов, осознали необходимость создания организаций с целью защиты собственной религии. Начиная с 1563 г. такие объединения начинают возникать

---

⁸⁵⁶ Уваров П. Ю. Борьба тенденций ...

в отдельных городах Франции. Вначале они не предъявляли никаких политических требований, обещая всецело подчиняться королевской власти, их радикализация и объединение в более-менее единую организацию начинается намного позднее. Одновременно с этим кардинал Лотарингский и духовенство, руководствуясь принципами Тридентского Собора, высказывались за необходимость сплотиться перед лицом гугенотской угрозы и создать собственную «партию». Официально считается, что Католическая лига была закреплена Перонской декларацией в 1576 г. и возобновлена договором в Жуанвиле в конце 1584 г. Она представляла собой союз под главенством Гизов, поддержанный испанским королем Филиппом II и Римским папой Сикстом V с целью защиты католической религии, а в 1585 г. – еще и недопущения на трон протестанта Генриха Бурбона, будущего французского короля Генриха IV.

В определенной части исторической литературы, как научной, так художественной, закрепились точка зрения, что герцога де Гиза вообще нельзя считать главой Католической лиги во Франции. Кроме того, за его спиной до 1574 г. стоял кардинал Лотарингский. Достаточно популярна и обоснована точка зрения, что Лига вообще не была централизованной и иерархичной организацией, наподобие современных массовых партий, а представляла собой ряд структур и добровольческих объединений в разных городах, сплоченных общими идеями и лозунгами. По мнению некоторых авторов, герцог сумел использовать силу Святого союза, его организацию и возможности для реализации собственных планов. Существует даже мнение, в современной литературе поддержанное ученым и писателем Жаном Д'Айоном (псевдоним Жана-Луи Рооса)⁸⁵⁷, что даже во время восстания в мае 1588 г. Генрих де Гиз был только на словах «королем Парижа», не имея никакой реальной власти, находившейся в руках комитета «Шестнадцати». Связь между ними и герцогом была слабой, а отношения весьма напряженные. Э. Барнави считает, что руководство союзом осуществляла замкнутая и самостоятельная группировка, которая проводила политику, аналогов которой Франция еще не знала. Лига была подобием политической партии массового типа и признавала Гиза только потому, что он был лигером⁸⁵⁸. Б. Дифендорф убеждена, что «парижане приняли Гиза как героя и символ, не только потому что он был харизматической фигурой, но и потому что он разделял их взгляды»⁸⁵⁹.

---

⁸⁵⁷ *D'Aillon J.* La Guerre des trois Henri, T. 1: Les Rapines du duc de Guise. Paris: Éditions Jean-Claude Lattès, 2008; Idem. La Guerre des trois Henri, T. 2: La Guerre des amoureuses. Paris: Lattes, 2009; Idem. La Guerre des trois Henri, T. 3: La ville qui n'aimait pas son roi. Paris: Lattes, 2009. Idem. Récits cruels et sanglants durant la guerre des trois Henri: Trois enquêtes de Nicolas Poulain et d'Olivier Hauteville. Paris: J'ai lu, 2011.

⁸⁵⁸ *Barnavi E.* Fidèles et partisans dans la Ligue parisienne (1585–1594) // Hommage a Roland Mousnier: Clientèles et fidélités en Europe d l'époque moderne. Paris, 1982. P. 140.

⁸⁵⁹ *Diefendorf B.* Beneath the cross Catholic and Huguenots in sixteenth-century Paris. Oxford, 1991. P. 180.

Тем не менее Генрих де Гиз играл важную организаторскую роль, показывая чудеса работоспособности и демонстрируя свой высокий авторитет среди людей разного положения, преследовавших различные интересы. Он вел переписку, раздавал поручения и лично объезжал города и провинции для сплочения разнородных сил. Многие современные авторы отмечают, что Лига выдвинула новые принципы формирования элиты, «благородного сословия», основным из которых было рвение в делах веры. Отталкиваясь от этого, можно сказать, что статус главного борца с гугенотами, военные и организаторские успехи в деле противостояния протестантской угрозе, невольно ставили Генриха де Гиза если не на позицию шефа всей организации, то, по крайней мере, выдвигали его в состав этой новой элиты.

Программа Лиги была достаточно обширна, но основные цели были обозначены в воззвании и письмах герцога де Гиза⁸⁶⁰: полное восстановление прежней религии, блеска и славы королевской власти, которая, однако, не должна была быть абсолютной. Ограничение всевластия монарха предполагало регулярные созывы Генеральных Штатов и восстановление прав провинций и городов. Требования публикации постановлений Тридентского собора и недопущение Генриха Наваррского на престол Франции были добавлены позднее. Последний вопрос остро встал уже в 1584–1585 гг., после смерти последнего наследника из рода Валуа, брата Генриха III, Франсуа Алансонского и Анжуйского, и отлучением в следующем году Генриха Наваррского от церкви.

Эпоху первой Лиги связывают с одним весьма спорным эпизодом в биографии Гиза. Согласно популярной версии, в 1570-х гг. с помощью небольших подтасовок была сконструирована генеалогия Гизов. Представители этого рода якобы являлись прямыми потомками Карла Великого. Трон Франции был узурпирован Капетингами и только Лотарингский дом является законным наследником короны. В 1578 г. несколько посланников были направлены Папе Римскому, чтобы представить эту генеалогию Святому Престолу с целью официального утверждения, что дало бы Гизам право бороться за трон. Дальнейшие события всем хорошо известны из романов А. Дюма. Адвокат Николя Давид, один из посланцев, попадает на обратном пути в засаду и оказывается убит (в литературной версии он был заколот в поединке шутом короля, подслушавшем переговоры посланника). У него нашли письмо Папы и соответствующие материалы, которые стали достоянием общественности. Инициатива генеалогических исследований принадлежала, по одной из версий, кардиналу Шарлю Лотарингскому, который при жизни начал собирать материалы и пригласил специалистов, по

---

⁸⁶⁰ Lettre de M. de Guise à M. le Duc de Lorraine. 1587 // BN. Département des manuscrits. Documents originaux... XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587. P. 2.

другой – менее исторической, но разрекламированной Ф. Эрланже⁸⁶¹, посыл исходил от сестры Гизов – Екатерины де Монпансье. Хотя объяснение ее мотивов у французского историка настолько сомнительно, что не стоит даже упоминания, подобная трактовка, благодаря популярности Эрланже и переводом его трудов на другие языки, стала весьма востребованной. Не менее распространенной является версия, согласно которой инициатором этого генеалогического труда и его издания был сам Генрих де Гиз.

Тонкость ситуации заключалась также в том, что герцог, как уже было сказано, занимал при королевском дворе потомственную должность главного распорядителя, что могло приравниваться к положению мажордома в средние века. Это давало возможность Гизам ссылаться на средневековый прецедент передачи власти династии Каролингов. Угрозы Екатерины де Монпансье постричь Генриха III в монахи, видимо, были недвусмысленным намеком на возможное повторение ситуации. И точно также требовалось «всего лишь» официальное признание Римом новой, четвертой династии.

Позже аббат Розьер написал многотомное сочинение о лотарингских герцогах, которое, по утверждению некоторых историков, содержало выпады против Генриха III и сыграло значительную роль в росте авторитета Лиги и Гизов. С. Э. Цветков описал романтическую версию этой истории в своем научно-популярном труде «Узники Бастилии»⁸⁶². Согласно ей, Розьер не был инициатором исследования, он выполнял поручение герцога, а его трактат был замаскированным памфлетом. После того как это выяснилось, сам аббат был пойман при попытке к бегству, заключен в Бастилию и отрекся публично от идей, содержащихся в его сочинении, по настоянию самого герцога, поскольку Екатерина Медичи пригрозила в противном случае отречением под пыткой. Ссылка на этот труд нередко использовалась протестантами в пропагандистских целях, чтобы показать «истинные стремления» Гизов. Однако если мы обратимся к самому произведению, но не найдем в нем ничего крамольного. Кроме того, он написан на латыни, языке ученых, юристов и богословов. Несколько томов генеалогических изысканий, сопровождаемых отсылкой к Священному Писанию, истории церкви и государства в соответствующие периоды, делают его абсолютно недоступным для рядового читателя. Все это говорит о том, что этот трактат не являлся полемическим произведением, его не было смысла печатать большим тиражом «во всех городах Франции», чтобы «колеблющиеся открыто вставали под знамена Гиза»⁸⁶³. Использоваться же в качестве пропаганды он мог разве что в пересказе

---

⁸⁶¹ Эрланже Ф. Генрих III ... С. 123.

⁸⁶² Цветков С. Э. Узники Бастилии. Москва: Армада-пресс, 2001. С. 206.

⁸⁶³ Там же. С. 206.

протестантских авторов, радостно ухватившихся за очередную возможность дискредитации Гизов и Лиги, возможно, с подачи английской разведки.

Испугавшись, что авторитет окончательно уходит у него из рук, в декабре 1576 г. Генрих III решил объявить себя официальным главой Католической лиги. Никто не мог возразить монарху, но это не означало, что все действительно считали его лидером этой организации. Отказ ратифицировать эдикт в Болье, предоставлявший суверенитет Конфедерации гугенотов в юго-западных провинциях, и заключение договора между католическими лидерами, а также присоединение к Лиге короля стали основными причинами возобновления военных действий. Шестая религиозная война, которая продолжалась с конца 1576 г. принесла успех католикам. Однако многие считали, что король своими действиями дискредитировал победу. Хотя Бержеракский договор, заключенный монархом с протестантами, сильно ограничивал их в праве совершать богослужения, он сохранил за ними часть крепостей на юге страны. Католическая лига и Протестантская конфедерация были официально распущены. Политика короля была направлена на взаимное примирение двух враждующих партий, но католики ожидали, что одержанные победы дают им право закрепить собственное преимущество.

Однако этот период в жизни герцога де Гиза известен многим в связи с совсем другими событиями. После торжественного въезда герцога в Париж его люди вступили в конфронтацию с фаворитами короля, и 27 апреля 1578 г. состоялась знаменитая «дуэль миньонов», в которой сам Гиз, разумеется, участие не принимал. Она известна не только тем, что в ней сражались шесть человек, из которых четверо погибли или умерли впоследствии от ран, но и тем, что противниками очень символично стали миньоны короля, с одной стороны, и люди герцога де Гиза (гизары), с другой. Думается, в какой-то степени, потомки ее воспринимали как этап противостояния монарха с лидером Лиги, хотя она и не имела политического подтекста, будучи вызванной чисто личными причинами.

В отличие от этих всем известных событий военная и общественная деятельность Генриха де Гиза в 1576–1585 гг. – слабо изученная тема. Почти все биографы обходят ее стороной, упоминая только отдельные эпизоды. Между тем, именно в это время разгорелись две религиозные войны: шестая и седьмая, в которых герцог принимал самое деятельное участие. Во многом именно благодаря его командованию были одержаны несколько решающих побед.

В 1582 г. Маргарита Валуа, которая пребывает в Фонтенбло, пишет своему мужу Генриху Наваррскому о придворной жизни и упоминает, что герцог де Гиз «сильно похудел и постарел»,

а также практически растерял всех своих сторонников⁸⁶⁴. Последнее замечание было весьма субъективным, учитывая военные успехи и популярность главы Лиги, а первое вполне понятно, учитывая сколько различных забот обрушилось на герцога в эти годы. Непрерывающиеся войны требовали его постоянного присутствия в армии. Помимо этого, именно в это время Генрих де Гиз активно занимается меценатством и перестройкой замка д'Э в Нормандии, который достался ему в качестве приданного жены еще 1570 г. Старое здание было разрушено во время Столетней войны, и герцог начинает возведение нового великолепного строения в духе Ренессанса с садом и фонтаном, который в будущем станет одной из жемчужин французской архитектуры. Строительство было начато архитектором Пьером Леруа примерно в 1580 г., но так и не было закончено при жизни герцога, ранняя гибель помешала этим планам. Гиз любил этот замок и достаточно часто приезжал сюда, чтобы отдохнуть от военных и политических забот.

Здесь же, в одном из своих новых владений, недалеко от замка, герцог велел построить здание иезуитской коллегии, которая была основана под его патронажем в начале 1580 г.⁸⁶⁵ Интересно, что это учебное заведение было открыто в присутствии П. К. Матье, будущего автора «Гизиады» – пьесы, написанной после гибели герцога и способствовавшей созданию католической легенды о лидере Лиги в конце XVI в. В коллегии были внедрены передовые методы преподавания, в том числе физико-математических наук, которые еще редко читались в то время. Герцог лично выделил значительную сумму денег для строительства и назначил иезуитам доход от продажи лесов графства. Библиотека коллегии насчитывала около 3500 томов, в том числе довольно редких. В церкви этого учебного заведения позже были захоронены его останки. В начале XVII в. там же была похоронена его жена, Екатерина Клевская.

Однако военные дела поглощали почти все время герцога де Гиза. Седьмая и предпоследняя религиозная война была вызвала комплексом событий. В июне 1584 г. неожиданно скончался младший брат короля, герцог Франсуа Алансонский (Анжуйский), бывший последней надеждой Валуа. Ближайшим претендентом на престол в случае смерти бездетного Генриха III становился Генрих Наваррский, неоднократно менявший свои религиозные пристрастия, но на тот момент – протестант и фактический лидер французских кальвинистов, отлученный Папой от церкви, бывший в достаточно дальнем родстве с правящим королем, что позволяло противникам ставить под сомнение его права на престол.

---

⁸⁶⁴ Шишкин В. В. Маргарита де Валуа и Седьмая религиозная война (апрель – ноябрь 1580 г.) // Человек XVI столетия / Под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. М., 2000. С. 29–34; Маргарита де Валуа – Генриху де Бурбону, королю Наваррскому // Маргарита де Валуа. Мемуары ... С. 178.

⁸⁶⁵ *Renauld M. J. Henri de Lorraine, Duc de Guise, (1550–1588) et Catherine de Clèves, comtesse d'Eu, (1548–1633), son épouse. Nancy: G. Crépin-Leblond, 1878. P. 373*

В ответ на возникший политический кризис в родовом поместье Гизов, в Жуанвиле, 31 декабря 1584 г. был подписан трактат между представителями этой династии и испанского короля о том, что они будут всячески препятствовать воцарению Генриха Наваррского и признают будущим монархом его дядю, кардинала Шарля де Бурбона. Часто этот договор считают началом возникновения так называемой Второй, или дворянской Католической лиги. Несколько месяцев спустя, Шарль де Бурбон, ее официальный претендент на престол, выступил с политическим заявлением, получившим название «Пероннская декларация (или манифест)». Вероятно, это был плод совместно творчества сторонников Лиги, которых собрал Генрих де Гиз, а официально – общая «декларация принцев, пэров и прелатов», обоснование целей Лиги и оправдание ее действий как «желания противодействовать тем, кто хочет ниспровергнуть основы церкви и государства»⁸⁶⁶. Она была провозглашена в Перонне 21 марта 1585 г., однако сохранились минимум два издания манифеста, их содержание несколько отличается.

Помимо объяснения причин и целей заключенного союза: не допустить на престол монарха-протестанта, «прийти на помощь католической апостольской римской религии этого христианнейшего королевства», декларация содержала критику политики Генриха III: его неспособности урегулировать затянувшийся религиозный конфликт, который «уже двадцать четыре года истощает страну», взимание разорительных и неизвестных ранее налогов, продажа должностей, фаворитизм, пренебрежение мудрыми советами, нарушение традиционного порядка, установленного в королевстве из-за формирования королем своего окружения в обход людей, которые заслужили это⁸⁶⁷. Выходом, по мнению авторов декларации, являлся незамедлительный созыв Генеральных Штатов, этого «древнего средства от домашних язв», «совещание между принцами и их подданными, с целью вместе достигнуть решения [...], опираясь на фундаментальные законы французского королевства»⁸⁶⁸.

Генрих де Гиз, несмотря на обвинения его противников в претензиях на престол, официально поддерживал кандидатуру кардинала де Бурбона. Анализ нескольких десятков писем Генриха де Гиза, относящихся к этому периоду⁸⁶⁹, ставит под сомнение популярное

---

⁸⁶⁶ *Bourbon Ch. de. Declaration des causes qui ont meu Monseigneur le Cardinal de Bourbon, et les Princes, Pairs, Prelats de s'opposer à ceux qui veulent subvertir la Religion, et l'Etat. Péronne, 1585. P. 3.*

⁸⁶⁷ *Ibid. P. 3–8.*

⁸⁶⁸ *Ibid. P. 8.*

⁸⁶⁹ BnF. Département des manuscrits. Documents originaux et copies, mémoires et extraits tirés de la Bibliothèque du Roi, fonds de Béthune, Brienne, etc., pour servir aux études d'histoire du Dauphin sous la direction de Bossuet, et concernant les règnes de François Ier à Henri III, avec une suite de Henri IV à Louis XIV (1610–1710). XLVII: Règne de Henri III. 1583–1587. P. 419–421; XLVIII: Règnes de Henri III et Henri IV. 1588–1595. P. 1–4, 25, 28–31.

мнение о заговоре с целью захвата власти. Даже в посланиях своим сторонникам герцог избегает открыто критиковать действия и личность монарха. Хотя в эпистолярном наследии де Гиза мы встречаем уже знакомые по другим документам оппозиционные мотивы: жалобы на пренебрежение со стороны короля хорошими советами, обязанностями защищать истинную религию, которую исповедуют большинство французов, забвение фундаментальных законов королевства, и самый яркий мотив – необходимость подавить смуту и объединить народ, страдающий от войны. «Нельзя допустить к власти принца-протестанта, поскольку необходимо избежать всеобщего взрыва и укрепить основы, нужно верить, что Франция найдет возможность стать сильнее»⁸⁷⁰, – утверждает он в одном из писем.

В союзе, воссозданном в конце 1584 г., несомненно, одну из ведущих ролей играл уже Генрих де Гиз. Это неизбежно ставило его в положение лидера Священного Союза, даже если отношения между ним и Парижской лигой строились на основе взаимной выгоды и не исключали некоторого недоверия и недопонимания. Часто упоминаемая разрозненность лигерских организаций может быть поставлена под сомнение. И.В. Лучицкий еще в 1870-х гг. доказал, что во многом именно благодаря активной деятельности и умелому руководству, лигерам удалось наладить связи между отдельными городами, объединить разнородные элементы, создав довольно стройную организацию⁸⁷¹.

Военные действия последнего периода Религиозных войн отличались наибольшей активностью и ожесточенностью. В историографии господствует мнение, что фактически они вылились в борьбу за престол, и война велась уже между тремя партиями и их представителями: царствующим монархом – Генрихом III Валуа, его наиболее реальным наследником – Генрихом Наваррским и Генрихом де Гизом. Поэтому этот период, длившейся с марта 1585 г. до августа 1589 г. получил название Войны трех Генрихов, хотя задолго до ее официального окончания, Генрих де Гиз был убит.

В первое время удача сопутствовала Генриху де Гизу и в июле 1585 г. между ним и королем было достигнуто определенное соглашение. Оно было вызвано нарастающей активностью Лиги, фактически взявшей под свое управление несколько отвоеванных у протестантов городов. Поэтому в мае через королеву-мать Генрих III вступает в переговоры с герцогом, который от имени своей партии требовал эдикта против еретиков, обещая в этом случае отказаться от всяких притязаний для себя и своей семьи. Как это не странно, монарх пошел на это соглашение, хотя, возможно, решающая роль в этом принадлежала Екатерине

---

⁸⁷⁰ Lettre de M. de Guise à M. le Duc de Lorraine. 1587... P. 2.

⁸⁷¹ Лучицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции...

Медичи. Согласно Немурскому договору король признавал существование Католической лиги и необходимость дальнейшей борьбы с протестантами. В ответ монарх потребовал от герцога отказаться от всех обязательств перед испанским королем⁸⁷².

Весной 1585 г. прошлое напоминает о себе письмом от Маргариты Валуа о помощи. Ее брак с Генрихом IV был не слишком счастливым, к тому же бездетным. Оба супруга состояли уже давно в любовных связях на стороне, а в марте 1585 г. Маргарита была вынуждена покинуть двор мужа, боясь быть отравленной, и переехать в свое владение в Ажене. Находясь в тяжелом положении, не надеясь получить помощь от родственников, она обращается к Лиге, в том числе к герцогу де Гизу, своей бывшей и, возможно, первой любви. Но, прежде чем он успел оказать ей помощь, Маргарите пришлось уносить ноги из Ажена. В результате гвардия короля во главе с маркизом де Канийяком поймали Маргариту и доставила в ее замок Юссон⁸⁷³. Но именно здесь в январе 1587 г. она, наконец, дождалась помощи от де Гиза. Его щедрое предложение тюремщику королевы опередило награду короля своим гвардейцам. Большинство историков считают, что герцог заплатил испанским золотом, полученным им незадолго до этого эпизода от Филиппа II. Они ссылаются на расписку, которая якобы сохранилась в Национальном архиве Франции⁸⁷⁴. Хотя сам факт получения герцогом за несколько месяцев до этого значительной суммы от союзников не является доказательством того, что часть именно этих денег он потратил на подкуп гарнизона. Кроме финансовой помощи герцог прислал подкрепление из Орлеана.

Вопрос, который всегда волновал биографов Маргариты и Генриха де Гиза: почему он оказал ей помощь, расплатившись, возможно, деньгами, предназначавшимися для дела Лиги. Что сыграло ведущую роль: любовь и политический расчет? Думаю, можно согласиться с мнением современного биографа Маргариты Валуа В. В. Шишкиным, который считает, что имело место и то, и другое. Хотя, на наш взгляд, герцогом двигал не «политический расчет человека, рвущегося к трону»⁸⁷⁵, а все лишь понимание того, что Маргарита может стать достаточно ценным союзником, а ее открытая приверженность делу Лиги спутает карты как ее мужу, Генриху Наваррскому, так и брату, королю Генриху III. Что касается личных отношений, то сохранилось ее письмо Гизу, которое, как справедливо считают многие исследователи, может свидетельствовать в пользу того, что они не только были близки когда-то, но и испытывали взаимные чувства спустя много лет⁸⁷⁶. В нем Маргарита сообщает о своей преданности делу Лиги

⁸⁷² *Thou J. A. de. Histoire universelle de Jacques-Auguste de Thou. Basle: J. L. Brandmuller, 1742. Т. 9. Р. 281-282.*

⁸⁷³ *Шишкин В. В. Предисловие // Маргарита де Валуа. Мемуары ... С. 32.*

⁸⁷⁴ *Bouillé R. de. Histoire des ducs de Guise. Paris: Amyot, 1849–1850. Т. 3. Р. 504–505.*

⁸⁷⁵ *Шишкин В. В. Указ. соч. С. 34.*

⁸⁷⁶ Там же.

и самому герцогу, выражая «вечную преданность и любовь»⁸⁷⁷, что вовсе не было общим местом для выражения простой благодарности. Интересно, что это единственная часть их переписки, которая, если и существовала когда-нибудь, то была уничтожена или утрачена.

Политика, направленная на решение внутренних проблем и борьбу с новой протестантской опасностью, тесно переплеталась с европейскими делами. В 1585–1588 гг. эта связь была особенно ощутима. Англия, будучи одним из центров протестантизма, оказывала финансовую, военную и политическую помощь кальвинистам в Европе. Часто именно английские деньги использовались французскими гугенотами для оплаты немецких наемников и покупки оружия. У семьи Гизов была еще одна причина живо интересоваться английскими делами. В Шеффилдском замке уже много лет была заключена кузина Генриха – Мария Стюарт. В 1586 г. был наконец найден повод для ее обвинения в измене и попытке переворота с целью занять английский престол. 8 февраля 1587 г. она была казнена. Генрих де Гиз, несмотря на острый период войны в самой Франции, пытался активно участвовать в ее спасении. По мнению историков, он загорелся этой идеей в 1583 г. и решил при поддержке Испании и Папы вторгнуться в Англию, чтобы освободить свою кузину и, как некоторые считали, посадить ее на престол⁸⁷⁸. Однако английские католики воспротивились этому, и экспедиция так и не была осуществлена Гизом, которого, кроме всего прочего, отвлекли дела в самой Франции. Хотя существует мнение, что попытка Непобедимой армады высадиться в 1588 г. на берегах Британии была продолжением плана по захвату Англии и возвращения страны в лоно католической церкви.

В самой Франции военные действия продолжались. Кампания 1587 г. началась с вторжения наемных войск протестантов в Лотарингию в начале осени. Армия, состоявшая из нескольких десятков тысяч швейцарцев и немцев, а также значительно меньшего количества их французских приверженцев, прошла быстрым маршем через страну, следуя к Луаре навстречу войску наваррского короля. Герцог де Гиз со своими людьми следовал за ними по пятам, но не вступал в бой, поскольку располагал намного меньшими силами. Когда армия разделилась, и наемники образовали отдельную группу, он решил воспользоваться случаем. В городке Вильмори он напал на них под покровом темноты с небольшими силами и дал бой. Несмотря на то что атаку удалось отразить, это сказалось на моральном духе наемной армии, тем более, швейцарцы выяснили, что были обмануты, думая, что идут во Францию защищать короля, а не воевать против него. Когда войска швейцарских протестантов разместились в городке Оно, Гиз снова напал на них, одержав 24 ноября полную победу и захватив богатую добычу. После этого

---

⁸⁷⁷ Маргарита де Валуа – герцогу Лотарингскому, герцогу де Гизу // Маргарита де Валуа. Мемуары ... С. 138.

⁸⁷⁸ *Pigaillem H.* Op. cit. P. 243–246.

его целью было немецкое войско. Однако король испугался, что эти победы еще больше укрепят и без того весомый авторитет Гиза и заключил сначала договор со швейцарцами, а затем начал переговоры с немецкими наемниками. В результате они мирно вернулись домой, однако герцог, разочарованный таким поворотом дел, продолжил их преследовать в Лотарингии, несмотря на обещания короля. В многочисленных письмах, адресованных испанскому послу Бернардино де Мендоса, он жаловался, что король, вступив в отношение с еретиками, упускает плоды победы⁸⁷⁹.

Эти две небольшие битвы имели тем не менее далеко идущие последствия, особенно на фоне выигранной протестантами 20 октября битве при Кутра, в которой разгромленными королевскими войсками руководил монарший любимчик герцог Жуайез, погибший в этом сражении. Несмотря на победу, армия гугенотов практически распалась благодаря умелым действиям герцога де Гиза, остатки наемников ушли в Германию, так и не успев соединиться с основными силами протестантов. Король заказал благодарственный молебен, однако общественное мнение все больше склонялось на сторону главы Лиги, вполне справедливо приписывая ему честь этих побед и изгнания германского войска из Франции. Сам же король все больше ожесточался против герцога, успех и популярность которого продолжали расти на фоне недовольства королевской властью, и все больше убеждался в необходимости заключить союз с Генрихом Наваррским. В течение 1585–1588 гг. начинается их сближение. Это еще одна причина сомневаться в корректности названия «Война трех Генрихов». Пока один из них – Генрих де Гиз – считал, что воюет на стороне короля, рассчитывая на поддержку и помощь монарха, сам Генрих III, несмотря на договор, заключенный с герцогом, и антипротестантский эдикт, искал союза с другой стороной. В 1585 г. он вел переписку с наваррским принцем, признаваясь, что не может противодействовать планам Гиза и открыт переговорам с Генрихом Наваррским через своих доверенных людей⁸⁸⁰. Буквально через пару месяцев после заключения союза с Гизом, Екатерина Медичи посылает своего человека в лагерь протестантов для переговоров с противоположной стороной. Поняв, что королевские войска не предпринимают активных действий против армии гугенотов, а наоборот, чаще препятствуют продвижению католических войск, Генрих де Гиз в союзе со своим братом и кардиналом Бурбоном решают выступить самостоятельно. Считается, что переговоры между королевой и Генрихом Наваррским пока не привели к желаемому союзу, военные действия демонстрировали продолжающееся соперничество.

Ожесточение военных действий и политической борьбы стали поводом для обострения памфлетной войны. Францию наполнили полемические произведения, вышедшие из-под пера

---

⁸⁷⁹ *Croze J. de. Les Guises, les Valois et Philippe II... Т. 2. Р. 296–333.*

⁸⁸⁰ См.: *Шевалье П. Генрих III. Шекспировский король. М.: Терра, 1997. С. 303.*

протестантов и изданные в Ла-Рошели – городе-крепости на западном побережье, который остался в руках гугенотов и стал их укрепленной базой. Там печаталась многочисленная кальвинистская литература. Большинство из памфлетов были направлены против Гизов и их сторонников. Даже до нашего времени дошли сотни подобных полемических сочинений: исторических обзоров, брошюр и листов, изданных только в 1585–1588 гг. Можно предположить, что их было намного больше, но далеко не все из них сохранились и известны исследователям. Авторы этих произведений обвиняли Гизов во всех несчастьях королевства, приписывая им безмерное тщеславие и властолюбие, называя испанскими агентами, продавшими родину ради почестей и богатств⁸⁸¹. Именно эти сочинения в будущем стали одним из источников формирования негативного образа этого клана и его представителей.

В 1588 г. отношения между королем и Генрихом де Гизом обострились еще больше. Без согласия монарха герцог осадил Седан, один из протестантских городов. Его слава и авторитет продолжали расти, особенно в Париже. Генрих III предпринял последнюю попытку договориться с Лигой на конференции в Суассоне, однако члены Святого Союза более не доверяли королю.

В мае в Париже вспыхнуло восстание, в котором герцог де Гиз принял активное участие. Скорее всего, именно открытая поддержка им антикоролевского выступления и статус «короля Парижа» окончательно укрепили Генриха III в намерении разделаться с противником. 8 мая Гиз покинул Суассон, решив откликнуться на просьбу парижан приехать и защитить их от гнева короля. Все стороны понимали, что этот призыв фактически означал восстание против королевской власти, которое парижские лигеры давно готовили, вооружаясь и проповедуя в открытую сопротивление «тирану». Некоторые исследователи убеждены, что этот мятеж был подготовлен испанскими агентами, среди которых они видят и герцога де Гиза, регулярно получавшего финансовую помощь для дела Лиги от Филиппа II⁸⁸². Эта точка зрения находит подтверждение в нескольких фактах: активной переписке Гиза с испанским послом, получении финансовой поддержки от Габсбургов и подозрительном совпадении дат парижского восстания с началом похода Непобедимой армады в мае 1588 г. Правда, парижский День баррикад по датам немного опередил отплытие испанского флота. Это, и отсутствие внятного объяснения

---

⁸⁸¹ Например: Discours sur le droit pretendu par ceux de Guise sur la Couronne de France. Imprimé nouvellement. [S.L.], 1585; L'Anti-Guisart. Imprimé nouvellement. [S.L.], 1586; Le veritable sur la Sainte Ligue. [S.L.], 1585.

⁸⁸² Этой точки зрения придерживались большинство историков XIX–XX вв., в том числе такие крупные как Ж. Мишле, Р. де Буйе и Ж. Кроз – авторы монографий о Гизах, а также современные историки, особенно биографы Генриха III, например, П. Шевалье; однако биографы Генриха де Гиза, начиная с середины XIX в. пытаются, опираясь на собственную интерпретацию источников, опровергнуть эту точку зрения.

историков, какова была цель Филиппа II, финансировавшего беспорядки во Франции, делает эту версию менее убедительной, чем это может показаться вначале.

9 мая герцог въезжает в Париж через ворота Сен-Дени, несмотря на недвусмысленный запрет короля, содержащий открытые угрозы в адрес лидера Лиги. Однако Генрих де Гиз не только нарушает запрет, под приветственные овации и всенародные выражения любви и преданности двигаясь по улицам города, но и появляется в Лувре, представ перед монархом. Скорее всего, король колебался, раздумывая, не арестовать ли ему герцога и не разделаться ли с ним прямо во дворце, но ему мешал страх перед толпами парижан и Лигой, которая имела реальную власть в столице. Поэтому после посещения монарха Гиз свободно выходит из дворца и отправляется в собственный особняк, который становится с этого времени фактически штабом восстания. Через несколько дней Генрих III совершил шаг, который разрушил планы Лиги и герцога: он бежит из Парижа и вместе с ближайшим окружением отправляется в Шартр, а затем в Блуа, где созывает Генеральные Штаты после двенадцати лет перерыва. Поводом к этому не в последнюю очередь стал День баррикад 12 мая 1588 г., когда парижане, стремясь защитить себя от королевских войск швейцарцев, перегораживают улицы цепями и бочками. Одно из современных исследований приписывает честь изобретения этого способа герцогу де Гизу, а название данному сооружению – его брату, герцогу Майеннскому⁸⁸³.

Герцог не препятствовал бегству короля, что может служить доказательством как его добрых намерений и отсутствия желания занять престол, так и показателем нерешительности, колебаний перед лицом необходимости сделать последний шаг. Многие современники и историки считали, что оно привело к необратимым последствиям: король получил свободу действий, а в Париже в отсутствие двора разразился экономический кризис. Обстановка в столице в период господства в нем Лиги – отдельная тема баталий между историками, которые обострились в последние десятилетия⁸⁸⁴. Для нас важно, что «король Парижа», несмотря на призывы радикального крыла Лиги, не предпринимал никаких попыток отправиться в Реймс для собственной коронации. Это может служить дополнительным доказательством того, что его главной целью было примирение сторон: монарха и его нации, а себя он видел в роли посредника.

Отношения между герцогом де Гизом и Генрихом III, их противостояние, приведшее к ранней гибели обоих и смене династии – одна из самых трагических, но и самых интересных и загадочных страниц французской истории. Недаром этот сюжет всегда интересовал не только мемуаристов и историков, но писателей, драматургов, художников и кинематографистов. Может

---

⁸⁸³ La barricade: actes du colloque... С. 28.

⁸⁸⁴ Уваров П. Ю. Указ. соч.

быть, если бы не это соперничество, развитие страны пошло иным путем. Одновременно, причины перерастания этого противостояния в масштабный конфликт и его трагическая развязка – одна из исторических загадок, которая, возможно, никогда не будет решена не столько из-за недостатка источников, сколько по причине запутанности этих событий, которые за несколько веков успели так прочно обрасти легендами и стереотипами, что за ними стало сложно видеть истинное положение дел и причины поведения многих действующих лиц этой драмы.

После Дня баррикад отношения между герцогом и королем, казалось, начинают улучшаться. Было ли это политическим маневром со стороны Генриха III, следствием страха перед народным возмущением или наградой герцогу, знаком признательности за возможность королю покинуть Париж и начать переговоры, собрав Генеральные Штаты? Мнения историков на этот счет расходятся. Источники тоже не дают ясного ответа на этот вопрос.

Единственное, что можно сказать более-менее определенно, – статус герцога де Гиза повышается, он получает часть из тех полномочий, о которых мечтал, становится генерал-лейтенантом королевства, но не коннетаблем, как иногда ошибочно считают. После смерти знаменитого Анн де Монморанси в 1567 г., бывшего коннетаблем в течение почти тридцати лет, высшая военная должность была временно упразднена вплоть до 1593 г.⁸⁸⁵ По некоторым сведениям, герцог сам отказался от неё, так как не желал провоцировать зависть короля, а кроме того, еще в 1585 г. обещал не искать выгод и должностей для себя и своей семьи.

В 1588 г. состоялось еще одно событие, которое менее известно рядовому читателю, но которое стало источником битв между историками XIX – начала XX вв.⁸⁸⁶ Маркизат Салуццо – небольшое пограничное государство в 1548 г. перешло французам. Однако в 20 сентября 1588 г. в него без объявления войны вторглись войска савойского герцога Карла Эммануила. Воспользовавшись царившей во Франции смутой, расколом страны и утратой монархом авторитета, он сделал ставку на религиозную риторику, заявив о необходимости защиты католической религии на захваченной территории в условиях, когда правительство находилось в руках фаворитов, склонявших монарха к союзу с протестантами. Он рассчитывал на поддержку французских католиков и герцога де Гиза. Традиционно в историографии считалось, что последний, руководствуясь политическими и конфессиональными соображениями, а также собственными интересами, одобрил это вторжение и даже спровоцировал его, пока в начале

---

⁸⁸⁵ Стукалова Т. Ю. Введение в Средневековую французскую архонтологию. М.: Государственный Исторический Музей, 2001. С. 89.

⁸⁸⁶ Bouillé R. de. Histoire des ducs de Guise ... Т. III, P. 257–258; Hazon de Saint-Firmin J. Un incident des États de Blois ... P. 1–72.

XX в. историками не была предпринята попытка опровергнуть это заблуждение⁸⁸⁷. Герцог проявил себя непримиримым противником отторжения французских земель, несмотря на то что союз с Савойей мог усилить его позиции в борьбе за престол.

Тогда же, осенью 1588 г., герцог де Гиз приехал в Блуа в качестве пэра королевства для участия в Генеральных штатах. Их с королем часто видели прогуливающимися вместе за обсуждением государственных вопросов. В одно из воскресений ноября они оба присутствовали на мессе, чтобы преломить Святое причастие в знак примирения.

Когда депутаты уже начали съезжаться в Блуа, Генрих III инициировал частичную перестройку помещений нового дворца, возведенного при Франциске I. С целью усиления безопасности планировка изменяется таким образом, чтобы в спальню и кабинет короля нельзя было попасть напрямую. Скорее всего, уже тогда монарх начал готовить убийство своего соперника. Версия спонтанного решения, принятого под влиянием эмоций или страха, с трудом согласуется с характером короля, который обычно действовал продуманно и осторожно.

Возможно, король хотел получить поддержку своей политике от Генеральных штатов, но, когда в ноябре они начали свои заседания, стало понятно, что большинство в них имели сторонники Гизов. Депутаты выдвинули требования, многие из которых совпадали с программой Католической лиги: уменьшение налогового бремени, регулярный созыв Штатов, публикация решений Тридентского Собора и, главное, исключение протестанта Генриха Наваррского из престолонаследия в пользу его дяди, католика кардинала Шарля де Бурбона.

Относительно дальнейших событий существует множество домыслов, поскольку не существует однозначного объяснения поведения участников этой драмы. Во-первых, почему Генрих III пошел на незаконное убийство, спровоцировавшее волну ненависти против него? Существует популярная версия, что монарх, осознававший степень опасности для себя и королевства, исходящую от герцога и его сторонников, вынужден был пойти на этот шаг для сохранения собственной власти, однако не мог открыто арестовать и судить Гиза, имевшего мощную поддержку, особенно в Париже⁸⁸⁸. С другой стороны, по мнению некоторых современников и историков, продолжение гражданской войны могло привести к окончательному истощению Франции и ее разделу иностранными державами⁸⁸⁹. Устранение Гизов, возглавлявших «партию войны», могло решить эту проблему и привести постепенно к

---

⁸⁸⁷ *Hazon de Saint-Firmin J.* Op. cit.

⁸⁸⁸ *Constant J.-M.* La Ligue ... P. 201 – 212; *Pernot M.* Op. cit. P. 657–659; *Solnon J.-F.* Henri III ... P. 357–358.

⁸⁸⁹ *Шевалье П.* Указ. соч. С. 411; *Wilkinson A.* «Homicides Royaux»: The Assassination of the Duc and Cardinal de Guise and the Radicalization of French Public Opinion // *French History*. 2004. № 18. Issue 2. P. 129–153.

установлению длительного мира. С другой, попытка устроить законный процесс и публичную казнь герцога могла привести к очередному восстанию в столице и в верных Гизам провинциях. Поэтому король нашел простой и действенный способ устранить соперника, который был довольно распространенным, и король, знакомый с античной и средневековой историей, а также произведениями Макиавелли и других политических писателей, хорошо знал. Единственное, чего не смог или не хотел предугадать Генрих III, так это столь мощной ответной реакции горожан, активно провоцируемой оставшимися гизарами. Можно счесть, что король решил пожертвовать собой во имя государства, но это не более чем предположение.

На мой взгляд, очень сомнительной является классическая версия подготовки герцогом переворота, насильственного свержения короля и провозглашение себя главой государства с помощью Генеральных штатов⁸⁹⁰. Тогда ответная реакция монарха выглядела бы вполне естественной и даже законной. Однако эта гипотеза опровергнута современными историками.

Среди сторонников герцога и некоторых исследователей популярностью пользовалась точка зрения о том, что король просто завидовал успехам герцога, любви к нему народа, которой он сам был лишен⁸⁹¹. Единственным, но обоснованным возражением против этого является то, что это мало соответствовало характеру Генриха III, который обычно действовал как человек умный и расчетливый, не склонный идти на поводу у собственных страстей. Кроме того, в эту версию не вписывается убийство брата герцога и арест членов его семьи, не обладавших подобной харизмой и популярностью.

Не менее сложно объяснить действия герцога, который, получив, по сообщению современников, множество предупреждений о готовящемся покушении, пренебрег ими и по собственной воле пошел в ловушку, устроенную королем. Большинство историков XVII – XIX вв., создавая образ амбициозного, горделивого, а иногда даже не слишком умного лидера Лиги, не видели особой проблемы в объяснении причин такого поведения. Оно вполне вписывалось в их представления об этом персонаже, который пренебрежительно и самоуверенно отбросил письмо с предупреждением со словами «Он не посмеет!», возможно даже написав эту фразу на обороте письма⁸⁹². Скорее всего, история с запиской является плодом воображения Де Ту и королевского врача Мирона⁸⁹³, которые сами не присутствовали при этом событии, но могли добавить этот завершающий штрих к классическому портрету лидера Лиги. Историки и авторы

---

⁸⁹⁰ *Смарагдов С.* Указ. соч. С. 71; *Michelet J.* Histoire de France ... 1877. Vol. 12. P. 212–234.

⁸⁹¹ *Буркин К.* Указ. соч. С. 198–203; *Bouillé R. de.* Op. cit. Т. 3. P. 252.

⁸⁹² *L'Estoile P. de.* Registre-journal du règne de Henri III... P. 267.

⁸⁹³ Relation de la mort de Messieurs les duc et cardinal de Guise, par le sieur Miron, medecin du roy Henri III (1836) in Archives curieuses de l'histoire de France depuis Louis XI jusqu'à Louis XVIII. S.I. T.12. Paris, 1836. P. 117.

романов, более благосклонные к герцогу, приукрашают его образ фразой: «Если смерть стучится ко мне в дверь, я не собираюсь сбегать от нее через окно»⁸⁹⁴, которую он сказал то ли своей любовнице маркизе де Нуармутье, то ли на семейном совете своим братьям.

Некоторые современные авторы высказывают еще одно интересное предположение, руководствуясь психологическими методами объяснения поступков героев. По их мнению, гибель герцога стала результатом безвыходной ситуации, в которую он сам себя загнал. Обстоятельства толкали его к принятию важного решения, нужно было сделать последний шаг, каким-либо способом устранить короля и завладеть трон. К этому склоняли его сторонники и, возможно, члены семьи. Однако сам он осознавал, что этот путь – преступный и бесчестный с точки зрения божественных и человеческих законов. Гибель казалась ему единственным выходом, так как бежать перед угрозой устранения он считал бесперспективным и недостойным. Идея трагичности ситуации, в которой оказался герцог, его колебания перед лицом необходимости сделать решительный шаг – устранить короля и захватить трон, очень популярны в современных коллективных представлениях и художественной литературе⁸⁹⁵.

Возможно, конечно, что Гиз не получал предупреждения, по крайней мере, от людей, которым доверял. С другой стороны, он мог их счесть исходящими от короля и его окружения с целью запугать его и лишить возможности дальнейших действий, поэтому и не придавал им особого значения. В этом случае его поведение выглядит вполне логичным.

Непосредственные свидетели не оставили мемуаров, поэтому практически все историки, конструирующие нарратив об убийстве герцога, опираются на рассказ королевского врача Марка Мирона, близкого ко двору и пользовавшегося доверием лично Генриха III. Вероятно, королевский медик хорошо знал о готовящемся преступлении. Его рукопись с рассказом об этом событии хранится в Национальной библиотеке Франции⁸⁹⁶. Однако популярным он стал благодаря известным дневникам чиновника П. Л'Этуалья – сторонника партии «политиков», собиравшего для потомков разнообразные свидетельства эпохи⁸⁹⁷. Этот мемуарист не только сохранил для нас важный документ, но и представил собственное видение произошедшего.

Существуют другие свидетельства, представляющие альтернативную картину этого убийства. Таковым является отчет двух священников: Этьена д'Оргена и Клода де Бюля, который

---

⁸⁹⁴ Chateaubriand R. de. Histoire de France. Les quatre Stuarts. Paris: Garnier Frères, 1874. P. 298.

⁸⁹⁵ Холм В. Диана и Катрин: Трилогия о Екатерине Медичи. Кн. 3. Королева-распутница: Роман. М.: "Терра", 1996.

⁸⁹⁶ Relation de la mort de messieurs le duc et cardinal de Guise, par M. Miron // BnF. Département des Manuscrits. mss. fr. 16536.

⁸⁹⁷ L'Estoile P. Op. cit.

они сделали перед Парижским парламентом. В нем описана несколько иная версия гибели герцога, менее лояльная по отношению к королю⁸⁹⁸.

Итак, 23 декабря 1588 г. рано утром герцог приходит в королевский замок Блуа на заседание Совета по приглашению короля. По дороге он намеревается зайти в церковь для молитвы, однако она оказывается закрытой, возможно, по приказу короля. Герцог молится на ступенях храма под ледяным дождем, после чего продолжает путь, направляясь в королевский замок. Некоторое время ему пришлось ждать начала заседания, то ли в одиночестве, то ли, согласно более популярной версии, в окружении других членов совета, среди которых был и его брат, кардинал Луи де Гиз-Лотарингский. Король все не появлялся, а герцог в это время почувствовал себя нехорошо: подступила тошнота и пошла кровь из носа. Никто из свидетелей и исследователей не сделал предположения, что Гиз мог быть отравлен еще до нападения. Хотя эта версия, на наш взгляд, является не совсем невероятной. Более популярно мнение, что сказалась бурная ночь, проведенная с любовницей, или холодная и дождливая декабрьская погода: герцог был одет слишком легко. Наконец, будучи вызван на аудиенцию в покои Генриха III, он поднимается по небольшой лестнице, ведущей в Зал совета и жилые комнаты. Ему приходится пройти через низкий проход, соединяющий апартаменты короля и ораторий – две комнаты, находившиеся между так называемыми «старым» и «новым» кабинетом. Здесь на него и нападают убийцы, выбранные Генрихом III двенадцать человек из числа его личной охраны, недавно сформированного отряда «сорока пяти» гасконских дворян, мечтавших сделать карьеру и прославиться на службе монарху.

По соседству находилась спальня Екатерины Медичи. Королева-мать была уже при смерти, поэтому можно утверждать, что она лежала в это время у себя и должна была слышать звуки борьбы и крики, так как ее сон в последние годы был достаточно чутким. Насчет ее возможного соучастия существует несколько противоречивых версий. По одной из них, королева была глубоко опечалена гибелью герцога, которая, возможно, ускорила ее собственную кончину. Большинство историков вполне обосновано склоняются к идее, что Екатерина не одобряла это преступление, поскольку боялась непредсказуемой реакции общества и последствий для власти⁸⁹⁹. Но в XVI в. была популярна точка зрения, что королева сама принимала деятельное участие в подготовке этого убийства, понимая опасность растущего авторитета лидера Лиги для королевства и ее сына⁹⁰⁰. Умирая, она должна была быть уверена, что страна не развалится,

---

⁸⁹⁸ *Hazon de Saint-Firmin J.* Deux témoins de l'assassinat du duc de Guise ...

⁸⁹⁹ *Фрида Л.* Указ. соч. С. 531; *Bouillé R. de.* Op. cit. P. 319.

⁹⁰⁰ Там же. С. 533.

раздираемая противоборствующими группировками и не падет к ногам Гизов. Ни одна из этих версий не доказана, но не может быть и полностью опровергнута.

Герцог был очень высоким и сильным человеком, опытным воином, отлично владеющим разными видами оружия. Судя по всему, он оказал отчаянное сопротивление, однако силы были неравны, плюс место для ведения оборонительного боя было не самым удачным: узкий проход сдерживал слишком рослого герцога, на которого навалились, держа с нескольких сторон, его противники. Штора и плащ помешали вовремя обнажить шпагу. Поэтому его попытка отстоять свою жизнь была заведомо обречена на провал. Первый удар был нанесен ему со спины и пронзил плечо. Несмотря на это, герцог остался на ногах и продолжил борьбу. Однако убийц было слишком много, они наносили ему одну рану за другой, кинжалами и шпагами, пока один из нападавших не сделал последний смертельный выпад, проткнув герцогу почку. После этого, истекающий кровью, он уже не смог подняться, испустив дух, вероятно, прямо в спальне короля.

Завернутое в простыню и ковер, пропитавшиеся кровью, тело пролежало несколько часов на кровати Генриха III, где его осмотрели придворный хирург Портай, чтобы удостовериться в смерти жертвы, и два священника, приглашенные королем для службы. Монарх в это время вместе со своим ближайшим окружением, посвященным в его планы, поспешил арестовать всех причастных к руководству Лигой, прежде всего, членов семьи Гизов. Первым был арестован брат герцога, кардинал Лотарингский, находившийся в нижнем зале. Услышав крики и звуки борьбы, он попытался кинуться на помощь, но был остановлен. Его содержали в одном из помещений замка и убили на следующий день по приказу короля. Это действие вызвало возмущение не только во Франции, но и в Риме, а также в других католических странах, поскольку кардинал был подсуден только церковному трибуналу. Практически одновременно были арестованы беременная жена, мать и старший семнадцатилетний сын герцога. Однако король оставил их в живых. Главной ошибкой монарха была нерасторопность в аресте другого брата Гиза, герцога Майеннского. Выехав в Дижон вместе с сестрой Екатериной и избежав заключения под стражу, а возможно и убийства, они встали во главе Лиги вместо своего старшего брата и продолжили войну, не утихавшую до 1596 г.

Подводя итог краткой биографии 3-го герцога де Гиза, необходимо отметить, что по мнению многих историков, одной из задач, которая стоит перед современными исследователями его биографии – пересмотр представлений о его роли в этих событиях, особенно таких ключевых, как Варфоломеевская ночь, Война трех Генрихов и День баррикад⁹⁰¹. На основе внимательного и объективного изучения всего сохранившегося комплекса источников можно сделать вывод, что

---

⁹⁰¹ *Constan J.-M.* Les Guise ... P. 7–8; *Cauvin Ch.* Op. cit. P. 356; *Renauld M. J.* Henri de Lorraine... P. 82–90.

он не был лидером оппозиции королевской власти в том смысле, как это понимали историки, начиная как минимум с XIX в. в контексте революционного и либерального дискурса, возобладавшего тогда в Европе. Кроме того, нельзя не согласиться с теми исследователями, которые убеждены, что герцог не позиционировал себя в качестве претендента на престол Франции, хотя значительная часть общества видела его новым монархом⁹⁰². Однако Генрих де Гиз хорошо осознавал свою роль в этой борьбе, которая заключалась, с одной стороны, в защите католической церкви и соответствующих ценностей, с другой, в посредничестве между властью, стремительно утрачивающей свой авторитет, и народом, настроенным на решительные действия в условиях затянувшейся войны и гугенотской угрозы. Думается, он считал, что герцогское достоинство и статус главного распорядителя королевского двора предполагают соответствующую роль, тем более, в сложившихся тяжелых обстоятельствах, когда король потерял доверие значительной части общества, а страну раздирали гражданские распри.

Поведение герцога свидетельствует в пользу того, что он действительно стремился к возвращению своей семье влияния, которое она имела при его отце и дяде, особенно в короткий период царствования Франциска II. Именно к этому вела Францию логика развития монархии. В недалеком будущем первые министры, такие как герцог Сюлли или кардинал Ришелье, стали обладать широкими полномочиями и реальной властью в королевстве. Дядя герцога, кардинал Лотарингский, некоторыми современными исследователями считается их предшественником, поскольку он некоторое время фактически управлял страной и имел план модернизации и укрепления монархических институтов. Но в условиях Гражданской войны и частых иностранных вторжений это было невозможно без поддержки его брата, полководца Франсуа де Гиза, претендовавшего на роль военного лидера. Генрих де Гиз видел себя продолжателем традиций семьи, на которую как бы самим Богом была возложена священная обязанность укрепить государство и Церковь. Однако Генрих III, который, в свою очередь, считал разделение или передачу полномочий пагубным для королевства, имел собственное видение путей развития государства, реформирования придворной жизни и обеспечения религиозного единства. Не то чтобы этот план был радикально иным, скорее, они несколько расходились в видении методов и первоочередных задач. Но главное, в плане Генриха III не было места Гизам, которые мешали и раздражали короля своей популярностью и амбициями. Кроме того, важную роль сыграла необходимость найти наследника французского престола после смерти младшего брата короля. Конечно, ни Генрих де Гиз, ни кардинал де Бурбон, выдвинутый на эту роль католической партией, не могли взойти на трон. Лига предложила кандидатуру кардинала в отсутствие других

---

⁹⁰² *Constan J.-M. Op. cit. P. 193–209.*

реальных претендентов, когда Генрих Наваррский был отлучен от церкви как лидер протестантов. По той же причине Генрих III, реально оценив обстановку, отказался от религиозных принципов и пошел на союз с наваррским королем, назвав его своим наследником.

Несомненно, реальная возможность взойти на трон Франции у Генриха де Гиза была. Но он сознательно не пошел на это, вопреки обвинению его врагов и позднейших историков в амбициях и стремлении к власти. Его честолюбие имело определенные границы, что и было главным препятствием в попытках возвести его на престол, хотя во Франции спустя всего несколько месяцев после гибели герцога произошла смена династии и на престоле воцарились Бурбоны, чье правление закончилось масштабной революцией.

**Приложение 2. Сравнительная таблица образов Гражданских войн и Генриха де Гиза
во французских и российских учебниках 1833–1911 гг.**

Автор и название	Год издания	Уровень образования	Количество страниц, посвященное Гражданским войнам (1562-1598)	Характеристика Католической Лиги и ее сторонников	События, в связи с которыми упоминается Генрих де Гиз	Характеристика Генриха де Гиза
История Франции (неизвестный автор)	1833	начальное	3	«...под предлогом религии подрывала устои королевского авторитета»	Варфоломеевская ночь, правление Генриха III, образование «Святого союза», убийство	Отсутствует
Жиро Л. История Франции	1850	основное	4	«... религия была предлогом и изгнание Валуа – истинной целью»	Варфоломеевская ночь, смерть герцога Алансонского и проблема престолонаследия, организация Лиги, День баррикад, убийство братьев Гиз	Глава католиков, «амбициозный лидер», организатор Святой лиги, использовал любые поводы и настроения народа для захвата власти.
Дефранс Ш. Маленькая (краткая) история Великой Франции	1894	начальное	3	Отсутствует	Отсутствует упоминание	Отсутствует
Оже К., Пти М. История Франции в картинках для	1896	начальное	1	Отсутствует	Убийство	Отсутствует

самых маленьких						
Бланше Д. Краткий курс истории Франции от смерти Людовика XI до наших дней	1899	начальное	8	Характеристика отсутствует, отношение нейтральное	Варфоломеевская ночь (убийство Колиньи), деятельность Лиги, День баррикад, Созыв Генеральных штатов, убийство.	«Более могущественный, чем король», «победитель протестантов», противник короля, хозяин Парижа (весной-летом 1588),
Мале А. Новая история	1911	основное, второго уровня (2 класс)	28	-	Покушение на Колиньи, Варфоломеевская ночь и убийство Колиньи, сражение при Дормансе, реорганизация Лиги, союз с Филиппом II, военные победы в Шампани в 1587 г., День баррикад.	«Герой непримиримых (крайних) католиков, надежда лигеров, особенно парижских», «Новый Маккавей» и «опора Церкви» по мнению лигеров, задумавший лишить трона Генриха III
Лависс Э. Второй год истории Франции и всеобщей истории	1915	основное второго уровня (2 класс)	5	Варфоломеевская ночь (Гизы), военные действия, битва при Дормансе, ранение	-	Отсутствует
Смарагдов С. Руководство к познанию новой истории	1854	основное	8	«Толпа злодеев», истинная цель – свержение с трона Валуа и передача власти Гизам	Варфоломеевская ночь, организация Лиги, убийство.	Отсутствует
Краткий повторительный	1883	основное	1,5	-	Покушение на Колиньи («...с помощью Гизов...»).	Отсутствует

курс новой истории (автор неизвестен)						
Иловайский Д. «Новая история»	1869	основное	4	-	Варфоломеевская ночь (Гизы), Католическая лига.	Честолюбивый (2 раза), действительный глава Лиги.
Функе Ю. Учебник всеобщей истории. Новая история	1887	основное (для женских курсов и гимназий)	8,5	Цель Лиги – «защита старой Церкви и противодействие королевскому произволу»	Союз с Монморанси и маршалом Сент-Андре (ошибка, союз заключил Франсуа де Гиз), Католическая лига, союз с Филиппом II, восстание в Париже.	Честолюбивый, вождь Лиги, «стоял не только на страже папизма, но питал честолюбивые виды на власть в государстве, на самую французскую корону» (157), «король Парижа».
Дворников П. Новая история	1911 (переиздание)	основное (для женских уч. заведений, учительских семинарий, высших городских училищ, торговых школ и т.п.)	4	-	Варфоломеевская ночь (Гизы), восстание в Париже, убийство.	-
Виппер Р. Краткий учебник новой истории	1912	Отсутствуют данные	4,5	«Под знаменем религии была сильным протестом королевской власти»	Варфоломеевская ночь (Гизы), Католическая лига, убийство.	«Гизы вели свое происхождение от Карла Великого и собирались отнять у Валуа корону».

**Приложение 3. Особенности репрезентации образа Генриха де Гиза в театральных пьесах конца XVIII–XIX вв.
(сравнительная таблица)**

	Страна	Год	Автор	Название	Сюжет	Жанр	Образ герцога
	Франция	1789	М.-Ж. Шенье	«Карл IX, или Школа королей» (Урок королям)	Варфоломеевская ночь	трагедия	отрицательный
	Франция	1804	Ф. Ж. М. Ренуар	«Генеральные Штаты в Блуа»	Генеральные Штаты 1588 г. и убийство Генриха де Гиза	трагедия	отрицательный
	Франция	1808	Э. Дюпати (либретто)	«Мадемуазель де Гиз»	Романтические отношения сестры герцога и его секретаря	комическая опера	нейтральный
	Франция	1823	Л.-А. Эмбер де Фленьи	«Смерть Генриха де Гиза»	Генеральные Штаты 1588 г. и убийство Генриха де Гиза	трагедия	положительный
	Франция	1823	А. де Тиссо	«Резня в Варфоломеевскую ночь»	Убийство Колиньи, Варфоломеевская ночь	трагедия	положительный
	Франция	1826	Ш.Т.Ф. д'Утрепон	«Варфоломеевская ночь»	Варфоломеевская ночь	драма	отрицательный
	Франция	1826	Л. Вите	«Баррикады»	Восстание 1588 г.	исторические сцены	положительный
	Франция	1827	Л. Вите	«Генеральные Штаты в Блуа, или смерть герцога де Гиза»	Генеральные Штаты 1588 г. и убийство Генриха де Гиза	исторические сцены	положительный
	Франция	1829	А. Дюма-отец	«Генрих III и его двор»	Ревность и месть Гиза королевскому фавориту Сен-Мегрену	драма	отрицательный
0	Франция	1829	Л. Э. Арно	«Екатерина Медичи на Генеральных Штатах в Блуа»	Генеральные Штаты в Блуа и гибель	драма	отрицательный

1	Франция	1830	Ф.-К. Сент-Эстебен	«Смерть Колинны, или Варфоломеевская ночь. 1572»	Варфоломеевская ночь	исторические сцены	неоднозначный
2	Франция	1831	Ш. де Ремюза	«Варфоломеевская ночь»	Варфоломеевская ночь	драма	отрицательный
3	Италия	1833	К. Кочча (по А. Дюма)	«Екатерина де Гиз»	Ревность и месть Гиза королевскому фавориту Сен-Мегрену	опера	отрицательный
4	Франция	1834	Ж.Б. Розье	«Карл IX»	Варфоломеевская ночь	драма	отрицательный
5	Франция	1835-1836	Ж. Онсло (музыка); Планар и Ж.-А. Вернуаде Сен-Жорж (либретто)	«Гиз, или Генеральные Штаты Блуа»	Генеральные Штаты 1588 г. и убийство Генриха де Гиза	лирическая опера	отрицательный
6	Россия (переложение)	1858	В.Е. Курешов (по мотивам романа А.-С. де Бавр	«Карл IX, король французский, и фрейлина королевы Екатерины Медичи»	Отношения с Маргаритой, Варфоломеевская ночь	драма	отрицательный
7	Франция	1870	А. де Габрьяк	«Генрих де Гиз»	Генеральные Штаты в Блуа, гибель	трагедия	положительный, трагический
8	Германия	1871	А. Линднер	«Кровавая свадьба, или Варфоломеевская ночь»	Отношения с Маргаритой и Варфоломеевская ночь	трагедия	отрицательный

Приложение 4. «Генрих де Гиз в раннем кинематографе»

(список фильмов 1897–1914 гг.)

1. «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», Франция, реж. Ж. Ато, А. Промио, 1897).
2. «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», Франция, 1902).
3. «Варфоломеевская ночь» («La Saint Barthélemy», Франция, реж. Люсьен Нонге, 1905).
4. «Заговор при Генрихе III» («Une conspiration sous Henri III (1578)», Франция, реж. Люсьен Нонге, 1906).
5. «Убийство герцога де Гиза» («L'Assassinat du duc de Guise», Франция, реж. А. Кальмет, Ш. Ле Баржи, 1908).
6. «Генрих III» («Enrico III», Италия, реж. Джованни Пастроне?, 1909)
7. «Екатерина Медичи и Карл IX» («Caterina de' Medici e Carlo IX», Италия, реж. Джузеппе де Лигуоро, 1910).
8. «Убийство адмирала Колиньи» («L'Assassinat de l'amiral de Coligny», Франция, реж. Морис де Фероди, 1910).
9. «Заговор при Генрихе III» («Une conspiration sous Henri III (1578)», Франция, реж. Камиль де Морлон, 1911).
10. «Графиня де Монсоро» («La Dame de Monsoreau», Франция, реж. Морис де Фероли, Франция, 1913).
11. «Молодость Генриха IV» (реж. Борис Глаголин, опер. А. Печковский, Товарищество «Русская лента», 1914).

Приложение 5. Иконография Генриха де Гиза

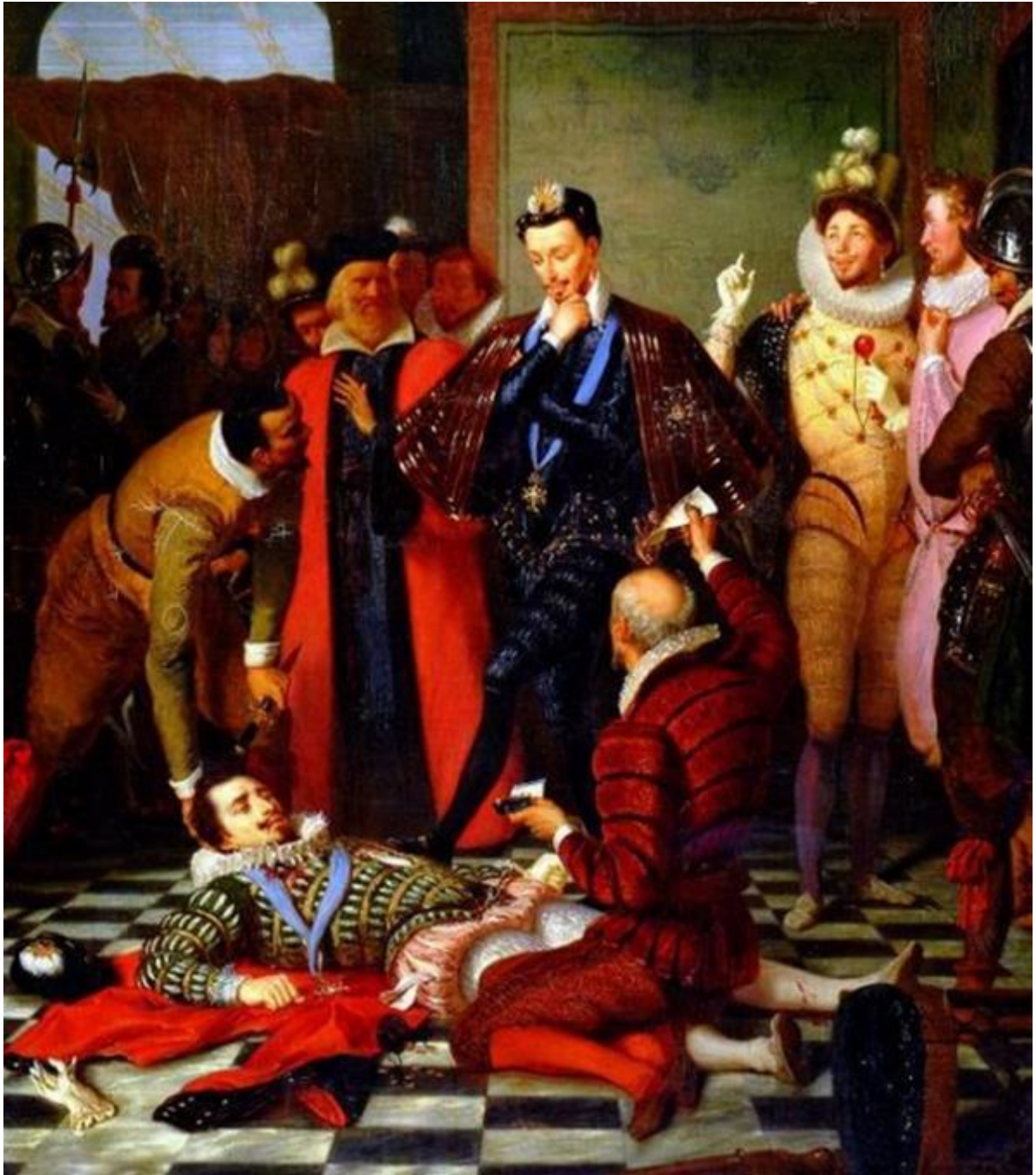

Рис. 1. Ш. Б. Ж. Дюрюп «Король Генрих III попирает тело убитого герцога де Гиза», 1828.

Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа.

Рис. 2. Ш. Б. Дюрюп «Маркиза Нуармуатье стремится отговорить герцога де Гиза от посещения Созыва Генеральных Штатов в Блуа», 1833. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа.

Рис. 3. П. Деларош «Убийство герцога де Гиза», 1834. Холст, масло. Музей Конде в Шантийи / Музей изобразительных искусств в Блуа (авторская копия П. Делароша)

Рис. 4. А. Декен «Генрих Лотарингский, герцог де Гизы среди лигеров, в замке д'Э» (1835).

Холст, масло.

Замок д'Э. Музей Луи Филиппа

Рис. 5. П. Ш. Конт «Встреча Генриха III и герцога де Гиза в Блуа, 1588», 1855.

Холст, масло. Музей замка г. Блуа.

Рис. 6. Э. Девериа «Четыре Генриха в доме Крийона в Авиньоне», 1856. Холст, масло.
Музей замка По.

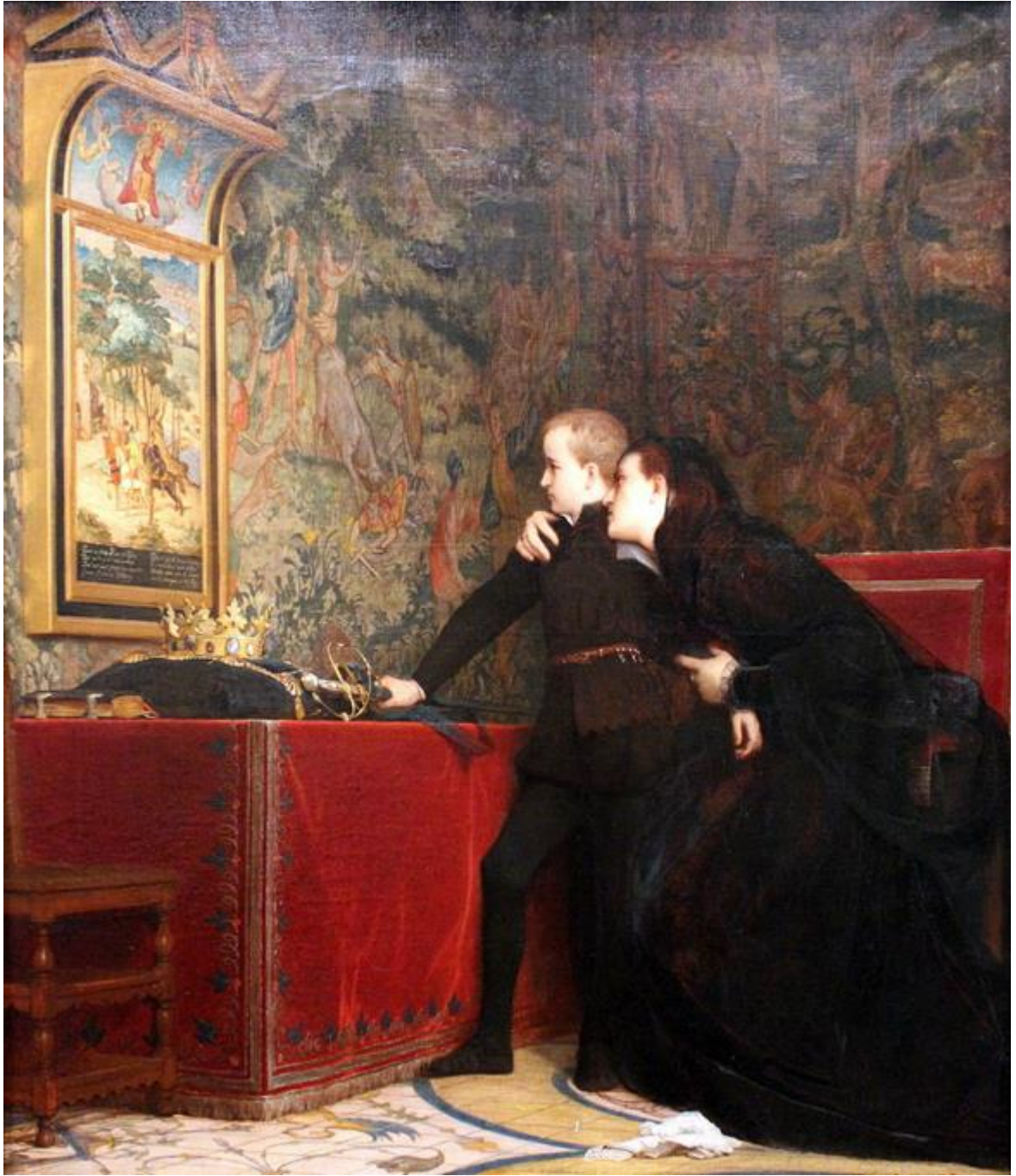

Рис. 7. П. Ш. Конт «Анна д'Эсте, вдова Франсуа Лотарингского берет со своего сына клятву отомстить убийце его отца», 1864. Холст, масло. Музей замка г. Блуа. Фото автора.

Рис. 8. А. Шеффер «Герцогиня Немурская просит у Генриха III тело своего сына, герцога де Гиза», 1864. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа. Фото автора.

Рис. 9. Ф.-Б.-М. Абель «Смерть герцога Анжуйского, сына Генриха II», 1865.

Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа.

Рис. 10. А. Шеффер «Процессия и похоронная церемония в честь герцога де Гиза, убитого в Блуа», 1868. Холст, масло. Музей изобразительных искусств г. Блуа

Рис. 11. Ж. Лалуэтт. Изображение герцога де Гиза и его брата кардинала де Гиза, убитых в Блуа. 1589 г. Цветная гравюра на дереве. Коллекция П. Л'Этуалья. Национальная библиотека Франции, Париж

Рис. 12. Ж. А. Блерси «Пост королевского кабинета перед убийством герцога де Гиза», 1869.
Холст, масло. Музей Капитолия, г. Тулуза.

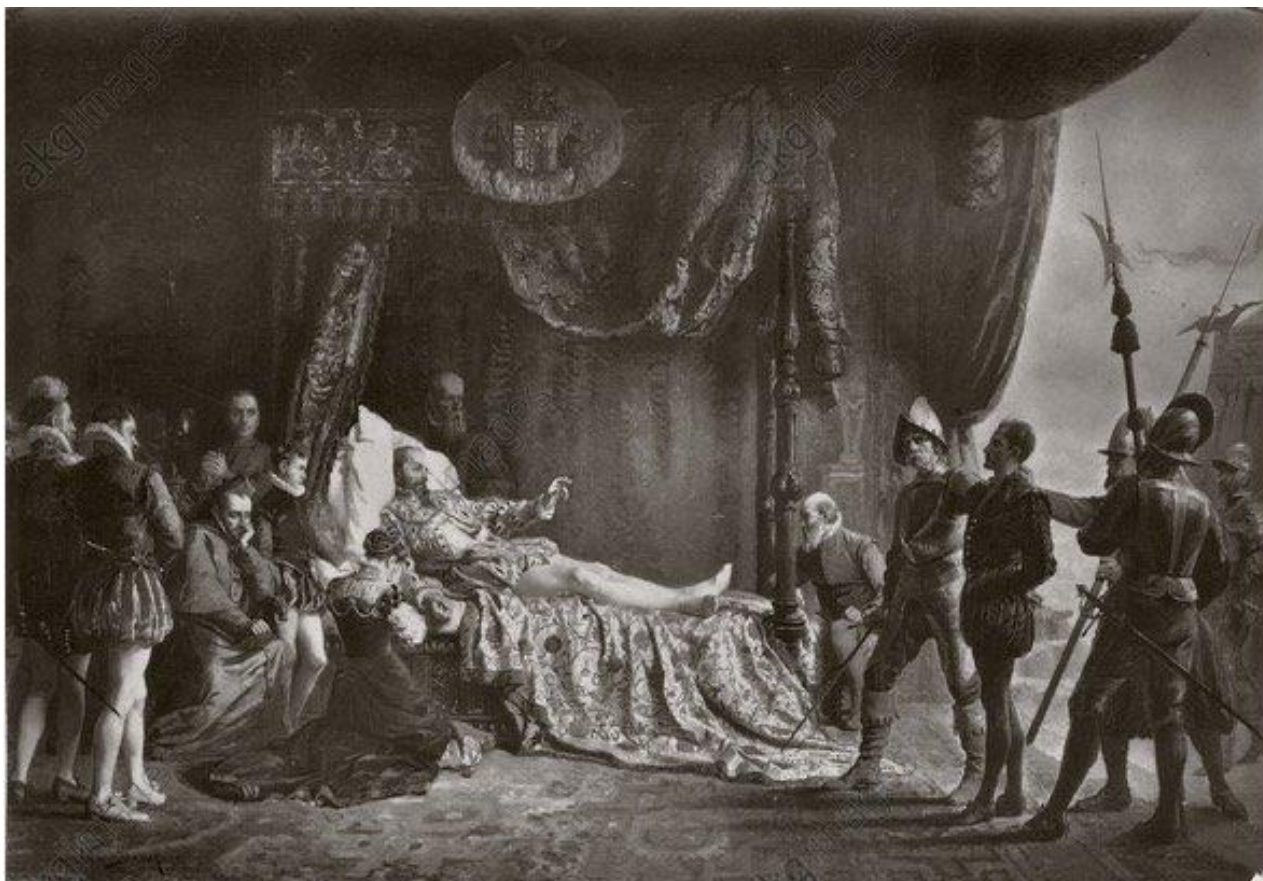

Рис. 13. В. Башро-Ревершон «Последние минуты Франсуа Лотарингского, герцога де Гиза, убитого под Орлеаном Польтро де Мере (1563)», около 1877.

Электрон. репрод. с каталога салона 1878 г. Местонахождение неизвестно.

Рис. 14. А. Обле «Генрих де Гиз у Генриха III в Лувре», 1880
(авторская копия картины 1876 (?) г.). Холст, масло. Местонахождение неизвестно.

Рис. 15. Неизвестный автор. Костюмы к постановке пьесы Ф.-Ж.-М. Ренуара «Генеральные Штаты в Блуа», 1814. Цветной офорт. Национальная библиотека Франции (BNF).

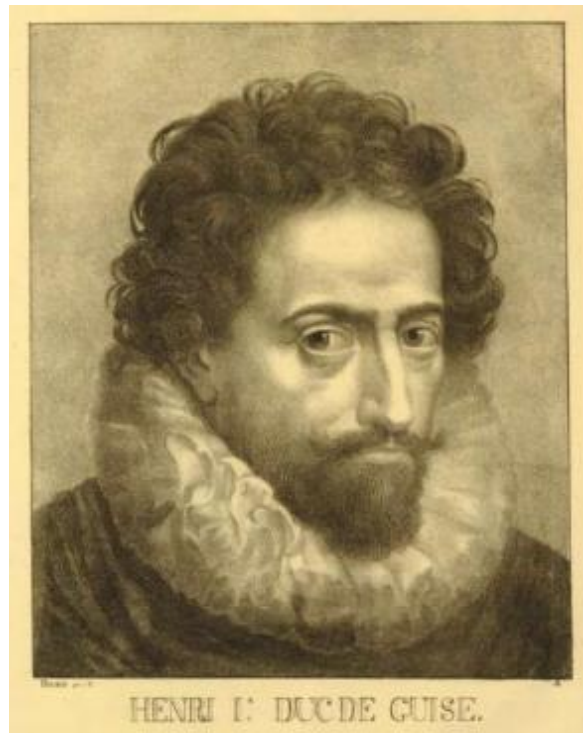

Рис. 16. Ш. де Рос «Генрих I: герцог де Гиз», около 1800–1823. Литография на бумаге.
Британский музей.

Рис. 17. З.-Ф.-Ж.-М. Бельяр «Генрих Лотарингский, герцог де Гиз», 1828. Литография.
Архив и библиотека г. По.

Рис. 18. А. Девериа. «Герцог де Гиз и герцогиня Нуармутъе», 1820-е гг. Литография.

Местонахождение неизвестно.

Рис. 19. А. Девериа. Сцена из пьесы А. Дюма “Генрих III и его двор”. Акт III, Сцена V:
 «Ecrivez-vous dis-je! La Duchesse. Vous me faites bien mal, Henri; vous me faites horriblement mal...
 Grâce! Grâce! ah!» («Пишите! – говорю я вам. Герцогиня: Вы делаете мне больно, Генрих, вы
 делаете мне ужасно больно... Помилуйте! Помилуйте! О!»), 1829. Эстамп. Электрон. репрод.
 Национальная библиотека Франции (BNF).

Рис. 20. П. Деларош. Костюмы к постановке оперы Дж. Мейербера «Гугеноты». Генрих III/ Герцог де Гиз, 1836. Карандаш, акварель. Национальная библиотека Франции (BNF).

Рис. 21. Неизвестный автор. Костюм Шолле, исполнителя роли герцога де Гиза в постановке оперы Дж. Онслоу «Гиз, или Генеральные Штаты в Блуа», акт III, 1837.

Цветной офорт. Национальная библиотека Франции (BNF).

Рис. 22. Неизвестный автор. Иллюстрация к роману А. Дюма «Сорок пять». Глава 67: «Французы и фламандцы», 1864. Раскрашенная литография.

Рис. 23. Д. Вьерж (Уррабьета Ортиз-и-Вьерж). «Лига на Генеральных штатах в Блуа. Август-декабрь 1588 г.», 1880. Иллюстрация к главе XVI «Истории Франции» Ж. Мишле.

Рис. 24. Ф. Ферник. Карикатура на костюм герцога де Гиза в театре «Де ла Гете» к постановке пьесы А. Дюма «Генрих III и его двор», около 1884.

Национальная библиотека Франции (BNF).

Рис. 25. Неизвестный автор. «Свадьба Генриха де Гиза и Екатерины Клевской», 1886.

Фрагмент иллюстрации к монографии Ш. Ковена «Генрих де Гиз Меченный».

Рис. 26. Неизвестный автор. «Очень жаль, когда слуга выгоняет хозяина». Президент Парламента Арле герцогу де Гизу после бегства Генриха III. 12 мая 1588», 1890. Серия «Исторические слова». Рекламная хромолитография для шоколада Пулен (Poulain).

Рис. 27. Неизвестный автор. «Мертвым он кажется еще больше, чем когда был жив» (Генрих III), 1900. Серия «Исторические слова». Рекламная хромолитография для шоколадных конфет фабрики Герэн-Бутрон (Guérin-Boutron).

Рис. 28. Ж. Л. Делиньон. «Генрих де Гиз и кардинал Лотарингский», 1890. Иллюстрация к пьесе М.-Ж. Шенье «Карл IX. Урок королям». Акт V. Сцена 4. Эстамп. Национальная библиотека Франции (BNF).

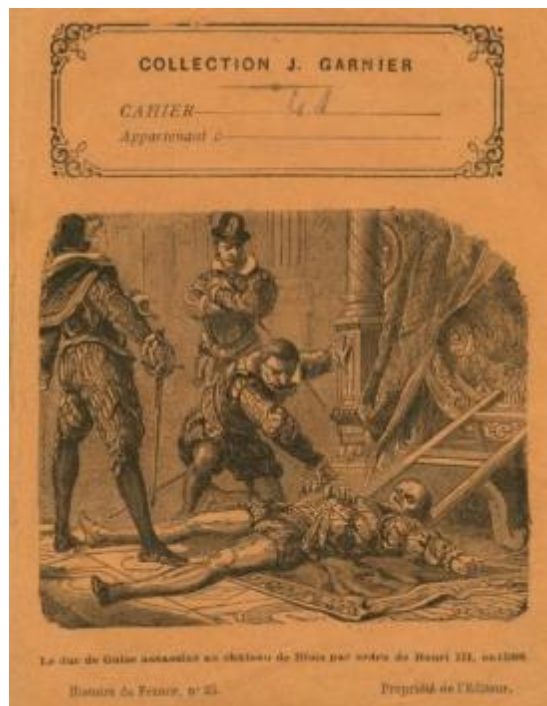

Рис. 29. Неизвестный автор. «Герцог де Гиз, убитый в замке Блуа по приказу Генриха III в 1588 г.», 1890. Обложка тетради. Серия «История Франции». Издательство: Garnier.

Рис. 30. Неизвестный автор. «Генрих Лотарингский, герцог де Гиз, убитый 23 декабря 1588 г.», конец XIX – начало XX вв. Открытка. Серия: Французские гражданские и военные костюмы сквозь века, XIX в. С портрета неизвестного автора второй половины XVI в.

Рис. 31. «Господин Генри Уайт в качестве Генриха Лотарингского, герцога де Гиза. Госпожа Уайт в качестве Морозины Морозини, догарессы Венеции» // Фотогравюры гостей костюмированного бала, состоявшегося в резиденции герцогини Девонширской 02.07.1897. Собрание Национальной портретной галереи в Лондоне.

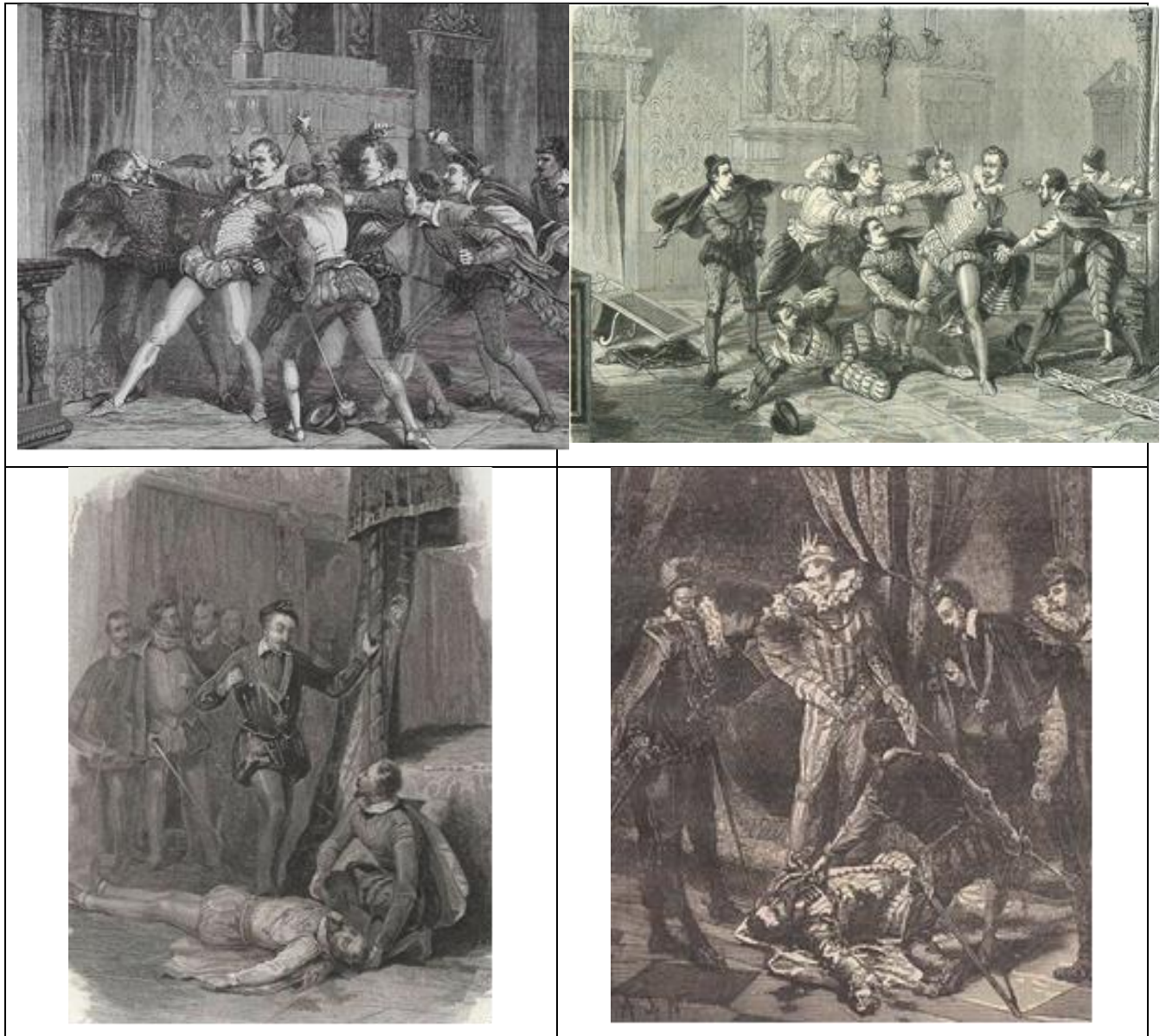

Рис. 33. Сюжет «Убийство герцога де Гиза». Гравюры и упаковки XIX в.

Рис. 34. Сюжет «День баррикад». Гравюры и упаковки XIX в.

Рис. 35. Кадр из художественного кинофильма «Убийство герцога де Гиза».
(«L'Assassinat du duc de Guise», реж. Ж. Ато, А. Промьо, 1897)

Рис. 36. Кадр из художественного кинофильма «Убийство герцога де Гиза».
(«L'Assassinat du duc de Guise»), реж. А. Кальмет, Ш. Ле Баржи, 1908.

Рис. 37. Денюэль А. Д. Вид галереи Гизов в замке д'Э, 1844. Бумага, акварель, гуашь, карандаш. Смитсоновский музей дизайна Купер Хьюитт (Cooper Hewitt, Smithsonian Design Museum, США). Электрон. репрод.